

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том IX

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению

ПЕТЕРБУРГ • 1919

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ IX

1857—1859 гг.

(№№ 953 — 1221)

*Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію*

Петроградъ. - 1919

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Отъ редактора.

Продолженіе изданія наслѣдниковъ А. И. Герцена, принятаго на себя въ дальнѣйшемъ русскимъ правительствомъ, обезпечено. Своевременное окончаніе его ко дню пятидесятилѣтія смерти величайшаго русскаго публициста, 9 января 1920 г., уже не проблематично. Памятникъ знаменитому писателю-революционеру будетъ, такимъ образомъ, водруженъ Россіей и въ самой Россіи.

Весь планъ и методъ изданія остаются прежними: пока ни одинъ изъ рецензентовъ первыхъ восьми томовъ не убѣдилъ меня въ неправильности моихъ общихъ основныхъ положеній, а придетъ время, какъ я и указывалъ, закончится изданіе,— и тогда они должны будутъ сознаться, что иначе издавать Герцена и невозможно.

Очень сожалѣю, что почти не получилъ въ печати или инымъ путемъ сколько-нибудь цѣнныхъ указаній на допущенные мною неизбѣжные промахи и, все-таки, вторично прошу всѣхъ о томъ же самомъ. Адресъ для письменныхъ сношеній: СПБ., Вас. островъ, 9 линія, д. 42, кв. 24.

Всякаго рода дополненія и исправленія, не вошедшія въ хронологически соотвѣтствующій имъ томъ, будутъ даны въ послѣднемъ томѣ.

Мих. Лемке.

17 января 1919 г.
СПБ.

P. S. По просьбѣ бывшихъ издателей, наслѣдниковъ Герцена, замѣчу, что интересы подписчиковъ вполне охранены: они получаютъ все изданіе до конца безъ какой бы то ни было доплаты.

Оглавлєніе.

1857.

№.№		стр.
	Отъ редактора	III
953.	Революція въ Россіи	1
**954.	Письмо къ И. С. Тургеневу	9
**955.	То же	10
*956.	Письмо къ М. К. Рейхель	11
**957.	Письмо къ И. С. Тургеневу	
*958.	(Примѣчаніе)	12
*959.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**960.	Письмо къ И. С. Тургеневу	14
961.	Лобное мѣсто	15
*962.	Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ	19
*963.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	20
*964.	То же	22
*965.	Письмо къ М. К. Рейхель	24
**966.	Письмо къ императору Александру II. (По поводу книги барона Корфа)	—
**967.	[О книгѣ Баллейдье]	35
**968.	Нашимъ анонимнымъ корреспондентамъ	—
**969.	[О книгѣ „Rossya i Europa-Polska“]	36
**970.	Отъ издателя	—
*971.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	37
*972.	То же	39
**973.	Письмо къ И. С. Тургеневу	40
*974.	Письмо къ М. К. Рейхель	41
*975.	Письмо къ Н. П. Огареву	42
**976.	Ostrzeżenie. Do redakcyi «Demokraty Polskiego»	44
	Предостереженіе. Въ редакцію «Польскаго Демократа»	45

№№		СТР.
*977.	Письмо къ М. К. Рейхель	47
*978.	Письмо къ Ж. Мишле	48
*979.	Письмо къ М. К. Рейхель	50
**980.	Кончина И. Д. Якушкина	—
**981.	Полицейскій разбой въ Москвѣ	51
*982.	Подъ спудомъ	53
*983.	По части путей сообщенія	56
*984.	Международная просьба его превосходительству г. министру внутреннихъ дѣлъ	—
*985.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	57
*986.	Письмо къ М. К. Рейхель	58
*987.	Письмо къ И. С. Тургеневу	62
**988.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	63
*989.	Москва	64
990.	Западныя книги	65
**991.	Паки и паки о князѣ Петрѣ Вяземскомъ	74
*992.	Необыкновенная исторія о ценсорѣ Гон-ча-ро изъ Ши-пан-ху	75
*993.	Сѣчь или не сѣчь мужика?	76
*994.	Постъ-скриптуръ къ статьѣ о новыхъ книгахъ	78
*995.	[Благодарность Виктора Гюго]	80
*996.	Приписка къ М. К. Рейхель	—
*997.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	81
*998.	То же	82
*999.	Ueber den Roman aus dem Volksleben in Russland . О романѣ изъ народной жизни въ Россіи	83 92

1858.

1000.	Предисловіе къ „Старому міру и Россіи“	105
**1001.	Письмо къ И. С. Тургеневу	—
**1002.	Что значить судъ безъ гласности	107
**1003.	Предисловіе	108
*1004.	Письмо къ М. К. Рейхель	111
*1005.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	112
*1006.	То же	113
*1007.	То же	114
*1008.	Надпись для Р. Гранта	116
*1009.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
1010.	Предисловіе къ „Письмамъ изъ Франціи и Италиі“	117

№№	СТР.
**1011. Императоръ и студенты	117
1012. [Критику „Колокола“]	—
**1013. Охапка дровецъ старушки	120
**1014. [Тамбовское дворянство]	121
**1015. [Закревскій бунтуетъ].	122
**1015 bis. Письмо къ И. С. Аксакову	—
*1016. Письмо къ М. К. Рейхель	124
*1017. То же	—
*1018. Письмо къ М. Мейзенбургъ	125
1019. Черезъ три года	126
**1020. Лакеи и нѣмцы не допускають	129
**1021. Саксонскому министру внутреннихъ дѣлъ	131
**1022. Русскій заговоръ 1825 года	136
**1023. Освобожденіе крестьянъ	156
**1024. Отъ издателя	—
1025. Опытъ бесѣдъ съ молодыми людьми	157
**1026. Отъ издателя	168
**1027. Солидарность	169
**1028. Не стыдно ли?	—
*1029. Письмо къ М. К. Рейхель	170
*1030. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1031. То же	172
*1032. Письмо къ М. К. Рейхель	174
*1033. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1034. То же	175
*1035. То же	176
**1036. [О гр. А. А. Закревскомъ]	177
**1037. [Объ усиленіи цензуры]	—
**1038. [Путешествіе в. кн. Константина Николаевича]	178
**1039. [О тѣлесныхъ наказаніяхъ]	—
**1040. Польза отъ гласности	—
*1041. Письмо къ М. К. Рейхель	179
**1042. La France ou l'Angleterre?	182
Франція или Англія?	198
*1043. Письмо къ М. Мейзенбургъ	222
*1044. Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1045. [Примѣчаніе]	224
**1046. L'appetit vient en mangeant	—
**1046 bis. [Предисловіе ко 2-му изданію „Тюрьмы и ссылки“]	—
*1047. Письмо къ М. К. Рейхель	225

№№		СТР.
*1048.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	226
*1049.	То же	227
**1050.	Слухи	228
**1051.	Ватерлоо 17 апрѣля 1858 г.	—
**1052.	Двухспальный листъ	—
**1053.	[Перемѣны въ администраціи]	229
*1054.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1055.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	230
**1056.	Письмо къ А. П. Туманской	231
*1057.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1058.	Письмо къ И. С. Тургеневу	232
*1059.	Письмо къ М. К. Рейхель	233
1060.	Розги и розги!	—
1061.	Матеріалы для некролога Авраамія Сергіевича Норова	234
**1062.	[Запрещеніе „Колокола“ въ Италиі]	236
*1063.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1064.	Письмо къ М. К. Рейхель	237
**1065.	Надпись для неизвѣстнаго	238
*1066.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1067.	То же	239
**1068.	Письмо къ А. П. Туманской	240
*1069.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1070.	Словобоязнь	241
1071.	Тамбовское дворянство	249
**1072.	Pas de rêveries! Pas de rêveries!	250
**1073.	Киргизъ-кайсацкое мѣстничество въ наукѣ и въ Оренбургѣ	—
*1074.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	251
*1075.	То же	252
**1076.	Фанатикъ паспортовъ	253
**1077.	Архипастырское рвеніе о мракѣ	256
**1078.	Право гражданства, прибрѣтенное „Колоколомъ“ въ Россіи	257
**1079.	Письмо къ М. К. Рейхель	260
*1080.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1081.	То же	261
1082.	1 іюля 1858	262
**1083.	Бѣшенство цензуры	268
*1084.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1085.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	269

№№	стр.
**1086. [Предисловіе]	270
**1087. [Предисловіе]	275
*1088. Письмо къ М. К. Рейхель	277
*1089. Письмо къ М. Мейзенбугъ	278
**1090. Черный кабинетъ	279
**1091. Приложеніе крѣпостного права къ журналистикѣ	285
**1092. Харьковская исторія	287
*1093. Паденіе винной торговли и пауперизмъ	289
**1094. [Запрещеніе „Колокола“ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ].	—
**1095. [Отъ редакціи]	290
**1096. A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le Mein.	291
Знаменитому Сенату вольнаго города Франкфурта-на-Майнѣ	296
*1097. Письмо къ М. Мейзенбугъ	302
**1098. (Письмо къ императору Александру II)	303
**1099. Rappel à la pudeur!	304
*1100. Письмо къ сыну	—
*1101. Письмо къ К. Фогту	306
*1102. Письмо къ сыну	307
1103. А. Ивановъ	308
**1104. Безобразное окончаніе харьковской студентской исторіи	313
**1105. Распространеніе іезуитизма въ Россіи	314
**1106. Еще и еще разъ	315
*1107. Письмо къ сыну	316
*1108. То же	334
*1109. Приписка къ М. К. Рейхель	—
*1110. Письмо къ сыну	335
*1111. Письмо къ М. Мейзенбугъ	—
*1112. Письмо къ сыну	336
*1113. Письмо къ М. К. Рейхель	337
*1114. Письмо къ М. Мейзенбугъ	338
**1115. Предостереженія	340
**1116. Отъ редакціи	341
**1117. Изъ Польши	342
**1118. О, усердному, о, пастырю благоревностному!	344
**1119. А. Дюма	345
**1120. [Отъ редакціи]	—
*1121. Письмо къ сыну	346

№№	СТР.
*1122.	То же 347
**1124.	[Примѣчанія] 349
*1125.	Письмо къ сыну 350
*1126.	Письмо къ М. К. Рейхель . . . . . —
*1127.	Письмо къ сыну 351
*1128.	Письмо къ М. К. Рейхель 352
1129.	О бородѣ А. А. Иванова 353
*1130.	Письмо къ неизвѣстному . . . . . —
*1131.	Письмо къ сыну 354
**1132.	Письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ 355
1133.	Насъ упрекають 361
**1134.	Сѣкущее православіе 364
**1135.	[О Ф. П. Фонтонѣ] 365
**1136.	Приглашеніе къ сотрудничеству . . . . . —
**1137.	[О духовенствѣ] . . . . . —
**1138.	Отъ часу нелегче—кража 80 верстъ! 366
**1139.	[„Колоколь“ государю] . . . . . —
*1140.	Письмо къ сыну . . . . . —
**1141.	[Гр. В. Н. Панинѣ] 367
**1142.	[І. Сѣмашко] . . . . . —
1143.	Иванова борода и Гурьева лобъ 369
**1144.	Préface 370
	Предисловіе 377
*1145.	Письмо къ сыну 387
*1146.	Письмо къ М. К. Рейхель 388
**1147.	Отъ издателя 389
*1148.	Письмо къ Ж. Мишле 393
*1149.	Письмо къ сыну 398
1150.	Америка и Сибирь 399
1151.	Обвинительный актъ 404
**1152.	[„Колоколь“ въ Турціи] 425
**1153.	[Къ „пропажѣ“ 80 верстъ] . . . . . —
**1154.	[Графъ Гуровскій] 426
**1155.	Salomnie . . . . . —
	Клевета 428
*1156.	Письмо къ сыну 430
*1157.	То же 432
*1158.	То же . . . . . —
**1159.	Appel à la pudeur 433
**1160.	[П. А. Мухановъ] 439

№№		СТР.
**1161.	[Къ „Обвинительному акту“]	440
**1162.	[Къ „Bureau de la presse“]	442
**1163.	[Къ польскому вопросу]	447
*1164.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1165.	То же	448
1166.	Россия и Польша	453
**1167.	[Примѣчаніе]	484
**1168.	[Примѣчанія]	495
**1169.	Еще разъ корнелевское „qu'il mourût!“	—
**1170.	[Гр. Кочубей]	496
**1171.	[Гр. Панинъ]	—
**1172.	Опять объясненіе	—
*1173.	Письмо къ М. К. Рейхель	497
**1174.	[Кн. Л. Радзивиллъ].	498
*1175.	Письмо къ сыну	499
*1176.	Письмо къ М. К. Рейхель	500
1177.	Генералы-отъ-цензуры и Викторъ Гюго на-батареѣ Сальванди	501
*1178.	Письмо къ сыну	505
*1179.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	—
*1180.	Письмо къ сыну	507
**1181.	[Предисловіе]	—
*1182.	Отвѣтъ русской дамѣ	508
*1183.	Письмо къ Н. А. Мельгунову	514
*1184.	Письмо къ сыну	515
**1185.	Отвѣтъ на письмо изъ Польши	—
**1186.	[Отъ редакціи]	525
**1187.	[Вел. кн. Константинъ Николаевичъ]	—
*1188.	Письмо къ сыну	—
*1189.	То же	527
*1190.	Запись въ альбомъ Л. П. Шелгуновой	528
**1191.	Постельная барщина продолжается	—
**1192.	Письмо къ М. К. Рейхель	529
*1193.	Письмо къ сыну	530
*1194.	Письмо къ М. К. Рейхель	531
**1195.	Еще и еще письма противъ „Обвинительнаго акта“, помѣщеннаго въ 29 листѣ „Колокола“	532
**1196.	Post-scriptum	533
**1197.	Графъ В. Н. Панинъ	—
*1198.	Письмо къ Ж. Мишле	—

№№	СТР.
*1199. Письмо къ М. К. Рейхель	535
**1200. [Предисловіе]	536
*1201. Письмо къ сыну	542
**1202. По дѣлу о харьковскихъ злоупотребленіяхъ Зиновьева и потворствѣ Ковалевскаго	543
**1203. [П. В. Казакевичъ]	544
*1204. I. Лелевель и казематы	—
**1205. Новая мерзость въ Польшѣ	550
*1206. Письмо къ Ж. Мишле	551
*1207. Письмо къ М. К. Рейхель	552
*1208. Письмо къ сыну	553
*1208 bis. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1209. То же	555
*1210. Письмо къ сыну	556
*1211. Письмо къ М. К. Рейхель	558
*1212. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1213. Письмо къ сыну	559
**1214. [Отвѣтъ корреспондентамъ. Гр. А. Г. Строгановъ. „Bureau de la presse“]	560
**1215. [Митрополитъ Григорій]	572
**1216. [Англійская книга]	—
**1217. [Гр. А. Г. Строгановъ]	573
*1218. Письмо къ М. К. Рейхель	574
*1219. Письмо къ сыну	575
*1220. Письмо къ М. К. Рейхель	579
*1221. Письмо къ сыну	580
*1221. bis. Письмо къ неизвѣстному	582
Библиографическій комментарий	583
Дополненія	596
Опечатки	608

---

953. Революція въ Россіи.

«Господа! лучше, чтобъ эти перемѣны
сдѣлались сверху, нежели снизу».

(Александръ II, Рѣчь къ московскому дворянству)

Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него. Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы. Эта возбужденность мысли, это безпокойство ея и стремленіе вновь разрѣшить главныя задачи государственной жизни, подвергнуть разбору историческія формы, въ которыхъ она движется, составляютъ необходимую почву всякаго коренного переворота.

Но гдѣ же знаменія, обыкновенно предшествующія революціямъ? все въ Россіи такъ тихо, такъ подавлено и, еще больше, съ такимъ добродушнымъ довѣріемъ смотритъ на новое правительство, ждетъ отъ него помощи, что скорѣе можно думать, что вѣка пройдутъ прежде, нежели Россія вступитъ въ новую жизнь.

Да на что же эти знаменія? Въ Россіи все шло инымъ порядкомъ, у нея былъ разъ коренной переворотъ, его сдѣлалъ одинъ человекъ—Петръ I. Мы такъ привыкли съ 1789 года, что всѣ перевороты дѣлаются взрывами, возстаніями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шагъ впередъ берется съ боя, что невольно ищемъ, когда рѣчь идетъ о переворотѣ: площадь, баррикады; кровь, топоръ палача. Безъ сомнѣнія, возстаніе, открытая борьба—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ революціи, но отнюдь не единственное. Въ то время, какъ Франція съ 1789 года шла огнедышащимъ путемъ катаклизмовъ и потрясеній, двигаясь

впередъ, отступая назадъ, мечась въ судорожныхъ кризисахъ и кровавыхъ реакціяхъ, Англія совершала свои огромныя перемѣны и дома, и въ Ирландіи, и въ колоніяхъ съ обычнымъ флегматическимъ покоемъ и въ совершенной тишинѣ. Весь правительственный тактъ торіевъ и виговъ состоитъ въ умѣнны упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Такъ, какъ Робертъ Пиль переходомъ своимъ на сторону свободной торговли одержалъ экономическое Ватерлоо для правительства, такъ одно изъ будущихъ министерствъ ветупитъ въ сдѣлку съ чартистами и дастъ интересамъ работниковъ голосъ и представительство.

На нашихъ глазахъ переродился Пьемонтъ. Въ концѣ 1847 года управленіе его было иезуитское и инквизиторское, безъ всякой гласности, но съ тайной полиціей, съ страшной свѣтской и духовной цензурой, убивавшей всякую умственную дѣятельность. Прошло десять лѣтъ—и Пьемонтъ нельзя узнать; фізіономія городовъ, народонаселенія измѣнилась, вездѣ новая, удвоенная жизнь, открытый видъ, дѣятельность; а, вѣдь, эта революція была безъ малѣйшихъ толчковъ, для этой перемѣны достаточно было одной *несчастной войны и ряда уступокъ общественному мнѣнію* со стороны правительства.

Артисты-революціонеры не любятъ этого пути, мы это знаемъ; но намъ до этого дѣла нѣтъ, мы—просто люди глубоко убѣжденные, что нынѣшнія государственныя формы Россіи никуда негодны, и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго человѣческаго развитія пути развитія кроваваго; но съ тѣмъ вмѣстѣ также искренно предпочитаемъ самое бурное и необузданное развитіе застою николаевского *statu quo*.

Государь хочетъ перемѣнъ, хочетъ улучшеній, пусть же онъ вмѣсто безполезнаго отпора, прислушается къ голосу мыслящихъ людей въ Россіи, людей прогресса и науки, людей практическихъ и жившихъ съ народомъ. Они сумѣютъ лучше николаевскихъ бурграфовъ не только ясно понять и формулировать, чего они хотятъ, но, сверхъ того, сумѣютъ понять за народъ его желанія и стремленія. Вмѣсто того, чтобъ малодушно обрѣзывать ихъ рѣчь, правительство само должно принятъся съ ними за работу общественнаго пересозданія, за развитіе новыхъ формъ, новыхъ органовъ жизни. Ихъ теперь ни мы не знаемъ, ни правительство не знаетъ, мы идемъ къ ихъ открытію, и въ этомъ состоитъ потрясающій интересъ нашей будущности.

Петръ I носилъ въ себѣ одномъ ту непредвидѣнную, новую Россію, которую онъ осуществилъ сурово и грозно противъ воли народа, опертой на самодержавную власть и личную силу. Нынѣш-

нему правительству не нужно прибѣгать ни къ какому прогрессивному террору. Есть цѣлая среда, зрѣлая мыслію, готовая итти съ правительствомъ или противъ него, но за народъ и съ народомъ. Среда эта, можетъ, не велика, но мы рѣшительно не принимаемъ, чтобъ она была ниже сознаніемъ и развитіемъ какой бы то ни было среды на Западѣ. Если она у насъ непривычна къ обсуживанію общественныхъ вопросовъ, зато она гораздо свободнѣе отъ всего традиціоннаго, она новѣе, проще, юнѣе западнаго общества. Страданія, неудачи, опыты европейской жизни она также пережила, но пережила воспитаніемъ, мыслію, сердцемъ, не истощивъ всѣхъ силъ своихъ, а нося въ памяти грозный урокъ послѣднихъ событій. Такъ юноша, пораженный какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, совершившимся передъ его глазами, быстро зрѣетъ и смотритъ совершеннолѣтнимъ взглядомъ на жизнь сквозь печальный примѣръ.

Но для этого общаго труда правительству необходимо перешагнуть за частоколы и заборы табели о рангахъ, мѣшающей ему видѣть, и прислушаться къ совершеннолѣтней рѣчи, которая робко и полутайкомъ высказывается въ литературѣ и въ образованныхъ кружкахъ.

Неужели мыслѣ о возможности двинуть впередъ цѣлую часть свѣта, искупить мрачное тридцатилѣтіе, соединить двѣ Россіи, между которыми прошла петровская бритва, въ общемъ дѣлѣ очищенія, освобожденія, развитія, касаясь по дорогѣ тѣхъ страшныхъ и колоссальныхъ вопросовъ: о поземельномъ владѣніи, о трудѣ и его вознагражденіи, объ общинѣ и пролетаріатѣ, передъ которыми трепещутъ всѣ правительства европейскія, — неужели это громадное историческое призваніе, само собою дающееся, меньше льститъ Александру II, нежели *пустая* и одинокая высота императорскаго самовластья, ограниченнаго взятками, опертаго на штыки, крѣпостное состояніе, вышнее откупа, тайную полицію, невѣжество и побои, царящіе среди всеобщаго молчанія и подавленныхъ стонów?

Мы не думаемъ. Да еслибъ и было такъ, врядъ возможно ли теперь продолженіе николаевскаго царствованія. Мы увѣрены, что этотъ безошадный, вспять влекущій деспотизмъ сдѣлалъ свое время въ Россіи. Правительство само это чувствуетъ, но ему такъ ново и неловко въ мірѣ реформъ, улучшеній, человѣческаго слова, что оно дичится, упирается, не вѣрится въ свои силы и теряется передъ трудностію и сложностію задачи. Это мертвящее мнѣніе о собственномъ безсиліи, о томъ, что трудъ намъ не по плечамъ, существуетъ у насъ, по несчастію, не только въ правительствахъ, но и въ насъ самихъ.

Это не скромность, а начало отчаянія, подавленность; мы такъ долго были забиты, загнаны, такъ привыкли краснѣть передъ другими народами и считать неисправимыми всѣ гадости русской жизни, отъ взятокъ до розогъ, что, дѣйствительно, почти потеряли довѣріе къ себѣ. Это несчастное чувство непрѣнно должно пройти. Гете совершенно справедливо говорить:

Mut verloren—alles verloren!
Da wär' es besser: nicht geboren.

Конечно, послѣднее тридцатилѣтіе было тяжело, и все историческое развитіе наше шло труднымъ и мудренымъ путемъ, но развѣ оно не дало своихъ залоговъ, развѣ мы остановились, устали, развѣ Русь раздробилась на части, подпала чужому владычеству? Нѣтъ, мы стоимъ цѣлы и невредимы, полны силъ, связанные единствомъ передъ новымъ путемъ.

Насъ пугаетъ отсталое и ужасное состояніе народа, его привычка къ безправію, бѣдность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняетъ и затруднить развитіе, но, въ противоположность Бюргеровой балладѣ, мы скажемъ: *живые ходятъ быстро*, и шагъ народныхъ массъ, когда онѣ принимаются двигаться, необычайно великъ. У насъ же не къ новой жизни надобно ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ.

Мы обыкновенно смотримъ на другіе народы или въ ихъ современномъ состояніи, или середь ихъ революціоннаго разгара и намъ становится больно и страшно за народъ русскій. Но для сравненія вѣрнѣе было бы брать состояніе другихъ народовъ до ихъ переворотовъ. Взгляните, напр., на жизнь Франціи наканунѣ революціи 1789 и подумайте, что она за шагъ сдѣлала въ пятьдесятъ лѣтъ времени.

Позвольте намъ напомнить событія извѣстныя, но на которыя, можетъ, у насъ съ этой точки не смотрѣли.

Смерть Людовика XIV была нѣчто въ родѣ 18 февраля 1855 г. для Франціи. Вся страна свободнѣе вздохнула. Восхваленное царствованіе его оставило Францію разоренной ненужными войнами, съ побитой арміей, съ европейской коалиціей на шеѣ. Денегъ не было; король подъ конецъ сдѣлался главнымъ взяточникомъ въ государствѣ, онъ все продавалъ: крупныя и мелкія должности, военныя и статскія мѣста, разоряя въ конецъ откупамъ, акцизами и монополіями торговлю, промышленность и ремесла. Народъ умиралъ съ

голоду, сотни тысячъ людей питались въ разныхъ концахъ Франціи древесной корой ¹⁾).

До министерства Тюрго ничего не поправилось: дефициты росли, военная слава замѣнилась позорными мирами, заключенными въ Парижѣ въ 1756 году (ровно за сто лѣтъ до другого, тоже не очень славнаго мира), государственное хозяйство свелось на ажіотажъ, на него бросились всѣ: попы и министры, члены парламента и принцы крови. Общественное вниманіе было занято междоусобными бранями парламента съ правительствомъ, янсенистовъ съ моленистами; идеи энциклопедистовъ бродили, и Вольтеръ хохоталъ, печатая внѣ Франціи свой смѣхъ, такъ, какъ это дѣлалъ Бэль ²⁾. Амстердамъ не трогалъ французскаго вольнаго станка такъ, какъ Лондонъ не трогаетъ русскаго.

Это сверху, а что было внизу?

Мужики страдали подъ невыносимымъ гнетомъ землевладѣльцевъ; еслибъ ихъ помѣщики сѣкли и земская полиція била, то положеніе ихъ было бы ничѣмъ не лучше нашего. Деньги помѣщикамъ были крайне нужны для того, чтобъ бросать ихъ горстями въ Парижѣ и Версалѣ. Промотавшись они ѣхали въ свои замки, на годъ или на нѣсколько мѣсяцевъ, выжимали кровь и потъ изъ мужиковъ, шлялись на охоту, грязно и скупо жили въ запустѣлыхъ замкахъ, мечтая о томъ, какъ скорѣе наколотить денегъ и снова ринуться въ вихрь и блескъ придворной жизни. Сношенія съ сосѣдями были рѣдки, отчасти отъ бережливости, отчасти отъ непроѣзжаемыхъ дорогъ. Объ умственныхъ занятіяхъ, объ улучшеніяхъ хозяйства не было и рѣчи.

Поля, разбитыя на участки отъ десяти до пятнадцати гектаровъ, отдавались половникамъ. Помѣщики, не смыслившіе ничего въ управленіи, продавали, сверхъ того, права сбора произведеній и податей нотаріусамъ. Нотаріусы, въ родѣ польскихъ жидовъ-арендаторовъ, разоряли мужиковъ въ конецъ, запускали хлѣбопашество, брали быковъ отъ плуга подъ подводы, кормили своихъ гусей въ пшеничныхъ поляхъ крестьянъ и пр. Такъ какъ все это хозяйство шло безпорядочно, безъ знанія, безъ капитала, то и не удивительно, что французскія поля давали вполвину меньше, нежели англійскія, а платили вдвое больше (въ Англии брали помѣщики

¹⁾ Подробности взяты, сверхъ всѣмъ извѣстныхъ исторій, изъ «Geschichte der Revolutionszeit» Siebel'я, изъ новой книги Токвиля ^{o)} и пр.—А И. Г.

²⁾ Джонъ, ирландскій епископъ, въ XV в. бѣжалъ въ Голландію, гдѣ печаталъ сочиненія противъ папы.

^{o)} «L'ancien régime et la Revolution», 1856.

одну четвертую произведеній да еще несли разныя общественныя тяги, въ то время, какъ во Франціи они ничего не платили, взимая половину произведеній). Крестьяне едва не умирали съ голоду, о запасѣ, о барышѣ нечего было и думать. Отчаянно борясь изъ-за куска хлѣба, не видя ничего впереди, какъ ту же нужду, тотъ же подавляющій трудъ, у крестьянина падали руки, и онъ обрабатывалъ меньше и меньше земли. Въ 1790 году Артуръ Юнгъ ¹⁾ считалъ, что число заброшенной пахотной земли возросло до 9.000.000 гектаровъ.

Мужики жили въ бѣдныхъ лачугахъ, часто объ одномъ отверстіи, такъ что у иныхъ дверь служила окномъ, у другихъ — окно дверью; сами ткали они себѣ на одежду толстое, но не плотное сукно, цѣлыя провинціи ходили босикомъ, другія носили деревянные башмаки, — кожаные составляли, какъ у насъ, рѣдкую роскошь. Грамотѣ они не знали. Вся умственная жизнь сосредоточилась въ лицѣ пролетарія церкви, сельскаго священника, онъ поучалъ ихъ ненависти къ протестантамъ и прибавлялъ католическое изувѣрство къ кельтическимъ предрасудкамъ, которыми была полна ихъ голова.

О томъ, что происходило внѣ деревни, никто не зналъ, и не интересовался знать. Сношенія были чрезвычайно затруднительны. Правда, нѣсколько пышныхъ «королевскихъ» дорогъ въ 60 футовъ шириной перерѣзывали Францію, но на нихъ до 1776 года ходили только двѣ почтовыхъ кареты, и по цѣлымъ днямъ путешественникъ не встрѣчалъ никакого экипажа. Извѣстно, что, отправляясь въ Лионъ, тѣмъ паче въ Марсель изъ Парижа, путникъ прощался съ родными и дѣлалъ завѣщаніе. Боковыхъ дорогъ было мало, содержаны онѣ были скверно, несмотря на то, что дорожная повинность вмѣстѣ съ работой въ господскомъ домѣ была еще дополнительной тяжестью, падавшей на долю бѣднаго поселянина. Такъ тянулось печальное существованіе двадцати милліоновъ, т. е. огромнаго большинства французовъ, «безъ отдыха; безъ надежды, безъ другой радости, кромѣ пестраго наряда, въ которомъ они ходили къ обѣднѣ въ праздникъ; безъ перемѣны, развѣ кого-нибудь голодъ загонялъ въ городъ поденщикомъ или въ полкъ солдатомъ; въ послѣднемъ случаѣ ушедшій рѣдко возвращался въ родительскій домъ». А надъ этими паріями жила стая хищнаго дворянства, смотрѣвшаго на нихъ съ высокоумнымъ презрѣніемъ и грабившаго ихъ съ безпощадной жестокостью. «Зато и мужикъ поглядывалъ съ затаенной ненавистью на башни замка, мечтая о томъ вре-

¹⁾ Англійскій агрономъ.

мени, когда онъ подождетъ и его, и въ немъ книгу недоимокъ» (Зибель).

Небольшое число оброчныхъ крестьянъ въ сѣверной Франціи, да два-три уголка съ патриархальнымъ дворянствомъ, безвыѣдно жившимъ въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ-нибудь въ Вандеѣ, въ нижней Британіи, жили лучше.

Неправда ли, какъ все это сбиваетъ на наше современное состояніе?

Не много лучше было и въ городахъ для работниковъ и мастеровыхъ. Руководствуясь средневѣковымъ правиломъ, что «только король даетъ человѣку право на работу», правительство продавало всѣ занятія и промыслы: прачкѣ—право стирать, швеѣ—право шить, мостовщику—право мостить. Когда Тюрго хотѣлъ уничтожить цехи, вся Франція испугалась, и правительство, уступивъ было, снова ихъ ввело.

Взятки и наглое казнокрадство не были во Франціи такъ національны и всеобщы, какъ у насъ, но они отчасти восполнялись ажіотажными и продажей мѣстъ; покупщики, какъ собственники мѣстъ, грабили народъ по праву, стремились вмѣстѣ съ аристократіей праздно, безъ труда жить доходами и наслаждаться на чужой счетъ, на счетъ какого-то *неизвестнаго*, не имѣющаго имени, котораго не стоило знать и который, истощая силы мышцъ и силы мозга, долженъ былъ работать для нихъ.

Этотъ анонимъ былъ народъ французскій!

Но при всемъ этомъ ни энциклопедисты съ Вольтеромъ, ни то общество молодыхъ адвокатовъ и литераторовъ, которое впоследствии явилось членами грознаго конвента, ни молодое дворянство съ Мирабо и Лафайетомъ, ни армейскіе сержанты, эти будущіе Гоши и Марсо, — никто не отчаивался, и Франція въ пять лѣтъ вышла изъ этого положенія.

Теперь для насъ не въ томъ вопросъ, исполнился ли идеаль революціи или нѣтъ, былъ ли онъ осуществленъ или нѣтъ и почему Франція черезъ полвѣка сломилась и пала подъ бременемъ гражданской симоніи и мѣщанскаго разврата. Мы не обязаны дѣлать ту же революцію, у насъ и задача иная и силы къ ея разрѣшенію иныя. Для насъ важно то, что въ сорокъ лѣтъ самаго судорожнаго развитія, несмотря на грозныя войны революціи, на преступную трату цѣлыхъ поколѣній Наполеономъ, на вторженіе непріятельскихъ войскъ, на конскрипціи и контрибуціи, народъ французскій перешелъ отъ состоянія, въ которомъ былъ при министерствѣ Тюрго и Неккера, до того состоянія, въ которомъ, на примѣръ, засталъ его Людовикъ-Филиппъ

Сверхъ того, ненадо забывать, что историческій бытъ Франціи сложился вѣками, и учрежденія имѣли глубокіе корни въ нравахъ и жизни народной. Гдѣ у насъ эти *us et coutumes* ¹⁾, связывающіе каждый шагъ, тяжелая парламентская жизнь, роды родовъ судейскихъ фамилій, которыя, словно по наслѣдству, судили и рядили народъ, наконецъ, гдѣ у насъ древній, сѣдой институтъ королевской власти, связанной со всѣми воспоминаніями исторіи, и съ феодализмомъ, и съ городскою жизнію, и съ католицизмомъ, и съ славою «великаго вѣка»,—институтъ, послѣдовательно разработавшійся въ цѣлую систему аристократической монархіи? Народы вживаются до того въ вѣковые формы и обряды, что не понимаютъ жизни въ другихъ формахъ, хотя бы онѣ были лучше. Консерватизмъ Англій основанъ на этомъ; но для того, чтобы имѣть эти обязательныя воспоминанія, надобно много прожить, надобно что-нибудь имѣть для храненія.

У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Что у насъ преемственное, древнее, неискоренимо-прочное? Табель о рангахъ, дворянская грамота, городовыя положенія, сенатъ, синодъ, крѣпостное право, чиновники, лейбъ-гвардія? Или не въ самомъ ли дѣлѣ иностранная штука—the old Moscovit party, the old boyards? ²⁾ По счастью, это old — самое *новое* въ русской жизни, мы воротились школой и книгой къ нашему православному Геркулануму и къ нашей славянофильской Помпеѣ; оно очень интересно, но мертвый живому не товарищъ.

Мы сто пятьдесятъ лѣтъ живемъ въ ломкѣ стараго; цѣлаго чичего не осталось, да и жалѣть не о чемъ. У насъ есть императорская диктатура и сельскій бытъ, всякаго рода учрежденія, попытки, начинанія да мысль, больще и больше оживающая, не привязанная ни къ какой кастѣ, ни къ какому изъ существующихъ порядковъ. Мы съ Петра I въ перестройкѣ, ищемъ формъ, подражаемъ, списываемъ и черезъ годъ пробуемъ новое. Достаточно перемѣнить министра, чтобы вдругъ изъ государственныхъ крестьянъ сдѣлать удѣльныхъ или наоборотъ. У насъ только не мѣняется почва, грунтъ, т. е. опять село, но и крестьянскій бытъ — скорѣе физиологическій характеръ, до-государственное *statu quo*, состояние, посылка, которой силлогизмъ будетъ въ будущемъ, нежели продолженіе московскаго царства; оно было и при немъ, — ~~бо~~ ^{бо} все, что мы можемъ сказать. Измѣнить его было бы очень трудно, да это и ненужно, совсѣмъ напротивъ, на немъ-то и созиждется будущая Русь!

¹⁾ Нравы и обычаи.

²⁾ Старая московская партія, старые бояре.

Конечно, не легко перейти отъ военнаго деспотизма и нѣмецкой бюрократіи, къ болѣ простымъ и народнымъ началамъ государственнаго строенія. Но гдѣ же эти непреодолимые препятствія? Разумѣется, мудрено видѣть истину, если однимъ не позволяютъ говорить, а другіе интересованы, чтобы скрывать. Государь ничего не видитъ изъ-за стропиль и лѣсовъ канцеляріи и бюрократіи, изъ-за пыли, поднимаемой маневрирующими солдатами, и поэтому правительство, вступивъ въ эпоху реформъ, идетъ ошупью, хочетъ и не хочетъ; а тѣ, которые могли бы дать совѣтъ, тѣ бьются, какъ рыба объ ледъ, не имѣя голоса.

Для того, чтобъ продолжать петровское дѣло, надобно государю такъ же откровенно отречься отъ петербургскаго періода, какъ Петръ отрекся отъ московскаго. Весь этотъ искусственный снарядъ императорскаго управления устарѣлъ. Имѣя власть въ рукахъ и опираясь, съ одной стороны, на народъ, съ другой — на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство могло бы сдѣлать чудеса, безъ малѣйшей опасности для себя:

Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ, — но кому много дается, съ того много и спросится!..

15 іюля 1857 г.

954. Письмо къ И. С. Турганеву.

11 августа (1857).

Я хотѣлъ тебѣ ничего не писать ни о ружьѣ, ни о собакѣ, не потому, чтобы я предпочиталъ миръ войнѣ и людей собакамъ, а потому, что хотѣлъ прежде отъ тебя узнать, когда Головиннѣ будетъ купаться въ Трувилѣ. На три объ этомъ вопроса ты не отвѣчалъ, а у меня есть и второй еще: достовѣрно ли, что Григорьевъ ¹⁾ шпионъ, что онъ былъ въ Ригѣ и обиралъ книги? Мнѣ крайне нужно знать. Русскихъ было много. Жду Толстого ²⁾ и тебя, а *libertin folatre* ³⁾. В. П. Боткинъ развѣ не будетъ?

¹⁾ Авторъ статьи о Грановскомъ; посланный въ Прибалтійскій край, показалъ тамъ свои административныя способности, изъявъ изъ магазиновъ массу книгъ.

²⁾ Левъ Николаевичъ.

³⁾ Безпутный шалунъ.

Журналы получилъ, благодарю. Я хочу написать нѣсколько строкъ о Крыловѣ ¹⁾, вотъ ...ный отецъ (мать слишкомъ мало для него).

О ружьѣ дали знать сегодня Lang'у; онъ не приносилъ его. Когда ты ѣдешь сюда? Сейчасъ почта.

Прощай.

955. Письмо къ И. С. Тургеневу.

(Августъ, 1857). Пятница.
Putney.

У Ленга былъ. Ружье къ субботѣ (т. е., пожалуй, сегодня) готово. Про собаку его мальчикъ не зналъ,—будетъ готова, на то она и собака. Тебѣ съ Плетневымъ ²⁾ сидѣть въ глупомъ Булони смѣшно, здѣсь тебя крайне нужно. Я написалъ противъ славяноф. ужъ не такую штуку, а просто по-матушкѣ, за Крылова статью. Надобно посоветоваться. Вяземскаго ³⁾ ругать буду всечасно и старому дураку не вѣрь; я до сихъ поръ на тебя и Огар. имѣю зубъ за то, что вы дали мнѣ абортивъ, когда я тяжель былъ Констант. Николаев ⁴⁾. *Cela ne se retrouve plus* ⁵⁾. Моя статья объ имп. Dowager ⁶⁾ до сихъ поръ творить фуроръ.

Приѣзжай, ничего не жди. Собаку я велю додѣлать, да и что тебѣ за разниа жить у Плетня или у лондонскаго забора?

Огар. кланяется. Нат. Ал. больна не на шутку. Я здоровъ и очень сердитъ.

Да не Рафаилъ былъ у меня, а Тиціанъ ⁷⁾.

Достань «Пуншъ» отъ среды и изучи серію памятниковъ Веллингтона,—я давно смѣшнѣе не видалъ ничего.

Писать больше не стану до твоего приѣзда.

¹⁾ Никита Ивановичъ, профессоръ.

²⁾ Петръ Александровичъ.

³⁾ Кн. Петръ Андреевичъ.

⁴⁾ Т. е. хотѣлъ написать статью о вел. князѣ, но они отсовѣтовали.

⁵⁾ Это больше не повѣрится.

⁶⁾ Вдовствующая.

⁷⁾ Прозвище Владиміра Зотова

956. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 августа (1857).
Putney.

А время-то идетъ себѣ да идетъ. Письмо ваше получилъ нѣсколькихъ дней тому назадъ. Не будете ли писать къ Мар. Фед.? скажите ей, что я съ удивленіемъ вижу изъ письма Астраковыхъ, что онъ все еще ничего не получилъ изъ посланнаго. Вѣдь, можно бы послать съ извозчикомъ, если ужъ такіе контры. Алексѣй Ал. будетъ тамъ толковать о высылкѣ журналовъ. Я, право, краснѣю за нашихъ; ну какъ же? руки не хотятъ поднять. Можно послать къ Трюбнеру совершенно безопасно ¹. Кстати прошу всѣ №№ «Молвы» ¹). Ну ужъ окрестилъ я Ник. Ив. Крылова за его статью! — пришлю вамъ.

«Прерв. рассказы» вышли.

«Колоколь» — къ 1 сентября.

Саша поѣхалъ съ товарищемъ въ Isle of Wight. Дѣти здоровы, но Нат. Ал. больна (если Ал. Ал. въ Дрезденѣ, не говорите ему) не опасно, но тяжело.

◆◆ 1. 2 августа 1857 г. Мельгуновъ писалъ Герцену изъ Гунценбаха: «Лондонскія изданія распродаютъ такъ быстро, что не достаетъ экземпляровъ... Здѣсь русскихъ видимо невидимо... Этимъ надо пользоваться», а 11 ноября — изъ Бадена: «Въ нынѣшнемъ году требованія на твои изданія были страшныя» («Вольное Слово» 1883 г., № 58).

957. Письмо къ И. С. Тургеневу.

18 августа (1857).
Putney.

Похожъ ли ты на вѣтренаго человѣка? а, вѣдь, вотъ загрузилъ намъ съ ружьемъ.

Ленгъ сказалъ, что ружье къ субботѣ будетъ готово. Я тебѣ написалъ. Такъ какъ ты писалъ, что будешь самъ, я и не видѣлъ никакой необходимости дѣлать перенесеніе честнаго ствола его въ Путней.

¹) Газета въ Москвѣ; ближайшее участіе принималъ К. С. Аксаковъ.

Въ воскресенье въ Великобритани, Сѣверной Америкѣ и колоніяхъ почты нѣтъ (какъ въ Индіи и Дели, не знаю).

Въ понедѣльникъ, въ 12 письмо отъ тебя,—ты наянтариваешь (электронъ!) членъ и не ѣдешь, а ѣдетъ Шо-Лефевръ ¹⁾. Того-жъ числа является въ 8 часовъ вечера отъ него посланникъ,—это ужъ не шо, а тре-шо! Я далъ ему записку къ Ленгу. Теперь пойду провѣдаю и, приписавъ, что по слѣдствію окажется, отпишу.

Ну, а собака-то такъ и останется недодѣланная?... Впрочемъ, у ружья будетъ собачка... а ты будешь съ янтарнымъ мундштукомъ.

Засимъ кланяюсь.

Прощай.

958. (Примѣчаніе).

Мы помѣщаемъ эту статью ²⁾, какъ историческій документъ тогдашняго настроенія умовъ. Нужно ли говорить, что правительство не умѣло имъ воспользоваться. При этомъ повторяемъ еще разъ, что мы *промяко протестуемъ* противъ всякой солидарности между направлениемъ статей, нами печатаемыхъ, и нашими мнѣніями.

959 Письмо къ М. Мейзенбургъ.

28 August (1857).

Putney.

Sind Sie auch ganz sicher, dass Sie Mazz. gesehen haben, liebe Malvida—hier zweifelt man sehr; war es nicht Campanella, der immer mehr die leibliche Form des Meisters ³⁾?

Jetzt eine zweite Frage—wo haben Sie den Artikel gegen «die Glocke» gelesen? im Lond. Deutsch. Journal steht kein Wort.

Die russische Migration nach Putney setzt fort, da kam Einer, der schon sein Kapital nach'm Tod der Buchdruckerei vermachen wollte. Der interessanteste war der Aksakoff. Wir haben Waffenstillstand mit d. Slaven, nach der 3 № «der Glocke» (Da habe ich sciert, in Eiter-

¹⁾ ?

²⁾ «Россія въ войнѣ и въ мирѣ», въ IV кн. «Голосовъ изъ Россіи», статья относится къ концу декабря 1855 г.

³⁾ Здѣсь въ рукописи пропущено слово, вѣроятно, «annimmt».

ung gebracht und in's Verderben geschleudert einen Prof. der Moskauer Universität—der Absolutist geworden ist).

Die letzte Zeit war Og. nicht ganz wohl. Ohne Devill's Messer wird es doch nicht gehen.

Adieu—saluez la mer et les rochers.

A. Herzen.

Die Kinder sind gesund.

Переводъ.

28 августа.

Вполнѣ ли вы увѣрены, милая Мальвида, что видѣли Маццини? Здѣсь сильно въ этомъ сомнѣваются. Не былъ ли это Кампанелла, который все болѣе и болѣе принимаетъ тѣлесную форму учителя?

Теперь второй вопросъ: гдѣ вы прочитали статью противъ «Колокола»? Въ Лондонскомъ Нѣмецкомъ Журналѣ ни единого слова объ этомъ.

Русское паломничество въ Путней все продолжается; явился даже одинъ, пожелавшій завѣщать свой капиталъ въ пользу типографіи¹⁾. Самымъ интереснымъ былъ Аксаковъ²⁾.¹ Теперь у насъ перемиріе со славянофилами, послѣ 3-го № «Колокола». (Тамъ я выпотрошилъ, сгноилъ и погубилъ одного московскаго профессора, который сдѣлался абсолютистомъ).

Послѣднее время Og. былъ не вполнѣ здоровъ. Безъ ножа Девила дѣло, видно, не обойдется.

Прощайте, привѣтствуйте отъ меня море и скалы.

A. Герценъ.

Дѣти здоровы.

◆◆ 1. Объ этомъ посѣщеніи Н. А. Огарева пишетъ: «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Герценъ и Аксаковъ много спорили; ни одинъ не считалъ себя побѣжденнымъ, но у нихъ было обоюдное уваженіе, даже больше—какая-то симпатія, какое-то влеченіе другъ къ другу; такъ они и разстались бойцами одного дѣла, но съ разныхъ отдаленныхъ точекъ» («Воспоминанія», 114).

Самъ Аксаковъ рассказалъ очень немного:

«Мнѣ случилось его видѣть вскорѣ послѣ Восточной войны, и онъ рассказывалъ мнѣ, какой мучительный годъ онъ прожилъ одинъ въ Англии, вдали отъ Россіи, осажденной со всѣхъ сторонъ

¹⁾ Бахметевъ.

²⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

сильнѣйшимъ непріателемъ, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ брался онъ каждое утро за газеты, боясь прочесть въ нихъ извѣстіе о взятіи Севастополя, какъ гордился его мужественной обороной. Когда я упрекалъ его за вредное вліяніе на русскую молодежь, въ которой его сочиненія развиваютъ кровожадные революціонныя инстинкты, и указалъ ему на одну фразу его статьи въ «Полярной Звѣздѣ», Герценъ оправдывался съ жаромъ, отклонялъ отъ себя упрекъ въ кровожадности, старался дать иное толкованіе своей фразѣ и положительно увѣрялъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ воззваніяхъ къ раскольникамъ, не за долго передъ тѣмъ перехваченныхъ въ Россіи» («День» 1863 г., № 19 и стр. 113 т. II «Сочиненій»).

Передъ свиданіемъ, въ апрѣлѣ, Герценъ сносился съ Аксаковымъ письменно, какъ только узналъ, что онъ въ Парижѣ. «Я получилъ изъ Лондона предложеніе—пишетъ Аксаковъ домой—напечатать «Утро въ уголовной палатѣ» отдѣльнымъ изданіемъ, съ именемъ или безъ имени; въ Лондонѣ, Богъ знаетъ какъ, два экземпляра моей «Уголовной палаты». Но я не далъ согласія. Надѣюсь, что пропустятъ мнѣ ее и въ Россіи. Впрочемъ, такъ какъ тамъ есть экземпляры, то, пожалуй, могутъ не уважить мой отказъ» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 324). При свиданіи Аксаковъ выразилъ согласіе, и его пьеса появилась въ IV кн. «Полярной Звѣзды» безъ имени автора.

960. Письмо къ И. С. Тургеневу.

29 августа (1857).
Putney.

Мудреный ты человѣкъ: вексель à 3 mois de date ¹⁾ поторопился прислать съ пятью печатями, а письмо ²⁾, которое надобно прочесть a vista ³⁾, заложилъ въ чемоданъ. Вѣдь, это трудно только имѣнья заложенные въ Воспитательномъ домѣ, назадъ взять... а потому прошу письмо доставить. Если оно невѣжливо, я тѣмъ больше долженъ его прочесть. Желая для него, чтобъ оно не было такъ. А ты уже сейчасъ ударился въ жалость.

Здѣсь былъ Ив. Акс. ⁴⁾, и мы съ нимъ очень, очень сошлись,

¹⁾ На три мѣсяца.

²⁾ Н. А. Некрасова отъ 27 іюля.

³⁾ Немедленно.

⁴⁾ Аксаковъ.

его драмат. сцены будутъ въ IV «Пол. Звѣз». Онъ двумя головами выше славяномердовъ въ родѣ Крылова ¹⁾, Григорьева ²⁾, Филип. ³⁾. Я выпросилъ у него Никитку Крыл. на съѣденіе и уважилъ, нечего сказать, въ 3 «Колоколѣ». Я тебѣ его тотчасъ пришлю въ твое... какъ бишь—Château Port-d'Yquem et Crequi Aube sur Bar, Haute Garonne de Tournemer et Vendome—Marquisat Venteaudur et Rochefort ⁴⁾.

Твои 250 фр. получилъ, а ружейникъ хотѣлъ прійти за 3 фунт. и не пришелъ, потому ему еще и не сказалъ.

Книги русскія идутъ прекрасно. Трюбнеръ ваяетъ второе изданіе въ 1500 и 2000 экзempl.

Огаревъ 8/а кланяется. Онъ не очень хорошъ въ здоровьѣ. А Девиль говоритъ, что «Аксаковъ всѣхъ больнѣе васъ».

961. Лобное мѣсто.

До насъ дошли слухи, что славянофилы «Русской Бесѣды» недовольны отзывомъ «Полярной Звѣзды» объ ихъ «Сборникѣ».

Почему же намъ было иначе отзываться? Пусть сами славяне скажутъ, могли ли мы равнодушно говорить о «Сборникѣ», въ которомъ бывшіе липрандѣевскіе чиновники ⁵⁾ клеветуютъ на дорогихъ намъ покойниковъ, подъ предлогомъ дружбы, въ которомъ нагло проповѣдуютъ цареградскую философію рабства?

¹⁾ Никита Ивановичъ.

²⁾ Василій Васильевичъ.

³⁾ Тертій Ивановичъ Филипповъ.

⁴⁾ Очевидно, шутка.

⁵⁾ «Послѣ 1848 года была учреждена въ Петербургѣ тайная коммиссія для надзора надъ литературой и журналами. Душой этой коммиссіи считался Липранди (извѣстный доносчикъ по дѣлу Петрашевскаго). Онъ и нѣкогда профессоръ московскаго университета И. Давыдовъ, «вѣрноподанный»

«По сердцу и изъ видовъ»,

довели усердіе до того, что первый предлагалъ не перепечатывать цѣликомъ ни Библию, ни Новый Завѣтъ, а другой—исключеніе двѣнадцати басенъ Крылова. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Липранди былъ Григорьевъ, авторъ статьи о Грановскомъ въ «Русской Бесѣдѣ». Онъ особенно прославился порученіемъ въ остзейскія губерніи, имѣвшимъ цѣлью осмотръ книжныхъ лавокъ и частныхъ библиотекъ въ случаѣ нужды. Ему содѣйствовали два жандармскихъ офицера при отборѣ и запечатываніи книгъ. По окончаніи этого порученія, Григорьевъ былъ назначенъ въ Оренбургъ. Проѣздомъ черезъ Москву ему вздумалось навѣстить Грановскаго, можетъ, и затѣмъ, чтобы заглянуть въ его библиотечку. Грановскій, знавшій про подвиги Григорьева, велѣлъ своему слугѣ не впускать его на дворъ».—Отсюда, говорятъ, гнѣвъ! Эта *молов* не въ пользу Григорьева! (Изъ совершенно достовѣрнаго письма изъ Москвы).—А. И. Г.

Мы знаемъ, какъ многимъ изъ нихъ противны эти ученія. Зачѣмъ же они допускаютъ такія статьи, зачѣмъ защищаютъ ихъ?

Казалось, что есть почва, на который мы могли бы понимать другъ друга; мы чуяли родственное бѣненіе сердца, когда шла рѣчь о народѣ русскомъ. Но у насъ, сверхъ любви къ родинѣ, есть свои глубокія, незыблемыя убѣжденія; имъ мы были вѣрны во всю жизнь, они составляютъ наше нравственное достояніе, наше *человѣческое* православіе. Они-то оскорблены въ каждой книгѣ славянскаго «Сборника». Этого мы не можемъ, не должны пропустить молча.

Наше положеніе обязываетъ насъ обличать то, чего скованная рѣчь въ Россіи не смѣетъ еще высказать дома. Есть ученія, есть люди, для которыхъ нашъ станокъ превратится въ *лобное мѣсто*, мы ихъ выведемъ и покажемъ всему честному народу.

Вотъ вамъ на первый случай профессоръ Крыловъ и его статья¹⁾. Слушайте и судите, мы отдаемся на судъ всѣхъ не служащихъ съ Липранди... славянъ и не-славянъ.

«Величайшій, чистѣйшій, христіанскій апоѳеозъ совершился надъ ликомъ византійскаго, номоканоническаго императора. Но государственное тѣло было ветхое, старое, *невлажное* (?), а потому благодатный элементъ не укрѣпилъ свѣтскаго государства; зато какимъ избраннѣйшимъ сосудомъ былъ византійскій міръ для христіанской благодати,—здѣсь, *только здѣсь* образовалась святая вселенская церковь, хранящая свой завѣтъ въ неприкосновенномъ священнѣйшемъ кивотѣ—іерусалимскомъ храмѣ».

Сквозь этотъ дымъ ладана не мудрено ужъ разглядѣть въ перспективѣ другое племя, новое, *моченое*, которому благодатный элементъ пришелся какъ разъ и котораго царь «имѣетъ единственный ликъ во всемъ челоѳечествѣ; такихъ царей нѣтъ и не было на Западѣ,—тамъ земля *узкѧ* для нихъ. Царь для Россіи есть такая стихія, которою она живетъ и дышетъ», безъ котораго она «немыслима».

Нѣтъ этимъ языкомъ у насъ русская литература не говорила никогда: это—Барковъ вѣрноподданнической поэзіи, это—de Sade раболѣпія!

Еще разъ—зачѣмъ же «Русская Бесѣда» печатаетъ такое «гомерическое», судорожное, горячешное, бѣснующееся, холопское сквернословіе?

византійскому растлѣнному раболѣпію надобно было пройти послѣ тысячелѣтняго могильнаго сна, сквозь душу русскаго попо-

¹⁾ «Критическія замѣчанія на сочиненіе Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» въ I и II кн. «Рус. Бесѣды» 1857 г.

вѣча, вышедшаго въ чиновные міряне, и насытиться въ ней всѣми радостями подрясника и всѣми мерзостями канцеляріи, чтобы низвергнуться такимъ ливнемъ помоевъ!

Мы не знаемъ въ мірѣ зрѣлища болѣе гнуснаго, болѣе отвратительнаго, какъ возведеніе *рабства* въ науку; это—та послѣдняя степень нравственнаго паденія, передъ которой блѣднѣютъ взятки, тѣлесныя наказанія, крѣпостное состояніе.

Въ это циническое безстыдство мысли, въ это теоретическое холопство міръ падалъ только два раза, оба раза легистами: разъ въ мертвой Византіи да разъ въ австрійской мертвящей казуистикѣ имперскаго права. И намъ теперь, при возрожденіи Россіи, послѣ тридцатилѣтняго несчастія, пришлось видѣть то же направленіе, также идущее отъ легистовъ и римскаго права,—и притомъ не въ XV томѣ николаевскаго сборника, въ которомъ нѣмецкій полякъ на русской службѣ петербургскимъ сенаторомъ, Губе, разлѣлъ византійское раболѣпное ученіе объ оскорбленіи величества, а въ «Сборникѣ», выдающемъ себя представителемъ народной Россіи. Это еще не все.

Обиженный тѣмъ, что противникъ сравнилъ *великокняжескую* власть съ помѣщичьей, Крыловъ осѣняется съ ужасомъ «знаменіемъ креста», отступаетъ съ гнѣвомъ отъ нечистаго и, снова исполняясь боговдохновеніемъ, тако славословить: «Царь есть мысль, идея, слово всей нашей исторіи; безъ этой личной мысли необъяснимы всѣ происшествія, всѣ дѣйствія народа русскаго. Присутствіе этого живого слова ясно, рѣзко отмѣчено на каждой страницѣ нашего дѣписанія, и кто не умѣетъ читать этой книги, тотъ носить въ своемъ сердцѣ эту стихію, какъ питающую, грѣющую и охраняющую все его земное и гражданско-человѣческое бытіе... Есть у насъ другая могущественнѣйшая стихія, это—православная вѣра. Если вы въ *непостижимомъ* для меня ослѣпленіи, вѣроятно происшедшемъ отъ вліянія *иноземныхъ* книжныхъ теорій, не умѣете протолковать намъ нашей исторіи по народному складу и не можете отыскать въ ней нашего царя, дающаго ей смыслъ и жизнь, то я вамъ укажу...»—не путь ли въ III Отдѣленіе?...

На минуту самъ авторъ испугался,—слабый лучъ совѣсти скользнулъ по душѣ падшаго легиста. «Дѣло наше, говоритъ онъ, получаетъ какъ будто характеръ личной обиды и, слѣдовательно, подлежитъ суду; впрочемъ, не бойтесь *этого суда*, онъ не имѣетъ ни уголовнаго, ни полицейскаго, ни даже гражданскаго исковаго характера, а есть чисто литературная тяжба». Ну, а еслибъ кн. Долгоруковъ ¹⁾ былъ не вашего мнѣнія да сдѣлалъ бы не чистую,

¹⁾ Шефъ жандармовъ.

да и не литературную тяжбу, чѣмъ пришлось бы тогда приложить вамъ римскій *lex talionis*?

Сальную вы свѣчку поставили, Никита Ивановичъ, византійскому богу да и петербургскому-то богу вы неудачно подслужились. Вѣдь, это-не Николай Павловичъ, ничего онъ не дастъ за вашъ царскій ликъ, писанный суздальской иконописью.

Знайτε, что я обращаюсь къ вамъ потому, что вы не любите говорить съ мнѣніями, вамъ надобенъ «живой человѣкъ»; къ тому же мы—старые знакомые: вѣдь, у васъ не *всеіа* была византійская болѣзнь, ликъ-то царскій не всегда, вѣдь, представлялъ для васъ питающее, грѣющее, отраду подъ старость подающее,—ну, такъ по прежнему-то знакомству, знаете, какой я вамъ дамъ совѣтъ? Подайте-ка въ отставку,—вѣдь, вамъ послѣ этой полемики нельзя больше явиться на кафедру. Спрячьте отъ студентовъ печальное зрѣлище вашего умственного разврата.

Хотя зрѣлище это, съ другой стороны, и очень поучительно!

Вотъ они, продавцы даровъ духа святаго! отступники ума! Какая неумолимая логика! Вотъ какъ оканчиваютъ люди, безъ вѣры и чистоты подошедшіе къ наукѣ, люди, безъ убѣжденія и любви вышедшіе на ея амвонъ поучать юношество! Крыловъ не новый человѣкъ, и свихнулся онъ не въ «Русской Бесѣдѣ»; больше десяти лѣтъ тому назадъ, люди полные снисходительности и гуманности, какъ Грановскій, отвернулись отъ него. Но смѣтливость русскаго ума, оригинальность, бросившаяся въ глаза молодыхъ людей, дватри смѣлыхъ замѣчанія, полныхъ демократіи-зависти, поддерживали его въ мнѣніи студентовъ. Забытый публикой, обойденный ею, молчалъ бы онъ себѣ въ своемъ углу; лѣта шли, съ ними чины, экзамены и другія не столько громкія, сколько пріятныя удовольствія,—такъ нѣтъ, бѣсъ самолюбія толкнулъ его на арену съ молодыми бойцами.

И что-же? оказалось, что онъ и своей науки не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не силенъ въ чтеніи ея на ея языкѣ. Сшибленный противникомъ, осмѣянный зрителями, этотъ молчащій сфинксъ римскаго права съ досадой и ожесточеніемъ бросился защищаться. чѣмъ попало—доносами, Кронеберговымъ лексикономъ апелляціями къ профессору латинскаго языка,—что же вышло?

Посмотрите на его философское воззрѣніе: точно встрѣчаешь какого-нибудь провинціального чиновника, выползающаго откуда-то во фракѣ 1830 года, у него не наука того времени, а ея манеры, ея искусственная риторика... Тутъ есть и разглагольствованія о вѣчной борьбѣ двухъ элементовъ въ человѣкѣ, одного, идущаго *горь*, и другого, припирающагося въ землю, и бессмысленная не-

лѣпость о *неприимлимои* враждѣ «подвластной природы» и «человѣка властителя»... И съ чего онъ воображаетъ, что его воззрѣніе *народное* въ противоположность воззрѣнію его противника? Это очень извѣстное, школьно-нѣмецкое воззрѣніе средней руки и прошлаго поколѣнія, обросшее (или намѣренно прикрытое) дикимъ русскимъ мясомъ.

А эта противная адвокатская манера *заговаривать*, употреблять тяжелыя и ненужныя сравненія, останавливаться на нихъ, филологически разлагать и вывертывать слова, иногда приходитъ въ горячность, иногда смѣнить гнѣвъ на милость и пр. Онъ не говорить,—il plaide ¹⁾, какъ Бомарше отвѣчаетъ въ «Фигаро».

Загляните подальше, за всю эту стряпческую элоквенцію, за всѣ нѣмецкія стропила для поддержанія византійскаго иконостаса съ ликомъ царя, за всѣ эти латинскія слова въ скобкахъ (и въ ошибкахъ),—какая пустота! Такъ и вѣтъ затхлымъ схоластицизмомъ, пустой семинарской контроверзой—безъ вѣры, безъ живой мысли. Неужели эту пустоту можно выкупить смѣлыми оборотами, въ которыхъ намѣренно смѣшаны ученые термины римскаго права съ терминами торговой бани?

Если есть что-нибудь живое въ этой полемикѣ, то это полутаенный, полувывсказываемый дрожащими губами доносъ!

Въ отставку, Никита Ивановичъ, въ отставку! небось, вѣдь, дѣйствительнаго статскаго дадутъ, чего же больше? А не то въ другое вѣдомство переходите!

Лондонъ, 10 августа 1857.

962. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ.

Рапортъ второй. (4 сентября 1857). Пятница.
Manchester, 12 Booth Street, Piccadilly.

Другой и тоже не самаритянинъ, а жидъ пригрѣлъ насъ. Мы два дня не обѣдали (Огаревъ благословляетъ, что не поѣхаль), но это ничего съ отыскиваніемъ по проливному дождю мѣста, гдѣ голову преклонить; наконецъ, нашли почище квартиру вчера вечеромъ и потомъ уже splendidно ²⁾ обѣдали въ Royal Hôtel. Вечеромъ читали записки Г. ³⁾ и выпялись чудесно. Теперь къ дѣлу.

Да, очень и очень жаль, Natalie и Ог., что вы не съ нами.

¹⁾ Онъ ораторствуетъ.

²⁾ Splendide—роскошно.

³⁾ ?

Это—великое отдохновеніе души, глубокое наслажденіе, очищеніе и все то, что иногда вы оба ждете отъ музыки. Ты съ чего-то вообразилъ, что не знаешь толку въ картинахъ, — это вздоръ, можетъ, ты не привыкъ ихъ смотрѣть, но къ этому? На этотъ разъ я былъ удивленъ, до какой степени итальянское воспитаніе глаза подѣйствовало въ смотрѣ необычайно интереснаго собранія въ Манчестерѣ. Пальма, какъ всегда, за Мурильо, но есть удивительныя вещи: Рюйсдаля, Ванъ-Дейка, портреты Веласкеса и много Рубенсовъ. Я говорю о томъ, что бросается въ глаза или бросилось. Я отмѣтилъ въ каталогѣ все, что меня поразило въ античной залѣ или des anciens maîtres, да и потерялъ его въ omnibusъ. Много потолкаемъ объ искусствѣ. А пророс, я Иванова ¹⁾ не засталъ. Гаев. ²⁾—знатокъ Comptonné и безъ малѣйшаго педантизма.

Завтра съ выставкой поѣдемъ въ Лондонъ. А Гаев. подбиваетъ еще съѣздить на два часа въ Ливерпуль.

Прощайте всѣ отдѣльно и всѣ врозь.

Сегодня осматриваемъ новую галерею и обѣдаемъ на выставкѣ.

Я забылъ сказать, что, если бы вы хотѣли писать, — *poste restante*; я, впрочемъ, справлюсь.

963. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

12 Sept. (1857).
Putney.

Je suis parfaitement content de l'exposition de Manchester, la richesse, le local, l'alternation d'une musique sérieuse avec les tableaux—tout cela donne un calme et une grande puissance, l'épicurisme artistique — est le seul port, la seule «*prêre*» que nous avons pour nous reposer.

Murillo domine tout. Remarquez, outre la *Madonne*—une femme qui boit, un petit garçon avec des brebis. *Rembrandt*, *Van Dyck* et *Rubens*—sont très bien représentés, *Van Dyck* avec une grande richesse. Je me suis rapproché de *Rubens*—regarder son tableau magnifique de la *Reine Thamar*.

N'oubliez pas d'étudier *Ruysdal*, *Van Kuyp* et les autres grands paysagistes.

¹⁾ Александръ Андреевичъ, извѣстный художникъ.

²⁾ Гаевскій, Викторъ Павловичъ, литераторъ.

Oubliez vos vieux Allemands—à l'exception du portrait du père d'Al. Dürer.

N'entrez pas du tout dans la salle de la peinture moderne — ou allez y seulement pour voir les portraits de Reynolds (Garrick et sa femme par ex.).

Je vous envoie les 5 Liv. en check — pardonnez moi, je n'avais pas d'argent prêt.

La migration russe continue, un capitaine de la garde est venu militairement — en disant «Ayant été à Londres — j'ai cru que c'était mon devoir de me présenter».—J'ai de suite pris le ton d'un général.

Les corrections ultérieurs pour après demain.

N'oubliez pas que j'ai une petite amante à l'exposition, non une aristocrate du pinceau de Raphaël ou de Murillo—mais une Sigismonda de Fariny—Galler. Aul. № 348.

Tout le monde vous salue amicalement.

La poste, la poste!

Kinkel m'a envoyé sa tragédie ce matin.

NB. Je vous prie de ne pas passer les portraits de Velasquez.

Переводъ.

12 сѣнт.

Я вполне доволенъ манчестерской выставкой: богатство, само помѣщеніе, смѣна серьезной музыки съ картинами, — все это создаетъ обстановку спокойствія и большой мощности; артистическій эпикуреизмъ—единственная гавань, единственная молитва, которая дастъ намъ покой.

Доминируетъ надъ всѣмъ *Мурильо*. Кромѣ его мадонны, обратите вниманіе на женщину, которая пѣтъ, и на маленькаго мальчика съ овцами. Рембрандъ, Ванъ-Дейкъ и Рубенсъ очень хорошо представлены, Ванъ-Дейкъ съ большимъ богатствомъ. Я подошелъ къ Рубенсу, чтобы разсмотрѣть его великолѣпную картину королевы Тамары.

Не забудьте изучить Рюйсдаля, Ванъ-Кѣйпа и другихъ великихъ пейзажистовъ.

Позабудьте вашихъ старыхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ портрета отца Ал. Дюрера.

Въ залу новѣйшей живописи совсѣмъ не входите или зайдите только, чтобы посмотрѣть на портреты Рейнольдса (напримѣръ, Гаррика и его жены).

Посылаю вамъ 5 фунтовъ чекомъ — простите, при мнѣ не было денегъ.

Русская миграція продолжается; одинъ гвардейскій капитанъ

явился по-военному,—говорить: «будучи въ Лондонѣ, счелъ своимъ долгомъ представиться».—Я тотчасъ принялъ тонъ генерала.

Позднѣйшія поправки на послѣ-завтра.

Не забудьте, что на выставкѣ у меня есть маленькая возлюбленная,—не аристократка кисти Рафаэля или Мурильо, а Сигизмонда Фарини,—Галлер. Зал. № 348.

Всѣ вамъ дружески кланяются.

Почту, почту!

Кинкель прислалъ мнѣ свою трагедію сегодня утромъ.

NB. Прошу васъ, не пройдите мимо портрета Веласкеса.

964. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

18 Sept-br (1857). Vendredi.
Putney.

Chère amie, je vous envoie les 2 livres, vos feuilles corrigées et quelques mots seulement pour ne pas vous distraire de l'étude de l'art, et de l'épicurisme de l'art. Vous verrez que cela vous sera difficile de partir de là, on s'habitue à ces images. Non, je ne suis pas du tout de votre avis sur «le Nimrod». Je vous ai énoncé mon opinion le plus tendrement possible — connaissant votre amitié pour Kinkel. Mais dès que vous en prenez la défense — je vous dirai plus catégoriquement mon opinion — c'est un fiasco complet. Parce que ce n'est ni poésie, ni histoire, parce que c'est froid comme la glace, parce que alles ist auf Stelzen. On peut pardonner à Byron — en faveur du génie qu'il y met, ses anachronismes, encore plus à Shakspeare — mais lorsque l'entraîn-ou le génie manque? L'intention, la pensée de l'auteur poussent *in crudo*, et on voit les cordes, les ficelles — trop grossièrement.

Attendons maintenant les critiques allemands.

Si vous ne sentez pas sur cet exemple la justesse de mes observations — ne vous fâchez pas — je vous nie le sens esthétique. Remarquez que c'est l'éternelle faute de l'esprit allemand de prendre une idée large ¹⁾ und sie zu verpfuschen par une réalisation pauvre. Tout cela ce sont des ombres — rien de vivant.

Ensuite je pense que vous n'êtes pas dans le vrai en mettant le tout de la manière de vivre sur la pauvreté. K. est un parfait honnête homme, mais doctrinaire, mais hoher Priester et voilà tout.

¹⁾ Philosophique.

Vous ne lui direz rien sur tout cela. Cela lui sera désagréable et je lui porte beaucoup de respect — et il m'écrit qu'il a longtemps travaillé... à sa tragédie.

Adieu, tout le monde vous salue.

A. Herzen.

Vous avez promis l'adresse de votre précepteur Anglais à M-me Og.; elle vous prie de la donner et en même temps d'écrire ses conditions.

Переводъ.

18 сентября. Пятница.

Дорогой другъ, посылаю вамъ обѣ книги, ваши исправленные листы и пишу лишъ нѣсколько строкъ, чтобъ не отвлечь васъ отъ изученія искусства и эпикуреизма въ искусствѣ. Вы увидите, что вамъ будетъ трудно разстаться съ этимъ,—привыкаешь къ этимъ образамъ. Нѣтъ, я совершенно не вашего мнѣнія о «Нимродѣ». Я вамъ высказалъ свое мнѣніе самымъ мягкимъ образомъ, зная ваши дружескія чувства къ Кинкелю. Но такъ какъ вы его защищаете, я выскажу свое мнѣніе категорически: это — полное фіаско, потому что это ни поэзія, ни исторія, потому что это холодно, какъ ледъ, потому что все на ходуляхъ. Можно Байрону прощать его анахронизмы во имя гениальности его сочиненій, еще больше можно извинить Шекспиру, но когда нѣтъ ни гения, ни просто воодушевленія? Намѣренія, мысль автора вылѣзаютъ наружу въ сыромъ видѣ, канаты, веревки выступаютъ слишкомъ-слишкомъ грубо.

Подождемъ теперь нѣмецкихъ критиковъ.

Если вы на этомъ примѣрѣ не почувствуете справедливости моихъ замѣчаній, не обижайтесь: я буду отрицать у васъ эстетическое чувство. Замѣтте, что это вѣчная ошибка нѣмецкаго ума—взять широкую философскую идею и испортить ее скуднымъ воплощеніемъ. Все это тѣни, ничего у него нѣтъ живого. А затѣмъ я думаю, что вы не правы, объясняя весь образъ жизни бѣдностью. К. — совершеннѣйше честный человѣкъ, но доктринеръ, «великій жрецъ»,—вотъ и все.

Вы ничего ему не говорите. Это было бы для него непріятно, а я питаю къ нему большое уваженіе, и онъ мнѣ пишетъ, что долго работалъ... надъ своею трагедіею.

Прощайте, всѣ вамъ кланяются.

A. Герцель.

Вы обѣщали г-жѣ Og. адресъ вашего воспитателя англичанина; она проситъ сообщить адресъ и въ то же время его условія.

965. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 сентября (1857).
Putney, near London.

Что съ вами творится? Нѣтъ ни вѣсточки, ничего; я, помнится, писалъ къ вамъ, прїѣхавши изъ Манчестера, и потомъ послалъ статью о Крыловѣ. Потомъ я получилъ то письмо, о которомъ вы писали—отъ Б. ¹⁾, и, наконецъ, отъ него же письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что послалъ на имя Nosgat книги и рукопись; но вотъ ужъ 6 день, а ни того, ни другого нѣтъ.

Я былъ у Nosgat'a. Поэтому я ему и не пишу, т. е. Б.

Дошла ли до васъ книга Корфа? ²⁾ Мы ее собираемся расчитать и въ «Колоколѣ», и особо. Вамъ, наконецъ, будемъ все посылать черезъ книгопродавца.

28.

Вотъ и цари видятся, и король нюренбергскій ихъ приглашаетъ, а вы все не пишете. Um Gottes willen! ³⁾ Дѣти собирались писать, но я не хочу долѣе ждать.

966. Письмо къ императору Александру II.

(По поводу книги барона Корфа).

Государь,

Вы приказали напечатать и издать записку, составленную г. Корфомъ, о восшествіи на престолъ императора Николая. Мы увѣрены, что и въ этомъ случаѣ Ваше намѣреніе было хорошо, но и въ этомъ случаѣ оно Вамъ не удалось.

Прежде, нежели мы займемся безграмотнымъ текстомъ, отгаликивающимъ по своему тяжелому, татарскому раболѣпію, по своему канцелярскому подобострастію, по своей униженной лести, не достойной ни нашего времени, ни Вашего царствованія, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ лично; для того, чтобъ сказать нѣсколько словъ о заговорѣ, который окончился 14 декабря 1825 года.

¹⁾ В. П. Фоткинъ.

²⁾ Бар. Модестъ Андреевичъ, — «Восшествіе на престолъ императора Николая I-го», третье изданіе (первое для публики), Спб. 1857 г.

³⁾ Ради Бога.

Вѣдь, и для него настала исторія! Неужели слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ объ этомъ событіи, о людяхъ, участвовавшихъ въ немъ, можно еще отзываться съ тѣми же пошлыми ругательствами, съ которыми выражались жалкіе старики, посѣдѣлые въ низкоклонствѣ и интригахъ, созданные въ какой-то импровизированный судъ для осужденія ихъ?

Вмѣсто брани, не лучше-ли обратиться къ тогдашнимъ событіямъ съ серьезной и покойной мыслию и постараться понять ихъ смыслъ? Не благороднѣе ли, не великодушнѣе ли отдать справедливость несчастнымъ противникамъ, которые вынесли свое пораженіе и всѣ мрачныя его послѣдствія съ такимъ величавымъ самоотверженіемъ? Местъ была страшна, она продолжалась тридцать лѣтъ, начавшись пятью висѣлицами. Что же теперь Вашимъ статсъ-секретарямъ итти за тогдашними палачами и сквернить гроба людей, если и заблуждавшихся, то чистыхъ и пламенно любившихъ Россію?

Деликатно ли это относительно тѣхъ пяти-шести старцевъ, которыхъ Ваша рука возвратила изъ Сибири? Или Вы, можетъ, имъ предоставили право отвѣчать? Мы не слышали этого.

Свобода мысли и гласность еще немного выиграютъ, если Вы одни будете печатать безъ цензуры. Пора пріучаться и Вамъ и Россіи къ совершеннолѣтней, мужественной рѣчи свободныхъ людей.

Вамъ, Государь, извѣстны больше насъ всѣ подробности заговора 14 декабря, слѣдствія, казни и ссылки. Гдѣ же, при какомъ обстоятельствѣ показали себя эти люди, какъ ихъ представляютъ официальные органы, «гнусными развратниками, буйными безумцами, негодяями, въ числѣ которыхъ одни напились пьяными для того, чтобы итти на площадь, другіе имѣли замѣчательно отвратительныя лица» (и это говорятъ о раненомъ на Кавказѣ Якубовичѣ!). Неужели Вы вѣрите, что эти люди взяли за оружіе изъ буйства, изъ желанья грабежа, богатства, знатности? Послѣднее имъ было не нужно,—Вы знаете, кто они. Для чего же всѣ эти ругательства и клеветы? Не Вы ихъ сдѣлали, зачѣмъ же Вы ихъ распространяете?

Неужели Вы думаете, что исторія повѣритъ какому-нибудь корфъ, — со всѣми поправками Вашихъ дядюшекъ, виртембергскаго герцога, который во все время опасности самъ забился въ «голубую гостиную Зимняго дворца» и чадолюбиво взялъ съ собою двухъ сыновей своихъ, «хотя въ то время взрослыхъ и офицеровъ», ¹⁾ Бенкендорфа, присутствовавшего утромъ при одѣваніи Николая Павловича, а вечеромъ—при поимкѣ спасавшихся ²⁾, Орлова,

¹⁾ Корфъ, ст 190.—А. И. Г.

²⁾ Id. ст. 189.—А. И. Г.

нѣсколько разъ отступавшаго отъ геройскаго каре? ¹⁾ Нѣтъ! И еще больше: наше скептическое время не только имъ не повѣритъ, но даже и гофъ-фурьерскому журналу, на который ссылается ученый статсъ-секретарь и который непременно надо запретить, потому что не прилично вести журналъ о томъ, кто какъ ѣлъ и въ которомъ часу.

Потомство не будетъ смотрѣть на людей 14 декабря ни глазами гофъ- и камеръ-фурьеровъ, ни глазами того, вѣроятно, *портного*, который только замѣтилъ костюмъ инсургентовъ и назвалъ эту кучку людей, стоявшихъ подъ пулями и картечью, какъ настоящий сапожникъ, «маскарадомъ распутства, замышляющимъ преступленіе» ²⁾. Придворные риторы не подумали объ одномъ: если это была толпа развратныхъ и буйныхъ шалуновъ, воспользовавшихся нелѣпостью импровизированнаго междуцарствія, для того, чтобы пошумѣть на площади и черезъ нѣсколько часовъ разсѣяться, то какъ же объяснить страхъ Николая передъ 14 декабря, эту *idée fixe* его царствованія, которую онъ не забылъ на смертномъ одрѣ?

Онъ понималъ смыслъ этого событія лучше Корфа. Я удивляюсь, какъ онъ могъ читать, да еще дѣлать поправки въ этой брошюрѣ. Ошибки ея не въ какомъ-нибудь выраженіи, не въ какой-нибудь подробности,—ошибка въ жалкомъ, ложномъ, рабскомъ воззрѣніи на событія. Мы постараемся въ нѣсколькихъ словахъ возстановить ихъ смыслъ.

Царствованіе Александра I и 14 декабря 1825 заключаютъ петровскій періодъ русской исторіи. Это—его крайнія послѣдствія со стороны императорской диктатуры и со стороны образованной Россіи. Распущенную, рыхлую Русь Петръ I суровой рукой стянулъ въ сильное европейское государство; коснѣвшему въ своемъ отчужденіи народу онъ привилъ броженіе западной гражданственности. Непочатая дремавшая силы народа, возбужденныя имъ, перешли, такъ сказать, его мечту; государство сложилось мощное и, встрѣтившись въ борьбѣ съ цѣлой Европой, вышло изъ нея побѣдоносно.

Императорская власть сдѣлала свое! «Свершилось», говоритъ поэтъ-отрокъ, лицейскій ученикъ, въ 1815 году, возвратившемуся изъ Парижа Александру I,—

«Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!»

Общество, развившееся на европейскихъ основаніяхъ, должно

¹⁾ *Id. ct.* 156.—А. И. Г.

²⁾ *Id. ct.* 147.—А. И. Г.

было сдѣлать свое, иначе дѣло Петра I было бы вполнину успѣшно и привело бы къ страшной нелѣпости.

Каждая степень образованія, развитія, даже силы государственной требуетъ соотвѣтственный себѣ циклъ государственныхъ учрежденій. Съ каждымъ шагомъ впередъ ему нужно больше простора, больше воли, больше опредѣленности въ своихъ отношеніяхъ къ власти; словомъ, больше независимой, самобытной и разумной жизни. Или государство ее достигаетъ (съ боя ли, по любовному ли согласію—все равно), и тогда оно идетъ далѣе въ исторіи; или—нѣтъ, и тогда оно останавливается, разлаживается, распадается и обмираетъ такимъ образомъ до какого-нибудь рѣшительнаго событія (напр., Крымской войны), которое снова открываетъ ему путь развитія или окончательно убиваетъ его, какъ дѣятельное, развивающееся государство. Вступивъ въ западное образованіе, Россія должна была итти тѣмъ же путемъ. Еслибъ у насъ весь прогрессъ совершался *только* въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластья, вооруженнаго всѣмъ, что выработала свобода, рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ, что нашла наука. Это было бы нѣчто въ родѣ Чингисъ-Хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монжемъ въ штабѣ, съ ружьями Минье и съ конгревовыми ракетами подъ начальствомъ Батяя.

Каждый, кто сколько-нибудь слѣдилъ за исторіей русскаго развитія съ начала XVIII столѣтія, видитъ даже въ самыя уродливыя эпохи ея, что въ обществѣ подымаются, бродятъ живыя силы, требующія больше, чѣмъ одного повиновенія. Всеобщее отвращеніе, всеобщее негодованіе противъ наглаго самовластья Павла, окончившееся такимъ энергическимъ протестомъ, не довольно оцѣнено.

Но гдѣ же у насъ та среда, которая, стучаясь постоянно въ царскую власть, оскорбленная ея неуваженіемъ къ достоинству лицъ, ея всегдашними притязаніями считать Россію за свое помѣстье и насъ—за крѣпостныхъ людей, могла бы дать дѣйствительность оппозиціонной мысли? Безъ сомнѣнія, та среда, которая была всего послѣдовательнѣе перевороту Петра I, которая одна и приняла западное образованіе,—дворянство. Оно представляетъ у насъ то меньшинство, которое дѣлаетъ заодно съ императорской властью русскую исторію, увлекая за собою въ продолженіе полутораста лѣтъ нѣмой и страдатѣльный народъ, котораго часть еще не настала. Въ немъ-то и созрѣла революціонная мысль, вышедшая 14 декабря на площадь.

Когда наши войска возвратились изъ чужихъ краевъ, послѣ всѣхъ торжествъ и упоеній, молодымъ офицерамъ и вообще обра-

зованной молодежи было что-то не по себѣ. Они переросли колѣдки плохихъ государственныхъ учрежденій нашихъ. Въ жизни чувствовалась пустота, тяжесть, чего-то необходимаго не доставало. Самъ императоръ Александръ I чувствовалъ это больше другихъ: съ 1815 года онъ носилъ печаль побѣды на лицѣ, а не ликование ея. Онъ понялъ зло и недаромъ толковалъ съ Карамзинымъ и Сперанскимъ объ уложеніи, далъ Польшѣ конституцію и всенародно говорилъ, что «желалъ бы распространить свободныя учрежденія и на другіе народы, ввѣренные ему Богомъ». Мысль освобожденія крестьянъ бродила въ его головѣ; онъ сдѣлалъ опытъ въ остзейскихъ губерніяхъ, но, окруженный людьми невѣжественными, закоснѣлыми въ грубыхъ предрассудкахъ, нисколько не лучше тѣхъ, о которыхъ онъ такъ рѣзко писалъ въ 1796 году къ Кочубею ¹⁾, безъ твердой воли, слабый, усталый,—онъ, какъ бы сознавая свое безсиліе, впалъ въ мистицизмъ и оставилъ всѣ свои земные проекты.

Но оттого, что императоръ Александръ I, понимая многое, ничего не умѣлъ сдѣлать, неужели можно называть преступленіемъ, что другіе понимали то же, но, совсѣмъ обратно ему, считали себя способными сдѣлать многое? Люди эти были прямымъ отвѣтомъ на тоску, мучившую новое поколѣніе. «Ну, вотъ мы сильны, побѣдили Европу, сажаемъ царей, чертимъ границы,—что же отъ этого лучше? Узкія рамы жизни, вымѣренныя по военному артикулу, тѣснятъ... Мы освободили міръ, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардіей въ транзитной палатѣ, какой-то нѣмецкой канцеляріей съ татарскимъ кнутомъ въ рукахъ! Внизу, вверху, все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, безправіе, ни суда, ни голоса,—одна надежда и была на милость царскую».

Но чтобъ кто-нибудь не слишкомъ увлекся мягкими формами и добротой императора, съ каждымъ годомъ, послѣ войны, растеть черное *memeto servitudinem* ¹⁾—Аракчеевъ. гадкій, желтый, оскорбительный, на ворохѣ розогъ, окруженный трупами засѣченныхъ поселенцевъ. Глядя на него, вспоминался весь ужасъ положенія—подобострастіе, военный деспотизмъ, безмолвіе вверху, розги вездѣ.... дворовыхъ сѣкутъ дома, сѣкутъ въ полици, крестьянъ сѣчетъ баринъ, сѣчетъ управляющій, сѣчетъ староста, люди-вещи, люди-заклады, крѣпостныя серали, продажныя семьи, изнасилованныя женщины, палками забитые солдаты!...

Государь, у Васъ человѣческое сердце; скажите, положивши руку на грудь, можно ли это вынести на той степени образованія,

¹⁾ См. Приложение къ брошюрѣ Корфа.—А. И. Г.

²⁾ Помни о рабствѣ!

на которой стояли Пестели, Бестужевы, Муравьевы? Ну, какъ же ихъ осуждать за то, что они хотѣли лучше погибнуть, нежели быть страдательными свидѣтелями этого повсюднаго, ежечаснаго злодѣйства? Вѣдь, это святѣйшее чувство любви, круговой поруки съ слабыми, заставляетъ человѣка предпочесть висѣлицу отрицательному сообщничеству молчаніемъ!

«Но зачѣмъ же передѣлывать насиліемъ, дѣлать заговоры, тайныя общества, бунтовать на площади?» Лучше собираться явно и дѣйствовать убѣжденіемъ,—объ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ. Но бѣда въ томъ, что въ нашемъ отеческомъ управленіи человѣкъ не имѣетъ ни права созвать безъ картъ и вина другихъ людей, ни права вольной рѣчи, цензура убиваетъ слово передъ его рожденіемъ, а если оно иной разъ прорвется,—секретное предписаніе, жандармъ, курьерская тройка, и поминай, какъ звали.

Представьте себѣ самого исуса Христа, который бы сталъ проповѣдовать гдѣ-нибудь на Адмиралтейской площади или въ Лѣтнемъ саду. Тутъ и до Иуды не дошло бы дѣло,—первый квартальный свелъ бы его въ III Отдѣленіе, а оттуда отдали бы его въ солдаты или, еще хуже, послали бы его въ Соловецкій монастырь.

Стало быть, о словѣ, о явномъ совѣщаніи и толковать нечего.

Остается гражданская дѣятельность. Въ самодержавномъ государствѣ она очень важна, но, благодаря чинамъ, она такъ же невозможна. Табель о рангахъ положила такія бревна подъ ноги, что ни одинъ журавль не перешагнетъ ихъ. Свѣжаго, живого ничего никогда не можетъ взойти въ правительство. Сенатъ, совѣтъ, министерства у насъ похожи на богадѣльни для стариковъ, лѣтъ пятьдесятъ тершихъ лямку или сидѣвшихъ въ канцеляріи, стариковъ пустыхъ, легкомысленныхъ, баснословнаго невѣжества, безъ малѣйшаго понятія о государственномъ дѣлѣ, въ родѣ тѣхъ, которые Вамъ достались отъ покойнаго родителя...

Есть страны, напр. Англія, гдѣ старики не такъ глупы, гдѣ они представляютъ преемственную и вѣковую мудрость государственную, это—маститые защитники правъ; народъ и правительство привыкли слышать ихъ голосъ при каждомъ возможномъ вопросѣ, при каждой общественной невзгодѣ; таковъ, напр., лордъ Линдгорстъ изъ живыхъ; это—великіе легисты, ораторы... а у насъ они не умѣютъ двухъ словъ связать, не умѣютъ написать собственнаго мнѣнія. Книга Корфа, этого юнѣйшаго изъ старцевъ, доказываетъ это очень хорошо. Корфа, вѣроятно, избрали для составленія записки, какъ бойкое перо... нѣсколько горячее... но бойкое! Неумѣніе выражаться—дѣло очень важное, оно свидѣтельствуесть о неясномъ пониманіи, о непривычкѣ къ мысли, о томъ низшемъ

состояніи умственнаго развитія, въ которомъ бываетъ человѣкъ, вышедшій изъ естественной непосредственности и не дошедшій до образования.

Мы до того привыкли видѣть судьбы Россіи въ рукахъ неспособныхъ стариковъ, получившихъ мѣста въ родѣ премій отъ общества застрахованія жизни, за продолжительную крѣпость пищеваренія, что намъ кажется какимъ-нибудь чудачкомъ, иностранцемъ, «чужимъ между своими» лицо въ родѣ Мордвинова; да развѣ онъ и еще больше Сперанскій не затерялись бесполезно между сѣдыми дѣтьми, игравшими въ звѣзды и ленты?

Оставалось одно—въ тиши соединить разсѣянные силы, дать имъ организацію, единство, съ опредѣленной цѣлью обсуживанія средствъ, чѣмъ помочь страшному злу, губящему Россію, которое, повторяемъ съ намѣреніемъ, императоръ Александръ I такъ же понималъ, какъ Бестужевы и Муравьевы.

Общество это, сказано въ самомъ донесеніи слѣдственной комиссіи и потомъ повторено въ книгѣ Н. Тургенева,—сначала имѣло цѣлью раскрывать злоупотребленія, противодѣйствовать имъ, преслѣдовать кражу и лихоимство, защищать слабыхъ отъ чиновниковъ, крѣпостныхъ—отъ помѣщичьяго варварства, солдатъ—отъ варварства ихъ начальниковъ. Словомъ, эти страшные люди хотѣли все то, чего Вы желаете теперь, и чего Вы, Государь, точно такъ же не достигнете при всемъ Вашемъ самодержавіи, какъ они не достигли при ихъ горячей волѣ, потому что этого рода зло уступаетъ только звонѣ и свѣту гласности, только ряду гражданскихъ учрежденій, несо- вмѣстныхъ ни съ военнымъ деспотизмомъ, ни съ помѣщичьимъ управленіемъ государства.

Побившись бесполезно съ юношеской идеей облагородить наши суды, основанные на взяткахъ, нашу полицію, основанную на кулакѣ, при удушливой цензурѣ, при невѣжествѣ первыхъ трехъ классовъ, при безответственности власти, этимъ людямъ приходилось сложить руки съ отчаяніемъ или, благословясь, начать самимъ красть и сѣчь! Но какъ ни утаивали отъ насъ, мы знаемъ сильный и энергическій характеръ этихъ людей, онъ просвѣчиваетъ даже въ донесеніи слѣдственной комиссіи сквозь всю злонамѣренность и подобоострастіе языка. Такіе люди не складываютъ рукъ, не обкрадываютъ народъ; такіе люди дѣлаютъ заговоры и идутъ прямо или на вершину человѣческаго величія, или въ каторжную работу, въ обоихъ случаяхъ рѣзко отмѣчая свое имя на листахъ исторіи.

Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, это—судьба воплощенія всѣхъ практически-соціальныхъ идей, принадлежавшихъ сперва развитому меньшинству и переходящихъ потомъ въ общее сознаніе народа.

Быль ли этотъ заговоръ своевремененъ, доказываетъ не только единство мнѣній Александра I, Ваше и ихъ о невыносимо-дурномъ управленіи нашемъ, но и невѣроятное распространеніе заговора по всему государству въ какіе-нибудь семь лѣтъ. Въ немъ участвовали представители всего талантливаго, образованнаго, знатнаго, благороднаго, блестящаго въ Россіи. Послѣ ссылки этихъ людей температура образованія видимо у насъ понизилась, меньше ума сдѣлалось въ оборотѣ, общество стало пошлѣе, потеряло возникающее чувство достоинства; съ тѣхъ поръ языкъ подъячихъ и манеры кантонистовъ получили право гражданства въ гостинныхъ, въ литературѣ; съ тѣхъ поръ безпорядокъ и развратъ управленія дошли до крымскаго комиссаріата, до наглаго воровства подъ глазами двухъ полицій въ пяти шагахъ отъ Зимняго двorca.

День возмущенія, 14 декабря, не входилъ въ планъ петербургскаго союза, но онъ былъ необходимъ. Преданные какими-то мерзавцами во второй арміи, преданные «двадцатилѣтнимъ юношей, горѣвшимъ любовью къ отечеству», Іаковымъ Ростовцовымъ, заговорщикамъ оставалось ждать у себя въ комнатѣ «юношу» Іакова, который «въ порывѣ молодого и неопытнаго энтузіазма» сдѣлалъ доносъ, или Бенкендорфа, и быть ими задушенными, или сдѣлать отчаянный опытъ и воспользоваться анархіей, царившей тогда во всей правительственной Россіи. ¹

Это было время бѣлой горячки, правительственнаго бреда, оно подробно описано Корфомъ и чрезвычайно характеристично. Обыкновеннымъ, не вѣроподданническимъ, а человѣческимъ умомъ ничего понять нельзя... Зачѣмъ Александръ I, сдѣлавъ актъ такой важности, какъ замѣна меньшимъ братомъ старшаго въ престолонаслѣдіи, держалъ это подъ спудомъ, зачѣмъ скрылъ отъ совѣта, отъ министровъ, отъ людей, окружавшихъ его смертный одръ въ Таганрогѣ? Зачѣмъ потомъ эта длинная исторія семейныхъ учтивостей: «Сдѣлайте одолженіе, вы вперед!»—«Нѣтъ-съ, помилуйте, за вами!» Марья Федоровна въ отчаяніи проливаетъ слезы, Михаилъ Павловичъ скачетъ на курьерскихъ въ Варшаву, скачетъ на курьерскихъ изъ Варшавы; Николай Павловичъ присягаетъ Константину Павловичу, Константинъ Павловичъ присягаетъ Николаю Павловичу. Всѣ зовутъ цесаревича въ Петербургъ, а тотъ и руками и ногами уперся въ Лазенкахъ и ни съ мѣста. Первый пришедшій въ себя былъ Михаилъ Павловичъ, тотъ сѣлъ себѣ на станціи между Петербургомъ и Варшавой и пробылъ, пока старшіе доиграли свою игру.

Въ этомъ капризномъ, сдѣланномъ втихомолку распоряженіи короной такъ ясно и видно полнѣйшее презрѣніе къ народу; судьба

его считается домашнимъ дѣломъ одной семьи, и привычка не ставить *подданныхъ* ни въ грошъ такъ велика, что самъ либеральный Александръ I наивно воображалъ что Россія—его собственность: послѣ смерти раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія.

Какъ же было заговорщикамъ, уже преданнымъ на югѣ и въ Петербургѣ, не воспользоваться этой сумятицей отреченій, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждаго присягающаго и неприсягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами? Не одни бѣдные солдаты потеряли голову: московскій генераль-губернаторъ ведетъ сенаторовъ присягать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говорить, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ свой секретъ.

Къ тому же попытка 14 декабря вовсе не была такъ безумна, какъ ее представляютъ; книга Корфа это доказываетъ. Она не удалась,—вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, еслибъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14, а въ полночь и обложили бы Зимній дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, еслибъ, не строясь въ каре, они утромъ всѣми силами напали бы на дворцовый караулъ, еще шаткій и неувѣренный тогда?

Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ при воцареніи, Екатеринѣ II для того, чтобы свергнуть Петра III?

Нѣтъ правительства, въ которомъ бы легче смѣнялось лицо главы, какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающемъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла, запрещающемъ всякую гласность. Кто *первый* овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуются безмолвная машина съ тою же силой и съ тѣмъ же вѣрноподданническимъ усердіемъ.

Но заговорщикамъ 14 декабря хотѣлось больше, нежели замѣны одного лица другимъ; серальный переворотъ былъ для нихъ противенъ; весьма можетъ быть, что они потому-то и не бросились во дворецъ, а открыто построились на площади, какъ бы испытывая, съ ними ли общественное мнѣніе, съ ними ли массы. Они не были съ ними, и судьба ихъ была рѣшена!

Вѣрныя мысли, которую они представляли, они хотѣли ограниченія самодержавія писаннымъ уложеніемъ, хранимымъ выборными людьми, они хотѣли раздѣленія властей, признанія личныхъ правъ, словомъ, представительное правительство въ западномъ смыслѣ. И вотъ почему мы считаемъ царствованіе Александра I и 14 декабря строгими послѣдствіями, крайними звеньями петровскаго періода, того періода, въ которомъ Россія развивалась подъ влияніемъ западной государственной идеи.

Съ того часа, когда императоръ Николай вечеромъ 14 декабря вошелъ на лѣстницу Зимняго дворца, и Александра Федоровна, не знаю почему, «приняла его за новаго человѣка», какъ говоритъ Корфъ,—Россія попятилась и взошла въ холодный, непривѣтный корридоръ, въ длинный, мрачный тунель, въ которомъ едва начинается мерещиться свѣтъ со дня Вашего воцаренія, Государы!

Императоръ Николай увидѣлъ, что съ образованіемъ больше идти нельзя, не утративъ долю деспотическаго произвола, и отрекся отъ него, т. е. не отъ деспотизма, а отъ образованія.

Общество увидѣло, что конституціонными бичевками не свяжетъ царскую власть, пока огромное множество народа, безгласно раздавленное не принимаетъ никакого участія въ общественномъ дѣлѣ.

Настала пауза,—долгая, мучительная, потратившая все наше поколѣніе и еще одно. Эта задержка, это остановленное дыханіе, нравственное недоумѣніе мало-по-малу стало разрѣшаться въ мысль, что *стихиі развитія надобно искать въ самомъ народѣ, а не въ перенесеніи чужихъ формъ.*

Пока мы достигали до этого пониманія, въ Европѣ произошли двѣ революціи, одна въ 1830^г, другая въ 1848 г.; всѣ общественные вопросы, всѣ рѣшенія еще разъ измѣнились, и намъ еще разъ достаются даромъ истины и результаты, до которыхъ западные народы доработались снова тяжелымъ путемъ крови, длинной борьбой и утратой почти всего, приобрѣтеннаго трудами вѣковъ...

На своей больничной койкѣ Европа, какъ бы исповѣдуясь или завѣщая послѣднюю тайну, скорбно и поздно приобрѣтенную, указываетъ, какъ единый путь спасенія, именно на тѣ элементы, которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ, и при томъ не одной петровской Россіи, а всей русской Россіи.

Поэтому мы думаемъ, что у насъ развитіе пойдетъ инымъ путемъ.

...Но неужели, оттого, что мы иначе понимаемъ задачу общественнаго развитія и долею видимъ причину, почему 14-му декабря трудно было удасться, мы не можемъ (съ какой бы стороны мы ни были) спокойно и съ уваженіемъ говорить объ этихъ людяхъ, сильныхъ и самоотверженныхъ, вышедшихъ на неравный бой, чтобъ заявить начало совершеннolѣтія Россіи?

Амнистіи Вашей мало, она пришла слишкомъ поздно; не прощенье нужно теперь ихъ памяти, а *примиреніе и пониманіе!*

Два года съ половиной тому назадъ, когда Вы сѣли на престолъ, мы говорили Вамъ: «Отъ Васъ ждутъ кротости, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца... Вы необыкновенно счастливы!» ¹⁾

¹⁾ «Полярная Звѣзда» за 1855 годъ.—А. И. Г.

И до сихъ поръ еще ждуть. Вѣра въ Васъ сохранилась

Зачѣмъ же, опираясь на Васъ, бездушные льстецы, въ родѣ византійскихъ риторовъ-отпущенниковъ, льстившихъ по должности, воспѣваютъ напыщеннымъ гофъ-фурьерскимъ языкомъ, неприличнымъ въ наше время, царствованіе, котораго Вы не продолжаете, бросая оскорбленіе людямъ, такъ безпощадно побитымъ грозой за то, что слишкомъ вѣрили въ Россію, за то, что слишкомъ рано вышли на поле... и запечатлѣли мученичествомъ свой подвигъ?

Говорятъ, будто графъ Панинъ ударилъ въ порывѣ вѣрноподанническаго усердія Пугачева, приведеннаго къ нему въ цѣпяхъ. Говорятъ, что въ 1826 г. въ слѣдственной комиссіи и въ *государственной кабинетъ* подсудимые заговорщики были оскорблены ругательными словами, которыхъ позоръ долго не сотрется... Неужели, тридцать лѣтъ спустя, въ Ваше царствованіе еще разъ потревожатся заученной клеветой великія тѣни... уже возставшія въ памяти рода человѣческаго отрѣшенными и отъ тупой клеветы преслѣдователей и отъ собственныхъ ошибокъ... печальными, но сильными и чистыми прорицателями великихъ судебъ Россіи?..

Миръ имъ, Государь, и почтительное благочестіе передъ былымъ!

Лондонъ, 20 сентября 1857.²

◆◆ 1. Въ своемъ оправдательномъ письмѣ къ кн. Е. П. Оболенскому І. И. Ростовцовъ опровергаетъ сказанное о себѣ Герценомъ и говоритъ: «Герценъ не только нѣ знаетъ меня, какъ человѣка духовнаго, но не знаетъ меня даже въ лицо. Вѣроятно, я ему нуженъ и еще буду нуженъ, *какъ субъектъ*, который, по его мнѣнію, представляетъ принципъ, противъ котораго онъ воюетъ» («Рус. Архивъ» 1873, I, 487).

2. По словамъ автора «Историческихъ очерковъ Россіи», императоръ приказалъ класть себѣ на столъ «Колоколъ» немедленно по его полученіи и «только № 4 былъ отбираемъ тайною полиціею у лицъ, получавшихъ запрещенный листокъ» (т. III, 255). Это невѣрно: къ выходу 4-го листа еще никто не пользовался правомъ полученія «Колокола» и потому его нѣ у кого было отбирать. О томъ, какъ шло открытое полученіе запрещенныхъ изданій въ Россіи, уже говорилось и будетъ говорить ниже.

967. [О книгѣ Баллейды].

«Несчастья не ходять въ одиночку», говоритъ Шекспиръ, а «толпою». Вслѣдъ за книгой статсъ-секретаря и кавалера Корфа явилась исторія императора Николая въ двухъ томахъ, сочиненіе Баллейды ¹⁾. Этой книги мы совсѣмъ не понимаемъ. Ну, положимъ, Корфъ, статсъ-секретарь, кавалеръ, тайный совѣтникъ, бібліотекаръ и не знаю что, имѣеть право на подобострастіе передъ Николаемъ. Ну а этотъ Баллейды (Альфонсъ) по доброй волѣ, по химическому сродству написалъ книгу еще болѣе вѣрнопоподанническую!..

Но если «усердіе все превозмогаетъ» ²⁾, то усердіе съ излившемъ все портить. нельзя заподозрить насъ въ симпатіи къ императору Николаю, а ужъ и намъ что-то сдѣлалось жалко, что Корфъ и Баллейды выдаютъ Николая и всѣхъ присныхъ его за всеобщее писмъшище, не щадя ни пола, ни возраста.

Какъ на примѣръ тона, съ которымъ написана книга Баллейды, приведемъ слѣдующее мѣсто: «Николай видѣлъ въ Михаилѣ, хотя младшемъ, друга своего дѣтства, товарища своихъ игръ, сотрудника въ стремленіи къ знанію (*l'émule de son instruction*); оба любили другъ друга дружбой нѣжною и почти исключительною, которую одна смерть могла разрушить. Оба въ стальной груди носили золотое сердце и таили подъ непроницаемой корой зародышъ мягкости чувствованій (*délicatesse de sentiments*), который долженъ былъ распусться и созрѣть въ сладостной теплотѣ домашняго очага» (стр. 33, т. I). Какъ примѣръ анекдотическихъ свѣдѣній приведемъ слѣдующее: «Еслибы небо не создало васъ великимъ княземъ, спросилъ его (т. е. Николая) однажды генералъ Ламсдорфъ, чѣмъ бы вы хотѣли быть?»—«Барабанщикомъ», рѣшительно отвѣчалъ юный великій князь.—«А почему, ваше высочество?»—«Потому что барабанщикъ бьетъ шаги къ славѣ (*marque les pas de la gloire*)»... (стр. 30, т. I). Что жъ тутъ прибавлять!

968. Нашимъ анонимнымъ корреспондентамъ.

Душевно, искренно, дружески благодаримъ мы неизвѣстныхъ особъ, приславшихъ намъ въ послѣдніе два мѣсяца большое коли-

¹⁾ A. Balleydier, «Histoire de l'Empereur Nicolas», I—II, Paris, 1857.

²⁾ Девизъ графскаго герба П. А. Клейнмихеля.

чество писемъ и статей. Свѣдѣнія изъ Россіи, особенно изъ нашихъ судебныхъ пещеръ, изъ тайныхъ обществъ называющихся министерствами, главными управлениями и пр., намъ необходимы. Мы надѣемся на продолженіе присылокъ и просимъ объ нихъ; все *возможное* будетъ напечатано, но мы должны оговориться. Полная свобода наша обязываетъ насъ къ нѣкоторой строгости въ выборѣ, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о лицахъ. Хотя мы вполне убѣждены, что всѣ служащіе въ общественныхъ должностяхъ, подлежатъ суду гласности, и видимъ это ежедневно въ Англіи, но не желали бы повторять невѣрныхъ анекдотовъ или слишкомъ частныхъ; вотъ почему мы не все присланное сочли возможнымъ передать публикѣ.

Только достоверная истинность свѣдѣній, оглашаемыхъ нами, и нѣкоторое значеніе ихъ, можетъ дать силу и важность нашему органу.

969. [О книгѣ „*Rossya i Europa—Polska*“].

Съ величайшимъ удовольствіемъ будемъ мы, по совѣту одного корреспондента, извѣщать не только о вновь выходящихъ книгахъ о Россіи, но и о всѣхъ особенно замѣчательныхъ книгахъ, выходящихъ въ Европѣ; ихъ такъ мало, что трудъ нашъ не будетъ великъ.

На первый разъ ограничиваемся указаніемъ на серьезный и замѣчательный трудъ подъ заглавіемъ:

ROSSYA I EUROPA—POLSKA,
przez X. Y. Z. Paryż, 1857. (482 p.).

970. Отъ издателя.

Удостоверясь, что нѣкто *Генрикъ Михаловскій*, занимавшійся дѣлами по книжной торговлѣ г. Трюбнера, предлагалъ русскому правительству доставлять рукописи и письма, присылаемые для нашей лондонской типографіи, и считая должность корреспондента русскаго правительства несовмѣстной съ дѣлами нашей типографіи,—мы взяли всѣ мѣры, чтобъ отстранить Михаловскаго отъ всякаго участія въ дѣлахъ г. Трюбнера, о чемъ съ своей стороны г. Трюбнеръ проситъ насъ довести до свѣдѣнія читателей. ¹

◆◆ 1. «Являясь за книгами къ Трюбнеру, русскіе—разсказываетъ Н. А. Огарева,—обращались предпочтительно къ Михаловскому, потому что онъ немного говорилъ по-русски; они просили сообщить имъ адресъ Герцена. Михаловскій съ готовностью спѣшилъ вручить имъ написанный для нихъ желаемый адресъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался въ разговорѣ вывѣдать имя посѣтителя, что вовсе не представляло затрудненій, такъ какъ русскіе ужасно довърчивы и необдуманны. Въ концѣ письма было сказано, что Михаловскій, набравъ порядочное количество именъ, подалъ доносъ, приложивъ списокъ, русскому посланнику въ Лондонѣ. Къ счастью, государь не прочитавъ, бросилъ списокъ въ каминъ» (стр. 161—162). По времени этотъ разсказъ совпадаетъ съ разсказомъ В. Зотова; конецъ его, какъ я уже говорилъ, врядъ ли правдоподобенъ.

971. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

4 October 1857.
Putney.

Also Sie badeten sich im Meer, in den Bildern und in esthetischen Theorien. Über Ihre Theorien kann man nicht gut in 2 Worten antworten—und hier ist gar nicht der Fall, ob man Mythen oder Typen—allgemein menschlich mit historischen Namen schaffen kann. Die Frage steht so—ist es hinlänglich, einen vortrefflichen Gedanken zu haben, um ein wirklich poetisches Werk zu Stande zu bringen. Ich finde die Sache misslungen—wäre das anders, man könnte über alle Theorien gehen. Alle wussten, dass die Griechen Racine's—Franzosen waren. Es ist Schade, kann man sagen, dass Göthe so viel allegorisches in. d. 2 Theil des Faust's annahm.—Aber was hätte man gesagt, wenn das Ganze eine Allegorie wäre?

Es sind «Ideenträger» und nicht Menschen in «Nimrod»—nun die Ideen sind nicht schlecht, kalt, aber vernünftig—die Kariatiden tragen aber auch gar nicht.—Frid. Althaus als *gelehrter* Kenner—ist ganz zufrieden.

Julius Alth.—als Naturalist—findet das Buch abscheulich.

Ich mittelmässig. Das Publicum—dieses Buch wird nie popular, darauf wette ich.

Jetzt ein Wort über Wein-Bier—und Ihre plutokratische Bemerkungen. Es ist doch sonderbar, dass beinahe alle kräftige Menschen, grosse Dichter und Denker—nicht aus der Klasse der reichen Wein-trinker, sondern aus der Klasse der Arbeitender kommen. Wo haben sie gesehen, dass die Reichen am meisten Talente hätten?

Wein, glaube ich, ist wirklich besser für die geistige Kräfte als Bier. Die weintrinkenden Franzosen machen manchmal Barricaden — die Biertrinkenden — selten.

Glauben sie wirklich, dass ich oder Og. deswegen etwas Erfolg hatten, weil wir Geld hatten und stark sofften. Hier kommt—quouique—et non parceque.

Ich schätze sehr K.—aber er hat einen Fehler und v. dem wird er nicht los—er ist Professor.

Haben sie gesehen ¹⁾, d. Schurz vielleicht als vice-President im Wisconsin gewählt sein wird. Er hatte eine immense Majorität.

Ich habe in der «Augsb. Zeit.» gesehen, d. die Memoiren d. Daschkoff gedruckt sind im Deutschen.

Bei uns wie immer—Lavinen von Russen—und Berge v. Büchern—abgeschickt. Ich schicke Ihnen ein Fragment aus der «Kreuz-Zeitung» — und bitte, mir zurück zu schicken.

Adieu. Leben sie wohl. Die Schwester der M-me Og. ist sehr krank. Sie grüsst Sie—auch alle.

Tata war etwas krank. Alex. geht in die Londoner Universität.

Golov. hat mir einen anonymen Brief mit allerlei Niederträchtigkeiten geschickt und dann noch einen mit Unterschrift—er ist doch nicht zur Ruhe zu bringen—und etwas Koth muss man doch auf dem Kleide haben.

Adieu.

5 Oct.

Переводъ.

4 октября 1857.

Итакъ, вы купались въ морѣ, въ картинахъ и въ эстетическихъ теоріяхъ. По поводу вашихъ теорій нельзя въ двухъ словахъ отвѣтить какъ слѣдуетъ, и здѣсь споръ вовсе не о томъ, можно ли творить мионы или типы вполне человѣчно, прибѣгая къ историческимъ именамъ. Вопросъ стоитъ такимъ образомъ: достаточно ли имѣть прекрасную мысль, чтобы создать истинно поэтическую вещь? Я нахожу, что это не такъ; будь оно иначе, можно было бы плевать на всѣ теоріи. Всѣ знали, что греки Расина были французами. Жалко, можно было бы сказать, что Гете ввелъ такъ много аллегорій во вторую часть «Фауста», но что сказали бы, если бы весь «Фаустъ» былъ аллегоріею?

Въ «Нимродѣ» не люди, а носители идей; идеи не дурны, холодны, но разумны, но и каріатиды также не держатъ. Фрид. Альтгаузъ, какъ ученый знатокъ, совершенно доволенъ.

¹⁾ gelesen?

Юлій Альт., какъ натуралистъ, находитъ книгу изъ рукъ вонъ плохую.

Я нахожу ее посредственной. У публики эта книга никогда не сдѣлается популярной,—держу пари!

Теперь два слова по поводу вина, пива и вашихъ плутократическихъ замѣчаній. Все-таки, странно, что почти всѣ сильные люди, большіе поэты и мыслители, происходятъ не изъ класса богачей, распивающихъ вино, а изъ рядовъ рабочихъ людей. Гдѣ вы видѣли, чтобы богатые преимущественно обладали талантами? Вино, я полагаю, дѣйствительно лучше для духовныхъ силъ, чѣмъ пиво; пьющие вино французы часто возводили баррикады, поклонники же пива—рѣдко.

Думаете ли вы, дѣйствительно, что я и Огаревъ потому имѣемъ нѣкоторый успѣхъ, что у насъ есть деньги и мы крѣпко выпиваемъ? Здѣсь скорѣе кстати—«хотя», а не «потому что».

Я очень цѣню К. ¹⁾, однако, у него есть недостатокъ, и отъ него онъ не освободится,—онъ профессоръ.

Читали вы, что Шурцъ, можетъ быть, будетъ избранъ вице-президентомъ въ Висконсинъ? Онъ имѣлъ огромное большинство.

Я прочелъ въ «Augsb. Zeit.», что мемуары Дашковой напечатаны по-нѣмецки.

У насъ по-прежнему лавины русскихъ и горы отправленныхъ книгъ. Посылаю вамъ вырѣзку изъ «Kreuz. Zeit.» и прошу прислать обратно.

Прощайте. Будьте здоровы. Сестра г-жи Ог. ²⁾ очень больна. Она шлетъ вамъ привѣтъ, какъ и всѣ. Тата была немножко больна. Алекс. посѣщаетъ лондонскій университетъ.

Головинъ прислалъ мнѣ анонимное письмо со всякими низостями и потомъ еще одно—съ подписью; не обережешь иногда своего платья отъ грязи!

Прощайте.

5 октября.

972. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

14 Octobre.
Putney.

Wir sind immer noch in Putney und in der Erwartung, dass der König v. Preussen sterben wird.

Wir haben eine lange Geschichte gehabt, einen Splonen gefunden,

¹⁾ Кинкель.

²⁾ Е. А. Сатина.

der 100 Pf. von der russischen Regierung haben wollte für meine Briefe und allerlei. Kaum war der Brief von Gortschakoff nach Peters. gekommen, so bekam ich von dort 3 Avis.—Was sagen Sie davon? Diese Canaille war Commis bei Trübner.

Ich habe einen kleinen Aufsatz für junge Leute geschrieben—über was glauben Sie—über die Erschaffung der Welt.

Adieu.

Sie haben mir nicht zurück geschickt die Stelle aus der Zeitung.

Переводъ.

14 октября.

Мы все еще находимся въ Путнеѣ и въ ожиданіи, что король прусскій умретъ.

Мы имѣли длинную исторію: нашли одного шпиона, который хотѣлъ получить 100 фунтовъ отъ русскаго правительства за мои письма и т. п. Еле успѣло письмо Горчакова дойти до Петербурга, какъ я получилъ оттуда *три* предостереженія. Что скажете вы объ этомъ? Эта каналья былъ приказчикомъ у Трюбнера.

Я написалъ небольшое сочиненіе для молодыхъ людей,—какъ вы думаете, о чемъ? О сотвореніи міра ¹⁾.

Прощайте.

Вы не прислали мнѣ обратно вырѣзки изъ газеты.

973. Письмо къ И. С. Тургеневу.

16 октября 1857.

Putney.

Ты—величайшій чудакъ въ мірѣ. Въ послѣднемъ письмѣ писалъ ты, что въ концѣ мѣсяца пріѣдешь; я и думалъ, что не объ чемъ писать къ тебѣ, тѣмъ больше, что ты прислалъ мнѣ гнусное, отвратительное, галерное письмо мерзавца Некрасова съ примѣчаніемъ, что тебѣ его стало жаль (это отъ болѣзни въ пузырь!)... Ну, лучше было поговорить объ этомъ. Деньги я, разумѣется, получилъ.

Теперь слышу, что ты съ Боткинымъ ²⁾ ѣдешь въ Римъ. «Чаю воскресеніе мертвыхъ», но герой Василій Петр. не рискнулъ въ Лондонъ... О, монополь ³⁾, о, Кяхта, ol Au geste ⁴⁾, приливъ русскихъ у насъ дюжинами, и продажа идетъ страшно.

¹⁾ См. № 1025.

²⁾ Василій Петровичъ.

³⁾ Т. е. чайное дѣло Боткинскихъ.

⁴⁾ Впрочемъ.

Читаль ли статью о Крыловѣ? Посылаю.
И о Корфѣ. Замѣть также о шпионѣ Михаловскомъ.
Огареву дѣлали 15 окт. операцию.
Все хорошо.

974. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 октября 1857.
Putney.

Такъ какъ вы имѣете обычай писать ко мнѣ часть послѣ того, какъ я посылаю свое на почту, и такъ какъ вы мѣсяць не писали, то и принимаюсь для полученія за перо.

Рукописи, посланныя изъ Лейпцига, я получилъ. У насъ все идетъ дѣятельно и живо. Имѣете-ли вы III и IV «Колокола»? если нѣтъ, я пришлю. Теперь издаемъ книгу о 14 декабря.

Русскихъ бываетъ много; толкуютъ сильно объ эмансипаціи. Ждемъ всѣми нервами. Изъ вложенной записочки вы увидите, что мы поймали отвратительнѣйшаго шпиона и ошельмовали. Говорите всѣмъ русскимъ, чтобъ адресовались въ типографію къ Чернецкому,—это гораздо вѣрнѣе, и рукописи бы посылали также. Адресъ на всякой книжкѣ найдутъ: 2 Judd. Street, Brunswick Square.

Дѣти процвѣтають, разумѣется, не безъ насморка и такихъ всякихъ въ ту и другую сторону послабленій, но въ суммѣ хорошо.

Нат. Ал. всю осень сильно хворала невральгіей и зубами до настоящаго тика. Ог. дѣлали первую операцию 15 октяб.; очень хорошо пока и, вѣроятно, недѣли черезъ двѣ совсѣмъ' будетъ заштопанъ.¹

Кланяйтесь Рейхелю много. Ну что же ваши аусзихты¹⁾?)

Мельгуновъ на меня въ припадкѣ гнѣва за то, что не заплатилъ ни мнѣ моего долга, ни Ротшильду, такъ что Рот. съ меня еще 6.000 фр. слупилъ. Бѣда, коли подъ старость человекъ въ амуръ пойдетъ.

Сашкѣ поклонъ.

Всѣ вамъ на всѣ манеры кланяются.

Прощайте.

◆◆ 1. Въ первыхъ числахъ октября 1857 г. въ III Отдѣленіе была прислана слѣдующая анонимная записка: «Говорятъ, что Гер-

¹⁾ Виды, предположенія на будущее.

цень не принялъ Некрасова, потому что онъ долженъ Огареву, который окончательно поселился въ Лондонъ съ Герценомъ. «Колоколь» и пусть, и гадокъ, и тупъ по моему мнѣнію». 6 октября Тимашевъ просилъ товарища министра иностр. дѣлъ узнать, какой это Огаревъ. 29 ноября товарищъ мин. иностр. дѣлъ И. Толстой отвѣтилъ, что повѣренный въ дѣлахъ, бар. Николаи, доносить, что узнать ничего нельзя, такъ какъ великобританское правительство никакихъ свѣдѣній о такихъ лицахъ не собираетъ. Извѣстно только, что Огаревъ живетъ вмѣстѣ съ Герценомъ въ мѣстечкѣ Потне (Putney). Рукой Тимашева на этой бумагѣ написано: «представить вмѣстѣ съ перепиской о Михаловскомъ».

10 декабря кн. Долгоруковъ запросилъ министра внутр. дѣлъ, на какой срокъ данъ Огареву заграничный паспортъ. Оказалось, что паспортъ дѣйствителенъ съ 1856 года пять лѣтъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1849 г., 1 эксп., дѣло № 67, ч. 4).

975. Письмо къ Н. П. Огареву.

(Октябрь—ноябрь 1857).

Давно хотѣлъ я съ тобой посовѣтоваться, мой другъ, и все жалѣя разрушить гармонію и тишину твоей жизни и столько же жалѣя Н. ¹⁾), какъ тебя, молчалъ. Говорить, что ты мнѣ, смѣшно. Способенъ ли я нанести тебѣ ударъ, быть неискреннимъ, когда я искрененъ со всѣми и когда собственныя раны не зажили? Я хочу съ тобой кончить жизнь, да мы ее такъ и кончимъ рука въ руку.

Я замѣтилъ въ дружбѣ Н. ко мнѣ болѣе страстности, нежели я бы хотѣлъ. Я люблю ее отъ всей души, глубоко и горячо, но это вовсе не страсть, для меня она—ты же, вы оба—моя семья и, прибавивъ дѣтей,—все, что у меня есть. Я сначала (уже въ Путнеѣ) отдалялся, она меня не поняла и была такъ этимъ огорчена, что я, разумѣется, спѣшилъ утѣшить ее. Къ тому же я, такъ давно лишенный всякаго теплаго женскаго элемента, не могъ не быть глубоко тронутъ ея братской дружбой. Ты ее хотѣлъ; въ моей чистой близости съ твоей подругой былъ для меня новый залогъ нашего trio. Но когда я опять увидѣлъ, что она увлекается, я все это считалъ результатомъ ея пылкаго характера и непривычкой владѣть собой. Наконецъ, она видитъ во мнѣ Наташу,—защитника ея за гробомъ, твоего друга, брата и мою симпатію.

¹⁾ Н. А. Огарева.

Мысль, что все это будетъ тебѣ больно, не давала мнѣ столько же спать, какъ мысль о твоей болѣзни сначала.

Сколько я ни ставилъ предѣловъ—*вы оба* ломали ихъ; до-вѣріе это я заслужилъ; смѣло, чисто стою я передъ тобой, другъ моей юности, но еще шагъ,—и новая пропасть откроется подъ ногами.

Я хочу васъ сохранить себѣ и себя вамъ, но для этого дай твой совѣтъ и твою руку, а главное—безусловную вѣру.

Быть ближе того, какъ я къ Н., другу, брату нельзя, всю мою любовь къ вамъ обоимъ я употреблю на сохраненіе всего. Нѣтъ въ мірѣ силы, страсти, которая бы отторгла тебя отъ меня. Что Н. сильно любитъ меня, это такъ и быть должно, но извѣстный характеръ этой любви не приходится мнѣ... Но... другъ мой, его устранить¹⁾ можно только съ чрезвычайной кротостью.¹

◆◆ 1. Съ середины 1857 года въ отношенія Герцена и Огарева вошелъ элементъ, котораго никто изъ нихъ не могъ раньше предвидѣть: любовь Н. А. Огаревой къ Герцену... Не разъединивъ друзей, эта любовь внесла, однако, въ ихъ жизнь столько осложнений и до такой степени измѣнила самую жизнь, что на ней нельзя не остановить серьезнаго вниманія читателей. Недавняя смерть Н. А. Огаревой даетъ теперь возможность ярко и выпукло освѣтить всю послѣдующую жизнь Герцена, пользуясь, главнымъ образомъ, его же собственными письмами. Судьба этой женщины трагична: начиная съ самой себя, она никому не усладила жизнь и, больше того—внесла въ нее столько тяжести и муки, что заслужила бы непріязнь каждаго, кто хотѣлъ бы вполне объективно оцѣнить ея роль, если бы она сама также не страдала всю жизнь... Съ середины 1857 года Герценъ лишенъ былъ свѣтлаго покоя, который видѣлъ только съ своей первой женой, мучился, страдалъ хотѣлъ отъ всего освободиться и все погружался въ тину семейныхъ неурядицъ, болѣзненно ощущая ихъ отрицательное вліяніе на горячо любимыхъ дѣтей, къ которымъ присоединилась родившаяся 4 сентября 1858 г. дочь Елизавета... 18-лѣтній сынъ лучше сестеръ могъ уже наблюдать муки отца; это не могло быть полезнымъ для его начинавшейся сознательной жизни,—вотъ почему пришлось вскорѣ думать объ его поѣздкѣ въ Женеву.

Письмо это, по всей вѣроятности, писалось до связи, но и незадолго до нея, когда Герценъ уже понималъ свое ложное и темное положеніе въ отношеніи своего друга. Огарева родилась 4 1829 году.

¹⁾ Eliminer--ограничить.

976. Ostrzeżenie.

DO REDAKCYI «DEMOKRATY POLSKIEGO».

Obywatele!—Pośpieszam zawiadomić Was o treści dwóch listów, które otrzymałem względem tajnych kroków poczynionych przez Michałowskiego do Rządu Rossyjskiego.

Ocenicie zapewne doskonale powody, dla których nie mogę przytoczyć ani nazwisk, ani daty, ani miejsca, od kogo, kiedy i skąd te listy były nadesłane. Zaręczam Was na słowo uczciwości, że znam doskonale osobę, która pisała list drugi, i że ta osoba jest w Rossyi. Oto treść pierwszego listu, który u P. Trübnera przy świadkach był odczytany Michałowskiemu.

«Pewien Michałowski napisał z Londynu list do Gorczakowa, ofiarując swe usługi Rządowi Rossyjskiemu i obiecując zawiadamiać go o wszystkich szczegółach stosunków, pomiędzy P. P. Truebnerem i Herzenem a Rossyą. Powiada on, że będąc jednym z głównych agentów księgarni Truebnera i posiadając wielkie tak u niego jak też u Herzena zaufanie, przez jego ręce przechodzą rękopisma i listy, adresowane do Drukarni Rossyjskiej; i na dowód tego, ofiaruje natychmiast przesłać kilka rękopisów i listów, przejętych przez siebie, a pochodzących z Rossyi».

- Drugi list jest jeszcze wyraźniejszy, i ten to list właśnie był mi nadesłany przez osobę, którą bardzo poważam, i o której prawdopodobności niemam najmniejszej wątpliwości:

«Pośpieszam zawiadomić Cię, że pewien Michałowski ofiarował Ministrowi Skarbu w Rossyi odkryć fabrykę fałszywych assygnatów rossyjskich, jeżeli mu rząd da 100 f. szt. Spółcześnie powiedział, że, mając posadę osoby zaufanej u Truebnera, wydawcy i rozsiewacza zgubnych książek w języku rossyjskim, miał wszelką łatwość do objaśnienia Rządu względem osób, które przesyłają z Rossyi swe korespondencje na dowód czego był gotów przesłać kilka listów i rękopismów. Dodał że jego gorliwość była już dobrze znaną rządowi rossyjskiemu, gdyż rok temu, on to był doniósł komu należało w Hamburgu, o wysyłce paki z książkami rossyjskiemi (sprawa to nieszczęśliwego Olszewskiego), i zakończył uzaleniem się, że dotąd jeszcze nie wyptacono mu 50 talarów, których rządał za doniesienie».

Gdy istotnie brakuje mi parę manuskryptów jednej ekspedycji, o której wyprawieniu zostałem zawiadomiony, jestem pewny, że on je sobie przyswoił. Jeżeli już je posłał, jest więcej jak prawdopodobnem, że dowiem się o tem.

Co pisze o zaufaniu, jakle miałem w nim pokładać, jest kłamstwem. Obywatele Czerniecki i Tchórzewski modą zaświadczyć, że uważałem go zawsze, jako człowieka bardzo podejrzanego, tym więcej, że mam w ręku dowody zprzeniewierzenia się jego nawet samemu Trübnerowi, który go zatrudnił i utrzymywał.

Pewna osoba z Londynu zapewniała mnie, że Michałowski był 1853 r. wygnany z Paryża jako szpieg austriacki, i że w czasie zaareztowania Ob. Olszewskiego w Hamburgu, dobrze o tem wiadano w Londynie, jako też miano wówczas powszechnie silne o to na niego podejrzenia. W takim razie wielkim było błędem, że nie zdarto już wtedy z niego maski zupełnie. Ta sama osoba (której nie mam prawa jeszcze wymienić) powiada, że wie z pewnością, iż Michałowski znowu (13 Października) doniósł Ministrowi Gorczakowowi o wszystkim cozaszło.

Otóż macie, Obywatele, to co wiem o tym nieszczęśliwym człowieku. Jak tylko dowiem się o czemś więcej jeszcze, udzielię Wam natychmiast uradomosci.

Aleksander Herzen.

Putney, 16 Października 1857 r.

Переводъ.

Предостереженіе.

ВЪ РЕДАКЦІЮ «ПОЛЬСКАГО ДЕМОКРАТА».

Граждане! Спѣшу увѣдомить Васъ о содержаніи двухъ писемъ, которыя я получилъ въ связи съ тайными шагами, предпріятыми Михаловскимъ у русскаго правительства. Вы, вѣроятно, хорошо поймете причину, въ силу которой я не могу назвать ни фамилій, ни числа, ни мѣста, къмъ, когда и откуда эти письма были присланы. Ручаюсь Вамъ честнымъ словомъ, что отлично знаю лицо, которое писало второе письмо, и что это лицо въ Россіи. Вотъ содержаніе перваго письма, которое у г. Трюбнера при свидѣтеляхъ было прочтено Михаловскому:

«Нѣкій Михаловскій написалъ изъ Лондона письмо Горчакову, предлагая свои услуги русскому правительству и общая увѣдомлять его о всѣхъ деталяхъ отношеній между Трюбнеромъ и Герценомъ съ одной стороны, и Россіей—съ другой. Онъ говоритъ, что является однимъ изъ главныхъ агентовъ книгоиздательства Трюбнера и пользуется большимъ довѣріемъ какъ Трюбнера, такъ и Герцена, поэтому, черезъ его руки проходятъ рукописи и письма, адресованныя въ русскую типографію; въ доказательство онъ предлагаетъ сей-

часть же переслать нѣсколько рукописей и писемъ, полученныхъ изъ Россіи и перехваченныхъ имъ».

Второе письмо еще ярче, и оно-то, собственно, прислано мнѣ лицомъ, которое я очень уважаю и въ правдивости словъ котораго нисколько не сомнѣваюсь:

«Спѣшу увѣдомить тебя, что нѣкій Михаловскій предложилъ министру финансовъ въ Россіи открыть фабрику фальшивыхъ русскихъ ассигнацій, если ему правительство дастъ 100 ф. ст. Одновременно онъ говоритъ, что, состоя въ должности довѣреннаго лица у Трюбнера, издателя и распространителя пагубныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, имѣлъ бы возможность просвѣтить правительство относительно лицъ, которыя присылаютъ изъ Россіи свои корреспонденціи, въ доказательство чего готовъ прислать нѣсколько писемъ и рукописей. При этомъ прибавилъ, что его усердіе хорошо извѣстно русскому правительству, такъ какъ годъ тому назадъ онъ же донесъ кому слѣдовало въ Гамбургѣ о пересылкѣ пакета съ русскими книгами (это дѣло несчастнаго Ольшевскаго), и закончилъ письмо жалобой на то, что до сихъ поръ ему не уплачено 50 талеровъ, которые онъ требовалъ за донось».

Въ виду того, что дѣйствительно у меня не хватаетъ нѣсколькихъ рукописей, объ отправленіи которыхъ я былъ увѣдомленъ, я увѣренъ, что онъ ихъ себѣ и присвоилъ. Если онъ ихъ уже выслалъ, то, болѣе чѣмъ вѣроятно, я объ этомъ узнаю.

Что же касается довѣрія, которымъ будто онъ пользовался у меня, то это—ложь. Граждане Чернецкій и Тхоржевскій могутъ засвидѣтельствовать, что я всегда считалъ его человѣкомъ подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что у меня въ рукахъ доказательство измѣны его даже Трюбнеру, который давалъ ему трудъ и содержалъ его.

Одно лицо въ Лондонѣ увѣряло меня, что Михаловскій былъ въ 1853 г. изгнанъ изъ Парижа, какъ австрійскій шпіонъ, и что во время ареста Ольшевскаго въ Гамбургѣ—это было хорошо извѣстно въ Лондонѣ—также были на него въ этомъ дѣлѣ сильныя подозрѣнія. Было большой ошибкой въ такомъ случаѣ, что уже тогда съ него не сорвали окончательно маску. Это самое лицо, (имени котораго не могу еще назвать) говоритъ, что навѣрно знаетъ, что Михаловскій опять (13 октября) донесъ министру Горчакову о всемъ происшедшемъ.

Вотъ и все, граждане, что я знаю объ этомъ несчастномъ человѣкѣ. Какъ только узнаю что-нибудь еще, подѣлюсь съ вами немедленно.

Александръ Герцень.

Путней, 16 октября 1857 г.

977. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 ноября 1857.

Putney.

Надѣюсь, что у васъ и помину нѣтъ о дѣтскихъ болѣзняхъ и о переѣздѣ въ другую Strasse. Тихо и у насъ. Вы, вѣроятно, слышали, что было въ Москвѣ, какъ пьяная полиція и разбойникъ частный приставъ ворвались въ домъ, гдѣ былъ студентскій праздникъ; пять челоѣкъ студентовъ были избиты до полусмерти и пр. Вы въ «Колоколѣ» увидите всѣ подробности (онъ выйдетъ черезъ недѣлю). Ну, увидимъ тутъ Ал. Ник., что онъ: рюа или мясо; десихъ поръ онъ ни то ни сѣ.

Теперь печатаются мои «Записки» и именно о Грановск.; я вамъ пришлю въ листахъ ¹⁾). Тамъ вы найдете о немъ превосходное стихотвореніе Огарева; желаю знать, какъ онѣ вамъ,—многіе будутъ недовольны... Но впередъ, «объ истинѣ глася неумолимо»... но со всей полнотою любви.

Представьте себѣ, кто будетъ зимою! Кетчеръ и Сатинъ! Кого и кого мы ни увидимъ!

А прогос, когда будете писать къ Егору Ив., черкните, что съ недѣлю назадъ Саша писалъ къ нему, прося 150 цѣл. послать Акс. Ив. и 50 Вѣрѣ Арт.; онъ получить деньги въ Москвѣ. Я потому пишу къ вамъ объ этомъ, что онъ не отвѣчалъ на старое письмо Саши. Не пропадаютъ ли письма?

Затѣмъ цѣлую дѣтей и Рейхеля. Пишите о дѣлахъ вашихъ. Я все еще думаю, что не нужно было переѣзжать изъ Парижа.

Наше дѣло растеть и растеть. Книги идутъ сотнями. Теперь sous presse ²⁾): «14 декабря 1825 и императоръ Николай». Трюбнеръ печатаетъ по-русски, французски, англ. и нѣмец.¹

Прощайте. Саша въ университетѣ. Дѣвчонки пляшутъ въ пансіонѣ; все хорошо, но голова у дѣтей болитъ часто.

Я надняхъ поправилъ рассказъ о кончинѣ Коли. Вы получите мое письмо въ страшную годовщину,—шесть лѣтъ! Это былъ единственный случай, въ которомъ я показалъ дѣйствительно мою дружбу къ вамъ. Заживаютъ раны на сердцѣ... Я все думалъ, какъ бы вамъ легче сообщить... Ну-съ, и прошло.

¹⁾ Гл. XXIX «Былого и думъ», въ IV кн. «Полярной Звѣзды».

²⁾ Въ печати.

◆◆ 7. Всѣ изданія Триубнера, права на которыя онъ приобрѣталъ у Герцена, печатались въ типографіи З. Свентославскаго; такъ, тамъ были отпечатаны вторыя изданія I—III кн. «Полярной Звѣзды», переводъ «Стараго міра и Россіи», «14 декабря 1825» и т. д.

978. Письмо къ Ж. Мишле.

12 novembre 1857.

Putney.

Cher Monsieur, j'ai reçu et comme toujours avec le plus grand plaisir votre bonne lettre. Non seulement moi j'avais déjà lu «l'Insecte»—mais ma fille âgée de 12 ans—que je relis et relis. Vous ne le savez peut être pas que toute notre famille se compose des naturalistes ardents. Mon fils étudie la chimie et l'anatomie comparée (sous un ami de Geoffroy S-t Hilaire Pr. Grant). Moi en vieux sceptique je suis très content que mes enfants ont plus de goût pour toutes les bêtes possibles—que pour «l'humanielle» comme le disait un anglais. Le dernier temps j'ai été occupé—à accuser, juger et convaincre un polonais autrichien, un réfugié, qui s'était placé dans la librairie de Trübner, qu'il était espion russe, qu'il envoyait des dénonciations à Petersbourg (d'où on me donna des renseignements). Eh bien, certainement vos coléoptères et autres sont beaucoup plus humains et plus chevaleresques.

Dans le 5 N^o de notre «Cloche» il y aura encore un petit article concernant votre histoire (Richelieu) et «l'Insecte».

Notre propagande va toujours crescendo—nous imprimons maintenant par milliers nos exemplaires et nous vendons tout.

Il y a un ouvrage sur Nicolas imprimé en Russie par un baron Korff—nous imprimons contre cette monstruosité de servilisme bysantin et bassesse bureaucratique—un ouvrage à part sous le titre «Le 26 décembre 1825 et l'Emp. Nicolas». Le libraire veut imprimer en même temps une traduction française. Vous me permettrez de vous offrir un exemplaire.

Je ne suis pas tout à fait content du IX vol. de l'histoire de Louis Blanc. Il est fatigué, trop systématique et il a maltraité mes amis personnels—Anacharsis Cloutz et ¹⁾.

Il m'est impossible de saisir cette division inexorable—à gauche

¹⁾ Имя неразобрано.

fraternité, à droite—individualisme. Il y avait bien «la mort» dans la fraternité et la charité—dans l'égoïsme d'un Helvetius.

Je vous salue de tout mon coeur—et je suis toujours et toujours à vos dispositions.

A. Herzen.

Je vous envoie la petite note imprimée sur l'espion—si vous avez parmi vos amis des polonais, prévenez les.

Переводъ.

12 ноября 1857.

Дорогой г. Мишле, я получилъ и, какъ всегда, съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше хорошее письмо. Не только я уже прочелъ «Насѣкомое», но даже и моя дочь, которой 12 лѣтъ; я же перечитываю и перечитываю его. Быть можетъ, вы не знаете, что вся наша семья состоитъ изъ пламенныхъ натуралистовъ. Мой сынъ изучаетъ химію и сравнительную анатомію (подъ руководствомъ проф. Гранта, друга Жофруа Сентъ-Илера). Я, какъ старый скептикъ, очень доволенъ тѣмъ, что мои дѣти обнаруживаютъ больше влеченія ко всевозможнымъ животнымъ, чѣмъ къ «человѣчинѣ»,— какъ говорилъ одинъ англичанинъ. Послѣднее время я былъ занятъ обвиненіемъ, изобличеніемъ и осужденіемъ одного австрійскаго поляка-эмигранта, который устроился приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ Трюбнера. Я изобличилъ его въ томъ, что онъ былъ русскимъ шпиономъ и посылалъ доносы въ Петербургъ (откуда мнѣ прислали справки). Ну, вотъ, видите, ваши «жесткокрылыя» и др. болѣе благородны и человѣчны.

Въ пятомъ № нашего «Колокола» будетъ еще статейка относительно вашей исторіи (Ришелье) и «Насѣкомаго».

Наша пропаганда все разрастается, мы печатаемъ тысячами экземпляровъ и все распродаемъ.

Существуетъ трудъ о Николаѣ нѣкоего барона Корфа, напечатанный въ Россіи. Противъ этого чудовишнаго византійскаго раболѣпія и бюрократической подлости мы печатаемъ особый трудъ подъ заглавіемъ «26 декабря 1825 и имп. Николай». Книгопродавецъ хочетъ одновременно напечатать и французскій переводъ. Вы мнѣ позволите предложить вамъ одинъ экземпляръ.

Я не вполне доволенъ IX томомъ исторіи Луи Блана. Онъ утомленъ, слишкомъ систематиченъ и рѣзко отзывается о моихъ личныхъ друзьяхъ: Анахарсисѣ Клоотсѣ ¹⁾ и ²⁾.

¹⁾ Жанъ-Батистъ Клоотсъ, называемый Анахарсисъ Клоотсъ, членъ Конвента. Прославился какъ пламенный проповѣдникъ братства народовъ и какъ врагъ всѣхъ религій, особенно христіанской; казненъ въ 1794.

²⁾ Имя не разобрано.

Я никакъ не могу понять это неизбежное противоположеніе: налѣво — братство, направо — индивидуализмъ. Вѣдь, была же «Смерть» въ братствѣ и любовь къ ближнему въ эгоизмѣ какого-нибудь Гельвеція.

Привѣтствую васъ отъ всего сердца, и всегда-всегда въ вашемъ распоряженіи.

А. Герцень.

Посылаю вамъ маленькую печатную замѣтку ¹⁾ относительно шпиона; если между вашими друзьями есть поляки, предупредите ихъ.

979. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 ноября 1857.
Putney.

Я вамъ писалъ, что вы аккуратно пишете ко мнѣ, такъ что письмо приходитъ черезъ часъ послѣ отправки. Ваше письмо съ приложениями не только получено, но уже отослано въ типографію. Ужасы и гнусности... Такъ и быть, иду въ палачи за народъ и постегаю этихъ мошенниковъ. Я догадываюсь, кто вамъ писалъ по имени Вѣнскаго ²⁾, лишь бы они не писали пустыхъ или невѣрныхъ фактовъ.

Посылаю вамъ (если примутъ съ Крейцбандомъ—сегодня, а нѣтъ—черезъ книгопродавца) «Судебныя сцены» ³⁾. По-моему, это—геніальная вещь, только надобно вчитаться, надобно дать взойти въ душѣ всему грустному, скрытому въ смѣхѣ и пошлости.

Листы о Гр. тоже пришло.

Пятый и шестой «Колоколь» выйдутъ скоро. Засимъ прощайте.

Весь вашъ *А. Герцень.*

980. Кончина И. Д. Якушкина.

Въ Москвѣ недавно скончался Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, исполненныхъ силы и благо-

¹⁾ № 970.

²⁾ П. Л. Пикулинъ.

³⁾ И. С. Аксакова.

родства дѣятелей въ тайномъ союзѣ при Александрѣ I. *Тридцать два года* провелъ онъ въ Сибири, не унывая и не теряя упованія. Прощенный манифестомъ 26 августа, онъ возвратился еще бодрымъ старцемъ въ Москву. Рядъ неприятностей и полицейскихъ преслѣдованій отравили ему послѣдніе мѣсяцы его жизни. Его заставили покинуть не только Москву, но и Московскую губернію; онъ долженъ былъ удалиться въ деревню, гдѣ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока болѣзнъ поставила его на край гроба.

Вѣчная память страдальцу въ нашихъ сердцахъ, исполненныхъ религіознаго, безпредѣльнаго уваженія къ доблестнымъ сподвижникамъ Пестеля и Рылѣва! ¹⁾

981. Полицейскій разбой въ Москвѣ.

Съ ужасомъ и омерзѣніемъ получаемъ мы со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о гнусной исторіи полицейскаго безначалія въ Москвѣ, которое вѣнчаетъ позорное генераль-губернаторство Закревскаго и опровергаетъ оберъ-полицмейстеромъ Берингомъ русскую пословицу, *что битый стоитъ двухъ не битыхъ*. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, чѣмъ все это покончится. Государь призывалъ Ковалевскаго, попечителя московскаго университета, и толковалъ съ нимъ объ этомъ. Но чего же ждать отъ *ляденки* Беринга, Норова ²⁾, и отъ князя Вяземскаго, который, если не по плоти, то по духу тоже ляденка его?

Кровавыя событія и дикія насилія, сопровождавшія появленіе полиціи въ домѣ, въ которомъ собирались студенты, равно подтверждаются письмами, къ намъ присылаемыми, изъ которыхъ мы два печатаемъ почти цѣликомъ, статьями Nord'a, благородно взявшаго сторону студентовъ ³⁾ и милой «Kreuz-Zeitung»—этой берлин-

¹⁾ Говорятъ, будто государь не знаетъ, что декабристовъ, возвратившихся изъ Сибири, тѣснятъ Долгоруковъ и Тимашевъ.

Когда Тимашевъ бралъ мѣсто Дубельта, онъ говорилъ, что «береть его для того, чтобъ доказать, что оно не нужно». Онъ дѣлаетъ гораздо больше: онъ доказываетъ, что оно очень *вредно*. Развѣ лента, которую онъ на дняхъ получилъ (съ чѣмъ редакція «Колокола» усердно поздравляетъ его превосходительство) и которую онъ, говорятъ, такъ пламенно и такъ упорно желалъ, сдѣлаетъ его кротче? Будемте надѣяться!—А. И. Г.

²⁾ Министръ народнаго просвѣщенія.

³⁾ Еслибъ только «Nord» могъ вылѣчиться отъ застарѣлой неаполитанской болѣзни, или бы скрылъ, что ли, эту противоестественную страсть къ Фердинанду III!—А. И. Г.

ской отрыжки III Отдѣленія, этого прусскаго застѣнка для русскихъ дѣлъ, этого лазутчика in partibus, который хочетъ изъ патриотизма политическими намеками скрыть кулаки кварталныхъ.

Какъ жалко окруженъ государь, если до него не дойдетъ истина; а въ этомъ сомнѣваются корреспонденты.

Вмѣсто того, чтобъ ходить въ Берлинѣ по лавкамъ и ругать сидѣльцамъ «Колоколь», какъ это сдѣлалъ генераль-адъютантъ въ фаворѣ, Адлербергъ, и хлопотать потомъ о запрещеніи его ¹⁾, лучше бы онъ заплатилъ за любовь императора, доводя до его свѣдѣнія, чтó дѣлается на Руси. Мы, обличая злодѣйства (какъ бы ни казался жестокъ нашъ языкъ Зимнему дворцу и Лѣтнему саду), дѣлаемъ больше пользы Россіи и самому государю, нежели его фавориты, старающіеся барабаннымъ боемъ и погремущками заглушить стонъ страждущихъ.

Пусть они и государь, впрочемъ, знаютъ, что исторію пишутъ не однѣ Устряловы и Корфы и что невесело итти въ потомство ни съ Биронами, Аракчеевыми и Клейнмихелями, ни съ Анной Ивановной и Петромъ Ѳедоровичемъ ²⁾.

Въ заключеніе мы убѣдительно просимъ сообщать намъ о послѣдствіяхъ этого событія. Дѣло это чрезвычайно важно — мы узнаемъ по немъ, что такое въ самомъ дѣлѣ правительственное направленіе въ Россіи.

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ Вестфаленъ объявилъ въ числѣ Amtliche Nachrichten 20 октября 1857, «что въ силу такого-то закона и такого-то параграфа, № I «Колокола», издаваемого на русскомъ языкѣ въ Лондонѣ, А. Герценомъ (не даромъ фамилія Мантейфеля напоминаетъ что-то чловѣчье и дьявольское вмѣстѣ, — почему онъ знаетъ, что А. Герценъ издаетъ «Колоколь»? этого никогда не было напечатано — zu wunderbar! ^{o)}), судебно былъ осужденъ на уничтоженіе, а потому и дальнѣйшее распространеніе этого журнала во всѣхъ прусскихъ владѣніяхъ запрещается (17 октября) подъ такими-то наказаніями.

Замѣтите, что № I «Колокола» вышелъ въ іюль, зачѣмъ же Вестфаленъ церемонился до 17 октября, зачѣмъ дождался размягченія мозга у короля и пріѣзда въ Берлинъ Адлерберга съ патологическимъ посольствомъ, чтобъ обнаружить первое запрещеніе отъ С. М. русскаго журнала внѣ Россіи? — А. И. Г.

²⁾ Послѣ этого шли два письма изъ Москвы о подвигахъ Беринга и Заревскаго въ отношеніи московскихъ студентовъ.

^{o)} Слишкомъ удивительно.

982. Подъ спудомъ.

Мы получили за прошлый мѣсяць ворохъ писемъ; сердце обливаётся кровью и кипитъ безсильнымъ негодованіемъ, читая, что у насъ дѣлается *подъ спудомъ*.

Прежде, нежели мы начнемъ страшный перечень злодѣяній, мы еще разъ умоляемъ всѣхъ особъ, пишущихъ къ намъ, проникнуться ради нашего дѣла, ради смысла и значенія, которое мы хотимъ ему пріобрѣсть, что всякій фактъ невѣрный, взятый по слухамъ, искаженный, можетъ сдѣлать намъ ужасный вредъ, лишая насъ довѣрія и позволяя преступникамъ прятаться за ошибочно обвиненныхъ.

Одна горячая любовь къ Россіи, одно глубокое убѣжденіе, что нашъ обличительный голосъ полезенъ, заставляетъ насъ касаться страшныхъ ранъ нашего жалкаго общественнаго быта и ихъ гноя. Мы—крикъ русскаго народа, битаго полиціей, засѣкаемаго помѣщиками, да будетъ же этотъ крикъ исторгнуть одной истинной болью!

Отсутствіе николаевского гнета какъ будто расшевелило все гадкое, все отвратительное, все ворующее и въ зубы бьющее подъ сѣнью императорской порфиры. Точно какъ по ночамъ поднимае́сь скрытая вонь въ большихъ городахъ во время оттепели или передъ грозой.

Для насъ «такъ это ясно, какъ простая гамма»: или *гласность*, или всѣ начинанія не приведутъ ни къ чему. И не иносказательная гласность повѣсти, намековъ, а обличительные акты съ именами, съ разборомъ дѣлъ и дѣйствій лицъ и правительственныхъ мѣстъ.

Искренно, отъ души жалѣемъ мы Александра II, — его положеніе, дѣйствительно, трагическое; не разсѣять ему туманъ, скрывающій отъ него страшное состояніе Россіи, онъ устанетъ отъ борьбы, оттого что борьба всего труднѣе въ безгласную ночь да еще не съ врагами, а съ толпой клеветовъ и мошенниковъ.

Зачѣмъ онъ не знаетъ старой русско́й пословицы: «не вели казнить, вели правду говорить». Это единственное средство *правду узнать!*

Вѣсти, полученныя нами, до того страшны, до того гадки и лучшія изъ нихъ до того глупы, что мы теряемся съ чего начать. Ихъ всѣ можно раздѣлить на двѣ части: *часть сумасшедшаго дома* и *часть смирительнаго дома*. Во всѣхъ дѣйствуютъ безумные и воры,

въ разныхъ сочетаніяхъ и переложеніяхъ, иногда воры и безумные вмѣстѣ, иногда безумные, но не воры (нѣтъ, это мы обмолвились: всѣ воры!—воры смиренные, воры бѣшеные, воры цѣпные, а потомъ духовные, военные, городскіе, полевые, садовые воришки); все это восходитъ, поднимается отъ станovýchъ приставовъ, засѣдателей, квартальныхъ до губернаторовъ, полковниковъ, отъ нихъ до генераль-адъютантовъ, до дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ (2-го класса и 1-го класса) и оканчивается художественно, мягко, роскошно, женственно въ Минѣ Ивановнѣ ¹⁾, въ этой Сюаса Махіта современныхъ гадостей, обложенной бриллиантами, золотой и серебряной работой (Сазикова) съ народнымъ калачемъ и православной просвирой ²⁾ въ рукѣ на которой потомокъ старинной русской фамиліи велѣлъ вырѣзать «Благословенна ты въ женахъ!» ³⁾. Хорошъ архангелъ, да и пречистая дѣва не дурна!

А) По части дома умалишенныхъ.

Авторъ «Русскаго Бога», кн. Вяземскій (мы его почти считаемъ нашимъ сотрудникомъ по «Полярной Звѣздѣ» за его милое стихотвореніе, напечатанное нами), разослалъ циркуляръ, оскорбительный для министра внутреннихъ дѣлъ Ланского (циркуляромъ согрѣшившій циркуляромъ и погинеетъ). За то ли онъ на него сердится, что Ланской *салв*, а онъ *товарищъ*, или за что другое, не знаю, но вотъ цидулка эксъ-поэта, разосланная цензорамъ:

«Г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія предлагаетъ цензурнымъ комитетамъ сдѣлать распоряженіе о непечатаваніи никакихъ статей изъ отдѣла «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» «*Правительственной Указателя*», потому, что въ означенномъ отдѣлѣ помѣщаются *такія* статьи («Déclaration du droit de l'homme»? «Contrat social»?), кои, служа указаніемъ, заключаютъ въ себѣ иногда описанія неправильныхъ и ошибочныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ. Въ журналѣ этомъ, какъ органѣ мини-

¹⁾ Буркова, фаворитка гр. В. Ф. Адлерберга, имѣвшая очень большое вліяніе на всевозможныя назначенія.

²⁾ Тоже Сазикова работы.—А. И. Г.

³⁾ Впрочемъ у насъ, ни аристократовъ, ни христіанъ на службѣ нѣтъ, и нивелирующее братство передней давно заведено. Развѣ оберъ-полицмейстеръ Берингъ не живетъ душа въ душу, не бражничаетъ съ камердинеромъ Закревскаго, Матвѣемъ Ивановичемъ? Что за счеты въ нашъ демократическій вѣкъ: одинъ генераль, другой крѣпостной человекъ, *оба лакеи*, оба, вѣроятно, биты, одинъ навѣрное — Берингъ, но зато и камердинеръ не гнушается имъ! Совѣтъ и дружба!—А. И. Г.

стерства, онѣ приличны, даже *необходимы*, но перепечатываніе ихъ въ другихъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ совершенно неумѣстно». (Мы полагаемъ, въ «Колоколѣ» умѣстно, какъ вы думаете, г. товарищъ?..)

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего, что есть не кстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русский богъ.

А гдѣ «русскій богъ», по Вяземскому,—богъ

Баръ служащихъ, какъ лакеи...

— Раскольниковъ продолжаютъ тѣснить самымъ глупымъ образомъ, имъ не выдаютъ купеческихъ свидѣтельствъ и принимаютъ объявленія капиталовъ только на правахъ временныхъ купцовъ. Равномѣрно ихъ не *пускаютъ за границу* (это что же, чтобъ не укрѣпились въ расколѣ? Эки шалуны!...). Это изобрѣлъ Ланской и *по секрету* сообщилъ всѣмъ губернаторамъ,—самому стыдно стало да и «товарищъ по просвѣщенію» проучилъ за многоглаголаніе. Когда же они перестанутъ мѣшаться во все, всѣмъ управлять, все путать?

Воды, холодной воды на голову!

В) *По части смирительнаго дома.*

1. *Убійство и покровительство разврата.*

Вотъ рассказъ нами полученный безъ измѣненія. ¹⁾

Какія деньги платятъ полиціи содержательницы за такія страшныя преступленія? Не дешево берутъ и полицейскіе за убійства! А Закревскій-то! Вѣдь, и не подумаетъ сѣдой сатрапъ, что не нынче, завтра умретъ, а небось въ адъ и рай вѣритъ! И этого челоуѣка поддерживаютъ Адлерберги! И такія дѣла скрываетъ Долгоруковъ... Несчастный Александръ III ²⁾.

¹⁾ Дальше слѣдовало письмо московскаго корреспондента о возмутительныхъ дѣйствіяхъ полицмейстера Сечинскаго въ отношеніи проститутки Янсонъ, желавшей бросить свою профессію и умершей подъ преслѣдованіями Сечинскаго, хлопотавшаго о защитѣ интересовъ содержательницы публичнаго дома и получившаго поддержку Закревскаго.

²⁾ Дальше шло письмо другаго корреспондента о свирѣпомъ и нечеловѣческомъ обращеніи помѣщика кн. Вреде съ своими крѣпостными.

983. По части путей сообщенія.

«Пароходъ «Тосна», подъ командой Опочинина, разбился 25 іюля о каменную гряду, *неозначенную на картахъ*. Въ Тихомъ океанѣ, вы думаете, или по крайней мѣрѣ въ Беринговомъ проливѣ (мы серьезно советуемъ морскому вѣдомству переимѣнить это названіе: послѣ дѣяній московскаго оберъ-полицмейстера, нельзя порядочному проливу такъ называться)? Нѣтъ, эти неозначенныя на картахъ гряды камней не у полюсовъ, а у подѣзда Зимняго дворца, въ Балтійскомъ морѣ. Неужели это и по морю они ѣздятъ съ поддѣльными картами?

984. Международная просьба

его превосходительству

Г. министру французскихъ внутреннихъ дѣлъ.

С.-Петербургскаго третіей гильдіи купца Савелья Жалуева и Гессенъ-Филипстальскаго подданнаго Лондомандола Карла Карлова, проживающаго въ ономъ же городѣ и торгъ ведущаго,

Нижайшее прошеніе.

Имѣя значительныя въ торговлѣ капиталы и желая оныя для общественнаго блага соединить, извѣстились мы, что съ подданныхъ Е. И. В. государя императора Наполеона III (по батюшкѣ, простите, не знаемъ, какъ) сняты подати, взимаемая съ объявленныхъ капиталовъ и иныя гильдейскія повинности и тяги.

Желая со своей стороны воспользоваться сею неизречимую и монаршей милостію нынѣ благоденственно царствующаго государя императора всей Россіи Александра Николаевича, но, не имѣя на оную милость права: я, Жалуевъ, по бытности моей русскимъ, а я, Лондомандолъ, по Гессенъ-Филипстальскому происхожденію,

Прибѣгаемъ къ начальственному ходатайству вашего превосходительства о зачисленіи насъ при будущей французскаго государства ревизіи (или сепаратно) во французы и подданные Е. И. В. государя императора Наполеона III, коему и готовы принести нашу вѣрноподданническую присягу по формѣ, утвержденной священ-

нымъ синодомъ съ приличнымъ измѣненіемъ высочайшаго имени, съ тѣмъ же неукоснительнымъ рвеніемъ. О милостивомъ нашей просьбы принятіи и о зачисленіи насъ во французы (буде оное состоится) нижайше просимъ ваше превосходительство извѣстить какъ насъ, такъ и с.-петербургскую градскую думу и магистратъ (въ полицію В. П. не безпокойтесь давать знать: она и безъ того, по священной обязанности своей, благоволитъ читать всѣ письма, изъ-за предѣловъ нашего любезнаго отечества приходящія), дабы мы могли о сложеніи съ насъ тягъ просить кого слѣдуетъ.

Къ сему прошенію Наполеона Третьяго будущій рабъ и третіей гильдіи купецъ *Савелій Федотовъ*, сынъ *Жалуевъ* руку приложилъ. Къ сей просьбѣ *Каролусъ Лондомандола*, негодіантъ въ Петербургу, und künftiger franzoesischer Kaisersunterthan ¹⁾ рука приложилъ.¹

◆ 1. 2 декабря 1857 г., получивъ № 5 «Колокола», Мельгуновъ писалъ Герцену: «Я показывалъ № разнымъ русскимъ, изъ которыхъ иные недавно изъ Россіи. Они всѣ подтвердили строгую точность извѣстій. Разумѣется, этоть №, который и безъ того показался самымъ интереснымъ изо всѣхъ, получаетъ отъ достовѣрности извѣстій двойную цѣну. Вообще, я вижу съ радостью, что число твоихъ корреспондентовъ увеличивается и что ты все болѣе и болѣе находишь сочувствія въ Россіи. Давай-то Богъ! Великое дѣло—настойчивость!» («Вольное Слово» 1883 г., № 58).

985. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

6 Décembre 1857.
Putney.

Chère Malvida, c'est une chose inconcevable—et je vous assure que vous seriez bien contente de voir la sincère, la véritable tristesse qui s'est emparée de nous tous, Ogareff, moi, Alexandre. Nous vous avons ensuite cherchée au Crys. Pal. Pourquoi n'êtes-vous donc pas venue? Il n'y a qu'une salle.

Nous sommes arrivés à 1.20 m. et nous sommes partis à 1.40. Nous avons attendu non devant, mais derrière la salle où l'on prend les billets.

¹⁾ Будущій французскій подданный государя.

Venez aujourd'hui—c'est le jour de naissance d'Og. et soyez persuadée que ce diable de mistake nous a gâté le jour.

Il n'a invité que vous et Talandier. Il n'était pas. Je vous lirai l'introduction.

Nous vous attendons le champagne en main.

Переводъ.

6 декабря 1857.

Дорогая Мальвида, это непостижимо, и я васъ увѣряю, что вы были бы очень довольны, видя искреннюю, неподдѣльную печаль, которая овладѣла всѣми нами: Огаревымъ, мною, Александромъ. Мы васъ потомъ искали въ Crys. Pal. ¹⁾). Почему же вы не пришли? Тамъ только одна зала.

Мы прибыли въ 1.20 м. и уѣхали въ 1.40. Мы ждали не передъ залой, но позади нея, гдѣ берутъ билеты.

Приходите сегодня,—это день рожденія Og., и вѣрьте, что это чертовское недоразумѣніе испортило намъ весь день.

Онъ пригласилъ только васъ и Таландье. Послѣдняго не было. Я вамъ прочту предисловіе.

Мы ждемъ васъ съ бокаломъ въ рукѣ!

986. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 декабря (1857).

Putney.

За письмо, которое я навѣрное ждалъ, дружески благодарю ²⁾). Досадно, что съ васъ слупили такую барку денегъ за комедію да еще, вѣроятно, и за листы о Грановскомъ; впредь этого не будетъ, а если они опять потребуютъ, не берите. Я все могу пересылать черезъ книгопродавца. Чтобъ васъ утѣшить, скажу вамъ, что Кр. ³⁾ изъ Петерб. прислалъ старые журналы и за провозъ взяли до границы 40 руб. сер. да здѣсь 2 фун. 10 sh., т. е. 200 fr. Это очень забавно.

Жду всенепремѣнно отъ васъ мнѣніе насчетъ статьи; такъ близкой вамъ—о Гр. Теперь печатается кончина Ив. Ал. ⁴⁾ и Дм.

¹⁾ Хрустальный дворецъ — главное зданіе первой всемірной выставки (въ Лондонѣ).

²⁾ Поздравленіе Огарева съ днемъ его рожденія.

³⁾ Краевскій.

⁴⁾ Яковлевъ.

Павл. ¹⁾ Огаревъ находитъ, что портретъ Дм. Павл. артистически оконченъ.

А каково, скажите, насчетъ того, что Тат. Ал. тиснула повѣсть «Воспитанница» въ 10 № «Современника?» ²⁾ Такъ себѣ, однако, лучше бы сперва было повычистить; каррикатурная и злая сторона недурна, но чувствительная больно чувствительна. ¹⁾

Насчетъ Америки ³⁾ думаю, что мѣры брать и вамъ, и мнѣ поздно. Теперь проигрышь явный, лучше переждать, когда я буду продавать, тогда и вы (продавать, такъ вмѣстѣ).

Мельгуновъ, какъ и слѣдуетъ: не платитъ ни гроша; его долгъ уже перешелъ за 13,000 fr.

А изъ вашего письма, все-таки, не вижу, чтобъ вы съ Рейхелемъ дѣло сдѣлали, переѣхавъ.

Дѣтей цѣлую и благодарю за иллюстраціи. Рейхелю кланяюсь много. А вы видѣли, какія ругательства въ «Колоколѣ»? — просто рассупѣ-деликатессъ.

Если Станк. поѣдетъ, то не забудьте написать: 1-е, чтобъ она мнѣ захватила лучшее изданіе басенъ Крылова; 2, какую-нибудь русскую исторію для Таты; 3, если что есть новаго по книжной части. Если же можно прежде прислать Крылова, было бы хорошо.

А къ Ег. Ив. опять не забудьте, чтобъ онъ деньги отдалъ по Сашиной запискѣ; отчего онъ не отвѣчаетъ? Эка трусость!

Прощайте.

Дѣти здоровы. Огар. совсѣмъ оправился послѣ операциіи, заново пошелъ; только насчетъ горячительнаго—атанде-съ.

P. S. Вы, однако, покажите зубы вашему почтальону. Какъ они смѣютъ ревизовать англійск. почту? или она пусть сносится съ ней,—она, вѣдь, франкируетъ.

◆◆ 1. Для характеристики отношеній Т. А. Астраковой къ Герцену и его семьѣ, а также и для ознакомленія съ ея повѣстью «Воспитанница», приведу ея письмо къ Герцену отъ 8/20 января 1858 года.

«Что у кого болитъ, тотъ про то и говорить,—такъ гласитъ русская пословица. Вы, добрая, милая моя старушка Эмилиа, такъ

¹⁾ Голохвастовъ.

²⁾ Подъ псевдонимомъ: «...Бѣлевской». Тамъ описывается жизнь Н. А.—ны до брака.

³⁾ Американскіе фонды.

меня утѣшили и порадовали своимъ отзывомъ о моей повѣсти, что я, право, этого и не ждала. Рискнула я печататься, да ужъ послѣ и сгоревалась, — сама я такъ мало училась всему, что себѣ плохо довѣряю въ этомъ дѣлѣ, а здѣсь мнѣ не съ кѣмъ посоветоваться. Я, было, попробовала сказать одной знакомой, повидимому не глупой, а образованной женщиной, а она мнѣ начала читать проповѣдь (не читая еще моей повѣсти), что я страшную отвѣтственность беру на себя, что для этого надо быть Евг. Туръ ¹⁾, и пр., и пр., а когда прочла мое сочиненіе, то сказала, что оно безнравственно, и что воспитатели гораздо добрѣе, нравственнѣе и лучше самой воспитанницы. Ну, признаюсь, я этого не ожидала; я подумала, что, видно, у меня выходитъ вовсе не то, что я хочу высказать, и уже хотѣла отказаться отъ писанья, но братья ²⁾ настоятельно требуютъ, чтобы я продолжала писать, и я теперь, зажмуря глаза и зажавши уши, начинаю переправлять свои статьи, которыхъ у меня набралось въ запасъ много. Что-то будетъ!

«Прошу васъ, моя добрая Эмилія, будьте всегда такъ добры, удѣляйте время на прочтеніе моихъ статей, хотя передъ сномъ, на досугѣ, и пишите мнѣ свое мнѣніе; да, пожалуйста, не такъ, какъ теперь, *деликатно*, а просто побраните меня по-дружески, скажите прямо, что, дескать, то и то скверно, пошло и пр., а что хорошо, ну, хорошо. Ваши отзывы и ободряютъ, и научаютъ меня. Другимъ я не повѣрю, всѣ вѣчно лгутъ, даже лгутъ въ журналахъ, печатно. Ну, напр., зачѣмъ это «Современникъ» напечаталъ въ ноябрьской книжкѣ, что онъ рекомендуетъ свой журналъ главными статьями, изъ которыхъ, указывая на Щедрина, Толстого, Григоровича, поименовалъ и мою рубрику? ³⁾ Ну, развѣ не смѣшно вообразить, что я могу теперь же стать на одну доску съ этими господами? конечно, это сдѣлано для того, чтобы заманить къ себѣ дарового писаку — вотъ и все. Мнѣ нѣкоторые господа говорятъ, что моя повѣсть не хуже другихъ. Ну, что-жъ изъ этого? Вѣдь, эти похвалы хуже брани. Иногда печатаютъ такія пошлости, что Боже упаси! Ну, а я не могу себя считать такъ, что я могу написать пошлость,—во мнѣ есть къ себѣ нѣкоторое уваженіе.

«А вотъ что мнѣ кажется. что во мнѣ недостаетъ многихъ элементовъ. Вотъ вы говорите, что у меня плохи лирическія мѣста;

¹⁾ Псевдонимъ гр. Е. В. Салиасъ де Турнемиръ, напечатавшей тогда свою «Племянницу».

²⁾ Друзья.

³⁾ При перечисленіи матеріала, напечатаннаго въ журналѣ за 1857 г., упомянута и «повѣсть г. Бѣлевскаго».

ну, ужъ они должно быть всегда будутъ такія: все, что касается чувства, мнѣ дается не легко; у меня сдѣлается лихорадка, головная боль, жаръ, я буду краснорѣчиво молчать, а если, по несчастію, меня заставятъ высказывать непремѣнно въ это время, скажу глупость, все перепутаю, пересолю... Описывая кого или что-нибудь, у меня всегда вертится главная цѣль, а объ обстановкѣ я почти вовсе забываю, такъ что, должно быть, я никогда не слажу съ романомъ, гдѣ бы мнѣ нужно было вывести пропасть лицъ на сцену и пр.

«Прочитавши ваше письмо, я послала на другой же день другую пьесу, тоже въ «Соврем.». Не знаю, напечатаютъ ли ¹⁾). Должно быть, да, потому что она тоже *даровая*. Я, однако, писала редактору, чтобы онъ потрудился защитить ее отъ пересмотра, въ противномъ случаѣ она потеряетъ все, и я тогда, пожалуй, закаюсь брать перо въ руки. Вѣдь, и 1-ю они угостили; выкинули два мѣста, которыя имѣли большой смыслъ. А вотъ можете себѣ представить, что мы не имѣемъ ничего какъ есть вашего. Ужасно обидно. Ну, такъ бы и впился, да нѣтъ, никакихъ средствъ нѣтъ... Вотъ какъ я не люблю людей, которые всю вѣчность все чего-то боятся. Скучно...

«Вы еще замѣтили, что героиня скучна. Да иначе и не могло быть, и оживить ее, мнѣ кажется, трудно. Ея жизнь до замужества вся была задушена, въ ней была жива только мимика, и то урывками, пурливая. Жизнь-то, правда, взяла свое, развилась, загорѣлась, но уже поздно и некстати. Она легла только тяжелымъ камнемъ на душу, вотъ и все. Вѣчно жизнь придавить все, вездѣ цѣпи, и нѣтъ никакихъ силъ порвать ихъ, все уносить обыденная жизнь. Знаете, мнѣ очень надоѣло ѣсть, пить, спать... Я бы желала это замѣнить инымъ, вѣдь, жизнь пошла бы лучше?»

«Ну, моя добрая старушка. я боюсь, что вы испортите себѣ глаза, читая мою болтовню, — да вѣдь, если правду сказать, она скучна должна быть для васъ,—но не будьте эгоистичны, все-таки, прочтите и опять что-нибудь напишите мнѣ. Я, вѣдь, буду ждать съ нетерпѣніемъ. Однако, будетъ.

«Извиняюсь очень, что помѣщу не на мѣстѣ поздравленіе съ новымъ годомъ. Искреннее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ принесъ намъ всѣмъ болѣе отраднхъ минутъ, болѣе искренняго душевнаго перерожденія челоѣка, испепелилъ бы всякое фанфарство...

«Прощайте! Жму крѣпко руку, крѣпко обнимаю.

ММ.

¹⁾ Напечатана не была.

«Сашу люблю, обнимаю и цѣлую крѣпко. Спасибо ему за писанье. Буду послѣ ему писать больше, теперь нѣтъ время, пора на почту.

«Письмо не пошло. Работа придаетъ много интереса жизни и облегчаетъ ея невзгоды, особливо, если она приноситъ пользу, а отъ нея пользы (по слухамъ) много. Дай Богъ путь добрый!

«Обнимаю Огар. Ему-то бы надо взглянуть на насъ самому и съ Н. А.

«Помните ли вы, милая моя старушка, 12-е января? какъ оно шумно и весело было! и, увы! теперь оно скучно и чиннородственно и только.

«А «Дорритъ»¹⁾ — то я не читала, постараюсь достать».

Письмо это напечатано Г. П. Георгіевскимъ въ VI кн. «Вѣсти Европы» 1907 въ качествѣ письма Т. П. Пассекъ..

987. Письмо къ И. С. Тургеневу.

18 декабря 1857.
Putney.

Не понимаю, какъ это сдѣлалось, но я только сегодня получилъ твое письмо. И очень былъ ему радъ,—а то ты что-то пересталъ культивировать корреспонденцію. Ты можешь достать изъ Парижа письмо, которое я тебѣ писалъ въ день твоего отъѣзда; впрочемъ, важнаго ничего не было въ немъ. Твои 4 лив. я получилъ, сказалъ какъ-то Ленгу, чтобъ прислалъ за ними, онъ еще не присылалъ.

Читалъ ли 5 №? Съ кайенскимъ перчикомъ. 6 выйдетъ на дняхъ. Требуите тамъ отъ книгопродавцевъ, пусть выписываютъ отъ Трюбнера—60, Paternoster row. Успѣхъ нашей типографіи... monte... monte... monte²⁾. — Теперь уже набираютъ три француза, три англичанина (не зная ни одной русской буквы) и наши поляки. 2-е изданіе «Полярн. Звѣзды» въ 1500 экземпляръ. уже расходуется. Писемъ, корреспонденцій получаемъ много. — А прогос, меня просили для перевода «Рыбаковъ» Григор.³⁾ на нѣмецкій черкнуть предисловіе, которое непременно требовалъ Hoffman und Campe. Я въ предисловіи воскурилъ тебѣ такой фиміамъ за твои «Разказы охотника», что ты еще что-нибудь расскажешь.

¹⁾ «Крошка Дорритъ» Диккенса.

²⁾ Растеть... растеть... растеть.

³⁾ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Ну, а Боткинъ отчего не пишетъ? оттого, что защищаетъ монополь (я думаю, онъ недоволенъ «Колоколомъ»), а защитникъ монополь бываетъ консерваторъ, а консерваторъ всего боится...

Засимъ прощай.

Журналы получаемъ петербург. исправно.

«Полярн. Звѣзда» выйдетъ къ 1 марта.

Да благословить св. отецъ пузырь твой, яко кадило предъ тобою.

Мельгуновъ наказалъ меня еще на 6000 франк. и чуть самъ не разсердился на меня.

Выпиши себѣ книгу нашу «14 дек. 1825 и им. Николай» и другихъ заставляй, особенно кяхтинскаго егельянца ¹⁾).

Огаревъ много кланяется. Операция совершенно удалась. Девиль — молодецъ; я присутствовалъ при дѣлѣ, — вся штука продолжалась минуты двѣ.

988. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

28 Décembre (1857).
Putney.

Chère Malvida, l'article est tout fait—après avoir traduit donnez moi les feuilles à fur et à mesure. Peut être j'imprimerai cet article dans «la Cloche».

Concernant le 31 Décem. moi je propose d'aller avec vous ensemble quelque part. C'est à dire avec les Og. et Alex. Pourtant rien n'est décidé.

J'ai lu votre lettre à M. Og. — Il y a beaucoup à parler sur ce sujet, théorétiquement vous avez presque toujours raison — mais la grande difficulté c'est la *traduction* de la théorie en pratique.

Or, je ne voudrais pas m'engager en une discussion sur un sujet qui est trop prêt—mais je vous dirai avec ma franchise accoutumée—je ne pense pas que la pratique, *l'exercice* de l'éducation, l'application de la théorie—soit votre fort. J'ai beaucoup pensé depuis 2 ans—sur ce sujet et je dois avouer que *le laisser faire*—est une chose pernicieuse, et un enfant est vite démoralisé par l'adulation, la préférence, la condescendance.—Soyez sûre que l'éducation est un des problèmes—les plus compliqués et ne se résout pas par des généralités.

Adieu.

A. Herzen.

¹⁾ В. П. Боткинъ.

Переводъ.

28 декабря.

Дорогая Мальвида, статья совсѣмъ готова, — переведенные листы передавайте мнѣ одинъ за другимъ. Быть можетъ, я напечатаю эту статью въ «Колоколѣ». Что касается 31-го декабря, я предлагаю отправиться куда-нибудь всѣмъ вмѣстѣ, т. е. съ Огаревыми и Александромъ. Однако, ничего еще не рѣшено.

Я прочиталъ ваше письмо къ Ог. По этому поводу много можно сказать: теоретически вы почти всегда правы, но великая трудность заключается именно въ *переводѣ* теоріи на практику.

Я не хотѣлъ бы пускаться въ споръ о предметѣ слишкомъ близкомъ, но съ обычной своей откровенностью скажу вамъ: не думаю, чтобы практика, *соденіе* воспитанія, примѣненіе теоріи были бы вашею сильною стороною. Я объ этомъ много думалъ въ теченіе двухъ лѣтъ и долженъ признать, что «предоставленіе свободы» — дѣло опасное и вредное; лѣсть, предпочтеніе, снисходительность быстро возвращаютъ ребенка...

Повѣрьте, воспитаніе — одна изъ наиболѣе сложныхъ задачъ и не можетъ быть разрѣшаема общими фразами.

Прощайте.

А. Герценъ.

989. Москва.

ЗАКРЕВСКІЙ отстоялъ БЕРИНГА, и онъ остается московскимъ оберъ-лицеймейстеромъ! Вотъ вамъ и либеральный императоръ, вотъ вамъ и сила общественнаго мнѣнія!

Тамъ, гдѣ нѣтъ гласности, тамъ, гдѣ нѣтъ правъ, а есть только царская милость, тамъ не общественное мнѣніе даетъ тонъ, а козни передней и интриги алькова. Тамъ какая-нибудь Мина Ивановна перевѣситъ негодованіе и стонъ цѣлаго города, хотя бы этотъ городъ назывался Москвой. Итакъ, съ Богомъ, г. Берингъ, въ походъ! Наживайтесь, деритесь, убивайте несчастныхъ женщинъ въ тюрьмѣ, засѣкайте пожарныхъ солдатъ, мѣшайте Москву освѣщать газомъ, — на что лишній свѣтъ вообще!.

За васъ Закревскій, за Закревскаго Мина Ивановна и Орловъ... Кто же противъ васъ?

990. Западныя книги.

Многіе изъ писавшихъ къ намъ изъявляли желаніе, чтобъ мы указывали въ «Колоколѣ» на важнѣйшія литературныя произведенія на Западѣ и, въ особенности, на книги о Россіи.

Съ удовольствіемъ исполнимъ мы ихъ желаніе и именно будемъ *указывать* на книги, но не больше,—разборы ихъ отвлекли бы насъ отъ нашихъ занятій, которыя всѣ въ Россіи, въ русскихъ дѣлахъ и книгахъ, а не въ западныхъ людяхъ и интересахъ.

Наше время не богато особенно замѣчательными книгами. Мы больше перечитываемъ, нежели читаемъ и пишемъ вновь, и это чрезвычайно важно. Обрывъ, къ которому пришло человѣческое разумѣніе и который обличился послѣ 1848 г., сбиль съ толку умы слабые и обратилъ сильные умы на внутреннюю работу. Мыслию и сознаниемъ было много прожито въ послѣднее десятилѣтіе, горькіе опыты, потрясающія сомнѣнія подкосили легкую рѣчь, и старая школа риторовъ на манеръ Ламартина умолкла или болтаетъ свой вздоръ, не возбуждая никакого участія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было послѣ такихъ потрясеній «свистать одно и то же».

Не надобно забывать, что только Англія, одна Англія тихо продолжала свое нравственное развитіе и невозмушаемый трудъ. Другимъ было не до продолженія и не до писанія. Съ внѣшней стороны—своеволіе власти, конкордаты, казни ¹⁾, съ внутренней—раздумье челоуѣка, который, прошедши полдороги, начинаетъ догадываться, что онъ ошибся, и вслѣдствіе того пересматриваетъ свое прошедшее, близкое и далекое, припоминаетъ бывшее и сличаетъ его съ настоящимъ.

Въ литературѣ, дѣйствительно, все поглощено исторіей и социальнымъ романомъ. Жизнь отдѣльныхъ эпохъ, государствъ, лицъ съ одной стороны, и съ другой—какъ бы для сличенія съ былымъ,

¹⁾ Недавно вѣнскій архіерей, въ силу конкордата, запретилъ давать въ анатомической театрѣ трупы умершихъ католиковъ; такимъ образомъ Рокитанскіе ²⁾, Скоды ³⁾ и др., если не найдется какого-нибудь несчастнаго грека или протестанта, должны будутъ читать по курамъ! Въ одномъ императорѣ Николай былъ правъ, это что Янъ Собѣскій и онъ сдѣлали огромную глупость, спасая Австрію.—А. И. Г.

²⁾ Бар. Карль Рокитанскій, извѣстный патолого-анатомъ.

³⁾ Юсифъ Скода, извѣстный терапевтъ.

исповѣдь современнаго человѣка подѣ прозрачной маской романа или просто въ формѣ воспоминаній, переписки.

Развѣнчанный Ричардъ II говоритъ своей женѣ (въ трагедіи Шекспира), разставаясь съ нею передъ ссылкой, куда его отправлялъ Боленбрукъ: «Скучными зимними вечерами собирай стариковъ и заставь ихъ рассказывать о давно минувшихъ скорбяхъ ихъ. Но прежде, нежели ты простишься съ ними, расскажи, чтобъ ихъ утѣшить, о нашемъ печальномъ паденіи». Слова эти идутъ къ Европѣ и къ тому литературному направленію, о которомъ мы говорили!

Критическое положеніе Запада все еще у насъ кажется преувеличеннымъ. Намъ сильно увлекаетъ наружность и справедливая ненависть къ домашнему цинизму власти. Извѣстная гладкость формъ, отсутствіе наглаго насилія, правительственной грубости, отсутствіе всякаго рода побоевъ,—результаты длинной цивилизаціи, скрываютъ, несмотря на всѣ событія, отъ глазъ нашихъ соотечественниковъ, серьезный характеръ нравственной болѣзни Франціи и Германіи, увлекающихъ съ собою меньшія государства материка.

Сколько мы ни говорили объ этомъ предметѣ, но по повторяющимся возраженіямъ видимъ, что мысль наша не ясна, по крайней мѣрѣ, не находитъ сочувствія. Здѣсь не мѣсто ее доказывать; сверхъ того, намъ придется еще разъ коснуться ея ¹⁾; мы напомнимъ только нашимъ противникамъ, что люди, которые посѣщали Римъ или Галлію ²⁾ въ IV или V столѣтіи, такъ же мало могли видѣть смерть за плечами имперіи, какъ русскіе не видятъ разрушительную лихорадку въ усиленномъ и неестественномъ біеніи парижскаго пульса. Тѣмъ болѣе, что французы съ искренней (и обладающей вась холодомъ) надеждой, ждуть завтра исправленія всѣхъ золъ и считаютъ настоящую эпоху за временную остановку, за небольшой отдыхъ между двумя рощами лавровъ.

Государственныя формы европейскія несомвѣстны съ идеаломъ общественности, который выработался цивилизаціей; вотъ главная причина. То, что можно было сдѣлать взаимными ограниченіями, соглашеніями, уступками, то сдѣлано; новый бытъ стремился съ XVIII столѣтія установиться, мѣшая въ разныхъ пропорціяхъ преемственный бытъ, историческое начало власти съ выводами науки и началами революціонными.

Борьба, которая необходимо должна была выйти отсюда, про-

¹⁾ Въ предисловіи ко второму, трубнеровскому изданію «Писемъ изъ Франціи и Италіи».—А. И. Г.

²⁾ У вась подѣ руками «Аполлинарій Сидоній» Ешевскаго.—А. И. Г.

должалась больше полувѣка; она-то и привела къ той внутренней работѣ, о которой мы сказали, и къ тому новому глубокомысленному пониманію, которое мы находимъ въ передовыхъ мыслителяхъ, какъ Прудонъ, въ социальныхъ и положительныхъ стремленіяхъ современныхъ умовъ.

Но практически въ послѣдней борьбѣ погибли всѣ прежнія упованія. Она открыла ясно, что какъ бы идеаль ни былъ вѣренъ, она принадлежитъ одному образованному меньшинству, а массѣ до него дѣла нѣтъ, или она разумѣетъ подъ нимъ совсѣмъ иное. Отсюда замѣчательный логическій кругъ въ жизни: экономическія условія историческаго быта должны измѣниться, для того, чтобы массы поняли вопросъ, и измѣниться въ явную невыгоду тѣхъ, которые понимаютъ его теперь!

Въ этомъ тяжеломъ противорѣчьи, при матеріальной побѣдѣ власти, незанятая сила, уже зараженная исключительно страстью стяжанія, отклонилась совсѣмъ отъ общаго развитія и ударились въ судорожную спекуляцію, въ болѣзненный ажіотажъ, въ продажу *сею*.

Доведеть ли деспотическое своеволие правительство до государственнаго банкротства, до экономическаго переворота, и выйдетъ ли изъ этого переворота Европа не только цѣлой, невредимой, но и обновленной, — въ этомъ весь вопросъ; именно онъ-то и не рѣшенъ; а не рѣшенный вопросъ имѣетъ, разумѣется, и противъ себя шансы. Но во всякомъ случаѣ этотъ-то переходъ черезъ экономическій катаклизмъ и будетъ тѣмъ разрушеніемъ старыхъ формъ, которое необходимо или для новаго порядка вещей, или для того, чтобы исторія приняла окончательно другое русло.

Разсматривая литературныя произведенія этого времени недоумѣнья и борьбы, мы видимъ явный слѣдъ ихъ въ каждой замѣчательной книгѣ. Съ одной стороны, потребность отдѣлать чище и прямѣе науку отъ случайностей и судебъ рушащагося міра политическаго; съ другой, — это себяощипываніе, это тревожное состояніе тяжело-больного, который хочетъ позднимъ изученіемъ уяснить себѣ свое положеніе, раздумье купца, который, видя неминуемое разореніе, старается спасти что-нибудь.

Реализмъ естествознанія захватываетъ больше и больше всю ученую дѣятельность, отвлекая ее отъ юридическихъ и гражданскихъ предметовъ. Школы Конта, Стюарта Милля, нѣмецкихъ натуралистовъ и медиковъ пріобрѣли большую смѣлость откровеннаго языка, совершеннѣйшую возмужалость мысли и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайную даль отъ общепринятыхъ понятій. Возстановляя сбившуюся съ дороги традицію ясныхъ и гениальныхъ умовъ, какъ

Кантъ, Биша, Кабанисъ, Лапласъ, наука дѣлается прямо и открыто *анти-идеализмомъ*, сводя на естественное и историческое все божесловское и таинственной. А народы въ то же время, словно, испуганные безплодностью переворотовъ, снова отступаютъ въ подорванный католицизмъ или теряются въ холодномъ изувѣрствѣ протестантизма. Общественное мнѣніе снова безъ всякой терпимости требуетъ рѣшительнаго лицемѣрія, и Агассизъ или Либихъ, въ Филадельфій или мюнхенѣ, все равно, принуждены слабодушно отречься отъ истинъ науки и исказить ихъ для того, чтобъ не распугать толпу и имѣть полную аудиторію; а такъ называемые политическіе революціонеры, республиканцы, демократы проповѣдуютъ историческій деизмъ, идеализмъ въ политикѣ, всѣхъ предразсудки военно-теократическаго государства, такъ что ихъ свобода очень похожа на заспанную фигуру Людовика XVI, которому въ Версалѣ нахлобучали на голову фригійскую шапку.

Рядомъ съ отчуждающейся наукой, входящей въ жизнь только приложениями, идетъ другая внутренняя работа, мы ее можемъ назвать соціальной патологіей. Къ ней равно принадлежатъ Прудонъ и Диккенсъ. Новая вивисекція Прудона кажется намъ самымъ замѣчательнымъ явленіемъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, — дальше скальпель еще не шель. Если вы не читали его «Manuel d'un spéculateur à la bourse», котораго четыре изданія расхватили въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, то мы не только рекомендуемъ, но настоятельно просимъ изучить это сочиненіе. Врачемъ, наблюдателемъ сидитъ Прудонъ у изголовья разлагающагося организма и слѣдитъ шагъ въ шагъ (копѣйка въ копѣйку) за успѣхомъ болѣзни, считая пульсъ по биржевому курсу, по приливу и отливу, hausse и baisse, и спокойно приписывая на счетахъ увеличивающійся débit смерти.

Не имѣя права говорить словами, онъ говоритъ цифрами, сложеніемъ и вычитаніемъ; онъ держитъ приходо-расходную книгу общества, несущагося къ банкротству. Его «Manuel» — ариѳметическое de profundis ¹⁾ и съ тѣмъ вмѣстѣ сторожевой крикъ съ высоты биржи.

Несмотря на большой расходъ книги Прудона, французы мало понимаютъ его, напротивъ, его обвиняютъ въ безнравственномъ вліяніи, въ томъ, что онъ приводитъ въ отчаяніе въ то время, какъ надобно ободрять, — вѣроятно, велерѣчиво толкуя о величій de la grande nation и о скоромъ водвореніи братства народовъ и всемирной республики...

«Вмѣсто того, — говоритъ одинъ путешественникъ о юго-

¹⁾ Панихида.

испанскихъ республикахъ въ центральной Америкѣ,—чтобъ изученіемъ собственныхъ ошибокъ подняться, вырваться изъ своего жалкаго положенія, испано-американцы стараются высокоумнымъ хвастовствомъ обмануть себя. Опьяняющія средства эти отводятъ имъ глаза отъ предстоящихъ судебъ».

Слова эти, по несчастію, относятся и не къ одной Коста-Рикѣ. Оттого-то мнѣ современное состояніе европейскаго материка и кажется такъ печальнымъ. Несчастіе бываетъ въ двухъ случаяхъ: очень опасно: когда сознаніе сопровождается совершенной простраціей, т. е. когда ровное отчаяніе и преданность судьбѣ заставляютъ покойно сложить руки и понурить голову, или когда чело-вѣкъ безмысленно идетъ не замѣчая рва, пропасти и считая ихъ неглубокими. Кто не видалъ съ содроганіемъ самонадѣянность больного, спокойно разсуждающаго съ вами о будущемъ, не зная, *сколько* его умерло?

Франція такъ увѣрена въ своемъ передовомъ мѣстѣ, что какъ Далай-лама и не считаетъ нужнымъ доказывать это; но любопытно видѣть притязаніи Германіи (именно теперѣ) на всемірно историческое первенство. Ихъ исключительный націонализмъ, окруженный космополитическими фразами, ихъ ревнивая ненависть старой женщины къ Россіи и злопамятная зависть къ Франціи вмѣстѣ съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ доходятъ до комизма.

Года три тому назадъ двѣ книги, изданныя Дитцелемъ, обратили сильное вниманіе публики. Одна трактовала о германской цивилизаціи, другая—о Франціи и ея элементахъ развитія. Вслѣдъ за тѣмъ Дитцель издалъ брошюру «Russland, Deutschland und die östliche Frage». Брошюра эта, написанная съ тою же заднею мыслію, дополнила и округлила его воззрѣніе, которое вовсе не принадлежитъ ему лично, а есть, въ сущности, воззрѣніе всѣхъ нѣмецкихъ патриотовъ-философовъ и людей движенія.

Основная мысль Дитцеля состоитъ въ томъ, что романскіе народы, нося въ себѣ элементы міра древняго, по той мѣрѣ принадлежатъ новому міру, по которой возшелъ въ нихъ германскій элементъ, побѣждая и вытѣсняя элементъ романскій. Во Франціи галльское начало беретъ верхъ надъ франкскимъ цезаризмомъ, подавляющей идеей государства, поглощеніемъ личности, вслѣдствіе чего Дитцель осуждаетъ Францію на испанское старчество и вмѣстѣ съ нею считаетъ огуломъ весь романскій міръ отжившимъ, прошедшимъ.

Отвертываясь отъ маститаго романскаго старца, классически согбеннаго надъ клюкой, Дитцель обращается къ славянамъ. Если тому пора умирать, то славяне врядъ родились ли еще. Это дикіа

орды, сформированныя въ колоссальное *военное поселеніе нѣмецкими* деспотизмомъ. Дитцель отказываетъ народу русскому во всѣхъ политическихъ способностяхъ, считаетъ ихъ только годными на коммунистическое житье, и досадуетъ на нѣмцевъ, сдѣлавшихъ изъ этихъ людскихъ табуновъ регулярные полки и усовершенствовавшихъ ихъ благосостояніе (вѣроятно, канцелярскимъ устройствомъ и письменнымъ инквизиторіальнымъ процессомъ!).

Изъ этого ясно, что современность и ближайшая будущность принадлежать той странѣ, которая находится между дряхлымъ старцемъ и лѣнтяемъ мальчишкой, представительницей всего возмужалаго и энергическаго,—*Германіи*. Когда ему пришлось это сказать, онъ самъ испугался великаго призванія Германіи и скромной роли, которую она играетъ съ своими 36 суставами, «съ прусскимъ отечествомъ, австрійскимъ отечествомъ, и проч.»¹⁾ Дитцель не могъ не остановиться передъ этой горькой ироніей и тотчасъ прибѣгнуть къ средству не новому съ нѣкоторыхъ поръ, именно къ тому, чтобы находить истиннаго представителя германизма въ *Англии*.

Это на томъ основаніи, на которомъ извѣстный добрякъ, котораго хотѣли пригласить аккомпанировать, отвѣчалъ на вопросъ: играете ли вы на скрипкѣ? Нѣтъ, но мой двоюродный братъ, который въ Парижѣ, играетъ и очень хорошо!

Признавъ Англію за Германію, нечего церемониться и съ Северо-Американскими Штатами.

На легкое замѣчаніе мое въ одномъ журналѣ одинъ изъ патриарховъ нѣмецкой *космополитической* и исключительной національности отвѣчалъ, что не только это справедливо, что Америка нѣмецкая, но что собственно и Россія—Германія, что въ ней русскаго *только народъ*. Этимъ мы обязаны Сарептѣ, памятной книжкѣ, нѣмецкимъ чинамъ и городамъ, оканчивающимся на несчастное *бургъ*.

Но середь этихъ философскихъ преній, въ продолженіе которыхъ Эдгаръ Бауэръ²⁾ *построилъ* свою Россію à priori, нѣмцамъ въ острастку, да такую византійскую и православную, что сами славянофилы бы отказались отъ нея, а Дитцель *снялъ* ее на основаніяхъ всемірно-историческаго развитія и причислилъ къ *будущимъ*,—

1)

А кажись, не подобаетъ
Дундуку такая честь?

Пушкинъ.—А. И. Г.

2) Ошибка—Бруно Бауэръ, братъ его.

явилась книга Вагнера ¹⁾ о Коста-Рикѣ («Costa Rica und das Central America»), изъ которой сейчасъ мы сдѣлали выписку. Извѣстный путешественникъ, жившій болѣе на Кордильерахъ и въ Пампахъ, нежели въ аудиторіяхъ и кабинетахъ, самъ былъ въ Россіи и, взглядываясь въ нее, пришелъ къ иному результату. Его поразило сходство роста и духа между Америкой и Россіей, и онъ, совсѣмъ напротивъ, утѣшаетъ утомленную Европу, указывая ей на Америку и Россію, какъ на страны будущаго могучаго историческаго развитія.

Само собой разумѣется, что его введеніе (которое мы рекомендуемъ прочесть) возбудило большое негодованіе.

Но чтобъ и намъ не впасть въ израильскій грѣхъ и не считать себя народомъ божіимъ, какъ это дѣлаютъ наши (двоюродные) братья славянофилы, мы замѣтимъ мимоходомъ, что исторія не такъ просто и легко двигается, чтобъ ѣздить въ одиночку; она скорѣй похожа на тяжелый дилижансъ, который тащатъ въ гору разныя клячонки, одна посильнѣе, другая послабѣе, одна моложе, другая старше, но каждая тащитъ постромку. Въ числѣ лошадей, употребляемыхъ на историческую гоньбу, есть добрые кони, но ни одного, который бы не имѣлъ своихъ пороковъ, ни одного, который бы въ одиночку стащилъ старый рыдванъ. Русская лѣнь да сонъ приобрѣли ей до сихъ поръ только отрицательную силу; ничего не дѣлая, нельзя ни затянуться, ни истощить силъ; надеждъ у насъ не мало, притязаній тоже, но надобно посмотрѣть на дѣлѣ.

Мы бы нѣмецкимъ космопатріотамъ стали возражать на другое. Куда имъ знать славянскій міръ, который самъ себя едва знаетъ и который знать только можно *съ той точки зрѣнія*, съ которой естественный коммунизмъ нашъ считается не слѣдствіемъ дикаго, стаднаго состоянія, а условіемъ будущаго соціального развитія. Но съ чего они воображаютъ, что Англія и Америка—органическое продолженіе Германіи? Неужели Байронъ похожъ на нѣмца? Англія, совсѣмъ напротивъ, доказала, *что* можно сдѣлать изъ германской породы, когда она перемѣшается съ другою крсвью, т. е. перестаетъ быть нѣмецкой. Въ основѣ англійской жизни лежатъ циклопическіе фундаменты саксонскаго понятія о правѣ, съ нимъ много германскихъ элементовъ перешло въ британскій характеръ; но на этихъ основаніяхъ Англія развила свою собственную народность, рѣзко отдѣленную, какъ ея островъ, отъ всѣхъ другихъ народностей. Отъскрывать въ англичанахъ нѣмцевъ такъ же смѣшно, какъ въ Эфраимѣ Лессингѣ—славянина Ефрема Лѣсника.

¹⁾ Мориць, естествоиспытатель и путешественникъ.

Слѣдя отдѣльныя національности къ соплеменнымъ народамъ и возводя ихъ далѣе и далѣе къ источникамъ и началамъ, мы всѣ потеряемся въ жидовской семьѣ Адама или, по крайней мѣрѣ, должны считать нѣмцевъ за персіанъ, по иранскому происхожденію.

Ritter Бунзенъ ¹⁾ имъ это доказалъ своимъ «Ипполитомъ».

Переходя къ книгамъ, собственно вышедшимъ въ 1857 г., я упомяну, во-первыхъ, о IV томѣ прѣтической, художественной «Исторіи XVI столѣтія» Мишле. Генрихъ IV, Габріэль, Ришелье— все лица знакомыя, но такъ живо, близко, sans gêne, съ такимъ свѣжимъ колоритомъ и освѣщеніемъ мы ихъ не видали. Можетъ, есть частности, въ которыхъ историкъ увлекся воображеніемъ, но вообще эта книга, какъ мы имѣли случай замѣтить въ «Полярной Звѣздѣ» 1855, говоря о первомъ томѣ ея,—произведеніе мастерское; исторія тутъ становится искусствомъ, эпосомъ въ прозѣ. Лѣта не имѣютъ никакой власти надъ сѣдымъ Мишле,—онъ юнѣеть.

Луи Бланъ напечаталъ IX томъ своей «Исторіи французской революціи», еще начатой до февральской революціи. Онъ остановился на началѣ процесса Гебертистовъ; само собой разумѣется, что этотъ кровавый эпизодъ кроваваго террора разказанъ у него съ точки зрѣнія комитета общественнаго спасенія, т. е. Робеспьера.

О новомъ томѣ Тьеровой «Исторіи консулата и имперіи» вы знаете. Интересно, бойко, поверхностно-быстро плыветъ онъ, по плоскодонному устройству, во всякой водѣ.

Изъ «Записокъ» особенно замѣчательны послѣдніе тома «Мелуаровъ» маршала Мармона, испортившіе много корсиканской крови въ бонапартовской семьѣ. Иначе и быть не могло: пучки лавровыхъ вѣнковъ развязалъ герцогъ рагузскій, чтобъ надѣлать изъ нихъ простыя розги. Съ каждымъ годомъ исчезаетъ больше и больше prestige солдатской имперіи, и отяжелѣвшій Наполеонъ, замѣняющій упорными капризами тухнущій геній, окруженный своими кондоѣберами въ герцогскихъ мантияхъ, готовыми предать его, какъ предали ему республику, являются совсѣмъ иными въ запискахъ Мармона, нежели въ пѣсняхъ Беранже и литографіяхъ времени Карла X. Книгѣ полковника Шарасѣ, челоуѣка высокаго нравственнаго достоинства и большого знатока военныхъ наукъ, «О кампаніи 1815 года» суждено, кажется, еще тяжело обрушиться на гробовую крышу въ Домѣ инвалидовъ.

Записки и письма Чарльза Непира, изданныя послѣ его смерти, сдѣлали нѣкоторую сенсацию въ Англіи. Личность Непира, въ самомъ дѣлѣ, ярко и поэтически отдѣляется на тяжеломъ и туманномъ фонѣ:

¹⁾ Христіанъ.

бездарной англійской high life ¹⁾). Человѣкъ этотъ во всемъ далекъ отъ толпы, во всемъ поэтъ и мыслитель, много передумалъ, много и понялъ, и подъ конецъ, управляя цѣлыми арміями и провинціями, печально прямо смотрѣлъ на людей и дѣла. Въ его гордомъ, своеобразно рѣзкомъ, самостоятельномъ умѣ, въ его независимости отъ положенія намъ такъ и бросается въ глаза различіе англійскаго и французскаго духа. Главнокомандующій войсками въ 1848 году, во время чартистскаго движенія О'Брайна, Мичеля и пр., онъ, далекій отъ того, чтобы восхищаться рѣзней, которая могла бы ему доставить кавеньяковскіе и ламорисьеровскіе лавры, отмоченные въ англійской крови,—съ грустью пишетъ въ своемъ журналѣ о томъ, что вопросы, волнующіе умы и являющіеся въ чартизмѣ, на череду, что, что ни дѣлай ихъ не обойдешь, и, что народы, какъ будто влекомые providѣніемъ, идутъ къ ихъ разрѣшеніямъ; а потому будущность все же ихъ... Къ современнымъ политическимъ дѣятелямъ онъ имѣлъ мало сочувствія; къ партіямъ, попеременно стоящимъ у руля Англии, онъ тоже не могъ принадлежать, думаемъ мы, по его рѣзкой характеристикѣ ихъ: «Тори — говоритъ онъ—это грабители на большихъ дорогахъ, *разбойники*; а виги — *воришки* въ маленькихъ переулкахъ, pick pockets».

О жизнеописаніи Толя ²⁾, изданномъ Бернади (вѣроятно, по собственнымъ запискамъ или рукописямъ Толя ³⁾) и запискахъ Сиверса ⁴⁾ мы поговоримъ особо въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Колокола». У Толя есть мастерскіе портреты и чрезвычайно интересныя страницы. Писать военную исторію такъ, чтобы она занимала и не военныхъ, дѣло не легкое. Мы читали только первый томъ (ихъ вышло три, но сочиненіе не окончено, третій томъ останавливается на кампаніи 1813 года), итальянскій походъ и Суворовъ выходятъ очень рельефно и необычайно занимательны. Предоставляя русскимъ журналамъ помѣстить его очеркъ Суворова, мы скромно ограничимся штатскимъ и мирнымъ *генераломъ отъ розой*, графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Толъ съ особенной любовью набросалъ намъ дорогія черты этого злодѣя.

Записки Сиверса мы еще не получили, что же касается до брошюры Чичагова, напечатанной въ Берлинѣ ⁵⁾, она мало имѣетъ

¹⁾ Стиль жизни высшихъ классовъ.

²⁾ Гр. Карлъ Федоровичъ.

³⁾ Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie C. Fr. Grafen v. Toll, I—IV, Leipzig, 1856—1858.

⁴⁾ Гр. Яковъ Ефимовичъ; С. Blum, «Ein russischer Staatsmann», I—IV, Leipzig, 1857—58.

⁵⁾ Павелъ Васильевичъ; «Mémoires inédits», 1855.

общаго интереса или можетъ только возбудить его тѣмъ чувствомъ уваженія, которое имѣютъ всѣ къ памяти даровитаго адмирала.

Изъ разныхъ компиляцій о Россіи мы можемъ назвать, какъ нѣсколько интересную, «Menschen und Dinge in Russland» ¹⁾. Шницлеръ продолжаетъ свою «Empire des Tzars». Къ исторіи «Русскаго Двора со временъ Петра I» Магнуса Крузенштольпе ²⁾ Гофманъ и Кампе прибавили исторію императора Николая; для насъ, сведенныхъ на Устрялова и Корфа, и эта книга не безъ интереса. Мы рекомендуемъ, впрочемъ, и остальные тома, въ нихъ русскій читатель много найдетъ любопытнаго, особенно о временахъ Елизаветы, Екатерины II и о совершенно неизвѣстномъ у насъ царствованіи Павла I.

Книга Баллейде, о которой мы упоминали въ предпрошломъ листѣ «Колокола»: «Тридцать лѣтъ царствованія Николая», не принадлежитъ къ числу произведеній, о которыхъ можно серьезно говорить. Это — самая смѣшная и самая жалкая лесть, она даже жалка и смѣшна послѣ плюгавой книги г. Зотова ³⁾ подъ тѣмъ же названіемъ. У Баллейде Николай представленъ однимъ изъ величайшихъ людей нашего времени, и притомъ какимъ-то сентиментальнымъ тираномъ, сбивающимся на Векфильскаго священника и на Домиціана или Нерона... Предоставляемъ самому статсъ-секретарю Модесту ⁴⁾ быть Парисомъ и наградить почетнымъ яблокомъ достойнѣйшаго изъ двухъ состязателей: отечественнаго Рафаила или вчуждѣ преданнаго Альфонса.

P. S.—Отчего въ нашихъ обзорѣніяхъ не переводятъ отрывковъ изъ чудесныхъ и поэтическихъ брошюръ Грегоровіуса ⁵⁾ Корсикѣ, Италиі, Римѣ?

991. Паки и пани о князь Петръ Вяземскомъ.

Еще циркуляръ и также подъ сурдинкой, секретный, воровской! Что же нашептываетъ на ушко цензорамъ нашъ князь? Свою скорбь, что въ журналахъ въ послѣднее время печатаются *зловредныя статьи*, почему онъ предписываетъ цензорамъ *строжайше не*

¹⁾ Fr. Leizmann'a.

²⁾ «Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I», I—IX, Hamburg, 1855—1860.

³⁾ Рафаиль Михайловичъ.

⁴⁾ Корфъ.

⁵⁾ Фердинандъ, нѣмец. историкъ и путешественникъ.

допускать оныя къ печатанію, ибо статьи сіи служатъ только къ развращенію *изящнаго вкуса!* О, великій эстетикъ! Неужели кастратское пѣнье *лучше?* Это ужъ что-то католическое; не завелись ли въ министерствѣ просвѣщенія иезуиты! Кисловскій ¹⁾, что ли? Нѣтъ, это Талейранъ, а не иезуитъ. Гаевскій ²⁾? что онъ православный, что ли? Развѣ Авраамъ Норовъ? ветхозавѣтный по имени, по занятіямъ и по посѣщенію св. мѣстъ, онъ выше всѣхъ подозрѣній, да онъ же ничего и не дѣлаеть, онъ только числится по министерству.

Р. S.—Увѣряютъ, будто циркуляръ этотъ состоялся послѣ того, какъ цензура пропустила неприличную книгу Зотова о Николаѣ. Оно, правда, Рафаиль заткнулъ за поясъ самого Модеста. Но мы не думаемъ, чтобъ это была настоящая причина секретнаго предписанія.

Еще говорятъ, будто при прочтеніи этого циркуляра въ цензурѣ, цензоръ *Фрейманъ* тотчасъ объявилъ, что онъ подаетъ просьбу о переименованіи его фамиліи въ *Склавенантъ* ³⁾, чтобъ, подписываясь, не развращать изящнаго вкуса слишкомъ вольнымъ именемъ.

С32. Необыкновенная исторія о ценсорѣ Гон—ча—ро изъ Ши—пан—ху ⁴⁾.

Мы долго думали, зачѣмъ Гончаровъ ⁵⁾ плавалъ въ Японію или, правильнѣе, въ Ши-Пан-Ху, безъ свѣдѣній, безъ всякаго приготовленія, безъ научнаго (да и другаго, кромѣ кухоннаго) интереса? Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, съѣздить въ Японію *только для того*, чтобъ длинно и вяло разсказать впечатлѣнія, сдѣланныя Тихимъ океаномъ, Гонъ-Конгомъ и Нагасаки на какого-то тупоумнаго денщика и какого-то глупорожденнаго слугу (мы просимъ у нихъ извиненія, мы не виноваты, что помѣщикъ ихъ такъ представилъ, — на то барская воля); или для того, чтобъ плотоядно прибавить къ этому перечень всего, что онъ ѣлъ отъ Кронштадта до береговъ юго-небесной имперіи и обратно до сѣверо-небесной. Это была бы, конечно, очень *необыкновенная исторія*. Совсѣмъ нѣтъ, Гончаровъ.

¹⁾ Вице-директоръ деп. народнаго просвѣщенія, правая рука Норова.

²⁾ Викторъ Павловичъ, служилъ въ мин. нар. просвѣщенія.

³⁾ *Фрейманъ* свободный ходъ, *Склавенантъ*—рабскій ходъ.

⁴⁾ Такъ произносится наваніе Японіи по китайски.

⁵⁾ Иванъ Александровичъ.

просто хотѣлъ добросовѣстно приготовиться къ должности цензора; сдѣ же можно лучше усовершенствоваться въ цензурной хирургіи: въ искусствѣ заморенія рѣчи человѣческой, какъ не въ странѣ, не сказавшей ни одного слова съ тѣхъ поръ, какъ она обсохла послѣ потопа?

Человѣкъ, имѣющій такой хорошей и такой всемірный аппетитъ. Человѣкъ, который, объѣхавъ вокругъ свѣта, не вышелъ ни на минуту изъ той атмосферы, которую носилъ съ собой Гоголевъ Петрушка, всегда могъ занять мѣсто Елагина¹⁾ или Фрейганга, умри только кто-нибудь изъ нихъ (что при натурализаціи холеры въ Петербургѣ и не представляетъ большихъ затрудненій), но это была бы *обыкновенная исторія*.

Начать же собою школу китайски-японскую цензурнаго членовредительства и за этимъ жариться на экваторѣ, смотрѣть, какъ японскіе писаря сморкаются въ бумажку, и ѣсть рыбу съ сахаромъ на рициновомъ маслѣ,—это гениально!

Хоть бы теперь Вяземскаго-то отдать на выучку въ годы въ какую-нибудь Тунгузію—учиться тому, что ренегать—*просвѣщенію* не товарищъ!¹⁾

◆ 1. 7 января 1858 г. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Рима: «6 № «Кол.» хорошъ, но, по моему, немного сбивается на «Charivari», а «К—ъ» и Шаривари—большая разница. Я знаю, что не во всякій № можно написать такую статью, каково твое письмо къ Государю, но «игривость» не нужна, особенно теперь, когда въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи» («Письма», 115).

993. Съчь или не съчь мужина?

That is the question²⁾.—Разумѣется, съчь и очень больно. Какъ же можно безъ розогъ увѣрить человѣка, что онъ шесть дней въ недѣлю долженъ работать на барина, а только *остальныя* для себя? Какъ же его увѣрить, что онъ долженъ, когда вздумается барину, тащиться въ городъ съ сѣномъ и дровами, а иногда отдавать сына въ переднюю, дочь въ спальную?.. Сомнѣніе въ правѣ съчь есть само по себѣ посягательство на дворянскія права, на неприкосновенность собственности, признанной закономъ. И въ сущности, отчего же не съчь мужика, если это позволено, если

¹⁾ Цензоръ, извѣстный своей дикостью.

²⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ. («Гамлетъ»).

мужикъ терпитъ, церковь благословляетъ, а правительство держитъ мужика за воротъ и само подстегиваетъ?

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, у насъ есть райскія души, которыя думаютъ, что шѣлая каста людей, дѣлящая съ палачемъ право тѣлесныхъ наказаній и имѣющая надъ нимъ то преимущество, что она сѣчетъ по собственному желанію, изъ собственнаго прибытка и притомъ знакомыхъ, а не чужихъ, что такая каста изъ видовъ гуманности и благодти сердечной бросить розги? Полноте дурачиться.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ корабельный капитанъ, на дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Англію, засѣкъ мальчика; случай, кажется, не рѣдкій у насъ. Когда корабль пришелъ въ Англію, матросы пожаловались. Капитана отдали подъ судъ, потомъ повѣсили на берегу океана. Вотъ какъ отучаютъ отъ злоупотребленія розгой!

Второй случай. Года три тому назадъ, офицеръ какой-то поссорился въ Лондонѣ съ извозчикомъ; слово за слово, офицеръ ударилъ кебмана; обиженный извозчикъ взялъ да и вытянулъ бичемъ офицера по лицу. Офицеръ въ полицію. Судья говоритъ: «Да помилуйте, вѣдь, васъ надобно наказать, а не кебмана, вы кругомъ виноваты, да еще жалуетесь; ступайте въ ваши казармы». Вотъ какъ отучаютъ отъ злоупотребленія кулакомъ!

А вотъ какъ приучаютъ къ тому и другому. Кто не знаетъ у насъ исторію (мы краснѣя, читали въ «Times'ѣ» разные отрывки) о томъ, какъ флигель-адъютантъ (Эльстонъ-Сумароковъ) былъ отправленъ въ Нижегородскую губернію на слѣдствіе о возмутившихся крестьянахъ. Дѣло само по себѣ замѣчательно. Крестьяне одного помѣщика (помнится, Рахманова) предложили за себя взносъ; помѣщикъ взялъ деньги, т. е. укралъ ихъ, а мужиковъ продалъ другому, вмѣсто того, чтобъ отпустить на волю. Крестьяне, разумѣется, отказались повиноваться новому помѣщику. Трудное ли дѣло разобрать? Но у насъ судъ ни почему, надобно комиссіи, флигель-адъютанты, аксельбанты, команда, розги. Съ розгами и послали Эльстонъ-Сумарокова. Мужики бросились на колѣни (бунтъ на колѣняхъ!). Онъ спросилъ ихъ: «Чьи вы?». Крестьяне сказали имя прежняго помѣщика, Сумароковъ же назвалъ имя новаго помѣщика (кажется, Пашкова или наоборотъ) и послѣ этого приказалъ безъ всякаго разбора сѣчь мужиковъ. Крестьяне покорились. Тогда флигель-адъютантъ до того расхотѣлся, что далъ предписаніе губернскому правленію одну часть на колѣняхъ бунтующихъ мужиковъ сослать въ Сибирь на поселеніе, другую въ арестантскія роты, а третью да саро¹⁾ высѣчь. Губернское правленіе и радо бы испол-

¹⁾ Съ начала.

нить, но не смѣло взять на себя такое явное нарушение положительнаго закона и отнеслось въ сенатъ. За такое понятіе о справедливости, за такое знаніе законовъ Эльстонъ-Сумароковъ сдѣланъ вице-директоромъ одного изъ департаментовъ военнаго министерства.

А вы разсуждаете о томъ, съчь или не съчь мужиковъ? Съките, братцы, съките съ миромъ! А устанете, царь пришлетъ флигель адъютанта на помощь!!

Какой-то «помѣщикъ-тожъ» въ «Земледѣльческой Газетѣ» справедливо возсталъ противъ дерзкихъ возгласовъ противъ розогъ и дѣльно замѣтилъ, что «за маловажныя проступки наказаніе *нѣсколькими* (2, 20, 200, 2000?) ударами розогъ не убиваетъ чело-вѣка ни нравственно, ни физически (иногда, правда, люди умирають, но нравственно это полезно православному, а физически мертвому не больно!). Власть помѣщика—власть родителя надъ дѣтьми, а по нашимъ православнымъ понятіямъ, дѣти принимаютъ безъ ропота наказанія отъ своихъ родителей. Наказаніе розгами не замѣнить никакими заморскими затѣями, потому что розги въ рукахъ благонамѣреннаго и добраго помѣщика истинное благодѣяніе для крестьянъ!»

Какъ бы охотно можно было этого Демосеена розогъ, этого «разбойника-тожъ» облагодѣтельствовать на конюшнѣ отеческимъ увѣщаніемъ. Базилевскій ¹⁾ даже сталъ здоровѣе послѣ православнаго наказанія.

134. Постъ-скриптумъ къ статьѣ о новыхъ книгахъ.

Нѣтъ худа безъ добра; оттого, что VI листъ «Колокола» опоздалъ, мы имѣемъ удовольствіе въ подтвержденіе нашихъ словъ перевести нѣсколько строкъ изъ «Аугсбургской Газеты» отъ 13 декабря. Наивнѣе и яснѣе рѣдко выказывались міродержавныя притязанія философскаго Израиля, которыми онъ невинно утѣшается въ своемъ раздробленномъ, безсильномъ, обойденномъ существованіи.

«Вникая—говоритъ почтенная газета въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ «Russland und Deutschland»—въ духъ и стремленія русскихъ публикацій послѣдняго времени, мы убѣждаемся, что ихъ главная характеристика состоитъ въ *возмущеніи славянскаго высоко-мтрія противъ умственной превосходства нѣмцевъ.*

¹⁾ Помѣщикъ, высѣченный крестьянами.

Изъ всѣхъ племенъ, составляющихъ (die laphetische Menschheit) «Яфетическое человѣчество», ни одно не лишено такъ вполне всякаго смысла политическаго устройства, переходящаго за предѣлы тихой общинной жизни, какъ славяне. Ихъ государственный строй сохранялся только благотворнымъ вліяніемъ германизма. Безъ нѣмецкой партіи, т. е. безъ тѣхъ *значительныхъ* людей, которые прикладываютъ къ русскимъ дѣламъ мѣрило германскаго образованія, Россія потерялась бы въ безконечной путаницѣ; и если теперь «будетъ освобожденіе крестьянъ, то оно только и можетъ совершиться на *нѣмецкихъ* основаніяхъ и съ той осторожностью, съ которой Александръ I привелъ въ дѣйствіе свой проектъ въ *остзейскихъ* губерніяхъ».

За симъ слѣдуетъ рѣчь о томъ, что образованіе переносится не такъ легко, какъ моды, что даже желѣзныя дороги должны еще очень оклиматиться въ Россіи прежде, нежели ихъ администрація будетъ похожа на западную, и, наконецъ, заключеніе: «А потому вы, г. русскіе, не очень торопитесь изгнаніемъ германскихъ элементовъ; какъ бы ни пришлось потомъ горько раскаться въ этомъ, подобно той шведской журнальной *черни*, говорившей, что нѣмцы только годны въ *кельнеры, дворники и слуги!*»

Страшное противорѣчіе въ характерѣ нѣмцевъ: всѣ они на словахъ, въ теоріи космополиты и въ то же время отъ безвыходно-жалкаго положенія ихъ отечества, что ли, исполнены самымъ раздражительнымъ, самымъ исключительнымъ и худо скрывающимъ свои притязанія патріотизмомъ. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы междугосударственныя, но чтобъ Триестъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Я не шучу, я самъ слышалъ подобныя сужденія. Впрочемъ, ихъ всѣ могли слышать. Развѣ *воинственный* конвентъ, собиравшійся въ павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ и мирныхъ профессоровъ, врачей, теологовъ, фармацевтовъ и философовъ, не рукоплескалъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ) австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи? Развѣ онъ хотѣлъ дать ходъ рекламціямъ познанскихъ поляковъ? Самый вопросъ о Шлезвигъ-Голштейнѣ—*stammverwandt* ¹⁾, бралъ за живое только съ точки зрѣнія Тейчтума ²⁾.

Въ Инспрукѣ есть итальянская пушка; ее городу подарили студенты, ходившіе волонтерами бить ломбардовъ и завоевавшіе этотъ трофей подъ начальствомъ своего профессора.

¹⁾ Родной.

²⁾ Deutschtum—германизмъ.

Старикъ Арндтсъ ¹⁾ недавно писалъ стихи въ альбомъ Радецкаго ²⁾.

Первое свободное слово, сказанное послѣ вѣковъ политическаго молчанія въ революціонной Германіи 1848 года, было не въ пользу, а противъ притѣсненныхъ и слабыхъ народностей. И незамѣчательно ли то, что та же умѣренная, чопорная, *черно-желтая* «Аугсбургская Газета» перешеголяла дикій, звѣриный языкъ «Таймса», требовавшаго крови и убійствъ въ Индіи, хладнокровно говоря, что это не люди, что индійцевъ надобно истреблять туртомъ; «для того, чтобы поколѣнья и поколѣнья помнили и рассказывали бы съ ужасомъ дѣтямъ, что значить не принимать образованія!»

А развѣ годъ тому назадъ не были нѣмцы готовы ринуться на свободную Швейцарію изъ-за гогенцоллернскихъ интересовъ?

Но чего нельзя простить за это милое, ненужное, вытянутое за волосы признаніе, что шведы ихъ считаютъ только способными «быть кельнерами, слугами и дворниками!» Кто бы это зналъ? Кому придетъ въ голову читать шведскія газеты?—Это презабавно!

995. [Благодарность Виктора Гюго].

Викторъ Гюго проситъ редактора «Колокола» переслать его искреннюю благодарность русскому поэту, посвятившему ему «Современные отголоски изъ Россіи» ³⁾. Мы извѣщаемъ автора, что по его желанію, экземпляръ его стихотвореній, напечатанныхъ въ IV книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи», былъ нами доставленъ Виктору Гюго въ Герней.

996. Приписка къ М. К. Рейхель.

23 декабря (1857).
Putney.

Итакъ, освобожденіе крестьянъ началось! назадъ отступить будетъ невозможно. Это величайшее русское событіе послѣ 14 декабря! Поздравляю и есть, съ чѣмъ.

¹⁾ Карль-Людвигъ, нѣмецкій юристъ, въ 1848 г. членъ франкфуртскаго парламента.

²⁾ Австрійскій генераль.

³⁾ Состоятъ изъ двухъ стихотвореній: «Пророчество» и «Русскому народу».

Если Николаичъ уничтожить еще палки, розги, плети и цензуры, je prends mes cliques et claques ¹⁾ и ѣду въ Чухлому.

Насъ бояться и преслѣдуютъ все больше и больше; о книгѣ противъ Корфа есть уже приказъ, чтобъ въ Германію не пускать по вѣсѣмъ границамъ. А изъ Россіи все больше симпатій.

Теперь серьезное слово къ вамъ. Я зналъ и предвидѣлъ ваши замѣчанія насчетъ Лиз. Богд. ²⁾ и прочаго. Да, писать «Записки», какъ я ихъ пишу,—дѣло страшное, но онѣ только и могутъ провести черту по сердцу читающихъ, потому что ихъ такъ страшно писать,—расположеніе чувствуется, оно оставляетъ слѣды. Сто разъ переписывалъ главу (которой у васъ нѣтъ) о размолвкѣ ³⁾, я смотрѣлъ на каждое слово,—каждое просочилось сквозь кровь и слезы. Я годъ обдумывалъ, начать или не начинать трудъ такой интимный и такой страстный, что начавши, трудно было остановиться. Весь вопросъ состоялъ: «исповѣдуешься ли ты передъ своей совѣстью, что ты чувствуешь въ себѣ силу и твердость сказать всю истину?» Изъ этого не слѣдуетъ, что все въ моихъ запискахъ—само по себѣ *истина*, но истина для меня, я могъ *ошибиться*, но уже не могъ не говорить правды. Вотъ, Марья Каспаровна, вамъ отгадка, почему и тѣ, которые нападаютъ на все писанное мною, въ восхищеніи отъ «Былого и думъ»,—пахнетъ живымъ мясомъ. Если бы не было темной стороны, свѣтлая была бы бѣдна.

Вы получите къ русскому Новому году всю главу объ Иванѣ Алексѣев. и Дм. Павл. и всю главу о нашей размолвкѣ въ 1846. «Прошедшее—сказано гдѣ-то въ моихъ «Запискахъ»—не можетъ измѣниться, это—несокрушимый фактъ памяти». Вы увидите изъ второй части, которая тоже будетъ въ «Полярной Звѣздѣ», что я уже началъ и европейскую нашу жизнь.

Я замараль, продолжалъ ⁴⁾ и все же Рейхеля поздравляю.

997. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

23 déc. (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, nous viendrons à 4 h. et $\frac{1}{4}$ vous chercher, mais de grâce aidez moi de partir vers 10 h.—Nous avons 2 h. de chemin.

¹⁾ Я забираю всё свои пожитки до нитки.

²⁾ Грановская. Рейхель указывала, что врядъ ли удобно печатать о Грановскомъ при жизни его жены.

³⁾ Глава XXXII.

⁴⁾ Письмо А. А. Герцена къ М. К. Рейхель, на которомъ кляксы, и дальше слѣдовало настоящее письмо.

Je vous envoie le second exemp. du roman intéressant de 5 liv. ¹).
 Pourquoi donc Volkhouse n'a jamais envoyé un ex. du dernier
 volume des mémoires.

Переводъ.

23 декабря.

Дорогая Мальвида, мы зайдемъ за вами въ 4 съ ¹/₄, но, будьте милостивы, помогите мнѣ уйти къ 10: намъ предстоятъ 2 часа ходьбы.

Посылаю вамъ второй экземпляръ интереснаго романа о 5 фунт. ²).

Почему же Фолькгаузъ никакъ не можетъ прислать экземпляръ послѣдняго тома мемуаровъ?

998. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

Jeudi (24 декабря 1858)—8 heures du matin.

Comme le cabman veut 25 sh. je pense que nous irons par chemin de fer là-bas et en cab à la maison. Or, donc ne nous attendez. Et je ne comprends pas: vous m'avez dit que vous y allez et M-me Og. m'dit que vous dinéz avec Mazzini.

Avez vous entendu de la mort d'Engelson—sa femme va en Russie.

A. Herzen.

Переводъ.

Четвергъ, 8 утра.

Такъ какъ извозчикъ требуетъ 25 шил., я думаю, что мы туда отправимся по желѣзной дорогѣ, а домой вернемся въ кэбѣ, поэтому вы насъ не ждите. И я не понимаю: вы мнѣ сказали, что вы отправитесь туда, а г-жа Ог. сказала, что вы обѣдаете съ Маццини.

Слышали вы о смерти Энгельсона? его жена уѣзжаетъ въ Россію. ¹

A. Герценъ.

◆◆ 1. Въ № 8 «Le Bulletin de l'Association Internationale» отъ 4 января 1858 г. была помѣщена анонимная замѣтка: «Mort d'Engelson» («Смерть Энгельсона»), которую привожу въ переводѣ.

¹) Je m'aperçois que c'est la même chose de vous remettre le tout demain, donc je n'envoie pas.—*A. H.*

²) Соображаю, что выйдетъ одно и то же, если завтра вамъ отдамъ все; слѣдовательно, не посылаю.—*A. И. Г.*

«Энгельсонъ, русскій республиканецъ - социалистъ, умеръ на остр. Джерсеѣ 17 декабря прошлаго года. Вѣрный своей религиі, онъ въ послѣднюю минуту выразилъ желаніе, чтобы похороны его устроили Пьеръ Леру и Рокъ Купневскій, и очень просилъ своихъ друзей, чтобы они не разрѣшали подойти къ гробу никакому священнику какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Тѣло его было предано землѣ 21 декабря, но, къ сожалѣнію, церемонія была такъ плохо организована, что отсутствіе нѣкоторыхъ французскихъ социалистовъ бросалось всѣмъ въ глаза. Зато въ полномъ сборѣ были всѣ поляки, живущіе на Джерсеѣ, и съ ними патріотъ Гари Гаррингъ. Энгельсонъ высокаго аристократическаго происхожденія. Столько низкихъ по происхожденію людей отрекается отъ народа, изъ котораго они вышли, что утѣшительно видѣть такихъ, которые имѣютъ мужество вступить въ ряды народа, отрекшись отъ привилегій, которыми они могли бы пользоваться по праву рожденія, и остаться до самой смерти вѣрными защитниками угнетаемой «справедливости».

999. Ueber den Roman aus dem Volksleben in Russland.

(Brief an die Uebersetzerin der «Fischer»).

Ich höre, dass Sie die Uebersetzung eines russischen Romans von Grigorowitsch: «Die Fischer» vollendet haben. Sie haben da eine schwere Arbeit gehabt. Das grosse Talent von Grigorowitsch besteht nicht bloss in der getreuen und poetischen Wiedergabe des Lebens, sondern auch der Sprache der Bauern.—Die tägliche Sprache eines Volks ist nichts weniger als international.

Dennoch haben Sie wohlgetan, einen Roman aus dem Volksleben zu wählen. Derselbe hat in der letzteren Zeit eine gewisse Bedeutung in der russischen Literatur erlangt. Und, was sehr bemerkenswert ist, das ist, dass dieser Roman—nicht etwa Schäferroman oder Idylle, sondern sehr realistisch, mit einem patriarchalen Charakter und voller Sympathie für den Bauern—unmittelbar auf den Roman der Ironie, der Verneinung, des Protestes, ja vielleicht des Hasses folgt. Das scheint mir ein Symptom von einer grossen Veränderung in der Richtung der Geister zu sein.

Sie wissen, dass in Russland im Allgemeinen der Roman, die Komödie und selbst die Fabel, seit dem Anfang der europäisierten Literatur bei uns, also seit der Mitte des achtzehnten Jahrhunderts, den entschieden Charakter bitterer Ironie und spottender Kritik trugen.

der nur durch die Censur begrenzt wurde. Da war nichts Höfliches, nichts Gemütliches; wir haben niemals eine sentimentale Periode gehabt, ausgenommen zur Zeit der Jugend von Karamsin, wo man die Romane à la Lafontaine übersetzte und nachahmte. Nichts, was einen antinationalen aufgedrungenen Charakter trug, hat seine Zeit überlebt, während die Komödien von *von Wtesen*, in einer viel früheren Zeit geschrieben, in der Erinnerung bleiben als *Wahrheiten*, als Zeugnisse für das Wesen ihrer Epoche.

Die russische Literatur, d. h. die moderne Laien-Literatur, hat sich in der Minorität des Adels entwickelt, welche durch die Revolution Peter's des Ersten vom Volke getrennt wurde. Die Existenz dieser Klasse des Volks war sonderbar, eine Existenz von *Fremdlingen* inmitten einer Nation derselben Race. Anstatt des Vaterlandes hatte man den Staat; für seine Kraft, für seinen Ruhm arbeitete man, indem man die natürliche Basis, auf welcher das Gebäude ruht, in den Staub trat. Natürlich herrschte eine historische Notwendigkeit vor, die diesen Zustand schuf, es war sogar ein relativer Fortschritt; aber davon ist jetzt nicht die Rede. Ich möchte Ihre Aufmerksamkeit auf die Verwirrung lenken, die notwendig daraus in allen gesellschaftlichen Verhältnissen folgen, auf die traurigen und komischen Kollisionen, welche jeden Augenblick dadurch hervorgerufen werden mussten. Patriarchalismus und Bürokratie, Byzantinismus und Germanismus, barbarische, mongolische Kasernen-Brutalität und die Philosophie des achtzehnten Jahrhunderts, ein gigantisches Reich, in dem keine Persönlichkeit war ausser dem Kaiser; zwischen der zivilisierten Klasse und dem Volke: vollkommener Bruch, andere Kleidung, andere Sprache, andere Ideen, kurz zwei verschiedene Russlands; (das Uebrige: einförmige Massen, Konglomerate von Individuen, diszipliniert unter dem Namen von Regimentern); die Gemeinde und der Adel, welche sich länger als ein Jahrhundert gegenüber standen, ohne sich zu verstehen. Das eine Russland: verfeinert, höfisch, militärisch, nach der Mitte zustrebend, umgibt den Tron, indem es das Andere verachtet und ausbeutet. Dieses Andere: ackerbauend, zerstreut, dörfisch, bäuerisch, steht ausserhalb des Gesetzes.

Zwischen diesen Beiden bildet sich bald ein Zusammenhang, oder vielmehr eine Vermittlung, durch den Staatsbeamten, der weniger roh, aber mehr Dieb ist als der Gutsbesitzer; der abscheulichste Typus, den man sich denken kann. Dieser Adel der Tinte entstieg immer den tiefsten Schichten der Gesellschaft und vermischte sich mit dem Adel des Bluts, aber er kehrte niemals zum Volke zurück.

Die gebildete Minorität, fortgerissen von dem Strome, in den Peter I die Geister geworfen hatte, folgte während einiger fünfzig Jahre dem kaiserlichen Siegeswagen, indem sie die Fanfare und Panegyriker

dazu lieferte. Das konnte aber nicht lange dauern. Die ersten ernsten und unabhängigen Geister begriffen die Anomalie dieses Zustandes, der ganz provisorisch war, und, den schreienden Missklängen, der Willkür, der Abgeschmacktheit zur Rechten und Linken gegenüber ohne andere Waffen als die Satyre, fingen sie eine Opposition der Ironie, eine wahre Geisselung der Gesellschaft, voller Bitterkeit, ohne Schonung, ohne sentimentale Ausflüchte, ohne Vermittlung und Auflösung durch Rosenwasser, an.

Eine der Eigenschaften des russischen Genius, welche ihn selbst von der anderen Slawen unterscheidet, ist die Fähigkeit, von Zeit zu Zeit auf sich selbst zurückzugehen, die eigne Vergangenheit zu verneinen, sie mit tiefer, aufrichtiger, unerbittlicher Ironie zu betrachten und den Mut zu haben, dies einzugestehen, ohne entweder den Egoismus eines verhärteten Bösewichts oder die Heuchelei, die sich anklagt, um von den Andern freigesprochen zu werden. Um noch klarer zu machen, was ich meine, bemerke ich, dass wir dieses selbe *Talent* der Aufrichtigkeit und Verneinung bei einigen grossen englischen Schriftstellern finden von Shakespeare und Byron an bis auf Dickens und Thackeray. Die Franzosen, immer mit sich selbst zufrieden und voll Bewunderung für ihr grosses Vaterland, kennen diese Saite wenig. Wenn wir einige Fragmente von Diderot, einige Verse von Barbier ausnehmen, so haben wir in der französischen Literatur, nach Montaigne, beinahe nichts, was als Beweis von Gegenteil dienen könnte. Denn der einzige Mann des Genies und der Initiative unter den Franzosen, Proudhon, hat sehr viel von seiner Popularität verloren wegen seiner Sprache voller Kühnheit der Ironie und des tiefsten Skeptizismus. Die Deutschen hingegen verneinen viel zu leicht, es kostet sie gar nichts, denn sie tun es nur in den abstrakten Sphären, *sub specie aeternitatis*.

Der Bruch zwischen der russischen Literatur und dem sie umgebenden Leben war jedoch nicht gleich vom ersten Augenblick an so völlig und so giftig. Bis zum Regierungsantritt von Nicolaus war in der literarischen Opposition noch etwas Nachgebendes, Versöhnendes; das Lachen war noch nicht völlig bitter. Wir finden das in den bewunderungswerten Fabeln von Kryloff (deren oppositionelle Tragweite nie recht begriffen worden ist) und in der berühmten Komödie von Gribojedoff «Das Unglück, Verstand zu haben». Aber als nach dem revolutionären Versuch von 1825 das nebelige, bedrückende System von Nicolaus sich auf jede geistige Bewegung schwer auflegte, mischte sich eine schweigende konzentrierte Verzweiflung mit dem Lachen, und ein noch ganz anderer Schmerz wurde zwischen den Beschneidungen der Zensur fühlbar. Vergleichen Sie z. B. die Töne der Trauer in der

Poesie von Puschkin mit denjenigen, welche die Verse von Lermontoff durchdringen; in den Ersten ist ein Unwille voller Kraft, in der Zweiten der hoffnungslose Skeptizismus einer gebrochenen Seele.

Die Literatur dieser Epoche fängt mit einem Prolog an, der, wie die Inschrift der «Citta dolente», selbst die Zukunft abschneidet und jede Hoffnung tötet. Ich meine den berühmten Brief Tschaadajeffs ¹⁾, der, obgleich verkannt, doch ganz Russland im Jahre 1836 erschütterte. Man suchte, sich zurecht zu finden, man tappte hierhin und dorthin, man probierte den historischen und den Sittenroman, man verfertigte ein wenig Walter Scott und ein wenig l'hermite de la chaussée d'Antin—Alles das schlug nicht Wurzel und hatte nur einen vorübergehenden Erfolg. Dennoch fingen nach und nach in dieser Unbestimmtheit der Nachahmungen, der Versuche, des Hin—und Herfahrens, zwei Richtungen an, sich bestimmter hervorzuheben.

Von der einen Seite war es der Schrei des Schmerzens und Protestes eines jungen Mannes voll glühender Wünsche, der die Kraft in seinen Muskeln fühlt, der Durst hat nach Tätigkeit und sich in einem Abgrund ohne Ausweg gefangen sieht, ohne die Möglichkeit, sich zu bewegen. Daher kommt es, dass der nämliche Typus sich in allen Gedichten, Novellen und Romanen wiederholt, der Typus eines jungen Mannes voll edler Bestrebungen, aber gebrochen, der sich irgendwohin flüchtet, um sich zu verlieren, um hinzusterben wie ein überflüssiges, unnützes, überzähliges Wesen. Oegin, Wladimir Lenski von Puschkin, Petschorin von Lermontoff und die Helden der früheren Novellen von Turgenieff—es ist immer dieselbe Person. Es zeigt einen grossen Mangel an Verständnis und Gefühl, hierin nur eine Nachahmung von Byron, eine idealistische Träumerei zu sehen—es ist vielmehr der Abglanz der Regierung von Nicolaus, das Erzeugnis seines Einflusses. Die junge Seele einer verfolgten, gedemütigten, misshandelten Generation floh voll Verachtung aus der Wirklichkeit und suchte ihr Ideal in der Ferne. Es war das Gewusstsein, dass in unseren Herzen das Streben nach einer anderen Existenz, als der eines stummen Kopisten, eines Soldaten ohne Stimme, eines Beamten, der stiehlt, und eines Gutsherrn, der plündert,—wohnte.

Dieses ideale Wesen, dieser Mensch, der «ein *Fremdling* unter den Seinen» war, wandte sich fortwährend nach Westen, und das war ganz natürlich. Das Vaterland seiner Zivilisation, seines Gedankens war ausserhalb Russlands. Neben Nicolaus, der offen bekannte, dass er nicht wüsste, was anzufangen mit der Zivilisation, dem alles Menschliche fremd war, musste uns das ferne revolutionnaire Europa, mit dem Firnis von 1830, wie das gelobte Land erscheinen.

¹⁾ Du développement des idées révolutionnaires en Russie. London. 1853.

Lassen wir indess die Idealisten und die Humanitätsträumer. Der Roman und die Novelle stürzten sich mit Leidenschaft auf einen viel irdischeren und ganz nationalen Gegenstand: den Vampyr der russischen Gesellschaft, den Staatsbeamten. Sein Gebieter überliess ihn feige der Literatur, vorausgesetzt, dass diese nur die Subalternen angriff. Diese neue Richtung hatte sogleich einen ausserordentlichen Erfolg. Einer der ersten unerschrockenen Jäger, welcher, weder das Ungeziefer, noch die Ansteckung fürchtend, anfang sein Wild mit zugespitzter Feder bis in die Kanzleien und die Wirtshäuser, unter die Poppen und unter die Polizeisoldaten, zu verfolgen, war der Kosak Luganski (Pseudonym von Herrn Dahl). Klein-Russe von Geburt, hatte er wenig Neigung für den Beamten, und begabt mit einem ausserordentlichen Talent der Beobachtung, kannte er sein Terrain vortrefflich und noch vortrefflicher das Volk. Auch hatte er alle Gelegenheit gehabt, dies kennen zu lernen. Er durchreiste Russland als Arzt, diente dann in Orenburg am Ural, arbeitete längere Zeit im Ministerium des Innern, sah Alles, beobachtete Alles und erzählte es mit einer Malice und Originalität wieder, die zuweilen ausserordentlich komisch sind.

Bald nach ihm erschien N. Gogol, der seine Richtung und sogar seine Manier einer ganzen Generation aufgedrückt hat. Für einen Ausländer ist es schwer, die ungeheure Wirkung zu begreifen, welche die Aufführung des «Revisors» auf dem Theater bei uns hatte, dieses Stücks, das in Paris ein völliges Fiasko gemacht hat.

Bel uns protestierte das Publikum durch sein Lachen und seinen Beifall gegen eine stupide und quälerische Administration, gegen eine räuberische Polizei und gegen das allgemeine «Malgoverno». Das grosse Gedicht in Prosa: «Die toten Seelen» von Gogol, machte in Russland ein Aufsehen, dem ähnlich, welches durch «Die Hochzeit des Figaro» in Frankreich hervorgerufen wurde. Man könnte toll werden, wenn man diese Menagerie von Adligen und Beamten betrachtet, die in der tiefsten Finsternis umhertappen und «tote Bauernseelen» kaufen und verkaufen.

Und doch fühlt man auch bei Gogol zuweilen eine andere Seite erklingen; es sind wie zwei Strömungen in seiner Seele. Sobald er sich in die Gemächer der Chefs der Departements, der Gouverneure, der Gutsbesitzer versteigt, sobald seine Helden zum wenigsten den Annenorden und den Assessorsrang im Kollegium haben, so ist er melancholisch, unerbittlich, mit einer Ader voll Sarkasmen, die zuweilen bis zu Krämpfen lachen machen, zuweilen eine Verachtung hervorrufen, die an Hass grenzt.

Wenn er aber, im Gegenteil, sich mit den Fuhrleuten aus Klein-Russland gemein macht, wenn er sich zu den Kosaken der Ukraina

versetzt oder zu den Bauern, die mit Lärm um eine Wirtshaus tanzen, wenn er uns einen armen alten Schreiber malt, der aus Kummer stirbt, weil man ihm seinen Mantel gestohlen hat—dann ist er ein ganz anderer Mensch; mit demselben Talent, wie vorher, ist er zärtlich, liebevoll, menschlich, seine Ironie verwundet nicht mehr, vergiftet nicht mehr; es ist eine bewegliche und poetische Seele, welche überfließt und er bleibt sich darin treu, wenn er nicht zufällig auf dem Wege einen Polizeikommissär findet, einen ersten Schiedsrichter, dessen Frau oder Tochter—dann ist Alles vorbei, er reisst ihnen die menschliche Larve ab und verhängt über sie die Tortur der öffentlichen Schaustellung, mit einem tollen und bitteren Lachen.

Während die ganze gebildete Minorität wütete, indem sie sich in den Zügen eines «Chlestakoff» und «Nosdreff» wiedererkannte und mehr und mehr die Mitte, in die sie hineingeworfen war, verabscheute, hörte man von ferne, von unten herauf eine andere Stimme, wie eine Stimme des Trostes; einfache, manchmal klagende Töne aber *ohne die geringste Ironie*, Töne voll naiver Frühlingsfrische. Sie waren wie das grüne Gras, das unter dem Schnee hervorsprosst, wenn ihn die Frühlingssonne auftaut.

Diese Töne waren nicht etwa verfälscht, sie waren kein Maskeradenanzug einer aristokratischen Muse, die sich aus Koketterie als Bäuerin anzieht; es waren geradezu die Lieder eines jungen, einfachen Viehtreibers aus Voronej, der, zu Pferd die Steppen mit seinen Heerden durchziehend, vor Traurigkeit und Langerweile das Leben des Volks und seine eignen Leiden sang. Er wurde von einem harten Vater, von einer großen Familie misshandelt und liebte zärtlich eine arme Arbeiterin, welche die Wirtschaft in ihrem Hause führte und selbstenwegen weggeschickt wurde.

Es war eine andere Welt, die sich in den Gesängen Kolzoff's auftat, traurig, unglücklich, aber nicht im mindesten lächerlich, vielmehr unbeschreiblich rührend in ihrer naiven, natürlichen Einfachheit, in ihrem resignierten Elend. Es war das vergessene Russland, das Russland der Armen, der Bauern, welches sich hier auch einmal vernehmen liess, das Russland, welches zu Zeiten der Ironie Gogol's Einhalt tat und ihn aus einem Henker zum fröhlich teilnehmenden Gaste machte.

Die Zeit war also gekommen, wo das Aschenbrödel in den Ballsal eintrat. Die Strömung von unten her fing an die Oberhand zu gewinnen. Das zivilisierte Russland begann endlich, wie der Gott von Beranger, mit Neugierde auf die untere Welt herabzusehen, die auf den Feldern umherschwärmte und arbeitete: «Sieh doch! sie sind mehr Menschen ähnlich als wir geglaubt haben. Wie sonderbar!» Das war wirklich eine grosse Entdeckung!

Und was sehr merkwürdig ist, das ist, dass die einzige Partei, die sich vorzugsweise *national* nennt, die moskovitische Partei, aus der man während des Krieges einen Bootsmann machte, durchaus nichts zu dieser Entdeckung beigetragen hat. Freilich ist es wahr, dass die Panslavisten Gogol zu den Ihrigen zählen; allein das ist die Kanonisation von Aristoteles. Gogol gehörte niemals irgend einer Partei an. Das Auflösungswort des Rätsels aber war dies, dass sie einfach das *wirkliche* Volk gar nicht kannten; sie hatten sich ein russisches Volk *konstruiert* (ein Ausdruck deutscher Philosophie) nach den Studien, die sie in der Chronik von Nestor über die Traditionen der andern slawischen Racen gemacht hatten, ohne sich die Mühe zu geben, dasjenige kennen zu lernen, welches zu ihren Füßen lebte. Selbst Kolzoff, der Dichter-Viehtreiber, ist niemals unter den moskovitischen Revolutionären gewesen.

Wenn die Zeit gekommen ist, um eine Idee zur Reife zu bringen, so wird man von ihr fortgerissen, ohne dass man daran denkt. Einer der bedeutendsten Koryphäen der Byron'schen Richtung unternahm es, nachdem er in den Eingeweidern einer kleinlichen und gemeinen Gesellschaft herumgewühlt hatte—in der Alles, was Ansprüche auf ein edleres Leben machte, am Nichts des kleinlichen Elends ersticken musste—uns zwei arme Bauern auf seine Art zu zeichnen; er gab ihnen, natürlich aus Scherz, dem Einen den Charakter von Goethe, dem Anderen den von Schiller. Aber in dem Masse, als Turgenieff das gutsherrliche Haus und die Mansarde des Intendanten in das Auge fasste, riss ihn sein Gegenstand fort, der Scherz verwischte sich mehr und mehr und der Dichter zeichnete uns zwei verschiedene, ernste, poetische Typen des russischen Bauern. Das Publikum, das nicht darauf vorbereitet war, klatschte Beifall. Der Dichter erschien mit seiner zweiten Erzählung «eines Jägers», sie war vortrefflich—so ging es weiter. Turgenieff hatte auch seinen besonderen Widerwillen, er nagte nicht die Knochen ab, die Gogol ihm gellassen hatte, er verfolgte eine andere Beute: den Gutsherrn, dessen Frau Gemahlin; dessen Kabinett, den Intendanten und den Starosten des Dorfes. Niemals ist das innere Leben des gutsherrlichen Hauses so dem allgemeinen Lachen, dem Abscheu, dem Hass preisgegeben worden. Dabei muss man bemerken, dass Turgenieff nie starke Farben aufträgt, nie zu energische Ausdrücke anwendet; im Gegenteil er erzählt mit grosser Plastizität und gebraucht immer nur die gebildetste Sprache, welche den Eindruck dieser poetischen Anklage gegen die Leibeigenschaft ausserordentlich erhöht.

Turgenieff ist aber nicht bei dem Märtyrtum des Bauern stehen geblieben, er hat sich nicht gescheut, den leibeigenen Diener in seiner erstickenden Stube aufzusuchen, wo derselbe nur einen einzigen Trös-

ter hat: den Branntwein. Er hat uns die Existenz dieses russischen Onkel Tom mit dem Masse des Künstlers wiedergegeben, das selbst die doppelte Zensur zu umgehen wusste, und dennoch uns zittern macht vor Wut bei der Schilderung dieses erbärmlichen, unmenschlichen Leidens, unter welchem eine Generation nach der andern hinsinkt, ohne Hoffnung, nicht allein mit beleidigter Seele, sondern selbst mit verstümmeltem Körper.

Die Namen Turgenieff und Grigorowitsch werden weder von dem russischen Leibeignen, noch von dem Freigelassenen jemals vergessen werden. Jetzt, am Vorabend der Emanzipation, unter einer milderen Regierung, predigen Viele gegen die Leibeigenschaft; jene Beiden haben es, als Dichter und Künstler, unter der Schreckensherrschaft von Nicolaus getan.

Als ich Russland verliess, kannte ich wenig von dem, was Grigorowitsch geschrieben; er war damals einer der jungen Autoren, die eben anfangen, zu schreiben. In Neapel, im Jahre 1848, war es, wo ich zuerst seinen «Anton der Leidensträger» las, die einfache Geschichte eines Bauern, den der Intendant verfolgt, weil er eine, ihm von den andern Bauern diktirte Bittschrift an den Gutsherrn, gegen den Intendanten gerichtet, geschrieben hat. Dieses «memento patriam» war sehr hart inmitten der revolutionären Zeit in Italien und der süßen, schmeichelnden Lüfte des Mittelmeers. Ich fühlte Gewissensbisse, ich schämte mich, da zu sein, wo ich war. Der leibeigne Bauer, gefurcht vor der Zeit, arm, gut, sanft, unschuldig und doch, die Kette am Fuss, nach Sibirien wandernd, verfolgte mich unaufhörlich mitten unter dem prächtigen Volke, bei welchem ich mich befand.

Der Roman, den Sie übersetzt haben, bildet eine neue Phase der Volkspoesie. Die Strömung von unten hat gesiegt. Der Herr der Dörfer, der Intendant, der räuberische Richter, der Kommissär-Mörder— Alles das ist verschwunden, der Typus, ganz Nerv und Muskel, der Typus von Gleb Sawinitsch, Fischer-Bauer, beherrscht Alles. Es ist das Leben des Bauern, nicht in seinem ungleichen Kampfe mit dem Gutsherrn und dessen despotischen Rechten, oder den chikanösen Ausbeutungen der Administration, es ist das Leben des Bauern für sich.

Der Feind, der in den «Fischern» auftritt, gehört schon zum Hause selbst; es ist der Anfang eines ganz andern Kampfes, des Kampfes zwischen dem ackerbaureibenden, frugalen, einfachen Patriarchalismus und dem bourgeois Proletarier, der in den Städten, in den Fabriken arbeitet, und ein verderbtes Vagabondenleben führt. Dieser Kampf ist schon menschlicher, nicht mehr bloss in der Form einer brutalen Uebermacht, sondern geführt mit gleichen Waffen und unter Gleichgestellten. Die unnütze und wohlthätige Einmischung der Polizei

ist der grösste Fehler des ganzen Romans von Grigorowitsch. da es eine Inkonsequenz und ein Verstoss gegen die Wirklichkeit ist.

Der Roman «Die Fischer» führt uns ein in den Anfang des unvermeidlichen Kampfes (eines Kampfes der Evolution) zwischen dem «bäuerischen» und dem «städtischen» Element, zwischen dem Bauer-Ackerbauer und dem Bauer-Fabrikarbeiter. Dieser Kampf wird jedoch bei uns nicht die Ausdehnung haben, die er in Frankreich und England hat. Die ackerbauerische Bevölkerung hat bei uns weit mehr Wichtigkeit als irgend wo anders. Die Städte sind schlecht bevölkert, eine grosse Menge Arbeiter kommen vom Lande, ohne ihren Verband mit der Gemeinde aufzulösen, und bleiben daher Bauern. Er wird aber auch noch aus einer andern Ursache nicht denselben erbitterten Charakter ohne Ausweg haben, wie dort. Die Reihe von Ideen, über die man sich noch nicht allgemein verständigt hat und die obenauf schwimmend geblieben sind auf dem Meere der europäischen Reaktion—welche mehr und mehr die Reste der revolutionären Armada, in welcher die alte Welt die Ueberfahrt zu machen gedachte, verschlingt—diese Reihe von Ideen ist *theoretisch* schon weit über den Kampf zwischen Bourgeoisie und Proletariat, zwischen Städten und Bauern hinaus. Diese Ideen gehören uns kraft des Rechts des Studiums und des Verständnisses an, wie sie kraft der Leiden und der Ausarbeitung dem westlichen Europa angehören. Das ist aber noch nicht Alles, und indem wir diesen Letzteren Schritt vor Schritt durch die Furchen, die sein Schweiss befeuchtet, nachgingen, haben wir einen Embryo von ökonomischen und administrativen Institutionen gefunden, der sich auf die Gemeinsamkeit des Grundbesitzes, auf einen agrarischen und instinktiven Kommunismus gründet.

Bei dieser Entdeckung hielten unsere alten Freunde, die moralischen Vagabonden—die nicht wussten, wo sie ihr Haupt hinlegen sollten, die sich verloren fühlten in einer antipatischen Mitte und mit Anstrengung ein fernes Ideal verfolgten, um einer widerwärtigen und gemeinen Wirklichkeit zu entfliehen—inne, sie wurden gewahr, dass unter der aussätzigen Oberfläche des kaiserlichen, gütsherrlichen, administrativen Russlands etwas Lebendiges, Starkes, Unbekanntes lebte, eine Welt zum Studieren, eine Welt, gegründet auf die Gemeinde und den Besitz des Bodens.

Die Rolle der traurigen und melancholischen Person: des Menschen, der sich unnütz fühlt, gerade weil er wirklich Mensch sein will, ist ausgespielt. Dieser Mensch hat jetzt eine Aufgabe zu erfüllen. Es gilt, die Elemente des russischen Gemeindelebens von den Zusätzen zu befreien, welche der Mongolismus, der Czarismus, die Bureaukratie und die deutsche Kasernokratie durch das Regime der Ordon-

нанzen, der Leibeigenschaft u. s. w. hinzugebracht haben. und sie, indem man sie zum natürlichen Ausgangspunkt nimmt, durch die soziale Idee des Occidents zu entwickeln und zu verklären zum Besten der allgemeinen Wissenschaft vom Wohlsein der Menschheit.

Und damit ist seine Aufgabe noch nicht zu Ende. Er hat noch eine andere. Die ist: diese Entwicklung vor den fieberhaften Krisen, vor dem gewaltsamen Zurückkommen auf das Vergangene, vor all den blutigen und furchtbaren Konvulsionen zu bewahren, welche die soziale Idee geboren und gereift haben, indem sie die Völker des Westens an den Rand des Grabes brachten.

Sie sehen, es hängt Alles davon ab, die intime Vereinigung von Wladimir Lenski, dem Studenten der Göttinger Universität, dem Verehrer von Schiller und Goethe, dem utopistischen Träumer, dem Dichter mit langem gelocktem Haar, und unserm alten Gleb Sawitsch, dem praktischen Philosophen, dem rauhen, starken Charakter, dem wahren Typus der cyclopischen Race der Fischer-Bauern, zu Stande zu bringen. Werden sie sich je verständigen? Der Alte ist wunderlich und hartnäckig.

Wer lebt, wird sehen!

Inzwischen räume ich dem alten Gleb den Platz. Er liebt ja ohnehin nicht die langen Reden, und seine alte Frau bedachte sich ja erst immer zwei, drei Mal, ehe sie ihn durch ihre Fürbitten zu gunsten des Ankaufs einiger irdenen Töpfe oder anderer derartigen Luxusgegenstände langweilte.

Putney bei London,
28 dezember 1857.

Переводъ.

О романѣ изъ народной жизни въ Россіи.

(Письмо къ переводчицѣ «Рыбаковъ»).

Я слышалъ, вы закончили переводъ русскаго романа Григоровича «Рыбаки». Вамъ пришлось выполнить трудную работу. Большой талантъ Григоровича заключается не въ одномъ только вѣрномъ, художественномъ изображеніи жизни крестьянъ, но и въ передачѣ ихъ язчика, а повседневный языкъ народа меньше всего интернационаленъ.

И все же вы хорошо сдѣлали, выбравъ романъ изъ народной жизни. За послѣднее время романъ этотъ достигъ въ русской литературѣ безспорнаго значенія. И что весьма заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, это то, что, отнюдь не представляя изъ себя пастушескаго романа или идилліи, — напротивъ, это чрезвычайно реали-

стическое произведеніе, проникнутое патріархальнымъ характеромъ и полною симпатіей къ народу,—онъ слѣдуетъ непосредственно за романомъ ироніи, отрицанія, протеста, я бы даже сказалъ—ненависти. Мнѣ это представляется симптомомъ большой перемѣны въ направленіи умовъ.

Вы знаете, что въ Россіи вообще и романъ, и комедія, и даже басня имѣли съ самаго начала европейскаго вліянія, т. е. съ середины XVIII столѣтія, вполне выраженный и лишь цензурою сдерживаемый характеръ горькой ироніи и насмѣшливой критики. Тамъ не было ничего любезно-почтительнаго, ничего добродушнаго. Если не считать времени юности Карамзина, когда переводились и встрѣчали подражаніе романы à la Лафонтенъ, то у насъ не было періода сентиментализма. Все, носившее характеръ чего-то навязаннаго, антинаціональный, не пережило своего времени, тогда, какъ комедіи Фонвизина, написанныя гораздо раньше, остались въ памяти, какъ *истины*, какъ показатели самой сущности своей эпохи.

Русская литература, т. е. литература новая, свѣтская, получила свое развитіе среди небольшой группы дворянства, отрѣзанной отъ народа революціей Петра I. Положеніе этого класса было весьма своеобразно: то было положеніе *чужаковъ* среди собственной націи. вмѣсто отечества существовало государство; всѣ труды совершались во имя мощи и славы послѣдняго; естественная же основа, на которой покоилось все зданіе, оставалась въ полномъ пренебреженіи. Положеніе это было, конечно, создано силою исторической необходимости; оно даже представляло собою относительный прогрессъ, но сейчасъ рѣчь идетъ не о томъ. Я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на ту путаницу, которая неизбѣжно должна была возникать во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, на тѣ печальныя и комическія столкновенія, которыя ежеминутно всѣмъ этимъ вызывались. Патріархальность и бюрократія, византизмъ и германизмъ, варварски-монгольская казарменная грубость и философія XVIII вѣка, гигантское государство, гдѣ не существовало другой личности, кромѣ личности государя; полный разрывъ между образованнымъ классомъ и народомъ, иная одежда, иной языкъ, иныя мысли,—словомъ, двѣ разныя Россіи (остальное—однообразная масса, конгломератъ человѣческихъ особей, дисциплинированныхъ сообразно названіямъ полковъ): сельская община и дворянство, которыя больше столѣтія не могли понять другъ друга. Одна Россія, утонченная, придворная, военная, стремящаяся къ центру, окружаетъ тронъ, презирая и грабя другую; другая, земледѣльческая, разбросанная, деревенская, мужицкая, стоитъ внѣ закона.

Между ними двумя вскорѣ образуется связь или, глѣбже,

средостѣніе въ видѣ чиновника. Менѣе грубый, нежели помѣщикъ, онъ, однако, грабитъ еще больше, чѣмъ тотъ. Это—самый отвратительный типъ, какой только можно себѣ представить. Эта чернильная аристократія всегда выходила изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества и смѣшивалась съ аристократіей крови, но никогда не возвращалась къ народу.

Образованное меньшинство, захваченное потокомъ, въ который Петръ I ввергъ умы, слѣдовало въ теченіе пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ за императорскою триумфальною колесницею, трубя въ фанфары и слагая панегирики. Но долго это не могло продолжаться. Первые серьезные и независимые умы поняли ненормальность этого положенія, носившаго совершенно временный характеръ. И въ отвѣтъ на крикливую разноголосицу, въ отвѣтъ на произволь и безтолковщину справа и слѣва,—они, не имѣя иного оружія, кромѣ сатиры, выступили съ оппозиціей ироніи; началось настоящее, исполненное горечи бичеваніе общества, безъ всякой пощады, безъ сентиментальныхъ обиняковъ, безъ примѣси розовой воды.

Однимъ изъ свойствъ русскаго духа, отличающимъ его даже отъ другихъ славянъ, является способность время отъ времени оглянуться на самого себя, отнестись съ отрицаніемъ къ собственному прошлому, способность посмотреть на него съ глубокою, искреннею, неумолимою ироніей и имѣть смѣлость признаться въ этомъ, не обнаруживая ни эгоизма закоренѣлаго злодѣя, ни лицемерія, которое винить себя только для того, чтобы быть оправданнымъ другими. Чтобы одѣлать свою мысль болѣе ясною, замѣчу, что тотъ же самый *талантъ* искренности и отрицанія мы находимъ у нѣкоторыхъ великихъ англійскихъ писателей, отъ Шекспира и Байрона до Диккенса и Теккерея. Французамъ, всегда довольнымъ собою, полнымъ восторга передъ своею великою родиною, эта струна мало знакома. Если исключить нѣкоторые отрывки Дидро и кой-какія стихотворенія Барбье, то во французской литературѣ послѣ Монтэня мы не найдемъ почти ничего, что могло бы служить доказательствомъ противоположнаго. Прудонъ, единственный челоувѣкъ среди французовъ, надѣленный гениемъ и инициативою, много потерялъ въ своей популярности изъ-за своего языка, полного дерзкой ироніи и глубочайшаго скептицизма. Нѣмцы, наоборотъ, слишкомъ легко все отрицаютъ; имъ это почти ничего не стоитъ, ибо они продѣлываютъ это въ отвлеченныхъ сферахъ, *sub specie aeternitatis* ¹⁾.

Разрывъ между русскою литературою и окружающею жизнью

¹⁾ Съ точки зрѣнія вѣчности.

не сразу, впрочемъ, оказался столь полнымъ и ядовито-рѣзкимъ. До вступленія на престолъ Николая I въ литературной оппозиціи было еще что-то недоговоренное, примирительное, смѣхъ былъ еще не совсѣмъ горькимъ. Мы находимъ это въ удивительныхъ басняхъ Крылова (оппозиціонное значеніе которыхъ не было никогда правильно оцѣнено) и въ знаменитой комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Но когда послѣ революціонной попытки 1825 года мрачная тяжелая система Николая придавила всякое умственное движеніе, къ смѣху присоединилось молчаливое, сосредоточенное отчаяніе и, между цензурными вырѣзками, стала чувствоваться совсѣмъ иная скорбь. Сравните, напримѣръ, грустныя ноты пушкинской поэзіи съ печалью, проникающею стихи Лермонтова; въ первой чувствуется негодованіе отъ полноты силъ, во вторыхъ—безнадежный скептицизмъ надломленной души.

Литература этой эпохи открывается прологомъ, который, словно надпись надъ вратами «Citta dolente» ¹⁾, отрѣзаетъ дорогу къ будущему и мертвитъ всякую надежду. Я разумѣю знаменитое письмо Чаадаева ²⁾. Хотя и ложно понятое, оно все же потрясло въ 1836 году всю Россію. Явилось стремленіе собраться съ мыслями; люди стали нащупывать здѣсь и тамъ почву, пробовали исторической романъ и романъ нравоописательный, изготовляли смѣсь Вальтеръ Скотта съ l'hermite de la chaussée d'Antin ³⁾. Ничто не пустило корней, все имѣло лишь временный успѣхъ. Но постепенно среди этой неопредѣленности подражаній, опытовъ и колебаній начали ясно обозначаться два направленія.

Съ одной стороны, это былъ крикъ боли и протеста, вырвавшійся у молодого, полного страстныхъ желаній человѣка, который чувствуетъ силу въ мускулахъ, жаждетъ дѣятельности и видитъ, что онъ попалъ въ бездну, откуда нѣтъ выхода, гдѣ нѣтъ возможности двигаться. Вотъ отчего во всѣхъ стихотвореніяхъ, разсказахъ и романахъ повторяется одинъ и тотъ же типъ,—типъ молодого человѣка, полного благородныхъ порывовъ, но надломленного, бѣгущаго невѣдомо куда, чтобы исчезнуть, уйти изъ жизни, какъ существо лишнее, бесполезное, не попавшее въ комплектъ.

¹⁾ «Градъ скорбей»; такъ Данте въ III пѣснѣ называетъ адъ.

«Per me si va nella citta dolente», то есть,

«Вступаютъ мною въ градъ скорбей». Надпись надъ вратами ада.
(Перев. Мина).

²⁾ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», London, 1853.—А. И. Г.

³⁾ «Отшельникъ съ Дантенскаго шоссе» — нравоописательный романъ французскаго писателя Виктора-Жозефа Этьена, прозваннаго, по мѣсту рожденія, de-Jouy (1764—1846).

Онѣгинъ и Владиміръ Ленскій Пушкина, Печеринъ Лермонтова и герои раннихъ разсказовъ Тургенева, это—все одно и то же лицо. Видѣть здѣсь лишь подражаніе Байрону, лишь идеалистическую мечтательность значить обнаруживать недостатокъ пониманія и чутья. Это—скорѣе отблескъ николаѣвскаго царствованія, продуктъ его вліянія. Молодая душа гонимаго, униженнаго, истязуемаго поколѣнія бѣжала съ презрѣніемъ отъ дѣйствительности и стала искать свой идеаль вдали. Это было сознаніе, что въ сердцахъ нашихъ живетъ стремленіе къ иному существованію, чѣмъ существованіе нѣмого писаря, безгласнаго солдата, ворующаго чиновника и грабящаго помѣщика.

Это идеальное существо, этотъ человѣкъ, бывшій «чужимъ среди своихъ», постоянно обращалъ взоры на Западъ, и это было вполне естественно. Родина его цивилизаціи, его мысли находилась внѣ Россіи. Рядомъ съ Николаемъ, открыто заявлявшимъ, что онъ не знаетъ, какъ ему быть съ этою цивилизаціей, рядомъ съ Николаемъ, которому все человѣческое было чуждо, далекая революціонная Европа, съ ея ореоломъ 1830 года, должна была казаться намъ обѣтованною странюю.

Оставимъ, однако, идеалистовъ и гуманистовъ-мечтателей. Романъ и повѣсть страстно набросились на несравненно болѣе зѣмной, вполне національный сюжетъ—на вампира русскаго общества, чиновника. Повелитель послѣдняго малодушно предалъ его литературѣ, предполагая, что она будетъ касаться только низшихъ ранговъ. Это новое направленіе сразу достигло необычайнаго успѣха. Однимъ изъ первыхъ его безстрашныхъ застрѣльчиковъ, который, не боясь ни насѣкомыхъ, ни заразы, началъ съ заостреннымъ перомъ преслѣдовать эту дичь вплоть до канцелярій и трактировъ, среди поповъ и городовыхъ, былъ казакъ Луганскій (псевдонимъ Даля). Малороссъ по происхожденію, онъ не чувствовалъ склонности къ чиновничеству и, одаренный выдающимся талантомъ наблюденія, прекрасно зналъ свою среду и еще лучше народъ. Онъ имѣлъ массу случаевъ узнать народную жизнь. Въ качествѣ врача онъ извѣздилъ всю Россію, потомъ служилъ въ Оренбургѣ, на Уралѣ, долгое время работалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, все видѣлъ, все наблюдалъ и затѣмъ разсказывалъ объ этомъ съ лукавствомъ и своеобразіемъ, которыя временами были полны большаго комизма.

Вскорѣ послѣ него явился Гоголь, привившій свое направленіе и даже свою манеру цѣлому поколѣнію. Иностранцу трудно понять огромное впечатлѣніе, произведенное у насъ на сценѣ «Ревизоромъ», который потерпѣлъ въ Парижѣ полное фіаско. У насъ же публика.

своимъ смѣхомъ и рукоплесканіями протестовала противъ нелѣпой и тягостной администраціи, противъ воровской полиціи, противъ общаго «дурного правленія». Большая поэма въ прозѣ «Мертвыя души» произвела въ Россіи также же впечатлѣніе, какое во Франціи вызвала «Свадьба Фигаро». Можно было съ ума сойти при видѣ этого звѣринца изъ дворянъ и чиновниковъ, которые слоняются въ глубочайшемъ мракѣ, покупаютъ и продаютъ «мертвыя души» крестьянъ.

Но и у Гоголя можно иногда уловить звукъ другой струны: въ его душѣ точно два потока. Пока онъ находится въ комнатахъ начальниковъ департамента, губернаторовъ, помѣщиковъ, пока его герои имѣютъ, по крайней мѣрѣ, орденъ св. Анны или чинъ коллежскаго ассесора, до тѣхъ поръ онъ меланхоличенъ, неумолимъ. полонъ сарказма, который иной разъ заставляетъ смѣяться до судорогъ, а иной—вызываетъ презрѣніе, граничащее съ ненавистью.

Но когда онъ, наоборотъ, имѣетъ дѣло съ ямщиками, изъ Малороссіи, когда онъ переносится въ міръ украинскихъ казаковъ или шумно танцующихъ у трактира парубковъ, когда рисуетъ передъ нами бѣднаго стараго писаря, умирающаго отъ огорченія, потому что у него украли шинель, тогда Гоголь—совсѣмъ иной человѣкъ. Съ тѣмъ же талантомъ, какъ прежде, онъ нѣженъ, человѣченъ, полонъ любви; его иронія больше не ранитъ и не отравляетъ; это—трогательная, поэтическая, льющаяся черезъ край душа. и такимъ остается онъ до тѣхъ поръ, пока случайно не встрѣтитъ на своемъ пути городничаго, судью, ихъ жены или дочери,—тогда все мѣняется; онъ срываетъ съ нихъ человѣческую личину и съ дикимъ и горькимъ смѣхомъ обрекаетъ ихъ на пытку общественнаго позора.

Между тѣмъ, какъ все образованное меньшинство возмущалось, узнавая себя въ чертахъ Хлестакова и Ноздрева, между тѣмъ, какъ оно все болѣе и болѣе гнушалось среды, въ которую оно было заброшено,—издали, снизу послышался другой голосъ, точно голосъ утѣшенія. То были простыя, порою жалобныя ноты, *но безъ всякой ироніи*, ноты полная наивной, весенней свѣжести. Онѣ походили на зеленую травку, пробивающуюся изъ-подъ снѣга, когда его начинаетъ грѣть весеннее солнце.

Въ этихъ ноткахъ не было фальши. Это—не маскарадныя костюмы аристократической музы, нарядившейся, изъ кокетства, крестьянкою; то были пѣсни молодого, простаго скотопогонщика изъ Воронежа, который, проѣзжая верхомъ по степямъ со своими стадами, пѣлъ отъ грусти и скуки о жизни народа и собственныхъ страданіяхъ. Онъ терпѣлъ невзгоды отъ суроваго отца, отъ грубой

родни и нѣжно любилъ бѣдную работницу, которая вела въ ихъ домѣ хозяйство и изъ-за него была удалена.

Ѹ Въ пѣсняхъ Кольцова открывался другой міръ—грустный, несчастный, но отнюдь не смѣшной, а скорѣе неописуемо трогательный въ своей наивной, естественной простотѣ, въ своей смиренной нищетѣ. Россія забытая, Россія бѣдная, мужицкая—вотъ кто подавалъ здѣсь о себѣ голосъ, Россія, сдерживавшая временами иронію Гоголя и дѣлавшая его изъ палача своимъ пріятливо-участливымъ гостемъ.

Наступило такимъ образомъ время, когда Замарашка вошла въ бальный залъ. Теченіе снизу стало брать верхъ. Цивилизованная Россія начала, наконецъ, какъ богъ у Беранже, смотрѣть съ любопытствомъ на лежащій внизу міръ, который бродилъ по полямъ и работалъ. «Смотрите-ка, вѣдь, они болѣе похожи на людей, чѣмъ мы думали!». Это было, дѣйствительно, великое открытіе!

Крайне любопытно, что единственная партія, называющая себя преимущественно *національною*, а именно московская партія, изъ которой во время войны сдѣлали своего рода боцмана, ровно ничѣмъ не содѣйствовала этому открытію. Правда, панслависты причисляютъ Гоголя къ своимъ, но это—канонизація Аристотеля. Ни къ какой партіи Гоголь никогда не принадлежалъ. Разрѣшеніе же загадки кроется въ томъ, что панслависты просто-на-просто не знали *подлиннаго* народа. Они (употребляя выраженіе нѣмецкой философіи) *конструировали* себѣ какой-то русскій народъ по даннѣмъ, почерпнутымъ изъ Несторовой лѣтописи о традиціяхъ другихъ славянскихъ племенъ, не давъ себѣ труда ознакомиться съ тою народностью, какая жила у ихъ ногъ. Даже поэтъ-прасоль Кольцовъ никогда не находился среди московскихъ революціонеровъ.

Когда приходитъ время какой-нибудь идеѣ созрѣть, ея начинаютъ увлекаться, даже не замѣчая этого. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ корифеевъ байроновскаго направленія послѣ того, какъ онъ порылся въ самой сердцевинѣ мелочнаго и грубаго общества, гдѣ все, притязавшее на болѣе благородную жизнь, должно было заглохнуть отъ ничтожества жалкаго прозябанія,—вздумалъ изобразить по-своему двухъ бѣдныхъ крестьянъ. Одному изъ нихъ онъ, конечно шутки ради, придалъ характеръ Гете, другому—характеръ Шиллера ¹⁾. Но по мѣрѣ того, какъ Тургеневъ ближе присматривался къ помѣщичьему дому и чердаку бурмистра, онъ все сильнѣе увлекался своимъ предметомъ. Шутка все исчезала, и поэтъ нарисовалъ намъ два разныхъ, серьезныхъ, поэтическихъ типа русскихъ крестьянъ.

¹⁾ «Хоръ и Калинычъ».

Неподготовленная къ этому публика разразилась рукоплесканіями. Художникъ выступилъ со вторымъ своимъ разсказомъ «охотника». Этотъ разсказъ былъ превосходенъ,—такъ пошло дальше. Тургеневъ имѣлъ свою особую антипатію, онъ не сталъ глотать костей, оставленныхъ ему Гоголемъ, а занялся преслѣдованіемъ другой добычи: помѣщика, его жены, его кабинета, управляющаго и старосты. Никогда еще раньше внутренняя жизнь помѣщичьяго дома не выставлялась въ такомъ видѣ на всеобщее посмѣяніе, ненависть и отвращеніе. При этомъ нужно замѣтить, что Тургеневъ никогда не накладываетъ густыхъ красокъ, никогда не примѣняетъ слишкомъ сильныхъ выраженій. Наоборотъ, онъ повѣствуетъ съ большою пластичностью, употребляетъ всегда лишь изысканный слогъ, который необычайно усиливаетъ впечатлѣніе отъ этого поэтически написаннаго обвинительнаго акта крѣпостничеству.

Тургеневъ не остановился на одной лишь мученической долѣ крестьянина; онъ не побоялся заглянуть и въ душную каморку крѣпостного слуги, гдѣ тотъ имѣлъ лишь одно утѣшеніе—водку. Жизнь этого русскаго «Дяди Тома» онъ передалъ съ такой художественностью, что сумѣлъ даже миновать двойную цензуру и все же заставить насъ дрожать отъ бѣшенства при изображеніи этого тяжкаго, нечеловѣческаго страданія, подъ бременемъ котораго падало одно поколѣніе за другимъ, безъ просвѣта впереди, не только съ оскорбленною душой, но и съ искалѣченнымъ тѣломъ.

Имена Тургенева и Григоровича не будутъ никогда забыты ни русскимъ крѣпостнымъ, ни вольноотпущеннымъ. Нынѣ, наканунѣ освобожденія, при болѣе мягкомъ режимѣ, противъ крѣпостного права проповѣдуютъ многіе, а тѣ два художника-поэта дѣлали это при страшномъ господствѣ Николая.

Когда я покидалъ Россію, я былъ мало знакомъ съ произведеніями Григоровича. Онъ былъ тогда однимъ изъ молодыхъ авторовъ, только только начинавшихъ писать. Въ Неаполѣ въ 1848 году, я впервые прочелъ «Антоня-Горемыку», простую исторію крестьянина, котораго преслѣдуетъ бурмистръ за то, что онъ подъ диктовку другихъ крестьянъ написалъ помѣщику прошеніе, направленное противъ этого бурмистра. Это «*memeto patriam*»¹⁾ было особенно тяжело въ переживаемую Италіей революціонную пору, подъ сладкимъ, ласкающимъ воздухомъ Средиземнаго моря. Я чувствовалъ угрызенія совѣсти; мнѣ было стыдно находиться тамъ, гдѣ я находился. Крѣпостной мужикъ, прежде времени изможденный, бѣдный, добрый, кроткій, невинный и, все же, бредущій съ цѣпами

1) Помни о родинѣ.

на ногахъ въ Сибирь, неотступно преслѣдовалъ меня среди чудеснаго народа, у котораго я жилъ.

Переведенный вами романъ образуетъ новую фазу народной поэзіи Теченіе снизу одержало побѣду. Хозяинъ деревни, бурмистръ, грабитель-судья, убійца-становой, — все это исчезло. Надъ всѣмъ господствуетъ живой и крѣпкій типъ, типъ крестьянина-рыбака Глѣба Савиныча. Это—жизнь крестьянина не въ его неравной борьбѣ съ помѣщикомъ и деспотическими правами послѣдняго или съ злостными притѣсненіями администраціи, это—жизнь крестьянина сама по себѣ.

Врагъ, выступающій въ «Рыбакахъ», ужь врагъ свой, домашній; это—начало совсѣмъ иной борьбы, борьбы между земледѣльческою, скромною, простою патріархальностью и буржуазнымъ пролетаріатомъ, работающимъ въ городахъ, на фабрикахъ и ведущимъ проклятую, безшабашную жизнь. Эта борьба носить уже болѣе человѣчскій характеръ, она не протекаетъ въ формѣ грубаго перевѣса силы на одной сторонѣ, а ведется равнымъ оружіемъ между людьми одинаковаго положенія. Ненужное и благодѣтельное вмѣшательство полиціи является самымъ крупнымъ промахомъ всего романа Григоровича, ибо это представляетъ собой непослѣдовательность и прегрѣшеніе противъ дѣйствительности.

Романъ «Рыбаки» вводитъ насъ въ начало неминуемой борьбы (борьбы эволюціонной) между «крестьянскимъ» и «городскимъ» элементомъ, между крестьяниномъ-земледѣльцемъ и крестьяниномъ-фабричнымъ рабочимъ. Но борьба эта не достигнетъ у насъ такого развитія, какое она получила во Франціи и Англии. Земледѣльческое населеніе имѣетъ у насъ большее значеніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Города плохо заселены; множество рабочихъ приходитъ изъ деревни, не порывая связей съ общиною, и потому остаются крестьянами. Борьба эта еще и по другимъ причинамъ не будетъ носить такого ожесточеннаго, беспросвѣтнаго характера, какъ тамъ. Рядъ идей, относительно которыхъ еще не достигнуто общаго соглашенія и которыя плаваютъ на поверхности моря европейской реакціи—а море это все больше и больше поглощаетъ остатки революціонной Армады, на которой старый міръ рассчитывалъ сдѣлать свой переѣздъ—этотъ рядъ идей *теоретически* уже далеко перешагнулъ черезъ борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ, между горожанами и крестьянами. Идеи эти принадлежатъ намъ по праву изученія и усвоенія, подобно тому, какъ западной Европѣ онѣ принадлежатъ въ силу страданія и выработки. Но это еще не все. Идя шагъ за шагомъ за Европой, по бороздамъ, омоченнымъ ея потомъ, мы наткнулись на зародышъ экономическихъ и

административныхъ учреждений, которыя основаны на общности землевладѣнія, на аграрномъ и инстинктивномъ коммунизмѣ.

При этомъ открытіи наши старые друзья, нравственные скитальцы, не знавшіе, гдѣ имъ преклонить голову, чувствовавшіе себя потерянными въ неприятной средѣ и мучительно стремившіеся къ далекому идеалу, чтобы уйти отъ противной и низкой дѣйствительности, — наши друзья задержали свои шаги; они увидѣли, что подъ прокаженною оболочкою императорской, помѣщицкой, правящей Россіи таится нѣчто живое, сильное, неизвѣстное, особый міръ, который надо изучать, міръ, основанный на общинѣ и владѣніи землею.

Роль печальнаго и меланхолическаго лица, человѣка, чувствующаго себя лишнимъ, именно потому, что онъ хочетъ быть дѣйствительно человѣкомъ, эта роль сыграна, кончена. Ему предстоитъ выполнить особую задачу. Надо освободить элементы русской общинной жизни отъ примѣсей, приданныхъ ей татарщиной, царизмомъ, бюрократіей и нѣмецкою казармократіей посредствомъ режима приказовъ, крѣпостнаго права и т. п. Взявъ эти элементы за естественный исходный пунктъ, надо развить, просвѣтить ихъ соціальной идеей Запада, на пользу всеобщей науки о благополучіи челоуѣчества.

Этимъ задача еще не кончается. Есть еще другая. Состоитъ она вотъ въ чемъ: надо обезпечить это развитіе отъ лихорадочныхъ кризисовъ, отъ насильственныхъ возвращеній къ прошлому, отъ всѣхъ кровавыхъ и страшныхъ конвульсій, которыя породили на свѣтъ и довели до состоянія зрѣлости соціальную идею, послѣ того, какъ онѣ привели западные народы къ краю могилы.

Какъ видите, все зависитъ отъ того, произойдетъ ли интимное сляніе между Владиміромъ Ленскимъ, студентомъ геттингенскаго университета, поклонникомъ Шиллера и Гете, утопическимъ мечтателемъ, поэтомъ съ длинными кудрями, и нашимъ старымъ Глѣбомъ Савиничемъ, этимъ практическимъ философомъ съ суровымъ сильнымъ характеромъ, этимъ подлиннымъ типомъ циклопической расы рыбаковъ. Поймутъ ли они когда нибудь другъ друга? Старикъ чудаковатъ и упрямъ.

Поживемъ—увидимъ!

А пока я уступаю мѣсто старому Глѣбу. Онъ, вѣдь, и такъ не любитъ длинныхъ разглагольствованій, и его старуха жена всегда два-три подумаетъ, прежде чѣмъ надоѣдать ему своими просьбами о покупкѣ глинянаго горшка или другихъ такихъ же предметовъ роскоши.

Putney, подѣ Лондономъ.
28 декабря 1857.

1858

1000.

Предисловіе къ «Старому міру и Росли» отъ 1 января 1858 г.
(см. № 732).

1001. Письмо къ И. С. Тургеневу.

31 декабря 1857.
Putney.

Богатъ и славенъ Кочубей
И въ Зальцмана стрѣляетъ!

Благодарю за присылку,—она выйдетъ въ печати къ 15 янв. съ небольшимъ введеніемъ ¹⁾. Русскіе ревью мы получаемъ теперь хорошо, такъ что О. не нужно посылать. Читалъ я твою превосходнѣйшую вещь въ «Библ. для Чтенія» ²⁾; кромѣ одного мѣста, гдѣ ты ужъ очень много налиризмичалъ, удивительно хорошо. Недаромъ въ Петербургѣ продають твой контрофѣй ³⁾, какъ я началъ въ «Отеч. Зап.».

Самое замѣчательное явленіе на Темзѣ, было посѣщеніе Камартини ⁴⁾; онъ, навравши три короба, умолялъ насъ пріѣхать на другой день обѣдать къ нему въ Great Divan. Дѣлать было нечего,—мы отправились, а онъ утромъ удралъ. Для чего? Das Lied der aüs—поэзія репетиціи Репетилова.

¹⁾ См. № 1002.

²⁾ «Поѣздка въ Полѣсье», 1857 г., кн. 10.

³⁾ Konterfei—портретъ.

⁴⁾ Н. А. Мельгуновъ, жившій на улицѣ Samartin (въ Парижѣ).

1 января 1858.

Съ новымъ годомъ! Да низведетъ Господь миръ въ пузыри твой—qu'il te donne des lanternes pour des vessies, dass du aus der Blase—Halleluja mit Freude—wirst du blaso sans être blasé ¹⁾).

Книга о Корфѣ гѣтова ²⁾.

Что ты живешь въ Римѣ cela n'a ni rimes, ni raison! ³⁾

Посылать, что ли, тебѣ книгу и «Колоколь»? ⁴⁾

А что же ты нѣ пишешь ничего о Боткинѣ? Въ «Библ. для Чтенія» его называютъ однимъ изъ величайшихъ писателей. ¹⁾ Кстати, хорошо ты принялъ Фета (wahrlich nicht zu fett) ⁴⁾ въ Rosbrieval de Carnaduc, какъ онъ пропечаталъ свою неудачную поѣздку. Зачѣмъ во-время не предупредилъ ты его, что всѣ комнаты заняты?

Видѣлъ ли ты, что Некрасовъ обратился въ православіе? Магдалинится молодой человекъ ⁵⁾).

Ручку, батюшка, ручку.

А. Г.

Я съ Ивановымъ ⁶⁾ знакомъ; кланяйся ему; онъ все просить хорошій гидъ въ Сирію; рекомендуи ему, пожалуйста.

◆◆ 1. 7 января 1858 г. Тургеневъ писалъ Герцену: «Боткинъ, съ которымъ я вижу каждый день, совершенно симпатизируетъ твоей дѣятельности и велитъ тебѣ сказать, что, по его мнѣнію, ты и твои изданія составляютъ эпоху въ жизни Россіи» («Письма», 116).

¹⁾ Да ниспошлетъ онъ тебѣ фонари вмѣсто пузырей, чтобы ты изъ пузыря аллилуія съ радостью - - - - , не будучи пресыщеннымъ.

²⁾ См. № 1003.

³⁾ Это не имѣетъ ни малѣйшаго смысла (французская поговорка).

⁴⁾ По истинѣ, не слишкомъ жирно.

⁵⁾ Въ «Тишинѣ», напечатанной въ IX кн. «Современника» 1857 г., были такіе стихи, потомъ поэтомъ замѣненные:

«Народъ, стекаясь къ алтарю,
Хвалу Всевышнему возносить
И Благодушному царю».

И просто выкинутые:

«И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни Великаго Петра
.....
Пусть на работающихъ честно
Нисходитъ Божья благодать!»

⁶⁾ Александръ Андреевичъ, знаменитый живописецъ.

1002. Что значить судъ безъ гласности.

Торжественнѣ думали мы начать нашъ звонъ на 1858 г... Видно, нашему «Колоколу» не суждено еще издавать полные, радостные звуки, звать на праздники и ликованія, возвѣщать благія вѣсти. Видно, еще надолго онъ будетъ обреченъ на долю тюремнаго звонка, печально возвѣщающаго всякій разъ, что преступленіе, что несчастье взошло или вышло, что явился палачъ, заплаканная мать переступила порогъ или процессія двинулась къ лобному мѣсту.

А какъ искренно, какъ горячо хотѣлось намъ, чтобъ было иначе, съ какимъ сердечнымъ упованіемъ смотримъ мы на усилія Александра II вырвать у упорно-своекорыстнаго дворянства-веревку, на которой оно держитъ крестьянъ въ кабаль! «Опора престола» стала бревномъ на дорогѣ, когда государь захотѣлъ сдѣлать доброе дѣло!

Еще хуже съ гласностью въ судѣ. Панины и компанія умѣли остановить проекты, заставили молчать объ этихъ жизненныхъ вопросахъ. Съ этими гириями на ногахъ недалеко уйдетъ Александръ Николаевичъ, спутанный формализмомъ, этикетомъ, ограниченный табелью о рангахъ, окруженный политическими старообрядцами, дворянствомъ, которое выбрало себѣ девизомъ: «я съку!» и за это право умѣетъ стоять.

Государь, очевидно, стремится вырваться изъ заколдованнаго круга, но, не слыша свободнаго голоса, не имѣя средствъ узнать истины, теряется.

Князь Долгоруковъ, послѣ заграничнаго путешествія государя, поднесъ ему полную «Хрестоматію», составленную Прянишниковымъ изъ подпечатанныхъ писемъ, свидѣтельствующихъ о крамольныхъ мысляхъ и крайнемъ неудовольствіи благороднаго руссійскаго дворянства при слухѣ объ освобожденіи крестьянъ. Отчего же онъ ему не доставляетъ «Колоколь»? Ужъ коли доносить, такъ все доносить, что тутъ за выборъ!

Государь не услышитъ отъ насъ ничего оскорбительнаго.

Мы ему скажемъ: будьте мужественны, человѣчество глядитъ на васъ, исторія записываетъ ваши дѣла, бѣдная Россія ждетъ; но что же исторія запишетъ, если Россія ничего не дождется, если вы ее оставите на произволь новымъ Аракчеевымъ, новымъ Клейнмихелямъ?

У нею было доброе сердце и слабая воля! Неужели ваше самолюбие не идетъ дальше?

Вамъ, такъ благородно поступившему въ дѣлѣ Липранди, предававшаго академію шпіонства ¹⁾, очень легко узнавать людей и дѣлать ихъ ошую и одесную, шиболетъ вашъ совсѣмъ готовъ. Кто противъ гласности, кто противъ освобожденія крестьянъ, тотъ врагъ народа, тотъ вашъ врагъ...

Отчего вы не боитесь гласности, а Панинъ и Вяземскій боятся?

Отчего вы хотите искоренить взятки, а Ланской призывалъ двухъ литераторовъ и запретилъ имъ касаться этого предмета, освященнаго вѣками?

Постараемся показать, на дѣлѣ, отчего.

Къ новому году намъ прислали выписку изъ одного дѣла, нѣсколько нечрезвычайнаго, но очень характеристическаго для объясненія, почему запертыя двери необходимы вертепамъ, называемымъ у насъ *судами*.

1003. Предисловіе.

Передъ книгой барона Корфа мы не могли, не должны были молчать. Кому же и поднять голосъ за великихъ предшественниковъ нашихъ, какъ не намъ русскимъ, покинувшимъ наше отечество для того, чтобъ раздавалось хоть гдѣ-нибудь свободное русское слово? Тѣмъ больше, что мы отъ *нихъ* считаемъ наше духовное рожденіе, что *ихъ* голосъ разбудилъ насъ къ жизни и ихъ примѣръ поддержалъ черезъ все существованіе наше. Начиная первое русское обозрѣніе, *печатемое безъ цензуры*, мы самымъ названіемъ поставили его подъ ихъ сѣнь, примкнули къ ихъ дѣлу. для того, чтобъ «по-

¹⁾ Извѣстный «энтузіастъ» (это счастливое выраженіе Модеста Корфа не должно пропасть) Липранди подалъ государю глубокообдуманнй проектъ въ составленіи разсадника шпіоновъ. Онъ предлагалъ поручить инспекторамъ въ гимназіяхъ, чтооы они отмѣчали мальчиковъ, которые доносятъ на товарищей, поощрять ихъ, слѣдить за ними въ университетѣ и, если они тамъ также ревностно будутъ выдавать своихъ товарищей, принимать ихъ въ особенное отдѣленіе полиціи. Государь, прочитавши этотъ гнусный проектъ, написалъ на немъ: «Липранди, какъ вреднаго человѣка, впредь ни на какую службу не опредѣлять и воспретить ему вѣздъ въ столицу».

И тутъ нашлись герои, которые вступились за Липранди и упростили государя оставить въ Петербургѣ невинно-угнетеннаго «неосторожнаго», но пламенно любящаго отечество. А еще обвиняютъ нашъ вѣкъ въ эгоизмъ!—
А. И. Г.

казать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннее и кровное родство»¹⁾).

Какъ же намъ молчать передъ публикаціей Корфа? Она насъ оскорбила и требуетъ отвѣта.

Не русская мысль систематической оппозиціи чужда намъ. Мы съ искреннимъ упованіемъ привѣтствовали новое царствованіе изъ нашего удаленія, мы съ радостью слѣдовали за всѣми хорошими начинаніями. Но *платоническая* надежда стала утомляться, намъ уже становилось мало его вѣчныхъ попытокъ, его отрицательнаго добра, какъ вдругъ обнародованіе книги Корфа исполнило насъ удивленія.

Просто ли это ошибка, анахронизмъ или вновь брошенное оскорбленіе общественному довѣрію,—надѣявшемуся именно на то что николаевскій періодъ оконченъ?

Въ то время, какъ вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ отгадки, символа вѣры новаго царствованія, съ біеніемъ сердца слѣдя за его нерѣшительнымъ, робкимъ, колеблющимся шагомъ; въ то время, какъ вся Россія окружаетъ его любовью, собственно изъ ненависти къ прошлому царствованію,—оно громко заявляетъ свою подную солидарность съ нимъ.

Вотъ причина, почему мы придаемъ важность тощей и неловкой книгѣ Корфа.

Тутъ нечего ссылаться на сентиментальныя отношенія сына къ отцу. Александръ II сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ все, чего требовало сердце и декорумъ, даже больше, нежели было нужно. Намъ всегда казалось страннымъ, напр., названіе «благодѣтеля», которое нынѣшній государь повторялъ, говоря о «незабвенномъ» отцѣ своемъ... Когда же цесаревичъ и наслѣдникъ русскаго престола могъ быть въ томъ положеніи, чтобъ ему нужны были благодѣянія? Это неприличная терминологія, но богъ съ ней.

Обязанность государей не въ служеніи панихиды по покойникамъ, а въ служеніи своему народу; но служить ему можно разное, особенно держа въ рукахъ своихъ самодержавную власть. Или нынѣшній государь понимаетъ возрастъ, въ который входитъ Россія, и хочетъ быть тѣмъ роковымъ кормчимъ, который поведетъ ее въ ширь свободнаго, самобытнаго развитія, оставляя исторію лучезарное имя. Тогда надобно отказаться отъ своевластія власти, отъ казарменнаго деспотизма, отъ глухо-нѣмаго канцелярскаго управленія, не дичиться человѣческой рѣчи, ознакомиться съ современной мыслію и понять, наконецъ, какъ много общаго (ко-

¹⁾ Программа «Полярной Звѣзды» за 1855—А. И. Г.

нечно, не въ путяхъ, а въ цѣли) между стремленіями передовыхъ людей Россіи, сѣставившихъ тайное общество при Александрѣ I, и собственными стремленіями Александра II.

Или совсѣмъ обратно: всѣ обѣщанія улучшеній были только *carnatio benevolentiae* ¹⁾, и Александръ II, какъ Николай, хочетъ продолжать роль отпора, помѣхи всякому движенію, всякой идеи, быть тормазомъ на всякомъ колесѣ Россіи и Россіей тормозить всю Европу. Тогда надобно ему итти гораздо дальше Николая. Крымская война и два года его царствованія сильно двинули впередъ общественное мнѣніе! Тогда надобно не намекать на освобожденіе крестьянъ, а ободрить помѣщиковъ насчетъ рабства, не распускать резервы, а сдѣлать штатскихъ военными, уничтожить грамоту, закрыть университеты, посылать въ Бобруйскъ и Нерчинскъ за упованіе, за любовь къ нему, основанную на вѣрѣ въ улучшенія... Но мы еще вѣримъ, что Александръ II этого не хочетъ. Потому-то мы и не понимаемъ, что значитъ его идолопоклонство передъ Николаемъ и обнародованіе книги Корфа.

Ясно, какъ эта раболѣпная брошюра возникла при Николаѣ, хотя нельзя не удивляться, какъ и онъ могъ читать такую тяжелую, подъяческую, вульгарную лесть. Она носитъ какъ-то грубо вырѣзанную печать его времени: бѣдность мыслей, условныя формы, узкій горизонтъ, офиціальныи холодъ, безпощадность посредственности, отталкивающую, парадную чувствительность, не тотъ воздухъ, которымъ человѣкъ можетъ свободно дышать, а какая-то давящая атмосфера второго порядка, въ которой двигаются и дѣйствуютъ, какъ рыба въ водѣ, Клейнмихели, Чернышевы, Кокошкины, Бенкендорфы, получше, похуже, но всѣ—бездариѣише изъ смертныхъ.

Понятно, что Николай, окруженный такими людьми, читалъ съ удовольствіемъ, что «измѣна», которую онъ едва покорилъ нѣсколькими полками, картечью и кавалерійскими атаками, «была робка». Конечно, ему не пришло въ голову спросить: кому измѣна? чего? въ чью пользу?

Но зачѣмъ же теперь, приподнимая правительственной рукой завѣсу, которой полиція не позволяетъ касаться, повторять эту брань? Вѣдь Кромвель, раскрывая тѣло короля Англіи, не обижалъ его памяти!

Правительство могло молчать, предоставляя усердію разныхъ Устряловыхъ продолжать клевету и лесть, но если уже оно рѣшилось говорить всенародно, надобно было говорить иначе, гораздо серьезнѣе.

¹⁾ Снисканіе расположеніе.

Какъ бы то ни было, сдѣлана ли эта публикація очертя голову или съ намѣреніемъ, намъ нѣтъ выбора, на насъ тоже лежитъ долгъ благочестія къ прошедшему, и мы рѣшились приподнять ту же завѣсу съ другой стороны, и для этого за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, мы ихъ взяли у самого правительства.

Не ограничиваясь однимъ разборомъ Корфовой брошюры, мы перепечатаваемъ весь текстъ «Донесенія слѣдственной комисіи», весь приговоръ верховнаго суда и разбираемъ ихъ вмѣстѣ съ нею.

«Донесеніе слѣдственной комисіи» приходитъ въ забвеніе, его трудно достать въ Россіи, а протвердить его молодому поколѣнію необходимо. Пусть оно посмотритъ на эти сильныя и могущественныя личности, даже сквозь темное сердце ихъ гонителей и судей, и подумаетъ, что же они были, когда и такіе живописцы при всемъ желаніи не умѣли исказить ихъ благородныхъ чертъ?

Но мы далеки отъ того, чтобъ считать нашъ трудъ полнымъ или оконченнымъ. Совершенный недостатокъ матеріаловъ чрезвычайно ограничилъ нашу работу. А потому мы и обращаемся съ просьбою ко всѣмъ русскимъ, хранящимъ въ сердцахъ память мучениковъ и героевъ 14 декабря, доставлять намъ всякаго рода свѣдѣнія и подробности, могущія взойти въ историческій сборникъ или въ монографію объ этомъ времени. Всѣ частныя событія, анекдоты, письма, записки, относящіяся до нихъ, драгоцѣнны для насъ, для потомства, для Россіи, все это — достояніе исторіи и не должно затратиться въ рукописяхъ. Дайте намъ право нашимъ станкомъ закрѣпить за исторіей и спасти отъ забвенія или утраты разсѣянные документы! ²⁾).

1004. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 января 1858.
Путней, Putney.

Ну, вотъ и нашъ отсталый новый годъ на дворѣ. Поздравляю съ тѣмъ, что живы и еще можете видѣть *allerlei und manches* ¹⁾. Увидимся ли въ этомъ году, не знаю. Всего скорѣе, увидите съ Сашей: онъ рѣшительно отправляется въ іюль мѣсяцъ въ Вюрцбургъ. Воображаю, что оттуда можно сбѣгать къ вамъ на праздники.

Помните ли, мы 10 лѣтъ тому назадъ встрѣчали новый,

¹⁾ Многое кое что.

²⁾ Комментарій въ концѣ тома.

1848 годъ въ Римѣ? Воды-то... воды-то... крови-то... вина-то... слезъ то что съ тѣхъ поръ ушло...

А въ 1838?... Въ Полянахъ, на станціи между Вяткой и Владиміромъ...

А въ 1868—that is the question? Wer, wo ¹⁾? Очень хорошо, что не знаемъ. Ну, обнимите же дѣтей и Рейхеля.

Объ началѣ освобожденія крестьянъ вы знаете; во всякомъ случаѣ великое событіе, хотя за него принимаются и глупо. Вообще Алекс. бьется, какъ рыба объ ледъ, дворня не позволяетъ ничего.

На меня страшное гоненіе; уже здѣсь посольство интригуетъ, чтобъ всѣ посылки Трюбнера останавливать на нѣмецкой границѣ. Увидимъ, чья возьметъ.

Получили ли «Колоколь» и «Поляр. Звѣзду» и что заплатили? Мнѣ это важно; я франкирую здѣсь, стало быть, это плутни,— чтобъ отказывались. Въ прошлыхъ посылкахъ могли придратъся къ написаннымъ строкамъ, теперъ ихъ нѣ было.

Среда, 6, утромъ.

Хотѣлъ дописать это письмо и получилъ ваше. А я еще о 1868 спрашиваю...

Бѣдная Марья Каспаровна, пожалуйста, напишите о себѣ, о Рейхелѣ.

А я ваше письмо такъ весело открылъ.

Очень, очень благодарю и понимаю.

1035. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

7 janvier 1858.

Putney.

Chère Malvida, je vous remercie pour le №, je l'ai reçu directement aussi de Manchester,—ie ne sais pas d'où cela vient. L'article dans le Daily News de Londres a été écrit par Leverson.

La guerre contre nous est commencée. L'ambassade russe insiste pour fermer toutes les voies de communication par l'Allemagne. On est en correspondance avec l'ambassade prussienne—«Le bruit et l'éclat inouï que les publications russes produisent—dans le pays—nous impose etc».

Ça ira, ça ira, ça ira

1) Вотъ вопросъ—кто? гдѣ?

Un tel aveu de la faiblesse vaut 10,000 fr.

Vous n'en parlerez rien—car nous voulons étonner l'ambassade en imprimant tout à coup toute l'histoire.

Soyez sûre que ce n'est pas l'Empereur—mais la Camarilla qui fait tout cela craignant nos révélations.

Adieu.

La pauvre Madame Reichel vient de perdre sa fille—qui est morte dans quelques heures de maladie. Elle est hors d'elle; pourquoi diable, est ce que cette femme est frappée et frappée.

Переводъ.

7 января.

Дорогая Мальвида, благодарю васъ за №. Я получилъ его также прямо изъ Манчестера, — не знаю, какъ это случилось. Статья лондонскаго «Daily News» написана Леверсономъ.

Война противъ насъ началась. Русское посольство настаиваетъ на томъ, чтобы намъ закрыты были всё пути сообщенія черезъ Германію. Началась переписка съ прусскимъ посольствомъ.— «Неслышанный шумъ и эффектъ, который русскія изданія производятъ въ странѣ, обязываютъ насъ» и т. д.

Ça ira, ça ira, ça ira ¹⁾.

Такое признаніе слабости стоитъ 10.000 фр. Не говорите объ этомъ ничего, потому что мы хотимъ изумить посольство опубликованіемъ всей исторіи.

Повѣрьте, что это не императоръ, а камарилья все это дѣлаетъ, боясь нашихъ разоблаченій.

Прощайте.

Бѣдная г-жа Рейхель только что лишилась дочери, которая умерла послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣзни. Она внѣ себя. И что за дѣвольщина, что на эту женщину обрушивается ударъ за ударомъ.

1006. Письмо къ М. Мойзенбугъ.

11 janvier (1858).

Lundi.

Chère Malvida, voici l'adresse de m-me Reichel.

Dresden. Grosse Reitbahngasse, № 10, Eine Treppe h.

Il y a dans la gazette d'Augsbourg un article stupide sur notre vie à Putney, où on me nomme «Comte», où on parle de Kin-

¹⁾ «Дѣло поидеть, дѣло поидеть, дѣло поидеть на ладъ» — припѣвъ революціонной пѣсни, распѣвавшейся якобинцами.

kel et où on vous nomme. Je vous l'envoie—mais mettez la à part et renvoyez moi un de ces jours. C'est par trop ridicule pour ne pas être gardé.

Le discours de Schourtz est très bon, je vous l'enverrai dès que je le trouverai.

— Vous savez que cela n'est pas facile pour moi.

Tout le monde a la tête lourde, tout le monde se sent indisposé. Comment allez vous?

Il y a de nouveaux russes et même une dame qui a été d'une grande beauté.

Tout à vous

A. Herzen.

Переводъ.

11 января 1858.

Понедѣльникъ.

Дорогая Мальвида, вотъ адресъ г-жи Рейхель:

Дрезденъ. Grosse Reitbahngasse, № 10, второй этажъ.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» помѣщена глупая статья и относительно нашей жизни въ Путнеѣ, гдѣ меня называютъ «графомъ», гдѣ говорятъ о Кинкелѣ и гдѣ называютъ и ваше имя. Посылаю вамъ эту статью—но отложите ее и верните мнѣ. Это настолько нелѣпо, что нужно сохранить.

Рѣчь Шурца очень хороша, я вамъ ее пришлю, какъ только найду.

Вы знаете, что для меня это не легко.

У насъ у всѣхъ тяжесть въ головѣ, всѣ чувствуютъ себя нездоровыми.

Какъ поживаете?

Появились новые русскіе и даже одна дама, которая была очень красива.

Весь вашъ

A. Герценъ.

1007. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

15 janv. (1858).

Putney.

Kolzoff war ein Ochsentreiber und ging mit den Ochsen seines Vaters über die Steppen von Woronej—zu Pferde. Sie können also das alles sich vorstellen—Pferd, Post, Ochsen, Steppe...

Haben sie gelesen, d. der Adel von Nijni—will die Bauern befreien—das ist schrecklich wichtig, denn er ist schrecklich *zentral*.

Wir haben aber auch schlechte Nachrichten—der nördliche und östliche Adel, sagt man, macht eine offene opposition. Sie können sich denken—wie Ogar. und ich in «der Glocke»—diese Bestien arrangieren werden.

Alex. II wird zum grossen Mann; er hat im Comité der Minister gesagt—Il faut préparer un projet pour abolir enfin les rangs dans le service civil.—Il va d'après notre programme.

Eine vortreffliche Anekdote werde ich Ihnen erzählen—diese Tage komme ich zu Ihnen

Schurz Rede werde ich mit der Augsb. Zeit. schicken. Werden Sie das Buch von Korff übersetzen—Trübner sagt's? Ein Buchhändler aus Berlin fragt mich.

Portez vous bien.

Adieu.

Переводъ.

15 января.

Кольцовъ былъ погонщикомъ быковъ и верхомъ на лошади гналъ скотину своего отца черезъ воронежскія степи. Такимъ образомъ вы можете все это себѣ представить: лошадь, почтовый трактъ, быковъ, степь. Читали ли вы, что нижегородское дворянство хочетъ освободить крестьянъ? это очень важно, потому что оно очень *центрально*.

Имѣемъ также и дурныя извѣстія: говорятъ, что сѣверные и восточные дворяне стали въ открытую оппозицію. Можете себѣ представить, какъ Огар. и я въ «Колоколѣ» обрабатываемъ этихъ скотовъ.

Алекс. II становится великимъ чедовѣкомъ; онъ сказалъ въ комитетѣ министровъ: «нужно выработать проектъ, чтобы уничтожить, наконецъ, чины въ гражданской службѣ». Онъ слѣдуетъ нашей программѣ.

Я вамъ расскажу прелестный анекдотъ,—я на дняхъ буду у васъ ¹⁾.

Рѣчь Шурца пришлю вамъ вмѣстѣ съ «Аугсб. Газетою».

Будете ли вы переводить книгу Корфа? говорилъ объ этомъ Трубнеръ? Меня спрашиваетъ одинъ берлинскій книгопродавецъ.

Будьте здоровы.

Прощайте.

¹⁾ Вѣроятно о томъ, какъ М. С. Щепкинъ грозилъ Гедеонову «Кололомъ»; сообщилъ Тургеневъ 7 января.

1008. Надпись для Р. Гранта.

A monsieur Robert Grandt témoignage de haute estime de la part de *Herzen*.

21 janvier 1858. Putney.

Переводъ.

Г. Роберту Гранту ¹⁾—въ знакъ високаго уваженія со стороны *Герцена*.

21 января 1858. Путней.

1009. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

Dimanche.

Chère Malvida, je commence par le commencement. Que puis-je faire pour Touloubieff—depuis le 7 Novembre il a reçu de moi 4 Liv. comme assistance, 2 pour le travail; il a reçu 4 de Trübner.—Nous sommes le 24 janvier, donc il y a 2 mois et $\frac{1}{2}$ —pourquoi dépense-t-il plus de 2 sh. par jour. Et la pire des choses est qu'il n'a pas payé note de ses dépenses—c'est pour cela qu'elle—la maîtresse de la maison—m'a écrit. Il ne partage aucune de nos opinions et ne cherche que le pardon pour ses fautes de jeunesse.

Je ne sais pas comment vous êtes venue à l'idée que votre lettre pouvait faire une impression pénible sur moi. N'ayez pas de telles idées.

Si vous voulez traduire le livre sur Korff—demandez à Trübner la traduction allemande du rapport de l'enquête. Cela vous facilitera beaucoup.

Olga va très bien—il n'y a aucune trace. Elle viendra un de ces jours—avec moi si la santé de m-me Og. continuera à être détraquée.

Adieu.

Переводъ.

Воскресенье (24 января).

Дорогая Мальвида, начинаю съ начала. Что могу я сдѣлать для Тулубьева? Съ 7 ноября онъ получилъ отъ меня 4 фунта въ видѣ поддержки и 2 за работу; 4 онъ получилъ отъ Трюбнера.—Сегодня 24 января, слѣдовательно, 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяца—зачѣмъ онъ тра-

¹⁾ Профессоръ.

титъ болѣе 2 шиллинговъ въ день? И хуже всего то, что онъ не заплатилъ своей хозяйкѣ по счету, и она-то мнѣ и написала. Онъ не раздѣляетъ ни одного изъ нашихъ мнѣній и ищетъ только прошенія за ошибки своей молодости. Не знаю, какимъ образомъ въ пришли къ мысли, что ваше письмо могло произвести на меня тяжелое впечатлѣніе. Пожалуйста, не думайте такъ!

Если вы хотите перевести книгу о Корфѣ ¹⁾, попросите у Трюбнера нѣмецкій переводъ донесенія слѣдственной комиссіи. Это вамъ очень облегчитъ работу.

Ольгъ вполне хорошо, не осталось никакихъ слѣдовъ. На дняхъ она придетъ со мною, если здоровье г-жи Ог. будетъ по-прежнему расшатано.

Прощайте.

1010. Предисловіе.

Предисловіе къ «Письмамъ изъ Франціи и Италіи», 1 февраля 1858 г. (см. № 462).

1011. Императоръ и студенты.

Спѣшимъ передать резолюцію Александра II на докладѣ о дѣлѣ московскихъ студентовъ. *«Цвиленева, Морозова и Симонова (первый—частный приставъ, два вторые—квартальные надзиратели) судить военнымъ судомъ, а студента Ганусевича, принимая во вниманіе, что онъ былъ въ необходимости учинить нарушеніе закона, оставить свободнымъ отъ суда и взысканія».*

Съ глубокимъ уваженіемъ печатаемъ мы это рѣшеніе... Какъ оно ни просто, ни естественно, но мы въ немъ видимъ новое доказательство, какъ далеко уже осталось за нами то несчастное время, когда полиція была во всемъ права!

1012. [Критику „Колокола“].

На дняхъ мы получили письмо, строго критикующее «Колоколъ». Письмо это проникнуто такимъ теплымъ чувствомъ любви къ *дѣлу* и желаніемъ добра отъ нашихъ изданій, что намъ остается

¹⁾ «14 декабря 1825 г. и императоръ Николай».

искренно поблагодарить анонимнаго критика и воспользоваться тѣми изъ его совѣтовъ, съ которыми согласна наша совѣсть.

Намъ очень жаль, что въ письмѣ именно сказано, чтобъ мы его не печатали, намъ хотѣлось бы сообщить его нашимъ читателямъ.

Одно замѣчаніе мы позволимъ себѣ. Авторъ письма могъ видѣть съ перваго листа «Колокола» до послѣдняго, какъ усердно мы просимъ всѣхъ, сообщающихъ намъ вѣсти, подвергать ихъ прежде строгой критикѣ. Какія же мы можемъ имѣть средства повѣрки? Если и въ нашихъ листахъ, какъ во всѣхъ журналахъ, прокрадываются ошибки, мы готовы ихъ поправить, но не всегда можемъ предупредить.

Мы въ VI листѣ сказали, что московскій оберъ-полицмейстеръ *Берингъ* остался, а онъ подалъ въ отставку. «*Le Nord*», имѣющей полуофициальныя корреспонденціи, говоря объ окончаніи студентской исторіи въ Москвѣ, сообщилъ только объ отставкѣ частнаго пристава. Вслѣдъ за тѣмъ получили мы письмо, въ которомъ обращается вниманіе на то, «что Закревскій отстоялъ Беринга». Дней десять спустя, мы увидѣли, что Берингъ замѣненъ Кропоткинымъ. Намъ остается повиниться въ ошибкѣ, поблагодарить и посоветовать Закревскому сдѣлать намъ такой же милый сюрпризъ.

Что касается до смѣшнаго, мы не совсѣмъ согласны съ нашимъ критикомъ. Смѣхъ—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило и еще держится, Богъ знаетъ на чемъ, важной развалиной, мѣшая расти свѣжей жизни и пугая слабыхъ. Повторяю, «что предметъ, о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнуться, не впадая въ кощунство, не боясь угрызеній совѣсти,—фетишъ, и человѣкъ подавленъ имъ, онъ боится его смѣшать съ рядовыми предметами» ¹⁾.

Смѣхъ—вовсе дѣло не шуточное, и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ, слушая Аристофана и его комедіи, хохотали до самаго Лукіана. Съ IV столѣтія человѣчество перестало смѣяться,—оно все плакало, и тяжелья цѣпи пали на умъ середь стenanій и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства начала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха было бы чрезвычайно интересно. Въ церкви, во дворцѣ, во фронтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частнымъ приставомъ, передъ нѣмцемъ управляющимъ никто не смѣется. Крѣпостные слуги лишены права

¹⁾ «Письма изъ Франціи и Италіи».

улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собой.

Если низшимъ позволить смѣяться при высшихъ или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чиновочитаніе. Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ значить разстричь его изъ священнаго сана въ простые быки. Снимите рясу съ монаха, мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста,—и они не будутъ страшны ни для малыхъ, ни для большихъ. Смѣхъ нивелируетъ, а этого-то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ. Аристократы всегда такъ думали, и жена *графскаго дворецкаго* Фигаро, жалуясь въ «*La mère coupable*» на горькіе слѣды 1789 года, говорить, что теперь всѣ сдѣлались *какъ въст*, *comme tout le monde!*

Въ русскомъ характерѣ вообще есть азіатская склонность къ вычурному подобострастію, съ одной стороны, и къ надменному чванству—съ другой. Объясните иностранцу, и въ особенности не нѣмцу, что простой смертный носить *рубашку*, а баринъ *сорочку*, что одинъ *спитъ*, а другой *почиваетъ*, одинъ *пьетъ* чай, а другой изволить его *кушать*... Все это пришло изъ Золотой Орды и изъ томпаковой Германіи.

И отчего это мы такъ обидчивы, когда дѣло идетъ о шуткѣ, и такъ выносливы, когда насъ бранять сверху? Это уже лѣтъ пятнадцать тому спрашивалъ Бѣлинскій. Перелистуйте лондонскій «Пуншъ», посмотрите на политическія каррикатуры его, въ которыхъ всего меньше пощаженъ мужъ королевы; что же дѣлаетъ Викторія, что дѣлаетъ Альбертъ? глядя въ «Пуншъ» и смѣются съ другими. Вотъ лучшее доказательство, какъ совершеннолѣтня Англія. Съ другой стороны, посмотрите это изступленіе, эту тревогу, съ которой преслѣдуютъ каждый свистокъ, каждую улыбку во Франціи... и подумайте о причинахъ.

Другой корреспондентъ пишетъ, что въ исторіи о слѣдствіи, дѣланномъ Эльстонъ-Сумароковымъ, фамилія помѣщика, продавшаго имѣніе, не вѣрно выставлена. Въ «Таймсѣ» была только фамилія Паликова; въ письмахъ, нами полученныхъ, *три разныя фамилии*, но обстоятельства рассказаны одинакимъ образомъ, а въ этомъ-то и сущность. Мы совершенно убѣждены, что каждый изъ благороднаго сословія помѣщиковъ, мѣшающихъ государю освободить крестьянъ, способенъ такъ же поступить. Тѣмъ не менѣе, мы благодаримъ за поправку и готовы впредь и всегда печатать *всякое опроверженіе, основанное на фактахъ*.

1013. Охапка дровецъ старушки.

Смѣшно и больно видѣть, какъ въ полицейскомъ хорѣ, окружающемъ теперь уцѣлѣвшаго Бонапарта, участвуютъ безъ всякой необходимости, второстепенныя газеты второстепенныхъ городовъ и странъ: «такъ-таки и скажите, что Бобчинскій и Добчинскій, въ сильномъ негодованіи противъ Англіи».

Разъ въ тѣ счастливыя времена, когда еще людей жгли за мысли, инквизиція приготовлялась во славу католической церкви зажарить великаго славянина. Все было въ порядкѣ—попы и палачи, монахи и сторожа суетились, нарядныя дамы хохотали во-кругъ на приговоренныхъ мѣстахъ. Костеръ уже былъ зажженъ. Вдругъ сквозь толпу продирается, торопится полоумная старушонка. «Ахъ, батюшки,—кричитъ она,—пустите меня старую да хворую;—охъ, не поспѣю мою-то охапочку дровецъ бросить на костеръ ему злодѣю, еретику, чтобъ ему ни дна, ни покрывки не было! Авось, Господь Богъ увидитъ жертву моего усердія!»—«Пропустите ее,—сказалъ мученикъ, обращаясь къ палачамъ,—развѣ вы не видите ея горячую вѣру».

Хотя, по правдѣ, мы не видимъ горячей вѣры, но легенду эту вспомнили, читая, съ какимъ остервененіемъ *белгійскій* журналъ «Le Nord» (отъ 18 января) требуетъ высылки иностранцевъ изъ Англіи... требуетъ дикихъ полицейскихъ мѣръ отъ свободной страны. И все это въ какомъ-то нервномъ, болѣзненномъ припадкѣ. «Умъ остается смущеннымъ, говоритъ онъ, и воображеніе цѣпенѣетъ при одной мысли о такомъ злодѣйствѣ». Въ эти горячешныя минуты, всего лучше молчать, а то смущенный умъ можетъ ввести въ самые забавные промахи. «Le Nord» заключаетъ свою статью тѣмъ, что еслибъ въ Англіи узнали о скопищѣ *торювецевъ невольниками* гдѣ нибудь за океаномъ, то всѣ филантропы и раскричались бы и потребовали бы самыхъ дѣятельныхъ мѣръ противъ этихъ добрыхъ людей, а противъ *дикаю сообщества* изверговъ и злодѣевъ, посылающихъ убійцъ, ядры, кинжалы не беретъ террористическихъ мѣръ, по одному слову шпіоновъ и другихъ клеветовъ... и это только потому, что доказательствъ нѣтъ. Нужно очень доказательства въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь о высочайшемъ здравіи! По помѣщичью, обоихъ высѣчь да и дѣло въ шапкѣ!

А каковъ примѣръ о торговцахъ черными крѣпостными?! Мы знали со временъ перестройки Зимняго дворца, что усердіе все преодолагаетъ, но не знали, что оно преодолагаетъ *самый ум!*

Мы вообще не мѣшаемъ въ полемику европейскихъ журналовъ, и тѣмъ больше не сказали бы ни слова объ дикихъ завываньяхъ какой-нибудь газеты, издаваемой въ Брюгге, Миланѣ или Вербвѣ, но этотъ журналъ не даромъ назвалъ себя «Сѣверомъ». Его принимаютъ въ журналистикѣ *офиціознымъ* органомъ Россіи.

Ненависть народовъ къ Россіи, которую возбудилъ Николай, начинается теперь проходить, зачѣмъ же ее подновлять, то защищая короля лаццарони, то комическія права Гогенцоллерна на Невшатель, то бесплодными криками противъ Англии, которая съ британскимъ презрѣніемъ смотритъ на бѣснующихся.

Надобно нашимъ дипломатамъ новыя прописи, новые словари! Или неужели мы при Александрѣ II доживемъ до союза (о которомъ мы пророчили въ 1854 году ¹⁾) двухъ императоровъ противъ единой свободной и сильной страны въ Европѣ?

«Неужели вы думаете», писалъ я тогда, «что они оставятъ въ покоѣ, въ 12 часахъ отъ усмиреннаго Парижа, свободный Лондонъ, Лондонъ—открытую гавань всѣмъ, спасающимся отъ оргіи деспотизма? Никогда!»

Англія—страшное бѣльмо на глазу у всѣхъ континентальныхъ властей; онѣ ея не понимаютъ, онѣ ее ненавидятъ инстинктомъ, онѣ ее ненавидятъ угрызениями собственной совѣсти,—пусть ихъ, да намъ-то, вступая въ новую жизнь, зачѣмъ соваться? Тѣмъ больше, чтó крики эти ничего не дѣлаютъ. Помните, что въ гербѣ Англии написано великое слово: «Je maintiendrai!» ²⁾.

1014. [Тамбовское дворянство].

Тамбовское дворянство не хотѣло освободить крестьянъ и только когда на него прикрикнулъ министръ, послало предводителя въ Петербургъ. Что бы ни обрушились на *тамбовское дворянство*—гнѣвъ государя или топоръ народный—все будетъ справедливо, и вѣчный позоръ его запишется въ русскую лѣтопись!

А, крамольники, вѣрноподанные рабы! Заговорили вы!—жаль, разстаться съ розгой, плантаторы... непокорные холопы!... Во имя чего смѣете вы роптать?

¹⁾ «La Russie et le Vieux Monde».—А. И. Г.

²⁾ Я поддержу.

1015. [Закревсній бунтуеть].

Закревскій бунтуеть! Арсеній Андреевичъ, что это съ вами? всю жизнь вы были фельдфебелемъ и вдругъ мѣшаете освобожденію крестьянъ? Къ лицу-ль вамъ эти лица? Итти, противъ государя! противъ дисциплины! Въ отставку стараго лакея, въ страннопріемный домъ, въ сенатъ, въ совѣтъ, въ синодъ вреднаго инвалида—только вонъ изъ Москвы!

1015 bis. Письмо къ И. С. Ансакову.

1/13 января 1858 г.

Начинаю русскій новый годъ тѣмъ, что пишу къ самому русскому изъ моихъ знакомыхъ и притомъ не старовѣру, а новому русскому, т.-е. къ вамъ. Дружески благодарю Васъ за писъмецо, доставленное домой и ея мужемъ. Ваши строки, какъ всегда, дышатъ силой и такъ проникнуты любовью и негодованіемъ, что мы всегда перечитываемъ ихъ нѣсколько разъ. Или я очень дурной авгуръ, или вамъ еще предстоитъ сильно eingreifen ¹⁾ въ настоящія событія, и потому очень жаль, что журналъ не состоялся; а отчего вы не можете сладить съ другими? Оттого, что, въ сущности, вы не дѣлите ихъ воззрѣній. Мнѣ кажется, что вы къ нимъ относитесь въ томъ родѣ, какъ я къ нашимъ «западникамъ». А изъ этого, натурально, и выходитъ, что мы, нося разныя кокарды, больше согласны между собою, нежели однополчане; такъ, напр., прежде Вашей (предпоследней) записочки я писалъ уже о нелѣпости поклоненія централизаціи и о непониманіи страннаго и своеобразнаго быта Англіи отъ привычки видѣть не людей, одѣтыхъ, какъ кому хочется, а солдатъ. Любовь къ современной Франціи для меня вовсе не понятна.

За что вы мнѣ намылили голову по религіозной части? Да я объ религіи съ годъ ничего не писалъ. Перебирая все, я остановился на томъ, что, еслибъ «исусъ Хр. былъ въ Петерб.» неужели вы это называете ридикюлизировать? да вы подобныя фразы найдете у самыхъ фанатическихъ католиковъ. Не будетъ ли это религіознымъ gruerie—избѣгать такихъ вещей; народъ въ этомъ отношеніи проще,—прочитайте-ка средневѣковыя мистеріи, какъ они тамъ за панибрата обходятся.

¹⁾ Забраться.

Въ «Колоколѣ» не увидите вы ни социальныхъ теорій, ни религиозныхъ разсужденій, но если случится въ «Поляр. Звѣздѣ» въ общей статьѣ—тутъ дѣлать нечего; что для меня были убѣжденія, вы увидите изъ новаго отрывка, гдѣ говорится о Грановскомъ ¹⁾.

Получили ли вы отъ Шнейдера посылку? Что касается до насъ мы получаемъ «Петер. Вѣд.», «Сѣвер. Пчелу», «Совр.», «От. Зап.» и «Библ. для Чтенія». «Молву» ²⁾ я получилъ какъ-то два раза по почтѣ; я Трюбнеру велѣлъ подписаться тамъ, гдѣ было сказано, а онъ подписался не знаю, гдѣ—впрочемъ, я подписался съ новаго года.

«Молвой», скажу откровенно, я не былъ доволенъ,—ни формой, ни содержаніемъ; нѣсколько энергическихъ и благородныхъ фразъ не выкупаютъ молебновъ Крылову, скучной полемики и вялыхъ статей. Помилуйте, теперь у васъ можно чудеса надѣлать журналами.

«Рус. Бесѣды» я читалъ 3 книжки, т.-е. три книжищи; если въ 4-й за 57 годъ есть что-нибудь особенно замѣчательное, то я желалъ бы ее имѣть. Взялись бы вы сами за редакцію, дѣло бы иначе пошло.

Ну какъ же это случилось, что Русь литовская и Русь чухонская показали въ дѣлѣ освобожденія больше ума и благородства, нежели первопрестольный градъ Москва и великороссійскіе берега Волги? Вѣдь, этого исторія не забудетъ. Или мы не знаемъ, что дѣлается. А хотѣлось бы вытянуть вдоль спины и поперекъ это закоснѣлое въ розгахъ и животности дворянство.

Совѣтъ вашъ насчетъ Ал. Ник. ³⁾ исполню, тѣмъ больше, что онъ согласенъ съ моимъ искреннимъ убѣжденіемъ.

Прощайте. Обнимаю васъ по-русски и желаю здоровья и силы на новый годъ.

Корреспонденцію Кауфмана я пришлю; дайте ему отвѣтъ, но я очень рекомендую взять и литографир.! (Шлезингеръ и Кауфманъ вмѣстѣ). *1 февраля.*

¹⁾ См. № 1022.

²⁾ Газета вдохновлявшаяся К. С. Аксаковымъ.

³⁾ Государь.

1916. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 февраля (1858).
Putney.

Рукописи жду съ нетерпѣніемъ. Присылайте ихъ смѣло по почтѣ; если не чудовищно великъ пакетъ (а то броситься въ глаза). А я вамъ зато пришлю книгу противъ Корфа. Хорошо сдѣлали, что прочли письмо. Пишу, чтобъ извѣстить.

Я точно, какъ полицмейстеръ, приказывавшій чистить трубы полчаса до пожара, похвалилъ Алекс. II ¹⁾. «Колоколъ», вѣрно, получили?

Со слѣдующимъ «Колоколомъ» пришлю листы «Поляр. Звѣзды».

1017. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 февраля (1858).
Putney, Laurel house.

Все вами посланное получилъ, можете посылать и на Огар., но если пакетъ не бросается въ глаза, то и такъ пройдетъ. Напишите мнѣ, дошелъ ли до васъ «Колок.» со вложеніемъ окончанія моихъ записокъ изъ «Поляр. Звѣзды». Ни стихи, ни проза не будутъ помѣщены, по посредственности первыхъ и ничтожности второй ²⁾.

А вашего министра я отдѣлалъ письмомъ къ нему и статьей, которую получите въ слѣдующемъ «Колок.» ³⁾. Я его пришлю въ пакетъ, чтобы не было подозрительно. Вотъ письмо Евг. Ив. стоило бы напечатать. Эхъ, какъ люди-то бываютъ вѣрны себѣ!

Прощайте.

Обратите вниманіе на мое замиреніе съ Алекс. II въ статейкѣ «Черезъ три года».

Рейхеля цѣлую.

¹⁾ См. № 1011.

²⁾ Рѣчь идетъ о пересланномъ кѣмъ-то черезъ М. К. Рейхель.

³⁾ См. №№ 1020, 1021.

1018. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

15 feb. (1858).

Sie können alles schreiben über diese Geschichte v. dem Polizeimeister. Es sind noch Neuigkeiten—der Adel wird mehr und mehr rebellisch.—Wen Alex Furcht bekommt, dann ist es aus. Man schreibt uns von allen Seiten, alles beiseite zu setzen und nur die Frage der Emanzip. zu mussieren. Ein Grundherr v. Tambov hat öffentlich in der Adel-Versammlung gesagt, dass der Kaiser provoziert eine Insurrection der Bauern, und dass die Regierung nicht versteht, dass die Emanzipation der Bauern zum Sozialismus führt. Die Rede dieser Bestie habe ich heute bekommen, und morgen werden wir sie drucken.

Michaloffsky hat Personen denunziert, die bei mir waren. Der Kaiser hat gesagt—«Lassen sie ruhig».—

Ith finde die № der Glocke nicht—sollte ich finden, so schicke ich gleich. Oder sage dem Thorj.

Die Wirtin v. Touloubieff fordert von uns 8 pounds.

Переводъ.

15 февраля.

Вы можете писать все объ этой исторіи съ полицмейстеромъ; есть еще новости: дворянство становится все болѣе и болѣе мятежнымъ. Если Алекс. испугается, тогда все пропало. Намъ пишутъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мы все отложили въ сторону и лишь муссировали вопросъ объ эмансипаціи. Какой-то тамбовскій помѣщикъ въ дворянскомъ собраніи открыто заявилъ, что императоръ провоцируетъ возстаніе крестьянъ и что правительство не понимаетъ, что освобожденіе крестьянъ ведетъ къ социализму. Рѣчь этой бестіи я получилъ сегодня и завтра же буду ее печатать.

Михайловскій донесъ на лицъ, которыя были у меня. Императоръ сказалъ на это: «оставьте ихъ въ покоѣ».

Я не нахожу номера «Колокола»; какъ только найду, пришлю или скажу Тхоржевскому...

Хозяйка Тулубева требуетъ съ насъ 8 фунтовъ.

1019. Черезъ три года.

(18 февраля 1858).

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! и намъ легко это сказать, потому что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ дѣла,—кто его сдѣлалъ, тому и честь.

Середь общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣснующихся реакціонеровъ и солдатъ, пьяныхъ отъ крови, середь нелѣпой войны и глубокаго паденія всего западнаго материка,—мы со страхомъ гадая, обращали взглядъ нашъ на молодого чловѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ, котораго тяжелыя ножки далеко вдавились въ нашу грудь.

«Отъ васъ ждуть кротости», говорили мы ему, «отъ васъ ждуть чловѣческаго сердца,—вы необыкновенно счастливы!» И робко, мучимые сомнѣніемъ, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову! Смойте съ Россіи позорное пятно *крѣпостною состояніемъ*».

И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ, надѣясь, негодую, прислушиваясь къ движенію, къ вѣстямъ. Послѣ тридцатилѣтняго ожиданія нетерпѣніе простительно...

Книга Корфа оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ беспощадно напоминала намъ свинцовое время, въ которое мы столько страдали.

...А тамъ это старье, эта одицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мѣшающіе ему итти впередъ... Надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся въ мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами для великаго будущаго.

Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; еслибъ его царствованіе завтра окончилось, еслибъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ,—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *и.м.в.*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ!

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое. — пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?

И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣриться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое искомое* современной Россіи—*въ гласность*. Гласность ихъ казнить прежде, нежели дойдетъ дѣло до правительственного бича или до крестьянскаго топора.

Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour ¹⁾ на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами! Выходите же на арену, дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можете, вы поумнѣли со времянь Пугачева, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши? Знаете, что—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посячь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряйтесь!

Вамъ можно было отпустить грѣхъ неправаго наслѣдства, преемственнаго стяжанія, преступленія вашихъ злодѣевъ-отцовъ, вашихъ изверговъ-матерей за раскаяніе, за молчаніе, за умѣнье понести потерю, за угрызения совѣсти. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю отвѣтственность. Вы никогда не осмѣливались даже поворчать, когда вашихъ дѣтей ссылали въ Сибирь, когда съ самими вами обращались, какъ съ холопами, и вы осмѣливаетесь теперь показывать зубы. Исторія васъ разсудитъ съ императоромъ Александромъ II и съ народомъ русскимъ, — смотрите только какъ бы она для васъ не настала слишкомъ скоро. Подумайте объ этомъ!

Что касается до насъ, — нашъ путь впередъ назначенъ: мы

¹⁾ При свѣтѣ дня.

идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ — *живой голосъ*, и какъ бы нашъ «Колоколъ» ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, и потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II неравнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, «которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично *ничего не ждутъ, ничего не просятъ*».

Но ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость, — *но не враговъ!* Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе *освободителя крестьянъ*.

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» ¹

◆◆ 1. Огаревъ тоже хотѣлъ съ своей стороны показать уваженіе и довѣріе къ императору и напечаталъ въ томъ же № слѣдующее письмо: «Другъ Искандеръ! Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла — освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобъ дѣлать что-нибудь невѣявъ и не откровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы «Р. Ч.», которыхъ таинственность основывалась на недоувѣрїи къ власти. *Н. Огаревъ*».

Извѣстны рескрипты 20 ноября 1857 г. на имя вилenskaго генераль-губернатора Назимова и 6 декабря — петербургскаго генераль-губернатора Игнатъева, которые и явились документами начала работъ по освобожденію крестьянъ. Они были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе 17 (29) декабря 1857 г. Герценъ зналъ объ этомъ, благодаря телеграфу, передъ самымъ выпускомъ перваго номера «Колокола» 1858 г. (№ 7), въ которомъ на видномъ мѣстѣ, въ началѣ, успѣлъ только напечатать очень крупными буквами: «Освобожденіе крестьянъ!», отложивъ подробности до полученія русскихъ газетъ, которыя и пришли въ Лондонъ передъ выпускомъ № 8. Онъ не могъ рѣшиться на свою статью, а Огаревъ на свое письмо до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній отъ своихъ русскихъ корреспондентовъ, и только взвѣсивъ свой шагъ всесторонне, помѣстилъ ее въ № 9.

За «побѣдившаго Галилеянина» *потомъ* на Герцена сыпались всякія обвиненія, а теперь, въ наше время тонъ статьи можетъ не мало удивить читателя, мало знакомаго съ тогдашней конъюнктурою

общественно-политическихъ взглядовъ. Чтобы показать, до какой степени Герценъ тогда выражалъ мнѣніе широкой части русскаго общества, приведу одну историко-литературную справку.

№ 9 «Колокола» не могъ быть въ Петербургѣ раньше 10 февраля, а въ этотъ день подписана цензоромъ уже вся вторая книжка «Современника»; въ ней помѣщена статья Н. Г. Чернышевскаго (псевд. «Современникъ») «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта». Эпиграфъ ея: «Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой» (Псал. XLV, стих. 8),— уже достаточно говоритъ о томъ, что можно было встрѣтить въ самой статьѣ. И, дѣйствительно, въ общей своей части она выдержана въ этомъ стилѣ. Вотъ, на примѣръ, самое начало:

«Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ».

Далѣе: «Уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою высочайшею въ мірѣ. Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы,—счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ... Въ русской исторіи вся эта слава будетъ сосредоточиваться на одной главѣ Александра II».

Не ясно ли изъ этой справки, какъ несправедливы были обвиненія по адресу Герцена...

1020. Лакеи и нѣмцы не допускаютъ.

И ты, Саксонія?!—Sachsen, wo die schöne Mädchen wachsen! 1)

Указомъ 29 января запрещены въ Саксоніи «Колоколь», «Полярная Звѣзда» и «Голоса изъ Россіи». Въ Пруссіи давно уже учрежденъ цензурный кордонъ противъ насъ. Говорятъ, что самъ принцъ Лише-Бальдекъ-Зондерсгаузенъ и Меинингенъ 2) хочетъ взять мѣры дѣятельныя и энергическія; если это правда, мы пропали!

Все это дѣлается внѣшними и внутренними нѣмцами, сговорившимися съ дворовыми генералами, крѣпостными министрами и вообще съ людьми, на которыхъ *шапка торитъ*.

1) Саксонія, гдѣ цвѣтутъ красивыя дѣвушки.

2) Павелъ-Александръ-Леопольдъ.

Ни печати, ни сбыта русскихъ книгъ они не остановятъ этими мѣрами, которыя намъ же служатъ даровыми рекламами, и придаютъ нашимъ изданіямъ международную важность.

Объяснимся разъ навсегда. Дѣло русской пропаганды для насъ не капризъ, не развлеченіе, не кусокъ хлѣба, а дѣло нашей жизни, наша религія, кусокъ нашего сердца, наша служба русскому народу.

Мы работали, не унывая, тогда, когда не было никакого успѣха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ и нѣмецкіе министры дѣлъ отечественныхъ признаютъ нашу силу, наше вліяніе, мы остановимся?

Будьте увѣрены, что нѣтъ. Съ рукою на сердцѣ присягаемъ мы передъ лицомъ Россіи—продолжать работу нашу до послѣдняго біенія пульса. Она даже не прервется съ нашей смертью. Мы не одни, и, умирая, завѣщаемъ нашъ станокъ грядущему, юному поколѣнію, которое примется за него съ новыми силами, со свѣжими идеями.

Насъ остановить можно только *уничтоженіемъ* цензуры въ Россіи, а вовсе не введеніемъ русской цензуры въ нѣмецкихъ краяхъ.

Не надобно думать, чтобы мѣры эти, были взяты только *противъ* насъ; они столько же и еще больше взяты противъ государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лѣстницы, ведущей къ дворцовой передней, старается обернуть языкъ «Колокола» нѣмецкими препятствіями, для того, чтобъ его звонъ не доходилъ до Зимняго дворца.

Лѣстница разсердилась не за наши теоріи,—мы теперь никакихъ не проповѣдуемъ, мы взяли за девизъ:

Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ,

Освобожденіе слова—отъ цензуры,

Освобожденіе всѣхъ—отъ побоевъ.

Неужели это анархія, крамола, грабежъ, бунтъ, пожаръ, Содомъ и Гомора?

Они осерчали за то, что мы начали *указывать на лица*. Это мѣшаетъ заговорщикамъ обманывать государя и обкрадывать народъ.

Желая непремѣнно довести до свѣдѣнія государя объ этихъ мѣрахъ, загораживающихъ отъ него истину, *мы въ первый разъ* посылаемъ «Колоколь» въ запечатанномъ пакетѣ на его имя и притомъ въ собственныя руки.

Дойдетъ онъ или нѣтъ?... Пари держать трудно! Подъ надзоромъ полиціи государь или нѣтъ? Распечатываютъ его письма или нѣтъ?

Увидимы

1021. Саксонскому министру внутреннихъ дѣлъ.

(Переводъ съ письма).

Господинъ Министръ,

Приказомъ 29 января вы запретили въ Саксоніи мои лондонскія изданія на русскомъ языкѣ. Въ приказѣ вашемъ вы говорите, что они содержатъ «клеветы на правительство и на самое лицо государя».

Что вы будучи саксонскимъ министромъ, занимаетесь русской полиціей, это—естественное послѣдствіе того жалкаго состоянія, въ которомъ находится теперь ваше отечество; но, усердно исполняя приказанія, которыя вамъ насылаютъ изъ канцеляріи Горчакова, вы ничего не потеряли бы, не повторяя ложныхъ обвиненій.

Я имѣю убѣжденія, которыя, весьма вѣроятно, съ вашими не сходны, я служу моей родинѣ по-своему, восполняя, сколько могу, недостатокъ публичности въ ней моими изданіями. Вы можете это находить преступнымъ, но вы не имѣете права, не вызвавъ съ моей стороны отвѣта, публиковать, что я печатаю *клеветы*.

Чистота моихъ намѣреній очень хорошо извѣстна въ Петербургѣ и на ней-то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть *одну* клевету, напечатанную въ «Колоколѣ», «Полярной Звѣздѣ» или «Русскихъ Голосахъ», хоть одну!

Были ошибки,—мы ихъ тотчасъ указывали сами.

Сверхъ того, я никогда ничего не говорилъ противъ нынѣшняго императора; я жалѣлъ о томъ, что Александръ II такъ скверно окруженъ, но ни разу не нападалъ на него. Конечно, не я стану хулить его въ то время, какъ онъ освобождаетъ крестьянъ. Его имя уже принадлежитъ исторіи—и совершенно инымъ образомъ, нежели имена его товарищей по трону.

За тѣмъ, не будучи злопамятнымъ, я искренно желаю, чтобъ вы получили Анну на шею, и прошу принять впередъ мои поздравленія съ наступающимъ крестомъ.

А. Герценъ.

10 февраля 1858. 1 -

◆◆ 1. 8 января 1858 г. нашъ гамбургскій консулъ Кудрявскій донесъ, что императорское посольство въ Лондонѣ предупредило его недавно о партіи книгъ и революціонныхъ брошюръ, отпра-

вленной изъ Нью-Йорка въ Бременъ на имя торговаго дома этого вольнаго города, для пересылки въ Россію. Консулъ обратился къ сенатору Шмидту, управлявшему въ Бременѣ департаментомъ иностр. дѣлъ, и далъ ему понять необходимость наблюденія за всѣми, прибывающими изъ Нью-Йорка, и воспрепятствованія «махинаціямъ, которыя должны изъ этого воспослѣдовать». Сенаторъ отвѣтилъ, что сенатъ Бремена одушевленъ лучшими намѣреніями, и далъ предписаніе полиціи. Дѣйствительно, по прибытіи на Везеръ парохода «North-Star» изъ Нью-Йорка, полиція приняла свои мѣры, но оказалось, что ничего обнаружить не удалось. Сенатъ увѣдомилъ Кудрявскаго, что всѣ слѣдующіе пароходы трансатлантической линіи будутъ также подвергнуты тщательному наблюденію и о результатахъ онъ будетъ увѣдомляться для доклада императорскому правительству.

20 января товарищъ министра иностр. дѣлъ гр. И. Толстой послалъ кн. Долгорукову рапортъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ, бар. Николаи, отъ 24 декабря 1857 г. слѣдующаго содержанія:

«Будучи увѣдомленъ, что книгопродавецъ Трюбнеръ долженъ скорѣе отправить въ Лейпцигъ, черезъ Бельгію и Пруссію, ящикъ съ нѣсколькими стами экземпляровъ сочиненій Герцена, я счелъ своимъ долгомъ помѣшать такой вредной для интересовъ императорскаго правительства торговлѣ. Ваше превосходительство слишкомъ хорошо знаете англійскія постановленія, чтобы быть увѣреннымъ, что невозможно помѣшать продажѣ этихъ произведеній и ихъ перевозкѣ. Я имѣю основаніе думать, что ихъ очень хорошо раскупаютъ и что большая часть посылается по заказамъ книгопродавцевъ Германіи, которые рассылаютъ ихъ и продаютъ открыто или тайно, смотря по мѣстному законодательству. Такъ какъ прусское правительство неоднократно, а именно, когда былъ арестованъ въ Гамбургѣ Ольшевскій, уже оказывало намъ услуги, и такъ какъ при содѣйствіи прусскаго консула въ Лондонѣ и былъ произведенъ этотъ арестъ, то я, ни на минуту не задумавшись, сообщилъ гр. Бернеторфу о свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною насчетъ посылки ящиковъ въ Лейпцигъ и Кельнъ, испросилъ у него секретно, можетъ ли прусское правительство помѣшать провозу по своей территоріи произведеній Герцена, изъ которыхъ нѣкоторыя запрещены въ Пруссіи. Графъ былъ любезенъ навести по этому дѣлу справки, изъ коихъ оказалось, что правительство не можетъ помѣшать провозу. Тогда мнѣ оставалось сообщить нашему уполномоченному въ Дрезденѣ объ ожидаемомъ прибытіи ящиковъ Трюбнера, чтобы онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры. Онъ отвѣтилъ мнѣ,

что уже обратилъ вниманіе на ввозъ въ Лейпцигъ произведеній Герцена, что справлялся съ законами и надѣется остановить подобную торговлю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы Брокгаузъ или какой другой книгопродавецъ понялъ, что продажа сочиненій Герцена—дѣло рискованное и можетъ кончиться даже арестомъ, то они сдѣлались бы осторожнѣе и свели бы свои заказы до минимума. Это, въ свою очередь, не осталось бы безъ вліянія на англійскаго издателя.

«Я только что узналъ, что Трюбнеръ еще не отправилъ свои ящики, такъ какъ, съ одной стороны, задержалось печатаніе № 4 «Полярной Звѣзды», а съ другой—усердіе Трюбнера охлаждено уже письмомъ Брокгауза, отмѣнившего свой заказъ на большое количество экземпляровъ книги, которая должна служить отвѣтомъ на сочиненіе барона М. А. Корфа. Если это сообщеніе точно, то оно доказало бы, что Брокгаузъ уже понялъ опасность и сдѣлался осторожнѣе, а Трюбнеръ—менѣе усерднымъ въ предпріятіи, грозящимъ стать не столь выгоднымъ. Говорятъ, впрочемъ, что Герценъ не теряетъ увѣренности и продолжаетъ свое дѣло съ энергіей, достойной лучшей участи, и хочетъ выбрать себѣ другого издателя. Тѣмъ временемъ онъ всячески старается усыпить бдительность нашихъ агентовъ. Мнѣ стало извѣстно, что онъ отправляетъ свои изданія въ Нью-Йоркъ одному польскому книгопродавцу, имя котораго мнѣ назвалъ де-Стекъ. Ему поручено посылать транспорты въ Бременъ Эдуарду Бесте, уполномоченному, въ свою очередь, направлять ихъ дальше. Та особа, которая сдѣлала мнѣ это сообщеніе, добавила, что одинъ изъ слѣдующихъ пароходовъ, ожидаемыхъ въ Бременѣ, привезетъ ящикъ на имя Беста, въ которомъ будутъ находиться экземпляры изданій Герцена. Я немедленно далъ знать объ этомъ г. Кудрявскому.

«Смѣю надѣяться, что ваше пр—во одобритъ мои дѣйствія и извинитъ пространность настоящаго рапорта».

Въ это время петербургскій книгопродавецъ Кунте прислалъ въ цензурный комитетъ нѣсколько книжекъ «Полярной Звѣзды», полученныхъ отъ лейпцигскаго книгопродавца Китгера, и просилъ начальство отправить ихъ назадъ, какъ присланныя безъ заказа... 29 января Н. И. Гречъ писалъ Тимашеву: «М. Г. Александръ Егоровичъ, получивъ изъ Лондона неизвѣстно кѣмъ поданный на почту пакетъ со вложеніемъ листка подъ заглавіемъ: «Колоколь», № 7,—долгомъ считаю представить оный при семъ Вашему Превосходительству. Имѣю честь пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою *Николай Гречъ*».

3 февраля кн. Горчаковъ прислалъ въ III Отдѣленіе депешу нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Дрезденѣ бар. Вельо отъ 23 января. Получивъ телеграмму Горчакова отъ 6 января, Вельо обратился къ саксонскому правительству съ просьбой воспретить ввозъ и продажу въ Саксоніи русскихъ сочиненій Герцена. Чтобы согласить эту мѣру съ закономъ о свободѣ печати, министръ внутр. дѣлъ фонъ-Бейстъ просилъ дать ему переводъ статей и преступныхъ мѣстъ изъ сочиненій. Вельо взялъ мѣста изъ №№ 2 и 3 «Колокола», изъ III вып. «Голосовъ изъ Россіи» и изъ «Полярной Звѣзды» на 1857 г. и еще кое-что. 22 января Бейстъ увѣдомилъ его, что, согласно указа отъ 29 января н. ст., въ Саксоніи воспрещены «Колоколь», «Полярная Звѣзда» и «Голоса изъ Россіи». Главный директоръ дрезденской полиціи обѣщаль зорко слѣдить за исполненіемъ этого указа.

19 марта III Отдѣленіе было увѣдомлено министерствомъ иностр. дѣлъ, что Бейстъ не разрѣшилъ Бибровичу открыть книжную лавку.

29 марта министръ народнаго просвѣщенія Ев. Ковалевскій прислалъ шефу жандармовъ литографированные циркуляры парижскихъ книгопродавцевъ А. Боне и Шульца, съ предложеніемъ снабжать герценовскими изданіями; представилъ ихъ министру петербургскій книгопродавецъ Шмидекампфъ. Въ апрѣлѣ дополнительно сообщено, что такіе же циркуляры получены Минлосомъ и Мюнкіи, — они ихъ просто изорвали.

Обѣ бумаги были доложены государю.

8 апрѣля министръ финансовъ А. Княжевичъ прислалъ шефу жандармовъ свое мнѣніе о цѣлесообразности борьбы съ провозомъ изданій Герцена совершенно официальнымъ путемъ. Онъ находилъ ее бесполезной, потому что всякій курьеръ можетъ провезти массу ящиковъ безъ всякаго досмотра въ таможнякъ. По его мнѣнію, слѣдовало предписать таможнякъмъ смотрѣть за непривозомъ изъ Россіи пассажирами рукописей и возвращать задержанныя въ III Отдѣленіе, — но и на это не возлагались большія надежды. III Отдѣленіе признало все это полезнымъ, и соотвѣтствующія распоряженія по таможенному вѣдомству были сдѣланы немедленно. Въ іюлѣ министръ финансовъ прислалъ III Отдѣленію проектъ секретной инструкціи таможнякъмъ, но самъ же и считалъ ее неудобною; поэтому, желая остаться въ сторонѣ, лукавый Княжевичъ просилъ Долгорукова, въ случаѣ согласія его съ инструкціею, самого и доложить о ней государю. Проектъ дѣлалъ всѣхъ таможенныхъ чиновниковъ открытыми жандармами и шпіонами, а въ отношеніи публики рекомендовалъ рядъ мѣръ, крайне стѣснительныхъ для

пассажировъ. Шефъ жандармовъ призналъ его неудобнымъ, и на томъ дѣло и кончилось.

10 июля министръ внутр. дѣлъ сообщилъ III Отдѣленію, что въ Москвѣ при вскрытіи тюка, доставленнаго въ таможду съ книгами для Шиловскаго, оказался «Колоколь».

22 ноября нашъ генеральный лейпцигскій консулъ рапортовалъ министру иностр. дѣлъ: «Исполняя приказаніе Вашего Сіятельства о доставленіи время отъ времени свѣдѣній о книгахъ, печатаемыхъ на русскомъ языкѣ въ здѣшнемъ городѣ, имѣю честь представить произведенія, появившіяся въ теченіе 1858 года. Ваше Сіятельство увидите, что большая часть книгъ совершенно незначительна въ политическомъ отношеніи. До 1856 г. русскія произведенія печатались въ Лейпцигѣ изъ-за дешевизны, по заказу лондонскихъ и парижскихъ книгопродавцевъ, а теперь, вслѣдствіе приказа, который дѣлаетъ отвѣтственнымъ не только автора, но и издателя, эта отрасль промышленности заглохла или же крайне незначительна, тайна, и во всякомъ случаѣ напечатанныя книги здѣсь не продаются. Книгоиздатели, печатающіе русскія сочиненія въ Лейпцигѣ: Вольфгангъ Гергардъ, Франсуа Вагнеръ и Густавъ Бэръ. Изъ нѣмецкихъ газетъ которыя издаются въ Лейпцигѣ, «La Gazette Universelle» Брокгауза заслуживаетъ вниманія потому, что, если не совершенно враждебна Россіи, то проникнута малою къ ней симпатіей».

Министръ иностр. дѣлъ послалъ III Отдѣленію копію съ этого рапорта, приложивъ къ ней и списокъ изданій, выпущенныхъ въ Лейпцигѣ. Тимашевъ приказалъ повѣренному кн. Волконскому прислать въ III Отдѣленіе: «Нѣсколько словъ о современномъ вопросѣ Россіи: какъ можно улучшить бытъ крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ зѣмляхъ», «Благонамѣреннаго», продолженіе «Русской библіотеки» В. Гергардта и «Русскій заграничный сборникъ».

17 декабря III Отдѣленіе сообщило управляющему департаментомъ внѣшней торговли, что черезъ черноморскіе порты провозится нелегальная литература; немедленно были сдѣланы распоряженія въ Одессѣ, Керчи и Таганрогѣ (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., 1 экс., дѣло № 239, ч. 10).

1022. Русскій заговоръ 1825 года.

Редакція *Полярной Звѣзды* только что отпечатала ¹⁾ у Трюбнера и К^о сочиненіе на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *14-ое декабря 1825 юда и императоръ Николай*. Это—довольно пространное опроверженіе официальнаго разсказа о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось восшествіе на престолъ Николая, разсказа одного статсъ-секретаря, *исправленнаго самимъ Николаемъ*—подлое произведеніе неспособнаго человѣка, дѣстойное византійскаго риторика или бонапартистскаго префекта.

Удовлетворяя желанію *Международнаго Комитета*, который такъ братски вспомнилъ о нашихъ мученикахъ въ годовщину 14-го декабря, мы написали предлагаемый очеркъ, сжатое изложеніе главныхъ фактовъ, приведенныхъ въ нашемъ упомянутомъ выше сочиненіи.

I.

Историческая миссія императорской диктатуры, которая долго поглощала всю національную дѣятельность Россіи, всѣ свободы и вольности, всѣ права, даже права церкви и цивилизаціи, подходит къ концу. Имперіализмъ, какимъ онъ былъ организованъ сильной рукою Петра I и развитъ Екатериной II, отжилъ свое время. Конецъ его былъ торжественъ. То было время, когда Александръ I вошелъ въ Парижъ, вошелъ сопровождаемый своими коронованными союзниками (тѣми самыми, что толпились въ прихожей Бонапарта въ Дрезденѣ) и отдавалъ корону Франціи Бурбонамъ, тогда какъ его друзья отдавали ему корону Польши.

Мечта Петра I, постоянная дума Екатерины II исполнились. Чего въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ Петръ I? Формы, помѣстительной формы для сильнаго и агрессивнаго государства. Онъ хотѣлъ въ одно и то же время имѣть одну руку въ дѣлахъ Запада и другую въ дѣлахъ Востока. Это сзданіе, основанное на революціонномъ деспотизмѣ, который отрицалъ традицію и сохранялъ власть, тѣмъ не менѣе удалось. Ему не доставало только большаго испытанія,

¹⁾ 1857 годъ.—А. И. Г.

оно пришло въ 1812 году. Рушится ли имперія, обвалится ли вмѣстѣ съ кремлевскими стѣнами? Она удержалась и, два года спустя, Александръ входилъ, какъ «умиротворитель Европы», въ ея объятую пламенемъ столицу.

Но на его лицѣ была скорѣе скука торжества, чѣмъ радость побѣды. Онъ очень хорошо понималъ, что Россія вступала въ новую фазу, и онъ понималъ, что ему не хватаетъ силъ для представлявшагося ему большого дѣла.

Александръ не былъ зауряднымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, какъ Николай. Это—фигура глубоко-меланхолическая. Полный великихъ мыслей, онъ никогда не могъ ихъ осуществить. Недовѣрчивый, нерѣшительный, безъ вѣры въ себя, окруженный посредственностями или реакціонерами, онъ, кромѣ всего этого, постоянно терзался своимъ полу-добровольнымъ участіемъ въ убійствѣ своего отца. Коронованный Гамлетъ, онъ, дѣйствительно былъ несчастъ.

Во время борьбы съ Бонапартомъ у него еще были порывы энергіи, но послѣ войны мы его видимъ апатичнымъ, разбитымъ. Утомленный препятствіями, которыя встрѣчалъ онъ въ нерадѣніи его олигархической бюрократіи, онъ все болѣе и болѣе передаетъ бразды правленія въ руки Аракчеева, человѣка жестокаго и ограниченнаго; но Александръ вѣрилъ въ *материальную* честность Аракчеева. Усталость, презрѣніе къ другимъ, безнадежность произвели этотъ выборъ.

Этотъ суровый, желчный, подлый и неукротимый солдатъ управлялъ Россіею какъ разъ въ то время, послѣ войны, когда все общество, дыша полными легкими, стремилось къ реформамъ.

До войны 1812 года правительство, за исключеніемъ времени Павла I,—сумасшедшаго, бѣшенаго времени,—было во главѣ движенія. Въ ту же эпоху, о которой мы говоримъ, прогрессивная партія шла рядомъ съ правительствомъ и обогнала его. Дворянство составляло, такъ сказать, дѣятельную часть народа между неподвижнымъ народомъ внизу и правительствомъ, которое, наверху, останавливалось не на шутку.

Невозможно прямо перейти отъ возбужденія народной войны къ мертвой тишинѣ петербургскаго режима, притомъ въ то время, когда этотъ режимъ терялъ то, что ему еще осталось изъ интеллигентной силы. Эта горячая дѣятельность, потопленная въ грязи измѣнъ и злоупотребленій администраціи, не имѣла иного противовѣса, кромѣ власти подлаго фельдфебеля, графа Аракчеева, вооруженнаго розгами противъ солдатъ и тюрьмами противъ другихъ.

Таковы были обстоятельства, среди которыхъ понемногу обра-

зовалось то страшное тайное общество, которое, какъ мы это покажемъ въ послѣдствіи, предвидѣло возможность ниспроверженія петербургскаго трона и дѣйствительно поставило его на край гибели.

II.

Въ Литвѣ, въ главной квартирѣ второй арміи, бывшей подъ начальствомъ князя Витгенштейна, два офицера, два брата Муравьевы основали политическое общество. Сойдясь съ нѣсколькими офицерами и видя, что дѣло идетъ на ладъ, отправились въ Петербургъ познакомиться съ настроеніемъ императорской гвардіи. Они тамъ нашли больше, чѣмъ симпатію: они встрѣтили въ полкахъ зародыши общества, группы офицеровъ, вполне готовыхъ присоединиться къ нимъ: несомнѣнное доказательство, что настало время для большой политической реформы.

Всѣ эти группы слились съ обществомъ Муравьевыхъ и легко объяснить, почему провинціальное общество взяло верхъ и почему гвардейскіе офицеры присоединились къ армейскимъ, а не привлекли ихъ къ себѣ. Вскорѣ послѣ основанія муравьевскаго общества, заговорщики познакомились съ адъютантомъ фельдмаршала, полковникомъ армейскаго полка П. Пестелемъ. Онъ тотчасъ же вступилъ въ общество, и съ того дня онъ сталъ его центромъ, его душой. Благодаря ему, смутныя стремленія, либеральныя тенденціи стали имѣть цѣль, практическое назначеніе; его большая фигура господствуетъ надъ всѣмъ заговоромъ, она велика даже въ ядовитыхъ разсказахъ слѣдственной комиссіи.

Горячій республиканецъ и рѣшительный революціонеръ, онъ ничего не навязываетъ, ничего не ускоряетъ. Онъ дѣйствуетъ съ удивительнымъ благоразуміемъ, съ удивительной выдержкой. Онъ старается только лучше организовать общество. Онъ даетъ ему уставъ и централизуетъ его. Хорошо зная души, еще богобоязненные, этихъ молодыхъ людей, благородныхъ, преданныхъ, но едва только еще пробудившихся для воспріятія политическихъ идей, онъ соглашается съ ними, что главное дѣло будетъ — ограничить произволъ царя.

Въ отрывкахъ, цитированныхъ слѣдствіемъ изъ его бесѣдъ съ другими, невозможно не удивляться его тактѣ и разносторонности его воздѣйствій. Онъ соглашается съ одними, что конституція на англійскій манеръ была бы очень хороша, но разъ только собесѣдникъ его въ томъ сомнѣвается, то онъ добавляетъ, что онъ лично предпочелъ бы американскую конституцію, которая,

говорилъ онъ, годится для всѣхъ, а не только «лордамъ и купцамъ»; онъ, впрочемъ, думаетъ, что если бы можно было навязать императору хартію, то это былъ бы уже большой прогрессъ; затѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ онъ смутно указываетъ на смерть императора, какъ на возможную случайность. Онъ сомнѣвается въ возможности однимъ только давленіемъ общественнаго мнѣнія заставить самодержца уступить часть своей власти. Онъ доказываетъ, что это достижимо только силой и что для того, чтобъ ограничить власть, надо не менѣе силы, чѣмъ для того, чтобъ ее *уничтожить*

Хотя онъ былъ такъ благоразуменъ (слѣдственная комиссія считаетъ все это за увертки), онъ былъ все же понятъ: его испугались. Александръ Муравьевъ отдалился отъ общества. Члены «Союза благоденствія» роптали. Сѣверное общество начинало бояться честолюбія Пестеля. Кажется, что и Никита Муравьевъ, бывший главой этого общества, а за нимъ и Рылѣевъ раздѣляли это мнѣніе. Пестель рѣшилъ тогда созвать общій съѣздъ обществъ Сѣвернаго и Южнаго въ Москвѣ. Собрались. Ни на чемъ не согласились. Нѣкоторые члены кричали противъ диктатуры Пестеля въ Южномъ обществѣ, говоря, что цѣль общества превзойдена, многіе прислали письменно свою отставку. Тогда друзья Пестеля, въ согласіи съ наиболѣе энергичными членами, предложили полное распушеніе «Союза благоденствія». Предложніе было принято, и распушеніе провозглашено Н. Тургеневымъ, который предсѣдательствовалъ въ тотъ день. Это происходило въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1821 года.

Полковникъ Аврамовъ, возмущенный, одинъ протестовалъ противъ распушенія «союза», съ жаромъ говоря, что «если даже асѣ оставятъ общество, то и тогда оно не будетъ вслѣдствіе этого распушено, потому что оно будетъ существовать въ немъ, еслибъ даже онъ былъ одинъ».—Но онъ сильно ошибался. Никогда такіе люди, какъ Пестель, Юшневскій, Фонвизинъ, Н. Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, не думали покончить съ союзомъ. Для Пестеля это было средствомъ избавиться отъ слабыхъ и организовать общество не только безъ участія старыхъ членовъ, но даже безъ того, чтобы они что-либо о немъ знали. Немедленно преобразованное, новое общество выбрало распорядителями: Пестеля, Юшневскаго и Н. Муравьева. Съ самаго начала оно приняло характеръ рѣшительный и революціонный. Въ два года оно приобрѣло столь большую силу и распространеніе, что въ 1823 году мы уже видимъ четыре новыхъ общества, организованныхъ по распоряженію главнаго общества, которое находилось въ Тульчинѣ, резиденціи главнаго штаба второй

арміи. Пестель, укрьпившійся и властвующій, не «увертывается» болѣе. Онъ прямо идетъ къ цѣли, къ полному и радикальному переустройству правительства на основахъ не только республиканскихъ, но и социалистическихъ ¹⁾).

Теперь уже дѣло идетъ не о томъ, чтобы критиковать англійскую конституцію. Пестель прямо ставитъ членамъ общества слѣдующій вопросъ: «Въ случаѣ успѣха, что дѣлать съ царской фамиліей?» Предложено—изгнаніе, тюрьма, ссылка. «Надо ее уничтожить!»—сказалъ Пестель, выслушавъ все это. «Какъ», вскричали всѣ, «это ужасно!»—«Я это отлично знаю». Друзья Пестеля заколебались; пустили на голоса. Большинство было за Пестеля, большинство очень небольшое, только шести голосовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Пестель собралъ всѣхъ главарей и еще разъ предложилъ имъ тотъ же вопросъ. Всѣ были за него. Вслѣдствіе этой-то резолюціи Бестужевъ-Рюминъ требовалъ въ 1824 году отъ польскихъ обществъ убить, въ крайнемъ случаѣ, цесаревича Константина.

Прежде чѣмъ говорить о сношеніяхъ пестелевскаго общества съ варшавскими революціонными обществами, мы должны сказать нѣсколько словъ о Сѣверномъ обществѣ.

Распущенное общество снова возстановилось также въ Петербургѣ и съ гораздо большей энергіей. Во главѣ этого общества мы сначала видимъ князя Трубецкого, затѣмъ Н. Муравьева и князя Оболенскаго. Наконецъ, немного позднѣе, имъ руководилъ чело-вѣкъ самый замѣчательный изъ петербуржцевъ, поэтъ Рылѣевъ. Сѣверяне сильно приблизились тогда къ идеямъ Южнаго общества, но эта несчастная мысль, «что Пестель былъ скорѣе Бонапартомъ, чѣмъ Вашингтономъ», преслѣдовала сѣверныхъ людей и постоянно мѣшала полному соглашенію и единству дѣйствій. Молодые энтузіасты не понимали зрѣлаго чело-вѣка. Говоря однажды съ Пестелемъ о необходимости временной диктатуры, которою его облечутъ, Поджіо добавилъ: «Конечно, такое состояніе продолжится только нѣсколько мѣсяцевъ».—«Какъ, возразилъ Пестель, вы думаете измѣнить всю эту правительственную машину, дать ей другое основаніе, приучить людей къ новой организаціи и это въ нѣсколько мѣсяцевъ! Для этого нуженъ десятокъ лѣтъ».—Пестель былъ совершенно правъ. Руководило ли хоть сколько-нибудь его мнѣніями честолюбіе, это довольно безразлично. Важно то, что Пестель понималъ революцію совершенно иначе, чѣмъ его петербургскіе друзья. «Тщетно провозглашать республику», говорилъ онъ на одномъ засѣданіи,

¹⁾ См. сочиненіе Тургенева о Россіи («La Russie et les russes»).—А. И. Г.

«это будетъ только перемѣна названія. Нужно коснуться земельной собственности. Надо, во что бы то ни стало, дать землю крестьянамъ; только тогда совершена будетъ революція».

Вскорѣ послѣ своего учрежденія, Южное общество вошло въ сношенія съ варшавскими политическими обществами. Бестужевъ-Рюминъ, первый открывшій ихъ, сообщилъ о томъ распорядительному комитету и получилъ тотчасъ же порученіе и полномочіе войти съ ними въ сношенія. Поляки, со своей стороны, послали Крыжановскаго. Основанія союза были слѣдующія: признаніе русскимъ обществомъ независимости Польши и провинцій, которыя еще не успѣли совершенно обрुшить, включая туда Бѣлостокскій край и часть губерній Гродненской, Виленской, Минской и Подольской; польское же общество брало на себя обязательство начать возстаніе въ одно время со второй арміей и завладѣть особою великаго князя. Другое условіе ставилось русскимъ обществомъ,— и нужно ли говорить, что это было продиктовано Пестелемъ,— это, провозглашеніе въ Польшѣ республики.

Поляки не хотѣли впередъ рѣшать вопросъ о формѣ правленія, они не хотѣли также брать на себя обязательство убить великаго князя. Бестужевъ-Рюминъ и С. Муравьевъ, послѣ долгихъ споровъ, согласились, наконецъ, съ двумя комиссарами, присланными изъ Варшавы, Гродецкимъ и Каркоскимъ, что поляки поступаютъ съ членами царской фамиліи, которые будутъ находиться въ Польшѣ, такъ же, какъ Русское общество поступитъ съ тѣми, которые будутъ въ Россіи. Пестель отправился самъ, въ сопровожденіи князя Волконскаго, на второе свиданіе съ комиссарами Гродецкимъ и Янковскимъ.

Около этого времени отдѣленіе Южнаго общества, отдѣленіе, называвшееся Васильковскимъ (отъ Василькова, гдѣ оно пребывало), открыло другое общество, основанное артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ. Господствующей идеей этого общества, состоявшаго изъ русскихъ и поляковъ, которое называлось «*Соединенными славянами*», было—работать надъ соединеніемъ славянскаго міра въ одну федеральную республику, въ которой каждый народъ долженъ былъ сохранить свою полную автономію и соединиться съ другими только федеративными узами. Бестужевъ предложилъ этому обществу присоединиться къ большому обществу, что оно и сдѣлало.

Соединенные славяне примирились также и съ мыслью убить императора Александра; это достойно вниманія и показываетъ, что, подъ влияніемъ Пестеля, пришли къ соглашенію по всѣмъ пунктамъ; нѣкоторое же время спустя, С. Муравьевъ присоединилъ ихъ окончательно.

III.

Моментъ дѣйствій приближался. Южное общество развѣтвлялось во всей второй арміи, а петербургское общество окружало тронъ и завоевывало сочувствіе среди аристократіи; обстоятельства складывались благопріятно. Пестель, прекрасно чувствовавшій неотложную необходимость дѣйствовать, былъ недоволенъ петербургскимъ доктринерствомъ и недостаткомъ единства между южными и сѣверными обществами. Въ 1824 году онъ самъ отправился въ Петербургъ. Онъ настаивалъ на сляіиіи обществъ подъ однимъ управленіемъ и, послѣ долгихъ преній, добился на то согласія. Но противоположная сторона сильно сопротивлялась насильственнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, которыя онъ предлагалъ. Была еще партія, стоявшая за конституціонный режимъ и не желавшая провозглашать республику, кромѣ того случая, если императоръ отказался бы дать хартію. Въ этомъ случаѣ царскую фамилію предполагалось отправить въ ссылку. Пестель оставался при своемъ мнѣніи. «Мы хотимъ очистить домъ», говорилъ онъ; его проектъ былъ завладѣть, благодаря внезапному нападенію, императоромъ и его семействомъ и покончить съ ними; завладѣть тотчасъ же сенатомъ и синодомъ, заставить ихъ провозгласить новое правительство и, какъ только это будетъ сдѣлано, объявить всѣхъ высшихъ чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, уволенными въ отставку и замѣнить ихъ членами общества.

Однако, Пестель долженъ былъ покинуть Петербургъ безъ полного успѣха. Онъ предложилъ тогда созвать общій рѣшающій съѣздъ въ началѣ 1826 года. Но онъ требовалъ, чтобы въ случаѣ, если состоится соглашеніе, было немедленно приступлено къ дѣйствіямъ. Положеніе было трудное. Кипучіе и экзальтированные молодые люди южныхъ отдѣленій, особенно Васильковское отдѣленіе, едва сдерживались авторитетомъ Пестеля, и когда правительство вдругъ, не объясняя причинъ, отняло Саратовскій полкъ отъ полковника Швейковскаго, пылкаго заговорщика, то чуть было не вспыхнуло возстаніе.

Съ другой стороны, общество становилось слишкомъ велико, слишкомъ многочисленно, чтобы долго оставаться тайнымъ. Пестель, слѣдовательно, былъ правъ: неотложность была очевидна, и мы вполне увѣрены, что если бы, начиная съ конца 1824 года, не теряли драгоцѣннаго времени, возстаніе имѣло много шансовъ на успѣхъ. Но два доноса, посланные въ Таганрогъ (естественныя послѣдствія этой потери времени), и неожиданная смерть Александра окончательно разстроили планъ Пестеля.

Надо, впрочемъ, вспомнить, что во времена Александра этой страшной полиціи, созданія Николая, не существовало. Не думали ни о какомъ нападѣніи. Дворцы, крѣпости были охраняемы скорѣе изъ военного приличія, чѣмъ серьезно, А съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать общественнаго положенія главарей заговора. Пестель жилъ въ главной квартирѣ арміи Витгенштейна, съ которымъ онъ имѣлъ ежедневныя сношенія, будучи его старшимъ адъютантомъ. Въ то же время онъ былъ командиромъ полка, который былъ ему преданъ; среди его друзей, вполнѣ раздѣлявшихъ его взгляды, былъ генералъ-интендантъ второй арміи Юшневскій и два строевыхъ генерала Фонвизинъ и князь Сергѣй Волконскій.

Въ томъ же Южномъ обществѣ мы находимъ между самыми энергичными членами шесть полковниковъ:

Артамонъ Муравьевъ, Ахтырскаго гусарскаго полка.

Нарышкинъ, Тарутинскаго полка.

Швейковскій, Саратовскаго полка.

Аврамовъ, Казанскаго полка.

Тизенгаузенъ, Полтавскаго полка.

Враницкій, полковникъ-квартирмейстеръ.

Къ нимъ слѣдуетъ прибавить Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, которые оба были подполковники.

При такомъ составѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи множество офицеровъ, полковыя деньги и всѣ секреты главнаго штаба, интенданства и канцеляріи фельдмаршала, для нихъ не было невозможнымъ арестовать князя Витгенштейна въ тотъ день, когда Вятскій полкъ будетъ дежурнымъ, подождать императора Александра на маневрахъ и завладѣть имъ, арестовать старшихъ генераловъ, немедленно занять Бобруйскую крѣпость, чтобы имѣть точку опоры, и оттуда договориться съ Варшавой и Петербургомъ. Вотъ чего хотѣлъ Пестель.

Сѣверное общество, съ своей стороны, должно было попытаться произвести возстаніе гвардіи.

Оно считало среди своихъ членовъ очень вліятельныхъ офицеровъ, именно—князя Трубецкого, командира Преображенскаго полка и прикомандированнаго къ главному штабу, Митькова, командира Финляндскаго полка, Николая Муравьева—капитана главнаго штаба, князя Оболенскаго, Бестужева и нѣсколько замѣчательныхъ людей своей храбростью, какъ, напр., Лунинъ, Якубовичъ, Булатовъ и пр.

Но сила Сѣвернаго общества не заключалась исключительно въ военномъ элементѣ. Раздѣлившееся между Москвой и Петербургомъ, это общество имѣло преданныхъ членовъ или друзей въ

различныхъ частяхъ центральной администраціи, среди самой высшей аристократіи и приближенныхъ императора. Каждый шагъ правительства былъ немедленно извѣстенъ заговорщикамъ. Такъ, въ донесеніи слѣдственной комиссіи, мы видимъ, что прокуроръ Сената Краснокутскій прибѣгаетъ 14 декабря 1825 года къ Рылѣву, чтобы его предупредить, что сенаторы рѣшили собраться 14-го въ 7 часовъ утра для присяги Николаю. Семеновъ, директоръ канцеляріи князя Голицына въ Москвѣ, состоялъ членомъ общества, а другой членъ Якубовичъ былъ другомъ петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича.

Заговорщики до 14-го декабря были каждый день увѣдомляемы о поступкахъ царской фамиліи. Молодой князь Одоевскій, кавалергардскій офицеръ, держалъ ихъ въ извѣстности о всемъ, что дѣлалось и даже говорилось во дворцѣ.

Ихъ вліяніе на общественное мнѣніе было весьма значительно. Люди образованные, энергичные и чистые, а это не очень обыкновенно въ Россіи,—они господствовали надъ частью аристократіи, а посредствомъ принадлежавшей имъ литературы, надъ всѣмъ молодымъ поколѣніемъ. Энергическія поэмы Рылѣва, рассказы Бестужева, *Полярная Звѣзда* ¹⁾—ежегодникъ подъ ихъ общей редакціей, *Мнемосина*, обзорніе Кюхельбекера и князя В. Одоевскаго, распространялись въ университетахъ, лицеехъ и даже въ военныхъ школахъ.

Рылѣвъ былъ, можетъ быть, самый замѣчательный изъ членовъ Сѣвернаго общества. Это—Шиллеръ заговора, элементъ восторженный, юношескій, поэтическій, элементъ жирондистскій въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его поэма «Войнаровскій» (изъ времени Мазепы), его народныя легенды—произведенія большой красоты. Его поэзія полна меланхолической покорности провидѣнію. Немного надеждъ, но много самопожертвованія. Онъ идетъ на каторгу или на смерть; онъ это знаетъ, но спрашиваетъ: «Гдѣ же вы видѣли, чтобы свободу завоевывали безъ жертвъ?»—«Я знаю», говоритъ казакъ Наливайко исповѣдывающему его попу, «я знаю, что меня ожидаетъ, но я благословляю свою судьбу съ радостью!» Вотъ Рылѣвъ—весь. Хотя избраннымъ диктаторомъ былъ князь Трубецкой, но къ концу 1825 года истиннымъ главой общества былъ Рылѣвъ.

Пестелю удалось убѣдить Сѣверное общество, что нельзя было терять времени, и оно готовилось слѣдовать за Южнымъ обще-

¹⁾ Подъ эгиду этого дорогого русскимъ имени мы и поставили журналъ, издаваемый нами въ Лондонѣ.—А. И. Г.

ствомъ, когда одно за другимъ, какъ удары грозы, получились слѣдующія извѣстія: Александръ умеръ; на Южное общество поступилъ доносъ; Константинъ отказывается отъ престола; Николай его не принимаетъ.

Чтобы дать понятіе о томъ времени анархіи во дворцѣ, правительственнаго сумасшествія въ теченіе первыхъ дней послѣ смерти императора Александра I, мы приводимъ нѣсколько строкъ изъ письма, съ которымъ мы обратились къ Александру II по поводу напечатанія книги г. Корфа.

«... Это было время бѣлой горячки, правительственнаго бреда, оно подробно описано Корфомъ и чрезвычайно характеристично. Обыкновеннымъ, не вѣрноподданническимъ, а человѣческимъ умомъ ничего понять нельзя... Зачѣмъ Александръ I, сдѣлавъ актъ такой важности, какъ замѣна меньшимъ братомъ старшаго въ престолонаслѣдіи, держалъ это подъ спудомъ, зачѣмъ скрылъ отъ совѣта, отъ министровъ, отъ людей, окружавшихъ его смертный одръ въ Таганрогѣ? Зачѣмъ потомъ эта длинная исторія семейныхъ учтивостей.—«Сдѣлайте одолженіе, вы вперед!»—«Нѣтъ-съ, помилуйте, за вами!» Марія Федоровна въ отчаяніи проливаетъ слезы, Михаилъ Павловичъ скачетъ на курьерскихъ въ Варшаву, скачетъ на курьерскихъ изъ Варшавы; Николай Павловичъ присягаетъ Константину Павловичу, Константинъ Павловичъ присягаетъ Николаю Павловичу. Всѣ зовутъ цесаревича въ Петербургъ, а тотъ руками и ногами уперся въ Лазенкахъ и ни съ мѣста. Первый пришедшій въ себя былъ Михаилъ Павловичъ: тотъ сѣлъ себѣ на станціи между Петербургомъ и Варшавой и пробылъ, пока старшіе доиграли свою игру.

«Въ этомъ капризномъ, сдѣланномъ втихомолку распоряженіи короной такъ ясно и видно полнѣйшее презрѣніе къ народу; судьба его считается домашнимъ дѣломъ одной семьи, и привычка не ставить *подданныхъ* ни въ грошъ такъ велика, что самъ либеральный Александръ I наивно воображалъ, что Россія его собственность: послѣ смерти раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія.

«Какъ же было заговорщикамъ, уже преданнымъ на югъ и въ Петербургъ, не воспользоваться этой сумятицей отреченій, этой тревогой, брошенной въ совѣсть каждого присягающаго и неприсягающаго, этимъ междуцарствіемъ съ двумя императорами? Не одни бѣдныя солдаты потеряли голову: московскій генераль-губернаторъ ведетъ сенаторовъ пригнать Константину Павловичу, по запискѣ Милорадовича, а московскій митрополитъ не хочетъ принимать присяги, говоритъ, что все это вздоръ, что у него есть въ Успенскомъ соборѣ свой секретъ.

«Къ тому же попытка 14 декабря вовсе не была такъ безумна,

какъ ее представляютъ; книга Корфа это доказываетъ. Она не удалась,—вотъ все, что можно сказать, но успѣхъ не былъ безусловно невозможенъ. Что было бы, еслибъ заговорщики вывели солдатъ не утромъ 14, а въ полночь и обложили бы Зимній дворецъ, гдѣ ничего не было готово? Что было бы, еслибъ, не строясь въ каре, оѣи утромъ всѣми силами напали бы на дворцовый караулъ, еще шаткіи и неувѣренный тогда?

«Много ли силъ надо было имѣть Елизаветѣ при воцареніи, Екатеринѣ II для того, чтобы свергнуть Петра III?

«Нѣтъ правительства, съ которымъ бы легче смѣнялось лицо главы; какъ въ военномъ деспотизмѣ, запрещающимъ народу мѣшаться въ общественныя дѣла; запрещающимъ всякую гласность. Кто *первый* овладѣетъ мѣстомъ, тому и повинуется безмолвная машина съ тою же силой и съ тѣмъ же вѣрноподданическимъ усердіемъ».

IV.

Подробности дня 14-го декабря достаточно извѣстны. Мы о нихъ скажемъ лишь нѣсколько словъ.

12-го князь Трубецкой находился еще въ нерѣшительности. Но Рылѣевъ вынулъ изъ кармана письмо, адресованное Николаю молодымъ офицеромъ Ростовцовымъ (нынѣ генераль-адъютантъ и главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній), и, показывая это письмо присутствовавшимъ членамъ общества, воскликнулъ: «Мы погибли—вы видите, но лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ!»

Онъ былъ совершенно правъ. Нравственное дѣйствіе, произведенное днемъ 14-го декабря, было удивительно. Пушки Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе. До тѣхъ поръ не вѣрили въ возможность политическаго возстанія, идущаго съ оружіемъ въ рукахъ среди самого Петербурга на гиганта—императорскій царизмъ. Было извѣстно, что время отъ времени убивали ва двоцѣ то Петра, то Павла, чтобы замѣнить ихъ другими. Но между этими таинственными операціями, напоминающими бойню, и торжественнымъ протестомъ противъ деспотизма,—протестомъ, сдѣланнымъ на площади и запечатлѣннымъ кровью и страданіями этихъ героическихъ людей, не было ничего общаго. Впрочемъ, они мало разсчитывали на успѣхъ, но они понимали великое значеніе ихъ дѣла. 13-го очень молодой человекъ, тоже поэтъ, князь Одоевскій говорилъ съ восторгомъ, обнимая своихъ друзей: «Мы идемъ на смерть... но на какую славную смерть!»

Рылѣевъ, конечно, имѣлъ право гордиться этимъ днемъ, а потому, когда онъ былъ передъ судомъ, онъ сказалъ: «Я могъ все остановить, я, напротивъ, толкалъ впередъ. Я—главный виновникъ событій 14-го числа. Если кто заслужилъ смерть за этотъ день, то это я». Этотъ дивный отвѣтъ признанъ въ докладѣ слѣдственной комиссіи за *признание себя виновнымъ*.

Рано утромъ, 14-го, былъ отданъ приказъ заставить войска присягать въ вѣрности Николаю. Часть Московскаго гвардейскаго полка отказалась повиноваться и пошла за княземъ Ростовскимъ и Бестужевымъ на Исаакіевскую площадь. Нѣсколько ротъ другихъ полковъ (гвардейскихъ гренадеровъ, гвардейскій флотскій экипажъ и пр.) присоединились къ ней и тоже отказались принять присягу. Возставшія войска стали въ каре

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ со стороны стараго митрополита Серафима, которому солдаты предложили удалиться съ миромъ, и несчастнаго генерала Милорадовича,—славнаго солдата и лучшаго, несомнѣнно, человѣка изъ приближенныхъ Николая,—который упалъ смертельно раненый пулей въ то время, какъ онъ держалъ рѣчь къ солдатамъ, императоръ приказалъ сдѣлать кавалерійскую атаку. Орловъ сдѣлалъ три атаки, отбитыя одна за другою съ непоколебимой твердостью. Тогда Николай, уступая совѣтамъ герцога Вюртембергскаго и генераловъ Толля и Сухозанета, приказалъ выдвинуть артиллерию.

Два происшествія, рассказанныя барономъ Корфомъ, должны быть упомянуты и здѣсь. Когда Николай отдалъ приказъ открыть огонь, и *Сухозанетъ* передалъ приказъ офицеру, офицеръ его повторилъ, но выстрѣла не послѣдовало. Крайне удивленный офицеръ бросился на кононира съ крикомъ: «Развѣ ты не слышалъ?»—«Слышалъ... но... это свои!»—«Да если бъ я тебя приказалъ стрѣлять въ самого меня, смѣешь ли ты не повиноваться?» Выстрѣлъ раздался и понесъ смерть въ ряды каре. Жаль только, что Корфъ не добавилъ ничего о судьбѣ канонира. Вотъ другой фактъ. Когда возставшіе солдаты увидѣли, что пушки наведены на нихъ, они заставили тогда народныя массы удалиться, говоря имъ: «уходите, становится опасно; мы не хотимъ, чтобы васъ убили вмѣсто насъ!»

Картечъ, эта непреодолимая сила, сдѣлала всякое сопротивление невозможнымъ. Въ десять часовъ вечера Николай сталъ побѣдителемъ, и съ этого часа началась для Россіи темная эпоха его царствованія, открывавшагося вистѣливами и шествующаго въ крови и слезахъ Польши и Кавказа, сопровождаемого въ теченіе тридцати лѣтъ единственнымъ вѣрнымъ союзникомъ Николая—холерой.

Когда Рылѣевъ вышелъ со своими друзьями на площадь,

Пестель былъ уже арестованъ. Александръ I, когда получилъ первыя донесенія въ Таганрогъ, ничего не предпринялъ. Онъ уже былъ боленъ, когда другія подробности и извѣстія получились черезъ генерала де-Витта. Но генералы Дибичъ, прусскій нѣмецъ, и Чернышевъ, извѣстный тѣмъ, что укралъ у Наполеона одинъ стратегическій планъ, взяли на себя трудъ арестовать Пестеля и нѣсколькихъ другихъ главарей заговора. Офицеры, принадлежавшіе къ обществу Соединенныхъ славянъ, узнавъ эту ужасную новость, возмутили нѣсколько ротъ солдатъ и отправились отворять вооруженнойъ рукой тюрьму. Они ее, дѣйствительно, взломали и выпустили на свободу двухъ Муравьевыхъ и еще нѣсколькихъ. Но къ несчастью, Пестеля тамъ уже не было. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ встали во главѣ этихъ солдатъ и сдѣлали безнадежную попытку. Они завладѣли, съ помощью части Черниговскаго полка, городомъ Васильковымъ и отправились возмущать солдатъ дружественныхъ полковъ, но возлѣ Бѣлой Церкви встрѣтили дивизію генерала Гейсмара. Завязалась битва. Сергѣй Муравьевъ, который былъ впереди, упалъ одинъ изъ первыхъ, тяжело раненый картечью, потерявъ сознание. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ, какъ и его друзья, были уже во власти правительства.

Здѣсь кончается исторія заговора и начинается печальныйъ рассказъ, *Carmen horrendum*¹⁾ слѣдствія. Есть нѣчто гнусное, отталкивающее въ этомъ печальномъ зрѣлищѣ собранія стариковъ, посѣдѣвшихъ въ холопствѣ и интригахъ, разсвирѣпѣвшихъ на этихъ чистыхъ и самоотверженныхъ людей, чтобъ понравиться молодому челоѣку, который былъ гораздо болѣе хладнокровно жестокъ, чѣмъ всѣ они.

Чтобы не ошибиться, импровизированный *верховный судъ*, приговорилъ *къ смерти* всѣхъ, и приговорилъ незаконно, потому что смертная казнь уничтожена въ Россіи въ царствованіе императрицы Елизаветы и никогда не была восстановлена

Имѣя такой большой просторъ для своего милосердія, Николай велѣлъ умертвить пятерыхъ: *Пестеля, Рыльева, Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева и Каховскаго*²⁾. Чтобы къ смерти прибавить безчестіе, онъ топоръ замѣнилъ *веревкой*. Этотъ палачъ не понялъ,

1) «Пѣсня, внушающая ужасъ»

2) Каховскій выстрѣломъ изъ пистолета убилъ Милорадовича. Это былъ челоѣкъ мрачный и очень рѣшительный. Онъ былъ недоволенъ своими товарищами и, чтобы его успокоить, ему предложили порученіе убить Николая. Онъ принялъ предложеніе съ восторгомъ (Слѣдственная комиссія).—А. И. Г.

что такимъ образомъ изъ вѣстлицы дѣлается крестъ, передъ которымъ преклонится не одно поколѣніе.

Друзья этихъ людей, цвѣтъ всего, что было образованнаго, истинно благороднаго въ Россіи, отправились закованные на каторгу въ почти необитаемый уголь Сибири.

Умственная температура въ Россіи понизилась... и надолго.

V.

Прежде, чѣмъ окончить нашъ очеркъ, мы хотимъ еще разъ резюмировать историческую философію этого событія.

Петръ I, отдѣливъ часть націи и увлекши ее на путь европейской цивилизаціи, образовалъ, съ ея помощью, государство, имѣющее западно-европейскую форму. Эта часть націи, *status in statu* ¹⁾—дворянство, была тогда въ Россіи единственнымъ *дѣйствующимъ* народомъ, управляющимъ вмѣстѣ съ правительствомъ и пользовавшимся выгодами новой организаціи.

Европейская цивилизація, необходимая для реформированія старой Россіи, пробудила въ дворянствѣ умственное движеніе, которое вскорѣ стало во враждебныя отношенія съ самодержавіемъ. Спаянные на время войною, оба элемента, послѣ 1815 года, увидѣли себя лицомъ къ лицу. Мы видѣли, съ какою быстротою оба большихъ политическихъ общества распространились на югъ и на сѣверъ. *Дѣйствующая Россія* доказала свое политическое совершеннѣіе. Выйдя изъ западной школы, она носила ея отпечатокъ, и въ литературѣ, а еще лучше въ преніяхъ пестелевскаго общества съ Сѣвернымъ обществомъ, можно найти всѣ оттѣнки либерализма временъ реставраціи, какъ ихъ формулировали Ріего и Мина, карбонаріи и тугендбундъ, Бенжаменъ Констанъ и революціонная традиція 1792 года. Но два элемента были очень слабо представлены въ заговорѣ: то были *русскій элементъ* и *соціальный элементъ*. Одинъ, казалось, былъ забытъ, другой не былъ еще извѣстенъ.

Всѣ заговорщики страстно хотѣли освобожденія крестьянъ; но мы видимъ, что только одинъ Пестель старался основать революцію *на народъ и на экономическомъ началъ*, и вотъ послѣдствія.

Въ день возстанія на Исаакіевской площади и въ центрѣ второй арміи заговорщикамъ не хватало *народа*. Ихъ либерализмъ былъ слишкомъ иноземенъ, чтобъ быть популярнымъ.

¹⁾ Государство въ государствахъ.

Отъ насъ далека мысль упрекать ихъ. То было логическое слѣдствіе цивилизаціи, перенесенной въ одинъ только классъ, и того отдаленія, въ которомъ цивилизованная Россія держалась отъ Россіи народной.

14-ое декабря 1825 года, это—послѣдній результатъ реформы Петра I, результатъ полной надежды, такъ какъ онъ, при посредствѣ Пестеля, этого передового застрѣльщика, показываетъ намъ, какимъ путемъ надо итти.

Съ того дня мы страшно страдали въ темномъ туннелѣ царствованія Николая, но мы многому научились. Заключенные въ нашей *исправительной* имперіи, съ кляпомъ во рту, попираемые ботфортами неумолимаго и неограниченнаго фельдфебеля, съ желѣзнымъ ошейникомъ на шеѣ и съ палкой, занесенной надъ нашей спиной, мы имѣли много времени, чтобъ смотрѣть и думать. Великія событія не разъ проходили передъ отдушиной нашей тюрьмы. Революція 1830 года, кража ея герцогомъ Орлеанскимъ, возстаніе Польши, задушенное, всѣми измѣннически покинутое. Что еще? Сибирь—кнутъ; кнутъ—Сибирь. Восемнадцать вѣтъ *царство порядка*. Не было никакой надежды. Силы уходили, волосы сѣдѣли. Примарились съ отдыхомъ. Вдругъ... внезапное пробужденіе, бьютъ сборъ; электрической токъ пробѣгаетъ по Европѣ. То были моменты умственнонаго просвѣтлѣнія въ безуміи... вѣрованія возстановляются, паралитики ходятъ, и мы съ неистовой симпатіей смотримъ на Западъ. Но электрическое дѣйствіе проходитъ и мускулы ослабляются. Кавеньякъ. — Бонапартъ. — „Венгрія у ногъ Вашего Величества“. — Непорочное зачатіе доказано. — Цензура. — Конкордатъ. — Варшавскій порядокъ становится вселенскимъ порядкомъ въ Европѣ... Всѣ наши надежды еще разъ раздалены. Послѣдніе, лучшіе изъ оставшихся, падаютъ отъ истощенія въ этой неравной борьбѣ. Сначала Бѣлинскій... потомъ Грановскій.

Что теперь поражаетъ насъ, — и это поистинѣ весьма замѣчательно, — это измѣненіе направленія, безмолвно совершившееся въ умахъ во время второй половины царствованія Николая. При нашемъ пробужденіи мы оказались выросшими. Не напрасно мы пережили столько несчастій у насъ и присутствовали при столькихъ несчастіяхъ Европы.

Двѣ мысли появляются и распространяются. Первая, это—желаніе освободиться отъ нравственной опеки Европы, усвоить ея науку, не подражая ея исторіи. Вторая—взять за основаніе этого новаго развитія народную жизнь, разрушить стѣну, которая раздѣляетъ объ Россіи, и все это свершить посредствомъ *экономической* революціи.

Это—завѣщаніе. Пестеля, которое молодая Россія приводитъ въ настоящее время въ исполненіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Первые шаги къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи.

Указомъ 21 ноября 1857 г. императоръ Александръ II разрѣшилъ дворянамъ губерній Виленской, Ковенской и Гродненской избрать комитеты для приведенія въ исполненіе проекта освобожденія принадлежащихъ имъ крестьянъ. Выражая благодарность дворянству этихъ трехъ губерній за ту поспѣшность, съ которой оно исполнило указанная имъ намѣренія, государь приказываетъ министру внутреннихъ дѣлъ довести его письмо и приложенный къ нему уставъ до свѣдѣнія всѣхъ губернаторовъ и предводителей дворянства, «чтобы дворяне другихъ губерній, если возымѣли бы тѣ же намѣренія, могли имъ руководствоваться».

Прошло уже около десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы приняли издательство различныхъ сочиненій о Россіи, и мы безпрестанно твердили слѣдующія три положенія: 1-ое—что ретроградный деспотизмъ, существовавшій при Николаѣ, не такъ проченъ и могущественъ, какъ думаютъ; что время его прошло и что онъ поддерживался послѣднее время исключительно грубой силой и европейской реакціей; 2-ое—что Россія вступаетъ въ новую историческую фазу, которая не будетъ носить ни агрессивнаго характера эпохи Петра I, ни контръ-революціоннаго характера, которымъ было отмѣчено грустное царствованіе Николая; что великая задача, которую предстоитъ рѣшить Россіи, заключается въ развитіи національныхъ элементовъ при посредствѣ усвоенія социальныхъ наукъ, разработанныхъ Западомъ; 3-ье—что официальнымъ, неизбѣжнымъ и необходимымъ началомъ новой эры должно быть освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ *съ уступкой земли, которую они обрабатываютъ, не отдѣльнымимъ лицамъ, а общинамъ.*

Въ 1850 г., когда не вѣрили въ продолжительность европейской реакціи, надъ этими положеніями слегка подтрунивали. Со времени войны Бонапарта съ Англіей за свободу и культуру въ насъ бросали грязью. Быть можетъ, теперь, когда Англія продолжаетъ освобождать Индію отъ податей, а Наполеонъ «спокойно вѣнчаетъ свое дѣяніе свободой», когда католическая Германія пользуется конкордатомъ безъ ограниченій, а протестантская Германія—

правомъ на молчаніе, можетъ быть, теперь можно рискнуть сказать нѣсколько словъ.

На другой же день послѣ смерти Николая наступила внезапная перемѣна. Правительство увидѣло, что его *volens— nolens* увлекаетъ общественное теченіе. Литература, пробудившаяся первой, бодро предприняла большое разслѣдованіе процесса продажной и развращенной администраціи. Всѣ заговорили о реформахъ. Неловольство было общее. Неспособность Николая къ управленію, бесплодность его трудовъ, безцѣльность его жестокостей были слишкомъ очевидны во время Крымской войны: общественное мнѣніе произнесло единодушный приговоръ надъ могилой Николая.

Однако, среди всего разнообразія проектовъ и стремленій, выдѣлились двѣ идеи, господствовавшія надъ всѣмъ движеніемъ—идея *ласности* и идея *освобожденія крестьянъ*.

Говорили о добрыхъ намѣреніяхъ новаго царя. Дѣйствительно, произведены были нѣкоторыя отрицательныя улучшения: прекратилось преслѣдованіе за журнальную статью, за смѣлое слово. Но не было еще никакихъ положительныхъ, открытыхъ реформъ, на которыя можно было бы опереться и основывать что-нибудь большее, чѣмъ неопредѣленную надежду.

Сегодня этотъ шагъ сдѣланъ: это — циркуляръ 21-го ноября. Этотъ грустный въ европейскихъ лѣтописяхъ день будетъ имѣть совершенно иной смыслъ въ воспоминаніяхъ русскаго народа.

Не нужно забывать, что дѣло идетъ не объ освобожденіи крестьянъ лишь трехъ западныхъ губерній и не о способѣ этого частичнаго освобожденія, а о *всеобщемъ освобожденіи*.

Циркуляръ министра — не только совѣтъ или намекъ на желаніе государя; онъ имѣетъ гораздо большее значеніе: это предупрежденіе о томъ, что время не терпитъ и что *вся отвѣтственность* за промедленіе и за всѣ могущія отсюда произойти несчастія падеть на дворянство. Государь ясно высказывается за освобожденіе; онъ благодаритъ дворянство трехъ губерній за то, *что они хорошо поняли его намѣренія*; онъ приказываетъ министру довести до свѣдѣнія другихъ объ этомъ «благородномъ рѣшеніи». Это ли не ясно?

Задумывался ли кто-нибудь въ Европѣ надъ тѣмъ, что такое освобожденіе крестьянъ въ Россіи? Это—признаніе соціальной зрѣлости 22 милліоновъ личностей, жившихъ внѣ закона; это—полный переворотъ въ существованіи—я повторяю цифру—22 милліоновъ людей! ¹⁾

¹⁾ Не нужно забывать, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права существованіе невѣроятнаго, стоящаго внѣ закона класса дворовыхъ крѣпостныхъ, становится невозможнымъ. Эти дворовые должны приписываться къ

До сихъ поръ люди принадлежали землѣ, которую они обрабатывали. Чтобы предупредить появленіе сельскаго пролетаріата, съ начала XVII столѣтія правительство старалось все больше и больше привязать людей къ землѣ. Они становились владѣльцами-каторжанами (*usufruitiers*) ¹⁾ уже въ силу своего рожденія, т. е. невольно, неизбежно.

Теперь—и это очень важно—отдѣляя человѣка отъ земли, возвращая ему свободу передвиженія, *освобожденіе* крестьянъ не отдѣляетъ землю отъ человѣка; владѣлецъ-каторжанинъ (*usufruitier-galérien*) не превращается въ свободнаго пролетаріа; онъ становится, *если хочетъ*, совладѣльцемъ при посредствѣ общины. Пролетаріатъ желателенъ для крестьянина. Община не теряетъ права на владѣніе, землю, которую она обрабатывала, значитъ, она не можетъ лишиться своего члена его земельнаго надѣла. До сихъ поръ членъ общины не могъ отказаться отъ работы и отъ всѣхъ другихъ налоговъ и повинностей, ложившихся бременемъ на общину; больше того—онъ *не имѣлъ права* выйти изъ нея; теперь онъ получилъ это право, и даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ его земля остается въ пользованіи общины, а не отходитъ къ помѣщику.

Отдать землю общинѣ, дать право ея членамъ выходить изъ нея за свой рискъ и страхъ, и оставить за общиной право приѣма новыхъ членовъ—таковъ единственно національный основной принципъ, на когоромъ можно основывать освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Этотъ принципъ признается, хотя очень неясно, и въ указѣ 21 ноября. Сдѣлавъ схоластическое отличіе,—говоря, что земля принадлежитъ помѣщику, а пользованіе ею—общинѣ—указъ обязываетъ помѣщика уступить крестьянамъ пользованіе землей, обрабатываемой общиной, за оброкъ, утверждаемый правительствомъ. Кромѣ того, въ немъ сказано, что изба, дворъ, огородъ поступаютъ въ отдѣльное владѣніе каждой семьи.

Мы видимъ здѣсь неудачно выраженное признаніе упомянутого принципа. Впрочемъ, указъ 21 ноября вовсе не является нормой, по той простой причинѣ, что онъ относится лишь къ тремъ польскимъ губерніямъ, гдѣ условія земледѣльческой жизни претерпѣли глубокія измѣненія.

какой-нибудь общинѣ, и вмѣстѣ съ освобожденіемъ общинъ прекращается и ихъ неволя. Впрочемъ, указъ 21 ноября ясно говоритъ, что помѣщикъ не имѣетъ права отрывать крестьянина отъ земледѣлія, удавить его изъ деревни или требовать отправленія какихъ-нибудь повинностей, если онъ безземельный.—А. И. Г.

¹⁾ *Usufruitier* — означаетъ, собственно: пользующійся произведеніями земли, которая принадлежитъ другому.

Указъ, говоря «тамъ, гдѣ община существуетъ», показываетъ намъ, что въ этихъ мѣстностяхъ существуютъ барскія владѣнія, въ которыхъ община была уничтожена.

Вообще параграфы устава были спѣшно составлены и большаго значенія не имѣютъ. Хорошо лишь то, что правительство ограничило время переустройства шестью мѣсяцами; по истеченіи этого срока оно грозило вмѣшаться само. Составъ самихъ комитетовъ весьма неудовлетворителенъ.

Представителями крестьянъ будутъ правительственные чиновники, тогда какъ дворянство будетъ имѣть представителями своихъ выборныхъ депутатовъ. Развѣ забыли, что всѣ чиновники—или дворяне или получили дворянство?

Повторяемъ, что въ данную минуту важны не подробности, которая могутъ и должны измѣниться; важно не смущенное и неискреннее бормотаніе правительства; важно признаніе, инициатива, важны произнесенныя слова.

Да, это—начало угроженія совѣсти, начало возстановленія угнетенной Россіи; это—заря того дня, когда будетъ данъ полный отчетъ правосудію; это—вступленіе Россіи въ новую фазу, которую мы предсказывали съ юношескихъ лѣтъ.

Преданный, проданный, обманутый земледѣлецъ боролся цѣлое столѣтіе (XVII-ое), проливалъ свой потъ, проливалъ свою кровь и упалъ, наконецъ, избитый и связанный во власть свирѣпой солдатчины и низкой бюрократіи, которая—вмѣстѣ съ государемъ—работаютъ въ пользу дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамѣченной и непонятой на Западѣ; ее оклеветали на родинѣ. До сихъ поръ изображаютъ Стеньку Разина, Пугачева разбойниками съ большой дороги¹⁾.

¹⁾ Въ началѣ XVII столѣтія крестьяне все больше и больше теряли право покидать свои общины. Они стали «привязанными къ землѣ». Самовластіе помѣщиковъ все увеличивалось; недовольство народа ярко выразилось во время междуцарствія. Лжедмитрій и др. искатели приключеній съ необыкновенною легкостью набирали тысячи крестьянъ и казаковъ.

Послѣ призванія Романовыхъ въ 1613 г. страна была далека отъ успокоенія. Правда, города были покорены, но среди крестьянъ и казаковъ отдаленныхъ губерній было полное возстаніе. Въ царствованіе царя Алексѣя, отца Петра I,—Стенька Разинъ имѣлъ стотысячное войско и наводилъ ужасъ на всю страну, орошаемую Волгой, вплоть до Каспійскаго моря. Борьба была упорна. Тысячи крестьянъ погибли на висѣлицахъ. Послѣднее усиліе, послѣдній протестъ крѣпостныхъ относится къ царствованію Екатерины II. Въ началѣ ея царствованія Пугачевъ, казакъ-раскольникъ, поднялъ всѣхъ уральскихъ казаковъ, завладѣлъ Оренбургомъ, Пензою, Саратовомъ, Симбирскомъ, Казанью. Вплоть до Нижняго вся восточная Россія была въ его власти. Онъ предводительствовалъ двумя арміями и былъ, наконецъ, казненъ въ Москвѣ.

Наконецъ, онъ былъ уничтоженъ этотъ Абель полей.

Правительственный режимъ оставлялъ на его долю одни лишь удары. Среди безумнаго, наглаго, грубаго деспотизма, заимствованная культура, власть, слава, титулы, богатство существовали для другихъ. Для крестьянъ же—ничего, кромѣ неблагоприятнаго труда, нищеты, позора, розогъ. Ихъ удостаивали участвовать въ исторіи лишь своею кровью, которую они обязаны были проливать во всѣхъ сраженіяхъ, придуманныхъ жаждой завоеваній и честолюбіемъ правителей.

Странное дѣло! Великіе актеры той исторической драмы, которая разыгрывалась въ Петербургѣ, не лишены были иногда своей поэзіи, извѣстной ширины мысли, взглядовъ, не только политическихъ, но и гуманныхъ; но все это для ограниченнаго круга дворянства. Для крестьянина всѣ эти великіе актеры были лишь жестокими бездушными тиранами; не только Петръ I, но и Екатерина II были ими.

Блѣдный, невѣрный свѣтъ, нѣчто напоминающее угрызеніе совѣсти замѣчается при Александрѣ I; но изъ него ничего не вышло, и крестьянинъ-солдатъ, взявшій оружіе въ руки въ 1812 г., вернулся покрытый рубцами послѣ геройской борьбы съ чужеземцемъ къ той же позорной цѣпи рабства.

Насъ хотятъ теперь увѣрить, что Николай собирался освободить крестьянъ. Полноте! Николай и освобожденіе—два понятія, исключаютъ другъ друга.

Послѣ 14 декабря 1825 г. указъ 21 ноября 1857 г.—самое крупное событіе въ русской исторіи.

Но подождемъ окончанія дѣла, не будемъ предупреждать хода событій..

26 дек. 1857 г.

послѣ того, какъ перебилъ и перевѣшалъ тысячи чиновниковъ, дворянъ и др. Послѣ Пугачева бывали лишь частичные бунты крестьянъ. Благодаря самымъ жестокимъ и суровымъ наказаніямъ, удалось уничтожить всякое движеніе въ зародышѣ. Однако, изъ отчетовъ министра внутреннихъ дѣлъ видно, что крестьяне ежегодно убиваютъ около 75 помѣщиковъ.—А. И. Г

1023. Освобожденіе крестьянъ.

Мы только потому не говоримъ въ «Полярной Звѣздѣ» о великомъ починѣ императора Александра II, что такъ много и такъ радостно говорили объ этомъ въ «Колоколѣ».

Не надобно забывать, что «Колоколъ» составляетъ именно *прибавочные листы* къ «Полярной Звѣздѣ».

Да, наши пророчества сбылись,—Россія двинулась впередъ, и мы ждемъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда «Полярная Звѣзда» потонетъ при полномъ дневномъ свѣтѣ, и «Колоколъ» не будетъ слышенъ при громкомъ говорѣ свободной русской рѣчи дома.

Путней, близъ Лондона, 1 марта 1858 г.

1024. Отъ издателя.

«Судебныя сцены» были намъ присланы два раза, оба раза съ другими рукописями, напечатанными въ четырехъ книжкахъ «Русскихъ Голосовъ». Мы медлили въ изданіи этого превосходнаго произведенія, во-первыхъ, потому, что такое сочиненіе составляетъ значительную литературную собственность, во-вторыхъ, думая, что при новомъ порядкѣ вещей «Судебныя сцены» могутъ быть напечатаны въ Россіи; но, кажется, что романтическое преслѣдованіе взятокъ и безправія такъ далеко не идетъ.

Черезъ два года мы рѣшаемся ихъ печатать, извиняясь въ самовольномъ поступкѣ передъ неизвѣстнымъ авторомъ. Намъ было бы очень больно, еслибъ онъ былъ этимъ недоволенъ.

«Голосамъ изъ Россіи» мы не могли уступить такую пьесу: мы ее, какъ почетнаго гостя, сажаемъ на первое мѣсто, въ нашъ красный уголъ.¹

Лондонъ, 1 декабря 1857.

◆◆ 1. По полученіи IV кн. «Полярной Звѣзды» И. С. Аксаковъ писалъ Герцену: «Благодарю васъ за отзывъ въ «П. З.» Онъ такъ искусно написанъ, что мнѣ до сихъ поръ никакихъ запросовъ не было. Кланяйтесь Огареву. Его поступокъ (т. е. объявленіе въ «Колоколѣ») въ высшей степени благороденъ, но едва ли не затворить ему дверей въ Россію... Въ послѣдней книжкѣ «П. З.» много прекрасныхъ стихотвореній Огарева, а ваши «Записки» живы, мѣтки, увлекательны» («Вольное Слово» 1883 г., № 60).

1025. Опытъ бесѣды съ молодыми людьми ¹⁾.

Вѣроятно, каждому молодому человѣку, сколько-нибудь привычному къ размышленію, приходило въ голову: отчего въ природѣ все такъ весело, ярко, живо, а въ книгѣ то же самое скучно, трудно, блѣдно и мертво? Неужели это—свойство рѣчи человѣческой? Я не думаю. Мнѣ кажется, что это—вина неяснаго пониманія и дурного изложенія.

Ни трудныхъ, ни скучныхъ наукъ вовсе нѣтъ, если ихъ начинать съ начала и итти въ какомъ-нибудь порядкѣ. Труднѣе всего и во всемъ—азбука и чтеніе, они требуютъ механическихъ усилій памяти и соображенія, чтобъ запомнить множество *условныхъ знаковъ*, но вы знаете, какъ это легко дѣлается. Всякая наука имѣетъ свою азбуку, далеко не такъ сложную, какъ настоящая, но которая издали дика и запутана; черезъ нее надобно пройти, и это ничего не значить. Разумѣется, нельзя читать химическое рассужденіе, не зная, что такое кислота, соль, основаніе, сродство и проч. Но не надобно забывать, что нельзя и въ карты играть, не давши себѣ труда выучиться мастямъ и названіямъ.

Будьте увѣрены, что трудныхъ предметовъ нѣтъ, но есть бездна вещей, которыхъ мы просто не знаемъ, и еще больше такихъ, которыя знаемъ дурно, безсвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложныя свѣдѣнія еще больше насъ останавливаютъ и сбиваютъ, чѣмъ тѣ, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ.

Основываясь на ложномъ и неполномъ пониманіи, на произвольныхъ предположеніяхъ, какъ на рѣшенномъ дѣлѣ, мы быстро доходимъ до большихъ ошибокъ. Пустые отвѣты убиваютъ справедливые вопросы и отводятъ умъ отъ дѣла. Вотъ причина, почему, начиная говорить съ вами, я не только не требую отъ васъ знаній, но скорѣе былъ бы доволенъ, если бы вы забыли все, что знаете школьно, и имѣли бы тотъ простой взглядъ и тѣ неизбѣжныя понятія о вещахъ, которыя сами собой приобрѣтаются въ жизни—иногда смутной и ошибочной, но не *предназначенно* ложной.

Мнѣ хотѣлось бы не столько сообщить вамъ свѣдѣній, дать отвѣты на ваши вопросы, какъ научить васъ *спрашивать*, поставить васъ относительно предметовъ на точку зрѣнія *здраваго смысла*.

¹⁾ Я убѣдительно прошу принять эту статейку только за *опытъ*. Если я не умѣлъ его сдѣлать, пусть кто-нибудь другой напишетъ на тѣхъ же началахъ. Я вполне убѣжденъ, что *въ нихъ* я не ошибся.—А. И. Г.

Овладевъши ея несложными приемами, вамъ легко будетъ приобрести, сколько хотите, знаній изъ огромныхъ запасовъ наблюдений и фактовъ. Мнѣ хотѣлось бы указать вамъ тропинку въ ихъ дремучемъ лѣсу, чтобъ васъ не обошелъ, какъ говорятъ наши мужички, «лукавий», т. е. духъ лжи и неправды,—дать вамъ нить, которая довела бы васъ до другихъ, уже болѣе опытныхъ проводниковъ и если вы того захотите, до собственного наблюденія.

Преданія, которыя насъ окружаютъ съ дѣтства, общепринятыя предрассудки, съ которыми мы выросли, которые мы повторяемъ по привычкѣ и къ которымъ привыкаемъ по повтореніямъ, страшнымъ образомъ затрудняютъ намъ простое изученіе окружающей насъ жизни. Желая что-нибудь понять изъ естественныхъ явленій, мы почти никогда не имѣемъ дѣла съ ними самими, а съ какими-то аллегорическими призраками, вызываемыми по ихъ поводу въ нашемъ воображеніи. Оттого мы почти всегда смотримъ на произведенія природы, какъ на фокусы или на колдовство, и вмѣсто отысканія причинъ, законовъ, связи мы думаемъ о фокусникѣ, который насъ обманываетъ, или о колдунѣ, который ворожитъ.

Большая часть людей, занимавшихся изученіемъ природы, знаетъ, что это не такъ, но сама принимаетъ невѣрный языкъ и лепетъ младенческаго развитія,—одни, воображая, что они этимъ сдѣлаютъ понятнѣе науку, такъ, какъ дурныя няньки, говоря съ маленькими дѣтьми, повторяютъ нарочно дѣтскія ошибки и дѣтское произношеніе; другіе—изъ равнодушнаго неуваженія къ истинѣ или изъ жалкой боязни раздражить людей, вѣрующихъ въ историческіе предрассудки.

Я намѣренъ говорить съ вами, какъ съ совершеннолѣтними, и думаю, что мнѣ никогда не придется ни употреблять дѣтскій лепетъ, ни лицемерить. Лучше молчать, если нельзя иначе.

Безнравственно на вопросъ о причинѣ какого-нибудь явленія отвѣчать вздоромъ только для того, чтобъ отдѣлаться. А это-то мы и видимъ сплошь да рядомъ.

Отчего, спрашиваете вы, звѣрь глупѣе человѣка?—Оттого, говорятъ вамъ, что у звѣря *инстинктъ*, а у человѣка *умъ*. Неужели этотъ отвѣтъ дѣльнѣе того, который бы кто-нибудь сдѣлалъ на вопросъ: отчего близорукой видитъ хуже другихъ? Оттого, что онъ міопъ,—или, еще лучше, слабые глаза назвалъ бы однимъ именемъ, а сильные глаза другимъ, и далъ бы вамъ это за объясненіе.

Кому не хочется, глядя на природу, заглянуть за ея кулисы, въ ту мастерскую, изъ которой непрерывно идетъ, летитъ, стремится это множество всякой всячины: звѣзды, камни, деревья,

вы, я... И всякій разъ на вопросъ вашъ о томъ, какъ все это дѣлается, вамъ отвѣчаютъ шалостью или обманомъ, чтобъ скрыть свое невѣдѣніе, а иногда, и это еще хуже, чтобъ скрыть свое знаніе.

Одинъ изъ обыкновенныхъ приемовъ—пугать начинающихъ такими цифрами лѣтъ, миль, что ихъ и произнести нельзя. Сбивши ими съ толку, начинаютъ толковать о сотвореніи міра, прежде, нежели объясняютъ, что такое міръ и какъ онъ можетъ быть сотворенъ; потомъ заставляютъ принять на вѣру три-четыре силы, и все это для того, чтобъ потомъ съ ихъ помощью труднымъ путемъ дойти до того, съ чего начинается катехизисъ.

Не лучше ли было бы начать съ перваго предмета, попавшагося на глаза, съ предмета знакомаго, который можно взять въ руки, посмотреть? Тѣмъ больше, что природа вездѣ одинакова, всѣ ея произведенія равны *передъ закономъ*, какого бы роста они ни были, какое бы значеніе они ни имѣли—близко ли, далеко ли, въ телескопъ ли на нихъ смотрятъ, простыми глазами или въ микроскопъ. Капля воды и струйка дыма подлежатъ тѣмъ же общимъ правиламъ, какъ океанъ и вся атмосфера. Страхъ передъ количествомъ, длиной и долготой надобно побѣдить съ самаго начала, а потому и слѣдуетъ начинать съ величинъ соизмѣримыхъ: то, что мы въ нихъ найдемъ, навѣрно можно будетъ приложить ко всѣмъ прочимъ.

Въ каплѣ нечистой воды зарождается бездна маленькихъ животныхъ, въ междузвѣздныхъ пространствахъ—бездна планетъ и кометъ, на сырой стѣнѣ—плѣсень.

Объяснить образованіе плѣсени не легче, чѣмъ объяснить образованіе земного шара. Плѣсень насъ не удивляетъ только потому, что она не казиста, не велика. А, вѣдь, было время, что и земной шаръ былъ меньше тѣхъ животныхъ, которыя тысячами вертятся въ одной каплѣ воды.

Сдѣлаться большимъ не такъ трудно, какъ *начать расти*. Вы, вѣрно, слышали о той дамѣ, которая на вопросъ: вѣрится ли она, что св. Діонисій прошелъ большое пространство безъ головы, отвѣчала, что не въ этомъ важность, что онъ далеко ушелъ, но въ томъ, что онъ сдѣлалъ первый шагъ.

Дѣйствительно, въ опредѣленныхъ явленіяхъ все зависитъ отъ перваго шага, т. е. отъ начальной встрѣчи необходимыхъ условий; гдѣ они соберутся, тамъ и дѣлается *первый шагъ*, и, если ничего не помѣшаетъ, развитіе пойдетъ длиннымъ рядомъ измѣненій, смотря по обстоятельствамъ—въ комету, въ цвѣтокъ, въ плѣсень. Эти встрѣчи дѣлаются непрерывно, вездѣ, на каждой точкѣ безгра-

ничаго пространства. Міры возникаютъ непрерывно, такъ, какъ плѣсень и инфузоріи; они не сдѣланы, не готовы, а *дѣлаются*: одни существуютъ теперь, другіе едва образуются, третьи кончаютъ свою жизнь въ этой формѣ.

Мы имѣемъ одинъ фактъ, не подлежащій, такъ сказать, нашему суду, — фактъ, втѣсняющій намъ себя, обязывающій насъ себя признать; это — фактъ существованія чего-то непроницаемаго въ пространствѣ — вещества. Мы можемъ начинать только отъ него, онъ тутъ, онъ есть; такъ ли, иначе ли — все равно, но отрицать его нельзя. Пространствъ безъ веществъ мы не знаемъ, мы знаемъ только, что въ ичѣхъ пространствахъ вещества больше, т. е., что они гуще и плотнѣе, въ другихъ меньше, т. е., что они жиже и пустѣе.

Гдѣ бы вы ни начали изучать вещество, вы непременно дойдете до такихъ общихъ свойствъ его, до такихъ законовъ, которые принадлежатъ всякому веществу, и изъ этихъ законовъ, можете вывести, измѣняя условія, что хотите: возникновеніе міровъ и ихъ движеніе или движеніе пылинокъ, которыя колеблются и несутся на солнечномъ лучѣ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ этихъ общихъ свойствъ, самыхъ очевидныхъ и легкихъ для наблюденія. Стоитъ посмотрѣть на нѣсколько разныхъ веществъ, чтобъ увидѣть, что частицы одного вещества иногда соединяются съ частицами другого, однѣ льнутъ другъ къ другу, другія сближаются тѣснѣе, какъ бы просасываясь другъ въ друга.

Продолжая наблюденіе, мы можемъ изучить, замѣтить нѣкоторыя особенности, сопровождающія тѣсныя соединенія частицъ. Возьмемъ, напримѣръ, стаканъ воды и стаканъ спирту, смѣшаемъ ихъ такъ, чтобъ ничего не утратилось: мы получимъ *въсѣмъ* сумму вѣса воды и вѣса спирта, а *объемъ* ихъ будетъ немного *меньше* двухъ стакановъ. Новая жидкость сдѣлалась нѣсколько *плотнѣе*. Стало быть, есть соединенія, при которыхъ разныя частицы соединяются тѣснѣе и въ силу этого занимаютъ, соединившись, меньшее пространство.

Я хочу, взявъ въ основаніе эти два простѣйшія явленія, показать вамъ *возможность* объяснять ими возникновеніе всего на свѣтѣ.

Одного только я потребую отъ васъ, — того, что требуетъ всякая старушка, рассказывающая сказки, — немного вниманія и немного воображенія.

Вмѣсто двухъ стакановъ, изъ которыхъ въ одномъ налить спиртъ, а въ другомъ вода, вы себѣ представьте глухую ночь без-

конечнаго пространства, въ которомъ носится разжиженное до чрезвычайности вещество; разсѣянныя частицы безпрерывно встрѣчаются, соединяются, просасываются другъ въ друга, снова разлагаются, опять соединяются,—и это повсюду, споконъ-вѣка и ежеминутно. Въ безконечномъ числѣ этихъ соединеній должны встрѣтиться и такія, которыя удержались и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлались *плотнѣе*. Что можетъ выйти изъ этого? Первое послѣдствіе будетъ нарушеніе равновѣсія, въ которомъ около носившіяся частицы держали другъ друга въ балансѣ. Окружающія частицы, не встрѣчая прежняго препятствія, стали падать къ болѣе плотному соединенію, чтобъ наполнить изрѣженное мѣсто, отъ котораго вещество долею отступило, сдѣлавшись плотнѣе.

Зачѣмъ? На этотъ вопросъ, совершенно правильный, я буду отвѣчать *фактомъ*. Раздвигаемость частицъ и стремленіе занять наибольшее пространство есть отличительное свойство одного изъ трехъ намъ извѣстныхъ состояній вещества, мы его называемъ *воздухообразнымъ*.

Въ обыкновенной жизни мы почти не считаемъ воздухъ за вещество. Мы говоримъ: «стаканъ пустой», когда въ немъ нѣтъ ничего жидкаго и ничего твердаго, забывая, что онъ полонъ воздуха, и въ этомъ нѣтъ никакой ошибки, потому что стаканъ сдѣланъ для того, чтобъ содержать жидкость. Тѣмъ не меньше надобно остерегаться и тѣхъ ложныхъ представлений, которыя вносить не книга, а практически-житейское отношеніе къ предметамъ. Воздухъ у насъ въ большомъ пренебреженіи. Вещь улетученную, воздухообразную мы считаемъ *уничтоженной* вещью. «Сколько мы истребили дровъ нынѣшней зимой!»—говоримъ мы относительно правильно, ибо дрова, какъ вещь цѣнная, какъ вещь полезная, даже какъ вещь осязательная, не существуютъ больше; но не слѣдуетъ забывать, что отъ сожженныхъ дровъ ничего не пропало и *не могло* пропасть. Нѣтъ того снаряда, того пресса, того паровика, того плавильнаго огня, которымъ бы можно уничтожить пылинку, носящуюся въ воздухѣ, малѣйшую скорлупу орѣха. Если собрать сажу, дымъ, уголь, золу и разныя воздушныя соединенія, вы бы увидѣли съ вѣсками въ рукахъ, что дрова ваши совершенно цѣлы, а только живутъ иначе. Дѣло въ томъ, что всякое самое твердое тѣло (такъ, какъ вы это видите на льду), свинецъ, напимѣръ, можетъ сначала расплавиться, а потомъ при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлается воздухообразнымъ, нисколько не переставая быть свинцомъ, и точно такъ же можетъ изъ воздухообразнаго снова перейти въ свое твердое состояніе, такъ, какъ водяные пары превращаются въ ледъ. Это насъ приводитъ къ одному

изъ величайшихъ законовъ природы: *ничего существующаго нельзя уничтожить*, а можно только *измѣнить*. Но если сегодня нельзя ничего уничтожить, то и вчера нельзя было, и тысячу лѣтъ тому назадъ, и такъ далѣе, т. е., что вещество вѣчно и только по обстоятельствамъ переходить въ разныя состоянія. Люди, толкующіе о преходимости всего вещественнаго, не знаютъ, что говорятъ; если льду нѣтъ, зато есть вода; если воды нѣтъ, зато есть пары; если и ихъ разложить, мы получимъ два воздухообразныя вещества, которыя можно на тысячу ладовъ соединить, но уничтожить ничѣмъ нельзя, ни даже человѣческимъ воображеніемъ; сдѣлайте опытъ представлять себѣ что-нибудь существующее уничтоженнымъ, какъ же оно примется за то, чтобъ не быть?

Сочетанія и разложенія вещества, по собственному ли развитію или по волѣ человѣческой, могутъ только *передѣлывать, измѣнять* матеріалъ, приводить его въ другія соединенія и въ другія формы, но *матеріалу* отъ этого ни больше, ни меньше, онъ все тотъ же и въ томъ же количествѣ. Если въ одномъ мѣстѣ сдѣлается что-нибудь гуще, непременно гдѣ-нибудь будетъ жиже. Передъ вами фунтъ говядины, вы ее съѣдаете и становитесь фунтомъ тяжеле, а черезъ часъ или два нѣсколько легче, но разница не пропала; говядина претворившись въ кровь, потеряла разныя водяныя и воздушныя частицы, оставшія ваше тѣло испареніемъ, дыханіемъ. Эти освобожденныя частицы пошли каждая своей дорогой: одни были всосаны растеніями, другія соединились съ землей, разсѣялись въ воздухѣ.

Но если все, что дѣлается въ природѣ,—только перемѣна вѣчнаго, готоваго матеріала, то вы, нѣсколько подумавши, ясно увидите, что также нельзя въ природѣ ничего *вновь* сдѣлать, ничего прибавить, *ничего создать*. Можно пары охладить въ воду, воду заморозить въ ледъ, но водяныхъ паровъ нельзя составить, если нѣтъ ихъ составныхъ частей. Съ чего же начать?

Мы остановились на томъ, что частицы вещества, окружавшія болѣе плотное соединеніе, устремились къ нему. При этомъ движеніи онѣ должны были увлекать съ собой слой за слоемъ и, слѣдственно, быть причиной новаго колебанія, продолжающагося до тѣхъ поръ, пока движеніе слоевъ не потеряется въ пространствѣ и не придетъ въ равновѣсіе.

Наши соединившіяся частички въ этомъ колебаніи уже играютъ роль средоточія, зерна; стремящіяся на нихъ воздухи (газы) наносятъ имъ новыя соединяющіяся частицы, движеніе отъ этого становится больше и больше. Вы знаете, что вѣтеръ—не что иное, какъ перемѣщеніе слоевъ воздуха, теплыхъ и холодныхъ, сухихъ

и наполненныхъ парами, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока слои придуть въ равновѣсіе. Мы можемъ поэтому представить себѣ, какъ мало-по-малу возростали вьюги и вихри, колебавшіеся въ воздушномъ растворѣ, безъ всякой рамы, на просторѣ безконечнаго пространства, около сгущеннаго средоточія.

Если средоточіе выдержитъ напоръ, не потерявъ своей особенности, не распутившись въ пространство, не прильнувъ само къ *другому*, то оно съ волнующимся около него воздухомъ или туманомъ представится намъ особенной областью, вымежевавшейся отъ окружающаго пространства своимъ движеніемъ около ядра. Если же оно вступить въ *друія* соединенія, вовлечется въ *другое* движеніе, что, вѣроятно, повторялось миллионы и миллионы разъ, тогда оставимъ его своей судьбѣ и займемся тѣмъ *друицмъ* средоточіемъ, въ которомъ развитіе продолжается. Въ той ли воздушной области или въ другой идетъ операція; мы не можемъ иначе себѣ представить ея форму, какъ шарообразной, потому что нѣтъ никакой причины частицамъ простираться больше или меньше въ одну сторону, нежели въ другую. А простираться равнымъ образомъ во всѣ стороны отъ одного средоточія значитъ быть шарообразнымъ.

Но отчего же развилась та область или другая, почему тутъ образовалось болѣе плотное соединеніе, а не тамъ?—Какое вамъ до этого дѣло? Это одинъ изъ самыхъ пустыхъ вопросовъ, но такъ какъ его повторяютъ довольно часто, то надобно было о немъ упомянуть. Естественныя науки не даютъ никакого отвѣта на подобные вопросы, потому что имъ нечего сказать. Въ безконечномъ пространствѣ нѣтъ мѣстничества; тамъ, гдѣ случились необходимыя условія, и именно въ то время, когда они встрѣтились, тамъ и начало, тамъ и продолженіе; случись оно въ другомъ мѣстѣ, въ другое время, оно было бы тамъ, а не тутъ: можетъ, было бы въ обоихъ мѣстахъ. Ну что же изъ этого?

Природа представляетъ намъ фактъ, наше дѣло его изучать приводитъ къ сознанію, раскрывать его законы. Ну, а еслибъ у нея были другіе законы, тогда, вѣроятно, и насъ бы не было, а было бы что-нибудь совсѣмъ другое... гдѣ тутъ предѣлять?.. Мы изучаемъ тѣ факты, которые существуютъ, и смиренно принимаемъ ихъ, *какъ они есть*.

Говоря о *возникновеніи міровъ*, напимѣръ, само собою разумеется, мы говоримъ о тѣхъ мірахъ, которые возникли, и объ общемъ законѣ возникновенія... Міры могли и *могутъ* возникать на всякой точкѣ, но не на всякой точкѣ нашлись условія, для нихъ необходимыя. На иныхъ могутъ быть условія годныя для на-

чала, но которыя не въ силахъ поддержать развитіе. Мы ихъ не знаемъ, да еслибъ и знали, ихъ слѣдовало бы оставить. Описывая животныхъ, мы не останавливаемся на неудавшихся зародышахъ или на уродливыхъ недоноскахъ.

Естественныя науки занимаются только фактами и ихъ изученіемъ, не допуская фантастическаго созерцанія возможностей. Почему мы знаемъ, что теперь дѣлается въ мрачныхъ и холодныхъ пространствахъ между звѣздъ, какіе образуются тамъ новые міры и подрастаютъ на замѣну солнечной системы или какой другой?... Во всемъ этомъ намъ не на что опереться, кромѣ на наведеніе; оно, дѣйствительно, подтверждаетъ, что *должно быть это такъ*; тѣмъ и оканчивается весь научный интересъ, и дальнѣйшее переходитъ въ область мечтаній.

Насъ ожидаютъ вопросы больше существенныя въ жизненномъ описаніи нашей воздушной области. Будучи гуще внутри, она должна была сложиться въ послѣдовательное наслоеніе. Легкіе слои всплыли наверхъ, потяжеле повисли въ серединѣ, самыя тяжелыя потонули къ средоточію. Пока все не пришло въ равновѣсіе, въ шарѣ дѣлалось то, что дѣлается, когда кипятятъ воду: подогрѣтая вода подымается въ то время, какъ холодная низвергается на дно. Противоположныя потоки должны были стремиться одни лучеобразно отъ центра ко всѣмъ точкамъ поверхности, другіе—отъ всѣхъ точекъ поверхности къ центру, но по мѣрѣ того, какъ всѣ частицы повисли бы на своемъ мѣстѣ, онѣ успокоились бы, и общее движеніе мало-по-малу должно остановиться, а съ нимъ замереть и дальнѣйшее развитіе. Этотъ покой, дѣйствительно, и настаетъ въ кипяткѣ, если воду не будутъ *подогревать*. Но гдѣ же очагъ, который бы подогрѣвалъ нашъ воздушный шаръ?

Переходимъ опять къ ежедневнымъ домашнимъ опытамъ: возьмите кусокъ холоднаго желѣза, положите его на холодную наковальню и начните его бить холоднымъ молотомъ; оно сначала сдѣлается теплымъ, потомъ горячимъ,—гдѣ очагъ? Если въ металлической трубкѣ съ однимъ отверстіемъ подвижной пробкой, туго входящей, быстро сжать воздухъ, то труть, прикрѣпленный на днѣ трубки, загорается. Кто его зажегъ? Дѣло состоитъ въ томъ, что *тѣла, сжимаясь, становятся теплѣе*. А, вѣдь, двѣ первыя частицы, соединившись, заняли *меньше пространства*—сжались, стало быть, онѣ сдѣлались теплѣе. Притеченіе новыхъ частицъ и ихъ соединеніе развивало больше и больше тепла въ ядрѣ, отсюда—движеніе частицъ, отдаляющихся отъ центра и притекающихъ къ нему, должно было становиться сильнѣе и сильнѣе, температура центральной части выше и выше.

Идемъ далѣе... Имѣемъ ли мы какое-нибудь право себѣ представить, что та *данная* воздушная «капля», при развитіи которой мы присутствуемъ, одна и есть во всей вселенной? Еслибъ это было такъ, то, стало быть, было когда-нибудь время, въ которое ничего не было, т. е. въ которое нельзя было *возникнуть* чему-нибудь, т. е. что вещество и законы его были не тѣ, которые теперь, чего мы допустить не можемъ; совсѣмъ напротивъ, потому что эта область могла развиться, стало быть и другіе міры должны были развиваться прежде нея. Если же это такъ... то наша сфера гдѣ-нибудь, какъ-нибудь встрѣтится съ другими.

Какое же будетъ ихъ взаимодействіе? Верхніе слои, самыя изрѣженные по свойству воздухообразнаго состоянія, проникнуть другъ друга, могутъ смѣшаться, если не будутъ удерживаемы потоками частицъ, летящихъ или низвергающихся къ средоточію. Мы не имѣемъ причины предполагать объ сферы одинаковаго объема, одинаковой плотности; это можетъ быть, но это одинъ изъ случаевъ; гораздо легче себѣ представить, что одна сфера больше другой, и тогда меньшая будетъ постоянно склоняться къ большей. Если частицы, стремящіяся къ зерну меньшей сферы, не въ состояніи противодействовать удаляющимся отъ него, то она *упадетъ* на большую, распустится въ немъ, станетъ двигаться, какъ одинъ изъ его слоевъ или какъ одна изъ его частныхъ областей.

Но если движеніе частицъ къ средоточію достаточно, чтобъ противодействовать паденію, но недостаточно, чтобъ совсѣмъ пересилить стремленіе частицъ къ средоточію большей сферы, тогда, повинувшись двумъ движеніямъ, шаръ нашъ будетъ кружиться около центра большей сферы, постоянно готовый сорваться съ пути или упасть къ его центру. И то, и другое можетъ случиться, но намъ для нашей цѣли слѣдуетъ взять такое отношеніе сферъ, въ которомъ онѣ уравниваются на постоянномъ движеніи одной около другой.

Но всѣ частицы вещества, составляющаго воздушный шаръ, несущійся около средоточія, внѣ его находящагося, одинаково ринуты въ движеніе. Слои ближе къ его зерну вертятся медленнѣе, у самаго центра все покойно, быстрота, разумѣется, возрастаетъ съ удаленіемъ отъ него и всего больше на поверхности. Простой опытъ мячика, привязаннаго на бичевкѣ, который вы станете кружить, даетъ наглазное представленіе.

Сверхъ того, и на самой поверхности не всѣ точки двигаются съ равной скоростью, потому что не всѣ подвергаются одинаковой близости къ большей сферѣ, около которой двигается меньшая. Наибольшее движеніе будетъ на томъ поясѣ, который всего ближе

къ большей сферѣ, туда и будетъ притекать наибольше частицъ. Въ силу этого разнаго движенія, мы можемъ опредѣлить такую линію, около которой шаръ будетъ обращаться, какъ около своей *оси*.

Съ своей стороны, постоянное притеченіе частичекъ къ поясу наибольшаго движенія должно измѣнить шарообразную форму, — она сплюснется у полюсовъ, т. е. у концовъ *оси*, и увеличится у пояса, ближайшаго къ внѣшнему средоточію.

Но чѣмъ далѣе частицы отъ зерна, тѣмъ слабѣе ихъ связь съ нимъ, а какъ какъ и движеніе тамъ всего сильнѣе, то подъ его вліяніемъ поясъ можетъ, наконецъ, сорваться или, лучше, расчлениваться съ общей массой, продолжая увлекаться ея движеніемъ, уже не какъ ея слоемъ, а въ видѣ обруча. За нимъ можетъ отдѣлиться другой, третій и т. д.; тогда плотность всей сферы сдѣлается, такъ сказать, полосатой въ отношеніи къ густотѣ гораздо изрѣженнѣйшей между обручами, гораздо плотнѣйшей въ нихъ самихъ.

При крутомъ и стремительномъ движеніи обручей они сами могутъ разорваться, и тогда, одна часть дуги отставая, а другая напирая на нее, онѣ могутъ собраться, сжаться въ одинъ или нѣсколько комковъ, обращающихся около общаго центра своей сферы и увлекаемыхъ съ нею около средоточія большей сферы; въ каждомъ расчленившемся обручѣ или кольцѣ снова повторятся тѣ же явленія.

При этихъ отдѣленіяхъ обручей, при ихъ распаденіяхъ на шары должны были остаться свободныя частицы, уносимыя общимъ потокомъ и которая, въ свою очередь, льнуть къ тѣмъ или другимъ шарамъ, больше и больше сгущая ихъ. Самое образованіе обручей было сгущеніемъ, но сгущаться значить *разогрѣваться*; чѣмъ больше накаливались частные центры, тѣмъ сильнѣе стремились отъ нихъ частицы, поднимаясь къ окружности. Такимъ образомъ зерно, вмѣсто того, чтобъ дѣлаться плотнѣе и плотнѣе, становилось все жиже и жиже, истощаясь своимъ лучезарнымъ разсѣяніемъ частицъ.

Такое средоточіе—наше солнце; его расчленившіеся обручи—планеты нашей системы; ихъ отдѣлившіеся обручи, въ свою очередь, составили ихъ спутниковъ, какъ луна, или остались обручами, какъ кольцо Сатурна.

Вся солнечная система имѣетъ свое общее движеніе около одного изъ своихъ созвѣздій. Представляетъ ли это созвѣздіе общее средоточіе, или само обращается около чего-нибудь? Наверно послѣднее. Мы слишкомъ бѣдны, чтобъ доказать это опытомъ, наши періоды наблюденій слишкомъ ограничены и слишкомъ

малы, но нелѣпость средоточія чего-нибудь безконечнаго такъ же очевидна, какъ означеніе года, дѣлящаго на двѣ равныя эпохи вѣчность. Общаго средоточія движенія не можетъ быть, *оно не во духъ природы...* Все носится другъ около друга; одни центры исчезли, послуживши причиной движенія, другіе возникаютъ, приставая къ той или другой системѣ или перетягивая къ себѣ.

Такъ это и наша солнечная система когда-нибудь перестанетъ существовать?—Непремѣнно. Одна изъ причинъ бросается въ глаза, это — постоянное истощеніе солнца; оно уже и теперь не можетъ производить новыхъ планетъ, обручи не отдѣляются отъ него, но оно продолжаетъ на огромное пространство до Сатурна грѣть и свѣтить, не получая топлива снаружи; силы солнца также сочтены, придетъ время, когда воздушный очагъ потухнетъ.

Что касается до возникновенія новыхъ небесныхъ тѣлъ, мы можемъ слѣдить за образованіемъ и ростомъ плотной части *туманныхъ пятенъ* и кометъ, такъ, какъ можемъ изучать по обитателямъ Новой Зеландіи начала стадной жизни людской.

На этомъ мы остановимся. Мнѣ хотѣлось въ этомъ опытѣ только показать, какъ изъ легкаго химическаго опыта и изъ самыхъ элементарныхъ понятій механики и физики, что тѣла, сжимаясь, нагрѣваются, что воздухообразныя частицы стремятся занимать больше пространства, что есть такія соединенія веществъ, при которыхъ соединенное тѣло становится плотнѣе соединяемыхъ, — есть *возможность* объяснить всемірныя явленія, не вводя никакихъ фокусовъ, никакихъ спрятанныхъ колдуновъ, не отводя глазъ. Цѣль моя будетъ совершенно достигнута, если мой опытъ возбудитъ умственную дѣятельность и желаніе ближе узнать то, что едва обозначено въ немъ. Одного желалъ бы я безмѣрно, чтобъ вы замѣтили коренную *разницу* этого приѣма съ обыкновеннымъ риторико-теологическимъ.

Въ этомъ сжатомъ очеркѣ я старался до того сберечь чистоту вашего воображенія, что не употреблялъ, какъ ни было мнѣ это трудно, такихъ словъ, какъ *притяженіе, тяготѣніе, центробѣжная* и *центростремительная* сила, которыми для краткости выражаютъ общія причины всѣхъ явленій, вслѣдствіе которыхъ частицы соединяются, влекутся къ другимъ, кружатся и проч. Я боялся ихъ употреблять и предпочелъ передавать факты, не означая ихъ именемъ, потому что незнакомыя названія съ условнымъ собирательнымъ смысломъ замѣняютъ очень часто объясненіе, останавливаютъ вопросы; произнося слово, намъ кажется, что мы знаемъ его смыслъ, что мы опредѣляемъ самую причину, въ то время, какъ мы *только ее называемъ*.

Мы смѣемъ съ Мольеромъ надъ шутомъ, который объясняетъ свойство ревеня тѣмъ, что онъ имѣетъ *слабительную* силу, и въ то же время довольствуемся тѣмъ, что частицы веществъ соединяются вслѣдствіе *силы сцѣпленія*.

А что такое сила сцѣпленія? Опять колдовство, только въ другой формѣ, переведенное съ мистическаго языка на языкъ науки, переодѣтое изъ монашеской рясы въ докторскую мантию.

Слова эти необходимы, но необходимы, какъ знаки; это—стропины, вѣхи по дорогѣ къ истинѣ, а не сама истина, «взаправду» какъ говорятъ дѣти.

Явленія, ожидающія насъ, если мы будемъ продолжать наши бесѣды, становятся опредѣленнѣе и вводятъ насъ въ сферы больше живыя. Мы видѣли, что съ сжатіемъ является теплота, съ теплотой—свѣтъ; при ихъ посредствѣ разсѣянная частица вещества обнаруживаютъ больше и больше дѣйствій другъ на друга (химизмъ), съ теплотой и химизмомъ неразлучно электричество, а тутъ является и кристаллизація, и органическая клѣтчатка, а съ ними все животное царство и человѣкъ.

1026. Отъ издателя.

Второе изданіе «Полярной Звѣзды» за 1855, 1856 и 1857, сдѣланное лондонскимъ книгопродавцемъ Н. Трюбнеромъ и напечатанное въ Universal Printing Office 3. Свѣтославскаго (178 and 179 High Holborn), пошло такъ быстро, что Н. Трюбнеръ уже спрашивалъ наше согласіе на *третье изданіе*.

Сверхъ того, въ типографіи 3. Свѣтославскаго напечатаны и вышли: «Крещеная собственность» (третье изданіе), «Старый міръ и Россія» (переводъ съ французскаго), «14 декабря и императоръ Николай» и второе изданіе «Писемъ изъ Франціи и Италіи»¹⁾.

Къ «Письмамъ» прибавили мы небольшое предисловіе; мы просимъ позволеніе повторить его, потому что возраженія, сдѣланныя «Письмамъ», относятся также и къ «Полярной Звѣздѣ»²⁾.

¹⁾ Вслѣдъ за тѣмъ выйдетъ второе изданіе «Съ того берега» и переводъ съ французскаго «Россія и социализмъ» (письмо къ Ж. Мишле).—А. И. Г.

²⁾ Дальше слѣдовало все предисловіе къ «Письмамъ изъ Франціи и Италіи» отъ 1 февраля 1858 г.

1027. Солидарность.

«Русскій Инвалидъ», говорятъ здѣшніе журналы, журить Англію за то, что она еще не измѣнила тѣмъ великимъ началамъ, на которыхъ выросла ея сила и слава, и хочетъ судить *своихъ и чужихъ* по закону своего Common Law ¹⁾, а не по полицейскимъ инструкціямъ шпионовъ и правительствъ, ими представляемымъ.

Что это мнѣніе правительственное или только *инвалидное*?

Въ послѣднемъ случаѣ намъ до него дѣла нѣтъ, хотя и считаемъ, что неприлично всякій разъ позорить имя русское, прибавляя его для вѣса ко всякому топору, ко всякой гнусной мѣрѣ; вѣдь, еще не забыли ту страстную нѣжность, ту трогательную настойчивость, съ которой Николай просилъ выдачу Кошута и его товарищей изъ Турціи.

Если же это мнѣніе «Кабинета-Горчаковъ», по французскому выраженію, то мы не можемъ не сказать, что оно недостойно современнаго состоянія дѣлъ въ Россіи. Да полноте вамъ соваться впередъ и заявлять ваши сочувствія со всякой дикой властью, со всякимъ насиліемъ, со всякимъ нарушеніемъ правъ, со всякимъ кованіемъ въ колодки! Дайте намъ отучить западнаго человѣка, чтобъ онъ не произносилъ рядомъ со словомъ «Россія» слово «*кнутъ*». Гдѣ вашъ интересъ въ этомъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы не понимаете, что государству, едва вступающему теперь въ новую эпоху, нельзя дѣлить всѣ пороки падающихъ народовъ ²⁾.

Англія дала великій примѣръ государственной нравственности и силы. Англія — единая страна, гдѣ есть справедливость. А вы будете ей тамъ давать совѣты, объявлять неудовольствія, вы, неимѣющіе ни правъ, ни законовъ; вы, которые не можете дойти до того, чтобъ судьи не были воры, чтобъ дворяне не брали за свое знамя розги, чтобъ квартальные не дрались по улицамъ!

Учитесь лучше у Англіи да занимайтесь своимъ дѣломъ!

1028. Не стыдно ли?

Петербургскія «Полицейскія Вѣдомости» извѣщаютъ о *возобновленіи* полицейскаго самоуправства въ Петербургѣ. Случай, ими рассказанный, грустно напоминаетъ намъ черное время прошедшаго

¹⁾ Обычное право.

²⁾ Мы въ скоромъ времени представимъ нашимъ читателямъ нѣсколько общихъ мыслей о новомъ отношеніи Россіи къ Западу.—А. И. Г.

царствованія, которое мы tout de bon ¹⁾ считали прошедшимъ. Г. Мухинъ за публичное чтеніе (вѣрно, онъ читальъ какому-нибудь пріятелю вслухъ?) чего-то печатаннаго за границей (не «Колокола» ли? все таинственность!) и притомъ *преступнаю содержанія* ²⁾ сосланъ подъ надзоръ полиціи въ отдаленную губернію (въ какую? Что за секреты,—вѣдь, и Красноярская губернія не близко.)

Новость эта очень важна. До нея мы еще не слышали о политическихъ гоненіяхъ Александра II. Что же это начало ихъ, что ли? И что за вздоръ все вмѣстѣ! Точно мы наканунѣ возстанія въ Петербургѣ,—надобно брать чрезвычайныя мѣры для спасенія отечества, религіи, престола! Такъ-то хотятъ гласности? И зачѣмъ у насъ судебныя мѣста, когда опять какая-нибудь канцелярія можетъ ссылатъ, по доносу шпіона, за чтеніе чего-то неназваннаго? и кто нашель преступнымъ содержаніе: трактирщикъ, квартальный, жандармъ, половой, Игнатъевъ, Долгоруковъ?

Неужели намъ придется раскаться въ томъ, что мы вѣрили въ искреннее желаніе государя начать челоувѣческую эпоху въ русскомъ развитіи и поторопились сказать это?

1029. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 марта (1858).
Putney.

Я сейчасъ вспомнилъ, что вы пишете мнѣ въ тотъ день, въ который я отправлю письмо, и потому хочу васъ спросить, отчего такъ давно не было отъ васъ строки?

А я послалъ съ «Колоколомъ» и письмо къ вашему министру ³⁾. Мы здоровы, дѣти также.

Вы знаете, вѣроятно, что здѣсь дѣлается. У меня былъ русскій крестьянинъ ⁴⁾,—удивительно умный; хотите, я его къ вамъ препровожу?

Рейхеля цѣлую.

1030. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

3 mars. (1858).
Putney, Laurel house.

Верховный уголовный судъ heisst französisch—cour suprême—Oberkriminalgericht.

¹⁾ Вполнѣ искренно.

²⁾ Такъ сказано во французскомъ текстѣ «Норда».—А. И. Г.

³⁾ См. № 1021. Рейхель жила въ Дрезденѣ.

⁴⁾ Плесковъ.

Jetzt sprechen Sie auch v. Bavardage; Sie wissen sehr gut, dass ich immer, und besonders die 3 letzte Jahre, gegen die revolutionäre Renommisterei, Tautologie etc. Sie haben gesehen, dass Derby von der Brochüre gesprochen hat. Einen Prozess zu haben, ist gar kein Unglück und sollte man ein Jahr im Gefängnis sitzen—aber für was. Für einen Charivarischen Aufsatz. Ich habe v. Anfang dem Talandier gesagt, dass die Sache mir nicht gefällt.

Entre nous soit dit—Juden, Polen, und jetzt die Franzosen haben keinen Terrain mehr.

Sehen sie, wie d: geht alles, was Leben hat? Sehen sie, wie alles jetzt sich bei uns regt?

Der russische Bauer ist freilich die bedeutendste Erscheinung aus Russland—nach Ogar. Ankunft. Das ist ein sehr, sehr wichtiger Kerl.

Schicken Sie mir die übersetzte Bogen zu korrigieren. Ich werde nachfragen, ob ich nicht einen echten Russen finden werde für die Lektionen.

Adieu.

Thorjevski hat gestern noch keine Einladung gehabt.

Переводъ.

3 марта.

Верховный уголовный судъ называется по-французски cour suprême—Oberkriminalgericht.

Теперь и вы заговорили о «болтливости»; вы очень хорошо знаете, что я всегда, и особенно послѣдніе три года, былъ противъ революціоннаго бахвальства, пустыхъ фразъ и пр. Вы знаете, что Дерби отозвался о брошюрѣ. Имѣть процессъ и даже просидѣть цѣлый годъ въ тюрьмѣ—вовсе не несчастье: было бы за что. Неужто за замѣтку, мѣсто которой въ «Charivari». Я съ самаго начала сказалъ Таландье, что эта вещь мнѣ не нравится.¹

Между нами будь сказано, евреи, поляки, а теперь и французы больше не имѣютъ почвы.

Замѣчаете ли вы, какъ, все таки, движется все живое, какъ все у насъ теперь зашевелилось?

Русскій крестьянинъ, конечно, самое значительное явленіе изъ Россіи послѣ прибытія Огарева. Это—очень, очень основательный малый.

Пришлите мнѣ переведенныя страницы для исправленія. Я еще буду разспрашивать и постараюсь найти настоящаго русскаго дла уроковъ.

Прощайте.

Тхоржевскій вчера ни разу не былъ еще вызванъ.

◆◆ 1. 14 января 1858 г., когда Наполеонъ III подѣзжалъ къ театру (въ Парижѣ), Ф. Орсини бросилъ въ него бомбу, его товарищи также; императоръ былъ невредимъ, пострадало около 160 человѣкъ. 13 марта Орсини и Пiere были казнены. Въ Лондонѣ по этому поводу была выпущена брошюра: «Lettre au parlement et à la presse»¹⁾, подписанная «Le Comité de la Commune révolutionnaire: Felix Pyat, Besson, A. Talandier» и изданная Тхоржевскимъ. Въ ней, по словамъ М. М. Стасюлевича, «объясняется парламенту, что attentat Орсини ничтоженъ въ сравненіи съ attentat 2 декабря, предметомъ котораго былъ не одинъ человѣкъ, а цѣлая нація; что Орсини пустилъ только 4 бомбы, а Наполеонъ пустилъ ихъ во время *coup d'état* нѣсколько тысячъ; что бомбы Орсини имѣли какихъ-нибудь 10 капсюль, а бомба, называемая императорскою гвардіей, имѣетъ ихъ 100 тысячъ и т. д.» По требованію французскаго правительства, Тхоржевскаго арестовали («М. М. Стасюлевичъ и его современники», I, 315).

«Герценъ былъ у Тхоржевскаго въ тюрьмѣ и съ отвращеніемъ разсказывалъ, какъ въ ней содержатся заключенные, и что между зрителями и сторожами тюрьмы онъ не нашелъ ни одного сострадательнаго человѣка, тогда какъ онъ убѣжденъ былъ, что въ русскихъ тюрьмахъ всегда найдутся сострадательные люди, въ особенности между низшими классами» (Бар. А. Дельвигъ «Мои воспоминанія», II, 433).

1031. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

8 March (1858).
Putney.

Dear Friend, I am so entirely occupied by the preparation of some essays of translation for M. Platenauer. I can not write in any other language... than English.

I spoke about the Russian lesson with the young man, who was Sunday with the new Gleb Savinoff by us. He had not too much time, being employed in a great commercial business, but he proposes to come every week to you, to pass an evening, in teaching you the Russian. He desires, en retour, to improve himself in the English and that is all what he requests.

I can come to see your translation Wednesday at 5—6.

It is a «schailend» article on our publication in the «Ausburger Zeitung» and the minister in Dresden has published himself my letter.

¹⁾ «Письмо къ парламенту и къ прессѣ».

I can not accept your ideas on the subject of France. Every day brings a new argument—that the people of the Roman origin are dying. And where is the Deville for such an agony?

Your trustfull

A. Herzen.

Переводъ.

8 марта.

Дорогой другъ, я всецѣло поглощенъ приготовленіемъ нѣсколькихъ опытовъ перевода для г. Платенауэра. Не могу писать на другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго.

Я говорилъ объ урокахъ русскаго языка съ молодымъ чело-вѣкомъ, который былъ у насъ въ воскресенье, съ новымъ Глѣбомъ Савиновымъ ¹⁾. У него нѣтъ избытка свободнаго времени, такъ какъ онъ служить при большомъ коммерческомъ дѣлѣ, но онъ предлагаетъ проводить у васъ одинъ вечеръ въ недѣлю для преподаванія вамъ русскаго языка. Въ замѣнъ онъ проситъ, чтобъ и вы занялись улучшеніемъ его англійской рѣчи, и это все, что онъ требуетъ.

Я могу прийти просмотрѣть вашъ переводъ въ среду, въ 5—6.

Въ «Augsburger Zeitung» помѣщена громкая статья, о нашихъ изданіяхъ, и самъ министръ въ Дрезденѣ напечаталъ мое письмо. ¹

Я не могу раздѣлять вашихъ взглядовъ относительно Франціи. Каждый день приноситъ новый аргументъ, что народы романскаго происхожденія вступили въ фазу вымиранія. И гдѣ же тотъ Девиль ²⁾, который долженъ состоять при этой агоніи?

Вашъ вѣрный

A. Герц.

◆◆ 1. Въ «Allgemeine Zeitung» сообщено, что чиновникъ Мухинъ сосланъ въ Сибирь подъ строгій надзоръ полиціи за то, что «въ публичныхъ мѣстахъ читалъ напечатанныя за границей изданія преступнаго содержанія». Газета узнала, что это былъ послѣдній номеръ «Колокола» и экземпляръ «Голосовъ изъ Россіи», и высказала мнѣніе, что если чтеніе или только передача того, что въ нихъ печатается, заслуживаютъ такого наказанія, то въ Спб. тысячи людей виноваты въ томъ же самомъ, потому что фактически изданія Герцена переходятъ изъ рукъ въ руки, понятно, съ большей осторожностью, чѣмъ это сдѣлалъ Мухинъ. Все общество читаетъ и говоритъ объ обличенныхъ Герценомъ сановникахъ,

¹⁾ Персонажъ изъ «Рыбаковъ» Григоровича; намекъ на Плещова.

²⁾ Докторъ.

«Никогда и ни въ одной умственной области нецѣлесообразность полицейскаго запрета не была столь очевидной, какъ по отношению къ этимъ блестяще написаннымъ листамъ». Не такими мѣрами надо бороться съ вліяніемъ «Колокола»—общество знаетъ силу и правдивость своего публициста и сочувственно принимаетъ его дѣятельность (№ отъ 3 февраля).

1032. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 марта (1858).
Putney, Laurel house.

Получилъ все исправно. А вы прислали циркуляръ, который былъ уже въ «Колоколѣ». И на имя Нат. Ал. получено.

Я вчера послалъ вамъ «Поляр. Звѣзду» francs, а сегодня Мельг. пишетъ, что съ него слупили за «Корфа» 10 шил., а я тоже франкировалъ. Если у васъ будутъ требовать, пожалуйста, пошлите Рейхеля справиться, что это за вздоръ. Если это отъ границы, то я не буду посылать, une fois pour toutes ¹⁾—я всегда франкирую.

Ваша Меме ²⁾ писала мнѣ письмо и просила 400-fr. взаймы; я ей послалъ 100 въ подарокъ, но, если вы желаете, могу послать еще, пожалуй, 200. Пишите откровенно и прямо.

Нашего книгопродавца Тхоржевскаго арестовали за брошюру Пиа. Это гнусно и позорно, но я печатаю брошюру гиршую по-французски ³⁾, а потому, если увидите въ газетахъ, что и я на цѣпи, не испугайтесь,—все же здѣсь это кончится ничѣмъ.

Горячку поряты для Наполеона.

Цѣлую Рейхеля и дѣтей.

Погода удивительная.

1033. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 marz (1858).
Putney, Laurel house.

Ich glaube nicht, dass ich heute Zeit haben werde, um zu Ihnen zu kommen. Ich gehe jetzt zu *Tchorjevsky* und in's Tribunal um 3 Uhr (Bow street, Covent Garden)—ich will für ihn das Lösegeld zahlen.

¹⁾ Разъ навсегда.

²⁾ Экономка Рейхель.

³⁾ № 1042.

Dazu noch ist ein Professor aus Kief angekommen. Die französische Brochüre ist beinahe gedruckt—ich schicke Ihnen gleich 5 Exempl. Im «Pionier» von Heinzen ist ein Artikel, der mich als russischen Agenten, Intriganten, Schurken, als einen Sohn einer Jüdin (!) etc. etc. behandelt. Sie sehen, dass doch die deutschen Golovins mich nicht vergessen haben.

In der Augs. Zeitung ist ein schöner Artikel über Ihre Übersetzung der Daschkoff.

Ich werde Ihnen schreiben, wann ich komme.

A propos—ich habe zu ihnen jungen Polen geschickt, der sehr gut russisch spricht.

Переводъ.

25 марта.

Полагаю, что сегодня у меня не будетъ времени зайти къ вамъ. Теперь я отправляюсь къ Тхоржевскому ¹⁾, а въ 3 часа—въ судъ (слѣдуетъ адресъ),—хочу внести за него залогъ. Къ тому же пріѣхалъ еще какой-то профессоръ изъ Кіева ²⁾. Французская брошюра ³⁾ почти напечатана; я тотчасъ пришлю вамъ 5 экз. Въ «Піонеръ» Гейнца помѣщена статья, которая выставляетъ меня русскимъ агентомъ, интриганомъ, мошенникомъ, сыномъ еврейки (!) и пр., и пр. Какъ видите, и нѣмецкіе Головины меня не забыли.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» есть хорошая статья о вашемъ переводѣ Дашковой.

Я вамъ напишу, когда приду.

Кстати, я послалъ къ вамъ молодого поляка, очень хорошо говорящаго по-русски.

1034. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

27 marz (1855).

Sollte es möglich sein, so werde ich heute um 4 kommen für eine Stunde—doch habe ich vieles zu thun. Wenn ich nicht komme, so werde ich Sie bitten, morgen früh zu uns zu kommen—oder kann ich zu Ihnen um 3 Uhr?

Wollen Sie einen Teil mit Alexandre durchgehen, so wird er heute um 5 Uhr kommen.

Ich habe den Boil nicht gegeben, Trübner und Leveesson geben.

¹⁾ Въ тюрьму.

²⁾ Платонъ Васильевичъ Павловъ.

³⁾ См. № 1042.

Переводъ.

27 марта.

Если возможно, я сегодня приду къ 4, на одинъ часъ, но у меня много дѣла. Если не приду, то прошу васъ прийти завтра утромъ къ намъ, или можно къ вамъ въ три?

Если вы хотите часть пройти вмѣстѣ съ Александромъ, то онъ къ вамъ явится сегодня въ 5.

Бойля я не даль, можно получить у Трюбнера и Левесона.

1035. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

Chère Malvida, voulez vous avoir encore 10... 20... 30... 100 brochures sur Worcell—je vous enverrai car j'en ai.

J'écrirai la lettre avec plaisir, mais il faut me dire ce que je dois écrire. M-me Hawks est en correspondance avec l'éditeur. Si elle lui écrivait de me demander mon avis, cela m'aurait facilité l'affaire.— Au reste je suis à vos ordres.

Toul. n'a pas encore de place, je suis mécontent de lui.

La plus grande nouvelle concernant les deux Iscander consiste en cela—j'ai reçu aujourd'hui une lettre de m. Paul qui a été à Richmond. Il dit que sur ma dénonciation de l'affaire de jeune fille—martyrisée jusqu'à la mort par le Maître de Police de Moscou—l'empereur a immédiatement ordonné de mettre le Maître de Police—sous jugement devant la cour criminelle. En voila assez pour aujourd'hui. Je demande maintenant la destitution du Gouverneur Général de Moscou. Lächerlich, und dennoch jag'ich noch den Kerl heraus.

Sie werden wahrscheinlich aus Dresden ein Paket für mich bekommen—schicken Sie es gleich hierher.

Переводъ.

(29—31 марта 1858).

Дорогая Мальвида, хотите вы еще 10... 20... 30... 100 брошюръ о Ворцеллѣ? Я вамъ пришлю, потому что у меня онъ есть.

Письмо я напишу съ удовольствіемъ, но нужно сообщить, что я долженъ писать. Г-жа Гоксъ въ перепискѣ съ издателемъ; если бы она ему написала, чтобы онъ спросилъ моего мнѣнія, то это облегчило бы мою задачу. Впрочемъ, жду вашихъ приказаній.

Тул. 1) не имѣетъ еще мѣста, я имъ недоволенъ.

1) Тулубевъ

Самая большая новость, касающаяся обоихъ Искандеровъ ¹⁾, состоитъ въ слѣдующемъ: я сегодня получилъ письмо отъ г. Поль, который былъ въ Ричмондѣ ⁴⁾. Онъ говоритъ, что, благодаря моему разоблаченію дѣла молодой дѣвушки, замученной до смерти московскимъ полицмейстеромъ, императоръ немедленно приказалъ отдать полицмейстера подъ судъ. Ну, на сегодня достаточно. Теперь я требую отставки московскаго генераль-губернатора. Смѣшно, а я, все таки, выгоню вонъ этого молодца.

Вы, вѣроятно, получите для меня изъ Дрездена ²⁾ пакетъ,— немедленно пришлите его сюда.

1036. [О гр. А. А. Закревскомъ].

Письма, полученныя нами, печальны. Партія Александра Николаевича рѣшительно не въ авантажѣ. Орловы и Панины въ Петербургѣ, Закревскіе въ Москвѣ одолѣваютъ и смѣло ведутъ Россію и царя вспять.

Середь полнѣйшей тишины, въ то самое время, какъ связь государя съ народомъ дѣлается связью не страха, а любви, заговорщики поддерживаютъ въ государѣ мысль о близкомъ мятежѣ. Въ Москвѣ Закревскій выдаетъ боевые патроны и заводитъ полицейскіе сигналы.

Когда новый оберъ-полицмейстеръ Кропоткинъ приказалъ полицейскимъ чиновникамъ обращаться вѣжливѣе съ народомъ, Закревскій сказалъ ему, что онъ нововведеній терпѣть не можетъ и что Москву надобно держать въ *ежовыхъ рукавицахъ*.

Носился слухъ, что его, наконецъ, сдадутъ на докой въ государственный совѣтъ, но совсѣмъ напротивъ: онъ на дняхъ отвѣтилъ одному генералу, спросившему его, правда ли, что онъ оставляетъ Москву?— «Я счелъ бы себя подлецомъ, еслибъ оставилъ Москву въ такое смутное время». Ужъ не пойдетъ ли и Клейнмихель опять на службу, спасать отечество?— *La patrie est en danger!* ³⁾ Миныны, Пожарскіе, да и только.

1037. [Объ усиленіи цензуры].

Вмѣсто уничтоженія цензуры, цензуры удвоили, запутали; прежде цензуровали цензоры, попы и тайная полиція: теперь всѣ

¹⁾ Александра II и Герцена.

²⁾ Отъ М. К. Рейхель.

³⁾ Отечество въ опасности!

⁴⁾ Павелъ Л. Пикулинъ.

вѣдомства будутъ цензуровать, каждое министерство приставитъ своего евнуха къ литературному сералю, и это въ то время, какъ ждали облегченія цензуры! И дѣйствительно новый проектъ былъ поданъ въ комитетъ министровъ, но Панинъ и за нимъ всѣ единоголосно (за исключеніемъ в. к. Константина Николаевича) отвергли всякое улучшеніе съ благороднымъ негодованіемъ. Право, мы начинаемъ думать, что все это дѣлается для «Колокола» и для «Поллярной Звѣзды». Заставить молчать, позволивши хоть немного говорить,—трудно и нелѣпо. Русская литература переѣдетъ въ Лондонъ. Мы ей, сверхъ англійской свободы и родного привѣтствія, приготовимъ лучшую бумагу и отличныя чернила.

1038. [Путешествіе в. к. Константина Николаевича].

Говорятъ, что въ нынѣшнемъ году Константинъ Николаевичъ ѣдетъ по Россіи осматривать все ли ладно и хорошо. Губернаторы и исправники, не имѣющіе еще офиціального распоряженія, начинаютъ уже притѣснять народъ, хлопочутъ, чтобъ скрыть отъ него Россію, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хотятъ дѣлать *новья дорожн*. Неужели и онъ позволить себѣ отвести глаза такими жалкими и грубыми фокусниками?

1039. [О тѣлесныхъ наказаніяхъ].

¿ Правда ли, что въ Москвѣ и по губерніямъ сбѣгутъ безпрерывно крестьянъ, и особенно дворовыхъ, за то, что они *говорятъ* объ освобожденіи ??? Тутъ ужъ и ума не приложишь, такъ это отвратительно!

1040. Польза отъ гласности.

Московскій полицмейстеръ Сечинскій пустилъ въ ходъ записку по дѣлу дѣвицы Янсонъ, умершей въ тюрьмѣ, гдѣ она была заключена незаконно полиціей. Дѣло это, забытое совѣстью виновныхъ, равнодушіемъ постороннихъ и преступнымъ потворствомъ начальства, поднято статью, бывшей въ 5 листѣ «Колокола». Фактъ этотъ очень важенъ. Полицмейстеръ, оправдывающійся передъ публикой,—примѣръ превосходный. Безъ сомнѣнія, онъ на это имѣетъ полное право.

Какъ же правительство и общество не понимаютъ всей пользы *гласности*? Панинъ, прочитавши въ «Колоколѣ», вытребовалъ дѣло и на первый

случай только удивился, что рѣшеніе сиротскаго суда въ статьѣ, помѣщенной нами, *списано слово въ слово*. Подождемъ, какъ онъ разберетъ дѣло, копии онъ сличаетъ мастерски. Вѣдь, министр юстиціи—генераль-прокуроръ, око царево и такъ высоко поставленное притомъ, что оно все можетъ видѣть, какъ съ каланчи, начиная съ Топильскаго и оканчивая почтенной Маріей Бредау, содержательницей «дѣвокъ вольнаго обращенія».

Сечинскій не согласенъ съ царевымъ окомъ насчетъ вѣрности изложенія, и оканчиваетъ свое оправданіе страшнымъ ругательствомъ намъ или, лучше, нашему корреспонденту (не выдумали же мы въ Лондонѣ исторію Янсонъ).

Недостатокъ мѣста въ нынѣшнемъ «Колоколѣ» заставилъ насъ отложить любопытную *пролеторію*, пущенную въ Москвѣ Сечинскимъ. Олимпийскій гнѣвъ, сопровождаемый квартальной бранью и риторикой управы благочинія, обязываетъ насъ передать ее нашимъ читателямъ. Еслибъ онъ могъ оправдаться, мы кротко приняли бы его брань и готовы были бы просить у него прощенія. Но его записка не оправдываетъ его. Если въ частностяхъ нашего корреспондента есть различія со свѣдѣніями, данными Маріей Бредау, содержательницей *публичнаго* дома, и приставомъ *частнаго* дома, то одно личное знакомство и дружба съ ними можетъ вселить къ нимъ довѣріе; мы же съ ними вовсе не знакомы, а что касается до пріятнаго ремесла Маріи Бредау, оно не вселяетъ особеннаго довѣрія.

Да еслибъ и все было правда: и строптивость характера дѣвицы Янсонъ, и незаплаченные долги, и развратное поведеніе (???) въ публичномъ домѣ, то все же она не подлежала заключенію безъ суда и смертной казни въ тюрьмѣ; но объ этомъ въ слѣдующемъ листѣ «Колокола».

1041. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 марта (1858).
Putney, Laurel house

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я посылаю вамъ мартовскій листокъ и три апрѣльскихъ ¹⁾; изъ послѣднихъ одинъ вамъ, но остальные отправьте въ плотно заклеенномъ пакетѣ à la Rédaction du Journal horticole de la Société Impériale d'horticulture. Moscou, rue Petrofska, maison Dournoff ²⁾. При этомъ не забудьте сказать, что я послалъ на этотъ адресъ *два раза*, а не одинъ; и три раза на имя Моск. Цензурн. Комитета.

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте о полученіи вашемъ и объ отсылкѣ. Пишите особо,—при газетахъ ни одного письменнаго слова.

Задали вы мнѣ задачу: кто же у васъ былъ, да только не надолго. Я взялъ «Le Nord», полученный по той же почтѣ,—вижу,

¹⁾ № 12 «Колокола» отъ 1 апрѣля былъ готовъ раньше.

²⁾ Секретаремъ Импер. Московскаго Общества Сельскаго хозяйства былъ пріятель Погодина, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ.

говорять о Коршѣ ¹⁾, ѣдущемъ за границу... Гакъ вотъ оно что, cariscol ²⁾

Здѣсь сильное волненіе: подкупленные французами судьи свирѣпствуютъ, но, съ другой стороны, общественное мнѣніе противъ нихъ и растѣтъ ³⁾.

Что будетъ, то будетъ.

Кланяйтесь Рейхелю. У насъ Илья Вас. Селив. и инженеръ Дельвиго ⁴⁾, т. е. у насъ въ Лондонѣ. Много новостей рассказывали. Селив. поумнѣлъ.

Прощайте, будьте здоровы и съ дѣтками. Что Морицъ? Напишите, въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ развивается.

У насъ всѣ здоровы, вамъ кланяются.

◆ 1. 5 апрѣля 1858 г. начальникъ II (московскаго) жандармскаго округа генераль Перфильевъ донесъ кн. Долгорукову, что Е. Ѳ. Коршъ поѣхалъ на 6 мѣсяцевъ за границу, получивъ выгодное предложеніе К. Т. Солдатенкова быть при немъ переводчикомъ. Докторъ Н. Х. Кетчеръ—«человѣкъ не безъ таланта, но раздражителенъ, рѣзокъ и даже дерзокъ въ обращеніи, что знающіе его коротко извиняють за его честность и добросовѣстность»; съ Герценомъ былъ знакомъ хорошо, «но чтобы между ними были близкія отношенія, до сихъ поръ не обнаруживается, какъ равно и съ Коршемъ». Солдатенковъ—«раскольникъ, при хорошихъ натуральныхъ способностяхъ, отъ общества съ художниками, съ литераторами, при врожденной любознательности, приобрѣлъ нѣкоторую образованность. Онъ охотникъ до картинъ, платитъ за нихъ дорого и расцѣниваетъ искусство, хотя и не научно, а инстинктивно, но довольно вѣрно. Въ чужіе края онъ поѣхалъ не столько по торговымъ видамъ, какъ по любознательности. Рожденный въ расколѣ, вѣру свою исполняетъ не строго и фанатизма не выказываетъ; по богатству и по добросовѣстности въ дѣлахъ пользуется уваженіемъ; имѣя претензію на образованность, онъ ею, такъ сказать, не щеголяетъ, сдерживаясь скромнымъ и даже скрытнымъ характеромъ, всѣмъ раскольникамъ свойственнымъ».

Рукою Долгорукова написано на этой бумагѣ: «Этотъ отзывъ возбужденъ вопросомъ моимъ, лично переданнымъ ген. Перфильеву, не находятся ли въ сношеніи съ Герценомъ Коршъ и Кетчеръ»

¹⁾ Евгений Ѳедоровичъ. ¹

²⁾ Понимаю.

³⁾ Дѣло Тхоржевскаго см. въ «Быломъ и думахъ» «Not guilty».

⁴⁾ Баронъ Андрей Ивановичъ. ²

(Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 года, I эксп., дѣло № 239, ч. 10).

2. Бар. Дельвигъ часто посѣщаль Герцена во время своего пребыванія въ Лондонѣ. «Герценъ приняль меня очень радушно, рассказываль вкратцѣ гоненія, которыя онъ потерпѣль отъ русскаго правительства... Во всемъ, что Герценъ говорилъ о Россіи, всегда была сильная къ ней любовь. Сколько разъ повторяль онъ мнѣ съ грустью о томъ, что неужели онъ или, по крайней мѣрѣ его сынъ, не увидитъ Россіи, и спрашиваль моего мнѣнія о томъ, не написать ли ему просьбы о дозволеніи сыну вернуться въ Россію, и какова въ ней будетъ участь послѣдняго. Нѣсколько разъ я обѣдалъ съ Герценомъ въ ресторанахъ и у него въ домѣ и, между прочимъ, непремѣнно по воскресеньямъ. Въ этотъ день собирались у него всѣ эмигранты разныхъ странъ, которые около него кормились, не имѣя сами средствъ къ существованію, но большей части которыхъ онъ мало довѣряль. Онъ, знакомя меня съ ними, называль своимъ соотечественникомъ, но никогда не называль по фамиліи и предостерегалъ меня, чтобы я не называль себя безъ надобности: онъ не былъ увѣренъ, что между его гостями нѣтъ шпионовъ» (Дельвигъ «Мои воспоминанія», II, 432).

Въ послѣднемъ Герценъ не ошибался: шпионы были, о чемъ ниже. Что же касается отношенія къ эмигрантамъ, то подобнаго недовѣрія быть не могло: такихъ людей Герценъ не принималъ. Могло не быть уваженія и любви, но довѣріе, конечно, было.

1042. La France ou l'Angleterre?

I.

Nous avons fait encore un pas en avant: les vieux vers la tombe, les jeunes vers la virilité.

Encore une fois le vieux monde a été ébranlé d'une extrémité à l'autre; de nouvelles fissures se sont ouvertes; l'édifice séculaire a encore une fois craqué, et s'est de nouveau et de plus en plus affaissé, et tout cela parce qu'un enthousiaste, voyant le malheur de son pays, s'est avisé de jeter sous la voiture de l'homme qu'il en croyait coupable, une bombe fulminante qui ne l'a pas atteint.

A l'Angleterre elle-même le pied a glissé; mais, heureusement, elle s'est redressée aussitôt.

Maintenant les journaux absolutistes ne parlent que d'une alliance ultra-monarchique contre l'Angleterre,— chose extrêmement naturelle et que l'on devait prévoir. On est allé jusqu'à présumer que dans cette conspiration despotique la Russie figurera à côté de la France. Nous ne le croyons pas, mais si cela était, ce serait une absurdité historique, qui, à elle seule, suffirait à montrer dans toute son étendue l'incapacité flagrante du gouvernement tel-qu'il est aujourd'hui constitué en Russie.

Cette ligue contre l'Angleterre, qui est une nécessité de position, une conséquence logique pour les autres gouvernements du Continent, serait une faute pour la Russie. La Russie a été détournée de sa voie et traînée à la remorque par la réaction européenne; cela est vrai; mais la corde s'est brisée, et la Russie reprend maintenant son cours naturel.

Avant la guerre de Crimée. il y a quatre ans, nous disions:

«Le despotisme n'est pas du tout conservateur. Il ne l'est pas même en Russie. Le despotisme, c'est ce qu'il y a de plus corrosif, de plus délétère, de plus dissolvant. Quelquefois les peuples jeunes, cherchant à s'organiser, commencent par le despotisme, le traversent, s'en servent comme d'une dure éducation; mais plus souvent ce sont les peuples retombés en enfance qui succombent sous le joug du despotisme.

«Le despotisme militaire, algérien ou caucasien, bonapartiste ou cosaque, une fois maître de l'Europe, sera nécessairement entraîné à une lutte acharnée contre la vieille société; il ne pourra laisser exister les institutions libres, les droits indépendants, la civilisation habituée à la parole, la science habituée à l'analyse, l'industrie s'érigeant en puissance.

«Le despotisme, c'est la barbarie, c'est l'enterrement d'une civilisation décrépite, et quelquefois l'étable dans laquelle naît le *Sauveur*.

«Le monde européen, tel qu'il est, a fini sa tâche; mais il nous semble qu'il pourrait finir plus honorablement sa carrière—passer à une autre forme d'existence non sans secousses, mais sans abaissement, sans dégradation. Les conservateurs, comme tous les avarés, ont eu surtout peur de l'héritier; eh bien! le vieillard sera étranglé nuitamment par des voleurs et des brigands.

«Après avoir bombardé Paris, déporté, emprisonné les ouvriers—on pensa que le danger était passé. Mais la mort est un Protée. On la chasse comme ange de l'avenir—elle revient comme spectre du passé,—on la chasse comme République démocratique et sociale, elle revient comme Nicolas, Tzar de toutes les Russies, ou comme Napoléon, Tzar de France.

«L'un ou l'autre—ou les deux ensemble—achèveront la lutte.

«Pour lutter, il faut que son adversaire ne soit pas encore terrassé. Où est donc le dernier champ-clos, le dernier retranchement où la civilisation peut livrer une bataille, se défendre, au moins, contre les despotes?

«A Paris?—Non.

«Paris, comme Charles-Quint, a abdiqué de son vivant sa couronne révolutionnaire—un peu de gloire militaire et beaucoup de police suffiront pour maintenir l'ordre à Paris.

«Le champ-clos est à Londres.

«Tant que l'Angleterre, libre et fière de ses droits, existe,—rien n'est fait définitivement pour la cause de la barbarie.

«Depuis le Dix Décembre 1848, la Russie et l'Autriche n'ont plus de haine contre Paris. Paris a perdu son prestige pour les rois, ils ne le craignent plus. Toute leur haine s'est portée contre l'Angleterre. Ils l'abhorrent, ils la détestent, ils voudraient la piller!

«Il y a en Europe des pays réactionnaires, mais non des pays conservateurs. L'Angleterre seule est conservatrice, et le *pourquoi* est tout clair: elle a quelque chose à conserver—*la liberté individuelle*.

«Mais ce seul mot résume tout ce qui est poursuivi, haï par les Bonaparte et les Nicolas.

«Et vous pensez qu'ils laisseront, eux vainqueurs, à douze heures de distance de Paris *esclave*,—Londres *libre*, Londres, foyer de la propagande et port ouvert à tout ce qui fuira les villes désertes et incendiées du Continent? Car tout ce qui doit être sauvé et peut l'être, au milieu de l'orgie de la destruction—sciences et arts, industrie et culture—tout cela sera nécessairement poussé en Angleterre.

«Cela suffit pour une guerre.

«Enfin le rêve du premier barbare moderne, de Napoléon le Grand, se réalisera.

«Quel plus grand malheur peut attendre l'Angleterre d'une Europe révolutionnaire, que du despotisme européen? Les peuples ont assez à faire chez eux pour ne pas penser à des invasions.

«Ce n'est ni l'égoïsme, ni la cupidité qui empêchent les Anglais de voir cela clairement. Disons le franchement, c'est leur ignorance et la maudite routine des affaires qui rend ces hommes incapables de comprendre qu'on doit quelquefois marcher—non par des chemins battus, mais en se frayant une nouvelle route

«Eh bien! ceux qui ont des yeux et ne veulent pas les ouvrir, ceux-là sont dévoués aux dieux infernaux. Comment les sauver?»¹

Depuis cette époque une révolution s'est opérée en Russie. Le général Février—devenu traître, comme le disait le *Punch*—a lancé, avec plus de succès qu'Orsini, sa bombe d'Eupatoria, et, par un «heureux hasard», la couronne impériale est tombée sur la tête d'un monarque qui a compris qu'il était au bord d'un gouffre, vers lequel Nicolas avait attiré un peuple jeune et robuste, —gouffre d'abus, de vol, de désordre, d'arbitraire, où était menacée de se disloquer la machine immense de l'empire russe.

Alexandre II a vu qu'il n'y avait de salut que dans un grand travail intérieur, travail de développement, de réforme, qu'il a osé entamer.

Dans cette situation, quel intérêt peut-il avoir à soutenir le despotisme continental contre la liberté insulaire?

Il est très concevable que le souverain d'une agglomération mécanique et forcée de parties hétérogènes, s'allie à Bonaparte, pour écraser

¹ *Le vieux monde et la Russie*. Lettre à W. Linton, Esq., par A. Herzen pag. 22—25.

de concert les derniers vestiges de toute indépendance. Si François Joseph ne le fait pas, c'est qu'il se méfie de Louis Napoléon à l'endroit de la question italienne. Cette politique, de la part de tous les monarques européens, est concevable; quoique, à vrai dire, ce complot de police oecuménique, vu l'état de parfaite prostration des peuples, ne soit qu'une affaire de luxe. Mais ils sont liés au sabot qu'ils ont mis à la grande roue de l'histoire, et ils ne peuvent s'en débarrasser.

La Russie, elle, n'a absolument rien à faire dans tout cela; la seule chance qu'elle y puisse courir, c'est de se heurter contre la borne et de se voir arrêtée dans sa nouvelle marche. Ce n'est pas par le mutisme, l'inquisition, les déportations, et le knout que les réformes peuvent s'accomplir.

La Russie est dans une position tout exceptionnelle. Elle n'appartient pas à l'Europe. Elle n'appartient pas à l'Asie. Un changement de dynastie en Chine n'implique pas une intervention de sa part. La chute de Bonaparte et l'avènement au trône de France de Baroche ou de Péliissier, ne pourrait ni affaiblir ni raffermir la puissance du Tzar. La Russie, en un mot, forme à elle seule une nouvelle partie du monde, qui se développe à sa manière, s'assimilant la civilisation occidentale par la couche supérieure, et restant parfaitement nationale à la base.

La tâche de Pierre I et de Catherine II est accomplie. Ils sacrifièrent tout, et en première ligne le bonheur du peuple, pour fonder l'Empire russe, pour organiser l'État fort, et pour en faire un État européen. Toujours ils s'efforcèrent de mêler la Russie aux questions de politique intérieure des États européens, et d'élargir l'influence diplomatique du nouvel empire. Il y entraît, outre la convoitise, un peu de l'amour propre des parvenus, et c'était avec ostentation qu'ils voulaient prendre part aux affaires des vieux aristocrates du Continent.

Et pourtant, malgré tout, l'empire moderne, commençant par la négation de sa propre tradition, était une création du XVIIIème siècle. On y sentait le souffle de la révolution passant au dessus d'une nation écrasée et somnolente.

La solidarité d'un crime lia bientôt de plus en plus le gouvernement russe au despotisme le plus vieux en Europe, et au plus jeune de tous,—à l'Autriche et à la Prusse. Après le partage de la Pologne et les nouvelles «horribles» de la France révolutionnaire, Catherine II jeta franchement le masque du libéralisme. et apparut enfin, ce qu'elle était effectivement: une vieille Messalina sans coer, une Lucrece Borgia,—avec la lymphé allemande dans les veines.

Son fis, moins astucieux, reprit avec un mesquin pédantisme de caporal le rêve de sa mère, et se crut le protecteur des monarques. Paul I donna le spectacle hideux et ridicule d'un Don Quichotte cou-

ronné, opprimant tout, knoutant tout, avec rage, avec fureur. Il n'était pas même supportable pour les ci-devant mignons de Catherine.

Mais ce qui est assurément très remarquable, c'est que Catherine II et son fils n'eurent absolument rien de russe, rien de national. Le patriotisme frelaté de Catherine ne fut qu'une des armes dont elle se servit pour tuer le bon Holstinois, son mari. L'éducation cellulaire qu'elle donna à son fils-rival, à son fils—ennemi naturel de la mère, qui lui avait volé la couronne, en fit un Caspar Hauser du palais impérial. C'était un produit artificiel et morbide des sérails d'hommes et des salles d'exercice. Pas un trait naturel de caractère russe dans ce Grand-maître de l'ordre de Malte.

Alexandre I, appelé à une grande lutte qui causa le réveil du peuple et commença une nouvelle époque, ne pouvait pas, et, ajoutons-le, ne voulait pas continuer le rôle de son père. Il était réservé à Nicolas de reprendre frénétiquement ce rôle. Ghevaïer de la triste figure, lui aussi, il lutta trente ans avec un fantôme; mais malheureusement ses coups portaient sur la poitrine réelle de ses sujets. Nicolas s'occupa, jour et nuit, pendant plus d'un quart de siècle, à punir l'insurrection de 1825, et le soulèvement de la Pologne de 1831. Sa manie, sa folie de réaction, alla jusqu'à mettre, au mépris des traités, et comptant sur l'humilité de l'Europe entière, la main sur des cités libres, et à les offrir ensuite comme pourboire à l'Autriche. Pour soutenir le principe de l'autocratie du plus proche ennemi de la Russie, il fit un guerre mortelle à un peuple ami, et lui-même, dit ensuite à Olmütz, en montrant la statue de Jean Sobieski, «Nous sommes, lui et moi, les deux Slaves les plus fous: nous avons sauvé l'Autriche!»

Pendant les trente ans que dura ce règne néfaste, la Russie n'exista pour les autres peuples que comme une brosse de baïonnettes qui se hérissait au moindre souffle de liberté, au moindre cri d'indépendance. Les deux cent mille baïonnettes prêtes à passer la frontière pour la sainte cause de l'ordre et de la police — comme les célèbres deux cent mille ouvriers de Paris qu'on faisait prendre part à chaque démonstration—étaient dans la bouche de tous les réactionnaires; et dès qu'un micro-prince allemand était mécontent de ses deux ou trois braves bourgeois, il faisait dire par son premier ministre à ces pauvres diables de Schoultze et de Müller, que les deux cent mille baïonnettes russes s'avançaient vers la frontière. Et derrière les baïonnettes, on voyait la figure sombre, boutonnée, de Nicolas, avec ses énormes bottes et son regard fauve, que le négrier Douglas a trouvé si doux.

Par ce chemin Nicolas est arrivé non seulement à faire haïr et détester le nom russe, mais encore à désorganiser complètement la

Russie, à la réduire à cet état déplorable que nous avons très bien constaté pendant la guerre de Crimée.

Tous les vrais Russes bénissent la paix de Paris. Cette guerre et cette paix ont humilié la fiction impériale. L'hypèbole s'est dissoute en fumée, et la triste vérité a commencé à paraître s'élevant comme un reproche des ruines de Sébastopol.

Dès lors le paysan de la Mer Blanche sut, aussi bien que le cosaque de la Mer Noire, que la Russie ne manquait ni de courage, ni de dévouement, ni de moyens, mais qu'on avait été battu parce que l'âme, l'organisation, le centre intelligent, *l'ordre* manquait. Oui, en tout opposé au citoyen Marc Caussidière, Nicolas avait fait *du désordre avec l'ordre*. Il s'en aperçut trop tard et en mourut de honte.

Il n'y avait que deux voies pour son fils.

Il pouvait devenir un persécuteur implacable, refouler encore plus la pensée et la parole, punir les larmes, arracher le dernier jeune homme à sa famille et l'envoyer se faire tuer, frapper de nouveaux coups sur le dos sanglant de son peuple, jeter des générations entières en Sibérie, et maintenir ainsi pendant quelques temps une tranquillite de *tetanus*, qui se terminerait par une explosion telle, que l'Empire éclaterait au milieu du chœur d'une Jacquerie universelle. Il ne l'a pas voulu.

Dès lors, la seconde route était toute tracée,—route de développement, des réformes, d'émancipation;—aussi le progrès qu'a fait la Russie dans les trois années du règne d'Alexandre II est-il immense. Tout commence à se mouvoir; les muscles, raidis par la camisole de force, s'étendent. Les questions de la plus grande vitalité se posent. La Russie entre avec tranquillité dans une révolution économique.

Et l'on vient, au milieu de tout cela, nous parler d'une alliance Française, au nom du despotisme s'acharnant contre le seul refuge de l'indépendance, de la liberté!.. mais cela n'a pas le sens commun.

Tout ce que vous voudrez, Sire, mais pas d'alliance avec Bonaparte.

Je n'ai pas la moindre intention de faire une attaque personnelle contre l'Empereur des Français,—loin de là: je l'envisage lui-même comme un instrument fatal; je vois sur son front une marque tragique, un signe noir à travers les rayons rouges de sang de la gloire de son oncle.

Il est l'élu de la Mort,—son représentant.

Les Bonapartes—comme les Césars—ne sont pas des causes, mais des effets, des symptômes. Ce sont les tubercules sur les pommons d'une Rome lorsqu'elle a fait son temps. C'est une maladie de caducité, de marasme; c'est la force de la crispation, l'énergie insensée de la fièvre.

Le Bonapartisme ne procède que par la mort. Sa gloire est toute de sang, toute de cadavre. Il n'a pas de force créatrice, pas d'activité productive; il est éminemment stérile: tout ce qu'il a produit n'est qu'illusion, rêve; cela paraît, cela n'est pas; ce sont des fantômes, des spectres: empires, royaumes, dynasties, ducs, princes, maréchaux, frontières, alliances... attendez un quart-d'heure: tout cela n'existe pas; ce sont des contours des nuages. Ce qui est réel, c'est la terre d'Espagne engraisnée par les cadavres français; ce sont les sables de l'Égypte parsemés d'ossements français; ce sont les neiges de la Russie rougies par le sang français.

Le Bonapartisme, remarquez-le bien, n'a, comme le délire, ni but ni principe; c'est une contradiction, un bal masqué. Quand il chante, il chante un non sens: «Partant pour la Syrie!»

Que voulait Napoléon?—questionné par le naïf Las-Cases, il n'a jamais pu formuler une réponse plausible;—A quoi bon la campagne d'Égypte?—L'Orient, c'est un beau piédestal, un fond de tableau magnifique. Et la guerre atroce d'Espagne? Ah! c'est que l'Empire, c'est la révolution couronnée; c'est l'affranchissement des peuples. Ecoutez le poète du Bonapartisme:

«Les nations, reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats.»

Ceux qui s'évertuent à expliquer d'une manière raisonnable les orgies d'assassinat qui firent la gloire de la France au temps de l'Empire, ne trouvent rien de mieux que de dire que Napoléon faisait la guerre pour occuper les esprits en France. Y a-t-il quelque chose de plus cyniquement immorale, de plus monstrueux que cette explication? Tuer des hommes pour distraire les autres; anéantir des générations pour substituer, chez celles qui restent, aux idées du progrès social—des hallucinations de gloire sanguinaire, l'apothéose du carnage, et l'amour illimité—de la légion d'honneur?

Oui, c'est le despotisme de la fin, de l'index. Métastase de la Révolution, il n'est que destructeur, tuant ensemble et la Révolution et la tradition; 89 par l'église, et l'église par 89; tuant enfin le suffrage universel par l'élu. Il inocule la mort. Il a failli perdre l'Angleterre par son attouchement: il n'y a pas de santé qui tienne contre une goutte de sang malade.

Prenez garde à vous, Sire, et ne mettez pas, par dépit et rancune contre un récent ennemi, la Russie—cette jeune et robuste paysanne—dans le lit d'un vieillard usé. Le David gaulois peut mourir sans elle.

Entre les deux alliances, l'alliance anglaise et l'alliance française, il n'y a, raisonnablement pas, à hésiter pour la Russie.

L'état dans lequel se trouve l'Occident n'a jamais été plus simple. Cette simplicité même est un signe alarmant. Tout ce qui est plein de nerfs, de sève, de vie, de force, est très-compiqué, très-embrouillé; c'est ce que nous pouvons voir en examinant le pays le plus vivant, le plus vivace de l'Europe, l'Angleterre.

L'alternative de ces deux alliances est donc d'une clarté extraordinaire.

L'alliance française,—c'est la ligue du despotisme contre l'Angleterre; c'est la guerre, le retour à la barbarie, le coup de grâce donné à l'Europe. Quel avertissement sinistre que la haine implacable, stupide, et heureusement impuissante, de Napoléon I pour l'Angleterre — c'est un des plus beaux titres de la fière Albion. L'instinct astucieux du grand condottiere lui disait bien que rien n'est stable pour le Césarisme tant que l'Angleterre existe indépendante de la France. Et c'est à cette œuvre de dissolution sociale dans la servitude, que la Russie, à peine éveillée à une nouvelle existence, irait prêter le secours de son bras. Elle couperait court aux réformes, remettrait les chaînes aux paysans, écraserait les germes qui palpitent, ferait de ses champs un caravansérail de hordes disciplinées pour la destruction, et tout cela pour se ruer sur l'Europe, s'unir à d'autres hordes carnassières, et, tous ensemble, Kalmouks et Zouaves, se précipiter sur l'Angleterre, au cri de «Mort à la liberté!»

L'alliance avec l'Angleterre, au contraire, n'est point une ligue contre la France. L'Angleterre n'attaque pas. Elle n'a plus cet héroïsme des chasseurs bibliques, des bandits du moyen-âge, des reîtres et lansquenets de tous les temps. L'Angleterre aime la paix, parce que la paix c'est le grand loisir du travail. S'allier avec l'Angleterre, c'est donner à entendre que la Russie n'a rien à craindre de la liberté, qu'elle n'est solidaire de rien sur le continent. C'est arriver enfin à reconnaître, de part et d'autre, que les deux pays n'ont rien à se disputer et peuvent immensément s'entraider. N'est-il donc pas temps d'anéantir ce spectre illusoire d'une rivalité, qui n'a d'autre base que l'ignorance de la géographie? Peut-on, après la campagne de Crimée, sérieusement croire que la Russie ira entreprendre de vaincre des difficultés presque insurmontables pour pénétrer aux Indes; et, après la promenade Baltique, peut-on penser que l'Angleterre entretiendra des flottes exclusivement pour empêcher la civilisation américaine d'entrer en Sibérie, par la seule voie possible — l'Amour? — Mais ouvrez donc une carte.

Et ce n'est pas tout. L'Angleterre est l'unique, la seule école qui

nous convienne. Grand peuple, avec une petite armée et de vastes conquêtes, elle nous déshabituera des uniformes, des parades, de la police, de l'arbitraire. Pays sans centralisation, sans bureaucratie, sans préfets, sans gendarmes, sans restriction de la presse, sans entraves au droit de réunion, sans révolutions, sans réaction: tout le contraire de la Russie et de la France. Et quel rôle que le sien! Après la chute et la décadence du Continent, seule, debout, la tête haute, tranquille, pleine de sécurité, elle regarde, du milieu des vagues, le sabbat hideux, la danse macabre de la mort et des commissaires de police.

Oui, c'est encore, comme le dit le vieux Gaunt, «le diamant enchassé dans l'argent de la mer». Il commençait un peu à perdre de son eau, de son éclat; mais on était tellement habitué au teint noirci par les siècles, de tout ce qui est Anglais, que la rouille du moyen-âge, semblable à la mousse qui couvre la bouteille, ne parlait pas seulement de la vieillesse, mais aussi de la force.

Il fallait cependant avoir eu un moment de terrible vertige pour se laisser entraîner, par de piètres faiseurs de coups-d'état à la Française, par de mauvais copistes de grands criminels, vers l'outrage fait à ses droits les plus précieux.

Je ne suis nullement Anglomane. Je suis tout simplement un Russe qui a abandonné sa patrie pour la liberté. Habitué aux voyages, je ne tiens nullement au degré de latitude ou de longitude. Ne prenant part à aucune conspiration, je n'étais en aucune façon menacé par la *loi sur le meurtre... des lib-tés anglaises*. Et quand même... j'aurais pris ma presse sous le bras, et me serais embarqué pour New-York. Mais, je l'avoue, après la première lecture de la loi sur la suspension de l'inviolabilité personnelle en Angleterre, mon cœur se serra. Je fus terrifié, abasourdi. C'est alors que je compris que *j'aimais l'Angleterre!*

Mais, pensais-je, sont-ils donc fous? Est-ce qu'ils ne savent pas ce qu'ils votent? Comment il suffira de deux espions, de deux parjures de profession, pour donner à la police le droit de fouiller la maison d'un Anglais, ce sanctuaire, ce «noli me tangere», cette forteresse, pour le salut de laquelle le pays a souffert joueurs, banqueroutiers, prostituées, voleurs... que sais-je encore. Et maintenant on ouvre une porte basse pour les mouchards!

Le jury acquittera.. c'est possible; mais les papiers fouillés, les secrets de famille salis par la main des espions, et, par dessus le marché, la prison préventive! Cette loi, à elle seule, était un coup-d'état, un 2 Décembre masqué, un suicide, un parricide véritable. Pour punir l'intention d'un meurtre, on donnait par derrière, un coup de couteau à la *Common law*.

Quels jours de malheurs avons-nous donc à voir encore? et quelle triste existence que de passer ainsi d'un enterrement à un autre. Le deuil pour la France—comme les souliers de la mère d'Hamlet—n'était pas encore usé, et déjà on flairait l'encens funéraire d'un autre côté, et on semblait entendre les sons lugubres du Requiem:

«Dies irae, dies illa»,

«et, Juif errant, je me préparais à partir.

Mais l'Angleterre se releva. Elle rejeta non seulement la loi, mais les conspirateurs. Et ce ne fut pas le Parlement seul qui se souleva. Dans les plus grandes cités et dans les moindres carrefours, sur les places publiques et près de l'âtre de la famille, un cri d'indignation se fit entendre, traversant l'île d'un bout à l'autre; et un cri d'horreur vint le corroborer lorsque les Anglais virent la terre libre de leur patrie couverte d'une vermine d'espions à moustaches, figures patibulaires des prostitués de l'ordre continental.

L'exaspération était telle que, dans les rues, les gamins poursuivaient tous les étrangers du cri de «*French spy!*» et cela avec accompagnement de grognements et quelquefois de boue. Ils me l'ont crié, à moi.—Et comme, au fond du cœur, je les en ai remercié!

Un peuple qui sait haïr la police politique—est libre à perpétuité. Ce n'est pas en vain que la reine Elisabeth nommait l'Angleterre *Commonwealth!*

II.

La Révolution est française. Le Socialisme,—son dernier mot et son idéal, a été élaboré par les penseurs français, au milieu des souffrances du prolétariat français.

Je ne veux pas dire que les prolétaires des autres pays aient moins souffert, ou que des penseurs d'autres nations n'aient eu des idées de régénération sociale très-prononcées.—Robert Owen est Anglais. Mais c'est en France que le prolétaire a non seulement souffert, mais en a eu conscience, et a compris que cela n'était pas seulement un grand malheur, mais aussi une grande iniquité. C'est en France que le Socialisme, de passion qu'il était du temps de Gracchus Babœuf, se fit religion avec St. Simon, doctrine avec Fourier, philosophie avec Proudhon.

Y a-t-il là une raison suffisante pour conclure que la régénération sociale, annoncée en France, se réalisera aussi en France?—Nous ne le pensons pas. Mais, nous nous hâtons de le dire, si cela n'est pas logiquement nécessaire *cela peut-être*. Cela dépend, en première ligne,

de la manière dont la France sortira de la crise présente et de sa prostration actuelle.

Elle en sortira peut-être comme un phénix glorieux, transfigurée, rajeunie, et entraînant les vieillards du monde Romain à une troisième existence; ou, c'est aussi possible—ne trouvant plus de forces régénératrices, elle fera de son programme un testament qu'elle laissera, comme sa dernière volonté de grand peuple, aux autres races, aux autres pays. Ainsi Jérusalem léguait l'Évangile au monde, ne se réservant que l'espérance éternelle de rebâtir demain le temple de Solomon!

Cette question est très grave, très difficile. Mais le doute est déjà un grand pas en avant, et l'affranchissement de la foi aveugle dans l'avenir révolutionnaire de la France, pourrait bien être le véritable commencement de cet avenir.

Nous n'avons pas à cette question de réponse toute faite. Nous ne tirons pas d'horoscopes. L'avenir est variable. La seule chose raisonnable que nous puissions faire, c'est de constater les conditions dans lesquelles une régénération sociale est possible pour une nation, et les crises, les catastrophes, les phases par lesquelles elle doit passer.

Or, une grande autorité dans les palingénésies sociales a dit: «Il faut mourir dans le vieil Adam, pour renaître dans le nouveau; c'est par la fosse qu'on va à la résurrection: le baptême par l'eau (le changement d'étiquette—Monarchie, République) ne suffit pas».

À côté de ces paroles, il y a un exemple. C'est la Rome des Césars passant par la mort pour devenir la Rome des Papes.

Rome faisait beaucoup de révolutions; elle changeait souvent de peau; mais avec Marius et Sylla, avec le Sénat et Jules César, avec Néron et Marc-Aurèle, elle restait la Rome antique. Devant le Christianisme le vieil édifice dû s'écrouler pour être rebâti. Il n'en resta pas pierre sur pierre. Tout passa par la mort, et en sortit transfiguré.

Au lieu des arcs de triomphe, attendant avec leur «Ave César» les légions victorieuses... des processions de moines allant s'agenouiller devant un gibet romain. Au lieu de l'aigle carnassier des Césars... l'Esprit saint sous la forme d'une colombe.

Lorsque Rome fut mûre pour la tombe, un homme vint, qui, possédant toute la culture antique, dit à ces orgueilleux *Cives Romani*, qui ne s'estimaient qu'à cause de ce titre, «Allez... vos vertus sont, pour nous, des vices brillants. Notre sagesse est folie pour vous». Et il ne fut pas lapidé. Au contraire, on l'écouta avec stupeur et tristesse.

Dès lors il n'y avait plus d'accommodement possible. Il fallait

exterminer les Chrétiens ou ensevelir la vieille Rome. Il n'y avait pas de *mezzo termine*. St. Augustin ou Julien l'Apostat, devait seul rester vainqueur.*

La lutte dura des siècles. Siècles de misères et de souffrances sans bornes. Pendant ce temps le grand travail se faisait. Tandis que l'Empire, avili, en démençe, rongé par la pourriture au centre, meurtri, roué de coups aux frontières, tombait en lambeaux—le prêtre, le moine, tranquilles, n'ayant rien à perdre, rien à enterrer, émancipés du culte traditionnel, continuaient leur propagande.

Si on ouvre les écrits des premiers pères de l'Église, on est tout étonné de trouver entre les *vieux* et les *nouveaux* Romains une différence complète. Pas de trace, chez ces derniers, de ce chauvinisme qui rendait les citoyens de la ville éternelle si insolents envers les autres peuples; pas de trace de cette jactance frivole qui portait les Romains à s'admirer comme le *grand peuple* de l'antiquité; pas de trace de ce patriotisme avide et exclusif qui poussait les Romains à applaudir avec frénésie à chaque victoire et à tout pardonner aux Césars, pourvu qu'il y eût un peuple sanglant et égorgé à genoux devant les légions invincibles.

Vae victis! tout abandonne la cité impériale, la vieille Rome décrépite, et passe à l'ennemi. La pensée sérieuse, le génie poétique, le talent fougueux et entraînant, tout se livre aux évêques et aux prêtres—ces anarchistes des premiers siècles. Rome n'a plus de grands auteurs; elle n'a que des stylistes. La rhétorique emporte le fond. Les gens, n'ayant rien à dire, ne font que parler. Pour cacher l'absence de l'initiative, la pauvreté de la pensée, ils remplissent de fioritures l'immense vide qui pèse sur eux, comme un reproche, comme un remords. C'est au point que si le semi-laïque Apollonius Sidonius nous intéresse encore, c'est uniquement parce qu'il a décrit les mœurs de son temps, et que nous pouvons suivre, avec une excitation toute nerveuse, dans ses récits, les progrès de la mort, les convulsions d'une civilisation qui agonise.

Lorsqu'un peuple vise dans ses paroles à l'effet, parle par des phrases faites, et avec un étalage intempérant de grands mots, qui vous laissent froid comme glace, il est en pleine décadence, en plein Bas-Empire.

Les peuples de l'Orient qui, sans doute, peuvent aussi avoir, un jour, leur régénération, ne parlent, dans le lourd sommeil de leur enfance sénile, que par des exagérations, et en remplaçant le sens par l'expression, et le sujet par des adjectifs...

Le Socialisme n'exige pas moins d'une nation chrétienne que le Christianisme n'exigeait de la Rome polythéiste. Il ne demande pas

moins, au soldat, au bourgeois, au citoyen, que ne demandait l'homme sans pays, sans origine, humble et pauvre, prêtre vagabond et mendiant, au patricien conservateur — si orgueilleux avec ses clients et si servile avec l'Empereur — esprit fort en laticlave, qui baisait pieusement l'anneau portant l'effigie de César-Dieu.

La question que nous avons posée, n'est pas de savoir — si la *vieille France* a fait son temps. Cela est hors de doute. La question se pose plutôt dans les limites où Hamlet renfermait la sienne. Ce qui l'intéressait, ce n'était pas la mort, mais le rêve qui viendra après la mort.

Au point où en sont les choses, nous pouvons encore admettre le beau rêve de la transfiguration sociale. Mais le sommeil lourd du dépérissement devient de jour en jour plus probable; et, dans ce cas, la France entrerait insensiblement, peu-à-peu, sans secousse, et tout en gardant les formes extérieures de la vie et de la civilisation, dans l'ennuyeux *semper idem* de la vieillesse — corrompue et servile, comme celle de Byzance, ou sèche, raide, grave, imposante par la forme et stationnaire par le fond, comme celle de l'Espagne.

Ce n'est pas exclusivement l'état actuel de la France qui rend possible cette hypothèse. Nous l'avons dit, Bonaparte est un effet, et non une cause. C'est le châtement si l'on veut, mais la faute est ailleurs.

L'Empire ne durerait pas deux jours s'il ne trouvait un point d'appui quelconque dans le caractère français. Il correspond nécessairement à des éléments parfaitement nationaux. On dira tout ce qu'on voudra, l'élection du 10 Décembre 1848 fut libre et populaire.

La France est belliqueuse, militaire. Elle aime l'étalage de la puissance, les mesures extraordinaires qui immolent l'individu à l'État, l'homme à l'idée. C'est plus qu'il n'en faut pour le Césarisme. Peut-on, au contraire, imaginer, par exemple, une Angleterre bonapartiste?

On dit pourtant que depuis quelque temps un grand changement s'est opéré dans l'esprit populaire en France. La docilité passive indique en effet un travail intérieur; mais nous avons peu de faits pour déterminer ce changement.

Il y a cependant un moyen très-simple d'apprécier le lot de Dieu et le lot de César en France; le voici. Le régime abrutissant de l'Impérialisme est détesté; car la France n'aime que la poésie du Bonapartisme et non sa prose. Après tout, il n'y a pas de pays au monde qui courbât la tête sous le joug par amour pour la tyrannie. Toute la différence consiste en ceci, qu'un peuple souffre l'esclavage, pour un plat de lentilles ou pour autre chose, tandis que tel autre peuple ne s'en accommoderait pour rien au monde. Or, il y a une minorité de républi-

cains, de socialistes qui protestent avec énergie contre l'oppression sous laquelle la France est écrasée. Cette minorité doit nécessairement être contre tout ce qui peut corroborer la puissance de Bonaparte et des Janissaires qui le soutiennent. C'est évident.

Il y a quelques jours tout le monde a entrevu la possibilité d'une guerre entre la France et l'Angleterre.

L'Angleterre maintenant avec fermeté sa liberté et le droit d'asile, «The Empire espionage»¹ du *Times* ne peut tolérer près de la France un reproche si vivant et si accablant; et, dès qu'il se sentira assez fort, Bonaparte fera la guerre à l'Angleterre. Chacun à sa place en ferait autant.

Je voudrais savoir, maintenant, quelle partie de la minorité française fera des vœux pour le succès des hordes zouaves en Angleterre, et quelle autre regardera avec horreur cet attentat contre la liberté menacée de mort dans le dernier coin de l'Europe, et applaudira aux Waterloo futurs? Remarquez qu'il ne s'agit que de la minorité: quant à la majorité, on peut être sûr qu'elle verra avec enthousiasme l'humiliation de la *fière Albion*.

Eh bien, les hommes qui préfèrent la gloire militaire de leur patrie à la liberté, n'aiment pas la liberté. Ce sont des Romains de l'ancienne Rome, des braves de la grande armée; ce sont les derniers Abencérages, les derniers Mohicans... tout ce que l'on voudra; mais ce ne sont pas les hommes du nouveau monde.

On peut appliquer successivement cette épreuve à des séries de questions du même genre. Le résultat sera presque toujours le même.

La peau du vieil Adam tient d'autant plus fort qu'il ne s'en aperçoit pas. Le Français, convaincu qu'il est révolutionnaire et qu'il marche à l'avant-garde de l'humanité, n'a pas de préoccupations. Il est content de lui-même, et s'il a perdu son chemin, et revient sur ses pas, il ne s'en rend pas compte. C'est justement ce qui nous fait penser que les Français devraient entreprendre un grand travail de remue-ménage intérieur, d'analyse psychiatrique. Cela leur serait si facile, ayant parmi eux de graves penseurs qui regardent, pleins d'amertume, tout ce qui se passe. Mais on ne les écoute pas. Ils sont trop peu patriotes, trop peu dans la tradition révolutionnaire, trop indépendants d'elle.

C'est là qu'est le mal: car c'est peu de renier la France monarchique et féodale;—elle n'existe presque pas. Il faut s'émanciper de la France de Béranger. C'est peu de ne pas sympathiser avec la St. Barthé-

¹ «The Empire is espionage, its incarnation is a moucharde».—*The Times*, 15 th March, 1858.

lémy, il faut aussi ne pas sympathiser avec les journées de Septembre. C'est peu de ne pas vouloir se venger de Waterloo, il faut ne plus se complaire dans le souvenir d'Austerlitz.

Heureusement, plus que pour tout autre peuple vieux dans l'histoire, il est facile pour la France d'entrer dans une autre phase, et c'est un immense avantage qu'elle a. L'Angleterre, par exemple, comme les énormes chataigniers de ses parcs, tient à son sol par des racines qui vont se ramifier et se perdre dans les profondeurs de la terre. Par un travail séculaire, elle a accumulé des richesses immenses; l'alliage n'est pas séparé de l'or, et elle tremble de les séparer, craignant que le métal ne lui échappe. La France, au contraire, n'a rien de définitivement acquis. Elle n'a fait que secouer d'une main vigoureuse la poussière gothique et la poudre de Versailles, elle n'est pas entré dans un état normal depuis 89, et elle est encore en proie à toute agitation convulsive, à toute incohérence de la lutte qui a, déjà deux fois, abouti à une négation complète de tous les droits. Aimant l'émeute et la centralisation, dénuée de l'instinct de la liberté — et voulant émanciper les autres peuples, intolérante au nom de l'indépendance, la France n'est pas arrivée à fixer les points cardinaux de son édifice social. Ayant eu une coalition formidable à combattre, distraite par la guerre, elle a perdu dans les victoires toutes les acquisitions de 1789. Elle a confondu la révolution avec la guerre, et ayant une fois voilé la statue de la liberté, elle n'a plus ôté le voile.

De génération en génération elle se lève, tient ses assises, reprend son alphabet de droit, le revise et puis l'oublie. Elle n'a pas de *Credo* de Nicée adopté une fois pour toutes; elle n'a pas de *Common law*; elle n'a pas de principes fondamentaux reconnus: non, rien de pareil. Les Français recommencent chaque fois par le commencement. «Quels sont les droits imprescriptibles de l'homme? — Est-ce que la liberté de la presse est un droit imprescriptible? — Est-ce que le droit de réunion doit être garanti?» Toutes ces questions, impossibles en Angleterre depuis Cromwell, en Amérique depuis Washington, sont posées en France à chaque changement de gouvernement.

Les solutions les plus excentriques sont quelquefois données à ces questions primaires; mais elles n'étonnent pas, et même on les accepte. «Oui, les hommes peuvent se réunir si leur nombre ne dépasse pas 21. — Non, ils ne peuvent pas se réunir si leur nombre dépasse 21». Sur ce arrive une révolution, et de nouveau: «Quels sont les droits imprescriptibles de l'homme? — Est-ce que la liberté de la presse est un droit imprescriptible? — Est-ce que le droit de réunion doit être garanti?» — on change le dictionnaire, et le vieil ordre de choses renversé reparait aussitôt sous un autre costume. Cela me rap-

pelle la farce qu'on jouait au Vaudeville, en 1848,—*La propriété c'est le vol*. Proudhon arrivait pour proclamer une nouvelle loi. Art. I. — Les agents de change sont abolis. Art. II.—Les agents de change sont rétablis sous le nom d'agents d'échange.

Si on veut suivre le fil rouge qui passe à travers les *corsi e ricorsi* révolutionnaires, on trouvera un élément constant dans toutes les variations, même dans les plu contradictoires; c'est le vieux péché romain — c'est le grand ennemi de la liberté — le *gouvernementalisme*, la réglementation d'en haut, l'imposition forcée par l'autorité. Chaque nuance qui arrive au pouvoir devient aussitôt Église, et—malheur aux schismatiques. Rien n'est laissé à l'individu; ses croyances, ses vertus, ses convictions, tout est ordonné par l'État. Des idées philosophiques sont proclamées sous forme de loi civile. On reconnaît l'Être suprême par un décret. On oblige les gens à se tutoyer sous peine d'être suspects, et à être fraternels pour se mettre en règle avec la police. On intime l'ordre de croire à l'immortalité de l'âme... et ce n'est pas tout: on prend cela au sérieux; on obéit, et on punit les réfractaires.

Quel amour effréné du pouvoir a dû se développer dans ces circonstances, et aussi quel profond mépris pour l'individu! Peut-on trouver étonnant que Louis XIV, ayant passé par le bonnet phrygien, soit devenu Napoléon.

Cet état de fluctuation, d'incertitude de l'alphabet social ne peut plus durer. L'Empire est là, exterminant la pensée et l'aspiration, persécutant le regret et la douleur, écoutant aux portes et regardant par les fentes, corrompant, achetant, à prix d'argent et de croix d'honneur. Si on le laisse faire, chez un peuple qui n'a que des notions contradictoires sur le droit, pendant une ou deux générations, il sera peut-être trop tard pour la guérison.

D'un autre côté le despotisme centralisé est toujours prêt à s'écrouler. Ce que Caligula désirait pour Rome, s'est accompli à Paris,— la France n'a qu'une tête. L'Empire met tout en enjeu sur une seule carte, qui peut sauter par une dépêche d'Eupatoria, par une bombe d'Orsini, ou par le choléra du bon Dieu.—Et alors s'ouvre un champ immense.

Arrivée à ce point, la France peut-elle sortir—nouvelle Minerve toute armée de la tête fendue de cette larve qui l'enserme? — Nous l'espérons. Mais, dans tous les cas, elle n'en sortira pas sans avoir passé par le purgatoire d'une éducation bien différente de celle qu'elle a reçue jusqu'à ce jour. Il faut abjurer ses vieux péchés; il faut s'émanciper de la maison paternelle ou s'ensevelir sous ses ruines.

Cette éducation sera-t-elle longue?

Rome eut besoin, pour se régénérer, de quatre siècles de Césa-

risme avant Constantin, et de quatre encore après. Mais avec un conducteur comme le César actuel, on est sûr de faire un chemin rapide.. Et puis... *de nos jours, les morts vont vite!*

20 Mars 1858. Putney.

. L'auteur promet de nous donner, dans quelques semaines, une ou deux autres variations. Ces articles seront publiés dans le journal russe le *KoloKol*, qui paraît à Londres, tous les quinze jours, sous la rédaction de M. Iscander.

Франція или Англія?'

Русскія варіаціи на тему 14 января 1858.

Брошюру эту, напечатанную по-французски шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я тогда хотѣлъ помѣстить въ «Колоколѣ», но время прошло, а перевода не было сдѣлано.

На дняхъ г. С. Тхоржевскій получилъ переводъ и спрашивалъ моего мнѣнія, печатать ли его. Изданіе этой брошюры на русскомъ языкѣ я не считаю бесполезнымъ, несмотря на то, что событія, совершившіяся съ тѣхъ поръ, такъ ясно подтвердили мнѣнія, нами высказанныя, что самая возможность сомнѣнія становится непонятной. Кто и теперь еще не разглядитъ, что представляетъ Франція и что представляетъ Англія, тотъ не близорукъ, а просто слѣпой или чловѣкъ, забытый доктриной.

Все въ Европѣ идетъ съ поразительной быстротой къ пятому дѣйствию: мы въ антрактѣ, и занавѣсъ уже вполонину поднялась, и прологъ былъ сказанъ; остается ждать развязки, актерамъ итти на сцену, а намъ, зрителямъ, смотрѣть на игру. Міръ событій, обыкновенно запутанный, сложный, самъ представляетъ свою аллегорію; сфинксъ во всеуслышаніе рассказываетъ свою тайну,—и все такъ просто, безъ переходовъ, безъ тѣней, безъ тушовки...

Тутъ нечего ни долго изучать, ни отыскивать источниковъ, стоитъ только взять газету и читать.

Тяжелый, тучный «Таймсъ», не любящій поэтизировать, ненавидящій отвлеченныя теоріи, политическія построенія, самъ вышелъ изъ своихъ дѣловыхъ привычекъ, изъ своей обычной колески, призадумался передъ *странной игрой случайности* и, бросая на ми-

нугу свою косу, которой косить ежедневную траву для насущнаго пропитанія, дѣлается авгуромъ и по теплымъ трепещущимъ событіямъ заглядываетъ въ даль и пророчить.

«Въ то самое время, говоритъ «Таймсъ», какъ безъ умолка гремѣли залпы со-всѣхъ фортовъ Шербурга, мирный пароходъ, незамѣчаемый при этомъ громѣ, тихо входилъ въ гавань. Онъ привезъ вѣсть о дѣлѣ, сдѣланномъ британскими руками, въ сравненіи съ которымъ Шербургъ и его крѣпости теряютъ значеніе: онъ привезъ телеграфическую депешу о томъ, что Англія и Америка соединены электрической ниткой!—Новая страница исторіи открывается...» (11 августа 1858).

Я не знаю, что къ этому прибавить... Прибавлю анекдотъ. «Странная случайность» такъ мало странна и такъ мало случайность, что она повторялась во всѣхъ размѣрахъ на тысячи ладовъ.

Въ тотъ самый день, въ который пришелъ «скромный пароходъ», сиделъ я часу въ седьмомъ вечера въ вагонѣ на виндзорской дорогѣ. Въ вагонѣ былъ какой-то офицеръ съ рыжими подвѣтыми бакенбардами, трое истыхъ лавочниковъ, съ ихъ откормленно-тупымъ выраженіемъ и неловкой грубостью приемовъ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Пока я разсматривалъ моихъ сосѣдей, отворилась дверь, и вошелъ высокій, худой господинъ весь въ черномъ, сѣлъ въ уголь и спрятался за листомъ вечерней газеты. Слѣдуя его примѣру, вынулъ и я «Express», но не успѣлъ прочитать одной строки, какъ вдругъ старикъ съ восторженнымъ лицомъ воскликнулъ: «O glorious, glorious!.. Господа,—прибавилъ онъ,—вы, кажется, не знаете—атлантическій телеграфъ прикрѣпленъ и дѣйствуетъ!» «Какъ? — закричали всѣ остальные, — прикрѣпленъ? Позвольте газету! и мнѣ, и мнѣ!» Гордая радость виднѣлась въ этихъ безстрастныхъ людяхъ; даже мальчикъ принималъ участіе въ великомъ событіи.

И въ то самое время толпы дикихъ бретонцевъ, постукивая деревянными башмаками, шли по нестерпимому жару, бросая страдную работу, чтобъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, прождавши сутки, склонить голову передъ деспотомъ Франціи. Другія толпы съ кровожаднымъ упоеніемъ смотрѣли на роскошь орудій смерти, на бойницы, отъ которыхъ потонуть корабли, и на корабли, которые понесутъ разореніе, смерть и *равенство рабства* въ сосѣдній островъ. Наконецъ-то они унизятъ гордую соперницу, отмстятъ Англіи за то чувство зависти къ ея свободѣ, утрата которой, все-таки, оставила угрызеніе на совѣсти и рубцы на сердцахъ. Такія угрызенія и такая зависть часто скрываются за дерзкой рѣчью куртизанки, когда она говоритъ о честной женщинѣ.

Во французскомъ задорѣ замѣшались, сверхъ пламенной ненависти, отчаяніе собственного паденія и суетная надежда кровью и побѣдой скрыть его отъ чужихъ глазъ.

Ложь франко-англійскаго союза обличилась. Аванпостъ воинственныхъ ордъ романогалльскаго Европы стоитъ готовымъ передъ послѣднимъ этапомъ старой англосаксонской цивилизаціи. Франція рвется на бой, и никакая сила не удержитъ этихъ *варваровъ просвѣщенія*.

Устоятъ ли готическія твердыни готической свободы?.. Стары онѣ, поросли мохомъ, разсѣлись...

Помните ли слова нотрдамскаго архидіакона, когда онъ, укаывая аббату *beati sancti Martini* ¹⁾ на печатную книгу и на соборъ, сказалъ: «*Ceci tuera cela!*» ²⁾?

Телеграфъ не убьетъ ли *Шербуря*?

Что можно сдѣлать со страной, у которой бьется непрерывный пульсъ съ Америкой, для которой океанъ сдѣлался внутренней цистерной? Въ сущности, тутъ не два государства, а два разныхъ берега, принадлежащихъ англосаксонцамъ.

Англию такъ же трудно поймать, какъ рыбу голой рукой,—у ней нѣтъ границъ, Англія —не одинъ островъ, но островъ и океанъ. Она можетъ переплыть по ту сторону и остаться той же Англіей. Она не *glebae adscripta*. ³⁾, не крѣпка землѣ, не похожа на первоизданные граниты, базальты, переживающіе, безъ способности разрушенья, безъ способности развитія, подвижные слои, тучные жизнью и полные здоровья, смыаемые тутъ, наносимые тамъ, и всегда полные пластической мощи.

Съ этими мыслями вышелъ я изъ вагона. Въ амбаркадерѣ сидѣлъ, дожидаясь своего поѣзда, одинъ знакомый, «пришедшій за Ламаншъ отыскивать свободы», сильно красный по мнѣніямъ, и тоже читалъ газету; вотъ что онъ вычиталъ *sur le Times* ⁴⁾:

— Что скажете, каково они насъ побаиваются?!—сказалъ онъ мнѣ съ самодовольнѣйшей улыбкой въ мирѣ,—они просто дрожатъ!

— Чему же вы удивляетесь?—спросилъ я. Вселятъ страхъ одной дикой силой принадлежить не только народамъ, пошедшимъ въ солдаты, но каждому медвѣдю и волку.

— Пора, пора заплатить Англии за всѣ ея козни; Англія—это средоточіе реакціи; пока Англія цѣла съ своими аристократическими учрежденіями, эра всеобщей свободы не начнется въ Европѣ.

¹⁾ Блаженнаго святого Мартина.

²⁾ Это убьетъ то!

³⁾ Прикрѣпленная къ землѣ.

⁴⁾ Въ «*Times*'ѣ».

— Такъ это ее и карать за то, что вы не умѣете быть свободными?

— Послушайте, скажите мнѣ серьезно, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Англія свободна?

— Думаю, что она въ сто разъ свободнѣе Франціи и всей Европы, за исключеніемъ, развѣ, Швейцаріи.

— *Erreur, erreur profonde!* ¹⁾ Вашъ пріятель, Прудонъ, котораго вы такъ отстаиваете,—и онъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ сказалъ, что, несмотря ни на что, Франція, все-таки, остается самая свободная страна въ мірѣ; развѣ не она во главѣ революціоннаго движенія? Это будетъ не война, а крестовый походъ съ нашими знаменами: революція обойдетъ міръ!

«*Waterloo only!*» ²⁾, закричалъ сторожъ, звоня изо всѣхъ силъ, и мой Аттила, будущій бичъ Господень и учитель французской грамматики *per interim* ³⁾, сѣлъ въ одну изъ каретъ и исчезъ. Франція или Англія?—спросимъ мы опять.

Да, намъ, русскимъ, больше нравится Франція. Мы воспитаны на ея литературѣ, на ея понятіяхъ. Парижскіе нравы ближе къ нашимъ, чѣмъ лондонскіе, и *bal Mabil* ⁴⁾ веселѣе *Cremerne Garden's* ⁵⁾. Все это такъ. Даже безъ всякаго отношенія къ намъ англо-германская порода гораздо грубѣе во всемъ франко-романской.

Но рѣчь не о томъ; намъ не суженаго выбирать, а попутчика въ будущее.

Романскіе народы, наслѣдники театральной доблести древняго міра, кастильской утонченной вѣжливости и шипучаго образованія аристократической Франціи XVIII вѣка, изящнѣе своихъ сосѣдей. Они, какъ гладіаторы, знаютъ искусство красиво умирать и увядаютъ, какъ старья маркизы, съ трагической граціей и съ предсмертнымъ кокетствомъ Рашели, зарывшейся въ кружева за день до кончины, чтобъ скрыть худобу отъ Наполеона Бонапарта.

Гдѣ же съ ними равняться неуклюжему, тяжелому англосаксонскому работнику, съ своими потными руками, которыми онъ срубилъ себѣ избу, «въ которую дождь и градъ можетъ взойти, но королевская власть не можетъ», да двѣ-три Европы расчистилъ за однимъ океаномъ и теперь расчищаетъ двѣ-три за другимъ!

¹⁾ Зablужденіе, глубокое заблужденіе!

²⁾ Только на Ватерлоо!

³⁾ Пока что.

⁴⁾ Подъ этимъ названіемъ въ старой Франціи извѣстны были публичные балы, устраиваемые въ Латинскомъ кварталѣ парижскими студентами и ихъ подругами; танцы, отплясываемые на этихъ балахъ, отличались большою веселостію и не меньшею откровенностію.

⁵⁾ Увеселительное заведеніе въ Лондонѣ.

Зато въ то время, какъ Венеція, Сиенна, Севилья и самый Римъ своей старческой худобой вызываютъ грусть и печальное уваженіе, въ то время, какъ ихъ улицы пусты, дворцы почернѣли, лавки бѣдны, торговля не цвѣтетъ, въ то время, какъ народонаселеніе во Франціи останавливается, начинаетъ убывать, и умственный горизонтъ становится уже и уже,—въ Англии, не говоря объ Америкѣ, въ старой неуклюжей Англии, въ этой странѣ быка и пива, все растетъ, переполняется, тучнѣетъ, заселяетъ и, не имѣя мѣста, плыветъ во всѣ части свѣта и строитъ Drury Lane ¹⁾ въ Мельбурнѣ и Гай Маркетъ ²⁾ гдѣ-нибудь въ Портъ-Сенъ-Филиппѣ.

По ту сторону океана—то же самое: сравните Мексику, испанскую Америку вообще съ Америкой англійской. А ужъ, конечно, испанецъ намъ симпатичнѣе «янки».

Взгляните, наконецъ, на насъ самихъ. Нельзя сказать, чтобы мы приобрѣли, особенно въ царствованіе Николая, права на любовь другихъ народовъ. Имперія солдатъ и розогъ, крѣпостного состоянія и чиновниковъ, нѣмецкаго абсолютизма и византійскаго раболѣпія, но со всѣмъ тѣмъ *ростъ* нашъ не подлежитъ сомнѣнію: мы чувствуемъ нашу юность, мы чувствуемъ избытокъ силъ, черезъ два, поколѣнія нельзя узнать нѣкоторые края Россіи,—мы влечемся къ Тихому океану, мы идемъ впередъ съ ядрами на ногахъ. Это можетъ нравиться. Нѣмцы просто сердятся на насъ за это и ворчатъ, англичане дуются, французы не знаютъ, но отрицать этотъ фактъ не можетъ никто, такъ, какъ мы не можемъ отрицать фактовъ ихъ жизни: разъ навсегда будемте уважать выше всего объективную истину.

Во имя ея мы и спрашиваемъ теперь, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ: можно ли серьезно задуматься надъ выборомъ союза между Англійей и Франціей? Можно ли изъ двухъ знаменъ выбрать то, которое держитъ Наполеонъ III, и увѣрять, что Россія вступаетъ въ эпоху улучшеній, реформъ, освобожденій?

Это—знамя войска, а не народа, хобуговъ смерти, а не жизни. Союзъ съ Франціей безплоденъ; съ ней можно соединиться только на чью-нибудь гибель, только на разрушеніе. Зачѣмъ намъ участвовать въ казни міра, несогрѣшившаго противъ насъ, зачѣмъ намъ быть саранчей, нападающей, какъ кара небесная, на страны, которыхъ горькимъ опытомъ, которыхъ выстраданной мудростью мы воспользовались? Галльскій цезарь справится самъ съ дряхлѣющей цивили-

¹⁾ Названіе улицы въ Лондонѣ, а также театра, находящагося на этой улицѣ.

²⁾ Haymarket—улица въ Лондонѣ и одноименный театръ, находящійся на ней же.

лизаціей, если часъ ея насталь: на это довольно *обращенныхъ* въ дикарей зуавовъ,—къ чему же казаки?

Въ предстоящей борьбѣ Россіи, пожалуй, вовсе не нужно принимать дѣятельнаго участія,—это ихъ «семейная ссора». Мы тутъ не ждемъ наслѣдства и равно не связаны ни воспоминаніями, ни надеждами. Что намъ нужно было,—ихъ теоретическую мысль,—мы взяли, мы посильно усвоили себѣ. Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе, и притомъ нѣмецкое, заставляетъ Россію мѣшаться въ западныя дѣла, не замѣчая того, что человѣчествъ съѣзжаетъ съ европейскаго материка; если она освободится отъ петербургской традиціи, у ней есть одинъ союзникъ: это *Съверо-Американскіе Штаты!*

Но въ выборѣ между Франціей и Англійей лежитъ пробный камень, великое нравственное сознаніе, какъ правительство понимаетъ себя и Россію.

Съ Англійей—свобода и миръ!

Съ Франціей—рабство и война!

3 сентября 1858. Путней.

Переводъ.

I.

Еще шагъ впередъ сдѣлали мы: старые къ могилѣ, юные къ возмужалости.

Еще разъ старый міръ былъ потрясенъ изъ конца въ конецъ; открылись новыя разсѣлины, вѣковое зданіе еще разъ треснуло и еще разъ осѣло; и все это оттого, что какому-то восторженному фанатику пришло въ голову бросить подъ карету человѣка, котораго онъ считалъ виновникомъ бѣдствій его родины, начиненную бомбу; которая не ранила его.

Сама Англія оступилась, но, къ счастью, сейчасъ же оправилась.

Теперь абсолютистскіе журналы только и говорятъ объ ультрамонархическомъ союзѣ противъ Англій; вещь очень понятная и которую можно было предвидѣть. Дѣло дошло до того, что явились предположенія, будто Россія станетъ въ этомъ заговорѣ деспотизма рядомъ съ Франціей. Мы не вѣримъ этому: подобный союзъ былъ бы исторической нелѣпостью, его было бы достаточно, чтобы показать всю вопіющую неспособность нынѣшняго русскаго правительства.

Лига, составляющаяся противъ Англій, необходима для другихъ континентальныхъ правительствъ; она истекаетъ изъ ихъ положенія.

но со стороны Россіи она была бы ошибкой, Россія была сведена съ своего пути и тянулась на буксирѣ европейской реакціи, это правда; но канатъ оборвался, и Россія вступаетъ теперь на свой естественный путь.

Четыре года тому назадъ, передъ Крымской войной, мы говорили:

«Деспотизмъ вовсе не консервативенъ. Онъ не консервативенъ даже въ Россіи. Деспотизмъ разъѣдаетъ все, приноситъ смерть и ведетъ къ разложенію. Иногда молодые народы, старающіеся организовать, начинаютъ съ деспотизма, проходятъ черезъ него, употребляютъ его, какъ тяжелый методъ воспитанія; но гораздо чаще народы, впавшіе въ дѣтство, подпадаютъ подъ иго деспотизма.

«Военный деспотизмъ—алжирскій или кавказскій, бонапартовскій или казацкій,—разъ сдѣлавшись господиномъ всей Европы, вовлечется непремѣнно въ отчаянную борьбу противъ стараго общества; ему нельзя будетъ оставить въ покоѣ свободныя учрежденія, независимыя права, цивилизацію, привыкшую къ слову, науку, привыкшую къ анализу, промышленность, выступающую въ качествѣ власти.

«Деспотизмъ—это варварство, это похороны отжившей цивилизаціи, а иногда—ясли, въ которыхъ рождается *Спаситель*.

«Европейскій міръ, въ томъ видѣ, какъ теперь, кончилъ свое дѣло; но намъ кажется, что онъ могъ бы достойнѣе покончить свое поприще, перейти въ другую форму существованія, не безъ потрясеній, конечно, но безъ униженія. Консерваторы, какъ и всѣ скупцы, боялись въ особенности *наследника*—ну, старикъ... и будетъ задушенъ ночью ворами и разбойниками.

«Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ ссылки и заключенія въ тюрьмы рабочихъ, они думали, что опасность прошла. Но смерть—Протей. Ее изгоняютъ, какъ ангела будущего, она возвращается въ образѣ привидѣнія прошедшаго; ее изгоняютъ, какъ демократическую и социальную республику, она возвращается въ образѣ Николая, царя всероссійскаго, или Наполеона, царя французскаго.

«Одинъ или другой, или оба вмѣстѣ закончатъ борьбу.

«Для борьбы нужно, чтобъ вашъ противникъ не былъ еще опрокинутъ. Гдѣ же послѣдняя арена, послѣднее укрѣпленіе, въ которомъ цивилизація можетъ дать сраженіе, защищаться, по крайней мѣрѣ, противъ деспотовъ?

«Въ Парижѣ? Нѣтъ.

«Парижъ, какъ Карлъ V, отрекся при жизни отъ своей революціонной короны: немного военной славы и много полиціи достаточно, чтобъ поддержать порядокъ въ Парижѣ.

Арена эта—въ Лондонѣ.

«Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ, ничего окончательно не сдѣлано въ пользу варварства.

«Начиная съ 10 декабря 1848, Россія и Австрія не питаютъ болѣе ненависти къ Парижу. Парижъ утратилъ свой престижъ въ глазахъ царей, они не боятся его болѣе. Вся ненависть ихъ обратилась на Англію. Они презираютъ, они ненавидятъ ее, они готовы были бы разорить, ограбить ее!

«Въ Европѣ есть реакціонныя, но нѣтъ консервативныхъ государствъ. Англія одна консервативна, и причина этого очень ясна: у ней есть что сохранить, именно—личную свободу.

«Но одно это слово и заключаетъ въ себѣ все, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и Николаи.

«И вы думаете, что они, побѣдители, оставляютъ на 12 часовомъ разстояніи отъ *рабскаго* Парижа *свободный* Лондонъ, Лондонъ—центръ пропаганды и пристанище, открытое всему, что бѣжитъ изъ опустошенныхъ и сожженныхъ городовъ материка? Потому что все, что должно и можетъ быть спасено среди оргіи разрушенія,—науки и искусства, промышленность и культура,—все это непременно устремится въ Англію.

«Одного этого достаточно для войны.

«Наконецъ-то, осуществится мечта перваго современнаго варвара, Наполеона Великаго.

«Какого бѣльшаго несчастья можетъ ждать Англія отъ революціонной Европы, чѣмъ то, которымъ ей грозитъ европейскій деспотизмъ? Вѣдь, у народовъ слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы думать о внѣшнихъ войнахъ.

«Не эгоизмъ и не скудость мѣшаютъ англичанамъ ясно видѣть все это. Скажемъ откровенно: невѣжество и проклятая рутиня дѣлаютъ этихъ людей неспособными понять, что иногда нужно итти не по битымъ дорогамъ, но пробивая себѣ новый путь.

«А тѣ, у которыхъ есть глаза и которые не хотятъ раскрыть ихъ, посвящены богамъ ада.

«Какъ спасти ихъ?» ¹⁾

Съ этого времени цѣлая революція совершилась въ Россіи. Генераль Февріе ²⁾, ставшій измѣнникомъ, какъ сказалъ «Пуншъ», пустил съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Орсини, свою евпаторійскую бомбу и, по «счастливому случаю», императорская корона упала на

¹⁾ «Le Vieux Monde et la Russie.» Lettres à W. Linton, Esq., par A. Herzen, p. 22—25—A. И. Г.

Эта цитата переведена не сходно съ русскимъ текстомъ «Старога міра и Россіи». но я оставляю ее такъ, какъ она передана.

²⁾ Т. е. февральскіе дни 1848 года.

голову монарха, который понялъ, что онъ на краю пропасти, куда Николай привелъ молодой и сильный народъ,—пропасти злоупотребленій, кражи, безпорядка, произвола; громадная машина русской имперіи грозила распасться.

Александръ II понялъ, что нѣтъ выхода, кромѣ внутренней работы, кромѣ реформъ, и имѣлъ смѣлость начать ихъ.

Какую же выгоду можетъ онъ имѣть, поддерживая континентальный деспотизмъ противъ свободы островитянъ?

Очень понятно, что государь механическаго и насильственного соединенія разнородныхъ частей можетъ соединиться съ Бонапартомъ, чтобы вмѣстѣ раздавить послѣдніе признаки независимости. Если Францъ-Иосифъ не дѣлаетъ этого, такъ это потому, что онъ не довѣряетъ Людовику-Наполеону въ итальянскомъ вопросѣ. Со стороны всѣхъ европейскихъ монарховъ подобная политика была бы понятна, хотя, правду сказать, этотъ вселенскій полицейскій заговоръ, при совершенной протраціи народовъ,—ненужная роскошь. Но они связаны съ тормазомъ, который надѣли на великое колесо исторіи, и не могутъ отъ него отдѣлаться.

Но Россіи совершенно нечего дѣлать во всемъ этомъ: она на этомъ пути можетъ только наткнуться на плотину и быть остановленной въ своемъ новомъ пути. Вѣдь, не посредствомъ нѣмоты, инквизицій, ссылокъ и кнута совершаются реформы.

Россія находится въ совершенно исключительномъ положеніи. Она не принадлежитъ Европѣ, не принадлежитъ и Азіи. Переменная династія въ Китаѣ не требуетъ вмѣшательства съ ея стороны. Паденіе Бонапарта и восшествіе на престолъ Франціи Бароша или Пелиссье не можетъ ни уменьшить, ни увеличить власти царя. Россія, однимъ словомъ, составляетъ сама по себѣ часть свѣта, которая развивается самостоятельно, принимая верхнимъ своимъ слоемъ западную цивилизацію и оставаясь въ основѣ совершенно національной.

Задача Петра I и Екатерины II кончена. Они пожертвовали вѣсѣмъ и, прежде всего, счастьемъ народа, чтобъ создать русскую имперію, чтобы организовать сильное государство и сдѣлать его европейскимъ. Они постоянно старались вмѣшивать Россію въ вопросы внутренней политики европейскихъ государствъ и увеличить въ дипломатіи значеніе новой имперіи. Отчасти въ это замѣшивалось самолюбіе выскочекъ, и они чванливо хотѣли принимать какое-нибудь участіе въ дѣлахъ старыхъ, континентальныхъ аристократовъ.

И всетаки, несмотря на все, современная имперія начавшая съ отрицанія своего прошедшаго, была созданіемъ XVIII вѣка.

Чувствовалось вѣяніе революціи надъ раздавленнымъ и дремлющимъ народомъ.

Общее преступленіе вскорѣ потомъ связало русское правительство съ самымъ старымъ и съ самымъ молодымъ деспотизмомъ въ Европѣ—съ Австріей и съ Пруссіей. Послѣ раздѣла Польши и «ужасныхъ» новостей, приходившихъ изъ революціонной Франціи, пугавшихъ Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма и явилась, наконецъ, тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ: старой Мессалиной безъ сердца, Лукреціей Борджіа съ нѣмецкой лимфой въ жилахъ.

Ея сынъ, менѣе лицемѣрный, съ мелкимъ капральскимъ деспотизмомъ продолжалъ дѣло своей матери, воображая себя покровителемъ всѣхъ монарховъ. Павелъ I представлялъ отвратительное зрѣлище коронованнаго Донъ-Кихота, все давящаго, все бичующаго со злобой и бѣшенствомъ. Онъ не былъ даже сносенъ для бывшихъ фаворитовъ Екатерины.

Но что особенно замѣчательно,—ни Екатерина II, ни ея сынъ не имѣли въ себѣ ничего русскаго, ничего національнаго. Поддѣльный патріотизмъ Екатерины былъ для нея только однимъ изъ средствъ убить добраго голштинца, ея мужа. Келейное воспитаніе, которое она дала своему сыну-сопернику, естественному врагу матери, которая украла у него вѣнецъ, сдѣлало изъ него какого-то Каспара Гаузера императорскаго дворца. Ни одной черты русскаго характера не было въ этомъ гротескѣ мальтійскаго ордена, въ этомъ искусственномъ произведеніи мужскихъ сералей и экзерциръ-гаузовъ.

Александръ I, призванный къ великой борьбѣ, которая разбудила народъ и открыла новую эпоху, не могъ и, прибавимъ, не хотѣлъ продолжать роли своего отца. Николаю назначено было лихорадочно взяться снова за его дѣло. Рыцарь печальнаго образа—онъ также тридцать лѣтъ боролся съ привидѣньемъ, но, къ несчастью, его удары падали на *подлинную* грудь его подданныхъ. Николай занимался день и ночь, болѣе нежели четверть столѣтія, однимъ только наказаніемъ за возмущеніе 1825 года и за польское возстаніе 1831 г. Его манія, его реакціонное безуміе дошли до того, что онъ, вопреки трактатамъ и рассчитывая на уничтоженіе Европы, накладывалъ свою лапу на вольные города и давалъ ихъ потомъ на водку Австріи. Чтобы поддержать принципъ неограниченной власти у бляжайшаго къ Россіи врага, онъ велъ отчаянную борьбу съ дружественнымъ народомъ, и самъ потомъ, въ Ольмюцѣ, указывая на статую Яна Собѣсскаго, сказалъ: «Мы съ нимъ—двое самыхъ безумныхъ славянъ: мы спасли Австрію!»

Въ продолженіе 30 лѣтъ, въ которыя продолжалось это несчастное царствованіе, Россія существовала для другихъ народовъ только, какъ щетка изъ штыковъ, становившаяся дыбомъ при малѣйшемъ дыханіи свободы, при малѣйшемъ крикѣ независимости. Двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ, готовыхъ перейти границу за священное дѣло порядка и полиціи, были на языкъ всѣхъ реакціонеровъ, какъ тѣ знаменитые двѣсти тысячъ парижскихъ рабочихъ, которыхъ заставляли участвовать во всякой демонстраціи;—и какъ только какой-нибудь нѣмецкій микроскопической принцъ бывалъ недоволенъ своими двумя или тремя добрыми подданными, онъ передавалъ черезъ своего перваго министра этимъ несчастнымъ Шульцамъ и Миллерамъ, что двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ двигаются къ границѣ.

А за штыками виднѣлась мрачная, застегнутая на всѣ пуговицы фигура Николая, съ его огромными ботфортами и хищнымъ взглядомъ, который плантаторъ Дугласъ находилъ кроткимъ.

Этимъ путемъ Николай успѣлъ не только внушить ненависть къ русскому имени, но также разстроить окончательно Россію, довести ее до того печальнаго положенія, которое мы ясно поняли во время Крымской войны.

Всѣ истинные русскіе благославляютъ парижскій миръ. Эта война и этотъ миръ унизили императорскую власть. Преувеличенія разсѣялись, какъ дымъ, и печальная истина стала просвѣчивать, какъ укоръ, сквозь трещины севастопольскихъ стѣнъ.

Съ тѣхъ поръ мужикъ на Бѣломъ морѣ такъ же хорошо, какъ и черноморскій казакъ, увидѣлъ, что Россіи не доставало ни храбрости, ни самоотверженія, ни средствъ, но что она была побѣждена потому, что ей не доставало души, организаціи, разумнаго центра, *порядка*. Во всемъ несходный съ Маркомъ Коссидьеромъ, Николай посредствомъ порядка создалъ *беспорядокъ*. Онъ замѣтилъ это слишкомъ поздно и умеръ отъ стыда.

Его сыну открывались только двѣ дороги.

Онъ могъ сдѣлаться неумолимымъ преслѣдователемъ, угнетать еще болѣе мысль и слово, наказывать за слезы, отнять послѣдняго сына у семейства и послать его на убой, покрыть новыми ударами окровавленную спину своего народа, сослать цѣлыя поколѣнія въ Сибирь и поддерживать этими мѣрами въ продолженіе нѣкотораго времени спокойствіе столбняка, которое кончилось бы такимъ взрывомъ, что имперія разлетѣлась бы въ дребезги среди всеобщей жагеріи. Онъ не захотѣлъ этого.

Оставался другой путь—путь развитія, реформъ, эмансипаціи. Успѣхъ, который сдѣлала Россія въ три года царствованія Але-

ксандра II, необъятенъ. Все начинаетъ приходить въ движеніе; мышцы, затекшія въ тѣсномъ арестантскомъ камзолѣ, расправляются. На очередь выступаютъ одинъ за другимъ жизненные вопросы. Россія спокойно вступаетъ въ экономическую революцію.

И среди всего этого говорятъ о союзѣ съ Франціей во имя деспотизма, приходящаго въ ярость противъ послѣдняго убѣжища независимости и свободы,—да это не имѣетъ здраваго смысла!

Все, что вамъ угодно, государь, но только не заключайте союза съ Бонапартомъ.

Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія нападать лично на императора французовъ, напротивъ: я на него смотрю, какъ на роковое орудіе, я на его челѣ вижу трагическое клеймо, черное пятно сквозь кровавые лучи славы его дяди.

Онъ—избранникъ смерти, ея представитель.

Бонапарты, какъ цезари,—не причина, но послѣдствіе, признакъ. Это—туберкулы на легкихъ отживающаго Рима. Это—дряхлость, маразмъ; это—сила судорогъ, безумная энергія горячки.

Бонапартизмъ идетъ рука объ руку со смертью. Его слава кровавая, она вся изъ труповъ. Въ немъ нѣтъ силы зиждательной, нѣтъ производительной дѣятельности; онъ совершенно бесплоденъ, все созданное имъ—иллюзія, мечта; кажется, будто *что-то есть*, а въ сущности *нѣтъ ничего*,—все это призраки, тѣни: имперіи, королевства, династіи, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... Подождите четверть часа—все это не существуетъ; это все контуры облаковъ. Дѣйствительность—это Испанія, утучненная трупами французовъ; это египетскіе пески, усыпанные французскими костями; это снѣгъ Россіи, обогранные французскою кровью.

Бонапартизмъ, какъ бредъ, не имѣетъ ни цѣли, ни основанія: это постоянное противорѣчіе и маскарадъ. Когда онъ поетъ, онъ поетъ безсмыслицу: *Partant pour la Syrie!*¹⁾

Чего хотѣлъ Наполеонъ? На вопросы наивнаго Ласъ-Каза онъ никогда не могъ дать правдоподобнаго отвѣта. Зачѣмъ было предпринимать египетскую кампанію? Востокъ, это—прекрасный пьедесталъ, великолѣпный фонъ картины. А жестокая испанская война? Это потому, что имперія—увѣнчанная революція, освобожденіе народовъ. Вотъ, что поетъ поэтъ бонапартизма:

¹⁾ Военная лѣсня, придуманная при Наполеонѣ III; вотъ ея начало:
Partant pour la Syrie
Sous Napoléon Trois,
Soldats, pour Eugenie
Chantez, en combattant,

то-есть: «Отправляясь въ Сирію подъ командой Наполеона III, солдаты, пойте, сражаясь за Евгенію».

«Les nations, reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats »).

Люди, силящіеся разумно объяснить оргіи убійства, которыя составили славу Франціи во время Имперіи, не находятъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что Наполеонъ велъ войну, чтобы занять умы во Франціи. Слыхали ли вы что-нибудь болѣе цинически-безнравственное, что-нибудь болѣе чудовищное, чѣмъ это объясненіе?! Убивать людей съ цѣлью развлечь другихъ; уничтожать поколѣніе для того, чтобы у тѣхъ, которыя останутся, замѣнить идеи общественнаго прогресса какимъ-то бредомъ кровавой славы, апофеозомъ убійства и безконечной любовью... къ ордену почетнаго легіона?!

Да, это деспотизмъ конца,—онъ только разрушаетъ, убивая вмѣстѣ и революцію, и традицію: революцію—церковью, а церковь—революціей; убивая, наконецъ, всеобщее избирательное право самимъ избранникомъ. Онъ прививаетъ смерть. Онъ чуть не погубилъ Англію своимъ прикосновеніемъ; нѣтъ здоровья, которое не сокрушила бы капля гнилой крови.

Берегитесь, государь, и не кладите, съ досады на недавняго врага, Россію, эту молодую, здоровую крестьянку, на ложе истасканнаго старика. Галльскій Давидъ можетъ умереть безъ нея.

Между двумя союзами, англійскимъ и французскимъ, Россіи невозможно колебаться.

Положеніе, въ которомъ находится теперь Западъ, никогда не было проще. Самая эта простота—зловѣщій признакъ. Все, что полно крови, жизни, силы, сложно и запутано; въ этомъ мы можемъ убѣдиться, изучая самую живую и самую жизнеспособную въ Европѣ страну—Англію.

Выборъ между этими двумя союзами очень ясенъ.

Союзъ съ Франціей, это—лига деспотизма противъ Англіи; это—война, возвращеніе къ варварству, послѣдній ударъ Европѣ. Какимъ зловѣщимъ предостереженіемъ является неуголимая, безумная и, къ счастью, безсильная ненависть Наполеона I къ Англіи; это—лучшая рекомендація для гордаго Альбіона. Хитрый инстинктъ великаго кондотьера справедливо шепталъ ему, что нѣтъ ничего прочнаго для самовластья, пока существуетъ Англія, независимая отъ Франціи. И этому-то дѣлу закрѣпощенія общества подастъ помощь Россія, едва пробившаяся къ новому существованію! Это разомъ покончитъ реформы, снова надѣнетъ цѣпи крестьянамъ,

1) «Націи, ставшія державными, благодаря нашимъ побѣдамъ,
Вѣнчали цвѣтами чело нашихъ солдатъ».

притопчетъ пробивающіеся ростки, превратитъ поля въ караванъ-сарай для толпищъ, выдрессированныхъ для убійства,—и все это для того, чтобы ринуться на Европу, соединиться съ другими кровожадными толпами и всѣмъ вмѣстѣ, калмыкамъ и зуавамъ, кинуться на Англію съ крикомъ: «Смерть свободѣ!»

Союзъ съ Англіей, напротивъ, не есть лига противъ Франціи. Англія не нападаетъ. У ней нѣтъ болѣе геройства библейскихъ звѣролововъ, средневѣковыхъ бандитовъ, рейтеровъ и ландскнехтовъ всѣхъ временъ. Англія любитъ миръ, потому что миръ есть приволье для работы. Соединиться съ Англіей значитъ признаться, что Россія не боится свободы, что она не солидарна ни съ кѣмъ на материкѣ. Это значитъ понять, наконецъ, обоимъ понять, что обоимъ народамъ нечего оспаривать другъ у друга, а что, напротивъ, они могутъ безконечно помогать другъ другу. Пора же уничтожить это воображаемое соперничество, которое не имѣетъ другого основанія, кромѣ незнанія географіи! Можно ли послѣ Крымской войны серьезно думать, что Россія побѣдитъ почти непреодолимыя препятствія, чтобы проникнуть въ Индію; и можно ли думать, послѣ балтійской прогулки, что Англія будетъ содержать флотъ единственно съ цѣлью препятствовать американской цивилизаціи проникнуть въ Сибирь черезъ единственный возможный для нея путь, черезъ Амуръ? Да разсмотрите же карту!

И это не все: Англія—единственная школа, которая годна намъ. Великій народъ съ малой арміей и огромными завоеваніями, Англія отучитъ насъ отъ мундировъ, парадовъ, полиціи, произвола. Страна безъ централизаціи, безъ бюрократіи, безъ префектовъ, безъ жандармовъ, безъ ограниченія печати, безъ ограниченія права схода, безъ революціи, безъ реакціи!.. И какова роль ея! Послѣ паденія континента она одна, гордая, спокойная, увѣренная въ себѣ, смотритъ изъ-за моря на этотъ отвратительный шабашъ, на эту макабрскую пляску смерти и полицейскихъ комиссаровъ.

Да, она до сихъ поръ, какъ говорилъ старый Гаунтъ, «алмазь, оправленный въ серебро моря». Онъ начиналъ нѣсколько терять свою воду, свой блескъ; но всѣ такъ привыкли къ потемнѣвшему отъ времени цвѣту всего англійскаго, что ржавчина среднихъ вѣковъ, похожая на плѣсень, покрывающую бутылку, говорила не только о старости, но и о силѣ.

Дѣйствительно, надобно было сойти съ ума, чтобы увлечься ничтожными дѣлателями государственныхъ переворотовъ на французскій манеръ, мелкими подражателями великихъ злодѣевъ, до святотатственнаго оскорбленія драгоценнѣйшихъ правъ своей страны!

Я вовсе не англоманъ. Я — просто русскій, покинувшій свою родину для свободы. Привыкнувъ къ путешествіямъ, я не забочусь о градусахъ широты и долготы. Такъ какъ я не принималъ никакого участія въ заговорахъ, то мнѣ не угрожалъ законъ, карающій за покушеніе на свободу въ Англіи. Да еслибъ и угрожалъ, я взялъ бы свой типографскій станокъ и отправился бы въ Нью-Йоркъ. Но, признаюсь, послѣ перваго чтенія билля объ уничтоженіи личной неприкосновенности въ Англіи, сердце у меня замерло. Я былъ испуганъ, сбить съ толку, и тогда только понялъ, что я люблю Анлію!

Но, думалъ я, развѣ они сошли съ ума? Развѣ они не знаютъ, что вотируютъ? Неужели достаточно будетъ двухъ шпионовъ, двухъ клятвopреступниковъ по профессіи, чтобы дать полиціи право дѣлать обыскъ въ домѣ англичанина, въ этомъ святилищѣ, въ этомъ «*poli me tangere*» ¹⁾, въ этой твердынѣ, для спасенія которой страна терпѣла игроковъ, банкротовъ, развратныхъ женщинъ и, Богъ знаетъ, кого еще, а теперь ее отворяютъ для шпионовъ!

Присяжные оправдаютъ, быть можетъ... но перерытыя бумаги, семейныя тайны, оскорбленная рукою полиціи, и сверхъ того тюремное заключеніе! Этотъ законъ самъ по себѣ былъ *coup d'état*, замаскированнымъ 2-мъ декабря, самоубійствомъ, отцеубійствомъ! Для того, чтобы наказать за покушеніе на убійство исподтишка, наносили ударъ ножемъ *Common Law*.

Какихъ же еще дней несчастья и горя придется намъ быть свидѣтелями и что за печальное существованіе—вѣчно переходитъ отъ однихъ похоронъ къ другимъ! Трауръ по Франціи, какъ башмаки матери Гамлета, не износился еще, а уже снова запахло погребальнымъ ладаномъ съ другой стороны, и слышались мрачныя звуки *Requiem*'а.

Dies irae, dies illa ²⁾,

и я, какъ вѣчный жидъ, готовился опять въ путь.

Но Англія воспрянула. Она отвергнула не только законъ, но и заговорщиковъ. И не только парламентъ возмутился: въ большихъ городахъ, на перекресткахъ, на публичныхъ площадяхъ и у семейнаго очага раздался крикъ негодованія, который пронесся по острову изъ конца въ конецъ; и другой крикъ вторилъ ему,—крикъ отвращенія, когда англичане увидѣли свободную почву своей родины, покрытую роемъ шпионовъ, продажныхъ висѣльниковъ, обычныхъ на континентѣ.

¹⁾ «Не тронь меня».

²⁾ «День гнѣва, тотъ день»,—начало извѣстной молитвы католиковъ.

Негодование было таково, что на улицахъ мальчишки преслѣдовали всѣхъ иностранцевъ крикомъ «French spy!»¹⁾, сопровождая его ропотомъ, а иногда и грязью. Они кричали это и мнѣ. И какъ въ глубинѣ сердца благодарилъ я ихъ за то!

Народъ, который умѣетъ ненавидѣть политическую полицію, свободенъ навсегда. Не напрасно королева Елизавета называла Англию Common wealth²⁾.

II.

Революція—дѣло Франціи. Соціализмъ, ея послѣднее слово и ея идеалъ, былъ выработанъ французскими мыслителями среди страданій французскихъ пролетаріевъ.

Я не хочу сказать, чтобы пролетаріи другихъ странъ менѣ страдали или чтобы мыслители другихъ народовъ не имѣли бы очень ясныхъ идей объ общественномъ возрожденіи. Робертъ Оуэнъ—англичанинъ; но во Франціи пролетарій не только страдалъ, но и имѣлъ сознаніе того, что это онъ понялъ, что было не только великимъ несчастіемъ, но и великой несправедливостью. Во Франціи соціализмъ изъ неопредѣленной страсти, какой онъ былъ во время Гракха-Бабефа, сталъ религіей съ С. Симономъ, доктриной съ Фурье, философіей съ Прудомъ.

Есть ли, однако, въ этомъ достаточная причина, чтобы сдѣлать выводъ, что общественное обновленіе, провозглашенное во Франціи, осуществится во Франціи? Мы не думаемъ. Но спѣшимъ сказать, что если это не необходимо догически, однако, *можетъ имѣть мѣсто*. Это зависитъ прежде всего отъ того, какъ Франція выйдетъ изъ теперешняго кризиса, изъ своего настоящаго паденія.

Она выйдетъ изъ него, быть можетъ, какъ блестящій фениксъ, преображенной, поюнѣвшей и, увлекая съ собой старцевъ римскаго міра къ третьей жизни или не находя болѣе въ себѣ силъ для возрожденія, она превратитъ свое соціальное ученіе въ духовное завѣщаніе, которое оставитъ, какъ послѣднюю волю великаго народа, другимъ племенамъ, другимъ странамъ. Такъ Іерусалимъ завѣщалъ Евангеліе міру, оставляя себѣ одну только вѣчную надежду на возобновленіе Соломонова храма.

Этотъ вопросъ очень важенъ и очень труденъ. Но сомнѣніе само по себѣ есть уже великій шагъ впередъ, и освобожденіе отъ слѣпой вѣры въ революціонную будущность Франціи могло бы быть истиннымъ началомъ этой будущности.

¹⁾ Французскій шпіонъ.

²⁾ Народное управленіе, республика.

У насъ нѣтъ готоваго отвѣта на этотъ вопросъ, мы не занимаемся астрологіей. Будущее измѣнчиво. Единственная основательная вещь, которую мы можемъ опредѣлить, это—условія, при которыхъ общественное перерожденіе возможно для народа, и кризисы, катастрофы, различныя фазы, черезъ которыя онъ долженъ пройти.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ авторитетовъ въ возрожденіи социализма сказалъ: «Нужно умереть старому Адаму для того, чтобы возродиться новому; могилою идутъ люди къ воскресенью, одного крещенія водою, т. е. перемѣны названія монархіи на республику, недостаточно».

Рядомъ съ этими словами есть и примѣръ. Это—Римъ цезарей, проходящій черезъ смерть, чтобы стать папскимъ Римомъ.

Въ Римѣ было много революцій, онъ часто мѣнялъ кожу, но съ Маріемъ и Суллою, съ Сенатомъ и Юліемъ Цезаремъ, съ Нерономъ и Маркомъ Авреліемъ онъ оставался древнимъ Римомъ. Предъ христіанствомъ старое зданіе должно было рухнуть, чтобы быть выстроеннымъ заново. Не осталось камня на камнѣ: все перешло черезъ смерть и вышло изъ нея преображеннымъ.

Вмѣсто триумфальныхъ воротъ, ожидающихъ съ своимъ «Ave, Caesar!»¹⁾ побѣдоносные легіоны,—процессіи монаховъ, идущихъ, чтобы преклониться предъ римской висѣлицей; вмѣсто кроваваго орла цезарей—святой духъ въ видѣ голубя.

Когда Римъ былъ готовъ для могилы, явился человекъ, обладавшій всѣмъ древнимъ образованіемъ, и сказалъ своимъ согражданамъ, тѣмъ гордымъ *Cives Romani*²⁾, которые уважали себя только во имя этого званія: «Ваши добродѣтели для насъ только блестящіе пороки. Наша мудрость—безуміе въ вашихъ глазахъ». И онъ не былъ побитъ камнями, напротивъ, его слушали въ недоумѣніи и скорби.

Съ тѣхъ поръ не было больше возможнаго примиренія. Нужно было уничтожить всѣхъ христіанъ или похоронить старый Римъ. *Mezzo termine*³⁾ не было. Святой Августинъ или Юліанъ-Отступникъ,—одинъ изъ нихъ долженъ былъ остаться побѣдителемъ.

Борьба длилась вѣка,—вѣка несчастій и безконечныхъ мученій. Но великая работа подвигалась впередъ. Между тѣмъ, какъ имперія, униженная, обезумѣвшая, гнѣющая внутри, окровавленная, побитая на границахъ, разваливалась, священники и монахи, кото-

¹⁾ Привѣтъ, Цезарь!

²⁾ Римскимъ гражданамъ.

³⁾ Средняго пути.

рымъ нечего было терять, нечего погребать, освобожденные отъ религіи преданія, спокойно продолжали свою пропаганду.

Раскрывая писанія первыхъ отцовъ церкви, изумляешься, находя между старыми и новыми римлянами такую совершенную разницу. Никакого слѣда у нихъ того *шовинизма*, который дѣлалъ гражданъ вѣчнаго города такими наглými въ отношеніи къ другимъ народамъ; никакого слѣда этого легкаго самохвальства, которое заставляло римлянъ любоваться собой, какъ *великимъ народомъ* древности; никакихъ слѣдовъ того жаднаго и исключительнаго патріотизма, который заставлялъ римлянъ рукоплескать каждой побѣдѣ и все прощать цезарямъ, лишь бы былъ окровавленный и задавленный народъ на колѣняхъ предъ непобѣдимыми легионами.

Væ victis! ¹⁾ Все покидаетъ императорскій городъ, старый Римъ издыхаетъ и переходитъ къ непріятелю. Серьезная мысль, поэтической геній, бурный увлекательный талантъ,—все перебирается къ епископамъ и священникамъ, этимъ анархистамъ первыхъ вѣковъ. Римъ не имѣетъ болѣе писателей, у него есть только стилисты. Риторика беретъ верхъ надъ содержаніемъ. Людямъ нечего сказать, они только болтаютъ. Чтобы скрыть отсутствіе инициативы, бѣдность мысли, они наполняютъ украшеніями, фіоритурами безконечную пустоту, которая давить ихъ, какъ упрекъ, какъ угрызеніе совѣсти. Если полусвѣтскій Сидоній Аполлинарій интересуется насъ сколько-нибудь, такъ это, собственно, потому, что онъ описывалъ нравы своего времени и что мы можемъ прослѣдить въ его разсказахъ прогрессъ смерти, судороги цивилизаціи въ агоніи.

Когда народъ стремится въ своей рѣчи только къ эффекту, говоритъ готовыми фразами, невоздержно исполненными громкихъ словъ, оставляющихъ васъ холоднымъ, какъ ледъ, онъ въ полномъ паденіи.

Восточные народы (которыхъ день обновленія можетъ тоже настать) говорятъ въ тяжеломъ снѣ своего старческаго дѣтства смѣшными преувеличеніями, замѣняя смыслъ выраженіемъ и подлежащее прилагательнымъ.

Соціализмъ не меньше требуетъ отъ христіанскаго народа, чѣмъ христіанство требовало отъ языческаго Рима. Онъ требуетъ не меньше отъ солдата, мѣщанина, гражданина, чѣмъ требовалъ человѣкъ безъ отчизны, безъ роду и племени, смиренный и бѣдный священникъ, этотъ бродяга и нищій отъ патриція-консерватора, кичливаго со своими кліентами и унижающагося передъ импе-

¹⁾ Горе побѣжденнымъ!

раторомъ, вольнодумца въ сенаторской тогѣ, благоговѣнно цѣлующаго перстень съ изображеніемъ цезаря-бога.

Вопросъ, который мы поставили, не состоитъ въ томъ, чтобы узнать, совершила ли свой путь *старая Франція*. Это не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ этотъ ставится скорѣе въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ Гамлетъ ставилъ свой. Его занимала не смерть, но сновидѣнія, которыя будутъ послѣ смерти.

При настоящемъ положеніи вещей мы можемъ еще допустить мечту о возможности общественнаго пересозданія. Но тяжелый сонъ разрушенія съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе. И въ этомъ случаѣ Франція втянулась бы незамѣтно, мало-по-малу, безъ потрясеній и сохраняя наружныя формы жизни и цивилизаціи, въ скучный *semper idem* ¹⁾ старости—растлѣнной, раболѣпной, византійской или сухой, окоченѣвшей, серьезной, величавой по формѣ и неподвижной по существу, какъ старость Испаніи.

Не одно настоящее положеніе Франціи исключительно дѣлаетъ возможной эту гипотезу. Мы говорили уже, Бонапартъ есть слѣдствіе, а не причина. Это, если хотите, кара; но преступленіе въ другомъ мѣстѣ.

Имперія не просуществовала бы и двухъ дней, если бы она не находила какой-нибудь точки опоры во французскомъ характерѣ. Она необходима соотвѣтствуетъ совершенно національнымъ элементамъ. Пусть говорятъ, что угодно, но избраніе 10 декабря 1848 было свободно и популярно.

Франція—воинственная и солдатская страна. Она любитъ выставку власти, необыкновенныя мѣры, которыя приносятъ въ жертву личность государству, человѣка идеѣ. Это болѣе, чѣмъ нужно для цезаризма. Можно ли, напротивъ, вообразить себѣ бонапартистскую Англію?

Говорятъ, что съ нѣкотораго времени огромная перемѣна совершается въ народномъ духѣ Франціи. Пассивная покорность, въ самомъ дѣлѣ, указываетъ на внутреннюю работу, но у насъ слишкомъ мало фактовъ, чтобы опредѣлить эту перемѣну.

Есть, однако, очень простое средство, чтобы взвѣсить божье и кесарево во Франціи. Вотъ оно: тяжкій гнетъ имперіализма ненавидятъ во Франціи; Франція любитъ только поэзію бонапартизма, а не его прозу. Впрочемъ, нѣтъ народа въ мірѣ, который бы склонялъ шею подъ иго изъ любви къ тиранніи. Вся разница состоитъ въ томъ, что одинъ народъ выноситъ рабство за чечевичную похлебку или за что-нибудь другое, тогда какъ другой не выноситъ

¹⁾ Всегда тотъ же самый.

ни за что на свѣтѣ. Есть меньшинство во Франціи, состоящее изъ республиканцевъ, социалистовъ, которые энергически протестуютъ противъ притѣсненія, раздавившаго Францію; оно необходимо должно быть противъ всего, что можетъ усилить власть Бонапарта и янычаровъ, которые его поддерживаютъ. Это очевидно.

Нѣсколько дней тому назадъ весь міръ предвидѣлъ возможность войны между Франціей и Англійей.

Англія твердо поддерживаетъ свою свободу и право убѣжища. «The Empire espionage» ¹⁾ «Times'a» не можетъ выносить рядомъ съ собой такой дерзкій упрекъ себѣ, и, едва лишь онъ почувствуетъ себя довольно сильнымъ, Бонапартъ объявитъ войну Англійи. Всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же.

И тутъ представляется вопросъ, *какая часть* французскаго меньшинства будетъ возсылать молитвы за успѣхъ зуавскихъ толпищъ въ Англійи и какая будетъ съ ужасомъ смотрѣть на это покушеніе убить свободу въ послѣднемъ европейскомъ убѣжищѣ ея и рукоплескать новымъ Ватерлоо? Замѣтите, что дѣло идетъ только о меньшинствѣ; что касается большинства, то можно быть увѣреннымъ, что оно съ восторгомъ будетъ смотрѣть на униженіе *юрдаю Альбіона*.

Но, вѣдь, люди, которые предпочитаютъ свободѣ военную славу своей родины, не любятъ свободы. Это—римляне стараго Рима, это—храбрецы великой арміи, это—послѣдніе Абенсераги, послѣдніе Могикане, все, что угодно, но это не люди новаго міра.

Подобную пробу можно приложить послѣдовательно къ цѣлому ряду вопросовъ въ томъ же родѣ. Результатъ будетъ почти всегда одинъ и тотъ же.

Кожа древняго Адама держится тѣмъ крѣпче на немъ, что онъ не замѣчаетъ этого. Французъ, убѣжденный, что онъ революціонеръ и что идетъ въ авангардѣ человѣчества, ни о чемъ не заботится. Онъ доволенъ собой и, сбившись съ пути, идетъ вспять, не замѣчая того. Это-то и заставляетъ насъ думать, что французамъ нужно бы предпринять работу внутренней провѣрки, психологическаго анализа. Это имъ было бы тѣмъ легче, что между ними есть серьезные мыслители, смотрящіе съ горестью на все происходящее вокругъ нихъ. Но ихъ не слушаютъ. Они слишкомъ мало патриоты, слишкомъ мало принадлежать къ революціонной традиціи, слишкомъ независимы отъ нея.

¹⁾ «The Empire is espionage, its incarnation is a mouchard» ^{o)} («The Times», 15-th March 1858).—А. И. Г.

^{o)} Имперія—это шпіонство, ея воплощеніе—шпіоны.

Въ этомъ-то и состоитъ великое зло, ибо мало отрицать монархическую и феодальную Францію, — она почти не существуетъ, — нужно эмансипировать себя отъ Франціи Беранже. Мало не симпатизировать вареоломеевской ночи, нужно также не симпатизировать сентябрьскимъ днямъ. Мало не желать отмстить за Ватерлоо, нужно не восторгаться болѣе при воспоминаніи объ Аустерлицѣ.

Къ счастью, Франція легче всякаго другого, стараго исторіей, народа можетъ войти въ новую фазу существованія, и это—ея громадное преимущество. Англія, напримѣръ, какъ огромныя каштановыя деревья въ ея паркахъ, держится на своей почвѣ корнями, которые идутъ, переплетаясь и теряясь, глубоко подъ землей. Въ юнымъ трудомъ она накопила громадныя богатства; примѣсь не отдѣлена отъ золота, — это правда, и она боится ихъ раздѣлить, чтобы не потерять и драгоценнаго металла вмѣстѣ съ лигатурой. Франція, напротивъ, не приобрѣла ничего окончательно. Она стряхнула мощной рукой готическую пыль и версальскую пудру, но еще не входила въ *нормальное* состояніе съ 89 г. Она до сихъ поръ находится въ томъ судорожномъ волненіи, которое уже два раза доводило ее до совершеннаго отрицанія всѣхъ своихъ правъ. Любя возмущеніе и централизацию, лишѣнная всякаго чутья свободы, Франція *желаетъ* освободить другіе народы, а сама до сихъ поръ еще не опредѣлила основныхъ принциповъ своего общественаго зданія. Принужденная бороться съ огромной коалиціей, занятая войной, она во время своихъ побѣдъ утратила всѣ приобрѣтенія 1789. Она смѣшала революцію съ войной и, разъ закрывши стацию свободы, болѣе не снимала съ нея покрывала.

Отъ поколѣнія до поколѣнія она возстаетъ, сзываетъ собранія и снова принимается за свою азбуку права, пересматриваетъ ее и забываетъ. У ней нѣтъ никейскаго «Символа Вѣры», принятаго разъ навсегда; у ней нѣтъ Common Law; у ней нѣтъ всѣми признанныхъ основныхъ принциповъ, — французы каждый разъ начинаютъ сначала: «Какія ненарушимыя права человѣка? Свобода печати есть ли ненарушимое право или нѣтъ? Должно ли быть признано право гражданамъ собираться?» и пр. Всѣ эти вопросы, невозможные въ Англии со временъ Кромвеля, въ Америкѣ со времени Вашингтона, ставятся на очередь во Франціи при каждой перемѣнѣ правительства.

Самыя эксцентрическія рѣшенія даются иногда этимъ азбучнымъ вопросамъ, но они не удивляютъ никого; ихъ даже признаютъ. «Да, люди могутъ сходиться, если число ихъ не превышаетъ 21. — Нѣтъ, люди не могутъ сходиться, если число ихъ превышаетъ 21». Вдругъ баррикады, революція—и опять: «Какія ненарушимыя права человѣка? Свобода печати есть ли ненарушимое право или нѣтъ?»

Должно ли быть признано право собраній?» Лексиконъ мѣняется, и уничтоженный старый порядокъ вещей является въ новомъ костюмѣ. Это напоминаетъ мнѣ фарсъ, игранный 1848—«*La propriété c'est le vol*» ¹⁾). Является Прудонъ съ объявленіемъ новаго закона. Статья I. *Les agents de change* ²⁾ уничтожены —Статья II. *Les agents de change* возстановляются подъ именемъ *agents d'échange* ³⁾).

Кто захочетъ прослѣдить красную нить, которая проходитъ чрезъ всѣ революціонныя *corsi* и *recorsi* ⁴⁾), тотъ найдетъ, даже въ самыхъ противорѣчащихъ вариацияхъ, одинъ неизмѣнный элементъ: это старый грѣхъ Рима—*любовь къ власти, ѣтрать управлять*. Всякій оттѣнокъ партіи, входя во власть, становится церковью—и горе еретикамъ. Ничего не оставляется на долю лица; его вѣрованія, его добродѣтели, его убѣжденія,—все это установлено государствомъ. Философскія идеи тровозглашаются въ формѣ гражданскаго закона. Декретомъ признанъ высшее существо. Люди принуждены говорить другъ другу *ты*, чтобъ не сдѣлаться подозрительными, и чувствовать другъ къ другу братскую любовь, чтобы не нарушить полицейскихъ законовъ. Издаютъ указъ, по которому должно вѣрить въ безсмертіе души,—но и этого мало: все это принимается безъ смѣха, этому повинуются, и послушники идутъ на казнь.

Какое безумное желаніе власти должно было развиваться при подобныхъ обстоятельствевахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое глубокое презрѣніе къ человѣческой личности! Можно ли послѣ этого удивляться, что Людовикъ XIV, пройдя чрезъ фригійскую шапку, сталь Наполеономъ?

Эта шаткость и неопредѣленность общественной азбуки не можетъ больше продолжаться. Имперія налицо, уничтожая мысль и чувство, преслѣдуя сожалѣніе и печаль, подслушивая у дверей, развращая, подкупая цѣною денегъ и крестовъ. Если это продолжится въ странѣ, которая имѣетъ только сбивчивыя понятія о правѣ, то послѣ одного или двухъ поколѣній поздно будетъ лѣчить.

Но, съ другой стороны, централизованный деспотизмъ всегда готовъ рухнуть. Чего Калигула желадъ Риму, то случилось въ Парижѣ: у Франціи только одна голова. Имперія ставитъ все на одну карту, которая можетъ лопнуть—отъ депеши изъ Евпаторіи, отъ бомбы, пущенной Орсини, или отъ холеры, посланной Богомъ. Тогда впереди откроется безграничное поле.

Въ томъ положеніи, въ которомъ Франція находится, можетъ

¹⁾ Собственность есть кража.

²⁾ Биржевые маклера.

³⁾ Биржевые посредники.

⁴⁾ Колебанія взадъ и впередъ.

ли она выйти, какъ новая Минерва, во всеоружіи изъ тѣсныхъ формъ, въ которыхъ она заключена? Мы надѣмся. Но во всякомъ случаѣ она выйдетъ не иначе, какъ пройдя черезъ чистилище воспитанія, совершенно не похожаго на то, которое она получала до нынѣшняго дня. Нужно отказаться отъ старыхъ грѣховъ; нужно отречься отъ отцовскаго дома или погребсти себя подъ его развалинами.

Будетъ ли продолжительно это воспитаніе?

Риму понадобилось для перерожденія четыре вѣка цезаризма до Константина и четыре—послѣ. Но съ такимъ путеводителемъ, каковъ нынѣшній цезарь, можно ручаться за скорый путь. И притомъ—*мертвые шагаютъ быстро въ наши дни!*

20 марта 1858. Путней. 2

Авторъ обѣщаль прислать намъ черезъ нѣсколько недѣль еще одну или двѣ вариации. Эти статьи будутъ напечатаны въ русской газетѣ «Колоколъ», которая выходитъ въ Лондонѣ каждая двѣ недѣли подъ редакціей г. Искандера.

1. 14 января—день покушенія Орсини и Піери, день, когда Наполеонъ III еще разъ напомнилъ всѣмъ о своей политической роли. Континентъ принялъ, конечно, сторону французскаго императора, и повсюду возбужденіе диктовало реакціонныя мѣры. Такое настроеніе готово было перекинуться и въ Англию. Пальмерстонъ внесъ въ парламентъ билль о заговорщикахъ (Conspiracy Bill), грозившій массою серьезныхъ стѣсненій европейской эмиграціи, находившей въ Англии полная гарантіи личной свободы и только что имѣвшей Орсини въ своихъ рядахъ. Страна не поддержала своего министра, и свобода не была стѣснена. Чувство глубокаго удовлетворенія было отвѣтомъ на это со стороны всѣхъ эмигрантовъ. Герценъ написалъ свою статью именно вслѣдствіе этого.

2. По поводу этой брошюры, выпущенной вскорѣ послѣ казни Орсини и Періо и очень непріятной для французскаго правительства. бар. А. И. Дельвигъ рассказываетъ: «Герценъ былъ мнѣ очень симпатиченъ. Одно не нравилось мнѣ въ немъ,—это тщеславіе, породившее въ немъ увѣренность, что онъ—власть, съ которой сообразуются дѣйствія императоровъ Александра II и Наполеона III и на которую онъ намекалъ неоднократно и въ особенности при передачѣ мнѣ нѣсколькихъ экземпляровъ его сочиненія, напечатаннаго передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Лондона: «La France ou l'Angleterre?», въ которомъ онъ обсуждаетъ, которую изъ этихъ странъ должна Россія выбрать своею союзницею. Я взялъ съ собою два экземпляра этого сочиненія. По приѣздѣ въ Парижъ меня спро-

силы на таможенѣ, не имѣю ли я съ собою запрещенныхъ книгъ, на что я заявилъ, что не могу знать, какія книги запрещены во Франціи и что между прочими книгами имѣю два экз. означенной брошюры. Оказалось, что она запрещена, но гаможенный чиновникъ спросилъ меня, приобрѣлъ ли я ихъ для собственной надобности и, получивъ утвердительный отвѣтъ, оставилъ ихъ у меня» («Мои воспоминанія», II, 433).

Относительно тщеславія Герцена, выражавшагося въ сознаниі его власти, будетъ сказано ниже и читатели увидятъ, имѣлъ ли Герценъ право считать себя властью.

Вскрѣвъ Герценъ получилъ слѣдующее письмо отъ В. Гюго отъ 13 апрѣля 1858 г.. «Ваше сочиненіе, мой отважный и дорогой согражданинъ, столь же содержательно по своей сущности, какъ идея, и сильно, какъ убѣжденіе. Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня одна лишь дума—будущее, и одна только община—единеніе человѣчества. Вы только что освѣтили настоящее положеніе вещей съ мастерскимъ искусствомъ; я согласенъ съ вами почти во всѣхъ пунктахъ и отъ глубины сердца, съ кликомъ «мужественно вперед!» посылаю вамъ свое братское рукопожатіе» (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена).

21 апрѣля писалъ ему и Луи Бланъ: «Мой дорогой Герценъ, беру на себя вольность рекомендовать вамъ товарища изъ изгнанію, который находится въ очень критическомъ положеніи. Это—бывшій кавалерійскій офицеръ, изгнанникъ. Онъ былъ высланъ изъ Брюсселя за то, что имѣлъ складъ газеты «L'Opposé», и теперь онъ въ Лондонѣ съ женой и дѣтьми, гдѣ перебивается съ нищетою. Я сдѣлалъ для него все, что позволяли мои ресурсы, очень, очень скудные, и снабдилъ его кое-какими рекомендаціями. Если для васъ возможно оказать ему нѣкоторую помощь, то въ вашей жизни будетъ однимъ добрымъ дѣломъ больше. Съ захватывающимъ интересомъ я прочиталъ вашу краснорѣчивую брошюру. Въ ней есть страницы, которыя я очень хотѣлъ бы считать своими: въ нихъ ваше сердце билось въ униссонъ съ моимъ. Но у васъ проглядываетъ почти увѣренность, что Франція умерла, а я, вопреки всѣмъ видимостямъ, чувствую въ ней жизнь. Что же касается до вашего мнѣнія, что философія социализма воплощена въ Прудонѣ, то, по чистой совѣсти, не могу съ этимъ согласиться. Чтобы быть вполне откровеннымъ, скажу даже, что не понимаю его. Но да здравствуетъ свобода мнѣній!

Tradidit mundum disputationibus eorum¹⁾. Весь вашъ Луи Бланъ, PS. Передайте мои чувства дружбы вашимъ друзьямъ».

¹⁾ «Предалъ (Богъ) міръ ихъ спорамъ» («Экклезіастъ», III, 11).

1043. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

5 apr. 1858.
Putney, Laurel house.

Liebe Malvida, Friedrich Althaus fragt mich, ob er meine Broschüre übersetzen kann—ich schrieb ihm, dass Sie wollten die Broschüre übersetzen—und dass ich Sie bitte, ihm zu schreiben. Also seien Sie so gut und tun Sie das.

Olga ist noch immer sehr böse—es heisst, die Sache geht viel langsamer und macht ihr viel Schmerz.

Adieu.

Переводъ.

5 апрѣля.

Милая Мальвида, Фридрихъ Альтгаузь спрашиваетъ меня, можетъ ли онъ переводить мою брошюру ¹⁾. Я написалъ ему, что вы хотѣли ее перевести, и что я прошу васъ ему написать. Поэтому, будьте добры, сдѣлайте это.

Ольга все еще очень зла; это значить, дѣло идетъ гораздо медленнѣе и причиняетъ ей много боли ²⁾.

Прощайте.

1044. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 апрѣля (1858).
Путней.

Праздникъ и рожденье ³⁾ были аболированы по случаю небольшой бѣды, которая теперь почти совсѣмъ миновала. Въ субботу передъ праздникомъ Оленька играла съ новой собакой, которую Саша упросилъ меня купить, — огромный ньюфаундлендъ. Собака смирная, но молодая; Оленька теребила ее за ухо; вдругъ она бросилась на нее и съ такимъ остервененіемъ схватила за лицо, что сдѣлала три раны: на лбу, на правой щекѣ и, главное, подъ лѣвымъ глазомъ. Все это случилось въ одно мгновеніе ока. Послали за Surgeon'омъ, за Девилемъ; Surgeon, дуракъ, прижегъ

¹⁾ См. № 1042.

²⁾ См. № 1044.

³⁾ Герцена.

серебрянымъ нитратомъ. Девиль пріѣхаль на другой день. Теперь, т. е. со вчерашняго дня, перестали дѣлать фоментаціи и положили пластырь, но хуже всего, что рубецъ подъ глазомъ останется. Огар., Нат. Алек. и дѣти,—всѣ были въ другой комнатѣ, я—наверху. Забѣйте, что собака всегда была въ комнатѣ. Впрочемъ, она совершенно здорова.

На-дняхъ, вѣдь, и ваши именины и рожденье; жму руку вамъ и Рейхелю.

Ужасно радъ вѣсти объ Юліи Федоровнѣ ¹⁾, поклонитесь ей много отъ души въ память 1838 года. Я чуялъ, что она здѣсь и не одна. Не побываетъ ли въ Лондонѣ? Передайте ей все, что у васъ есть изъ моихъ сочиненій (т. е. чего у Юл. Фед. нѣтъ). Знаетъ ли она главу о Владимірѣ и похожъ ли Пареніи? И Софьѣ Федоровнѣ ²⁾ кланяйтесь.

Качен. ³⁾ я безконечно доволенъ: онъ очень умный и дѣльный человѣкъ.¹

Наше дѣло идетъ все также хорошо, т. е. успѣшно; вліяніе «Колокола» громовое. Закревскій пишетъ *оправданіе*.

Здѣсь дѣла сумрачны; чѣмъ-то развяжется эта буря? неужели придется бѣжать и изъ этой пристани въ Америку? Вы, вѣрно, получили мою французскую брошюру. По скусу ли? Я бы послалъ экземпл. Юл. Фед.

А дѣти-то Голохв.? Чудеса! Не разсердятся ли они за Дм. Пав.? и зачѣмъ Надеж. Владим. ⁴⁾ умерла!

Прощайте, пишите.

А. Г.

◆◆ 1. По словамъ Н. А. Огаревой, П. В. Павловъ и Д. И. Каченовскій прочли въ домѣ Герцена нѣсколько лекцій. Павловъ уже тогда страдалъ маніей политическаго преслѣдованія, что Герцену стало ясно не сразу («Воспоминанія», 115—116).

Въ одно время съ Каченовскимъ былъ у Герцена и А. Н. Пыпинъ, рассказавшій объ этомъ въ «Моихъ замѣткахъ» («Вѣст. Европы» 1905, III, 42—43), но не сообщившій ничего новаго. Со-чувственный отзывъ о немъ Герцена см. на стр. 116 «Воспоминаній» Н. А. Огаревой.

М. П. Драгомановъ находилъ возможнымъ говорить о вліяніи Пав-

¹⁾ Курута.

²⁾ Каппель.

³⁾ Дмитрій Ивановичъ Каченовскій, профессоръ Харьковскаго университета.

⁴⁾ Голохвостова.

лова, которое формулировалъ такъ: «многія экскурси Герцена и Огарева въ область философіи исторіи Россіи напоминаютъ намъ лекціи пр. Павлова, слышанныя нами въ Кіевскомъ университетѣ». («Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву», стр. С). Воздерживаясь и здѣсь отъ высказыванія своего мнѣнія, считаю, однако, нужнымъ предостеречь отъ излишней довѣрчивости вообще ко всякимъ выводамъ о вліяніяхъ, которыя на дѣлѣ устанавливаются гораздо сложнѣе и съ меньшей вѣроятностью.

1045. [Примѣчаніе].

Съ искренней радостью печатаемъ мы эту статью. Въ общемъ мы съ нею совершенно согласны; мы сами хотѣли писать о томъ же вопросѣ, но охотно уступаемъ мѣсто новому сотруднику, представляя себѣ право послѣдствіи поговорить объ этомъ предметѣ. Послѣднія строки статьи, *не напечатанныя* нами, даютъ намъ право сердечно и горячо позвать руку неизвѣстнаго намъ автора,—онѣ глубоко насъ потрясли и тронули.

1046. L'appetit vient en mangeant ¹⁾.

Послѣ нелѣпой нападки на книгопродавца Трулова, издававшего брошюру Адамса: «Tyranicide is justifiable», здѣшнее правительство сдѣлало новое посягательство на свободу книгопечатанія.. оно добудится львиного языка свободной Британіи, если французское похмѣлье переживетъ Пальмерстона. Марта 23, утромъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ польскій изгнанникъ Станиславъ Тхоржевскій за изданіе письма Феликса Піа къ членамъ парламента.

1046bis. [Предисловіе ко 2-му изданію „Тюрьмы и ссылки“].

Когда Н. Трюбнеръ просилъ у меня дозволеніе сдѣлать *второе изданіе* моихъ сочиненій, изданныхъ въ Лондонѣ, я потому исключилъ «Тюрьму и ссылку», что думалъ въ скоромъ времени начать полное изданіе моихъ воспоминаній подъ заглавіемъ «*Былое и думы*».

Но, несмотря на то, что скоро сказывается сказка, да не скоро дѣлается дѣло, я увидѣлъ, что мой рассказъ еще не такъ

¹⁾ Appetitъ появляется во время ѣды.

близокъ къ полному изданію, какъ я думалъ. Между тѣмъ требованія на «*Тюрьму и ссылку*» повторяются чаще и чаще. Книжка эта имѣеть свою относительную цѣлость, свое единство, и я согласился на предложеніе г. Трюбнера.

Перечитывая ее, я добавилъ двѣ-три подробности (мою встрѣчу съ Цѣхановичемъ и исторію владимірскаго старосты...), но текстъ оставленъ безъ значительныхъ поправокъ. Я не раздѣляю шутя высказаннаго мнѣнія Гейне, который говорилъ, что онъ очень доволенъ тѣмъ, что долго не печаталъ своихъ записокъ, потому что событія доставляли ему случай провѣрять и исправлять сказанное.

21 апрѣля 1858.

Путней, близъ Лондона.

1047. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 апрѣля (1858),
Putney, Laurel house.

Дней шесть тому назадъ я написалъ къ вамъ письмо, запечаталъ, бросилъ на почту и... вчера вечеромъ получилъ его: я на немъ все написалъ—и вашу Reitbahn Гассу, и сколько трепель hoch, и Germanu, да бездѣлицу забылъ—*Dresden*. Это, кажется, въ первый разъ отроду. Досадно; впрочемъ, не хочу посылать старое письмо. Анненкова жду. Ольга выздоровѣла, рубцы не велики и еще уменьшатся. Погода здѣсь лѣтняя, даже жаркая.

Ну, занималъ ли васъ процессъ Бернара ¹⁾? Я высидѣлъ (съ утра 9 до 5) ежедневно въ Old baile ²⁾... За то ужъ и викторія была! признаюсь, это—своего рода Ватерлоо. Достаньте-ка полный процессъ; можетъ, въ нѣмецкихъ газетахъ онъ и не будетъ такъ испорченъ, какъ во французскихъ.

Послали ли вы «Колоколь» въ Рос.? Юли Ѳедор. дайте,—я, пожалуй, пришлю вамъ еще ихъ хоть 5 штукъ. Кланяйтесь ей много и много. Я помню когда В. ³⁾ крестили зимой 1838 года, вскорѣ послѣ моего пріѣзда.

А Тург. въ которую сторону поѣхалъ?

Прощайте.

¹⁾ См. «Былое и думы», главу «Not guilty».

²⁾ Судъ присяжныхъ.

³⁾ Владимиръ Ивановичъ Курута.

1048. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

26 avril (1858).
Putney.

Si vous écrivez à Campe—remerciez le pour sa lettre, dites lui que je le prie de m'envoyer 5 ex. des «Récits interrompus» et priez le de bien exprimer ma grande gratitude à M. Wendt.—La lettre est d'un intérêt et d'un comisme profond, je l'aurais de suite imprimée—mais je ne veux pas le compromettre et c'est pour cela que je ne lui écris pas directement. J'en ai fait un petit article pour le «Колоколь».

Quant à notre Marquis Posa de Pleskoff—je suis très mécontent de lui; il n'a pas d'ombre d'esprit de conduite, mais une très grande obstination. Ogareff le cajole comme un enfant—il semble l'écouter, nous verrons.

Il y a immensément de Russes, la fille du Prince Troubetzkoj née aux travaux forcés et ayant passé sa vie à Irkoutsk est arrivée.— Cette tradition vivante du 14 dec. a été du plus haut intérêt pour nous.

Adieu.

Переводъ.

26 апрѣля.

Если будете писать къ Кампе, поблагодарите его за письмо ¹⁾, передайте ему, что прошу прислать мнѣ 5 экз. «Прерванныхъ разсказовъ» и просите его выразить хорошенько мою большую благодарность г. Вендту. Его письмо полно интереса и глубокаго комизма. Я тотчасъ бы его напечаталъ, но не хочу его компрометировать, и потому же не пишу ему лично. Изъ его письма я сдѣлалъ статью для «Колокола» ²⁾.

Что касается нашего Маркиза Позы, Плескова, то я имъ очень недоволенъ. Онъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ надо себя вести, но зато страшно упрямъ. Огаревъ съ нимъ возится, какъ съ ребенкомъ; онъ пока его слушается, но увидимъ.³⁾

Безмѣрно много русскихъ. Пріѣхала дочь князя Трубецкого, родившаяся на каторгѣ и проведшая всю жизнь въ Иркутскѣ ⁴⁾; это живое преданіе 14 дек. было полно для насъ самаго высокаго интереса.

Прощайте.

¹⁾ Въ немъ выражена готовность издать нѣмецкій переводъ № 1042 и вообще издавать всѣ сочиненія Герцена.

²⁾ Вѣроятно, № 1061.

³⁾ Зинаида Сергѣевна, потомъ по мужу Свербева.

◆◆ 1. Плесковъ былъ человѣкомъ лѣтъ 35, одѣвался въ рускую синюю поддевку, изъ подъ которой виднѣлась красная рубашка, въ шаровары и русскіе сапоги. Разыскалъ Герцена, зная его по сочиненіямъ. Сначала онъ очень очаровалъ Герцена и Огарева, но вскорѣ оказалось, что онъ ничего интереснаго изъ себя не представлялъ и думалъ больше о возможности покутить. Незадолго до этого письма Плесковъ увлекъ сына Герцена, сопровождавшаго его по Лондону, въ какое-то увеселительное мѣсто, и домой А. А. могъ попасть только утромъ на слѣдующій день. Герценъ былъ очень недоволенъ этимъ (Огарева, «Воспоминанія», 114—115).

1049. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

Маркель—ein Mörser—mot estropié par les soldats. Шедшихъ... Crime de Cerneckj et de vous même. Comment donc ne pas connaître le verbe *aller*—итти?

Je suis allé—я шель.

NB. Jch erinnere mich gar nicht dieser Bemerkung.

NB². Wie elienweit?

Es ist nicht leicht, solche Seiten zu übersetzen, sogar sehr schwer. Die anderen Sachen von Tolstoj sind leichter, schade auch, dass dieses nur ein Fragment ist. Wahrscheinlich ist der ganze Charakter reel und wahr geschildert.

Heute, sagt man, kommt Tourgeneff.

Переводъ.

Маркель—мортира, слово, искаженное солдатами. Шедшихъ... Преступленіе Чернецкаго и васъ самихъ: Какъ же не знать глагола итти?

Je suis allé—я шель.

NB. Я совершенно не помню этого примѣчанія.

NB². Какъ *длинною въ локоть*?

Не легко переводить такія страницы, даже очень трудно. Другія вещи Толстого легче; жалко также, что это лишь отрывокъ. Весь характеръ правдоподобенъ, изображенъ реально и вѣрно.

Сегодня, говорятъ, пріѣзжаетъ Тургеневъ.

1050. Слухи.

Въ Парижѣ разнесся слухъ и былъ поддержанъ какой-то пиемонтской газетой, будто было посягательство на жизнь Александра II, будто его хотѣли отравить ядомъ въ ваннѣ, но что онъ изъ нея вышелъ и велѣлъ химически разложить воду, гдѣ былъ найденъ ядъ.

Мы этому не вѣримъ,—такъ, потому что нехочется вѣрить, потому что для насъ Александръ II «счастливая случайность», какъ сказалъ Александръ I *m-me de Staël*. Но поручиться за то, чтобъ это было невѣроятно, мы не можемъ. Мы только скажемъ 'одно: конечно, ни *одинъ благородный человекъ* въ Россіи не захочетъ смерти царя, который идетъ за одно съ народомъ и съ образованіемъ.

Но чего хочетъ старая дворня, за это поручиться нельзя.

Да прогоните же, наконецъ, старую дворню! Оно будетъ спокойнѣе, доблестнѣе, чловѣколюбивѣе и... безопаснѣе!

1051. Ватерлоо 17 апрѣля 1858 г.

Семнадцатаго апрѣля, въ мрачной залѣ Ольдъ-Бейльи, въ присутствіи четырехъ главныхъ судей острова, свобода Англій одержала великую побѣду надъ французскимъ деспотизмомъ. Симонъ Бернаръ былъ найденъ присяжными *не виноватымъ*. Двѣнадцать англичанъ *изъ народа* не рѣшились (какъ того хотѣла аристократія и богатое мѣщанство) жизнью Бернара снова купить благорасположеніе императора отъ полиціи.

Наполеону-мира—мирное Ватерлоо, а народу англійскому—честь, слава и свобода!

1052. Двухспальный листъ.

Мы очень серьезно совѣтуемъ князю Горчакову разувѣрить Европу, что «*Le Nord*» — русскій полуофіціальный органъ, или не удивляться тому, что русскій кабинетъ будетъ смѣшанъ съ кабинетомъ французскаго начальника *общественнаго спокойствія*. Что за *promiscuité* ¹⁾ такоѣ! Есть же въ канцеляріи министерства ино-

¹⁾ Подозрительная близость.

странныхъ дѣлъ писцы, которые не только читаютъ по-французски, но и умѣютъ понимать; пусть же кн. Горчаковъ велитъ имъ слѣдить за французскими статьями этого журнала; цинизмъ раболѣпій ихъ превышаетъ «Patrie» и «Constitutionnel». Если надобно имѣть органъ въ Европѣ, неужели нельзя имѣть свой собственный? «Аугсбургская Газета» давно ужъ толкуетъ о *французской* болѣзни «Норда». Что это за однокорытничество?

Вѣдь, и противъ балованнаго дитяти, неаполитанскаго короля, «Le Nord» кричалъ за то, что онъ сковаль Поэро! ¹⁾ чортъ знаетъ съ кѣмъ!

1053. [Перемѣны въ администраціи].

Съ удовольствіемъ узнали мы, что авторъ знаменитаго циркуляра, помѣщеннаго нами въ 10 листѣ «Колокола»—П. Новосильцовъ, рязанскій губернаторъ, удаленъ отъ должности ²⁾. C'est autant de pris sur le diable ³⁾. Говорятъ,—боимся вѣрить,—что и Панинъ близокъ къ закату... Въ какомъ же сиротствѣ останется Закревскій? Орловъ и онъ—это Касторъ и Полуксъ русской реакціи.

1054. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 мая (1858).

Putney, Laurel house.

4 мая. Писемцо ваше получилъ. Такъ вотъ оно какъ—на почтѣ крадутъ! Недурно. Только, было, путь нашелся... Впрочемъ, бѣды нѣтъ, буду посылать съ оказіей, а въ Россію идутъ и такъ. Пусть они тамъ постараются достать сами. Въ Дрезденѣ теперь нашъ знакомый—Плесковъ, въ крестьянскомъ платьѣ; вы бы познакомились съ нимъ. Живетъ онъ въ Hôtel de France; пошлите за нимъ. Юліи Федоровнѣ душевно кланяюсь.

¹⁾ Шарль, неаполитанскій государственный дѣятель.

²⁾ Новосильцеву принадлежитъ наглый циркуляръ полиціи о томъ, какъ усмирять крестьянъ; тамъ указывалось даже, когда исправникъ долженъ «молча улыбаться», ожидая приступа къ бою со стороны губернатора.

³⁾ Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ.

1055. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

5 mai (1858).

Mit der Parcel werden Sie Bodenst.-Puschkin bekommen—wenn Sie wollen, so kann ich Ihnen auch den russischen Onegin schicken.

Ich habe auf Ihren vorigen Brief keine Antwort geschrieben—weil ich nichts verstehen konnte—et dans ces cas il faut s'abstenir.

Einer von unsern alten Freunden Anenkoff ist gekommen, auch Turg. ist hier. Stellen Sie sich vor, dass unser Pos.-bauer anstatt nach Edinbourg zu gehen—ging ohne dass zu wissen nach Hamburg—der junge Simpleton, der mit ihm geht, verwechseln den Stierner.

Im Gouvernement Kowno ist Bauern-Aufstand—der Kaiser jagt einen Minister von den Alten—nach dem andern.

Adieu. Ich, wir alle hatten einen Coig.

Alex. hat die goldene Medaille bekommen.

Ihr

A. Herzen

Переводъ.

5 мая.

Посылкою получите вы Боденштедтовскаго ¹⁾ Пушкина, а если хотите, могу вамъ прислать также русскаго «Онѣгина».

Я не отвѣтилъ на ваше предыдущее письмо, потому что ничего въ немъ не понялъ, а въ такихъ случаяхъ надо воздерживаться.

Приѣхалъ одинъ изъ нашихъ старыхъ друзей—Анненковъ ²⁾; Тургеневъ также здѣсь. Вообразите, нашъ Поза-bauerъ ³⁾ вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Эдинбургъ, уѣхалъ, самъ того не зная, въ Гамбургъ—юный простофиля, который ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, перепуталъ пароходы. Въ Ковенской губерніи крестьянское возстаніе. Царь выгоняетъ старыхъ министровъ одного за другимъ.

Прощайте. Я, всё мы, съ насморкомъ.

Алекс. получилъ золотую медаль.

Вашъ

A. Герценъ.

¹⁾ Фридрихъ Боденштедтъ, нѣмецкій поэтъ, переводчикъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева и др.

²⁾ Павелъ Васильевичъ. ¹

³⁾ Крестьянинъ Плесковъ.

◆◆ 1. 30 мая 1858 г. Анненковъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Спѣшу извѣстить васъ, друзья мои, что я переѣхалъ проливъ съ глубокой благодарностью въ душѣ къ вамъ, очень благополучно» («Письма Тургенева и Кавелина къ Герцену», 118).

1056. Письмо къ А. П. Туманской ¹⁾.

7 mai (1858).
Putney Laurel house.

Madame, M. Trübner m'a communiqué votre désir de m'honorer d'une visite. Si rien ne vous empêche de choisir Samedi ou Dimanche entre 3 à 4h. je serai enchanté de vous recevoir. Au reste si vous le désirez, Madame, je me ferai un devoir de venir vous présenter mes hommages à Londres.

Recevez mes salutations empressées

A. Herzen.

Переводъ.

7 мая (1858).

Милостивая Государыня, г. Трюбнеръ сообщилъ мнѣ о вашемъ желаніи почтить меня своимъ посѣщеніемъ. Если вы свободны въ субботу или воскресенье между 3 и 4, то я буду очень радъ принять васъ. Впрочемъ, если вамъ угодно, я сочту своимъ долгомъ пріѣхать представиться вамъ въ Лондонѣ.

Примите мои горячія привѣтствія

Ал. Герцено.

1057. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

10 mai (1858).
Putney.

Nous nous proposons d'aller à l'instant même chez vous avec enfants et autres confitures—mais encore une escouade de Russes est venue qui nous entraîne à Richmond.

Au reste nous serons à la maison à 6^{1/2}, demi.—Hier *une dame* de la cour a été pour présenter ses hommages.

¹⁾ Александра Павловна, жена Антона Антоновича Туманскаго; жила тогда за границей; овдовѣла въ 1864—1865 г.г.

Nous n'avons pas le volume de Bodenstädt, je vous envoie *One-gine in crudo*.

Adieu.

Portez vous bien à la fin des fins.

Votre ami

A. Herzen.

Переводъ.

10 мая.

Мы только что собрались, было, итти къ вамъ съ дѣтьми и всякимъ скарбомъ, какъ вдругъ нагрнулъ еще отрядъ русскихъ и тащить насъ въ Ричмондъ. Впрочемъ, мы вернемся домой въ 6^{1/2}.

Вчера была *придворная дама* ¹⁾ съ цѣлью лично заявить свое почтеніе.

Изданія Боденштедта у насъ нѣтъ. Посылаю вамъ «Онѣгина» въ *подлинникъ*.

Прощайте.

Будьте здоровы, наконецъ, пора ужъ.

Вашъ другъ

A. Герценъ.

1058. Письмо къ И. С. Тургеневу.

(14 мая 1858).

Лондонъ. Giraudier Hôtel; 48, Hay market.

Письмо Вашего Превосходительства получено въ Путнеѣ въ 2 часа (среда).

Мы отправились по желѣзной дорогѣ South-West въ 2—26 минутъ и прибыли въ Лондонъ въ 2—45 м.,

Въ Сити въ 3 часа,

Къ Ротш. въ 3—15 мин.,

Послано въ Берлинъ въ

3—25 мин.

320 тал. = 48 liv.

Ты долженъ знать, что за всѣ комиссіи Ротшильдъ беретъ $\frac{1}{2}$ проц. и, сверхъ того, ты обязуешься на всю сумму платить мнѣ *en iode* 5 $\frac{1}{2}$, такъ что съ Ротш. выходитъ 6, а за мѣсяцы по расчету.

¹⁾ А. П. Туманская.

Послано ли S. Bleichroder ¹⁾
Burgstrasse

Письмо это отдаю Гар
потому оно пойдетъ
рованное, потомъ
я ему и далъ

1059. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 мая (1858).
Putney, Laurel House.

Пожалуйста, напишите мнѣ, получили ли вы 14 «Кол.»,—я его послалъ письмомъ въ пакетъ; неужели они и такъ будутъ воровать въ то время, какъ въ Россію довольно хорошо идутъ.

Видитесь ли вы съ Поляковыми? Онъ очень умный человѣкъ. Здѣсь русскихъ много; теперь ужъ начинается дамство ѣздить въ Путней (какъ въ Zoological Garden) да еще придворное.

Писалъ ли я вамъ, что Саша получилъ золотую медаль за сравнительную анатомію? онъ въ августѣ предстанетъ къ вамъ, если его не задержать на почтѣ. У насъ все такъ себѣ, Наташа страшно растеть, Оленька совсѣмъ не растеть, Марихень тоже,—мы съ ней пріятели съ тѣхъ поръ, какъ на благородной дистанціи; она теперь въ Брейтонѣ.

Прилагаю записочку, по которой вы черезъ кого-нибудь можете брать наши ключи ²⁾. Если, паче чаянія, будете писать къ Егору Иванов., то попросите его, чтобы онъ отъ меня отдалъ Вѣрѣ Артам. 25 *сереб.*: она, дошло до меня, въ большой нуждѣ.

Сашку и Пара-Reichel цѣлюю. Знаетъ ли онъ, т. е. Пара, какую Прудонъ издалъ книгу и что его опять отдадутъ подъ судъ?

1060. Розги и розги!

Газеты сообщаютъ изъ Россіи вѣсти о мѣстныхъ крестьянскихъ бунтахъ. Это надо было ожидать, потому что вопросъ освобожденія крестьянъ не былъ разрѣшенъ общей государственной мѣрой. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нужны во главѣ правительства люди твердыхъ убѣжденій, которые шли бы впередъ, не пу-

¹⁾ У этой и слѣдующихъ пяти строкъ концы оборваны.

²⁾ Каламбуръ: La cloche—колоколъ, le clof—ключъ.

гаясь ни своекорыстнаго ропота помѣщиковъ, ни мѣстныхъ водненій и не обращаясь изъ эмансипаторовъ въ истязателей.

Пора приступить къ общей государственной мѣрѣ выкупа крестьянъ съ землею, или мы пойдемъ навстрѣчу страшныхъ несчастій. Они начались;—и сердце обливается кровью при мысли, что теперь дѣлается!

Злодѣйства совершатся, людей засѣкутъ, какъ это было въ Киевской губерніи годъ тому назадъ! Злодѣйства эти скроются, благодаря второму бичу русской жизни,—*безбласности*, народъ будетъ оклеветанъ. Какой-нибудь Вреде вызоветъ его на мятежъ и какой-нибудь Эльстонъ-Сумароковъ всѣчетъ его въ порядокъ. Ужась! ужась!

Нельзя служить двумъ господамъ, нельзя разомъ освобождать крестьянъ и сѣчь ихъ!

1061. Матеріалы для некролога Авраамія Сергіевича Норова.

Что городъ—то Норовъ что столица—то Закревскій.

Авраамій Сергіевичъ почилъ отъ министерства, и для него, какъ для Наполеона на островѣ св. Елены, «уже потомство настаеть». Отставной министръ просвѣщенія, Гизо, самъ пишетъ свою біографію; келарь Авраамій Палицынъ тоже о себѣ писалъ самъ, но Авраамій Сергіевичъ, подобно родоначальнику всѣхъ Авраамовъ (доведшему свое историческое подобострастіе и вѣрноподданническія чувства до того, что чуть не прирѣзалъ родного сына Исаака) ждетъ новаго Моисея.

Для этого-то будущаго Моисея хотимъ и мы передать нѣсколько подробностей о добросовѣстныхъ трудахъ Авраамія Сергіевича и о неусыпныхъ попеченіяхъ его, сдѣланныхъ съ просвѣщенной цѣлью помѣшать распространенію нашихъ книгъ.

Лѣтомъ 1857 года Авраамій Сергіевичъ проживалъ въ Берлинѣ, лихорадочно поджидая государя (какъ будто онъ не могъ наговориться съ нимъ до сыта и до ленты въ Петербургѣ?). Вдругъ... въ его замкѣ народнаго просвѣщенія *in partibus* ¹⁾) раздается рожокъ, гремятъ цѣпи подъемнаго моста, и вѣзжаетъ оруженосецъ *Марковскій*, посланный отъ маркиза Паулуччи ²⁾), начальника тайной полиціи въ Варшавѣ. Паулуччи поручалъ министру просвѣщенія, черезъ Марковскаго, имѣть неослабное наблюденіе въ Германіи за русскими книгами, печатаемыми въ Лондонѣ. Просвѣщенный ми-

¹⁾ То-есть, *in partibus infidelium*—въ странѣ невѣрныхъ.

²⁾ Амилькаръ Карловичъ.

нистръ, желая оправдать довѣріе Паулуччи, тотчасъ принялся за дѣло и самъ поѣхалъ съ пакетомъ въ Дрезденъ. Въ Германіи, надо вамъ сказать, есть два-три отдѣленія Третьяго Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Еще при незабвенныхъ Леонтіи Васильевичъ ¹⁾ и Николаѣ Павловичѣ они были очень хорошо устроены: *берлинскимъ* отдѣленіемъ III Отдѣленія собственной канцеляріи завѣдывалъ Мантейфель ²⁾, саксонскимъ—Бейстъ. Къ нему-то первому и обратился старецъ Авраамій, поддерживаемый старцемъ Шредеромъ ³⁾ (изъ русскихъ); человѣкомъ, котораго учтивость была до того велика, что почти выходила изъ предѣловъ приличія.

Бейстъ, видя жандармское рвеніе министра народнаго просвѣщенія, поддержанное учтивѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ Шредеровъ, не исключая Шредеръ-Девриенъ, далъ слово (и сдержалъ его) запретить въ Саксоніи русскія книги, печатаемыя въ Лондонѣ, признаваясь откровенно и всенародно этимъ фактомъ, что Саксонія находится на положеніи Грузіи, и что ея царь Ираклій—гражданскій губернаторъ саксонскій и военный генераль-губернаторъ города Дрездена.

Авраамій Сергіевичъ, довольный успѣхомъ, снова возвратился въ берлинскую область. Въ уѣздномъ городѣ Потсдамѣ онъ встрѣтилъ гр. Адлерберга, кн. Горчакова и самого государя; съ ужасомъ жаловался онъ имъ всѣмъ на распространеніе русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ духѣ свободы и независимости, дерзающихъ касаться не только до предметовъ священныхъ, но и до первыхъ трехъ классовъ, не щадящихъ ничего, ни даже графа Панина. Онъ удивлялся преступному равнодушію Бруннова, который терпитъ въ Берлинѣ продажу ихъ. (Онъ не разсудилъ, что Брунновъ, проживши въ Англіи такъ долго, утратилъ рабскую книгобоязнь). Горчаковъ обѣщался принять мѣры, попросить, убѣдить, склонить кого надобно; у короля-намѣстника мозгъ уже размягчался тогда не по днямъ, а по часамъ. Мантейфель—свой человѣкъ, Герлахъ ⁴⁾—*покойниковъ* человѣкъ,—успѣхъ былъ несомнѣненъ. Но что довольно для успѣха, того не довольно для усердія, и потому состоящій при маркизѣ Паулуччи министръ народнаго просвѣщенія отправился самъ къ Мантейфелю.—«Кейзеръ, говоритъ, нихтъ волень... Зисмусенъ махенъ,—Прусишъ, Русишъ—камрадъ!» ⁵⁾.

¹⁾ Дубельтъ.

²⁾ Отто-Теодоръ, прусскій министръ президентъ.

³⁾ ?

⁴⁾ Леопольдъ, прусскій генераль, другъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV.

⁵⁾ Совершенно безграмотная нѣмецкая рѣчь. Норовъ хотѣлъ сказать: «Императоръ не желаетъ... Вы обязаны сдѣлать... Пруссаки и русскіе—друзья».

Мантейфель запретилъ наши книги во всей вѣрренной ему губерніи.

И намъ пришлось печатать послѣ всѣхъ этихъ рекламъ, перелисокъ, совѣщаній, Бейстовъ, маркизовъ отъ инквизиціи, министровъ отъ просвѣщенія, Марковского, Мантейфеля, ровно *одвое больше* нашихъ книгъ!

А надобно признаться, оригинально понималъ отецъ Авраамій министерство просвѣщенія: онъ, вѣрно, думалъ, что оно, какъ пожарное депо, назначено не для увеличенія просвѣщенія, а для предупрежденія и прекращенія его, гдѣ оно (чего Боже сохрани) нечаянно случится. Зато по-еврейски знаетъ онъ, по свидѣтельству «Аугсбургской Газеты», лучше всякаго раввина и талмудъ толкуетъ, какъ будто не выходилъ всю жизнь изъ синагоги.

1062. [Запрещеніе „Колокола“ въ Италіи].

Намъ пишутъ, что секретарь русскаго посольства въ Неаполѣ, г. Поггенполь ¹⁾, ходилъ по лавкамъ 27 августа ²⁾, страшая книгопродавцевъ и угрожая полиціей, если они будутъ продолжать продажу «Колокола» и «Полярной Звѣзды» (объ «Nord'ѣ» не сказано ничего!).

Охота же имъ компрометировать правительство, посольство, себя.

Впрочемъ, гдѣ есть порядочный и умный посланникъ, тамъ и не дѣлаютъ этихъ мелочныхъ набѣговъ, возьмите въ доказательство полное достоинства поведеніе нашей миссіи въ Парижѣ. Отчего? Оттого, что посломъ тамъ *графъ Киселевъ* ³⁾.

1063. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

18 mai (1858).

Putney, Laurel house.

Chère Malvida, la médication de Deville avait pour base la *belladone* en doses progressives et l'inspiration de chloroforme. L'herbe ou le thé que prenaient les enfants—était, il me semble, la *bourache*—mais je ne suis pas sûr, demain je saurai.

¹⁾ Василій Петровичъ, братъ редактора «Le Nord».

²⁾ См. № 1070.

³⁾ Павелъ Дмитріевичъ.

Vous ne pouvez pas vous imaginer la quantité de Russes—qui arrivent maintenant—es wimmelt bei uns von Russen.

Ogareff a été malade 3 jours et fortement, cela va bien maintenant.

Ist nicht Onegin bei Miss Reeve.

Adieu et soyez bien portante.

A. Herzen.

Переводъ.

18 мая.

Дорогая Мальвида, лѣчение, предписанное Девилемъ, состояло главнымъ образомъ въ *белладоннѣ* въ прогрессивныхъ дозахъ и въ вдыханіи хлороформа. Чай или трава, которую дѣти пили, была, кажется, «бурачникъ», но я въ этомъ не увѣренъ, узнаю завтра.

Вы не можете себѣ представить, какое множество русскихъ теперь наѣзжаетъ; здѣсь кишмя кишить русскими.

Огаревъ былъ боленъ 3 дня и сильно, теперь поправился.

«Онѣгинъ» не у миссъ Ривъ ¹⁾?

Прощайте и будьте здоровы.

A. Герценъ.

1064. Письмо къ М. Н. Рейхель.

20 мая 1858.

Putney, Laurel house.

Пожалуйста, напишите, получили ли вы мое послѣднее письмо—и 14 «Кол.», и вложенное письмо къ Авенариусу, и адресъ Полякова. Неаккуратность почтъ или преднамѣренное мошенничество мѣшаетъ мнѣ посылать вамъ во-время. Еслибъ Рейхель дозволилъ, я нарочно послалъ бы къ вамъ письмо черезъ министра внутри дѣлъ вашего, «не зная, молъ, какъ сдѣлать, прошу вашество перенести».

У насъ теперь Вас. Петр. Ботк.; облѣзъ, состарился, похожъ на стараго діакона разстриженнаго и все восхищается и шмакуетъ.

Отъ Тат. Алекс. письмо; между прочимъ, сильно жалобится, что вы ее не практикуете и вѣсточки не даете.

Прибавлю на желѣзной дорогѣ.

Прощайте.

¹⁾ Горячая почитательница Герцена, какъ родная относившаяся ко всему его семейству; пріятельница Мейзенбургъ.

Дѣти здоровы. Тургеневъ сегодня поѣхалъ женить князя Орлова ¹⁾).

1065. Надпись для неизвѣстнаго.

22 мая 1858.
Путней.

Въ знакъ искренней симпатіи отъ *А. Герцена*.

1066. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

26 мая (1858).
Putney.

Liebe Malvida, Ich schicke Ihnen ganz englisch eine Hälfte—einer Fünf-p. Schreiben Sie mir—wenn Sie dieselbe empfangen—dann schicke ich Ihnen die andere.

Der Russen giebt es eine noch grössere Masse. Korsch der Redakt. der «Moscauer Zeitung» ist auch hier. Wie es scheint, Alex. II ist schon ganz in dem Wege der Reaktion.

Alex. wird diese Tage zu Ihnen kommen, um eine Vorlesung zu halten.

M-me Reichel's Sohn liegt im Scharlach.

Adieu.

Переводъ.

26 мая.

Милая Мальвида, посылаю вамъ, — совершенно на англійскій манеръ, — половинку ассигнаціи въ 5 фунтовъ. Напишите мнѣ, когда получите ее; тогда пошлю другую.

Русскихъ еще гораздо больше. Коршъ ²⁾, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», также здѣсь. Какъ кажется, Алекс. II уже совершенно вступилъ на путь реакціи.

На этихъ дняхъ пріѣдетъ къ вамъ Александръ, чтобъ прочесть лекцію.

Сынъ г-жи Рейхель лежитъ въ скарлатинѣ.

Прощайте.

¹⁾ Николай Алексѣевичъ.

²⁾ Валентинъ Федоровичъ.

1067. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

27 mai (1858).
Putney Laurel house.

Ich schicke Ihnen zweite Hälfte. Es ist möglich, dass Sonnabend—
Sie werden sich recht wundern—Klapka und Freiligrath bei uns Mittag
essen werden um 7 uhr. Wollen sie auch dabei sein—so werden wir
einen anti-slavischen Verein machen—um die russische Diner's zu
parallsieren.

Adieu. Nichts neues.

A. H.

Переводъ.

27 мая.

Посылаю вамъ вторую половинку. Возможно, что въ субботу—
вы будете очень удивлены—Клапка ¹⁾ и Фрейлиграть ²⁾ будутъ у
насъ обѣдать въ 7 часовъ. Не желаете ли вы также присутство-
вать? въ такомъ случаѣ мы устроили бы анти-славянскій союзъ въ
противовѣсъ русскимъ обѣдамъ. ¹

Прошайте. Ничего новаго.

A. G.

◆◆ 1. Въ архивѣ семьи Герцена сохранились записочка Фрей-
лиграта и письмо Клапка. Первый сообщалъ 9 сентября 1858 г.,
что Клапка пріѣхалъ въ Лондонъ на короткое время, и далъ его
адресъ; второй писалъ 21 сентября 1858 г.:

«М. Г. и дорогой другъ, мой другъ и товарищъ по оружію,
генералъ I., просилъ меня познакомиться съ вами. Имѣя цѣлый во-
рохъ дѣлъ, нависшій надъ головой, я съ этими же строками пере-
сылаю его просьбу, и добавляю только, что онъ—одинъ изъ на-
шихъ братьевъ по изгнанію, одинъ изъ отличнѣйшихъ и пользую-
щихся наилучшею славою. Я увѣренъ, что вы примете его съ тою же
откровенною сердечностью, которою почтили и меня, и что вамъ по-
нравится его общество. Примите увѣренія въ моихъ самыхъ искрен-
ныхъ дружескихъ чувствахъ».

¹⁾ Георгъ, извѣстный венгерскій политическій дѣятель.

²⁾ Фердинандъ, нѣмецкій поэтъ, представитель революціонной поэзіи
1848 года.

1068. Письмо къ А. П. Туманской.

27 mai (1858).
Putney Laurel house.

Madame, il y a deux de mes amis qui sont sur leur départ—et j'ai beaucoup de courses à faire avec eux. Mais cela ne m'empêchera pas de venir vous présenter mes respects au commencement de la semaine suivante—je suis plus à Londres qu'à Putney; dans trois-quatre jours je rentre dans le calme de mon existence d'ermite — alors vous me permettrez de profiter de votre bonne intention de nous donner quelques heures.

Les nouvelles de la Russie ne sont pas gaies—réaction, inconsequence, et faute sur faute. Vieux Sonneur de Cloche—c'est à moi d'en faire un carillon.

Recevez mes salutations les plus empressées.

A. Herzen.

Переводъ.

27 мая.

Милостивая Государыня, двое моихъ друзей на-дняхъ уѣзжаютъ, и мнѣ надо много ходить съ ними. Но это не помѣшаетъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе въ началѣ будущей недѣли,—я теперь больше въ Лондонѣ, чѣмъ въ Путнеѣ; черезъ три-четыре дня я вернусь въ тишину своего уединенія, и тогда вы позволите мнѣ воспользоваться вашимъ добрымъ намѣреніемъ посвятить намъ нѣсколько часовъ.

Извѣстія изъ Россіи невеселыя: реакція, непоследовательность и ошибка за ошибкой. Старому звонарю Колокола—мнѣ надлежитъ поднять по этому поводу трезвонъ.

Примите мои сердечныя привѣтствія.

A. Герценъ.

1069. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 мая (1858).

Что же вы не пишете, выздоровѣлъ ли Сашка? Да кстати сообщите еще, получаете ли вы, по моему письму къ Авенариусу, книги. Въ Россіи реакція и реакція.

Дѣти всѣ здоровы.

Получили ли 15 №?

1070. СЛОВОБОЯЗНЬ.

«Кельнская Газета» объявляетъ на-дняхъ о новомъ запрещеніи «Колокола» въ Пруссіи. Въ Саксоніи всѣ наши періодическія изданія запрещены. Въ Неаполѣ секретарь посольства страшаетъ книгопродавцевъ ¹⁾; commis voyageur'ы Третьяго Отдѣленія въ генераль-адъютантскихъ мундирахъ, статскіе совѣтники, воображающіе себя тайными, обтекаютъ всю падшую часть Европы, шныряютъ по лавкамъ, открываютъ, доносятъ, употребляютъ нѣмецкихъ министровъ въ родѣ полицейскихъ сыщиковъ и трюфельныхъ ищеекъ, и нѣмецкихъ князьковъ въ родѣ бульдоговъ на «Полярную Звѣзду» и «Колоколь». Зачѣмъ все это? Откуда эта невѣжественная нетерпимость? Жаль, если это идетъ отъ государя: это такъ недостойно его; жаль, если это отъ министра Горчакова: намъ говорили, что онъ благонамѣренный человекъ, и мы готовы были вѣрится! ¹⁾

Или все это шалятъ «вторыя мѣста», добровольные ревнители и николаевскіе жандармы, оставленные теперь безъ занятій?

Неужели всякой власти, даже той, которая хочетъ добра, написано на роду не умѣть иначе слушать истину, какъ обвернутую въ фразы битаго раболѣпія, какъ подслащенную пошлой лестью? Языкъ свободнаго человѣка рѣжетъ ухо, размягченное риторикой византійскихъ евнуховъ въ гвардейскомъ мундирѣ, старыхъ ключниковъ и дворецкихъ покойнаго барина...

Какъ все это старо! Подобныя вещи, навѣрное, говорились Тарквиніямъ въ Римѣ, Кадму въ Афинахъ, самому Мельхиседеку (если спросить равви Авраамія Сергіевича) и, все-таки, лесть слушается, и, все-таки, ласка куртизанки принимается за чистыя деньги...

Съ 1 января нынѣшняго года «Колоколь» поставилъ своимъ знаменемъ «освобожденіе крестьян!» Только этимъ вопросомъ и занимался... по дорогѣ приходилось иной разъ хлестнуть, какъ кучера здѣсь хлещутъ засаленыхъ мальчишекъ, которые вѣшаются на рессоры, нашихъ баловней, нашихъ gamins и gamines ²⁾: Закревскаго, Панина, Марію Бредау, Сечинскаго, Мину Ивановну; но, въ первыхъ, зачѣмъ же они вѣшаются за рессоры, а потомъ неужели

¹⁾ Въ прошломъ листѣ «Колокола» вкралась слѣдующая ошибка: стр. 124 напечатано: «г. Погенполь ходилъ по лавкамъ 27 августа»; читай: 27 апрѣля.—А. И. Г.

²⁾ Мальчишекъ и дѣвчонокъ.

Александръ II и Горчаковъ III, III Отдѣленіе и IV министра, — эти quatre mendians ¹⁾ нѣмецкихъ двориковъ,—все это ополчилось за семейныя добродѣтели Мины Ивановны, за умъ Закревскаго, за цѣломудріе Маріи Бредау, за... за... ростъ Панина (другихъ достоинствъ онъ еще не успѣлъ показать)?

А потому мы и просимъ позволенія еще разъ повторить сказанное нами въ 9 листѣ «Колокола»:

«Дѣло русской пропаганды для насъ не капризъ, не развлеченіе, не кусокъ хлѣба,—а дѣло нашей жизни, наша религія, кусокъ нашего сердца, наша служба русскому народу.

«Мы работали не унывая тогда, когда не было никакого успѣха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ и нѣмецкіе министры дѣлъ отечественныхъ признаютъ нашу силу, наше вліяніе—мы остановимся?

«Будьте увѣрены, что нѣтъ. Съ рукою на сердцѣ присягаемъ мы передъ лицомъ Россіи продолжать работу нашу до послѣдняго біенія пульса. Она даже не прервется съ нашей смертію. Мы не одни, и умирая завѣщаемъ нашъ станокъ грядущему, юному поколѣнію, которое приметъ за него съ новыми силами, со свѣжими идеями.

«Насъ остановить можно только *уничтоженіемъ* цензуры въ Россіи, а вовсе не введеніемъ русской цензуры въ нѣмецкихъ краяхъ.

«Не надобно думать, чтобы мѣры эти были взяты только *противъ* насъ: онѣ столько же и еще больше взяты противъ государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лѣстницы, ведущей къ дворцовой передней, старается обвернуть языкъ «Колокола» нѣмецкими препятствіями, для того, чтобы его звонъ не доходилъ до Зимняго дворца!»²

◆◆ 1. 30 мая 1858 г. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Источникъ затрудненій не въ здѣшнемъ посольствѣ, не въ интригахъ Франка; они произошли отъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ *нѣмецкихъ* правительствъ, которыя обратились къ здѣшной полиціи съ указаніемъ на мнимую опасность твоихъ изданій. Слѣдствіемъ этого распоряженія было предписаніе книгопродавцамъ вообще не продавать твоихъ изданій; въ теченіе 14 дней они и не продавались, но теперь они снова разрѣшены, т. е. снова на это смотрятъ сквозь пальцы, и я самъ видѣлъ «Колоколь» и т. д. у Франка и въ rue de Rivoli; только нѣкоторые №№ «Колокола» (какъ-то 8-й и 12-й)

¹⁾ Четыре нищихъ.

да «Письма изъ Италіи» запрещены окончательно. Все это мнѣ сообщено подъ тайной и съ просьбою не давать огласки, а потому я прошу и тебя не говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что дѣло пока опять попало въ колею надлежащую. Иностранные книгопродавцы въ Парижѣ находятся совершенно въ рукахъ полиціи: одно слово—и ихъ отсюда выгонятъ» («Письма», 117).

Изъ письма Балабмна къ гр. П. Д. Киселеву узнаемъ, что кн. Горчаковъ сообщилъ ему по секрету, что «III Отдѣленіе предложило или собирается предложить вамъ запретить продажу «Колокола» въ Парижѣ. Я отвѣчалъ, что это доказываетъ только, что III Отдѣленіе заинтересовано, вѣроятно, непосредственно въ изданіи этого журнала, такъ какъ запрещеніе—наилучшее средство увеличить его продажу. Оно добьется того, что «Колоколь» появится съ переводомъ на французскій языкъ и что вмѣсто нашихъ путешественниковъ или, лучше сказать, кромѣ нихъ, его будетъ читать вся Европа» («Рус. Старина» 1902, XI, 385).

2. Въ началѣ 1858 г. Мельгуновъ писалъ Герцену: «Посреди такого положенія роль твоя, другъ, велика и благотворна. Вліяніе твое *безлѣтно*. «Herzen est une puissance» ¹⁾, сказалъ недавно кн. Долгоруковъ за обѣдомъ у себя. Прегніе враги твои по литературѣ исчезли. Все думающее, пишушее, желающее добра—твои друзья и болѣе или менѣе твои почитатели. Молодежь на тебя молится, добываетъ твои портреты, даже не бранить того и тѣхъ, кого ты, очевидно съ умысломъ, не бранишь. Словомъ, въ твоихъ рукахъ огромная власть и замѣтно, какъ ты зрѣешь не по днямъ, а по часамъ. Твое послѣднее письмо къ императору по поводу книги Корфа циркулируетъ въ спискахъ и производитъ неописанное дѣйствіе. Ничего подобнаго наша литература, дѣйствительно, не представляла.

«Но имѣя такое огромное значеніе, помни, что ты имъ обязанъ *исключительно* той роли, которую ты такъ благородно и самостоятельно принялъ въ послѣднее время,—быть возвѣстителемъ не только міру—это бы еще ничего,—а намъ и Александру II нашей гнили и мерзости. По твоимъ статьямъ подымаются уголовныя дѣла, давно преданныя забвенію, твоимъ «Колоколомъ» грозятъ властямъ. Что скажетъ «Колоколь»? какъ отзовется «Колоколь»? Вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ всѣ, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всѣхъ классовъ... Не думай, чтобы лезть руководила моимъ перомъ. Я говорю тебѣ правду... Послушай же, что я говорю тебѣ отъ имени всѣхъ друзей, всѣхъ почи-

¹⁾ «Герценъ—сила».

тателей, всѣхъ благомыслящихъ людей въ Россіи: дѣлай то, что ты теперь дѣлаешь, только въ еще сильнѣйшей степени—печатай всѣ гнусности, глупости и злодѣйства, казни ихъ безошадно, съ лицами, именами и пр., но обходись *еще* осторожнѣе съ императорской фамиліей, тѣмъ болѣе, что теперь она, положила руку на сердце, далеко не самое гнусное, что есть въ Россіи. Щади ихъ, не печатай объ нихъ статей въ родѣ тѣхъ, какъ ты напечаталъ, о старухѣ,—и повѣрь, ты еще сильнѣй будешь дѣйствовать. Вы скоро можете, не краснѣя, подать другъ другу руку съ Александромъ II и считать другъ друга союзниками на благо и счастье Россіи. Кстати же его ругаютъ твоимъ именемъ, спрашиваютъ новыхъ календарей, чтобы посмотрѣть, не представленъ ли онъ въ бородѣ, и говорятъ, что еслибы ты царствовалъ въ Россіи, то было бы не хуже. При такихъ обстоятельствахъ вся литература должна щадить лица, но зато тѣмъ безошаднѣе должно бить мерзости и гадости *en principes comme en faits* ¹⁾. Вспомни, другъ, что ты теперь выборный русской земли, единственный свободный русскій. Говори же съ властью тѣмъ языкомъ, какимъ бы мы съ нею говорили. Можешь ругать дѣла и людей минувшихъ царствованія, но перестань бранить покойника, чтобы не ставить сына въ ложное положеніе—какъ ни былъ гадокъ и преступенъ прежній царь. Дѣятельность твоя такъ мужааетъ, силы твои такъ растутъ, что ты уже можешь и *долженъ* взвѣшивать каждое свое слово, размѣрять каждый свой поступокъ. Немногимъ выпадаетъ такая достойная высокая роль въ жизни, какъ тебѣ, другъ! Сравнивя тебя съ Курбскимъ, нельзя не порадоваться тому, насколько мы нравственно выросли въ этотъ промежутокъ времени. Будь же выборнымъ русской земли, пусть благовѣсть твоего колокола широко раздастся въ ней, пробуждая мертвыхъ и живыхъ на общее дѣло. Ты сталъ остороженъ,—спасибо тебѣ за это. Ты сталъ недоувѣрчивъ,—это избавятъ тебя отъ тысячи промаховъ, которые повредили бы дѣлу. Роль твоя политическая и громадная. Войди въ нее съ головой и ногами» («Вольное Слово» 1883, № 58).

Каждому ясно, что роль Герцена была выдающейся, а вліяніе—огромно. Мельгуновъ не льстилъ и не преувеличивалъ. Дальше читатели не разъ будутъ имѣть возможность въ этомъ убѣдиться. Теперь же я приведу еще нѣсколько литературныхъ документовъ, доказывающихъ то же самое.

Вотъ что находимъ въ запискахъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля А. М. Унковскаго:

¹⁾ Въ принципахъ, какъ и въ дѣлахъ.

«Всего больше имѣла вліянія заграничная литература и именно литература «Колокола» Герцена; по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, когда я былъ судьей и въ первое время моего предводительства, Герценъ имѣлъ до такой степени сильное вліяніе, что не былъ дома, въ которомъ не было бы «Колокола». Даже, представьте, какъ курьезно онъ доставался, напр., мнѣ. Я получалъ его иногда отъ И. М. Симановскаго, жандармскаго полковника. Бывало, когда я получу раньше отъ другого, онъ беретъ у меня, тихонько, конечно. Помню его вопросъ: «Вы 23 № читали?» Нѣтъ. «У меня есть» — и смолкалъ. Могу засвидѣтельствовать, что въ теченіе 2 — 3 лѣтъ у большинства дворянъ совершенно перемѣнился весь образъ мыслей подъ вліяніемъ «Колокола». Думаю, что отъ этого вліянія не ускользнуло и правительство. Что Александръ II слѣдилъ за Герценомъ, читалъ каждую его строку, чутко прислушивался къ голосу «Колокола», небезызвѣстно всѣмъ. Между прочимъ, помню, 25 № «Колокола» вывелъ изъ терпѣнія государя. Въ этомъ номерѣ былъ призывъ къ топорамъ: «не лождетесь реформъ сверху—берите топоры». Государь оскорбился, разсердился и пересталъ читать Герцена. Общее мнѣніе было противъ выходки Герцена. Большинство убѣждено было, что этимъ номеромъ Герценъ много повредилъ дѣлу реформъ, отсрочилъ ихъ» («Рус. Мысль» 1906, VI, 192). Въ № 25 было помѣщено «Письмо къ редактору», въ которомъ, дѣйствительно, довольно безпощадно критиковалась вся политика Александра II и доказывалось, что никакого освобожденія сверху не произойдетъ. Но Унковскій ошибся—вліяніе «Колокола» было, громадно еще и гораздо позже.

Въ декабрѣ 1858 г. гр. Е. П. Ростопчина не забыла и Герцена въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ въ Москвѣ въ 1858 году». Ему и его единомышленникамъ графинею были посвящены слѣдующія строфы:

58.

Въ мнимой храмѣ науки
Странный высится алтарь.
Пишетъ сонмъ жрецовъ сторукій
Новый богу въ честь словарь,
Гдѣ, германцамъ въ угожденье,
Смыслу здравому на зло,
Всѣ слова, всѣ выраженья
Тучей тайны облекло... ¹⁾

¹⁾ Прочитавшій это мѣсто дядя автора, Н. В. Сушковъ, которому и посвящено все произведеніе, сдѣлалъ замѣчаніе: «Словарь германцамъ въ угожденье, здравому смыслу на зло и богу въ честь!.. Ужъ хоть бы бога-то не вводила ты въ подобное произведеніе». На это Ростопчина отвѣтила: «Да

59.

Вмѣстѣ съ русской рѣчью дѣдовъ
 Кстати Русь ломать хотятъ...
 На подобіе сосѣдовъ
 Землю русскую кроятъ...
 Ломъ и молотъ... ядъ и слово,—
 Все оружіемъ у нихъ,—
 Нашу ветошь на обновы
 Алчно рветъ собранье ихъ...

60.

Первожрецъ и предводитель
 Далеко... Но духъ его
 Присно съ ними! вдохновитель
 Онъ и всѣхъ ихъ и всего...
 Взоръ и руки простирая
 За моря въ его чертогъ,
 Вопіеть *научныхъ* стая:
Герценъ нашъ!.. *Искандеръ*—богъ!..

(«Рус. Старина» 1885, III, 693—694).

Почти одновременно цензура выпустила изъ стихотворенія графини Ростопчиной «Простой обзоръ», напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ», слѣдующія строфы, направленныя противъ Герцена и Огарева:

Въ учителя, въ апостолы, въ мессіи
 Пошли теперъ поэты и писцы,
 И ужъ у насъ чрезъ мѣру по Россіи
 Незваные плодятся мудрецы!
 Ученье ихъ—безсмыслый недоносокъ,
 Плодъ чуждыхъ странъ и дико имъ самимъ,
 Любовь ихъ къ меньшей братьи—отголосокъ
 Отчаянной вражды къ большимъ.

* * *

Легко бѣжать съ миллиономъ на чужбину
 И клеветой оттуда насъ громить,
 Ложь съ истиной мѣшать наполовину,
 Чтобъ нищихъ духомъ съ толку сбить!
 Чужую жизнь легко переименовать
 И ближняго не трудно очернить;
 Толпы трескучимъ словомъ одурачить,
 Себя же на ходули взгромоздить!

какъ же вы не поняли, что словарь превратнаго и безтолковаго языка пишется въ честь ихъ богу—Герцену, коего искандеризмы прославлены давно статьею Шевырева».

* * *

Легко корить того, кто не отвѣтитъ,
 И какъ легко позорить мертвеца!
 И тайной цѣли свѣтъ въ томъ не примѣтитъ
 И подтакнуть всѣхъ протачковъ сердца.
 Вотъ, напримѣръ, вотъ подвигъ знаменитый—
 Встревожить женскій неостывшій прахъ,
 Метнуть въ него стрѣлою ядовитой
 И желчь излить въ язвительныхъ стихахъ!

Ничего преувеличеннаго нѣтъ и въ словахъ Н., лично знавшаго Герцена: «Дворъ прислушивается къ Герцену; министры и губернаторы уже смѣщались, благодаря его обличеніямъ; весь подлый міръ дрожитъ передъ нимъ; вся молодежь стоитъ за него, и если въ Россіи вырастетъ лучшее, въ самомъ настоящемъ смыслѣ, патриотическое поколѣніе, то это—заслуга Герцена... Сочиненія его вездѣ: отъ государя до солдата» («Jahreszeiten» 1858, № 2, Januar).

Фактически распространенность «Колокола» была у всѣхъ на глазахъ, но это не мѣшало официально продолжать вести счетъ «немногихъ» ввозившихся въ Россію экземпляровъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ главноуправляющій почтами, Прянишниковъ, министру народнаго просвѣщенія, Ковалевскому, 6 марта 1859 г.: «на почтѣ имѣется комплектъ «Колокола» для комитета иностранной цензуры, между тѣмъ вашему превосходительству извѣстно изъ моего отношенія отъ 6 апрѣля 1858 г., что, по Высочайшему повелѣнію, эта газета предназначена только для личнаго вашего чтенія» (Архивъ мин. нар. просв., дѣло № 303, картонъ 164).. На ряду съ этимъ государь наказалъ юнкеровъ пяти училищъ, ожидавшихъ, по обычаю, въ маѣ производства въ офицеры, производствомъ только осенью 1858 г. и именно за то, что среди нихъ циркулировали номера «Колокола» («Рус. Стар.» 1909, IX, 553—556).

Какъ характерный для той эпохи курьезъ приведу разсказъ М. де-Пуле:

«Въ Воронежѣ наканунѣ освобожденія крестьянъ было, конечно, то же, что и вездѣ: то же одушевленіе, тѣ же надежды, та же страсть къ публичности, тотъ же восторгъ передъ «свободной» печатью; представителемъ которой былъ «Колоколъ» Герцена. Въ Воронежѣ, какъ и вездѣ, «Колоколъ» былъ сильно распространенъ, но распространеніе его здѣсь имѣло такой комической и школьный характеръ, который едва ли гдѣ встрѣчался. Въ Воронежѣ распространялись не листки «Колокола», печатавшіеся въ Лондонѣ (такихъ было очень мало), а рукописный «Колоколъ», наполовину, если не болѣе, фабриковавшійся въ самомъ же Воронежѣ,

съ цѣлью *устрашить* то или другое лицо. И устрашали! Подъ рубрикою «Намъ пишутъ изъ Воронежа» мнимые корреспонденты Герцена рассказывали разныя темныя дѣлишки мѣстныхъ администраторовъ, сообщали разныя неблаговидныя слухи, скандалы и т. п. Цѣль этихъ неосторожныхъ шалуновъ была, конечно, хорошая, но не все сообщаемое ими было правдиво, не все было нелицеприятно. Задѣты были многіе и въ томъ числѣ *лицо*, оскорбленное пасквилемъ. Видя успѣхъ, т. е. *страхъ* этихъ многихъ попасться на страницы воронежскаго рукописнаго «Колокола», довѣрчиво принимаемаго за лондонскій, шалуны становились съ каждымъ днемъ смѣлѣе, но, наконецъ, продѣлка эта была обнаружена и виновнымъ пришлось поплатиться выходомъ въ отставку, впрочемъ, безъ всякихъ другихъ дурныхъ послѣдствій» («Сочиненія» Никитина, 1908, 69).

Заграничные книгопродавцы, снабжавшіе герценовскими изданіями своихъ русскихъ коллегъ, пускались на всякія уловки, которыя постепенно дѣлались все остроумнѣе и замысловатѣе. 27 декабря 1858 г. шефъ жандармовъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что познанскій книгопродавецъ Зупанскій предполагаетъ послать въ Спб. сочиненія Герцена, для чего оклеилъ ихъ другими обертками и запряталъ такія книги въ середину тюковъ; парижскій же книгопродавецъ Кроликовскій прибѣгнулъ къ другой хитрости: вложилъ сочиненія Герцена въ посылку съ надписью «книги» между польскими газетами; лейпцигскій книгопродавецъ Шоръ вошелъ въ соглашеніе съ шляпной мастерской Фризеръ и весь посылаемый ей товаръ обертывалъ въ листы «Колокола» (Архивъ мин. народ. просвѣщенія, дѣла №№ 152074 и 152196).

24 августа новороссійскій ген.-губернаторъ, гр. А. Г. Строгановъ, увѣдомилъ шефа жандармовъ, что съ нѣкотораго времени тамъ получаютъ «прокламаціи» Герцена. «Воспрепятствовать отправкѣ ихъ на мѣстѣ невозможно, но, мнѣ кажется, легче помѣшать полученію ихъ въ Россіи. Не могутъ ли наши пограничныя почтовые отдѣленія обратить особое вниманіе на цѣлую серію однообразныхъ конвертовъ, надписанныхъ одною и тою же рукой, и воспрепятствовать доставкѣ ихъ, направляя сразу всѣ куда слѣдуетъ? Я не думаю, чтобы исполненіе этого было трудно и что эта мѣра была бы излишняя. Впрочемъ, ограничусь тѣмъ, что только сообщаю вамъ свою мысль въ ожиданіи, что вы найдете нужнымъ обратить вниманіе на самое зло».

При этомъ записка Долгорукова отъ 9 сентября: «Я отвѣчалъ гр. Строганову, что совѣтъ его примемъ съ благодарностью. Сдѣлать по его письму то исполненіе, какое признается наиболѣе удобнымъ и полезнымъ».

Въ октябрѣ въ III Отдѣленіе былъ доставленъ «списокъ проживающихъ въ Москвѣ лицъ, кои посылаютъ за границу въ журналы эмигранта Герцена статьи:

1. Ротмистръ А. И. Кошелевъ.
2. Колл. асс. Юрій Самаринъ.
3. Кн. Юрій А. Оболенскій.
4. Колл. сов. И. В. Селивановъ.
5. Тит. сов. Николай Павловъ.
6. Д. ст. сов. П. К. Щебальскій.
7. Цензоръ, надв. сов. Н. Э. фонъ-Крузе.
8. Отставн. проф. М. П. Погодинъ.
9. Почет. гражд. В. А. Кокоревъ.
10. Кн. Ник. Ник. Голицынъ и
11. Сынъ его студентъ.

Кн. Долгоруковъ написалъ на списокѣ: «Прислать мнѣ съ этого списка копію вмѣстѣ съ копіей свѣдѣній о сихъ вольнодумцахъ».

Такія свѣдѣнія были доставлены въ III Отдѣленіе уже въ 1859 г., но не о всѣхъ, вошедшихъ въ списокъ. Для характеристики жандармской работы того времени приведу изъ него аттестаціи лицъ, подозрѣвавшихся въ связи съ Герценомъ.

Погодинъ—«корреспондентъ Герцена, литераторъ, стремящійся къ возмущенію».

Фонъ-Крузе—«цензоръ, пріятель всѣхъ западниковъ и славянофиловъ, другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, готовый на все и желающій переворотовъ».

Павловъ—«литераторъ, корреспондентъ Герцена и готовый на все».

Оболенскій—«корреспондентъ Герцена».

Голицынъ—«корреспондентъ Герцена» («Рус. Архивъ» 1885, II, 449—450).

1071. Тамбовское дворянство.

Мы получили на дняхъ письмо, въ которомъ какой-то другъ тамбовскаго дворянства упрекаетъ насъ въ поспѣшности, съ которой мы «предали это дворянство анаѣмъ», повѣривъ статьѣ «Норда». Хотя авторъ письма и сознается, что онъ «мало знаетъ расположеніе тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ», тѣмъ не менѣе желаетъ защитить его. И мы ничего лучшаго не просимъ, какъ исполнить его доброе желаніе и «снять анаѣму»; мы сдѣлаемъ это тотчасъ, какъ только почтенный кор-

респондентъ нашъ *много узнаетъ* о хорошемъ расположеніи тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ. Мы до сихъ поръ, сверхъ статьи «Норда», читали рѣчь.какого-то Бланка ¹⁾, передъ которой іезуитское сочиненіе Безобразова ²⁾—зажигательная статья, и циркуляръ министра Ланскаго—такое же якобинское произведеніе, какъ бюллетень Ледрю-Роллена. Въ концѣ этого отвратительнаго дивирамба въ пользу крѣпостного состоянія и рабства сказано въ скобкахъ: «Рѣчь сія была принята собравшимся дворянствомъ съ восторгомъ и рукоплесканіемъ».

Что касается до князя Голицына ³⁾ и до г. Ліона, намъ до нихъ нѣтъ дѣла; мы охотно вѣримъ корреспонденту, что князь Голицынъ виноватъ, и безъ малѣйшаго труда примемъ, что г. Ліонъ неправъ. Мы знаемъ, что такое російское благородное дворянство, мы знаемъ, какъ Орловы и Панины бросились стремглавъ со ступеней трона, на которыхъ они стоятъ, закладывая имѣнія, боясь освобожденія крестьянъ.

Мы искренно будемъ рады, если тамбовское дворянство да и всѣ прочіе поймутъ, что оппозиція правительству и народу въ дѣлѣ освобожденія не только безнравственна и гнусна, но чрезвычайно опасна и можетъ навлечь на нихъ вещи несравненно болѣе чувствительныя, чѣмъ нѣсколько строкъ «Колокола».

1072. Pas de rêveries! Pas de rêveries!

Изъ Украйны пишутъ, что польскимъ журналамъ не только не дозволено печатать статей объ освобожденіи крестьянъ, но не позволяютъ перепечатывать статей изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Что это за безобразіе, что это за тупоуміе! Своимъ глазамъ не вѣришь... Александръ II похожъ на тѣхъ средне-вѣковыхъ паломниковъ, которые ходили въ Іерусалимъ два шага впередъ да одинъ назадъ; это лучшая метода, чтобъ *никуда не дойти* и оттоптать себѣ ноги до страшныхъ мозолей... По крайней мѣрѣ, тѣ шалили изъ любви къ Богу. А тутъ что за цѣль?..

1073. Киргизъ-кайсацкое мѣстничество въ наукѣ и въ Оренбургѣ.

Изъ военной *разсадницы*, взлелѣянной императоромъ Николаемъ, вышла цѣлая лейбъ-шеренга молодыхъ генераловъ, играющихъ важныя роли,

¹⁾ Григорій Борисовичъ, реакціонный публицистъ.

²⁾ Николай Александровичъ, «Объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства», Берлинъ, 1858.

³⁾ Сергѣй Петровичъ, авторъ нелѣпой «Печатной правды».

назначенныхъ къ еще болшимъ и потому имѣющихъ полное право на переключку въ «Колоколѣ».

Главная отличительная черта ихъ состоитъ въ томъ, что они не участвовали въ Крымской войнѣ или участвовали въ ней по мирной части.

Вырощенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свѣтъ Николаемъ, эти нео-гатчинскіе воины мира, эти якобинцы шагистки, эти Клейнмихели подъ разными названіями—Катениныхъ, Герштенцвейговъ, Тимашевыхъ, эти люди консерватизма, строя, погончиковъ и петличекъ, прикинулись реформаторами. Катенинъ—Лютеръ! Тимашевъ—Гуссъ! Кто во что гораздъ, тотъ то и улучшаетъ... пекутся о цивилизаци, объ эмансипаци, распространяютъ свѣтъ, строятся въ уровень вѣка, чувствуютъ силу новыхъ идей. Эпоха возрожденія да и только! Вотъ вамъ образчикъ.

«Аугсбургская Газета» отъ 2 мая рассказываетъ о радикальномъ улучшеніи кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ. Прежде кадетскій корпусъ состоялъ изъ двухъ классовъ (Schwadronen?), въ которыхъ учение было почти одинакое, и ученикъ въ тотъ или другой вступалъ по желанію. Но генералъ-губернаторъ Катенинъ ¹⁾ иначе разсудилъ дѣло и для того, чтобъ поставить на современную точку образованія опекунскій кадетскій корпусъ, велѣлъ въ одномъ батальонѣ принять только изъ родовыхъ дворянъ и учить ихъ больше, а въ другой принимать всякую всячину и учить меньше!.. А сколько классовъ въ сумасшедшемъ домѣ?

1074. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

4 juin (1858).

Putney, Laurel House.

Chère Malvida en cherchant un article j'ai trouvé, dans un état de décomposition très avancée *Eugene Onéguine*—tr. Bodenst. Je vous l'envoie.

Je lis maintenant le 3 vol. de Proudhon—eh bien—ma fatalité s'accomplit sur lui aussi,—tout sacrifier pour la vérité. L'homme qui a pu écrire un volume (200 pag. et plus) d'ignominie catholico romaine contre la femme, n'est pas un homme libre. C'est surprenant.

Est ce qu'il y a East-borne ou West-borne (là où vous avez été) de petits hôtels—pour un iour ou deux, si on voulait faire une promenade?

Переводъ.

4 іюня.

Дорогая Мальвида, отыскивая какую-то статью, нашелъ въ состояніи уже сильнаго разложенія «Евгенія Онѣгина» въ переводѣ Боденштедта. Посылаю его вамъ.

Читаю теперь 3-й томъ Прудона... И вотъ надъ нимъ также свершился рокъ—всѣмъ жертвовать для истины. Человѣкъ, который

¹⁾ Александръ Андреевичъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ.

могъ написать цѣлый томъ (200 страницъ съ лишнимъ) чисто римско-католической клеветы противъ женщины, не-свободный чело-вѣкъ. Это изумительно.

Есть ли въ Эстъ-Борнѣ или Уэстъ-Борнѣ (тамъ, гдѣ вы были) маленькіе отели — на день или два, если отправиться туда на прогулку?

1075. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

9 juin (1858). Putney, Laurel house.

Parmi les diverses fautes que j'ai commises—pourra aussi être une *photographie*—faites comme vous voulez.

Comment ne pas aller en Suisse lorsqu'on a une si belle occasion, je vous conseille fortement—et deux mois les meilleurs de l'année.

Il y a longtemps que je n'ai été si accablé d'une profonde douleur comme par le livre de Proudhon—Le monde romain s'en va—c'est une pierre tumulaire, Proudhon se fait statue lui même comme la femme de Loth,—après avoir tout compris il aboutit à l'holocauste de l'homme à la famille—et après—et après cela sera le triomphe *de la justice*. Le troisième volume, à l'exception du chapitre sur le progrès—est triste, triste, triste—c'est un vieillard qui dicte son testament.

Maintenant aidez moi. J'ai reçu de M. Hawkes et de M-me Milner Gibson des billets pour le Bazar Italien. Vous en qualité d'omniconspiratrice vous devez savoir ce que l'on peut leur envoyer. Par ex.—une 50 de Portraits de Worcell, une 100 de ma brochure «La France ou l'Angl.?»», une 100 d'une autre?

Demandez M-me Hawkes, ou Stansfield.

Aujourd'hui moi je dîne—chez les Russes. Leur nombre ne diminue pes.

Tout à vous A. Herzen.

Unsere Trina ist sehr krank—sonst geht alles gut.

Переводъ.

9 іюня.

Между различными ошибками, мною совершенными, можетъ также оказаться *фотографическая карточка*; поступите съ ней, какъ хотите.

Какъ же можно отказываться отъ поѣздки въ Швейцарію, когда представляется такой прекрасный случай? Я вамъ сильно совѣтую: эти два мѣсяца лучшіе въ году.

Давно мнѣ не было такъ невыразимо больно, какъ при чтеніи книги Прудона ¹⁾. Умираетъ римскій міръ, и эта книга—его надгробный камень; Прудонъ самъ себя обращаетъ въ статую, подобно женѣ Лотта. Понявъ все, онъ пришелъ къ тому, что принесъ чело-вѣка въ жертву семьѣ, а потомъ... потомъ наступитъ торжество *справедливости*. Весь третій томъ, за исключеніемъ главы о прогрессѣ, печалень, печалень, печалень. Это старикъ, диктующій свое завѣщаніе.

А теперь, помогите мнѣ. Я получилъ отъ г-жъ Гоксъ и Мильнеръ-Гибсонъ билеты на итальянскій базаръ. Въ качествѣ всезаговорщицы вы должны знать, что можно имъ послать; напр., 50 портретовъ Ворцеля, сто экз. моей брошюры «Франція или Англія?» и еще сотню другой? Спросите г-жу Гоксъ или Станфильдъ.

Сегодня я обѣдаю у русскихъ. Число ихъ не убываетъ.

Весь вашъ А. Герценъ.

Наша Трина ²⁾ очень больна; все остальное благополучно.

1076. Фанатикъ паспортовъ.

Какихъ фанатиковъ не бывало, отъ фанатиковъ языческихъ, христіанскихъ, магометанскихъ, до фанатиковъ вертящихся столовъ и толкущихся духовъ: но «Сѣверная Пчела» знакомитъ насъ съ новымъ видомъ этой проказы, съ фанатикомъ *паспортовъ* (въ 78 №). В. Кокоревъ навлекъ на себя гнѣвъ привилегированныхъ и цеховыхъ литературныхъ дѣлъ мастеровъ за то, что сталъ печатать свои статьи да еще предпочелъ *бельгійскую* «Пчелу» — *Сѣверной*. Гнѣвъ этотъ въ петербургскомъ «Нордѣ» ³⁾ дошелъ у какого-то Ст. В. до бѣшенства къ паспортамъ. В. Кокоревъ замѣтилъ, что «гдѣ нѣтъ паспортовъ, гдѣ движеніе каждаго не опутано никакими формами, полицейскіе чиновники не имѣютъ надобности придирааться, тамъ крестьянинъ не несетъ бесполезныхъ расходовъ, и дѣятельность въ жизни простого народа сильнѣе развивается».

Этого Ст. В. не можетъ вынести, его полицейскій патріотизмъ оскорбленъ этимъ.

¹⁾ «De la justice dans la revolution et dans l'Eglise», 1858, I—III.

²⁾ Бонна, уволенная вскорѣ за систематическія кражи.

³⁾ Умышленная ошибка: вмѣсто бельгійскаго «Норда» указана петербургская «Сѣверная Пчела».

Онъ, разумѣется, не знаетъ, что паспорта вообще учреждались съ политической и военной цѣлью, что они *должны препятствовать* сообщенію, а не способствовать ему: необходимость паспорта и визы есть уже полицейскій надзоръ, есть уже рабство. Съ усиленной системой паспортовъ соединяются воспоминанія самыхъ мрачныхъ періодовъ: террора 94 года, николаевского царствованія и пр.

Сидя подъ крыльями «Пчелы», разумѣется, можно писать такую нелѣпость, что «въ Англіи были бы рѣже страшныя злодѣянія, еслибъ всякій обязанъ былъ *доказать*, кто онъ таковъ».

Лучше организованной полиціи, какъ въ Лондонѣ и въ Англіи, не существуетъ въ мірѣ, ея дѣятельность и смысленность поразительны. Она только не ловка въ политическихъ преслѣдованіяхъ, ей не было случая развиться въ нихъ. Здѣшнее III Отдѣленіе въ подметки не годится тимашевскому, это — новый цвѣтокъ, пересаженный въ Англію трудами такихъ людей, какъ Пальмерстонъ. Порядочный человекъ, идущій здѣсь не краснѣя въ констабли, такъ же не пойдетъ на службу въ Scotland-Yard, какъ порядочный русскій не пойдетъ въ III Отдѣленіе.⁹

Арестъ Лани, убившаго французенку въ Арундель-стритѣ, на кораблѣ, отплывавшемъ въ Монтевидео, въ то время, какъ никто не зналъ ни имени, ни мѣста жительства его, долженъ изумить нашихъ сыщиковъ, даже тѣхъ, которые плутовски и лжесвидѣтельствуя обираютъ у раскольниковъ иконы и книги, особенно, когда они узнаютъ, что здѣсь нельзя полиціи ни въ домъ взойти безъ зова или судебного приговора, ни сѣчь по-эльтоновски, ни бить по-берингски. Какъ же полиція нашла? Отгадайте-ка, Ѳаддей Венедиктовичъ, на старости лѣтъ? Убийство было открыто тогда, когда убійца, ночевавшій у своей жертвы, ушелъ, т. е. затерялся, исчезъ въ этомъ омутѣ, котораго народонаселеніе равняется народонаселенію всей Сибири. Все, что объ немъ знали, это то, что онъ итальянецъ и молодецъ.

Ст. В. справедливо замѣтилъ, что еслибъ у него былъ паспортъ въ карманѣ, то его легко бы было узнать, но для этого надобно было двѣ вещи: карманъ и самого Лани; имѣя то и другое въ рукахъ, паспортъ дѣлается милымъ излишествомъ.

Такъ и быть, мы вамъ откроемъ секретъ. Въ четыре часа того дня, въ который совершилось преступленіе, печатныя афиши о немъ уже были приклеены въ Гаймаркетѣ и другихъ близкихъ мѣстахъ, въ 5 часовъ всѣ вечернія газеты перепечатали его, въ 6 весь Лондонъ читалъ, и въ томъ числѣ одинъ дворникъ. «Ба, говоритъ онъ себѣ, итальянецъ, дома не ночевалъ,—у насъ былъ итальянецъ, утромъ пришелъ съ исцарапаннымъ лицомъ, взялъ чемоданъ

и уѣхалъ въ доки». Онъ сообщилъ тому, сему. Полиція, услышавъ это, бросилась въ доки; корабль былъ готовъ плыть въ Монтевидео; Лани такъ мало думалъ о возможности быть пойманнымъ, что преспокойно завтракалъ, когда полицейскіе взошли.

Не попробовать ли *гласности* вмѣсто паспортовъ?

Въ Лондонѣ много воруячъ, хотя и далеко не столько, какъ у насъ въ гражданской и военной службѣ, несмотря на то, что у служащихъ есть не только паспортъ, но формулярный списокъ, дорожная, дворянская грамота, ученый дипломъ и свидѣтельство о святости причастіи, но, вѣдь, въ Лондонѣ не только крадутъ, но и много находятъ краденаго, и не только находятъ, но — я знаю, что въ Россіи никто мнѣ не повѣритъ — *отдадутъ* найденное хозяевамъ.

Больно видѣть, что въ русскую литературу пробирается больше и больше гуверnementальный тонъ, отстаиваніе устарѣлыхъ, рабскихъ учреждений; этого прежде не было. Литература молчала, говорила вздоръ, иногда льстила властямъ, но какой-то стыдъ, какое-то сознаніе своего загнаннаго, но оппозиціоннаго положенія удерживали литераторовъ отъ защиты крѣпостнаго состоянія, розогъ, палокъ, полицейскихъ стѣсненій. Едва намъ позволили немного громче говорить—явился Бланкъ, доблестный защитникъ помѣстнаго права, Безобразовъ, желающій освобожденіемъ еще больше закрѣпить крестьянъ, его сіятельство князь Голицыну, который какимъ-то лабазно-извощичьимъ языкомъ съ разными прибаутками хочетъ увѣрить крестьянъ, что земля не ихъ. «Одинъ помѣщикъ» — трогательно хвалить розги, «Одинъ чиновникъ» — умильно проситъ не учить крестьянъ грамотѣ, и отъ цинизма до цинизма мы доходимъ до обоготворенія полиціи. Горе дерзновенному, касающемуся до святости паспортовъ, адресъ-билетовъ и другихъ полицейскихъ ярлыковъ!

Если г. Ст. В. подъ заглавіемъ: «Дѣла и слова» могъ для защиты паспортовъ *напечатать*: «Къ чему крестьянамъ разѣзжать и разгуливать? съ крестьянина, идущаго на поле, не требуютъ паспорта!» — то я спрашиваю, отчего не помѣститъ г. В. Ст. подъ заглавіемъ «Слово и дѣло» статью о пользѣ преображенскаго приказа и пытокъ, доказывая ее тѣмъ, что въ Англіи именно оттого такъ сыро и такъ много идетъ дождя, что въ ней никого не пытаютъ?

Что касается до личностей, противъ г. Кокорева, котораго мы не видывали и не знаемъ, онъ просто поселяютъ отвращеніе. Мы ненавидимъ откупъ, считаемъ его безнравственнымъ, но винимъ правительство, а не откупщиковъ. Г. Кокоревъ najился откупами,—

ну, а *всѣ остальные*, которые нажились, лучше развѣ нажились? Не всѣ, какъ Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ и Николай Ивановичъ Гречъ, съ рожденіемъ принесли высокое аристократическое имя и колоссальное богатство...

И отчего же, напримѣръ, помѣщикъ, грабящій весь вѣкъ своихъ крестьянъ, опираясь на ту же защиту штыковъ, чище и доблестнѣе откупщика, особенно, когда откупщикъ самъ нападаетъ на откупъ и предлагаетъ выкупать землю для крестьянъ, а помѣщики будутъ ее продавать для самихъ себя?

1077. Архипастырское рвеніе о мракѣ.

Мертвые встаютъ! нѣмые глаголятъ! православные святители поднимаютъ слабый гласъ свой на противодѣйствіе наукѣ, во грѣхѣ мысли свѣтской зачатой. Вотъ что благовѣститъ преосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій за № 641 оберъ-прокурору святѣйшаго синода, сему стражѣ-блюстителю, охраняющему, аки пещъ вѣрный, паству господню, паству православную.

«Неоднократно доходили до меня слухи, что нѣкто иностранецъ Роде въ С.П.Б., въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разными картинами, не упоминая ни слова о Богѣ-создателѣ, показываетъ, что образованіе нашей земли со всѣми ея растеніями и животными, не исключая и людей, произошло только отъ дѣйствія естественныхъ силъ какой-то первобытной матеріи, въ продолженіе не *простыхъ* шести дней, а шести болѣе или менѣе длинныхъ періодовъ.

«Въ настоящее же время, какъ сказываютъ, этотъ Роде уже дѣлаетъ свои представленія публично, близъ Большого театра, въ циркѣ и, для большаго привлеченія народа, съ торжественною музыкою.

«Такое представленіе, явно колеблющее основаніе христіанства и истребляющее въ народѣ всѣми христіанскими народами благоговѣйно признаваемую и чтимую истину въ созданіи нашей земли отъ Всемогущаго, Премудраго и Всеблагаго Творца-Бога, весьма вредно для народной вѣры и нравственности.

«Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, чтобы означенное даваемое въ циркѣ представленіе было прекращено».

...Можетъ пастыри наши *умиленно* мечтаютъ, что, уничтожая свѣтъ дневной, они усугубятъ продажу свѣчей церковныхъ!

1078. Право гражданства, приобретенное „Колоколомъ“ въ Россіи.

Наконецъ-то, разрѣшено въ Россіи говорить о «Колоколѣ», хотя для начала только по-китайски (не выдумалъ ли это нашъ японскій цензоръ? ¹⁾), читая буквы сверху внизъ, а не въ строчку. Се n'est que le premier pas qui coute ²⁾! Перепечатываемъ стихотвореніе, вышедшее въ Петербургѣ съ тавромъ цензуры. Слухи о Conspiracy-Bill ³⁾ (который ученый поэтъ смѣшалъ съ Alien-Bill ⁴⁾) вдохновили Ижицу, а надежда видѣть меня повѣшеннаго «за полюса-звѣзду» или сосланнаго на каторгу въ Вотани-Бей (куда теперь не посылаютъ) издѣлалась слѣдующими виршами:

Б А С Н Я .

Ороскопъ кота.

(Акростихъ).

Коть Васька, желчный и кривой,
 Отсюда въ Альбѣионъ забрался,
 Ломать придумалъ край родной,
 Онъ вчужѣ, знать, ума набрался:
 Къ мадзиновскимъ рядамъ присталъ.
 Онучки съ полушубкомъ тертымъ,
 Лежанку, на которой спалъ,
 Ъ . . . . .
 Щипать, да рыть не уставалъ
 И весь тотъ соръ въ журналъ издавалъ,
 Какъ вдругъ молва о томъ идетъ,
 У бриттовъ alien-bill въ законъ войдетъ,—
 Пришельцу Васькѣ сталъ грозить
 Европы общій приговоръ:
 Такихъ, какъ онъ, велятъ ловить;
 Ловить, чтобы печатный вздоръ
 Ясновельможный котъ и воръ,
 Гремучимъ наполняя соромъ,

¹⁾ И. А. Гончаровъ.

²⁾ Лиха бѣда начать.

³⁾ Законъ о заговорахъ.

⁴⁾ Законъ о чужестранцахъ.

Отважно не бросаль въ ~~людей!~~
 Тутъ Ваську какъ ~~освищуть~~ хоромъ,
 Отправятъ вдругъ въ Ботанибей,
 Великъ: за полюса-звѣзду повѣситъ,
 А колоколъ коту къ хвосту привѣситъ!
 И выйдетъ тутъ такой трезвонъ,
 Что мыши, крысы и педанты,
 Сулилъ которымъ гибель онъ,
 Не попадутъ ужъ въ арестанты!

Ижицынъ.

Г.-с. Колокольщику. петля ютова ичсн. Оно мило, забавно, но крѣпко; сама *Ижица чихнула*, иначе я не могу объяснить окончаніе акростиха *ичсн.* A vos souhaits ¹⁾! Будьте здоровы, Ижица! ¹

◆ 1. Подъ псевдонимомъ «Ижицына» скрылся сподвижникъ Булгарина и Греча — Борисъ Федоровъ; листокъ его выпущенъ въ СПБ. въ маѣ 1858 г. Это было первое, хотя, правда, и замаскированное, выступленіе въ Россіи, съ благословенія цензуры, противъ Герцена. «Ичсн», мнѣ кажется, надо читать: «и чортъ съ нимъ». Добролюбовъ написалъ тогда для «Современника» ядовитую рецензію объ этомъ листкѣ, но цензура ее не пропустила (его сочиненія подъ моей редакціей, II, 289).

До сихъ поръ, правда, не найдено историческаго документа который далъ бы право категорически утверждать, что Борисъ Федоровъ былъ инспирированъ кѣмъ-нибудь изъ лицъ правительства, но, зная настроеніе послѣдняго, такую инспирацію можно предполагать почти безошибочно: вѣдь, иначе цензура не наложила бы на акростихъ своего тавра.

И надо отдать справедливость Ижицыну — онъ не обладалъ гражданскимъ мужествомъ, у него не хватило духу открыто выступить подъ собственнымъ именемъ.

Чтобы еще разъ судить о роли и вліяніи Герцена въ самой Россіи, приведу два свидѣтельства современниковъ.

«Искандеръ теперь, — 6 октября 1857 г. занесла въ свой «Дневникъ» Е. Штакеншнейдеръ, — властитель нашихъ думъ, предметъ разговоровъ. Что изречетъ онъ въ Лондонѣ, то подхватывается въ Петербургѣ и комментируется, а больше смакуется, какъ нѣчто сладкое, когда оно въ сущности горько. Странная дѣла про-

¹⁾ Исполненіе желаній!

исходятъ, въ удивительное время попалась я жить!.. «Колоколь» прячутъ, но читаютъ всё; говорятъ, и государь читаетъ. Корреспонденціи получаетъ Герценъ отовсюду, изо всѣхъ министерствъ и, говорятъ, даже изъ дворцовъ. Его боятся и имъ восхищаются. Онъ, само собой, запрещенъ; читаютъ его или въ одиночку, украдкой или въ очень интимныхъ кружкахъ и говорятъ о немъ тоже не открыто. Говорить открыто, а тѣмъ болѣе писать, запрещено; но и потихоньку, въ своемъ кружкѣ, говорить можно не все: осуждать, критиковать, сомнѣваться въ чемъ-нибудь, изданномъ Герценомъ, нельзя, еще строже запрещается либералами; чѣмъ его хвалить или просто читать запрещено предержавшей властью, правительствомъ. ...И имѣемъ мы теперь двѣ цензуры и какъ бы два правительства, и которое строже—трудно сказать» («Голосъ Минув.» 1915, XI, 185—186).

Второй свидѣтель—Гиляровъ-Платоновъ.

«Припомнимъ пятидесятые года, *пятидесятъ седьмой* по преимуществу и слѣдовавшіе за нимъ ближайшіе. Лондонская типографія съ издателемъ Трюбнеромъ въ *Paternoster row* зашибали деньгу; листки и книжки русскія, дотолѣ невиданныя въ Лондонѣ, разлетались оттуда въ неимовѣрномъ числѣ экземпляровъ; стекла магазиновъ въ Берлинѣ, Франкфуртѣ, Парижѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Висбаденѣ, Баденѣ, Гомбургѣ, Эмсѣ, Остенде, Біарицѣ, — во всякомъ городкѣ, словомъ, Европы, куда только ступала русская нога, красовались разныя «Звѣзды», «Колокола», «Голоса», революціонные катехизисы разныхъ наименованій; бралось дорого, платилось хорошо; жадные *бухдруккеры* и *ферлееры* наперерывъ предлагали свои услуги русскимъ перьямъ; всякую дребедень легко было напечатать и даже хорошо сбыть..... Въ чемоданахъ, въ сапогахъ, въ подкладкахъ платья, подъ видомъ обертокъ, и наконецъ, въ чистосердечныхъ тюкахъ, подъ охраной фактора-еврея или подъ охраной, еще болѣе сильной и надежной, высокопоставленнаго лица, котораго не смѣютъ въ таможнѣ ни обыскивать, ни заподозривать, шли всѣми путями, сухопутными и морскими, эти листки и книги въ Россію. Выходили эти колокола, звонили, звѣзды ослѣпляли, катехизисы поучали. Кто не читалъ, не слыхалъ, не видѣлъ? Только лѣнливый читать, лишенный любопытства, обдѣленный чувствомъ общественнымъ. Запрещенный плодъ манилъ тѣмъ сильнѣе; пряность слова не только смѣлаго, но дерзкаго, сопровождаеннаго притомъ всегда фейерверкомъ несомнѣннаго остроумія, увлекала еще болѣе. Герценъ царилъ; его катехизисъ становился символомъ вѣры, особенно для возростававшихъ: это былъ высшій трибуналъ и плаха, гроза, и кара. А онъ, до того, было, затерявшійся въ толпѣ изгнан-

никовъ и бѣглецовъ всего свѣта, возведенный внезапно въ званіе пророка, законодательствовалъ и изрекалъ тѣмъ самоувѣреннѣе, принимая въ минуты отдохновенія поклоны и доклады, личные и заочные, со всѣхъ концовъ Россіи» («Современ. Извѣстія» 1870, 11 янв.).

1079. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 іюня 1858.

Вотъ вамъ еще «Колоколь». Письмо ваше получилъ; изъ Россіи вѣсти скверныя. Видно, надо долго побороться. Сегодня Сашѣ 19 лѣтъ... Подумайте, не давно ли, кажется, Прасковья Андреевна ¹⁾ ѣздила во Владиміръ... Черезъ мѣсяцъ онъ будетъ у васъ. Дѣти здоровы; мы ѣдемъ дней на пять къ морю.

Все ли у васъ хорошо?—Прощайте.

1080. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 Juny (1858).

Putney, Laurel House

Liebe Malvida, wir gehen heute nicht nach Hastings, Ogareff ist nicht ganz wohl. Wir werden also zu Hause bleiben (oder nur etwas spazieren).—Wollen sie kommen? Niemand und Keiner (sauf des Russes nouvellement arrivés). Stellen sie sich vor, dass Trübner mir einen Kästen Champagner geschenkt hat!

Haben Sie so etwas erwartet?

Aus Russland schlechte Nachrichten, die den Og. etwas betrüben.

Ihr A. Herzen.

Переводъ.

25 іюня.

Милая Мальвида, мы не отправляемся сегодня въ Гастингсъ: Огаревъ чувствуетъ себя не вполне здоровымъ. Итакъ, мы остаемся дома (или развѣ немного пройдемся). Не придете ли? Не будетъ никого (кромѣ недавно прибывшихъ русскихъ). Вообразите, Трюбнеръ подарилъ мнѣ ящикъ шампанскаго! Ожидали ли вы чего-нибудь подобнаго?

Изъ Россіи плохія вѣсти, которыя нѣсколько смутили Огарева.

Вашъ А. Герценъ.

¹⁾ Мать Рейхель.

◆◆ 1. Эти извѣстія, вѣроятно, касались и Н. М. Сатина. 18 апрѣля 1858 г. генераль-лейтенантъ Павелъ А. Тучковъ просилъ шефа жандармовъ снять съ Сатина полицейскій надзоръ, а за два дня до этого московскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ, что Сатинъ намѣренъ вскорѣ отправиться съ женой и 5 дѣтьми въ Германію и Францію и уже дважды, слѣдуя тогдашнему порядку, публиковалъ объ этомъ въ «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». Между тѣмъ извѣстно, что онъ везетъ съ собой въ подарокъ Герцену разныя вещи: солонку, полотенца, холстъ и пр., а также много статей для «Колокола»; извѣстно также, что кому-то въ Москву присланъ прекрасный стереоскопный (группою) портретъ Герцена съ дѣтьми и Огарева съ женою, и что Герценъ хочетъ отдать въ московскій университетъ своего сына. Сатина считаютъ въ Москвѣ «западнымъ славянофиломъ».

25 апрѣля князь Долгоруковъ помѣтилъ на бумагѣ: «Высоч. разрѣшено сдѣлать распоряженіе, чтобы заграничнаго паспорта Сатину выдаваемо не было». Въ тотъ же день было сообщено П. А. Тучкову, что надзоръ снять съ Сатина еще въ январѣ 1857 г., за границу же уволить его «неудобно». Немедленно же министромъ внутр. дѣлъ было отпечатано предписаніе всѣмъ губернаторамъ о невыдачѣ Сатину заграничнаго паспорта (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1849 г., 1 эксп., дѣло № 67, ч. 5).

1081. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

29 Juny (1858).
Putney, Laurel House.

Ogareff's Gesundheit ist immer nicht ganz gut, er hat starke Kopfschmerzen und etwas Schwindel, deswegen gehen wir nicht vor Freitag. Ich bin ganz in Ihrer Disposition,—was für eine Konsultation oder Diskussion Sie haben wollen?—je suis à vos ordres.

Og. kann nicht zu Rubinstein und Ioachim gehen.
Ihr ergebener Freund

A. Herzen.

Zahlen Sie ja kein Geld dem Abicht.
Ich habe etwas mit Tallandier gesprochen—incurable!

Переводъ.

29 іюня.

Здоровье Огарева все еще не важно, у него сильная головная боль, бываютъ и головокруженія; поэтому раньше пятницы мы не выйдемъ. Я весь въ вашемъ распоряженіи. Что за консультацію или дискуссію вы хотите имѣть? Жду вашихъ приказаній.

Ог. не въ состояніи итти слушать Рубинштейна ¹⁾ и Іоахима ²⁾.
Вашъ преданный другъ

А. Герценъ.

Не платите Абихту ни гроша.
Я поговорилъ съ Таландье,—неизлѣчимъ!

1082. 1 іюля 1858.

Годъ тому назадъ вышелъ *первый листъ* «Колокола». Невольно останавливаемся мы, смотримъ на пройденный путь... и на душѣ становится грустно и тяжело.

А между тѣмъ въ продолженіе этого года ебылось одно изъ нашихъ пламеннѣйшихъ упованій: начался одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ Россіи, тотъ, который мы предсказывали, жаждали, звали съ дѣтскихъ лѣтъ,—началось освобожденіе крестьянъ.

Но на душѣ не легче и чуть ли мы въ этотъ годъ не сдѣлали шагъ назадъ.

Причина очевидна, мы ее скажемъ прямо и мужественно: *Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи.* Въ прошломъ іюнѣ онъ еще стоялъ, какъ богатырь нашихъ сказокъ, на перекресткѣ; пойдеть ли онъ направо, пойдеть ли онъ налѣво, нельзя было знать; казалось, что онъ непремѣнно пойдеть по пути развитія, освобожденія, устройства... Вотъ шагъ и еще шагъ,—но вдругъ онъ одумался и повернулъ

Слѣва да направо ³⁾).

Можеть, еще есть время... но его мчатъ дворцовые кучера, пользуясь тѣмъ, что онъ дороги не знаетъ. И нашъ «Колоколь»

¹⁾ Антонъ Григорьевичъ концертировалъ тогда въ Лондонѣ.

²⁾ Іосифъ, знаменитый скрипачъ и композиторъ.

³⁾ Перифразъ стиха Некрасовской «Шарманки».

напрасно звонить ему, что онъ сбился съ дороги, звонить ему бѣдствія Россіи и собственную опасность.

Но въ томъ-то и бѣда, что сильные міра сего не умѣютъ ни слушать, ни даже вспоминать. Исторія передъ ними, но не для нихъ она передаетъ горькій опытъ народовъ и строгій судъ царей потомствомъ.

Выбрать, имѣя въ своей волѣ выборъ, изъ двухъ ролей: Петра I и Пія IX, роль Пія IX, это—высшій примѣръ христіанскаго смиренія.

Но скажутъ намъ: Петръ I былъ геній, геніи рождаются вѣками, не всякій царь, который захочетъ быть Петромъ, будетъ имъ. Въ томъ-то и дѣло, чтобъ быть для Россіи вторымъ Петромъ въ наше время, не нужно быть геніемъ, для этого достаточно любить Россію, уважить, понять человѣческое достоинство въ русскомъ и вслушаться въ его мысль, въ его стремленія. Можетъ, геній повредилъ бы многому, какъ самъ Петръ I; онъ втѣснилъ бы свою личную волю, вмѣсто развитія зародышей, которые взошли и которыхъ только не надо ни полоть, ни топтать, ни насиловать, предоставляя имъ самимъ ростъ и устраняя препятствія. Петру I приходилось создавать и казнить; въ одной рукѣ у него былъ заступъ, въ другой топоръ. Онъ дѣлаетъ просьбу въ дичи и, разумѣется, зря порубилъ хорошее рядомъ съ дурнымъ. Мы перестали любить терроръ, въ чемъ бы онъ ни былъ и какая бы цѣль его ни была.

Терроръ столько же ненуженъ, какъ и геній, въ наше время. Дѣятельная, мыслящая часть Россіи идетъ быстро впередъ, знаетъ, чего хочетъ, заявляетъ это общественнымъ мнѣніемъ. Въ концѣ прошлаго царствованія, несмотря на опасность, на гоненія, мысли, бродившія въ умахъ, были до того сильны, что создали подземную рукописную литературу, ходившую изъ рукъ въ руки. Впослѣдствіи тотъ же порядокъ мыслей выражался восторгомъ, съ которымъ были приняты всѣ хорошія начинанія новаго правительства. Половина петровскаго дѣла, и самая трудная, дѣлается теперь хоромъ. Около Петра все молчало; онъ, проснувшись раньше другихъ, долженъ былъ будить, догадываться, выдумывать. Теперь проснулись многіе, теперь многіе опередили и ждутъ, когда ихъ позовутъ на совѣтъ. Реформамъ Петра противился весь народъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ; реформамъ Александра II весь народъ готовъ содѣйствовать, кромѣ гнилой части дворянства и стариковъ, выжившихъ изъ ума. Что касается до поддѣльной, служилой олигархіи, до всѣхъ *ragvenus* изъ казармъ и изъ чернильницъ, до этого смирнаго дома, до этихъ арестантскихъ ротъ николаевскихъ питомцевъ,—они никакого мнѣнія не имѣютъ. Сегодня они будутъ засѣкать крестьянъ за то, что они хотятъ освободиться, завтра—разстрѣливать дворянъ за то, что они не хотятъ освободиться.

Но, можетъ быть, реформы, о которыхъ говорилъ Александръ II въ рѣчахъ, въ манифестахъ, указахъ, приказахъ и официальныхъ журналахъ, не совпадаютъ съ тѣми желаніями мыслящей Россіи, которая проявляются въ литературѣ, въ общественномъ мнѣніи?

Совсѣмъ нѣтъ, онѣ однѣ и тѣ же.

Въ этомъ-то и состоитъ безпредѣльная, раздирающая сердце иронія, трагическій комизмъ нашего положенія. Правительство никогда не бываетъ такъ мощно, какъ въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Легисты Англій, страны строжайшей законности, много разъ выражали мысль, что «исполнительная власть сильнѣе закона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она встрѣчается съ народнымъ желаніемъ». Какова же у насъ должна быть самодержавная власть, когда она заодно съ народомъ?

Царь силится подать руку народу, народъ силится взять ее и не можетъ достать черезъ Панина и компанію. Это—аристофановская сцена! Только что государь совсѣмъ готовъ, приподнявшись на цыпочкахъ, коснуться протянутой къ нему руки, какъ кто-нибудь изъ этихъ сѣдыхъ шалуновъ, Орловъ, Закревскій, закричитъ: «Ваше величество, Боже мой! они вамъ палець откусятъ!».

Ну, что бы попробовать, кажется? Былъ же, вѣдь, государь на Кавказѣ въ дѣлѣ съ горцами, любитъ охотиться по медвѣдямъ. Да и что черкесы и медвѣди? Развѣ государь не подвергается ежедневно опасности быть съ этими столпами отечества, которые заслоняютъ ему Россію и составляютъ около него пріятный вѣнокъ старцевъ, который, въ случаѣ нужды, сдвигаясь, можетъ превратиться въ петлю.

Вѣдь, К. И. Арсеньевъ рассказывалъ за уроками Александру Николаевичу уголовное дѣло, называемое русской исторіей отъ Петра I до Александра I.

У насъ ничѣго нѣтъ за душой, мы все говоримъ. Пусть же каждый читатель, положи руку на сердце, скажетъ, гдѣ были въ «Колоколѣ» несбыточныя требованія, политическія утопіи, призывы къ возстанію?

Въ существованіи «Колокола» есть черта, переломъ. Съ обнаруженія рескрипта объ освобожденіи крестьянъ нашъ путь долженъ былъ измѣниться, не въ существенномъ, но въ образѣ дѣйствія. Мы пожертвовали частью полемики и стѣснили еще больше кругъ нашихъ вопросовъ. Мы сдѣлались ближе къ правительству, потому что правительство сдѣлалось ближе къ намъ. Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія: мы всѣ ихъ видѣли на дѣлѣ и видѣли, что всѣ онѣ никуда не годятся, если онѣ реакціонны, и всѣ хороши, если онѣ современны и прогрессивны. Намъ искренно и откровенно

казалось, что Александръ II замѣнить кровавую эру революціи и будетъ мирнымъ короткимъ переходомъ отъ устарѣлаго деспотизма къ человѣчески-свободному состоянію Россіи.

Ошибались ли мы, нѣтъ ли, но, думая такимъ образомъ, мы совершенно послѣдовательно въ продолженіе шести мѣсяцевъ послѣ изданія рескрипта занимались почти исключительно осуществленіемъ его ¹⁾).

Чего требовали мы, о чемъ писали?

Мы требовали, чтобъ помѣщики не украли у крестьянъ освобожденіе, чтобъ желаніе, выраженное робко правительствомъ относительно усадебъ и земли, не было объяснено въ пользу собственниковъ. Были ли мы правы? Это доказываютъ краснорѣчіе Безобразова и Бланка, центральный комитетъ, усиленная цензура, дворянская оппозиція и *насилъственныя переселенія* крестьянъ на неудобную землю.

Мы говорили, сверхъ того, что освобожденіе крестьянъ само по себѣ недостаточно, что рядомъ съ помѣщикомъ стоитъ второй бичъ русскаго народа—чиновникъ, т.-е. полиція и судъ. Мы говорили, что пока не падетъ японская табель о рангахъ, пока судъ будетъ инквизиціонный съ запертыми дверями, съ канцелярской

¹⁾ Многіе упрекаютъ «Колоколь», и въ томъ числѣ прусская «Крестовая Газета», въ непочтительномъ тонѣ и фамильярномъ обращеніи съ лицами, которыя, хотя и стали костью во всякомъ улучшеніи, хотя и большіе негодяи, но все же принадлежатъ къ первымъ двумъ классамъ. На этой выси высотъ сановники уже становятся матронами, до коихъ не должны касаться не смягченныя слова. Вѣроятно, въ Пруссіи запрещенъ «Пуншъ», и въ Берлинѣ не знаютъ, какъ свободные люди свищутъ дурнымъ скоморохамъ. Къ этому замѣчанію прибавляютъ: «Да хорошо ли издали, съ недоступнаго острова бросать печенныя яблоки въ нихъ?» — *Очень*, потому что вблизи они сами защищены моремъ полицій, цензуръ. Да къ тому же у насъ есть своя очистка. Мы не *издали* въ началѣ Крымской войны писали наши статьи о Россіи («Le vieux monde et la Russie») и не приостановились нынѣшней весной, во время пушга разгара боязни передъ сосѣдомъ, напечатать «La France ou l'Angleterre?» — Да лица-то, на которыя нападаетъ «Колоколь», растутъ отъ этого въ силѣ. — Если это правда, остается жалѣть о темной водѣ, мѣшающей государю видѣть истину. Но намъ и до этого дѣла нѣтъ, наша отмѣтка не для герольдіи, наша отмѣтка для всего честнаго люда русскаго: пусть они знаютъ, кто снимаетъ Россію на аренду у государя. — «Все это такъ, да въ тонѣ нѣкоторыхъ статей *ненужныя* выраженія». — «Крикъ мучимаго не можетъ быть приведенъ въ хроматическую гамму», говорилъ мнѣ одинъ старый знакомый, понимавшій, что въ звонѣ нашего «Колокола» входитъ именно вопль, поднимающийся изъ сѣвѣжнихъ, изъ казармъ, съ помѣщичьихъ конюшенъ, съ барщинныхъ полей, съ цензурной бойни. «Колоколь» рѣшительно принадлежитъ дурному обществу, оттого у него и нѣтъ ни канцелярской вѣжливости, ни секретарской учтивости. А. И. Г.

тайной, пока полиція будетъ увѣщевать розгами, допрашивать кулаками, наказывать палками *безъ суда*, до тѣхъ поръ освобожденіе крестьянъ не принесетъ настоящей пользы.

Но развѣ самъ государь, испуганный тѣмъ, что вся гражданская служба—одно огромное faux dans les papiers publics ¹⁾, не заявлялъ того же мнѣнія? И если-бъ Панинъ утвердилъ или принялъ бы благосклонно его предложеніе, то, можетъ, у насъ явились бы и защитники подсудимыхъ, и присяжные, и судъ произво-дился бы при дневномъ свѣтѣ.

Государь хотѣлъ бы измѣнить, но бродить впотьмахъ, не знаетъ, съ чего начаты; отъ подканцеляриста до канцлера, всѣ его обманываютъ, а голосъ неслужащихъ до него не доходитъ. Общественное положеніе всей неслужащей Россіи или невыслужившейся таково, что она только можетъ въ присутствіи монарха танцовать на балу,—если изъ дворянъ, и по всякому поводу, счастію и несчастію, носить на золотомъ блюдѣ хлѣбъ и соль,—если она изъ купечества.

Этѣ также логически приводятъ къ нашему третьему требованію,—къ *гласности*.

Не смѣшно ли, что сами поставили плотину, заперли ее да и удивляются, что воды нѣтъ? Поднимите цензурный шлюзъ, и тогда узнаете, что думаетъ народъ, отчего ему больно, что его жметъ, мучить, разоряетъ... Можетъ, сначала пойдетъ по поверхности всякая всплывшая дрянь,—что за важность, лишь бы этой водой унесло всѣхъ этихъ полумертвыхъ владимірскихъ кошекъ и андреевскихъ зайцевъ.

Съ гласностью огласятся дѣла, которыя бросаютъ тотъ страшный свѣтъ на подземныя злодѣйства полиціи и суда, который бросили наши статьи о Сечинскомъ, кочубеевскомъ процессѣ, о Вреле, объ Эльстонѣ-Сумароковѣ, о губернаторѣ Новосильцовѣ и пр.

Снявши цензурную колодку, можно закрыть и *Третье отдѣленіе*; пишущіе сами будутъ доносить на себя, и, наконецъ, въ Россіи уничтожится этотъ вертепъ шпіоновъ; Тимашева можно сдѣлать на мѣсто Гедеонова директоромъ театровъ и царскихъ увеселеній, -- на мѣстѣ срытой Бастиліи поставили же въ 1789 году надпись: «Ici l'on danse» ²⁾.

Требовали ли мы чего-нибудь больше?

¹⁾ Подлогъ въ государственныхъ бумагахъ.

²⁾ «Здѣсь танцуютъ». Такая надпись была сдѣлана на развалинахъ Бастиліи въ первую годовщину ея взятія (1790 г.).

Какія бы ни были наши теоретическія мнѣнія, какъ бы мы ни были въ нихъ «неисправимы», мы ихъ не высказывали, мы стисались и охотно это дѣлали, пока государственный рыдванъ плелся такъ себѣ впередъ; но когда онъ рѣшительно начинаетъ пятиться, давить своими тяжелыми колесами ноги, тогда мы пойдемъ другой дорогой.

И вотъ третья фаза, въ которую входитъ «Колоколъ».

Мы поставили эпиграфомъ «Vivos voco!». Гдѣ же живые въ Россіи? Намъ показалось, что живые есть въ самомъ дворцѣ, мы обращали нашу рѣчь къ нимъ, мы не раскаиваемся въ этомъ. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положившій начало освобожденію крестьянъ, заслужилъ великое имя въ исторіи, и благодарность наша останется неизмѣнной. Но говорить намъ съ нимъ нечего. *Живые*,—это тѣ разсѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволіи полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувствіемъ читаютъ насъ.

«Колоколъ»—ихъ органъ, ихъ голосъ; на бесплодныхъ каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздастся сильнѣе въ долинѣ! ¹

◆◆ 1. Эту статью въ связи со всѣмъ, сказаннымъ Герценомъ раньше, Н. Н. Страховъ считалъ достаточнымъ доказательствомъ для слѣдующей своей оцѣнки Герцена: «Итакъ, это не былъ революціонеръ, проповѣдникъ республики или какой-нибудь соціальной утопіи, это былъ человѣкъ свободомыслящій въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. такой человѣкъ, который не оставилъ въ своей душѣ никакихъ предубѣжденій, никакихъ пристрастій и безосновательныхъ предпочтеній. Это былъ вольнодумецъ столь послѣдовательный, что передъ его глазами, дѣйствительно, стали равны всѣ предметы вѣрованій и, слѣдовательно, онъ сталъ къ нимъ равнодушенъ и получилъ способность судить о нихъ съ большею справедливостью. Подобное вольнодумство есть, съ одной стороны, дѣло очень рѣдкое и трудное, съ другой стороны—явленіе во многихъ отношеніяхъ прекрасное и полезное, такъ какъ дѣйствительная свобода мысли не даромъ считается однимъ изъ необходимыхъ условій правильнаго мышленія» («Борьба съ Западомъ», I, 117).

1083. Бѣшенство цензуры.

Пять дней тому назадъ извѣстили насъ изъ Рима, что происками Киселева ¹⁾ и челядинцевъ его (т.е. того Киселева, а не *этою*—fagot et fagot ²⁾), святой отецъ благословилъ запрещеніе всѣхъ русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ, и, разумѣется, «Колокола». Ну, инквизиціи и папѣ—папское и дѣло. Наши-то изъ чего лѣзутъ изъ кожи, мелкіе, крошечные люди?... Отчего в. княгиня Елена Павловна, бывши въ Римѣ, не хлопотала о преданіи анаемѣ и сожженію «Колокола»?

1084. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 іюля (1858).

Putney, Laurel House.

Пишу къ вамъ, во-первыхъ, чтобы сказать, что мы всѣ здоровы и живемъ и не только живемъ, но собираемся на недѣлю въ Гастингсъ, на морѣ. Я вамъ послалъ 18 № «Колокола» sous bande, чтобы испытать, дойдетъ ли; черкните объ этомъ. Отъ Маріи Ѳедор. получилъ грамоту и отвѣчалъ. О кавел. дѣлѣ ³⁾ я получилъ полдюжины писемъ и полагаю, что время пришло объ этой исторіи поговорить; вы увидите, что это была за гнусная исторія. Русскихъ здѣсь много; всѣ вѣсти изъ Россіи очень печальны. Саша начинаетъ собираться; вѣроятно, къ 10 августа отправится и въ сентябрѣ увидится съ вами.

Что у васъ новаго? Какъ идутъ финансы? Есть ли у Рейхеля занятія? Знаете ли вы, что Мельгуновъ разошелся со своей Дульцинеей и что онъ совершенно разорился, благодаря ей и Павлову ⁴⁾? Какъ хорошо, что онъ у васъ не захватилъ денегъ.

Прощайте, будьте здоровы.

Ботк. ⁵⁾ здѣсь еще, и мы съ нимъ пожираемъ гречневую кашу à la russe.

Всѣ кланяются.

◆◆ 1. П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій сообщилъ фактъ, до того совершенно неизвѣстный. «На ходатайство Ростовцова объ оста-

¹⁾ Николай Дмитріевичъ, графъ.

²⁾ Собственно, il y a fagots et fagots,—Ѳедотъ, да не тотъ.

³⁾ Извѣстное дѣло объ интригѣ, кончившейся увольненіемъ К. Д. Кавелина отъ преподаванія наслѣднику. ¹

⁴⁾ Николай Филипповичъ.

⁵⁾ Василій Петровичъ.

вленіи Кавелина въ должности преподавателя цесаревича государь отвѣтилъ, что имѣетъ на увольненіе его другія, болѣе важныя причины. Въ рукахъ государя находились достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что матеріалы для статей Герцена, сильно осуждавшихъ дѣйствія по крестьянскому дѣлу и оскорбляющихъ личности сотрудниковъ государя, и въ особенности, самого Ростовцова, доставлялись въ редакцію «Колокола» Кавелинымъ при участіи (Н. А.) Милютина. По мнѣнію государя, невозможно было допустить, чтобы лицо, находившееся въ такихъ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ, занимавшимся анти-правительственной пропагандой, могло быть преподавателемъ наслѣдника престола. Доказательства же непосредственнаго участія Кавелина и даже Милютина въ статьяхъ герценовскаго «Колокола» были секретно препровождены Ростовцову въ подлинникъ, по выс. повелѣнію, шефомъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковымъ» («Вѣст. Европы» 1911, III, 13).

1085. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

17 juli (1858).

Putney, Laurel House.

Beste Malvida, Ich glaube, dass die «Deutsche Zeit.» jetzt unter der Leitung' v. Becher ist, er hat einen Artikel gegen Proudh. geschrieben, schrecklich virulent—ohne das Buch weder gelesen noch gesehen. Mit Vergnügen werde ich Ihnen mit Alex. die kleine Summe von ein Jahrabon. schicken und dennoch zweifle ich an einen Erfolg. Die Zeit der revolutionären Demagogie ist vorbei. Mit jedem Tag sehe ich klarer—dass die ganze Epoche der politischen Revol. zu Ende ist—wie die Epoche der Reformation geschlossen—ohne die Frage zu lösen; ist denn die religiöse Frage beendet? Nein—aber sie interessirt nicht mehr.

Wir gehen in eine neue Zeit, und alles, was diese Herrn, diese Antidiluvianer schreiben—ist Vergangenes. Ich habe gestern die Mäz-zinischen Brochüren durchgeblättert.

Переводъ.

17 іюля.

Добрѣйшая Мальвида, я думаю, что «Deutsche Zeit.» редактируется теперь Бехеромъ ¹⁾; онъ написалъ ужасно ядовитую статью

¹⁾ Зигфридъ, нѣмецкій экономистъ.

противъ Прудона, не прочитавъ и даже не видѣвъ его книги. Съ удовольствіемъ пришлю вамъ съ Алекс. маленькую сумму, какъ годовой взносъ и, все же, я сомнѣваюсь, будетъ ли толкъ. Время революціонной демагогіи минуло. Съ каждымъ днемъ я вижу яснѣе, что вся эпоха политическихъ революцій—какъ и эпоха реформаціи—приходитъ къ концу, не рѣшивъ вопроса. Развѣ религіозный вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ? Нѣтъ, но имъ больше не интересуются.

Мы вступаемъ въ новую полосу, и все, что пишутъ эти господа, эти допотопные люди, дѣло погибшее. Я вчера перелистывалъ брошюры Маццини.

1086. [Предисловіе].

Послѣ этого спросятъ меня, какъ же управляется эта страна и на чемъ она держится? Управляется она случаямъ и держится на естественномъ равновѣсіи, подобно огромнымъ глыбамъ, которыя сплочаетъ собственный вѣсъ.

(*Corberon*, французскій посолъ, въ своей депешѣ отъ 9 апрѣля 1778).

Князь Щербатовъ и А. Радищевъ представляютъ собой два крайнихъ воззрѣнія на Россію временъ Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей, они, какъ Янусъ, глядятъ въ противоположныя стороны. Щербатовъ, отворачиваясь отъ распутнаго дворца своего времени, смотритъ въ ту дверь, въ которую взошелъ Петръ I, и за нею видитъ чинную, чванную Русь московскую; скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ кажется недовольному старику какимъ-то утраченнымъ идеаломъ.

А. Радищевъ смотритъ впередъ, на него пахнуло сильнымъ вѣяніемъ послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ великую *весну* девяностыхъ годовъ: всѣ ждали съ бьющимся сердцемъ чего-то необычайнаго; святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Иммануиль Кантъ, снявъ шапочку, говорилъ, удрученный величіемъ событій, при провозглашеніи французской республики: «Нынѣ отпускаешь!...» Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи: слезы, негодованіе, состраданіе, иронія, — родная наша иронія, иронія-утѣшительница, мстительница, — все это вылилось въ его превос-

ходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ кн. Щербатовъ; разумѣется, его идеалы были такъ же высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова—глубоко въ могилѣ, но это наши мечты, мечты декабристовъ.

Радищевъ не стоитъ Данииломъ въ пріемной Зимняго дворца; онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины—онъ *идетъ по большой дорогѣ*, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, онъ говоритъ съ ямщиками, дворовыми, съ рекрутами, и во всякомъ словѣ его мы находимъ съ ненавистью къ насилію громкій протестъ противъ крѣпостного состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала во французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго романтизма, устарѣла для насъ. Но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ и необычайно живъ. И что бы онъ ни писалъ, такъ и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и въ первыхъ стихотвореніяхъ Пушкина, и въ «Думахъ» Рылѣева, и въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Что были для него убѣжденія, это онъ доказалъ, возвратясь изъ ссылки. Вызванный самимъ Александромъ I на работу, онъ надѣялся провести нѣсколько своихъ мыслей и пуще всего—мысль объ освобожденіи крестьянъ, въ законодательство, и когда, пятидесятилѣтній мечтатель, онъ убѣдился, что нечего думать объ этомъ, тогда онъ принялъ яду и умеръ!

Кн. Щербатовъ дошелъ до своей славянофильской точки зрѣнія, сверхъ частныхъ причинъ, тѣмъ же путемъ, которымъ на нашей памяти дошла до нея часть московской молодежи. Раздавленная николаевскимъ гнетомъ, не видя конца ему, не видя выхода, она прокляла петровскій періодъ, отрѣклась отъ него и надѣла, нравственно и въ самомъ дѣлѣ, *зипунъ*.

Само собою разумѣется, что въ этой лести, въ этихъ *gerges-sailles*¹⁾ есть натяжка. Когда пуритане съ щербатовскимъ омерзениемъ смотрѣли на развратный дворъ Карла II и, качая головой, вспоминали времена протектора, не надобно забывать, что, при всей утомительной суровости своей, пуританскіе нравы представляли во всей энергіи многія стороны англо-саксонскаго характера; на эти времена и теперь англичанинъ обращается съ гордостью.

До-петровская русская жизнь не представляетъ такого прошедшаго; она была похожа на большой сонный прудъ, покрытый тиной: сверху до низу все дремало въ этомъ затишьѣ, въ кото-

¹⁾ Репрессіяхъ.

ромъ складывалось, осѣдало государство. Не приходя въ себя, безличныя поколѣнія смѣнялись, какъ листья на деревѣ, жили тѣсно, связанные тяжелыми, періодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни незавидны. Въ природѣ все неразвитое тихо и покойно. Камень лежитъ себѣ вѣка увальнемъ, вывѣтриваясь понемногу, а птица часу на мѣстѣ не посидитъ.

А такъ какъ объективной истины въ этомъ возвращеніи къ жизни, изъ которой мы выросли, нѣтъ, и она только взята *на зло*, чтобъ современники казнились, то кн. Щербатовъ часто впадаетъ въ противорѣчія и просто въ ошибки. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать его негодованіе на женщинъ и дѣвицъ, что имъ лучше понравилось выѣзжать и одѣваться, чѣмъ всю жизнь проводить въ тюремномъ заключеніи отцовскаго или мужнина дома, тѣмъ больше, что кн. Щербатовъ, говоря о недостаткахъ и грубости императрицы Анны Іоанновны, прибавляетъ, что причиною тому было ея *старинное* воспитаніе. Мы находимъ, далѣе, чрезвычайно человѣчественнымъ, что невѣстамъ хотѣлось видѣть прежде брака своихъ жениховъ, и очень довольны, что русскій православный обычай сватать и соединять пары помимо воли паціентовъ остался въ употребленіи только на конскихъ заводахъ...

Но чтобъ понять желчезное увлеченіе кн. Щербатова, надобно вспомнить, что такое были пресловутыя екатерининскія времена въ срединѣ своего разгара. Со всякимъ днемъ пудра и блески, румяна и мишура, Вольтеръ, Наказъ и прочія драпри, покрывавшія матушку-императрицу, падаютъ больше и больше, и сѣдая развратница является въ своемъ дворцѣ «вольнаго обращенія» въ истинномъ видѣ ¹⁾. Между «фонарикомъ» и Эрмитажемъ разыгрывались сцены, достойныя Шекспира, Тацита и Баркова. Дворъ—Россія жила тогда дворомъ—былъ постоянно раздѣленъ на партіи, безъ мысли, безъ государственныхъ людей во главѣ, безъ плана. У каждой партіи, вмѣсто знамени—гвардейскій гладиаторъ, котораго сѣдые министры, сенаторы и полководцы толкаютъ въ опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкинъ, Орловъ, Панинъ,—каждый имѣетъ запасъ кандидатовъ, за ними посылаютъ, въ случаѣ надобности, курьеровъ въ дѣйствующую армію. Особая статсъ-дама испытываетъ ихъ. Удостоеннаго водворяютъ во дворцѣ (въ комнатахъ предшественника, которому даютъ отступную тысячу

¹⁾ Совѣтуемъ прочесть: «La cour de la Russie il y a cent ans»^o), Берлинъ 1857. Книга эта составлена исключительно по письмамъ и депешамъ иностранныхъ пословъ. А. И. Г.

^o) «Русскій дворъ сто лѣтъ назадъ».

пять крестьянъ въ крѣпость), покрываютъ брильянтами (пуговицы Ланского стоили 80.000 серебр.), звѣздами, лентами, и сама императрица везетъ его показывать въ оперу; публика, предупрежденная, ломится въ театръ и втридорога платитъ, чтобъ посмотрѣть новаго наложника.

Потемкинъ, этотъ незабавный *blasé* ¹⁾, избалованный степной баричъ на содержаніи, изъ котораго, къ стыду Россіи, сдѣлали великаго человѣка стихами Державина, раболѣпиемъ дворцовой черни и, наконецъ, семинарской прозой Надеждина ²⁾,—Потемкинъ не любитъ шутить; что касается до фаворитовъ, онъ позволяетъ Екатеринѣ брать подставныхъ, сколько душъ угодно, но только изъ его клеветовъ. Старуха въ отчаяніи, не слушается, и Потемкинъ грубитъ съ ней, бранится.

Le balafré ³⁾, угрюмо живущій въ дальнемъ имѣніи, услышалъ это, и снова является передъ женщиной, которую посадилъ на престолъ. «Помогите мнѣ», говоритъ ему императрица рыдая. «*Я готова*», отвѣчаетъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. «*Готова*» значитъ на его языкѣ: «*готова задушить* Потемкина, если в. вел. угодно, такъ, какъ задушилъ вашего мужа, такъ, какъ сбылъ съ рукъ княжну Тараканову». Но нервы вѣнчанной куртизанки ослабли, она шепчетъ старому сообщнику: «Помиритеcь съ нимъ, смягчите его». Съ сожалѣніемъ смотритъ на нее Чесменскій, пожимаетъ плечами и идетъ прочь... «*Non, vous n'êtes plus Lisette!*...» ⁴⁾ и оставляетъ уголовный дворецъ, въ которомъ, сверхъ плачущей императрицы, бродитъ князь Григорій Орловъ, сошедшій съ ума. Съ воплемъ и дикими рѣчами ходитъ онъ изъ угла въ уголъ по кабинету Екатерины. Она не велитъ его останавливать, она съ оцѣпененіемъ и ужасомъ ходитъ за нимъ, слушаетъ его бредъ, съ ужасомъ видитъ въ его безуміи угрозенія совѣсти, кару за совершенное ими вмѣстѣ преступленіе и, задавленная темными мыслями, «не можетъ больше заниматься дѣлами весь день» и только успокаивается ночью въ объятіяхъ новаго лейбъ-гвардейскаго гладиатора.

Вотъ міръ, о которомъ наши дѣды и отцы поминали съ умиленіемъ,—міръ, въ которомъ жилъ Щербатовъ; всякому честному человѣку должна была древняя Русь показаться чистой и доблестной въ сравненіи съ этимъ безстыднымъ развратомъ, съ этимъ пе-

¹⁾ Пресыщенный мизантропъ.

²⁾ Н. И. Надеждинъ, «Свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ-Тавричскій», Одесса, 1839.

³⁾ Исполосованный, украшенный шрамами.

⁴⁾ «Нѣтъ, вы больше не Лизетта!» — припѣвъ изъ пѣсни Беранже «*Ce n'est plus Lisette*».

реходомъ Руси допетровской въ новую Русь черезъ публичный домъ. Современнику трудно было отдѣлиться отъ всего и широкимъ взглядомъ историка объять это время; стоять возлѣ, вообще, мѣшаетъ хорошо видѣть: гармонія цѣлаго пропадаетъ, многое zagrożено случайно-близкимъ, мелкое кажется громаднымъ.

Могъ ли думать князь Щербатовъ, когда онъ писалъ свой строгій разборъ дворцоваго разврата, что въ одно мгновение все сразу перемѣнится? Часы пробили двѣнадцать, и, вмѣсто нелѣпости жирной масляницы, наступаетъ противоположная нелѣпость суроваго поста. Дворецъ превращается въ смирительный домъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки летятъ въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учить эспонтономъ. Все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; народъ попрежнему оттертъ, смятъ, ограбленъ, дикое своеволие наверху, *il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je lui parle* ¹⁾ — рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и высочайшіе приказы.

И въ то же время Суворовъ на Альпахъ, подъ Требіей и Нови, завязываетъ ту борьбу, которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію—въ Парижъ.

Вотъ это-то и отдѣляетъ такъ рѣзко петровскую эпоху отъ московской; что въ ней, какія бы обстоятельства ни были, чувствуется *движеніе*, чувствуется возбужденная мощь; можно выбиться изъ силъ, можно погибнуть въ ней, но нѣтъ того удушья, безцвѣтнаго, безвыходнаго, утягивающаго безъ вѣсти какими-то нѣмыми стихіями и страданье, и счастье, и лица, и поколѣнія, и всю до-петровскую Русь.

Петербургская Россія не имѣетъ той безнадежной осѣдлости; она, очевидно, не есть достигнутое состояніе, а достиженіе чего-то, это рѣпные зубы, которые должны выпасть; она носитъ во всѣхъ начинаніяхъ характеръ переходнаго, временнаго; имперія строилъ столько же, сколько фасадъ, она не въ самомъ дѣлѣ, не «взаправду», какъ говорятъ дѣти. Это—глиняная форма, которая была, можетъ, необходима, чтобъ остановить, собрать славянскую распушенность, но которая сдѣлала свое дѣло; это—хирургическая повязка, которую надобно снять, какъ только органы будутъ поздоровѣе: она уже порвалась въ десяти мѣстахъ и по тѣмъ мышцамъ, которыя видны, можно судить о томъ, насколько мы выросли и окрѣпли.

Нашему нетерпѣнію мало (и самое это нетерпѣніе свидѣтельствуемъ о томъ же внутреннемъ движеніи), у насъ самихъ десять

¹⁾ Въ моихъ глазахъ великій человѣкъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и при томъ только до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ разговариваю.

разъ опускались руки, и мы останавливались, исполненные ужаса и печали, передъ уродливымъ, капризнымъ сфинксомъ русскаго развитія.

Все это понятно, но лишь бы люди не шли вспять, какъ князь Щербатовъ, и не предавались бы полному отчаянію, какъ А. Радищевъ.

Медленно идетъ наше развитіе, срывается съ дороги; проводники плохи, давятъ народъ, топчутъ нивы, а какъ пріостановишься, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы да посмотришь назадъ,—а пути-то сдѣлано много!

Кто изъ насъ смѣлъ думать *пятъ* лѣтъ тому назадъ, что твердыня крѣпостного права, поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи, покачнется?

И кто же скажетъ, что вслѣдъ за нею не рухнетъ и табель о рангахъ, и потаенный судъ, и произволь министровъ, и управление, основанное на тѣлесныхъ наказаніяхъ и боящееся *мласности*?

Что по дорогѣ будутъ не только времена устали, но безумной реакціи,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: для этого достаточно знать главныхъ актеровъ. Да, вѣдь, историческій путь и не есть прогулка по Невскому!

Путней, 25 мая 1858.

1087. [Предисловіе].

Въ VII томѣ сочиненій А. Пушкина помѣщена его статья объ А. Радищевѣ,—статья, не дѣлающая особенной чести поэту. Онъ или перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ—и тогда лучше было бы ее не печатать. Изъ нея беремъ мы нѣкоторыя подробности объ авторѣ «*Путешествія изъ Петербурга въ Москву*».

Александръ Радищевъ родился около 1750. Онъ обучался сперва въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Его другъ Ушаковъ, служившій секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, оставилъ службу и отправился въ Лейпцигъ вмѣстѣ съ молодыми людьми, посланными Екатериной II для окончанія своего образованія. «Гриммъ, *странствующій агентъ* французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою «О разумѣ» и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи». Ушаковъ, имѣвшій большое

вліяніе на Радищева, умеръ на 21 году. «Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскрѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей, А. М. Кутузова. Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій».

«Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая, между тѣмъ, заниматься и словесностью. Состояніе его было для него достаточно. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя *обыкновенному ходу вещей*, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему *иное*».

Радищевъ былъ мартинистъ, поклонникъ возникавшей революціи и философіи энциклопедистовъ. Энергическій и смѣлый, онъ одинъ поднялъ голосъ протеста и середѣ лести и раболѣпія, которыми окружали богоподобную Фелицу, «спокойно *пустилъ въ продажу*» свое «*Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*», напечатать его тайно въ своей типографіи, говоритъ Пушкинъ ¹⁾.

Книга Радищева дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. «Онъ мартинистъ,—говорила она Храповицкому.—Онъ хуже Пугачева: онъ хвалить Франклина» ²⁾. Пушкинъ находить это замѣчаніе глубоко-знаменательнымъ, намъ оно кажется чрезвычайно глупымъ. Радищева отдали *подъ судъ*, потомъ сослали. Сенатъ осудилъ его *на смерть* (по какому закону, не знаемъ). Екатерина велѣла преступника лишить чиновъ и дворянства и въ *оковахъ сослать* въ Сибирь.

До воцаренія Павла Радищевъ жилъ въ Илимскѣ. Павелъ возвратилъ его изъ ссылки, императоръ Александръ I опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему «изложить свое мнѣніе касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій». Радищевъ, «увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ,

¹⁾ Въ сенатскомъ приговорѣ сказано было: перепечатавъ послѣ цензуры нѣсколько листовъ. А. И. Г.

²⁾ «26 іюня говорили (государыня) о книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»: «Тутъ разсѣяніе заразы французской. Авторъ—мартинистъ».

7 іюля: «Примѣчанія (писанныя ею самой) на книгу Радищева послать Шишковскому». Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалить Франклина и себя такимъ же представляеть. Говорили съ жаромъ и чувствительностью» (Изъ записокъ Храповицкаго). А. И. Г.

представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З. ¹⁾ удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попржнему! Или мало тебѣ было Сибири?». Пришедши домой, огорченный Радищевъ вспомнилъ о другѣ своей молодости... и *отравился!*

Не ужасно ли все это?

Какъ же можетъ память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!

1088. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 іюля (1858).
Putney, Laurel House.

Книги давно получены, а получили ли вы экзempl. «*Кн. Щербатовъ и Радищевъ*»? Если нѣтъ, справьтесь у Авенаріуса,—Трюб. ему писалъ и присовокупилъ, чтобы далъ по два «Колокола» и всего, что вы просите. Это, слѣдств., плутуетъ Твэнъ.

Завтра ѣдетъ Б. ²⁾ и, вѣроятно, черезъ недѣлю будетъ у васъ; такъ какъ онъ живмя жилъ у насъ, то и можетъ вамъ сообщить the latest intelligences ³⁾.

Въ Россіи дѣла идутъ безмѣрно дурно, и въ сущности все такъ же мало измѣнилось, какъ Егоръ Иванов. (котораго письмо вкусилъ, какъ слѣдуетъ).

Кто же это у васъ въ Дрезденѣ такъ похожъ на меня? и какой гипопотамъ ѣдетъ на меня?

Русскихъ мірады здѣсь,—ужъ начинаю барахтаться.

Вы мнѣ напомнили Вольфсономъ, что у него моя «Сорока-воровка». Трюбн. хочетъ издать «Кто виноватъ?». (Кажется, у васъ есть экзemplяръ; можетъ, мы его попросимъ). Да что у васъ есть еще? напр., «Капризы и раздумье», «Дилетантизмъ» etc.,—напишите, пожалуйста.

¹⁾ Завадовскій? Мы слѣдовали тексту Пушкина; рѣчь идетъ о проектѣ освобожденія крестьянъ. Пора было бы составить полную біографію А. Радищева,—мы съ радостью напечатаемъ ее. А. И. Г.

²⁾ В. П. Боткинъ.

³⁾ Послѣднія новости.

На-дняхъ я пришлю вамъ посланіе къ франкфуртскому сенату отъ меня. Ну, ужъ похочете вы. А въ 21 № Алекс. Ник. загвоздка (онъ выйдетъ черезъ недѣлю).

Прощайте. Будьте здоровы. Цѣлуйте Рейхеля, Сашку.

P.S. Б. ¹⁾ привезъ мнѣ пукъ разныхъ писемъ старыхъ врем. 1842—46; бездна любопытнаго.

1089. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

31 Julliet (1858).
Putney.

Chère Malvida, Je vous envoie Michelet. L'adresse de Louis Blanc est 13, George street, Portman square. Vous n'avez pas besoin de vous inquiéter pour le livre—si vous voulez, je le prendrai. J'ai mis dans Michelet—la traduction d'Engel. et une autre.

Si vous allez à la mer peut être vous avez besoin de quelques livres non écrits—mais écrites au nom de la-banque.

Kauffman est grièvement malade.

Je vous salue beaucoup.

A. Herzen.

Переводъ.

31 іюля.

Дорогая Мальвида, посылаю вамъ Мишле. Адресъ Луи Блана (адресъ). Вамъ нечего беспокоиться относительно книги,—если хотите, я ее возьму. Я вложилъ въ книгу Мишле переводъ Энгел. и еще другой.

Если вы отправитесь на море, то, можетъ быть, вамъ понадобится нѣсколько «книгъ»—не писанныхъ, а написанныхъ на имя банка ²⁾.

Кауфманъ тяжело боленъ.

Кланяюсь вамъ много.

A. Герценъ.

¹⁾ В. П. Боткинъ.

²⁾ Слово livre значить и «книга», и «фунтъ» (въ данномъ случаѣ стерлинговъ).

1090. Черный кабинетъ.

Совѣсть нужна чловѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ *высшее начальство*.

Яковъ Ростовцовъ.

Полезная сентенція эта напечатана знаменитымъ «энтузіастомъ» въ «Наставленіи для преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ». Она служитъ объясненіемъ, почему разнесся слухъ, что Ростовцовъ, такъ блестяще начавшій свою карьеру съ доноса, назначается на мѣсто Долгорукова начальникомъ всѣхъ доносчиковъ въ Россіи.

Говорятъ, сверхъ того, что его сдѣлаютъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ¹⁾. Да ужъ сдѣлать бы его и Долгоруковымъ,—тогда у государя былъ бы свой Яковъ Долгоруковъ. ¹

А не-Якова Долгорукова можно упроднить. Онъ лучше послѣдней интриги ничего не сдѣлаетъ, онъ истощился на нее, — *andate al letto, don Basilio!* ²⁾. До его цензурнаго похода о немъ только и знали, что онъ былъ совершенно неспособенъ управлять военнымъ министерствомъ. Меншиковъ, имѣющій на откупъ придворныя колкости и острящій за двоихъ послѣ кончины Михаила Павловича, не забылъ Долгорукова и, оставшись безъ пороху во

¹⁾ Слухъ о назначеніи Ростовцова на мѣсто Ланского повторяется уже мѣсяцы; по этому поводу была забавнѣйшая типографская ошибка въ № 123 «Le Nord».

«Третьяго дня въ нашемъ *resumé* произошла типографская перестановка, которую мы долгомъ считаемъ исправить. Въ пятой *alinéa* на второй колоннѣ сказано:

«Между слухами, о которыхъ намъ сообщаютъ наши петербургскіе корреспонденты, намъ кажется самымъ достовѣрнымъ слухъ объ отставкѣ м. в. д. Ланского, на мѣсто котораго назначается генераль Ростовцовъ, *одинъ изъ людей наиболее достойныхъ уваженія, которая имя навсегда останется связано съ одной изъ самыхъ великихъ реформъ новѣйшаго времени.*

«Надо читать:

«...Ланского,—*одно изъ людей наиболее достойныхъ уваженія, котораго имя навсегда останется связано съ одной изъ самыхъ великихъ реформъ новѣйшаго времени, и на мѣсто котораго назначается генералъ Ростовцовъ.*

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ... Впрочемъ, ошибка въ фальшъ не стѣнится! А. И. Г.

²⁾ Ступайте спать. донъ Базиліо («Севильскій цырульникъ»).

время войны, замѣтилъ, что «по всему замѣтно, что военный министръ пороку не выдумаль». Остальная часть его жизни покрыта облаками пыли отъ маневровъ и безслѣдно теряется въ архивахъ военной бюрократіи и въ особенномъ формулярномъ списокѣ ¹⁾). Перейдя въ тайную полицію, онъ по мѣсту служенія сдѣлался чѣмъ-то секретнымъ. Но неудовлетворенный извѣстностью, которую ему доставилъ Меншиковъ, онъ не хотѣлъ покинуть III Отдѣленіе, не оставивъ явнаго слѣда тайныхъ занятій своихъ, и, нанеши страшный ударъ Россіи во время Крымской войны, онъ нанесъ ей другой мирной ударъ, исказивъ самую цензуру беззаконнымъ, неслыханнымъ при Николаѣ *требованіемъ рукописи* отъ издателя. Онъ своимъ доносомъ началъ новую полосу реакціи и невѣжественныхъ гоненій слова. Ростовцовъ ли его научилъ этому, Тимашевъ ли подучилъ его, — намъ дѣла нѣтъ, — его имя будетъ связано съ этимъ нововведеніемъ.

Вѣрный своей бюрократической наукѣ, онъ сплелъ себѣ вѣнокъ не изъ лавровыхъ листьевъ, а изъ черновыхъ и корректурныхъ. Мы получили нѣсколько писемъ объ этой мрачной, couleur jésuite ²⁾) исторіи; подробности довольно сходны. Мы просимъ позволенія передать одно изъ нихъ именно потому, что оно писано явнымъ образомъ человѣкомъ очень умѣренныхъ мнѣній.

«...Статья объ освобожденіи крестьянъ въ «Современникѣ», изъ-за которой вышло все дѣло, была до напечатанія въ рукахъ всѣхъ возможныхъ великихъ и малыхъ людей, начиная съ Елены Павловны и Константина Николаевича. Потомъ она прошла черезъ цензуру Тройницкаго ³⁾), состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тройницкій этотъ прежде издателемъ «Одесскаго Вѣстника». Графъ Воронцовъ подарилъ ему этотъ журналъ, который онъ и издавалъ въ свою пользу до появленія въ Одессѣ Пирогова. Пироговъ, какъ и слѣдовало, возвратилъ журналъ одесскому лицу; Тройницкій, лишенный знаменитымъ операторомъ средствъ литературно грѣшить въ Одессѣ, опредѣлился (съ помощью, вѣ-

¹⁾ Долгоруковъ началъ свое служеніе въ «Союзѣ благоденствія»; послѣ 14 декабря онъ былъ какъ-то спасенъ Орловымъ и, вмѣсто гражданскихъ поселеній, попалъ на военныя, но не сосланнымъ, а начальникомъ штаба при скучномъ и неугомонномъ Никитинѣ; десять лѣтъ трудился онъ при немъ, изощряясь въ смиреніи и покорности. Показавъ особенную храбрость на *вознесенскихъ* маневрахъ, онъ былъ переведенъ Николаемъ въ военное министерство. Вотъ все, что мы могли узнать объ этой скромной, но без-полезной жизни начальника тайной полиціи ⁴⁾). А. И. Г.

²⁾ Еъ духъ іезуитовъ.

³⁾ Александръ Григорьевичъ.

⁴⁾ Все это неточно.

роятно, подателя всѣхъ благъ и мѣстъ по министерству внутреннѣхъ дѣлъ—Гвоздева ¹⁾) въ должность внуха при той же печатной литературѣ въ Петербургѣ. Онъ сдѣлалъ со статьей, о которой идетъ рѣчь, свои урѣзыванія, обыкновенная цензура—свои отрѣзыванія, и статья, процѣженная, явилась въ «Современникѣ». Вслѣдъ за ея появленіемъ редакторъ «Современника» получаетъ отъ Ковалевскаго предписаніе явиться къ шефу жандармовъ. Надобно сказать, что Ковалевскій не самъ, онъ—телеграфъ, черезъ который Черный кабинетъ (Орловъ, Панинъ, Ростовцовъ, Муравьевъ, Долгоруковъ) передаетъ цензурные циркуляры и противодѣйствуетъ *путями просвѣщенія* всему образованному. Ковалевскій въ родѣ повытчика скрѣпляетъ своей слабостью акты своихъ начальниковъ, «добросовѣстно замѣняя свою совѣсть ихъ волей». Онъ такъ хорошо знаетъ свою роль—страдательнаго инструмента, что даже не пригласилъ издателя, а прямо и за глаза передалъ его въ тайную полицію. Въ III Отдѣленіе *истребована была первоначальная рукопись* Кавелина, затѣмъ помарки цензоровъ и на этихъ основаніяхъ сдѣланъ докладъ, уже не имѣвшій ничего общаго съ напечатанной статьей. Повторяемъ, что этого не было ни разу во все время царствованія Николая и Дубельта.

«Рукопись, какъ извѣстно, составлена была до появленія *рескриптовъ*, и, естественно, что нѣкоторыя изъ ея положеній могли расхотиться съ официальными предписаніями. Мѣста эти, хотя и были выпущены въ печати, представлены въ докладѣ, какъ оппозиціонныя рескриптамъ. Затѣмъ поставлены на видъ всѣ выпуски, сдѣланные въ рукописи обыкновенной цензурой, и возведено обвиненіе въ злоумышленіи на министерство просвѣщенія за то, что оно допустило, зная содержаніе выпусковъ, къ печати статью и при томъ статью, которой отрывки были въ «Голосахъ изъ Россіи». Итакъ, докладъ былъ сдѣланъ по рукописи, писанной четыре года тому назадъ для немногихъ тогдашнихъ эмансипаторовъ, по мѣстамъ, которыя *не были въ печати*, и при томъ съ такой недобросовѣстностью, что авторъ, цензура, журналы, министерство просвѣщенія, литература, — все это представлено чѣмъ-то мятежнымъ, крамольнымъ, въ то самое время, когда литература и все образованное въ Россіи поддерживаетъ всѣми силами реформы, начатыя Александромъ II.

«До чего ненависть къ свѣту и рѣчи довели недобросовѣстность, можно судить по тому, что ясная и простая мысль, высказанная въ статьѣ: что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права дѣ-

¹⁾ Александръ Александровичъ, директоръ деп. общихъ дѣлъ.

лаются невозможными ни Самозванцы, ни Пугачевы, выставлена въ докладѣ государю, какъ мечта автора объ этихъ явленіяхъ, какъ его желаніе, чтобъ они повторились!!! (А хорошо должно быть вѣрноподданническое мнѣніе Долгорукова о проницательности государя, когда онъ рискнулъ на такую штуку?!)

«Въ дополненіе надобно сказать, что государь въ этомъ дѣлѣ былъ фактически введенъ въ заблужденіе. Его увѣрили, что статья напечатана, несмотря на сопротивленіе Тройницкаго, но онъ запрещенія *никогда не накладывалъ*, а мѣста, имъ замѣченныя, были исключены.

«Послѣдствія извѣстны, — наука, умъ, искренняя преданность и образованіе отстранены въ лицѣ Титова, Щербатова, Кавелина и Бабста. Все, что только есть мыслящаго въ Россіи и любящаго отечество, находятся въ уныніи и грустномъ ожиданіи».

Вотъ циркуляры Ковалевскаго.

I.

«Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современникъ» напечатана статья «*О новыхъ условіяхъ сельскаго быта*». Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостного состоянія, *получить въ полную собственность землю, которую они нынѣ пользуютя*.

«Находя *такое направленіе* статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеизъясненнаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ.

«Министръ народнаго просвѣщенія *Е. Ковалевскій*».

II.

«Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполне отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицей-

ской ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и, наконецъ, стараются доказать права собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на приобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные рассказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти.

«Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ, оскорбляетъ сословіе дворянъ и вселяетъ въ умы крестьянъ такія надежды, кои впослѣдствіи едва ли могутъ осуществиться. Кромѣ того, дошло до свѣдѣнія Е. И. В., что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ. Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ и крестьянъ, разсѣвая между ними послѣдними нелѣпыя толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету Е. И. В. въ минувшемъ январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто-ученыя, теоретическія и статистическія статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи непротивныя духу и направленію означенной программы, и не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Е. И. В. изволилъ признать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ на пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатанію статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другого, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того, государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листкахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допущаемо сужденій и статей, вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы было обращено особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допущаемо не только ничего несогласнаго

съ постановленными для устройства крѣпостного сословія началами, но и ничего такого, что бы могло давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ.

Министръ народнаго просвѣщенія *Е. Ковалевскій*.

О, Равви Авраамій-бенъ-Норовъ! Намъ приходится жалѣть о нашемъ библейскомъ министрѣ и скорбѣть, что мы рассказали объ его интрижкахъ съ Мантейфелемъ и Бейстомъ,—его увлекло усердіе... конь и о четырехъ копытахъ, да спотыкается... Да что Авраамій—Іегова съ нимъ... Какъ бы Богъ Іакова и *ростовскій* іезуитизмъ не заставилъ насъ жалѣть о *вяземскомъ*!

◆◆ 1. По свидѣтельству П. Семенова-Тянь-Шанскаго, въ февралѣ 1858 г. онъ «нашелъ сильное раздраженіе противъ ожидаемаго усиленія вліянія Ростовцова во всей сочувствовавшей дѣлу освобожденія крестьянъ группѣ столичной интеллигенціи, которой лидеромъ былъ, несомнѣнно, Н. А. Милютинъ и которая находила себѣ опору въ двухъ великокняжескихъ дворцахъ». Возникла борьба враждующихъ сторонъ. «„Колоколь“ Герцена сдѣлался главнымъ органомъ этой борьбы». Достоинно вниманія, что дальше и потомъ нѣсколько разъ Семеновъ указывалъ на безпощадную *диффамацию* по адресу Ростовцова; значитъ, онъ понималъ, что Герценъ не клеветалъ, а лишь оглашалъ истинный фактъ, компрометирующій возвышавшагося «героя» 14 декабря 1825 года («Мемуары», III, 57—58, 67 и др.). 9 мая 1858 г. Ю. Ф. Самаринъ писалъ Герцену: «Теперь позвольте вамъ дать совѣтъ. Вы, вѣроятно, знаете, что Ростовцовъ страшно идетъ въ гору. Онъ уже почти заправляетъ министерствомъ внутр. дѣлъ, крестьянскій вопросъ въ его рукахъ, и начинающаяся реакція какъ по эмансипаціи, такъ и по цензурѣ, идетъ главнѣйшимъ образомъ отъ него. Это—вреднѣйшая и опаснѣйшая скотина, потому что онъ, и онъ одинъ, обладаетъ страшнымъ іезуитизмомъ. Необходимо нанести ему сильный ударъ и лучше этого сдѣлать нельзя, какъ разборомъ его печатной инструкціи о преподаваніи и воспитаніи въ кадетскихъ корпусахъ. Въ ней, между прочимъ, буквально сказано, что совѣсть нужна человѣку въ частномъ домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ воля начальства. Разберите подробно это образцовое произведеніе Лойолы-фельдфебеля. Никто не сдѣлаетъ этого, какъ вы. Но только, ради Бога, не упоминайте объ участіи его въ дѣлѣ 14-го декабря: это вмѣняется ему въ заслугу, а его нужно убить. Далѣе, не бранитесь, а разбирайте какъ можно спокойнѣе, устраняя ваши политическія убѣжденія; наконецъ, бросьте

незабвеннаго и не браните его. Нужно, чтобъ вслѣдъ за вами всякій здравомыслящій и честный человѣкъ могъ подписать приговоръ вашъ Ростовцову, не пріобщаясь ни къ какой политической партіи, не становясь подъ ваше знамя, не навлекая на себя подозрѣнія, что, дескать, это говорятъ и того добиваются только «красные» («Вольное Слово» 1883, № 59).

Въ своемъ оправдательномъ письмѣ къ кн. Е. П. Оболенскому Ростовцовъ приводитъ совсѣмъ другой текстъ изъ «Наставленія», который я свѣрилъ съ первоисточникомъ, и, долженъ сказать, что, дѣйствительно, Самаринъ ввелъ Герцена въ заблужденіе. Любопытно, замѣтить, что смыслъ истиннаго текста «Наставленія», иногда даже цѣлыя фразы, заимствованы К. Д. Кавелинымъ для учебника законовѣдѣнія для военно-учебныхъ заведеній, составленнаго имъ въ 1853 году («Рус. Архивъ» 1873, I, 489—491). Кн. Оболенскій писалъ Ростовцову, что «никакой Герценъ не можетъ очернить его характеръ», «что же касается до твоей личности, то слова Герцена не тебя оскорбляютъ, а того, который, сидя на островѣ, нападаетъ на личность, а не на дѣла». «Но слова Герцена падаютъ въ море забвенія и достойны сожалѣнія. Я читалъ «Колоколь» до № 12-го и нашелъ много желчи, а мало любви. Но пусть пишетъ и онъ: наши общественныя язвы глубоки, пусть раскрываютъ ихъ,—онѣ скорѣе залѣчатся» («Рус. Архивъ» 1873, I, 510—511). Въ срединѣ 1859 г. Оболенскій написалъ къ Герцену два письма относительно его нападокъ на Ростовцова, предложивъ послѣднему выбрать одну изъ редакцій и отправить по назначенію. Ростовцовъ разорвалъ обѣ и просилъ своего друга не поднимать никакой его защиты («Рус. Старина» 1900, XI, 374—375). О томъ, какъ тревожило Ростовцова отношеніе къ нему «Колокола», говоритъ и Н. П. Семеновъ (т. II, 80).

1091. Приложение къ полному праву къ журналистикѣ.

Къ кому и къ чему ни прикрѣплялись у насъ люди? И къ помѣщикамъ, и къ государству, и къ кавалерійскимъ полкамъ, и къ фабрикамъ, и къ монастырямъ, и къ временнымъ комиссіямъ,—напримѣръ, особенно замѣчательно, къ комиссіи для построения храма Спасителя въ Москвѣ!...—и къ рудникамъ, и къ конскимъ заводамъ, и, словомъ, ко всевозможнымъ физическимъ и моральнымъ лицамъ, ко всему видимому и невидимому. До сихъ поръ еще ни слова не было сказано о будущей участи всѣхъ другихъ.

крестьянъ, кромѣ помѣщичьихъ, а пора бы, ихъ тоже много, очень много. По всей вѣроятности, храмъ Спасителя, корабельные лѣса и лошади были бы великодушнѣе тамбовскихъ помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ, но, къ сожалѣнію, сводъ законовъ, дававшій право владѣть людьми, не могъ имъ дать дара говоренія, а поставленные къ нимъ опекуны-чиновники или лишены этого дара законодательствомъ, или находятъ молчаніе весьма выгоднымъ для себя. Мы нѣсколько разъ слышали уже предвѣщанія, что министерство государственныхъ имуществъ, коннозаводскія и другія скотскія вѣдомства думаютъ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ прибрать въ свои лапы; и освобожденіе тогда выйдетъ не освобожденіе, а перемѣна одного помѣщика на другого.

Скажемъ на первый разъ нѣсколько словъ о самомъ удивительномъ и постыдномъ видѣ укрѣпленія—къ политической и литературной газетѣ. Да, и горько и смѣшно, между тѣмъ это фактъ, извѣстный всѣмъ.

Московскій университетъ издаетъ политическую и литературную газету («Московскія Вѣдомости»); для этой цѣли при немъ учреждена собственная типографія... Дѣло очень хорошее, обеспечивающее исправный выходъ изданія, но вотъ что уже вовсе не хорошо: при учрежденіи типографіи *прикрѣплена* къ ней Бутырская слобода, населенная людьми *вольнаго* происхожденія; университетское правленіе (это было въ прошломъ столѣтіи) опредѣлило все мужское населеніе слободы въ типографскіе наборщики, разумѣется, вѣчно и потомственно. Въ такомъ положеніи они существуютъ до сихъ поръ.

Мы знаемъ, что въ языческомъ Римѣ были у частныхъ лицъ рабы, назначенные специально для переписки рукописей, для чтенія, для письма. Но чтобы во второй половинѣ XIX вѣка существовали въ христіанскомъ государствѣ люди не только грамотные, но и хорошо развитые, которые были бы вѣчно и потомственно прикрѣплены къ типографскому станку на крѣпостномъ правѣ,—это невѣроятно. А между тѣмъ это такъ. Не угодно ли кому изъ москвичей отправиться въ университетскую типографію (на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара),—тамъ онъ увидитъ нѣсколько десятковъ бѣлыхъ негровъ, которые день и ночь набираютъ и печатаютъ газету и книги. За эту каторжную работу имъ платится второе или четверо меньше того, что получаютъ вольные наборщики въ другихъ типографіяхъ, и притомъ они подчинены деспотизму часто худшему, нежели помѣщичій.

Въ послѣдніе годы (съ 1850) типографіей управлялъ Александръ Назимовъ, опредѣленный братомъ своимъ, бывшимъ попечителемъ

университета. О его прежней жизни достаточно сказать, что онъ, будучи окружнымъ начальникомъ въ Псковской губерніи, попалъ, несмотря на сильную протекцію, подъ уголовное слѣдствіе (кажется, за убійство розгами крестьянина). Вступивши въ управленіе типографіей, онъ принялъ ее за свою деревню и сталъ непрерывно отправлять наборщиковъ въ полицію для сѣченія, основываясь на мудромъ постановленіи нашего законодательства, по которому полиція должна сѣчь безъ отговоровъ крѣпостныхъ людей, присылаемыхъ помѣщиками въ ея святилище. Дѣло дошло до того, что даже московскій оберъ-полицмейстеръ долгомъ счелъ сообщить попечителю, что его очень удивляетъ ревность начальника типографіи, тѣмъ болѣе, что наборщики извѣстны за людей хорошаго поведенія и что прежніе начальники никогда не присылали ихъ въ полицію. Я былъ очевидцемъ слѣдующей сцены: въ правленіе университета приходитъ молодая и очень приличная женщина, кидается въ ноги ректору и проситъ спасти ея мужа, котораго начальникъ типографіи отправилъ сѣчь въ полицію ни за что, ни про что!

Университетъ, типографскій станокъ, политическая газета и рабы наборщики! Это такъ дико, такъ скверно, такъ позорно, что просто руки опускаются. Неужели университетское правленіе и новый министръ просвѣщенія потерпятъ долѣе это пятно? Въдѣ, правленіе университета состоитъ изъ ректора, бывшаго профессора, и четырехъ декановъ, слѣдственно, позоръ долженъ падать прямо на ученое сословіе.

На заголовкѣ «Колокола» означено, что онъ печатается въ *вольной* русской типографіи. Редакторы, конечно, не предполагали, что въ Москвѣ это слово можетъ имѣть такой простой смыслъ — некрѣпостной! Пускай же *вольная* русская лондонская типографія приметъ подъ свою защиту *рабскую* русскую московскую типографію.

А что же намѣрено сдѣлать министерство съ 6.000 крестьянъ, приписанныхъ къ Ярославскому лицу и недавно отданныхъ въ завѣдываніе палаты государственныхъ имуществъ, т.-е. на грабежъ чиновникамъ? Неужели оно не поспѣшитъ снять съ высшаго учебнаго заведенія титулъ рабовладѣльца?

1092. Харьковская исторія.

Студенты харьковскаго университета подали въ числѣ 280 просьбу объ увольненіи, какъ говорить «Аугсбургская Газета». Событіе замѣчательное и ставящее очень высоко харьковское юношество. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, чѣмъ окончится это дѣло. Мы

получили нѣсколько писемъ о немъ, но не знаемъ еще, чѣмъ Ковалевскій заключить его. Ковалевскій, показавшій такую жалкую слабость передъ *Орловскимъ* комитетомъ упроченія крѣпостного состоянія и уничтоженія всякой гласности,—Ковалевскій, подавленный допотопнымъ Панинымъ, Іаковомъ-энтузіастомъ, Муравьевымъ, «который вѣшаетъ», Долгоруковымъ, который *слушаетъ*, и другими врагами государя и Россіи,—мало подаетъ надеждъ. Какъ можно имѣть такого попечителя, какъ Зиновьевъ ¹⁾? Неужели достаточно имѣть брата ²⁾ въ дворцовой дѣтской, чтобъ быть попечителемъ? Зиновьевъ избѣстенъ въ Москвѣ, избѣстенъ по управленію арестантской ротой или смирительнымъ домомъ гдѣ-то, своими дикими мнѣніями о вредѣ свободы торговли, слова и пр. Будто изъ Катакази ³⁾ некуда упасть, какъ въ Зиновьева?

Дѣло, какъ намъ пишутъ, было очень просто. Въ Харьковѣ есть Салтыковъ и есть Лужинъ ⁴⁾; Салтыковъ женатъ на дочери Лужина, вслѣдствіе этого его дворня безчинствуетъ, а его свекоръ покрываетъ эти безчинства. Однажды вечеромъ дворня напала на студентскія шинели; отсюда вышла драка, на шумъ которой явился, въ качествѣ хозяина дома, самъ Салтыковъ;—у него въ домѣ отдаются въ наймы небольшія квартиры подъ разныя увеселительныя заведенія.

Дворня свекра, т.-е. полиція, явилась на помощь дворнѣ зятя, студентомъ захватили и *безъ суда* отправили съ конвоемъ къ атаману Хомутову на Донъ, потому что они были казаки.

Товарищи ихъ явились къ Зиновьеву, прося разобрать дѣло какъ слѣдуетъ законнымъ порядкомъ; Зиновьевъ нагрубилъ студентамъ и отказалъ имъ въ просьбѣ. Тогда 280 человекъ подали просьбу объ увольненіи. «Кто знаетъ, что значительное число студентовъ—люди бѣдные, для которыхъ вопросъ объ окончаніи университетскаго курса—вопросъ о кускѣ хлѣба, тотъ пойметъ все благородство поступка харьковскихъ студентовъ», пишетъ намъ корресподентъ, и мы прибавимъ съ нимъ: «Честь имъ и слава!»

Посланныхъ съ конвоемъ студентовъ воротили, вѣроятно, опасаясь послѣдствій такого самовольнаго распоряженія. Намъ пишутъ, что «бумага, при которой они были посланы, составлена *заднимъ числомъ* и что студентовъ обвиняли совсѣмъ въ иномъ дѣлѣ». ¹

¹⁾ Павелъ Васильевичъ.

²⁾ Николай Васильевичъ, генералъ-адъютантъ, воспитатель дѣтей Николая I.

³⁾ Гавріиль Антоновичъ, попечитель Харьковскаго учеб. округа.

⁴⁾ Иванъ Дмитріевичъ, военный и гражд. губернаторъ.

◆◆ 1. Въ «Краткомъ очеркѣ исторіи Харьковскаго университета» (Харьковъ, 1906) указано, что поводомъ къ волненіямъ послужило удаленіе изъ университета двухъ студентовъ за дебошъ на улицѣ. Произошла сходка; рѣшено было прекратить слушаніе лекцій; 138 студентовъ подали прошенія объ увольненіи (стр. 163—164).

1093. Паденіе винной торговли и пауперизмъ.

Подайте мальчику на хлѣбъ,—
Онъ Велизарія питаетъ.

Замѣчательно, что въ то же время, какъ во Франціи Альфонсъ Ламартинъ, собственникъ виноградниковъ въ Маконѣ, до того разорился, что открылъ во всѣхъ городахъ и по всѣмъ ярмаркамъ подписку въ свою пользу,—Федоръ Федоровичъ Брокъ, занимавшійся винными откупами въ Россіи, подалъ просьбу государю, чтобъ онъ взмогъ въ его убожество. Государь, несмотря на то, что прежній министръ финансовъ оставилъ ихъ въ большомъ разстройствѣ, послалъ ему на бѣдность 50,000 сер. Ни церковное вино, ни наша рѣшная сивуха рѣшительно не идутъ.

1094. [Запрещеніе „Колокола“ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ].

Сейчасъ получили мы письмо о томъ, что въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ, на желѣзной дорогѣ захватили «Колоколъ» и другія книги, печатаемая въ лондонской русской типографіи.

Мы будемъ протестовать противъ этого новаго незаконнаго акта въ *нѣмецкой* Малороссіи. Пусть бы ужъ Бейсты и Мантейфели отличались, а то и *вольный* городъ туда же, идетъ въ нѣмецкую свободу. Что Лабенскій ¹⁾ тамъ городничимъ, что-ли? а президентъ Сената докторъ Гарнье ²⁾ городской голова? «Колоколъ» никакого не подалъ повода, онъ никогда не занимался никакимъ Франкфуртомъ на свѣтѣ, ни тѣмъ, который на Майнѣ, ни тѣмъ, который на Одерѣ, и въ первый разъ говорить о немъ, оцарапанный имъ.

Пусть Гарнье и вся Германія знаютъ, въ чьихъ рукахъ Франкфуртъ: мало, что онъ зависитъ отъ діэты, отъ Австріи, отъ Пруссіи, онъ еще зависитъ отъ III Отдѣленія и отъ Тимашева. Пусть они знаютъ, что родина Гете превратилась въ западный Краковъ.

¹⁾ Камиллъ Ксаверіевичъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при дармштадтскихъ дворахъ.

²⁾ Harnier, Эдуардъ-Луи.

Errata. Въ прошломъ листѣ «Колокола» у насъ вкралась ошибка: во Франкфуртѣ русскій президентъ Лабенскій, а не Фонтонъ ¹⁾ и президентъ сената—не Гарнье. Мы взяли эти имена изъ «Almanach de Paris», 1858.

1095. [Отъ редакціи].

Намъ пишутъ, что у насъ своего рода монополія, что мы можемъ печатать, что хотимъ, а намъ отвѣчать нельзя. Это не совсѣмъ такъ; въ Германіи теперь, съ нашей легкой руки, три русскихъ типографіи. Сверхъ того, всякое возраженіе, всякую поправку мы готовы печатать или обязуемся сказать, почему не печатаемъ. ¹

◆◆ 1. 9 мая 1858 г. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Герцену: «Прежде всего обнимаю Васъ искренно и крѣпко жму Вамъ руку. Спасибо Вамъ за многое. Дѣло, Вами начатое, займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. «Колоколь», это—теперь единственный голосъ, къ которому прислушивается правительство. Оно справляется съ нимъ, какъ порядочный человѣкъ справляется со своею совѣстью. «Колоколь» замѣняетъ для правительства совѣсть, которой (ему) по штату не полагается, и общественное мнѣніе, которымъ (оно) пренебрегаетъ. Вы теперь, по своему положенію, пользуетесь *монополією* свободаго слова. Вы можете говорить все, а возражать Вамъ никто не можетъ. Это такая же привилегія, какъ та, которою пользуются казенныя изданія; вся разница въ Вашу пользу. Печатный листъ, выходящій подъ фирмою двуглаваго орла, заподозрѣвается общественнымъ мнѣніемъ ради одной этой вывѣски. Напротивъ, запрещеніе, наложенное на изданіе, располагаетъ читателей къ сочувствію и довѣрію. Поэтому отъ Васъ болѣе, чѣмъ отъ кого-либо, мы въ правѣ требовать безпристрастія, правдивости и строгой добросовѣстности. Я увѣренъ, что Вы признаете законность этого требованія и можете его выполнить; иначе я не сталъ бы писать къ Вамъ этого письма».

Дальше Самаринъ очень пространно полемизируетъ съ Герценомъ въ его оцѣнкѣ славянофиловъ, останавливаясь на возведеніи Николая I въ главу этой партіи, на карахъ, которымъ «глава» подвергалъ своихъ сочленовъ (Ѳ. Чижова, И. Аксакова, Кирѣев-

¹⁾ Феликсъ Петровичъ, съ 5 янв. 1857 г. чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Германскомъ Союзѣ.

скихъ, его самого и др.), на роли Н. Полевого, Бѣлинскаго, Галахова, на невѣрной оцѣнкѣ Хомякова и т. п. Вся его аргументація повторялась и потомъ не одинъ разъ и сейчасъ для насъ не представляется важной. Затѣмъ Самаринъ продолжалъ:

«Вы, конечно, понимаете, что я прошу у Васъ только того, чего каждый въ правѣ ожидать отъ другого: вниманія къ чужому мнѣнію и справедливости. Смѣшно бы было, если-бъ я вздумалъ увѣрять Васъ въ единомысліи. Признавая съ радостью, что мы во многомъ сблизились, я очень хорошо знаю, что непреступная черта межъ нами есть. Вы стремитесь къ послѣдствіямъ и отворачиваетесь отъ начала; Вы дорожите примѣненіемъ, а не хотите слышать про силу. Вы требуете *общинности* въ устройствѣ собственности, въ организаціи промышленности, кредита и т. д., но Вы не видите, что всякая община предполагаетъ *обязательное и свободное*, но не *произвольное* самоотреченіе лица въ пользу общественнаго союза, что законъ можетъ претендовать на обязательность только во имя *нравственнаго* долга, а что чувство долга и сознаніе нравственнаго и безнравственнаго такъ же немыслимо безъ религіозной основы, какъ нельзя себѣ представить вещество *наполняющимъ* пространство, которому нѣтъ предѣловъ, и носящимся въ пространство, въ которомъ нѣтъ пустоты,—чему Вы учите молодыхъ людей... Но довольно,—не заводите же спора между Москвою и Лондономъ. А много бы я далъ, чтобы провести съ Вами съ глазу на глазъ нѣсколько вечеровъ. Обо многомъ и многомъ хотѣлось бы Васъ спросить и Вамъ пересказать. Но теперь моя поѣздка за границу, давно замышленная, отложена надолго. Я назначенъ отъ правительства депутатомъ въ крестьянскій комитетъ по Саратовской губерніи. На дняхъ ѣду туда... крѣпко обнимаю Васъ съ полнымъ уваженіемъ и искреннимъ сочувствіемъ» («Вольное Слово» 1883, № 59).

По всей вѣроятности, это письмо получено Герценомъ только въ концѣ іюля, и имъ-то и вызвана эта замѣтка.

1096. A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le Mein.

Monsieur le Président,
Patres conscriptil

L'Édilité de la ville de Francfort a fait un acte unique, absurde et, par-dessus le marché, extrêmement blessant pour la] pauvre Allemagne... qui caresse encore le rêve de l'indépendance politique, et

pour l'autorité du Sénat souverain de la ville libre de Francfort. Il y a quelques jours, la police a saisi, dans le débarcadère du chemin de fer, les feuilles d'un journal russe que je rédige à Londres; et, sans motif, sans enquête, sur un simple commandement du Résident russe, en a prohibé la vente.

Des actes de soumission humiliante et de brutalité internationale pareils à celui-ci ont été accomplis par des rois affectés de maladie mentale et de jésuitisme, par des princes... infinitésimaux; mais on ne s'attendait pas à tant de servilité de la part d'une ville *libre* et située sur les bords du Mein.

Qui donc commande, règne et gouverne à Francfort: vous, *Patres conscripti*, ou le Résident russe?—Si c'est M. Fonton, je vous laisserai en paix—sans pourtant m'adresser à lui. Dans le doute—et n'ayant pas encore lu la promulgation officielle de l'annexion de Francfort aux Provinces Baltiques—je me vois forcé d'en appeler aux autorités constitués.

Et d'abord, je me crois obligé de vous faire remarquer que la gravité du fait ne consiste pas dans la prohibition d'une petite feuille. La parole, la pensée, persécutées dans l'Europe continentale, ne pouvaient s'attendre à trouver à Francfort une Saragosse de la liberté de la presse. Mais, remarquez le, de grâce! jusqu'à présent—même pendant le long règne de Nicolas en Allemagne—on connaissait le contenu des imprimés que l'on persécutait.

Patres conscripti! Êtes-vous dans ce cas? Je vous le demande, sur votre honneur.—Quels sont les passages de cette malheureuse *Cloche* russe, qui rendent sa circulation dangereuse pour la virginité politique de la bonne ville, de la ville libre de Francfort-sur-le-Mein?

Vous n'en savez rien; soyez francs, rien. Qu'est-ce que c'est que cette *Cloche* qui se publie à Londres, et qui est persécutée en Allemagne?—Est-ce qu'elle *appelle les vivants*; est-ce qu'elle *plaint les morts*?—Est-ce qu'elle est catholique ou républicaine?—Est-ce une feuille pathologique, communiste, monarchique ou mormonne? Qui le sait à Francfort?—M. Fonton et son secrétaire.

La police de Francfort a simplement exécuté l'ordre supérieur de la Chancellerie de M. Gortchakoff, le ministre, et du prince Dolgoroukoff, le gendarme, avec la passivité, l'obéissance du nègre. Voilà ce qui est grave. C'est un acte de haute trahison, par lequel la police a fortement compromis l'indépendance politique de la ville. Et quelle est donc cette insolence de la part du gouvernement russe! A un allié, si faible qu'il soit, on motive, par égard, par politesse, de pareilles exigences; on les soumet au gouvernement. Chez vous, il en est autrement:—Pétersbourg ordonne, et votre commissaire de police exécute.

Il suffit qu'un employé russe, un *tchinounik*, ait dit que la *Cloche* était une feuille incendiaire, pour qu'on la saisisit à Dresde, à Berlin, je ne sais où. Pauvre Allemagne, à quel état de Pologne elle passe!

Craignez, *Patres conscripti*, les employés russes «*et dona ferentes!*» Est-ce que vous ne voyez pas, par les feuilles publiées à Pétersbourg même, que chez nous on se méfie moins des voleurs de grands chemins, que des brigands de petite chancellerie. Mais je vais vous dire de quel quartier vient l'acharnement contre la *Cloche*. Plus, ne vous en déplaît, il vous faudra subir notre profession de foi. Ce n'est que justice. Lorsqu'on frappe une *Cloche*, elle sonne. Et, comme le sonneur de Notre-Dame de Paris, je tiens furieusement à ma *Cloche*.

Au reste, votre grand compatriote—qui ne se doutait guère qu'avec le temps il deviendrait le mien (si l'annexion de la ville libre à l'Empire Russe se réalise)—Goethe, cite un mot fort joli, qu'il a vu gravé sur un mur de l'Hôtel-de-Ville de Francfort, et que vous pouvez voir de vos propres yeux—si M. Fonton ne l'a pas fait effacer:

Eines Mannes Rede
Ist keines Mannes Rede:
Man soll sie billig hören Beede.

Maintenant, *Patres*, venons au fait. Il faut vous dire qu'en Russie il y a aussi deux gouvernements,—comme à Francfort sur-le-Mein: l'un officiel, couronné à Moscou, salué à Pétersbourg: c'est le gouvernement de parade, de grands levers, des processions, des revues, avec Alexandre II pour bourgmestre; l'autre occulte, caché, détesté à Moscou, craint à Pétersbourg, aussi invisible que les miasmes, et non moins pestilentiel, et qui domine la Russie, comme M. Fonton domine, en attendant mieux, la police de Francfort.

Ce cabinet noir est composé des derniers *mohicans* du règne néfaste et sombre de Nicolas. Vous y trouverez, en première ligne, le descendant du régicide, *Alexis Orloff—ami du défunt*; un *M. Mouravieff*, qui se vante de ne pas appartenir aux Mouravieff que l'on pend—mais bien à ceux qui pendent; un général *Rostovzoff* (Jacob), qui, tout jeune encore, dénonça, par entraînement et enthousiasme, ses amis, comme le dit le secrétaire d'état, baron Korff, dans son ouvrage sur l'avènement de Nicolas I au trône (ouvrage que M. Fonton sera enchanté de vous prêter, M. le Président); un comte *Panin*, ministre de la Justice (vous comprenez, c'est une manière de dire, comme lorsqu'on ajoute le mot *libre* au nom d'une cité, parce qu'elle a quatre maîtres au lieu d'un, ou qu'on appelle *Re di Cypro* Ferdinand II, par la grâce de Dieu—très mal placée cette fois—roi absolu des Deux-Siciles); un

ministre de la Justice donc, qui a commencé sa carrière en défendant une pauvre bonne femme, une princesse Troubetzkoï, qui n'était accusée... que d'avoir fouetté à mort sa femme de chambre. Autour de ce centre grouille un tas de subalternes qui descendent par les degrés du *tchin* jusqu'aux petits propriétaires d'âmes, jusqu'à cette noblesse de *verges*, qui, avec la noblesse de l'encre, forme une couche dense et bien soudée d'opposition, de résistance à tout progrès, à toute amélioration.

Pas une bonne intention qui ne soit contrecarrée par eux, mutilée, frelatée, rendue impossible ou faussée par une réalisation tronquée.

Alexandre II voit, par exemple, l'urgence de l'émancipation des paysans. Le cabinet noir devient à l'instant même abolitionniste. Mais il veut l'émancipation la plus complète; il veut émanciper le paysan non seulement du seigneur, mais aussi de la terre qu'il cultive. Le cabinet noir sait très bien que l'affranchissement dans le prolétariat est impossible en Russie, contraire à la tradition, au génie du peuple, au bon sens. Tant mieux; l'émancipation ne sera qu'un *fata morgana*, une illusion, un mensonge. Mais une difficulté se présente. La question de l'émancipation se traite dans tous les journaux russes, et tous les journaux influents sont pour l'émancipation *avec la terre*.

Rien de plus facile que de lever cet obstacle. On met à la porte un ministre de l'Instruction publique; on le remplace par un Ponce Pilate tout prêt à se laver les mains des taches d'encre, et on fait signer à celui-ci un ordre à la censure de ne pas donner l'*imprimatur* aux articles qui parlent de l'émancipation *avec la terre*.

Voilà pour la publicité.

Eh bien, voyant cela, nous avons crié notre «Prenez garde à vous» à l'empereur Alexandre II. Nous—le seul organe libre, que possède la Russie—nous avons commencé à dévoiler ces sourdes menées. Voilà la véritable cause des persécutions mesquines dirigées contre notre journal. La *Cloche* les gêne... ces braves gens, elle leur fait peur; et votre police leur aide, *Patres conscripti!*

Maintenant, un mot concernant la religion du journal. S'il y a à Francfort-sur-le-Mein un Russe honnête homme, ou seulement qui ne soit pas attaché à la chancellerie impériale, ou enfin un Allemand qui, par prévoyance, ait étudié la langue russe, faites-vous traduire notre programme, et prenez tous nos articles de fond depuis le 1-er Janvier, vous verrez que notre *motto* humble, modeste, restreint, n'a jamais été dépassé. Qu'avons-nous demandé?

L'Émancipation des paysans—avec la terre cultivée par eux;

L'Abolition de la censure préventive;

L'Abolition de l'Instruction secrète et des jugements à huis-clos;

L'Abolition des peines corporelles.

Ce n'est pas tellement Robespierre et Marat, je pense. Eh bien, nous ne demandons pas autre chose... pour le moment.

On nous aurait laissé passer avec cela. Mais pour corroborer nos théories, nous les avons illustrées par des exemples. Nous avons livré à la publicité des faits monstrueux, infâmes, horribles de l'administration russe; et, pour le faire, nous n'avons pas cru nécessaire d'inventer des types, de désigner par des noms fictifs tous ces scélérats de la police, prévaricateurs, voleurs et brigands. Non, nous les avons timbrés, enregistrés avec leurs noms et prénoms, chaque fois que nous avons été sûr des faits. Nous avons mis la date et le nom de la ville; quelquefois même nous avons copié textuellement les documents officiels, les actes des tribunaux. La *Cloche* devenait en même temps, dans ce pays de souffrances comprimées, de mutisme imposé, et le cri de douleur du serf fouetté par son seigneur, du prisonnier mourant dans son cachot, et une menace incessante pour tous ces faiseurs de faux en écritures publiques.

La peur de se voir dans la *Cloche* a tourné l'encre de ces braves bureaucrates. Ils opprimaient, ils volaient doucement, paisiblement, sous l'égide du silence imposé par la censure; et, tout-à-coup, voilà qu'en Angleterre, à Londres, un... Dieu sait qui, commence à soulever leur masque. A partir de ce moment ils ne savent plus ce qu'ils font. Pourquoi, par exemple, exiger de la police de Francfort l'interdiction de la vente d'un journal russe?— Si c'est une épreuve de soumission, dans le genre du chapeau planté par Gessler, c'est du luxe; nul ne doute de l'obéissance toute filiale des gouvernements allemands envers leur cadet de Pétersbourg. Guillaume Tell est exclu de la Walhalla: c'est une production trop suisse. C'est donc uniquement, pour nous couper le sifflet, nous bloquer, nous affamer?—Mais alors cela ne suffit pas; ils le savent très bien.

Nous le leurs avons dit, deux fois déjà, dans la *Cloche*: «La propagande russe n'est pour nous ni un caprice, ni une distraction, ni un gagne-pain. C'est l'oeuvre de notre existence, notre religion, notre manière de servir le peuple russe.

«Nous avons travaillé sans abattement, alors que nous ne rencontrions encore ni sympathie, ni encouragement. Est-il probable que, maintenant que le gouvernement russe reconnaît notre force, notre influence, et que la jeunesse russe nous lit avec avidité, nous nous arrêtions?

«La main sur le coeur, nous jurons, devant la Russie, de continuer notre oeuvre jusqu'au dernier souffle. Notre mort même ne l'arrêtera pas: nous ne sommes pas seuls, et nous avons à qui léguer notre *presse*.

«Il n'y a qu'un moyen de couper court à la propagande russe à l'étranger:—ce n'est pas d'introduire en Allemagne la censure de Pétersbourg, mais d'abolir la censure allemande en Russie».

La seule chose qui puisse résulter de ces persécutions pour nos Gesslers auliques et princes-gendarmes, c'est que nous soyons forcés—pour notre justification—s'ils continuent leurs tracasseries, de traduire nos articles, et au lieu de laver en famille notre linge sale, de porter à la connaissance de l'Europe entière les faits et gestes de ces oligarques de casernes, de ces maréchaux d'*encre* et valets d'état, qui pullulent dans l'antichambre du Palais d'Hiver.

Quant à vous—M. le Président, et MM. les Pères Conscripti,—lavez la tête à votre police, choisissez mieux vos agents, et faites lever l'embargo mis sur mes publications à l'embarcadère, afin que je puisse vous prendre sérieusement pour les Sénateurs d'une ville libre, et vous témoigner sincèrement ma haute considération.

A. Herzen,

Rédacteur de la *Cloche* et de l'*Étoile Polaire*.

1-er Août 1858.
Putney, près Londres.

Переводъ.

Знаменитому Сенату вольнаго города Франкфурта-на-Майнѣ.

Господинъ Президентъ,
Patres conscripti! ¹⁾

Франкфуртскіе эдилы ²⁾ совершили поступокъ единственный въ своемъ родѣ, нелѣпный и, кромѣ того, крайне оскорбительный для бѣдной Германіи, которая все еще тѣшитъ себя мечтой о политической независимости, и для авторитета верховнаго Сената вольнаго города Франкфурта. Нѣсколько дней назадъ полиція захватила на вокзалѣ желѣзной дороги номера русскаго журнала, который я издаю въ Лондонѣ, и безъ объясненія причинъ, безъ вопросовъ, просто, по приказанію русскаго агента, запретила его продажу.

¹⁾ Отцы сенаторы (формула, которою въ древнемъ Римѣ ораторы обычно начинали свои рѣчи, обращенныя къ сенату).

²⁾ Чиновники въ древнемъ Римѣ, на которыхъ было возложено наблюдение за храмами, за нравственностью гражданъ, за торговлей и проч.

Подобные акты унижительной покорности и международной врубости совершались иногда царями, одержимыми душевной болѣзнью и иезуитизмомъ, и бесконечно-малыми князьями, но нельзя было ожидать такого рабства со стороны *вольнаго* города, расположеннаго на берегахъ Майна.

Кто же распоряжается, царить и управляетъ во Франкфуртѣ: вы, *Patres conscripti*, или русскій агентъ? Если г. Фонтонъ, то я оставлю васъ въ покоѣ, не обращаясь, однако, и къ нему. Находясь въ сомнѣніи и не встрѣчая до сихъ поръ официального обнародованія аннексіи Франкфурта къ Балтійскимъ провинціямъ, я принужденъ обратиться съ призывомъ къ установленнымъ властямъ.

Я долженъ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на то, что значительность этого факта заключается не въ запрещеніи маленькаго листка. Нельзя было ожидать, что для слова и мысли, преслѣдуемыхъ въ континентальной Европѣ, Франкфуртъ окажется Сарагоссой¹⁾ свободы печати. Но до сихъ поръ—пожалуйста, обратите на это вниманіе!—даже во время долгаго царствованія Николая, въ Германіи всегда знали содержаніе той печати, которую преслѣдовали.

Patres conscripti! То же ли самое въ данномъ случаѣ? Я спрашиваю васъ на честное слово. Какія статьи этого несчастнаго русскаго *Колокола* дѣлаютъ его распространеніе опаснымъ для политической дѣвственности добронравнаго вольнаго города Франкфурта-Майнъ?

Вы ничего не знаете объ этомъ—ничего, будьте искренни. Что такое этотъ *Колоколъ*, издаваемый въ Лондонѣ и преслѣдуемый въ Германіи? Что онъ—*зоветъ живыхъ* или *оплакиваетъ мертвыхъ*? Католическій онъ или республиканскій? патологическій, коммунистическій, монархическій или мормонскій? Кто знаетъ объ этомъ во Франкфуртѣ? Г. Фонтонъ и его секретарь.

Франкфуртская полиція просто исполнила высшее приказаніе канцеляріи г. Горчакова, министра, и князя Долгорукова, жандарма—исполнила его съ пассивностью и послушаніемъ негра. Вотъ что важно. Это—государственное преступленіе, которымъ полиція сильно скомпрометировала политическую независимость города. И до какой наглости дошло русское правительство! Всякому союзнику, какъ бы слабъ онъ ни былъ, мотивируютъ подобныя требованія, изъ уваженія, изъ вѣжливости; ихъ предъявляютъ правительству. У васъ дѣло обстоитъ иначе: Петербургъ приказываетъ, а вашъ приставъ исполняетъ.

¹⁾ Намекъ на упорную защиту сарагосцами роднаго города, выдержавшаго осаду со стороны французовъ, длившуюся съ 1808 по 1809 г.

Достаточно было русскому чиновнику сказать, что *Колокол*— журналъ зажигательный, чтобы его арестовали въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ, всюду. Бѣдная Германія,—она переходитъ на положеніе Польши!

Бойтесь, *Patres conscripti*, русскихъ чиновниковъ «*et dona ferentes*»¹⁾. Развѣ вы не видите даже по петербургскимъ газетамъ, что у насъ больше вѣрятъ разбойникамъ съ большой дороги, чѣмъ грабителямъ изъ маленькой канцеляріи? Но я расскажу вамъ, изъ какого квартала идетъ ожесточеніе противъ *Колокола*. Затѣмъ, не прогнѣвайтесь, вамъ придется выслушать наше *profession de foi*²⁾. Это только справедливо. Когда ударяютъ въ *Колокол*, онъ звонитъ. И, какъ звонарь парижской Богоматери, я съ остѣрвененіемъ защищаю свой *Колокол*.

Наконецъ, вашъ великій соотечественникъ, который нисколько не сомнѣвался въ томъ, что со временемъ станетъ и моимъ (если осуществится аннексія вольнаго города къ русской имперіи), Гѣте, цитируетъ прекрасныя слова, которыя онъ видѣлъ на стѣнѣ франкфуртскаго *Hôtel-de-Vill*³⁾ и которыя вы можете видѣть собственными глазами, если г. Фонтонъ не велѣлъ ихъ стереть:

Рѣчь одного человѣка —

Ничья рѣчь;

По справедливости, должны быть выслушаны оба.

Теперь, *Patres*, перейдемъ къ дѣлу. Надо вамъ сказать, что въ Россіи, какъ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, тоже два правительства: одно официальное, которое коронуютъ въ Москвѣ и привѣтствуютъ въ Петербургѣ, это — правительство парадовъ, выходовъ, процессій, смотровъ, съ Александромъ II во главѣ; другое — тайное, скрытое, которое ненавидятъ въ Москвѣ, котораго боятся въ Петербургѣ; невидимое, какъ миазмы, и не менѣе тлетворное, оно владычествуетъ надъ Россіей, какъ г. Фонтонъ владычествуетъ, въ ожиданіи лучшаго, надъ франкфуртской полиціей.

Этотъ Черный кабинетъ составленъ изъ послѣднихъ *мошканъ* злосчастнаго и мрачнаго царствованія Николая. Вы найдете тамъ, прежде всего, потомка цареубійцы, *Алекстія Орлова*, *друга покойнаго*; затѣмъ — *М. Муравьева*, который хвастается тѣмъ, что принадлежитъ не къ тѣмъ Муравьевымъ, которыхъ вѣшаютъ, а къ тѣмъ,

¹⁾ *Quidquid id est, timeo Danaos, et dona ferentes*, то-есть: что бы то ни было, я боюсь данайцевъ, *даже приносящихъ дары*.

²⁾ Изложеніе политическихъ убѣжденій.

³⁾ Ратуша.

которые вѣшаютъ; генерала *Ростовцова* (Якова), который, еще въ ранней молодости, донесъ, въ порывѣ увлеченія и энтузіазма, на своихъ друзей, какъ рассказываетъ государственный секретарь баронъ Корфъ въ своей работѣ о восшествіи Николая I на тронъ (книга, которую г. Фонтонъ съ восторгомъ подарить вамъ, г. Президентъ); графа *Панина*, министра юстиціи (вы понимаете, что это только способъ выраженія, въ родѣ тогѣ, какъ прибавляютъ слово *вольный* къ названію города, потому что въ немъ четыре хозяина вмѣсто одного, или какъ Фердинанда II называютъ *Re di Surgo*¹⁾), тогда какъ онъ, Божьей милостью, на этотъ разъ очень плохо примѣненной, абсолютный монархъ обѣихъ Сицилій)—итакъ, министра юстиціи, начавшаго свою карьеру защитой бѣдной женщины, княгини Трубецкой, которую обвиняли только въ томъ, что она застегала *до смерти* свою горничную. Вокругъ этого центра кишить куча подначальныхъ, которые спускаются по ступенямъ чина до маленькихъ владѣльцевъ *душъ*, до этого *стѣкающаю* дворянства, которое вмѣстѣ съ *чернильни.мъ* дворянствомъ образуетъ плотный и крѣпко спаянный слой оппозиціи и сопротивленія всякому прогрессу, всякому улучшенію.

Нѣтъ ни одного хорошаго намѣренія, которое не было бы ими остановлено, искажено, сдѣлано невозможнымъ или извращено урѣзаннымъ осуществленіемъ.

Александръ II видитъ, на примѣръ, крайнюю необходимость освобожденія крестьянъ. Черный кабинетъ становится сейчасъ же освободительнымъ; но онъ желаетъ самаго полнаго освобожденія: онъ желаетъ освободить мужика не только отъ помѣщика, но и отъ земли, которую онъ обрабатываетъ. Черный кабинетъ прекрасно знаетъ, что освобожденіе съ превращеніемъ въ пролетаріатъ невозможно въ Россіи — оно противно традиціи, народному духу, здравому смыслу. Тѣмъ лучше; освобожденіе будетъ простымъ *fata morgana*²⁾, иллюзіей, ложью. Но есть одно затрудненіе. Вопросъ объ освобожденіи обсуждается во всѣхъ русскихъ журналахъ, и всѣ вліятельные журналы стоятъ за освобожденіе *съ землею*.

Нѣтъ ничего легче, какъ устранить это затрудненіе. Удаляютъ министра народнаго просвѣщенія, замѣняютъ его Понтиемъ Пилатомъ, который готовъ отмыть чернильныя пятна на рукахъ, и ве-

¹⁾ Царь кипрскій.

²⁾ Миражъ; собственно, явленіе, наблюдаемое въ Италіи и заключающееся въ томъ, что становятся видимыми предметы, находящіеся за предѣлами горизонта.

лять ему подписать приказъ цензурѣ не давать разрѣшенія статьямъ, которая говорятъ объ освобожденіи *св земель*.

Такъ обстоитъ дѣло съ гласностью.

И вотъ, видя это, мы закричали свое «берегитесь!» государю Александру II. Мы — единственный свободный органъ, который имѣетъ Россія, — мы начали вскрывать эти темные происки. Вотъ истинная причина жалкихъ преслѣдованій, направленныхъ противъ нашего журнала. *Колоколъ* мѣшаетъ имъ, этимъ честнымъ людямъ, онъ имъ страшенъ; и ваша полиція помогаетъ имъ, *Patres conscripti!*

Теперь одно слово о направленіи этого журнала. Если есть во Франкфуртѣ-на-Майнѣ честный русскій или, по крайней мѣрѣ, не состоящій при государственной канцеляріи, или, наконецъ, нѣмецъ, изучившій, изъ предусмотрительности, русскій языкъ, попросите перевести вамъ нашу программу и возьмите всѣ наши главныя статьи, начиная съ 1 января; вы увидите, что нашъ *motto* ¹⁾, смиренный, скромный, ограниченный, никогда не переходилъ границъ. Чего мы просили?

Освобожденія крестьянъ съ землею, ими обрабатываемой;

Уничтоженія предварительной цензуры;

Уничтоженія тайнаго слѣдствія и суда при закрытыхъ дверяхъ;

Уничтоженія тѣлесныхъ наказаній.

Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ Робеспьеръ и Маратъ. И вотъ мы не просимъ ничего больше... пока.

Съ этимъ насъ пропускали бы. Но, чтобы укрѣпить свои теоріи, мы иллюстрировали ихъ примѣрами. Мы предали гласности чудовищныя, безстыдныя, ужасныя дѣянія русской администраціи; а чтобы дѣлать это, мы не нашли необходимымъ измышлять типы и называть фиктивными именами всѣхъ полицейскихъ преступниковъ, предателей, воровъ и разбойниковъ. Нѣтъ, мы ихъ называли и заносили въ списки вмѣстѣ съ ихъ именами и прозвищами каждый разъ, когда были увѣрены въ фактахъ. Мы ставили дату и названіе города; нѣсколько разъ мы даже копировали дословно официальные документы, судебные приговоры. *Колоколъ* становился въ этой странѣ подавленныхъ страданій, принужденной нѣмоты, одновременно крикомъ раба, котораго сѣчетъ помѣщикъ, узника, умирающаго въ своей темницѣ, и непрестанной угрозой для всѣхъ этихъ печатныхъ лгуновъ.

Страхъ увидѣть себя въ *Колоколѣ* измѣнилъ способъ дѣйствій храбрыхъ бюрократовъ. Они скрывали, они крали тихонько, спо-

¹⁾ Эпиграфъ (ит.).

койно, подъ эгидой молчанія, приказаннаго цензурой,—и вотъ, вдругъ въ Англии, въ Лондонѣ кто-то, Богъ его знаетъ кто, начинаетъ снимать съ нихъ маски. Съ этого времени они сами не знаютъ, что дѣлають. Почему, напримѣръ, требовать отъ франкфуртской полиціи запрещенія продавать русскій журналъ? Если это — испытаніе покорности, въ родѣ шляпы, посаженной Гесслеромъ ¹⁾, то это роскошь; никто не сомнѣвается въ совершенно сыновнемъ послушаніи нѣмецкихъ правительствъ по отношенію къ старшему, петербургскому правительству. Вильгельмъ Телль удаленъ изъ Валгаллы ²⁾; это — слишкомъ швейцарское произведение. Значить, это только для того, чтобы зажать намъ ротъ, заблокировать и уморить насъ съ голоду? Но, вѣдь, этого недостаточно—и они прекрасно знаютъ это.

Мы уже два раза говорили имъ въ *Колоколь*: «Русская пропаганда не является ни нашимъ капризомъ, ни развлеченіемъ, ни заработкомъ. Это — трудъ нашей жизни, наша религія, нашъ способъ служенія русскому народу.

«Мы работали безъ унынія еще тогда, когда не встрѣчали ни симпатіи, ни поддержки. Возможно ли, чтобы теперь, когда русское правительство признаетъ нашу силу, наше вліяніе, и когда русское юношество читаетъ насъ съ жадностью, мы остановились?

«Положа руку на сердце, мы клянемся передъ Россіей продолжать свой трудъ до послѣдняго вздоха. Даже смерть наша не оставитъ его: мы не одни, у насъ есть кому завѣщать нашу *прессу*.

«Существуетъ только одно средство прикончить русскую пропаганду за границей: не вводить въ Германіи петербургскую цензуру, но уничтожить нѣмецкую цензуру въ Россіи».

Единственно, что можетъ выйти изъ этихъ послѣдованій для нашихъ придворныхъ Гесслеровъ и для князей-жандармовъ, это то, что мы будемъ принуждены для своего оправданія, если они будутъ продолжать свои придирки, переводить свои статьи и, вмѣсто того, чтобы мыть свое грязное бѣлье дома, ознакомить всю Европу съ поступками и дѣяніями этихъ казарменныхъ олигарховъ, этихъ *чернильныхъ* маршаловъ и государственныхъ лакеевъ, которые наводнили переднюю Зимняго дворца.

¹⁾ Гесслеръ, намѣстникъ австрійскаго императора въ кантонѣ Ури (Швейцарія), издалъ приказъ, въ силу котораго всѣ проходившіе обязаны были обнажать голову передъ его *шляпой*; по преданію, онъ былъ убитъ Вильгельмомъ Теллемъ (XIV в.).

²⁾ Особое зданіе близъ Регенсбурга, въ которомъ помѣщены мраморные бюсты знаменитыхъ нѣмцевъ.

Что касается васъ, г. Президентъ и Patres conscripti, сдѣлайте внушеніе своей полиціи, выбирайте лучше своихъ агентовъ и прикажите снять запрещеніе, наложенное на мои изданія, чтобы я серьезно могъ считать васъ сенаторами вольнаго города и искренно свидѣтельствовать свое высокое почтеніе.

А. Герцень,

редакторъ «*Колокола*» и «*Полярной Звѣзды*».

1 августа 1858 г.
Путней, близъ Лондона.

1097. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

14 août (1858).
Putney, Laurel House.

Chère Malvida, voilà les titres avec l'exactitude d'un employé de chancellerie.

Sotchinenia A. Pouchkina, isdanié Annenkova, S. Peterb., 1854—57, VII vol.

Gedichte von Alexander Puschkine, deutsch v. Friedrich Bodenstedt, Berlin, 1854.

Du développement des idées révolutionnaires par A. Herzen, 2 Ed., Londres, 1853.

Alexandre part le 23 ou le 25—cela fait une révolution entière dans ma vie. Il le faut, rien à dire par conséquence.

Je ne vous ai rien écrit avec les journaux par une simple raison: lorsqu'on envoie sous bande—on ne doit pas écrire.—Quant à votre opinion sur le *cher*—Bescher (prononciation française) je ne la partage pas. C'est un esprit fin—mais étroit... ¹⁾ de David Urquart,—qui, je suis sûr, me prendrait soit peu pour un agent russe (au reste vous ne lui direz pas un mot de cela—je le pense—et je vous en prie).

Tout le monde vous salue, on fait les portraits de Tata et Olga en plâtre.

Adieu.

A. Herzen.

¹⁾ Слово неразобрано.

Переводъ.

14 августа.

Дорогая Мальвида, вотъ заглавія съ точностью какого-нибудь канцелярскаго чиновника:

«Сочиненія» А. Пушкина, изданіе Анненкова, С. Петерб., 1854—57. VII т.

«Стихотворенія» Александра Пушкина, нѣмецкій переводъ Фридриха Боденштедта, Берлинъ, 1854.

«О развитіи революціонныхъ идей», А. Герцена, 2-ое изд., Лондонъ, 1853.

Александръ уѣзжаетъ 23 или 25. Это производитъ цѣлую революцію въ моей жизни. Это необходимо, значитъ нечего говорить.

Я вамъ ничего не написалъ съ газетами по той причинѣ, что когда отправляютъ подъ бандеролью, то ничего не должно быть написано. Что касается вашего мнѣнія о cher—Bescher¹⁾ (французское произношеніе), то я его не раздѣляю. У него умъ тонкій, но ограниченный, въ родѣ...²⁾ Давида Уркварта, и онъ, я увѣренъ, нѣсколько склоненъ принимать меня за русскаго агента (конечно, вы не скажете ему ни слова объ этомъ—я такъ думаю, и прошу васъ).

Всѣ вамъ кланяются. Сейчасъ дѣлаютъ изъ алебаstra портреты Таты и Ольги.

Прощайте.

А. Герценъ.

1098. (Письмо къ императору Александру II).

Государь,

Мы съ ужасомъ прочли проекты центральнаго комитета. Остановитесь! не утверждайте! Вы подпишете свой стыдъ и гибель Россіи. Какъ честные люди, отъ искренней скорби и отъ искренняго желанія добра, ради всего святого умоляемъ Васъ: не утверждайте! Одумайтесь!

Искандеръ, Н. Огаревъ.

1 августа 1858.

Лондонъ, Вольная русская типографія. ¹

¹⁾ См. № 1085.

²⁾ Слово неразобрано.

◆◆ 1. Послѣ извѣстнаго «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!», польская эмиграція стала относиться къ Герцену холоднѣе, уже не обращала вниманіе читателей своего органа, «Democrata Polski», на русскаго товарища, а послѣ появленія этого письма выступила со статьей, которая положила начало полемикѣ. Въ № отъ 31 августа польскій органъ выражаетъ удивленіе, что «Колоколь» могъ вѣрять въ Александра II, особенно послѣ того, какъ съ самаго начала былъ противъ него. Почему вдругъ такая перемѣна? Почему въ новогоднемъ номерѣ такъ крупно напечатано «Освобожденіе крестьянъ!»? Неужели «Колоколь» не понимаетъ, что, звоня царю честь и славу, онъ обнаруживаетъ непониманіе политическаго момента? Теперь, въ послѣднее время онъ понялъ, что ошибся, особенно, когда самъ же напечаталъ проектъ Главнаго комитета; теперь редакторы «Колокола» спѣшатъ окрикнуть Александра II. Надо понять, что не Главный комитетъ обманываетъ царя, а царь обманываетъ Россію.

1099. Rappel à la pudeur! ¹⁾

Мы съ глубокимъ чувствомъ жалости и отвращенія читаемъ въ англійскихъ газетахъ отрывки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» противъ Англій и «нордовскую» лесть передъ Франціей. Какъ же это дѣлается, что едва позволили вамъ говорить, такъ вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?

1100. Письмо къ сыну.

26 августа (1858).
Putney.

. Вотъ и мое первое письмо къ тебѣ, любезный Саша, — ты знаешь, что я тебѣ говорилъ о значеніи этихъ писемъ: Въ нихъ я мало-по-малу буду договаривать то, что не успѣлъ договорить на словахъ.

Сегодня я еще не привелъ настолько въ порядокъ своихъ мыслей, чтобъ начать тѣ вопросы, о которыхъ я хотѣлъ писать.

Гдѣ ты и какъ? Мы ждемъ твоего письма. Море было гладко, какъ зеркало, когда вы отправились; вѣроятно, переѣздъ былъ очень хорошъ.

¹⁾ Призывъ къ цѣломудрію!

Дома я засталъ Наташу очень огорченную, она плакала весь день: она тебя сильно любитъ; старайся поддержать въ ней это чувство и старайся заслужить его. Она не могла даже позировать у Грасса ¹⁾. Мнѣ ее было очень жаль,—много страдается она на своемъ вѣку. Глядя на нее, я думалъ, какъ трудно было бы для мамыши разстаться съ тобой... Но что тутъ говорить... лишь бы эта разлука послужила тебѣ на пользу и на развитіе.

Огаревъ еще спитъ; какъ всегда, Оленька играетъ въ фортепьянахъ, Natalie ее журитъ.—стало, все идетъ по старому, хотя я все же думаю, что иной разъ, вспоминая скуку дома, ты вспомнишь и другія стороны нашей жизни, которая ты не умѣлъ цѣнить по молодости.

Кланяйся Фогту и Фази. Пиши всякій разъ аккуратно, куда тебѣ писать и кого ты видѣлъ; за отвѣтомъ недостатка не будетъ.

Помни мои послѣднія слова на пароходѣ и прощай, другъ мой. Ждемъ твоего письма. ¹

◆◆ 1. 24 августа Герценъ простился, наконецъ, съ своимъ сыномъ. Н. А. Огарева рассказываетъ по этому поводу: «Герценъ рѣшилъ отправить сына въ Женеву; ему хотѣлось, чтобъ молодой человѣкъ, живя отдѣльно отъ семьи, приобрѣлъ нѣсколько независимости въ чистомъ горномъ воздухѣ швейцарскихъ городовъ и продолжалъ уже самостоятельно болѣе серьезныя занятія. Во время посѣщенія въ Лондонѣ разныхъ вольныхъ курсовъ, А. А. Герценъ былъ всегда первымъ на экзаменахъ, получилъ серебряную медаль и золотую и разные лестные отзывы отъ читающихъ лекціи. Не помню всѣхъ предметовъ, изученныхъ имъ, но знаю, что онъ особенно занимался естественными науками, физикой, химіей и къ рожденію Герцена дѣлалъ, вмѣсто сюрприза, наглядные опыты, читалъ намъ лекціи съ очень ясными толкованіями, которыми его отецъ оставался очень доволенъ. Когда Герценъ отправилъ сына въ Женеву, онъ послалъ его къ извѣстному натуралисту Карлу Фогту» (стр. 136). Я, съ своей стороны, увѣренъ, что, помимо желанія отдать сына на выучку къ Фогту, вопросъ объ его поѣздкѣ рѣшенъ былъ Герценомъ еще и подъ вліяніемъ чисто семейныхъ обстоятельствъ...

¹⁾ Филиппъ, франц. скульпторъ.

1101. Письмо къ К. Фогту.

30 Août (1858).
Putney, Laurel House.

Cher Vogt, J'ai reçu en effet un petit mot de vous le jour même— lorsque je vous écrivais ma dernière lettre. Probablement Alex. est déjà a Genève, je l'ai reconduit jusqu'à Dover le 24 Août. Je n'ai pas besoin d'ajouter que je compte sur votre amitié fermement. Donnez des conseils, donnez des ordres, avisez. J'aime mieux qu'il s'en aille à Wurtzbourg.

Vous savez qu'on dit (et avec vérité): grattez le russe et vous verrez le barbare.—J'ai un peu changé en votre faveur la maxime de M-me de Staal. Touchez un peu l'allemand — et vous verrez le patriote. Comment—vous dites que des lâchetés pareilles doivent être reçues avec le silence de la commisération — par ce que ce pauvre Michel—sait qu'il est le nègre de la cour de Pétersb.!—Mais de combien de millions d'hommes est composé le pauvre Michel—et il endure tout, et ne pas même le lui dire—d'où avez vous tiré cette philosophie!?

Maintenant vous avez reçu ma brochure «La France ou l'Angleterre?» Vous y verrez que je n'ai pas ménagé vos voisins. Et si je fais des vivisections des Russes et de la Russie deux fois par mois—vous devez me permettre de ne pas me taire lorsqu'on m'attaque dans un pays—qui n'est pas encore médiatisé, annexé et qui doit répondre—pour ce qu'il fait.

Mais ne soyons pas trop généreux...

Il me semble qu'un de vos collaborateurs est un certain Petit Jean,—le connaissez vous bien? Il y a sur lui à Londres deux-trois opinions—(cela reste entre nous).

Adieu, cher Vogt, faites maintenant traduire le chapitre que je vous ai consacré.

Saluez votre famille — dans la ligne ascendante et descendante.

Je mettrai sous cette lettre—une autre à Alexandre—donnez lui aussi la feuille suivante.

Переводъ.

30 августа.

Дорогой Фогтъ, я, дѣйствительно, получилъ отъ васъ маленькую записку въ тотъ самый день, когда писалъ вамъ свое послѣднее письмо. Вѣроятно, Александръ уже въ Женевѣ; я проводилъ его

до Дувра 24 августа. Добавлять ли, что я твердо рассчитываю на вашу дружбу? Давайте совѣты, давайте приказанія; соображайте, что нужно. Лично я предпочелъ бы, чтобы онъ отправился въ Вюрцбургъ.

Вы знаете, что говорятъ (и по справедливости): «поскребите русскаго—и вы найдете варвара». Для васъ я нѣсколько измѣнилъ этотъ афоризмъ г-жи Сталь: «Дотроньтесь немного до нѣмца—и вы увидите патриота». Какъ! Вы говорите, что такія подлости нужно принимать съ молчаніемъ сострадательности, потому что этотъ бѣдный Михель ¹⁾ знаетъ, что онъ — негръ спб. двора! Но сколько миллионovъ головъ входитъ въ составъ этого бѣднаго Михеля,—онъ все переноситъ и нельзя даже ему это сказать... Откуда вы извлекли такую философію?!

Теперь вы уже получили мою брошюру «Франція или Англія?». Изъ нея вы усмотрите, что я не пощадилъ вашихъ сосѣдей. И если я дважды въ мѣсяцъ произвожу живосѣченіе надъ русскими и надъ Россією, вы должны мнѣ позволить не молчать, когда на меня нападаютъ въ странѣ, которая не медиатизована, не присоединена къ другому государству и которая должна отвѣчать за то, что дѣлаетъ.

Но не будемъ слишкомъ великодушны...

Мнѣ кажется, что однимъ изъ вашихъ сотрудниковъ состоитъ нѣкій Пети Жанъ,—хорошо ли вы его знаете?

Въ Лондонѣ о немъ цѣлыхъ три мнѣнія (пусть это останется между нами).

Прощайте, дорогой Фогтъ, заставьте теперь перевести главу, которую я вамъ посвятилъ ²⁾. Поклонитесь отъ меня вашему семейству по восходящей и нисходящей линіи.

Къ этому письму приложу другое, для Александра,—передайте ему также слѣдующій листъ.

1102. Письмо къ сыну.

31 августа (1858).

Другъ мой Саша, я, было, начиналъ сердиться за то, что ты долго не писалъ послѣ твоего письма изъ Остенде, но, наконецъ, мы получили два письма. Все было бы хорошо, если-бы ты былъ больше внимателенъ,—вниманіе выражаетъ дѣятельную любовь. Какъ же ты

¹⁾ «Бѣдный Михель»—полу-презрительное прозвище нѣмецкаго народа.

²⁾ Гл. XL «Былого и думъ».

могъ написать два или три письма, не говоря ни слова Татѣ? Въ поклонахъ *всѣмъ* себя никто не найдетъ, «всѣмъ» относится и къ Тринѣ и къ Шарикѣ... Я считаю, что и Трину не надобно забывать, но для Таты требуется больше. По счастью, она была такъ рада письмамъ, что и не замѣтила.

Кланяйся Каченовскому и скажи, что писемцо его получилъ.

Мы здоровы, все идетъ тихо. Трюбнеръ дѣлаетъ ¹⁾ мой бюстъ и медальонъ и не знаю что... Жду твоего письма съ мѣста; Осипъ Ивановичъ ²⁾ велѣлъ тебѣ сказать, что того господина, къ которому онъ далъ письмо, больше нѣтъ.

Если Фогтъ не скоро поѣдетъ въ экскурсію, съѣзди прежде въ Ниццу. По Фогтову письму я вотирую ѣхать въ Вюрцбургъ.

Съ хорошими русскими знакомства не отклоняй.

Обнимаю тебя дружески, будь здоровъ.

1103. А. Ивановъ.

Еще разъ коса смерти прошла по нашему бѣдному полю, и еще одинъ изъ лучшихъ дѣятелей палъ странно, безвременно. Дворовые косари помогли его подкосить въ то самое время, какъ онъ усталой рукой касался, послѣ цѣлой жизни труда и лишеній, лавроваго вѣнка. Больной, измученный нуждой, Ивановъ не вынесъ грубаго прикосновенія царской дворни и — умеръ!

Да и зачѣмъ намъ художники и поэты, зачѣмъ эти нѣжныя нервныя организаціи, которыя не могутъ выносить воздуха передней, дерзости дворецкихъ, образованности фельдфебелей? Теперь намъ надобны бойцы, теперь намъ надобны люди, которые за обиду платятъ не своимъ здоровьемъ, а двойной обидой, за пренебреженіе невѣждъ — презрѣніемъ и ненавистью!

Жизнь Иванова была анахронизмомъ; такое благочестіе къ искусству, религиозное служеніе ему съ недовѣріемъ къ себѣ, со страхомъ и вѣрою мы только встрѣчаемъ въ разсказахъ о средне-вѣковыхъ отшельникахъ, молившихся кистью, для которыхъ искусство было нравственнымъ подвигомъ жизни, священнодѣйствіемъ, наукой.

Молодымъ человѣкомъ принялся Ивановъ за свою картину «Іоаннъ Предтеча» и состарѣлся съ нею; кисть, взятая юношеской рукой, ослабѣла на томъ же полотнѣ; цѣлая жизнь была употре-

¹⁾ Издавалъ.

²⁾ Маццини.

блена на созерцаніе, обдумываніе, изученіе своего предмета, и при какихъ условіяхъ! «Нищета его, — пишетъ мнѣ одинъ изъ друзей его, — была такова, что онъ по суткамъ довольствовался стаканомъ кофея и черствой булкой или чашкой чечевицы, сваренной, изъ экономіи, имъ самимъ въ той студіи, гдѣ работалъ, и на водѣ, за которой нашъ художникъ ходилъ самъ къ ближайшему фонтану». И въ этой борьбѣ шли годы и годы. Въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ получилъ *десять тысячъ руб.* изъ кассы цесаревича Александра Николаевича, который, будучи въ Римѣ, сказалъ Иванову, что онъ его картину считаетъ своей.

Въ прошедшемъ году онъ выставилъ свою картину въ Римѣ; общество художниковъ всѣхъ странъ осыпало ее похвалами, — это были единственныя сладкія минуты Иванова, но и онѣ не были безъ примѣси горькаго элемента внутренней борьбы. Объ ней мы скажемъ послѣ.

Его звали въ Россію; два мѣсяца передъ кончиной пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Полный надеждъ и думъ, онъ мечталъ, что для него легко откроется новая дѣятельность. Онъ мечталъ о своихъ давно задуманныхъ эскизахъ изъ жизни Христа, думалъ съѣздить въ Іерусалимъ и потомъ ему хотѣлось распространять больше и больше великую художественную традицію живописи молодому поколѣнію. Какъ дѣйствительный художникъ, онъ съ грустью смотрѣлъ, съ одной стороны, на легкую, эффектную манеру, съ другой — на растлѣніе вкуса иконописью, — этимъ лицемѣріемъ въ живописи, этой ложью въ искусствѣ.

Петербургскую жизнь Ивановъ совсѣмъ не зналъ или зналъ смутно, по слухамъ. Простой, отвыкшій отъ людей, онъ какимъ-то чуждымъ явился съ своей картиной передъ толпой цеховыхъ интригановъ, равнодушныхъ невѣждъ, казарменныхъ эстетиковъ.

Начались маленькія *avanies* ¹⁾, которыхъ онъ не умѣлъ переносить, — все огорчало его, мучило. Ему дали во дворцѣ бѣлую залу со сквернымъ освѣщеніемъ для картины. Государь взглянулъ на нее, оглушенный громомъ и звономъ, разсѣянный торжествомъ освященія Исаакіевскаго собора.

Второй и третьей гильдіи живописныхъ дѣлъ мастера пожимали плечами, придворнымъ было не до Иванова...

Ему бы къ Минѣ Ивановнѣ, — не догадался.

Денегъ у него не было, онъ жилъ у одного пріятели, не понимая, что ему надобно было снискать покровителей, приобрести податаевъ.

¹⁾ Надругательства.

Наконецъ, 29 іюня президентъ академіи художествъ, т. е. графиня Строганова, т. е. эксъ-великая княгиня Марія Николаевна, потребовала Иванова и объявила ему, что ему опредѣляется 10.000 рублей вознагражденія и назначается 2.000 рублей пенсіи, и желала знать, доволенъ ли онъ. Несмотря на свою застѣнчивость, Ивановъ не спѣшилъ принять предложеніе и просилъ его обдумать.

На другой день, 30 іюня, курьеръ снова требуетъ Иванова. Его заставляютъ ждать въ передней *три часа*, послѣ которыхъ выходитъ мorganатическій великій князь, графъ Строгановъ ¹⁾, и объявляетъ ему, чтобъ онъ за окончательнымъ отвѣтомъ обратился къ Адлербергу.

Чего же церемониться съ живописцемъ? что такое живописецъ? Вѣдь, мы не папы римскіе, чтобы дружески принимать какого-нибудь Бенвенуто Челлини или съ уваженіемъ какого-нибудь Буонаротти. Графъ Строгановъ, помнится, бывши въ Женевѣ, находилъ, что Александръ Николаевичъ—красный революціонеръ и что пора его остановить на этой скользкой стезѣ... Столбовые-съ!

Ивановъ, пораженный этимъ приемомъ, не пошелъ къ Адлербергу,—ему довольно было одной передней. Разстроенный, огорченный, побрелъ онъ къ одному знакомому; вечеромъ онъ почувствовалъ себя дурно, къ полуночи явились первые признаки холеры, и ночью со 2/14 на 3/15 іюля его не стало.

На утро явился курьеръ съ пакетомъ, возвѣщавшимъ трупъ художника, что ему жалуются 15.000 руб. и *владимірскій крестъ* въ петлицу.

Мы не думаемъ, что Иванова намѣренно тѣснили, но, вѣдь, это тѣмъ хуже. А. Л. Витберга Николай поймалъ въ канцелярскіе тиски и пропускалъ его въ нихъ до тѣхъ поръ, пока крикъ умолкъ, мышцы опустились, и страдалецъ самоотверженно склонилъ голову. Онъ этого хотѣлъ. А тутъ одна небрежность, разсѣянность вздоромъ, чиновничье неуваженіе къ искусству и къ художнику. Имъ въ голову не приходитъ, что нельзя одинакимъ образомъ обращаться съ Ивановымъ и съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ; что на художникѣ есть свое помазаніе, хотя и не успенское, но прочное, что художникъ тоже—власть, что это равный—равъ; что генераловъ, оберъ-форъ-шнейдеровъ, нидеръ-нахъ-шустеровъ можно дѣлать десятками, стадами, а художники рождаются, и что если владимірскій крестъ можетъ иной разъ предохранить лицо станціоннаго

¹⁾ Григорій Александровичъ.

смотрителя отъ генеральскаго кулака, то онъ смѣшонъ въ петлицѣ такого артиста.

Картину свою Ивановъ завѣщаль своему брату — зодчему; интересно узнать, какъ съ нимъ будутъ торговаться...

Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ. Я познакомился съ нимъ въ Римѣ въ 1847 году. При первомъ свиданіи мы чуть не поссорились. Разговоръ зашелъ о «Перепискѣ» Гоголя. Ивановъ страстно любилъ автора, я считалъ эту книгу преступленіемъ. Вліяніе этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его. Насталъ громовый 1848 годъ; я жилъ на площади, Ивановъ плотнѣе запирался въ своей студіи, сердился на шумъ исторіи, не понималъ его; я сердился на него за это. Къ тому же онъ былъ тогда подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма и своего рода эстетическаго христіанства. Тѣмъ не менѣе иногда вечеромъ Ивановъ приходилъ ко мнѣ изъ своей студіи и всякій разъ, наивно улыбаясь, заводилъ рѣчь именно о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ мы совершенно расходились.

Въ Парижѣ была провозглашена республика, престолъ папы покачулся, вся Европа приподымалась,—я забылъ Ивана и поскакалъ въ Парижъ.

Десять лѣтъ миновали, и между нами не было никакихъ сношеній.

Вдругъ получаю въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Интерлакена письмо отъ Иванова. Каждое слово его дышетъ инымъ вѣяніемъ, сильной борьбой; запертая дверь студіи не помѣшала, мысль вѣка прошла сквозь замокъ, страданія побитыхъ разбудили его...

«Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что и живопись должна получить новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ не могу разъяснить мыслей моихъ, какъ въ разговорахъ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ, отъ 3 до 10 сентября...

«...Въ итальянскихъ художникахъ не слышно ни малѣйшаго стремленія къ новымъ идеямъ въ искусствѣ; не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они и въ 1848 и 49 годахъ, когда церковь рушилась до основанія, думали, *какъ бы получить для церквей новые заказы*».

Въ заключеніе онъ писалъ мнѣ, что ему было бы пріятно встрѣтиться у меня съ Маццини. (Это ему не удалось: Маццини былъ тогда на континентѣ, но я познакомилъ Иванова съ Саффи).

Письмо Иванова удивило меня; съ нетерпѣніемъ ждалъ я его. Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Много состарился онъ въ эти десять лѣтъ;

посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе; простота, добродушіе ребенка во всѣхъ приемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать; Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкаѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и, наконецъ, сказалъ: «Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить,—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминалъ я наши разговоры, вы правы,—да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусство?! Миръ души разстроился,—сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы! Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться; годы цѣлые занимали онѣ меня, и когда онѣ начали становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться я считаю преступнымъ!—прибавилъ онъ съ жаромъ.—Писать безъ вѣры религіозныя картины, это безнравственно, это грѣшно; я не надивлюсь на французовъ и итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они наперехватъ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу, нѣтъ, никогда, никогда! Мнѣ предлагали главное завѣдованіе живописными работами въ новомъ соборѣ,—мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ да и отказался: что же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ? лучше остаться бѣднякомъ и не брать кисти въ руки!»

«Хвала русскому художнику, безконечная хвала!—сказалъ я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова.—Не знаю, сыщите ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую, вопреки всему дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность!»

Сими словами и заключимъ надгробную скорбь нашу объ истинномъ художникѣ русскомъ ¹⁾.

¹⁾ Выѣзжая изъ Рима, Ивановъ послалъ мнѣ фотографію съ своей картины; она залежалась въ Парижѣ и пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ вѣстью о его кончинѣ. А. И. Г. ¹

◆◆ 1. «Герценъ былъ необыкновенно радъ великому художнику,—говоритъ Н. А. Огарева. Даже страданіе его, истекавшее изъ отвлеченной мысли, было очень симпатично Александру Ивановичу. Ивановъ провелъ около недѣли въ Лондонѣ и не разъ обѣдалъ въ Laurel House. Но послѣ того Герценъ пригласилъ его на обѣдъ въ какой-то хорошій лондонскій ресторанъ. А. И. былъ мастеръ заказывать обѣды, придумывалъ что-нибудь особенное; на примѣръ, онъ всегда заказывалъ одинъ изъ двухъ характеристическихъ англійскихъ суповъ: изъ черепахи или изъ бычачьихъ хвостовъ, которые были новостью для русскихъ путешественниковъ. Алекс. Ив. взялъ особую комнату въ ресторанѣ. Кромѣ Иванова, тутъ были: Тхоржевскій, Чернецкій и не помню кто изъ русскихъ путешественниковъ, находившихся тогда въ Лондонѣ, и все наше семейство. Обѣдъ былъ очень оживленъ; помню, что всѣ были въ очень хорошемъ настроеніи и очень одушевлены. Были горячіе тосты за благо Россіи, за ея преуспѣяніе, процвѣтаніе, за русскихъ художниковъ и много другихъ тостовъ» («Воспоминанія», 126—127). Этотъ набросокъ довольно характеренъ для «Воспоминаній» Огаревой: мало интересныя мелочи и почти полное отсутствіе сколько-нибудь широкаго пониманія значенія той или другой личности, на ея глазахъ приходившей въ соприкосновеніе съ Герценомъ. Излагая часто отъ себя то, что уже извѣстно отъ самого Герцена, она даже не внимательно прочитывала его сочиненія и вносила путаницу туда, гдѣ до нея все было ясно; на примѣръ, страница, предшествующая сдѣланной мною цитатѣ, показываетъ, что Огарева прошла мимо примѣчанія, сдѣланнаго Герценомъ къ этой своей статьѣ.

1104. Безобразное окончаніе харьковской студентской исторіи.

Черный кабинетъ побѣдилъ и тутъ. Какъ далеко ушли въ реакцію Александръ Николаевичъ и Ковалевскій со временъ московской исторіи! Тринадцать студентовъ исключены: четыре съ опубликованіемъ, чтобы ни одинъ университетъ ихъ не принималъ, остальные съ правомъ поступить черезъ годъ въ какой хотя бы университетъ,—за симъ всеобщій выговоръ. За недостаткомъ положительныхъ обвиненій, брали *степень дерзости* въ отвѣтахъ во время слѣдствія за доказательство!! Что за патріархальная тупость, что за деспотическій развратъ! Итакъ, молодежь пожертвована пустому, бездарному, ничтожному попечителю, этой лунѣ петербургскаго Зиновьева. Старшій мѣшаетъ просвѣщенію наслѣдника, болѣе скромный меньшей—просвѣщенію харьковскаго округа.

О, Ковалевскій! Ковалевскій! Вы напоминаете намъ одного сельскаго попа, который писалъ помѣщику въ отвѣтъ на его вопросъ, достоинъ ли дьячекъ, чтобы хлопотать о его постановленіи діакономъ: «Человѣкъ онъ смиренный, но не безызвѣстно вашему высококородію, что honores mutant mores» ¹⁾!

Ну, а оберъ-форъ-шнейдеръ просвѣщенія ²⁾, что онъ дѣлаетъ во всемъ этомъ, какъ онъ рѣжетъ его крылышки и подаетъ?.. Небось, Жуковскій заставлялъ же Александра Николаевича читать Шекспира; Генрихъ V, только будучи цесаревичемъ, кутилъ съ Фальстафомъ, а какъ поступилъ въ цари, то ужъ не за столомъ и не на кухнѣ сталъ искать товарищей просвѣщенія.

1105. Распространеніе іезуитизма въ Россіи.

Ревность о Господѣ раба божія Григорія, митрополита с.-петербургскаго, все болѣе и болѣе выступаетъ изъ предѣловъ храма божія. Успѣшно поставивъ плотины злохульственному распространенію геологическихъ свѣдѣній, усердіе архипастыря нынѣ бросилось на торжища, изгоняя изъ оныхъ продавцовъ повременницъ свѣтскаго гнилословнаго содержанія. Спира града св. Петра, внявъ гласу пастыря, воспретила продажу журналовъ на стогнахъ. Не тому ли же столпу твердому, поддерживающему адамантовый сводъ православныя церкви, мы обязаны глупымъ въ разумѣ, но мудрымъ въ вѣрѣ объясненіемъ, бывшимъ въ русскихъ газетахъ, что безъ вселенскаго собора нельзя измѣнить грубую астрономическую ошибку мѣсяцеслова? Поистинѣ глаголю вамъ, братія, что могутъ значить дванадцать дней предъ вѣчностью райскаго вселенія.

Люди благочестивые совѣтовали намъ оставить въ покоѣ ангельскій чинъ; мы слушались ихъ, но, вѣдь, для этого и ангельскому чину не слѣдуетъ переходить въ полицейскій. Живые мертвецы такъ хорошо вѣка цѣлые представляли настоящихъ, что стоило продолжать. Вдругъ какая-то богоусердная муха кольнула ихъ, и они вообразили себѣ туда же, что они, будучи ангелами, могутъ быть квартальными и не только мѣшаться въ дѣла вѣчныя, но и въ дѣла временныя. Нѣтъ, господа живые мертвецы, мы не католики, у насъ своихъ настоящихъ жандармовъ довольно, чтобъ имѣть еще іезуитскихъ, на постномъ маслѣ да на семинарской риторикѣ! Ходите

¹⁾ Почести измѣняютъ нравы.

²⁾ Николай Алексѣевичъ Мухановъ, товарищъ министра народн. просвѣщенія, при дворѣ состоялъ въ указанномъ званіи.

въ вашихъ маскарадныхъ платьяхъ по монастырскому двору, издавайте для взаимнаго возбужденія ваши «яхонтовые цвѣты православнаго благочестія», «вѣчноцѣлебное и изумрудное млеко Богородицы за ны точимое» и прочія нелѣпости, но не мѣшайте въ наши дѣла, а то какъ бы мы, міряне, не приподняли немного ваши рысы!

1106. Еще и еще разъ.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ извѣщаетъ насъ, что въ нѣкоторыхъ частныхъ анекдотахъ вкрались у насъ погрѣшности. Жалѣемъ отъ всей души и охотно готовы помѣщать всякую поправку, дополненіе, объясненіе, такъ, какъ мы напечатали защиту г. Сечинскаго. Намъ сказывали, что г. Закревскій, слѣдуя примѣру краснорѣчиваго полицмейстера, хотѣлъ что-то прислать, и мы приготовили нашу лучшую сажу, чтобъ отпечатать его статью, но онъ еще ея не присылалъ.

У насъ нѣтъ личностей, большая часть чиновниковъ, о которыхъ мы пишемъ, совершенно намъ неизвѣстна, мы съ честной цѣлью печатаемъ объ нихъ. На дняхъ мы получили, напримѣръ, очень интересную статью о новой отрасли торговли почтовыми мѣстами, устроенной въ западныхъ губерніяхъ статскимъ совѣтникомъ Ганомъ подъ высшимъ начальствомъ Прянишникова¹⁾. Подробности до того живы, рѣзки, что трудно сомнѣваться, и мы въ одномъ изъ листовъ «Колокола» напечатаемъ ихъ, предоставляя Гану и Прянишникову возражать; они могутъ быть увѣрены, что, если ихъ возраженія будутъ сколько-нибудь человѣчески написаны, мы ихъ помѣстимъ,—а публика пусть судить. Въ этомъ-то и состоитъ гласность.

До частныхъ дѣлъ мы не касаемся никогда, а если говорили о Минѣ Ивановнѣ, то это не частное, а публичное дѣло. Марія же Бредау у насъ являлась болѣе, какъ блюстительница нравовъ, какъ лицо административное и юридическое, снабжающее публику удовольствіями, а полицію—свѣдѣніями.

Тѣмъ не меньше мы еще и еще разъ просимъ тѣхъ, кому дорога гласность, нами открытая, кому дорогъ нашъ органъ, быть очень осторожными, сообщая намъ новости,—ничѣмъ нельзя больше лишить «Колоколъ» его силы, какъ заставляя его повторять неосновательные слухи и ложныя вѣсти.

¹⁾ Федоръ Ивановичъ, главноначальствующій надъ почтовыми департаментомъ.

1107. Письмо къ сыну.

3 сентября (1858).
Putney, Laurel House.

Вчера отъ Фогта, сегодня отъ тебя получилъ извѣщеніе о моемъ прїѣздѣ въ Женеву. На Фогтовомъ письмѣ тебѣ слѣдовало бы написать хоть строку. Фогту я писалъ дня три тому назадъ и въ его письмѣ—къ тебѣ: Переѣхать къ нему слѣдуетъ; вообще Écu de Genève—больше трактиръ для туристовъ, нежели для учащихся.

Но если ты переѣдешь надолго, то скажи впередъ, что ты не можешь жить, не участвуя въ хозяйствѣ.

Если поѣдешь въ Ниццу теперь, то постарайся сходить на могилу мамыши одинъ и не бери съ собой никого: посторонніе разсѣиваютъ. Для тебя это посѣщеніе должно быть молитвой; такъ, какъ въ средніе вѣка ходили ко гробу Христа, испрашивая силъ на жизнь, такъ и ты, начиная новое существованіе,—разлуку со мной, долженъ въ полномъ rescuelement ¹⁾ посѣтить Ниццу. Оттуда мнѣ пиши.

Знакомыхъ ты даже слишкомъ много встрѣтилъ; вѣроятно, впередъ будетъ ихъ меньше, а то заниматься будетъ времени мало. Ник. Сер. Тургеневъ—человѣкъ пустой, а жена его—мерзавка: ее люди хотѣли убить за жестокое обращеніе. Потому ихъ знакомство отклони и всякій разъ брани при ней злодѣевъ-помѣщиковъ. Кто цензоръ ²⁾, съ которымъ ты встрѣтился?

Что такое съ женою Тесье?

Обними его и расцѣлуй за меня.

Наконецъ-то, ты въ послѣднемъ письмѣ вспомнилъ Натану...

4 сентября.

Сегодня, въ 5 часовъ, родилась маленькая дѣвочка ³⁾, а зовутъ ее какъ, не знаю еще. Натали, Огаревъ и всѣ здоровы. Девиль работаль 24 часа. ¹

¹⁾ Сосредоточеніе мыслей.

²⁾ Вѣроятно, Николай Ѳедоровичъ фонъ-Крузе.

³⁾ Елизавета.

◆◆ 1. Чтобы пролить свѣтъ на интимныя переживанія Огаревой, необходимо прослѣдить ихъ модуляцію. Вскорѣ послѣ смерти Н. А — ны, Огарева писала Герцену: «Да, надо скорѣй къ малюткамъ; если-бъ ты зналъ, какъ я ихъ люблю! Это, все-таки, она же. Давай жить для нихъ, пока имъ нужно! Ну, прощай, дай руку! Хотѣла бъ я облиться слезами; ты — мученикъ!» («Рус. Пропиленіи», IV, 128). 30 апрѣля 1856 г. Огарева писала своему отцу: «Для меня совершенно новое чувство пробуждаетъ видъ друга Ог., который мнѣ не врагъ, и это ужъ страшно много, а тутъ, представьте себѣ, что этотъ другъ и васъ любить, и Елену помнить и, наконецъ, онъ и мнѣ такой же другъ, какъ Ог.! Это такъ много, такъ хорошо, почти невѣроятно... Эм. (Эмилія — Герценъ — М. Л.) даже и меня заставляетъ беречься; Боже мой, какъ хорошо, что она и меня любитъ; пусть бы только ничего, ничего не разрушило нашихъ дружескихъ отношеній; мнѣ иногда кажется, что это слишкомъ хорошо, и тогда думается, что кто-нибудь да сунется!» (тамъ же, 151, 152). Очень важно письмо къ сестрѣ, Е. А. Сатиной, отъ 27 ноября 1856 г. Приведу изъ него наиболѣе яркія мѣста, связь которыхъ понятна для každого, кто умѣетъ вдумываться въ психологическія извилины душевныхъ переживаній. «О, какъ страшно всё во мнѣ ошибаются — и тѣ, которые любятъ, и тѣ, которые ненавидятъ меня. „Эта женщина съ характеромъ, — говорятъ они, — у нея силы, энергіи много“. Неправда, сто разъ неправда, моя Елена. Я за всякое рѣшеніе, которое, кажется, такъ легко приняла, плачу страшными мученіями, борьбой; я десять разъ готова вскрикнутьъ: „да идетъ эта чаша мимо меня!“ Когда я одна, я предаюсь иногда страшному отчаянію, слезамъ, безумнымъ мольбамъ, жалобамъ на себя, на жизнь, на людей! Не знаю почему, но я спокойна, какъ скоро не одна. Не довольно ли я близка со всѣми, чтобъ все показать, что внутри души, или самолюбіе мѣшаетъ.. Какъ мнѣ страшно самой взглянуть въ себя, какъ много тамъ любви, страданій, мелкаго самолюбія, ревности даже. Боже мой, зачѣмъ я вижу себя такъ ясно, зачѣмъ во мнѣ такъ много дурного»... «Я вижу его, но я не нахожу еще силы сладить съ нимъ, я какъ-то распустилась, пора подвязать мачты и спокойно пуститься въ море, не считая на помощь другихъ, но усердно и плавно гребя собственными силами»... «Боже мой, какъ тяжела моя жизнь! И никто не виноватъ, одна я — и пусть все дурное, какъ мщеніе, обрушится на мою голову. Какъ страшно думать, что лучшая часть жизни прошла и что ни на минуту благословенія на ней не было. Отчего не было между мной и человѣкомъ, котораго я такъ страстно любила, того, что такъ неразрывно спаиваетъ и продолжаетъ какую-то серьезную любовь.

даже и за гробомъ? Зачѣмъ я была лишена даже обоюдной улыбки счастья при мысли о возможности новаго, великаго въ жизни, о томъ, что вноситъ такую радость въ каждую семью? Вотъ гдѣ наказаніе, вотъ гдѣ я чувствую тяжелую руку, какъ въ «Don-Juan'ѣ» руку командора. Я не знала этого счастья, но я безумно въ тайнѣ думала объ немъ, желала узнать, выстрадать материнское чувство; я понимала, что во мнѣ хватило бы съ избыткомъ силы, чтобъ пережить порицанія постороннихъ, упреки близкихъ, страданія, лишенія. Я помню, какой страхъ распространялся при одномъ помышленіи и... всѣ боялись и *онъ* (Огаревъ—*М. Л.*). Да, вотъ гдѣ онъ нанесъ мнѣ страшный ударъ, какъ ребенокъ, не вѣдая, что дѣлаетъ. Я поняла, что я его любила, и желаніе мое не измѣнилось, я только думала, что буду ему и матерью и всѣмъ; мнѣ было невыносимо больно, и любовь къ этому не родившемуся ребенку и какая-то гордость заставили меня не только молчать, даже говорить противное; это была не ложь, а удаленіе... «Я была, можетъ, послѣдняя вспышка усталаго сердца; онъ смотрѣлъ на меня съ любовью, но не совсѣмъ съ равенствомъ. Я думаю, чтобъ понять эти первыя минуты счастья при мысли о новомъ общемъ существѣ. надо равенство, надо, чтобъ оба были молоды и вѣрили въ жизнь»... «Въ тайнѣ я понимала хорошо, что жизнь могла дать больше, что мнѣ отъ нея не того хотѣлось,—я смирилась, я приняла, какъ искупленіе за все зло, навлеченное мной на близкихъ»... «Я писала тебѣ. но Эм. (Герценъ—*М. Л.*) разорвала мое письмо, — трудно писать въ другой разъ. Я полюбила его всѣми силами измученной души; онъ видѣлъ и молчалъ... Наконецъ, все было высказано... Нѣтъ, въ другой разъ, только не сегодня» (тамъ же, 158—161).

Какъ бы предвидя вопросъ сестры: «такъ зачѣмъ же ты не бросишь Лондонъ и не вернешься въ Россію?», Огарева отвѣчаетъ: «Ты знаешь, что я не могу себѣ простить, что не пріѣхала по ея (Н. А—ны — *М. Л.*) зову; еще меньше бы я могла жить съ мыслью, что она поручила дѣтей и что я не исполнила ея воли. А, въ сущности, не знаю, что для дѣтей было бы лучше; я здѣсь увидала, что если воображала, что умѣю воспитывать, то ужъ перевоспитывать-то, вѣрно, не смыслю. Я нетерпѣлива, неровна; повтореніе тѣхъ же недостатковъ пугаетъ меня да и во мнѣ ихъ столько, и каждую минуту они выступаютъ наружу» (стр. 162).

Дальше обратимся къ очень цѣнному дневнику Огаревой за лѣто 1857 года; привожу наиболѣе яркія мѣста.

«А я, безумная, думала забыться, отдохнуть; сначала я боялась страшныхъ несчастій, но все пошло хорошо; Ог. понялъ — и не удалился; стало, ему не должно быть больно, а между тѣмъ у

меня иногда сердце сжимается, глядя на него; неужели я, именно я нанесу ему тяжелый ударъ? вѣдь, это насмѣшка жизни, да и зачѣмъ? чего было искать? счастья нѣтъ, да и пора его невозвратно прошла для меня; я хочу смириться, хочу начать новую жизнь искупленья, но зачѣмъ мнѣ такъ трудно это, зачѣмъ во мнѣ столько эгоизма, зачѣмъ невольно ищешь всей полноты жизни, всего несбыточнаго и непонятнаго для другихъ? Я сама виновата, что меня не понимаютъ, надо стоять рядомъ для полного пониманія, а если лѣта или характеры такъ розны, надо стать подальше, и тогда разстояніе не допуститъ оскорбленія ни съ той, ни съ другой стороны»...

«Да, проклятiе на мнѣ; святого чувства матери мнѣ не дано было узнать, но я не хочу объ этомъ жалѣть, — нечистымъ нечистая жизнь»...

«Нѣтъ, нѣтъ, это все не истинно, я одна виновата. Чего я хотѣла? я сумасшедшая, и я могла сама разрушить все, что мнѣ дорого. Страшно, страшно — умереть хочется, но не такъ, какъ прежде, — быстро, своевольно, не думая ни о комъ, но хотѣлось бы угаснуть спокойно, улыбаясь проститься со всѣми. Я боюсь жизни, я боюсь пережить близкихъ, боюсь пережить ихъ любовь къ себѣ, и я чувствую, что одно звено ужъ порвано, ужъ въ немъ есть что-то надломанное, въ немъ нѣтъ этой живой, всемогущей силы нетронутаго чистаго чувства. Смирись, смирись, — говоритъ мнѣ внутренній голосъ, но я боюсь сама своего эгоизма и необузданности, мнѣ больно, зачѣмъ я такая. Лучше бы бѣжать куда-нибудь въ пустыню и тамъ пусть сердце разрывается и разлагается, какъ хочеть, оно никого не будетъ мучить. Но гдѣ жъ мое самолюбіе, гдѣ жъ моя сила, гдѣ жъ моя любовь, зачѣмъ они меня оставляютъ? Ог, ты — товарищъ мой, дѣлвшій со мной такъ ровно всѣ муки, всѣ гоненія, неужели я тебѣ испортила жизнь? Зачѣмъ я не умерла въ тотъ день, въ который я прибавила одну морщину на твоемъ лбу, одно горькое чувство въ твоемъ сердцѣ?..»

«Когда я прѣѣхала сюда, Н. (Н. А—на — М. Л.) какъ живая, предстала передо мной; вездѣ я ее видѣла и разсѣянными глазами смотрѣла на все окружающее; ея дѣти были чѣмъ-то религіозно-дорогимъ для меня, и онъ тоже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе входилъ въ мою любовь къ Н.. Вспоминая, какъ они вмѣстѣ хаживали къ намъ, я съ страшнымъ волненіемъ, съ какимъ-то ожиданіемъ глядѣла на поворотъ, по которому Г. долженъ былъ прійти; мнѣ представлялась подъ руку съ нимъ идущая женщина въ черной длинной бархатной мантили, съ бѣлой шляпой на головѣ. — Мнѣ было хорошо и больно, это было почти, какъ на яву. — Съ каждымъ

днемъ Г. все болѣе становился мнѣ внутренно близокъ, я его видѣла во снѣ каждый день, и, просыпаясь, первая мысль моя была объ немъ; я чувствовала, что безконечное чувство любви къ нему захватываетъ меня всю болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ; сначала я не понимала всего значенія его, потомъ было поздно; я дѣлала страшныя, безобразныя усилія, чтобъ оттолкнуть себя отъ него; онъ видѣлъ нервное мое обращеніе съ нимъ, удивлялся, огорчался имъ и, больше даже, боялся за тихую, безоблачную жизнь, о которой онъ мечталъ... Мое возвращеніе къ нему было такъ полно любви и какого-то отраднаго, свѣтлаго чувства, что оно-то, я думаю, всего болѣе и выдавало мою тайну; впрочемъ, я не хочу оправдываться, я не имѣла достаточно силъ, чтобъ долго скрываться, говоря съ нимъ, я сначала называла это братскимъ чувствомъ, потомъ говорила, что люблю ихъ обоихъ ровно, потомъ—я все сказала, я задыхалась... Мнѣ казалось, что хотя я и говорила не разъ съ О. о страстной дружбѣ къ Г., но все же я недовольно открыто высказалась ему. О, пусть люди поймутъ, что ложь—не всегда ложь, молчаніе—не всегда утаиваніе; вѣдь, это—любовь, вѣдь, это—страхъ нанести ударъ, передъ которымъ невольно останавливаешься, котораго чувствуешь, что нечѣмъ искупить; вѣдь, почти не имѣешь права положить руку на свѣжую рану, нанесенную этой же рукой. Вотъ, что я думала, когда собиралась говорить отъ души съ О.»...

«Когда я увидала, что побѣжденный моей страстной любовью, Г. тоже меня полюбилъ, я вдругъ бросилась къ О., разомъ поняла его боль (мнѣ казалось, что я на его мѣстѣ никогда бы не могла вынести этого), и разомъ все прошедшее пронеслось передъ моими глазами такъ ярко, такъ хорошо, что я остановилась испуганная, и я ни шагу болѣе не шагнула, не узнавши, какъ О. смотритъ на все. Такъ принять, какъ онъ принялъ, такъ безконечно широко понять ни одинъ,—да, я смѣло это говорю,—ни одинъ человѣкъ не могъ бы; онъ это сдѣлалъ съ какимъ-то простодушіемъ, свойственнымъ одной его нѣжной и широкой натурѣ, и тогда я все поняла и полюбила его еще больше, онъ какъ-то ближе еще мнѣ сталъ, и я искала его руки, чтобъ окончательно побѣдить страстную привязанность къ Г. Мнѣ иногда кажется, что онъ этого хотѣлъ бы; но онъ не подалъ мнѣ руки, онъ не хотѣлъ жертвы. И часто въ продолженіе этого времени мнѣ казалось, что ему больно, и всякій разъ на эту боль изъ моей груди вырывался болѣзненный крикъ, мольба о помощи, тяжелое сознаніе собственнаго безсилія. И куда приведетъ меня эта жизнь,—меня, которую даже религіозное чувство къ Н. такъ долго мучило и которое уступило только *ею* словамъ»...

«...Можетъ, именно я совсѣмъ не та женщина, которую бы могъ любить Г.; можетъ, этого нѣтъ, потому что любовь есть какое-то чувство, вызванное мной, какая-то благодарность любви, не знаю, но, откровенно говоря, мнѣ мало этой любви; несмотря на нѣсколько хорошихъ минутъ, я чувствую, что мнѣ вѣтъ холодомъ отъ него; если-бъ я могла пересоздать наши отношенія, я бы сдѣлала это въ ту же минуту; я чувствую, что ему это бы вернуло свободу, которую онъ часто и теперь жалѣетъ; можетъ, жизнь наша пошла бы лучше, естественнѣе, понятнѣе для насъ самихъ,—я боюсь нашей близости. Скрываясь вѣчно, сдержанная семьей, отношеніями, всѣмъ на свѣтѣ и тоже какимъ-то недостаткомъ полной любви со стороны Г., она принимаетъ характеръ, мнѣ кажется, недостойный насъ, и моя страстная натура, конечно, должна тоже нести отвѣтственность,—но все это было бы такъ, если-бъ внутренняя жизнь живѣе проявлялась. Съ О. у меня болѣе общаго, болѣе внутренней жизни, потому и болѣе гармоніи и пониманія, но, чтобъ дойти до этой близости, надо годы, а я не знаю, переживетъ ли въ Г. годы это чувство,—оно слишкомъ лишнее и поверхностное въ его жизни, и съ каждымъ днемъ я вижу, какъ мы не входимъ бодро и гордо по лѣстницѣ, а какъ мы, спотыкаясь, сходимъ съ нея, шутя и смѣясь, но и со слезами»...

«Я думаю, что наша любовь—уродство. Зачѣмъ? что же она можетъ новаго внести въ нашу жизнь? Собственную семью, ребенка, который бы мнѣ былъ такъ дорогъ? Да онъ тоже этого боится, и онъ правъ,—это была бы гибель, новый ударъ самымъ близкимъ! Такъ что же еще нужно въ жизни? зачѣмъ старость не разомъ приходитъ послѣ молодости? Какое это глупое переходное положеніе! Какъ оно много заставляетъ думать и страдать. Зачѣмъ не разомъ смерть послѣ молодости? что въ старости бездомнику?»?

«Мнѣ жизнь наскучила и опротивѣла; все это время мнѣ страшно тяжело; это странный переходъ отъ дней, полныхъ счастья, къ тяжелымъ, безнадежнымъ, безвыходнымъ днямъ. О. больно, онъ не можетъ этого скрыть отъ меня; онъ былъ сегодня странно раздражителенъ и сухъ со мной; мнѣ это больнѣе отозвалось всѣхъ вспышекъ Г. Онъ, и не бывъ правъ, всегда утѣшенъ своей правотой, а О., дѣйствительно правый, не кричитъ объ своемъ правѣ. Мнѣ страшно, ноги подкашиваются,—такъ эта рука, которую я такъ крѣпко сжимала въ своихъ рукахъ, оставляетъ меня, а та, новая, полная энергіи и хладнокровнаго разбора меня,—на нее я не буду опираться, въ ней мало любви; есть дружба и какое-то снисхожденіе, больнѣе сердцу худшей обиды»...

«Я упала съ страшной высоты, я чувствую, что я ошиблась, и мнѣ, какъ всякой живой натурѣ, хочется всплыть снова, освободиться отъ себя самой, и я съ ужасомъ вижу, что ничего меня сильно не захватываетъ. Съ 48 года европейскія бредни меня не увлекаютъ, я не вѣрю въ скорое осуществленіе всего того, что намъ грезилось; вспоминая всю свою жизнь, я вижу, какъ власть всегда портитъ человѣка, какъ легко онъ можетъ сдѣлаться палачемъ, и презираю равно и себя и всѣхъ другихъ; если кто уцѣлѣлъ, такъ это случай спасъ. Другъ мой, если я буду довольно счастлива, чтобъ умереть прежде тебя, вспомни мою просьбу: спаси дѣтей отъ сношенія съ крѣпостнымъ состояніемъ, — лучше пусть они будутъ въ нуждѣ, — я много думаю объ Россіи, я безпрестанно объ ней думаю; едва ли найдется человѣкъ, который бы ее больше любилъ; я оставила ее навсегда изъ чувства личной преданности къ дѣтямъ женщины, которую я много любила, — безъ этого страшнаго случая, безъ ея смерти едва ли я нашла когда-нибудь силу оставить Россію»...

«Бѣдная моя Елена, какъ это сдѣлалось, я не знаю, но я всей душой полюбила и Г. Любовь къ О. не уничтожилась новой, но она приняла невольно характеръ серьезный и поэтичный; много въ ней вѣры и преданности, но страсти нѣтъ; не одну ночь я просидѣла на постели, спрашивая себя, что со мной, но объясненія я не находила; Г. не виноватъ, онъ не любилъ меня, вообще, для него любовь — дѣло второстепенное, если не меньше. Какъ мы пріѣхали, я почувствовала, тѣсно меня всю запутываютъ въ какія-то сѣти, а между тѣмъ я чувствовала, что я одна; я его видѣла во снѣ каждый день, я думала о немъ даже противъ своей воли; болѣе полугодя я молча боролась, падала духомъ, вновь выплывала; вновь падала. Въ моемъ обращеніи была страшная неровность съ нимъ; наконецъ, я рѣшилась спросить О., что онъ думаетъ, что со мной; сначала онъ меня увѣрялъ, что мнѣ кажется»...

«Г. на каждый печальный или немного холодный видъ отвѣчаетъ больше, чѣмъ рѣзко, самъ же онъ часто меня оскорбляетъ отсутствіемъ любви или непониманіемъ. Я молчу, но внутри накопляется многое, и я не умѣю скрыть то, что чувствую. Жизнь наша жалко идетъ, я бы ее отдала, чтобъ какъ-нибудь освѣжиться, успокоиться, — я хотѣла бы умереть, мнѣ живой выходу нѣтъ»...

«Я не умѣю любить съ самоотверженіемъ; если-бъ я попробовала хоть разъ подавить въ себѣ неприятное чувство и не мучить его безпрестанно! Любовь его скоро меня оставитъ, я это ясно вижу»...

«Быть можетъ, я буду тоже матерью; какъ прежде сердце мое билось при этой мысли, а нынѣ какъ иногда я эгоистически думаю о томъ, но когда я могу прійти въ себя, я вижу ясно, что это было бы безуміе, дерзость; зная всю тяжесть жизни, важность общественнаго положенія, бѣдности, толкнуть добровольно несчастнаго въ жизнь, въ этотъ страшный омутъ...

«А, можетъ, уже поздно думать»...

«Сегодня 16 іюня по здѣшнему; буду записывать малѣйшія ошибки. Главныя правила:

1. Г. и О. было бы хорошо;
2. Ничѣмъ не возмущать ихъ спокойствіе;
3. Не быть вспыльчивой съ дѣтьми,
4. Ни съ людьми,
5. Больше заниматься.

«Немного сдѣлано—время.

«Со вчерашняго дня я на десять лѣтъ состарѣлась, мнѣ все стало понятно. Мы говорили долго объ О. Да, дѣйствительно, я отравила его жизнь; злѣйшій врагъ не могъ сдѣлать ему больше зла; мы говорили; Г. жалѣлъ о прошломъ; я съ ужасомъ проходила въ своемъ умѣ все, что было; съ мучительной болью не разъ я думала обо всемъ этомъ, видѣла, что и Г. думаетъ, но вчера мы въ первый разъ рѣзко коснулись до больныхъ мѣстъ. Г. говорилъ, какъ всегда, съ недоувѣріемъ къ моему пониманію и съ неимовѣрной жестокостью, прибавляя: «что я говорю, не должно оскорбить тебя,—ты понимаешь, какъ это все сказано». Я улыбалась,—и въ самомъ дѣлѣ, какія тутъ оскорбленія—молодую кожу сдернули съ свѣжей раны, и она съ новой силой и упорствомъ раскрылась!—какія же тутъ оскорбленія?!

«Мы заговорили объ этомъ, потому что О. иногда пропадаетъ на нѣсколько часовъ и возвращается, немного выпивши; когда я говорю ему, онъ скрываетъ правду, но я чувствую, что говорю уже не прежнимъ энергическимъ голосомъ, говорю слабо, нерѣшительно, взглядомъ вымаливаю прощеніе за то, что собираюсь сказать. Ну, да я не имѣю права такъ говорить, какъ прежде,—это страшное отищеніе.

«Елена моя, кажется, у меня будетъ ребенокъ. Бѣдный, бѣдный ребенокъ, непрошенный, неприглашенный, никѣмъ неблагословленный вступить онъ въ жизнь. Г. думаетъ съ ужасомъ, какъ приметъ это О.; я тоже боюсь, чтобъ слишкомъ глубоко не отозвалась эта боль... Толки постороннихъ,—я меньше о нихъ думаю, чѣмъ Г.»

«Сегодня 2/14 іюля, день моего рожденья... Боже мой, какъ я порчу жизнь, какъ недостойна жизни. Начинается страшная тоска.

Если это не пройдетъ, нельзя будетъ жить. Чего я хочу? Больше любить онъ не можетъ, да и я не стою. Что я потеряла! страшно, больно, душно... Умереть, умереть, силъ нѣтъ болѣе; если-бъ у меня былъ кто-нибудь близкій, кто бы меня спасъ,— нѣтъ, куда ни взгляну, никого нѣтъ.— Я измучила и себя, и его; мнѣ его смертельно жаль, но я не имѣю той преданности, которая изъ любви все выносить, все скрываетъ, все покрываетъ.— Онъ не виноватъ, его любовь мнѣ являлась благороднѣе, выше, но это было только минутное увлеченіе. Зачѣмъ я такъ мало его знала, зачѣмъ я такъ много отъ него ждала? Во всемъ я одна виновата. Но дѣло не въ томъ, какъ все поправить, какъ спасти остатки,—любовь большаго требуетъ, чѣмъ дружба. Если-бъ я могла примириться отъ души съ этой жизнью... но я примирюсь только на минуты,—выдержки нѣтъ, мученія, сомнѣнія; Я задыхаюсь, что же мнѣ дѣлать? Я гибну. Ог. вводитъ въ это не хочется,—ему страдать за меня не надо бы...

«27 іюля.

«Много тутъ записано горькихъ думъ и терзаній, но кажется, я выхожу изъ этой судорожной жизни, я тихо удаляюсь, на меня находить какое-то опьяненіе счастья, эгоизмъ безграничный; я тяготилась своими обязанностями, находила несправедливыми вѣчныя лишенія, къ которымъ они меня осудили; разъ даже я услышала напоминовеніе,— больно мнѣ было, но мало-по-малу я поняла, вспомнила, что обѣщала, за что взялась, я смирилась душою... Больно было, я очень живуча, но теперь я счастлива, раны не совсѣмъ закрылись, но надежды на исцѣленіе есть. Дѣти будутъ теперь всегда на первомъ планѣ, потомъ Ог., потомъ, вѣдь, близкіе; я буду заботиться, чтобъ всѣмъ было хорошо, о себѣ я хочу перестать даже думать»...

«Онъ не умѣетъ любить, это—вспышка, увлеченіе, это не та глубокая, чистая любовь, которая даетъ такую глубокую вѣру въ человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, его любовь не есть тотъ отвѣтъ, о которомъ я думала, который мнѣ снился, который я даже видѣла сначала,—все измѣнилось внутри насъ, но силъ нѣтъ, я себя больше не уважаю. Въ моемъ поведеніи есть распушенность, непоследовательность, которая меня убиваютъ; я борюсь, но точно между незнакомыхъ скалъ: то къ одному утесу прибьетъ волна, другая пройдетъ и выброситъ на противоположный берегъ; молчи, притихни,—можетъ, и та придетъ волна, которая весело взбѣжитъ и покроетъ, тревожное сердце замолкнетъ, все стихнетъ... Какая

торжественная минута смерти, какъ это должно быть хорошо, если душа чиста, но это не для меня. Я, умирая, буду помнить, какъ много я дурного оставляю въ воспоминаніи всѣхъ близкихъ, какъ много бы надо было передѣлать и какъ все же ничего не сдѣлано» (стр. 167—184).

Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 1858 г. читаемъ:

«Мы приѣхали въ Лондонъ. Первые дни мы все были втроемъ, говорили цѣлый день, просиживали вмѣстѣ до утра. Дня два мы жили у нихъ; Эм. провожала насъ со свѣчей, прощалась трогательно, цѣлуя Ог. и меня. Цѣлуя меня, онъ сказалъ Ог.: «тебѣ ничего, что я цѣлую твою жену?», а я, другъ мой, я признаюсь тебѣ, что я тогда испугалась: какое-то странное магнетическое чувство влекло меня къ нему...—Никто ничего не замѣтилъ, но вскорѣ я смутно начала понимать, что я люблю ихъ обоихъ. Боже мой, если-бъ ты была тогда со мной, ты бы спасла меня отъ меня самой. Разговаривали объ дѣтяхъ... Наконецъ, переѣздъ Мейзенбургъ заставилъ насъ жить вмѣстѣ...—Мнѣ становилось тяжело, я чувствовала, что борюсь, но слабо. Ты изъ этого разказа увидишь, какъ Ог. выше всѣхъ стоитъ; Эм., кажется, не догадывался, но былъ нѣженъ и добръ, какъ братъ. Разъ онъ сидѣлъ на полу и держалъ мою руку; я увидала удивленный, пристальный взглядъ Ог.; въ этомъ взглядѣ было что-то вопрошающее; мнѣ было больно почти до слезъ, но эгоизмъ взялъ свое,—долго я не отнимала руки. Вотъ, другъ мой, этотъ взглядъ, это было во всѣ эти годы единственное проявленіе скорби и упрека... Надо бы умереть отъ одного этого воспоминанія, но я жива, смерть два года брезговала мной, теперь сама не хочу умереть. Еще прошло семь или восемь мѣсяцевъ, борьба приходила къ концу. Ог. любилъ еще меня, но онъ тихо, деликатно отдалялся,—я чувствовала» (стр. 192).

Въ дневникѣ за май 1858 г. Огарева замѣчаетъ: «Лондонъ, Лондонъ, ты своимъ вѣчнымъ туманомъ окуталъ мою душу; въ ней уже свѣтъ не проглядываетъ, а какая жажда тихаго счастья была во мнѣ, но все кончено—лишь бы итти тихо, не огорчая никого, ближайшей тропинкой къ смерти. Помилуйте, зачѣмъ мнѣ жить? я—ядъ, я—вредъ, я—зло жизни. Смерть, смерть, не люблю тебя, но простѣраю къ тебѣ руки, какъ къ единственной защитницѣ,—помоги мнѣ, успокой меня, усыпи меня» (стр. 191).

Въ другомъ письмѣ (августъ 1858 г.): «Смерть сошла на меня въ Лондонѣ въ видѣ возрожденія, мнимаго, фальшиваго возрожденія къ молодости; я—не я, моя Елена,—той, которую ты такъ нѣжно прижимала къ сердцу, называя сестрой, нѣтъ болѣе на свѣтѣ; та, которая васъ всѣхъ оставила изъ любви къ Ог., умерла» (стр. 201).

4 сентября 1857 г. Огарева писала Герцену: «Я не могу тебя обвинить, ты далъ мнѣ очень много, ты былъ потрясенъ, я тебѣ казалась иной; не знаю, но на тебя повѣяло свѣжей струей жизни, и ты отдался ей съ упоеніемъ. Будемъ откровенно, просто говорить. Не знаю, я ли моими неровностями не сумѣла удержать въ тебѣ эти чувства, или они должны были пройти, или они были вспышкой усталого сердца, которое потомъ само удивилось, что могло такъ вновь повѣрить жизни... Знаю еще, что тутъ примѣшалось тяжелое чувство; не говоримъ объ немъ, только дай мнѣ сказать тебѣ, что, по моему, оно должно бы тѣснѣе, неразрывнѣе связать насъ, а не удалить. Твой отъѣздъ внесъ въ мою душу какую-то тихую грусть. Я поняла всю несправедливость моихъ требованій, желаній. Да, я не умѣю нести крестъ неволи, принужденія, мнѣ трудно понять, что наша жизнь естественна, что ничего въ ней къ лучшему не можетъ перемѣниться»... «Попробуемъ жить мирно и ясно; часто мнѣ это кажется очень возможно, но теперь вотъ въ чемъ я лучше смотрю на жизнь. Я съ смиреніемъ говорю тебѣ: ну, не люби меня, пусть я этого слова больше не повторю, какъ упрекъ и обвиненіе. Помнишь ли ты, какъ русскій попъ, крестивъ ребенка, уронилъ и сказалъ: «Богъ далъ, Богъ и возьмъ»? Больше никакихъ требованій, никакихъ оскорбленій, буду тебя любить, какъ умѣю, не думая о взаимности, да ее и не нужно,—все вздоръ. Умѣла же я тебя прежде любить, не видя и во снѣ, чтобъ ты когда-нибудь могъ меня любить. Твое отсутствіе мнѣ много помогло; оно уяснило мнѣ, что ты для меня; забудемъ же, другъ мой, слова, сказанныя въ горькія минуты и которыя мы такъ часто повторяемъ; дадимъ себѣ слово не возвращаться къ прошедшему; хорошее вставимъ въ рамку и хранимъ его молча въ сердцѣ, дурное—прочъ изъ памяти, выгнать хоть силой; обновимся; жизнь еще богата, она дастъ много, хотя другого, новаго, но все равно; если я могу не на словахъ, а на дѣлѣ смириться, ты увидишь, что будетъ хорошо.—Я не боюсь высказаться, не боюсь, чтобъ письмо это явилось обвинителемъ когда-нибудь; я думаю, что я его вполне заслужу, если не слажу съ жизнью. Вѣдь, теперь весь бредъ души прошелъ; я вижу ясно, кто и сколько даетъ; я принимаю, понимаю жизнь не по моему плану, а какъ она есть. Стало, если воротятся требованія, это будетъ непобѣдимый эгоизмъ и сумасшествіе; лѣчить тутъ нечего, тогда надо разстаться, но я не хочу и не должна этого допустить. Ну, прощай; читай безъ дурного чувства эти строки; онѣ написаны отъ души, мнѣ грустно, и все же солнце свѣтитъ. Вотъ и дождь пересталъ, вѣтерокъ дуетъ слегка, солнце изъ тучи выглянуло. И въ природѣ, и на душѣ не дурно.

Воротись же съ спокойной и ясной душой, ничего дурного не ждешь тебя у порога. Въ добрый часъ!» (стр. 185—186).

Въ написанномъ тогда же Огаревымъ интимномъ эскизѣ для комедіи «Бедламъ, или День изъ нашей жизни» авторъ такъ характеризуетъ взаимныя отношенія своей жены и Герцена:

«Начнутъ съ общаго разговора очень умно, а потомъ Натали обидится, и они поссорятся, а потомъ помирятся, хотя каждый увѣренъ, что правъ. Герценъ въ общемъ, конечно, правъ, но неправъ въ томъ, что точно также даетъ волю своей раздражительности. Любовно-враждебныя отношенія между двумя людьми, которыхъ я люблю больше всего на свѣтѣ! А тутъ говорятъ—работай! Какая тутъ работа пойдетъ на умъ? Больно—да и только. Надо ухачать или удавиться. Гильотина все же лучше, чѣмъ ежедневное царапанье булавокками. Да диво бы, тутъ было въ основаніи какое-нибудь физиологическое влеченіе, а то просто искусственная раздражительность» («Русскіе Пропилеи» IV, 199).

Интересующихся всѣмъ эскизомъ—а онъ довольно мѣтко очерчиваетъ совмѣстную обыденную жизнь двухъ дружескихъ семей—отсылаю къ указанному источнику. Перейдемъ теперь къ къ болѣе глубокому знакомству съ тѣмъ, какъ реагировалъ самъ Огаревъ на свою семейную трагедію.

Въ архивѣ семьи Герцена сохранилось нѣсколько его писемъ, проливающихъ свѣтъ на ихъ общую интимную жизнь. Они не датированы, не заключаютъ въ себѣ ничего, безспорно точно устанавливающего даты, но, все-таки, съ большою вѣроятностью могутъ быть отнесены именно къ тому времени, когда будутъ приведены мною. Здѣсь я приведу пока два письма, которыя относятся, по-моему, къ періоду съ середины 1858 по начало 1859 годовъ; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Некрасовой Н. А. Огарева указываетъ, что сожителство Огарева съ англичанкой Мэри началось въ 1858 г. (Румянцовскій музей). Въ литературѣ объ этомъ говорится немного и невѣрно; такъ, въ «Рус. біографическомъ словарѣ» сказано: «За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ сошелся съ пожилой вдовой англичанкой, которая ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ, но которая по своему неразвитію не могла дѣлать съ нимъ умственныхъ его интересовъ» (стр. 90).

I.

Суббота, ночью.

Секретно.

Wahnsinn, du siegst!

Un malheur ne vient pas seul.

Das liegt im Zusammenhang der Dinge... ¹⁾

и проч. Эпиграфовъ можно выбрать *кучу*, но это ни къ чему не поможетъ.

Давно я собираюсь поговорить съ тобой, Герцень, и все какая-то немогута, и неловко, и стыдно, и языкъ не ворочается. Хочется начать, смѣясь и шутливо, что всего больше шло бы къ дѣлу, и что-то претить; чувствуешь, что шутка своротится на серьезъ, и комедія выкажетъ только свои трагическіе элементы. Вотъ я и собрался писать, хотя это слабость, но что же дѣлать,—такъ легче. Нѣ, несмотря ни на какіе трагическіе элементы, я пишу въ настроеніи духа болѣе, чѣмъ спокойномъ,—мягкомъ и хорошемъ. Даже привычка объективнаго анализа надъ самимъ собой не мѣшаетъ этому внутреннему настроенію. А все же она и будетъ играть главную роль въ этомъ письмѣ, т.-е. точка зрѣнія психіатріи господствуетъ надо всѣмъ. Можетъ, и въ этомъ есть трагическій элементъ, но съ нимъ не разстанешься, это—кровь моихъ жилъ. Къ дѣлу, наконецъ,—скажешь ты. Хорошо! Видишь, какъ это трудно, что и на бумагѣ не вдругъ выскажешь.

Ты говорил о ревности... Можетъ, оно не такъ глупо, и сердце женское чутко. Но начну ab ovo. Когда N. мнѣ сказала о любви къ тебѣ, можетъ, ты и замѣтилъ, что я не вдругъ подался, но это было не изъ ревности съ моей стороны, а изъ недовѣрія къ ея чувству, которое начиналось ревнивымъ путемъ. Однако, я на нѣкоторое время увлекся любовью къ тебѣ и къ ней, я повѣрилъ мечтѣ соединенія трехъ въ одну любовь; да я и теперь вѣрю въ возможность этого,—быль не укоръ. Но ревнивый элементъ у нея сталъ брать такой верхъ, что я скоро разубѣдился въ мечтѣ, раньше вась обоихъ; я, напротивъ того, сталъ бояться совершеннаго разединенія, конечно, не между тобой и мной, что совершенно невозможно. Нашъ союзъ совсѣмъ на реальной почвѣ; тутъ fancy ²⁾, въ

¹⁾ Безуміе, ты побѣждаешь!

Несчастье одно не приходитъ.

Причина этого—въ послѣдовательности явленій.

²⁾ Фантазія.

смыслѣ ложнаго, не имѣетъ мѣста, тутъ она можетъ войти только въ смыслѣ изящнаго, поэтической стороны жизни. Но продолжаю,— я сталъ бояться и страдалъ. Разъединеніе началось. Я чувствовалъ себя обиженнымъ въ святомъ святыхъ сердца. Моя любовь къ ней перешла въ сожалѣніе. Такъ она и остается. Оскорбленный и измученный, я не зналъ, куда дѣваться, и чѣмъ жестче были отношенія N. къ тебѣ, къ дѣтямъ и, ergo, ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось хоть минуту побыть въ какой-нибудь, кроткой обстановкѣ жизни, чтобы вздохнуть свободно. Fансу, вѣроятно, въ смыслѣ ложнаго, помогла, и куда же, ты думаешь, меня выперло?.. Я, какъ дуракъ или Мельгуновъ, врѣзался въ погибшее, но милое созданіе. И стыдно, и смѣшно за самого себя, и когда подумаешь о возможныхъ послѣдствіяхъ для N., если бы она догадалась, то становится страшно и больно, и чувствуешь, что вотъ такъ тебя и прихлопнетъ трагической fatum. А между тѣмъ мнѣ хорошо; положимъ, что все это fансу и ложь, а у меня на сердцѣ стало легче... Надолго ли? Мнѣ откликнулось какимъ-то мягкимъ женскимъ обращеніемъ со мною. Больше я ничего не думаю; любить меня въ мои лѣта ¹⁾ существу неразвитому, съ виду простодушному, хотя тамъ, чортъ знаетъ— можетъ, и хитрому,—невозможно. Friendship for a good fellow ²⁾, можетъ, и есть у ней, а у меня, должно быть, старческая страсть. Поди ты—какое милое положеніе! Предаться безъ задней мысли, какъ Мельгуновъ, я не могу; эта задняя мысль—скептицизмъ относительно чувства обѣихъ сторонъ, и опять трагической элементъ въ жизни. И при всемъ этомъ мнѣ чаще свѣтло и мягко на сердцѣ, чѣмъ что другое. Все это была бы смѣшная шутка, если бы не шло въ скептическое страданіе, съ одной стороны, и въ чувство какого-то страннаго счастья—съ другой, да сверхъ того и фактическое отношеніе начинаетъ переходить на серьезную ногу. Вотъ оно. Сначала я ходилъ къ ней раза два, три въ недѣлю и платилъ half sovereign ³⁾ за визитъ. Дѣло очень просто. Разъ я спросилъ, сколько ей надо проживать въ недѣлю. Она говоритъ: «да около 30 шиллинговъ надо».—«Стало,—я говорю,—я радъ, что отвращаю отъ васъ всякую нужду тѣмъ, что вамъ даю; я готовъ прибавить, хоть и тяжело, когда рѣдко бываю, такъ, чтобы всегда было у васъ 30 sh.». Изъ этихъ 30 шил., оказалось, она платитъ что-то за своего ребенка. Послѣ этого разговора встрѣчаю я ее на улицѣ, сказалъ съ ней два слова и вечеромъ зашелъ къ ней. О встрѣчѣ

¹⁾ Родился въ 1813 году.

²⁾ Дружеское чувство по отношенію къ доброму человѣку.

³⁾ Полсоверена.

на улицѣ ни я не помянулъ, ни она. На слѣдующій разъ она мнѣ сказала, что ей было ужасно меня жаль, что она видѣла, что мнѣ было больно видѣть ее на прогулкѣ, и что она никогда не станетъ заниматься прогулкой. Стало, хорошъ я былъ, если она подмѣтила, что мнѣ было больно! Дѣйствительно, я ее послѣ ни въ какіе часы дня и ночи не встрѣчалъ на охотѣ, хотя это, впрочемъ, и ничего не доказываетъ. Но она идетъ далѣе: она хочетъ уѣхать изъ этого квартала куда-нибудь подальше, хотя бы вонъ изъ Лондона, но чтобы было мнѣ близко ходить къ ней, и взять къ себѣ ребенка, что ей такимъ образомъ, можетъ, и 30 шиллинговъ будетъ много, но что она, наконецъ, будетъ покойна и избавится отъ знакомствъ, которыя ее невольно вовлекаютъ въ привычки, отъ которыхъ ей хочется уйти.

Вотъ на чемъ остановилось фактическое отношеніе; это переходитъ въ нѣчто болѣе серьезное. А между тѣмъ она, какъ *enfant du peuple*, неразвита и ребячлива, хотя не глупа и какъ-го странно иной разъ быстро понимаетъ серьезныя вещи. Хитра она или простодушна, не умѣю сказать. Есть нѣчто мягкое въ обращеніи, отъ чего мнѣ на сердцѣ хорошо становится,—это правда; но если она хитритъ для того, чтобы успокоиться 30-ю шиллингами и имѣть при себѣ ребенка,—это я ей охотно прощаю, это слишкомъ естественно. Результатъ тотъ, что мнѣ и страшно, и больно, и хорошо, и что *Unsinn* ¹⁾ побѣждаетъ.

Все это я тебѣ написалъ потому, что мнѣ больно скрывать отъ тебя что-нибудь. *Aviso* ²⁾ какой тутъ дать? Едва ли ты мнѣ дашь *aviso* поступить съ ней жестко и отстать въ то время, когда небольшія деньги могутъ спасти ее съ ребенкомъ, да и мнѣ самому это было бы сверхъ силъ, да и гадко послѣ всего, что было ласковаго и дружескаго съ обѣихъ сторонъ. А между тѣмъ дома мнѣ становится страшно за будущее и больно лицемѣрить, хотя это и не есть лицемѣріе. Если то отношеніе сведется на шалость и на то, что буду тратить обычные полтора фунта въ недѣлю, что я готовъ искренно во всякомъ случаѣ удѣлять, пока живъ, то я внутренно буду страшно, страшно страдать,—но все остальное будетъ спасено; но если тамъ явится хотя бы только чувство дружбы, но дѣйствительной, тогда я внутренно буду спасенъ,—но какъ устроить внѣшность, не знаю. Далъ ли я погибшему, но милому созданію моей нѣжностью поводъ къ дружелюбному чувству, моимъ обращеніемъ съ ней и съ ея ребенкомъ, котораго она разъ привозила мнѣ показать, или далъ ей этимъ поводъ думать, что я какъ-

¹⁾ Безсмыслица.

²⁾ Совѣтъ.

нибудь да пристрою ее съ ребенкомъ, и она схватилась за эту доску спасенія, — я и самъ не разберу. Знаю только, что мнѣ и страшно, и больно, и хорошо, и *стыдно*. Между тѣмъ мы стали видаться почти что ежедневно; это сдѣлалось для меня какой-то горько-сладкой необходимостью.

Теперь возвращаюсь къ N. Оскорбить ее я никогда не захочу, да и я слишкомъ привязанъ къ ней и мнѣ ее слишкомъ жаль. Насколько вышло *то* отношеніе причиною нѣкотораго холода между нами, я не могу опредѣлить. То отношеніе выросло въ теченіе какихъ-нибудь 6 недѣль, а холодъ начиналъ врываться прежде. Но я готовъ переломить себя и не показывать холода, котораго въ сущности нѣтъ, потому что моего участія и любви къ N. не сотрешь въ одну минуту, — я готовъ всегда, несмотря ни на какое иное отношеніе, быть самымъ близкимъ другомъ, но для этого надо гармонію съ ея стороны. Дисгармоничность ея поведенія лишаетъ меня силы стать близко, чему *то* отношеніе едва ли бы сколько-нибудь помѣшало. При гармоніи *она* бы ничуть не мѣшало, а при дисгармоніи можетъ и оно входить разъединяющимъ элементомъ. Какъ тутъ быть? Что тутъ дѣлать? Чортъ знаетъ! Умъ мѣшается, сонъ нейдетъ. Бываютъ страшно тяжелыя минуты. Однако, какъ видишь, я не потерялъ въ этомъ сумбурѣ силу работать и не потеряю. Когда покончу всѣ статьи, то постараюсь всѣ существующія горько-сладкія, трагическія и трагикомическія стороны этой жизни приноровить къ поэтической дѣятельности. Надо же знать и употреблять въ дѣло свое двойство, т.-е. быть съ одной стороны человѣкомъ, разорваннымъ въ жизни *de facto*, и въ то же время спокойнымъ наблюдателемъ своей жизни и артистомъ. Dixi...

Сегодня вечеромъ. Цѣлый день я не рѣшался отдать тебѣ этого письма. Мнѣ все кажется, что я вру, что я выдумываю то, что вижу, а вижу то, чего нѣтъ, и не чувствую, а фантазирую. Но чортъ ли въ этомъ доберется толку?! Давеча я ее видѣлъ. Положимъ, что я все вру, но отъ ея добраго присутствія, хотя бы она была и пустая, мнѣ становится легко жить. Нѣтъ! Я не могу отстать. Итакъ, вотъ тебѣ письмо. Сожги его, а что думаешь, скажи. Жури, жалѣй, прими участіе, дѣлай что хочешь. Я все отъ тебя приму, но скрывать отъ тебя ничего не могу. Скрывать отъ тебя меня душишь, какъ преступленіе.

Да, я въ тебѣ увѣренъ, что ты патологическое явленіе моей любви въ сокровеннѣйшей твоей душѣ не свяжешь съ настоящимъ положеніемъ N. ¹⁾, которому я былъ бы радъ при кроткихъ дан-

¹⁾ Беременность.

ныхъ съ ея стороны. Но она, если бы узнала, то объяснить мое патологическое явленіе своимъ отношеніемъ къ тебѣ, и тогда распри пойдуть не на шутку. Мнѣ это объясненіе будетъ оскорбительно, потому что оно было бы ложно и означало бы непониманіе моего отношенія къ тебѣ. А того гляди, что-нибудь такое выйдетъ. Подумай объ этомъ.

II.

Нашъ разговоръ навелъ меня на разныя мысли, Герценъ. Ты спишь; сказать тебѣ будетъ завтра некогда. Вотъ почему я пишу. Ты говорилъ, что намъ надо отринуть женщину. Можетъ, ты и правъ. Если ты меня спросишь, иду ли я въ моемъ отношеніи съ той же увѣренностью, какъ, напр., иду въ статьяяхъ о крѣпостномъ состояніи, объ уничтоженіи идеаловъ, подъ какой бы формой они ни были,—бога, царя, народа, социализма съ угла зрѣнія Кабета и т. д.,—нѣтъ! конечно, нѣтъ! Что же меня двигаетъ? Возможность развить человѣчески существо, способное къ такому развитію, существо, котораго странности (по невоспитанію) не угловаты, въ которомъ я чувствую потребность преданности совершенно наивной. Я могу ошибиться... да! Я слишкомъ старъ и силенъ, чтобъ не отойти, не умалаясь ни на іоту. А мальчика-то ¹⁾ я спасу, потому что мальчикъ (безъ всякихъ предубѣжденій)—страшно талантливая и добрая натура. Но жду я, конечно, болѣе: я жду, что

На мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

До сихъ поръ я не имѣю причинъ ни сомнѣваться, ни (по ея стараніямъ развиться) раскаиваться. До сихъ поръ непріятности въ женской обидчивости или подозрительности (гдѣ была женщина плюсъ *conditio*) я видѣлъ въ письмѣ только разъ и затѣмъ раскаиваніе такое наивное, свѣтлое и гуманное, что это было лучше всей нашей исторіи. Что же я могу сказать еще? Ну, положимъ, я вру, т.-е. ошибаюсь. Тогда я спасу мальчика. Я самъ уже неспособенъ къ страсти подчиняющейся, вѣроятно, по лѣтамъ; къ тому я чувствую мое вліяніе и чувствую, что оно хорошо. Ошибусь—не пропаду. А попробовать возвысить (извини за глупое слово) женщину и ребенка стоитъ того, чтобы похлопотать; такія коллизіи не всякій день бываютъ. Ошибусь, тѣмъ хуже, но не пропаду. А если не ошибусь? Вѣдь, изъ одного этого стоитъ ошибиться.

¹⁾ Генри.

Фантазія меня увлекла: я думалъ, что я могу, если мои отношенія удачны, все сказать и быть откровеннымъ и чистымъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ меньше это мнѣ кажется возможнымъ. Сегодня я совершенно сбить съ панталыку. Я *не знаю*, куда наша жизнь *здесь* насъ вынесетъ. Я стою, какъ бы стоялъ Ал. Ал. ¹⁾: съ той же отцовской нѣжностью и съ той же немогутой пособить. Я въ отчаяніи.

Ты можешь разругать меня, а выходить такъ:

Видя ее и тебя, видя васъ, я страдаю, какъ каторжный. Это у меня отравляетъ каждый часъ. Когда я работаю, я или долженъ увлечься до экстаза, или взять на себя свыше силъ, потому что все это непродолжительно, и ваша жизнь (отъ которой я свою, конечно, не отдѣляю, ни отъ тебя, ни отъ нея) меня опять вталкиваетъ въ какую-то непроходимую пропасть, гдѣ какой-нибудь Павловъ давно бы рехнулся до умиранія.

А *тамъ* я отдыхаю по тремъ причинамъ:

Наивность, преданность, стремленіе.

Ошибусь,—не заплачу, а ребенка спасу,—это рѣшено».

(Оба письма съ массою ошибокъ напечатаны въ IV кн. «Рус. Пропил.» Гершензона, стр. 210—215).

Здѣсь умѣстнѣе всего привести мнѣніе о «неестественности» дружбы Герцена съ Огаревымъ, высказанное, безъ достаточнаго анализа души обоихъ, Н. Вырубовымъ: «Эта дружба, начатая со школьной скамьи и прошедшая неизмѣнной черезъ самую разнообразную житейскія трѣволненія, представлялась мнѣ всегда въ видѣ странной психологической загадки, которая объясняется развѣ только тѣмъ, что «крайности сходятся». Невозможно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе радикально противоположныхъ типовъ. Одинъ—живой, отзывчивый, вѣчно дѣятельный, другой — неповоротливый, угрюмый, сосредоточенный. Странное дѣло: несмотря на то, что Огаревъ былъ и по образованію, и по уму неизмѣримо ниже Герцена, онъ имѣлъ на него значительное и далеко не всегда благотворное вліяніе. Для меня, знавшаго хорошо ихъ взаимныя отношенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многія изъ крупныхъ ошибокъ Герцена лежатъ на совѣсти несомнѣнно благонамѣреннаго, но, не менѣе несомнѣнно, неуравновѣшеннаго и упрямаго Николая Платоновича, который въ шестидесятыхъ годахъ находился всецѣло подъ ферулой Бакунина и разношерстной толпы окружавшихъ его молодыхъ революціонеровъ» («Вѣстн. Европы» 1913, I, 57—58).

¹⁾ Тучковъ.

1108. Письмо къ сыну.

6 сентября (1858).
Putney.

У насъ все идетъ хорошо. Елизавета Николаевна ведетъ себя хорошо, а Natalie хотя и очень больна, но опасности нѣтъ. Изъ послѣдняго письма твоего я вижу, что ты еще не получилъ въ то время мое письмо, посланное къ Фогту. За тѣмъ было и еще. То, что ты мнѣ пишешь объ экскурсіяхъ, показываетъ тебѣ, что я былъ правъ, говоря, что торопиться было некуда. Теперь ты это видишь самъ очень ясно.

Странно, что Фази держитъ въ своемъ домѣ игорный tripot ¹⁾, — чести ему это не дѣлаетъ. Очень хорошо, что ты посылаешь игрушки, но будь остороженъ: на таможенѣ за швейцарскую игрушку, которую моя маменька послала тебѣ въ Парижъ, съ меня взяли 60 фр. droit d'entrée ²⁾, — особенно, если ты кому дашь изъ знакомыхъ.

Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Что ты не много денегъ тратишь, это хорошо. Однако, избѣгай и слишкомъ большой экономіи; особенно не допускай знакомыхъ тратиться. Прощай, сегодня мое письмо не длинно.

Отъ Франсуа письмо; напиши ему двѣ строки: *Râgne, poste restante*, и скажи о рожденіи маленькой.

1109. Приписка къ М. К. Рейхель.

8 сентября 1858.

Это фейерверкъ изъ нашего дома . . . . .

«Лунина» получилъ, несмотря на avis, что его посылать не нужно, — и только потомъ за все мертвецки благодарю.

¹⁾ Притонъ.

²⁾ Право ввоза.

1110. Письмо къ сыну.

10 сентября (1858).
Putney, Laurel House.

У насъ все идетъ благополучно; Natalie еще не вставала, но, кажется, всѣ опасности миновали.

Письмо твое къ Наташѣ очень хорошо, я имъ весьма доволенъ, только совѣтую тебѣ для порядка, во-первыхъ, франкировать письма и, во-вторыхъ, писать на почтовой бумагѣ, а не на толстой англійской; за послѣдн. письмо твое взяли больше шиллинга. Если-бъ нужно было платить и десять, это не была бы бѣда, но такъ какъ это росо cugenza ¹⁾, то и мотай себѣ на усъ.

Грассъ такъ же привыкъ къ дому, какъ Шарикъ. Дѣтскій медальонъ не готовъ; мой бюстъ онъ продѣлаетъ года два,—ты его застанешь у насъ на дворѣ, обтирающаго глаза салфеткой.

Фогтъ писалъ мнѣ о неосторожности того господина, къ которому писалъ Осипъ Ивановичъ. Не совѣтую тебѣ особенно сближаться съ этими пустыми людьми. Фогту я вложу записку.

1111. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

10 Sept. (1858), Donnerstag.
Putney, Laurel House.

Ich habe nicht viel zuzufügen zu dem Rapport v. Tata. Die Geburt war sehr schwer, 27 stunden dauerte sie, und in dem Moment, als Deville die Instrumente anwenden wollte, kam in die Welt ein ganz gesundes Kind. Die ersten Tage waren schlimm, jetzt geht alles, wie es scheint, gut.

Von Alexander haben wir Brief aus Genf. J'ai été vraiment très content que vous vous êtes intérieurement réconciliée avec lui—ce que je vois dans votre dernière lettre. Qu'il s'est plus développé—c'est vrai, mais le fond est le même. Tata s'est montrée parfaitement bien lors du départ.

Tout à vous. Adieu.

¹⁾ Небрежность.

Переводъ.

10 сент. Четвергъ.

Мнѣ нечего много добавлять къ отчету Таты. Роды были очень тяжелые и продолжались 27 часовъ; была минута, когда Девиль хотѣлъ, было, уже пустить въ дѣло свои инструменты, но какъ разъ въ этотъ моментъ на свѣтъ появилось совершенно здоровое дитя. Первые дни были скверные, но теперь все, повидимому, идетъ хорошо.

Отъ Александра есть письмо изъ Женевы. Я былъ по истинѣ очень радъ, что вы въ душѣ помирились съ нимъ, — это я вижу изъ послѣдняго вашего письма. Правда, онъ больше развился, но, въ сущности, остался тѣмъ же. Тата выказала себя вполнѣ хорошо со времени отъѣзда.

Весь вашъ. Прощайте.

1112. Письмо къ сыну.

14 Sept. 1858.

Putney, Laurel House.

Можетъ быть, это письмо тебя найдетъ въ Нициѣ. Поклонись отъ меня нашей могилѣ. Въ этомъ городѣ я настрадался; всѣ страшнѣйшія событія жизни, отъ гибели Коли до кончины мам., были здѣсь...

Два письма твои я получилъ въ одинъ день. Изъ нихъ я вижу, что разлука тебѣ сдѣлала ту пользу, что ты понялъ лучше, что былъ тотъ родной кровъ, который ты не всегда цѣнилъ, — теперь уже онъ тебѣ иначе представляется. Воля и самобытность тебѣ были необходимы, и желаніе твое я очень понимаю, но также естественно и то, что теперь вдали мелочи пропадаютъ, а поэзія дома выступаетъ больше и больше.

Не совсѣмъ ты отгадалъ; въ воскресенье ни Мюллера, ни Бокэ я не видалъ, а вотъ — ужъ навѣрное не отгадаешь — я съ Огаревымъ вдвоемъ обѣдалъ въ воскресенье въ Гриничѣ, ѣлъ вейтбеды и катался на лодкѣ.

У насъ все хорошо. У Таты немного болитъ глазъ, но не важно. Свѣжепросоленная Лиза кричитъ, а Оленька, старая уже, шалить. Бюстъ мой страшно похожъ, а дѣтскій — не совсѣмъ, да и твой (онъ у меня въ спальной) не такъ, мнѣ кажется; я до сихъ поръ нахожу черты слишкомъ крупными.

Всѣ тебѣ кланяются,—я не хочу откладывать и потому посылаю мое письмо безъ приписокъ.

Видѣлъ ли ты Бонфиса? Если нужно что сдѣлать у могилы, не жалѣй денегъ, а напиши мнѣ. Я все хотѣлъ поставить памятникъ, но безъ себя этого не сдѣлаю. Когда-нибудь будетъ же возможность оставить Англию...

Кланяйся Роккѣ да не забудь написать Франсуа.

Новый человекъ нашъ очень хорошъ.

Прощай, обнимаю тебя.

А ты въ Villafranca не ходи къ русскимъ офицерамъ, а то тебя, пожалуй, увезутъ.

1113. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 сентября (1858).

Putney.

Представьте мое удивленіе, когда я получилъ изъ города, изъ Дрездена, письмо отъ Пав. В. ¹⁾! Вотъ чудакъ-то да еще говорить, зачѣмъ мы не пишемъ! Я воображалъ, что онъ давно гдѣ-нибудь на Самотекѣ или у Поцѣлуева моста, а онъ въ Баваріи да въ Саксоніи. Кланяюсь ему и благодарю за анекдотъ о Топильскомъ. Я потому пишу черезъ васъ, что не знаю, застанетъ ли мое письмо. Ну, а Марія Ѳедоровна у васъ еще? Ея рукою [и] вашей новости получили, а вотъ вамъ—наши.

1-е. III Отдѣл. прислало сюда стат. совѣт. Гедерштерна при-смотреть, какъ бы подкузьмить «Колоколъ», и узнать, кто доставляетъ вѣсти. Я о его приѣздѣ напечаталъ.

2-е. Количество русскихъ таково, что я, наконецъ, долженъ былъ назначить два дня въ недѣлю: *среду* и *воскр.*, въ три часа—для любезныхъ незнакомцевъ. На дняхъ мнѣ какіе-то господа привезли отъ имени своихъ друзей палку изъ винограда, срѣзанную въ Балаклавѣ во время войны и обдѣланную для меня. Это національно—и награждаютъ палкой...

3-е. Фонтонъ извиняется и клянется, что онъ не виноватъ во франкфур. запрещеніи... А я жду, какъ камеры соберутся въ Пруссіи,—имъ подамъ челобитную о допускѣ «Колокола».

¹⁾ Анненковъ.

5. Мы издаемъ на франц. языкѣ «Записки» Екатерины II (1739—58). Это—такая прелесть, такъ интересно, что просто упадешь.

6. По дому все обстоитъ благополучно; новорожденныя (т.-е. Лиза и Нат. Апол—вна ¹⁾), здоровы, большіе тоже.

7. Трюбнеръ дѣлаетъ мой бюстъ; вотъ сходство-то: стыдно смотрѣть,—такъ и хочется поднести абсенту съ содовой водой. Какъ только будетъ готовъ, я вамъ пришлю редуцію (какъ Пушкинъ),—дѣйствительно, саро d' орегa ²⁾; дѣлаетъ рейнскій скульпторъ Грассъ et grase lui soit rendu ³⁾.

8. У Наташи немного болитъ глазъ. Ольга очень рада, что нашла товарища въ Нат. Апол.

23 и 24 «Кол.» выход. вмѣстѣ въ понедѣл., я тотчасъ же вамъ пришлю, а вы, какъ будете писать, все-таки, черкните.

Наконецъ, доставили вамъ Огар. стихотв. или нѣтъ?

Если Анненковъ тутъ, потрясите ему руку и скажите, что съ Чичер. ⁴⁾ у насъ ежедневная травля—по... ⁵⁾ оперы въ партерѣ—каждый останется при своемъ... И ты, Евгений-Бруть, туда же!—онъ говоритъ, что согласенъ во всемъ съ Коршемъ... Это значить, что Коршъ-то ни въ чемъ съ нами не согласенъ.⁶⁾

Прощайте.

Рейхелю старому и самому юному поклоны сильныя.

Еще скажите Анненкову и Мар. Фед., чтобъ они въ Питерѣ предупредили, что полковникъ генер. штаба Писаревскій, бывшій у меня,—очень дрянной человѣкъ ⁶⁾. Avis au lecteur! ⁷⁾ Онъ теперь возвращается.

А видѣли вы «Прерванные рассказы» на нѣмец. языкѣ?

Саша пишетъ изъ Женевы, что M-me Tessie сошла съ ума.

1114. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

19 Sept. (1858).

Putney.

Also Sie bleiben allein mit dem Meere, wo sind denn die Hunnen und Madjaren? Ich habe bei Trübner Ihre Übersetzung der Unterbr.

¹⁾ Наталья Аполлоновна Тучкова, мать Н. А. Огаревой.

²⁾ Верхъ совершенства.

³⁾ И да будетъ оказана ему милость; игра словъ: Grasse—фамилія художника и grase—милость—произносятся одинаково.

⁴⁾ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, профессоръ москов. университета.

⁵⁾ Слово не разобрано.

⁶⁾ Николай Григорьевичъ.

⁷⁾ Предостереженіе читателю!

Erzählung. genommen. Was ich gelesen habe—ist besser übersetzt—als die Früheren.

Wir drucken jetzt die Memoiren der Kaiserin Cath. II (v. 1744—1758)—das mich über alle Grenzen interessirt.

Althaus wollte sie ins Deutsch. übersetzen und ist jetzt an der Arbeit.

Die russische Regierung bewahrte diese Manuskripte ausserordentlich—und dennoch haben wir's.

Russen kommen immer haufenweise. Offiziere haben mir einen Stock geschickt abgeschnitten in Balaklava zur Zeit des Krieges (bei uns, wie Sie sehen, belohnt man auch mit Stöcken). Die Reaktion in Russland ist gross — der Adel macht die hartnäckigste Opposition, Alex. ist wütend, aber schwach und ganz in den Händen v. Halunken.

Die „Glocke“ ist immer in der grössten Mode in Russl. Die Regierung hat sogar nach London einen wirk. Staatsrat geschickt — um uns zu spionieren. Und mitten in dieser Tätigkeit schreiben die Polen (die Zentralisation des Pack v. Bulevsky & C-o) einen dummen Artikel gegen Ogar. und mich—weil wir zu moderiert sind.

Si vous n'avez pas lu mon article dans le journal de Mazzini je vous l'envoie.

Tout le monde se porte bien. Tata seulement avait un oeil très enflammé—mais cela passe.

Переводъ.

19 сентября.

Итакъ, вы остаетесь одна съ моремъ; куда же дѣвались гунны и мадьяры? Я досталъ у Трюбнера вашъ переводъ «Прерванныхъ разсказовъ». То, что я прочиталъ, переведено лучше, чѣмъ прежде.

Мы заняты теперь печатаніемъ мемуаровъ императрицы Екатерины II (1744 — 1758 гг.), и это безмѣрно интересуеъ меня.

Альтгаузъ пожелалъ перевести ихъ на нѣмецкій языкъ и сидитъ теперь за работой.

Русское правительство принимало чрезвычайныя мѣры къ скрытію этой рукописи, и, все-таки, она въ нашихъ рукахъ.

Русскіе продолжаютъ прибывать толпами. Офицеры прислали мнѣ трость, срубленную въ Балаклавѣ во время войны (какъ видите, у насъ награждаютъ также и палками). Реакція въ Россіи велика; дворянство создаетъ наупорнѣйшую оппозицію; Алекс. неистовствуетъ, но слабъ и всецѣло въ рукахъ негодяевъ.

«Колоколь» все еще чрезвычайно популяренъ въ Россіи. Правительство даже прислало въ Лондонъ какого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чтобы слѣдить за нами. И среди всего этого поляки (изъ централн. комитета шайки Булевскаго ¹⁾ и К^о) написали дурацкую статью противъ меня и Огар., будто мы слишкомъ умѣрены.

На случай, если вы не читали моей статьи въ газетѣ Маццини, я вамъ ее посылаю.

Всѣ здоровы, только у Таты было сильное воспаленіе глаза, но оно проходитъ.

1115. Предостереженія.

Закревскій доставилъ въ таможеню списокъ лицъ съ строжайшимъ предписаніемъ (по возвращеніи въ Россію обыскать ихъ и доставить ихъ письма и бумаги въ *Третье отдѣленіе*).

Не смѣемъ печатать имена, но просимъ, умоляемъ всѣхъ молодыхъ москвичей, возвращающихся на печальную родину нашу, не брать съ собой ничего *запрещеннаю, никакихъ бумагъ*.

Въ какую грязь, въ какую мерзость влекутъ государя эти гнусные шпіоны, эти сыщики, эти Закревскіе!.. Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, государь-то самъ? Доброе сердце, благія намѣренія, кроткій взглядъ,—все это очень хорошо, но всего этого мало. Теперь не до сентиментальности. Мы наканунѣ министерства Ростовцова (а, можетъ, и Липранди), наканунѣ раздѣленія Россіи на пятнадцать пашалыковъ ²⁾, въ каждомъ изъ которыхъ будетъ по Закревскому, по ¹/₁₆ Тимашева, съ маленькими Третьими отдѣленными, съ уѣздными конторками шпіонства... Да, вѣдь, при этой кротости придется задохнуться.

Мы каемся передъ Россіей въ нашей ошибкѣ. Это—то же николаевское время, но разварное, съ патокой.

А этотъ сѣдой клеветъ, маститый доносчикъ,—неужели на нихъ нѣтъ и смерти, если нѣтъ у нихъ раскаянія передъ ней?

¹⁾ Bulewski, польскій эмигрантъ, натурализованный англичанинъ, издатель революц. газеты «Rzecz Pospolita», впоследствии представитель Польши на базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала.

²⁾ Былъ проектъ образовать генераль-губернаторства.

Старшій чиновникъ III Отдѣленія дѣйствительный статскій совѣтникъ Гедерштернъ путешествуетъ по Европѣ *съ специально-учеными цѣлями*.

1116. Отъ редакціи. ¹

Помѣщая это письмо, какъ довольно рѣзкой отголосокъ мнѣнія, которое мы не можемъ не уважать, мы не думаемъ ни возражать на него, ни начинать полемики, но считаемъ себя въ правѣ сдѣлать нѣсколько очень короткихъ замѣчаній.

Внося въ наше дѣло безусловную искренность и безпредѣльное желаніе блага Россіи, мы привѣтствовали отъ души Александра II, когда онъ началъ освобожденіе крестьянъ и рядъ реформъ. Напрасно авторъ письма видитъ въ этомъ какую-то заднюю мысль «возвращенія». Мы ничего личнаго не вводили въ наши публикации. Какъ ни тяжела разлука съ роднымъ краемъ, но мы никогда не купимъ уступкой убѣжденій право возвращенія. Казалось бы, что это довѣріе мы заслужили.

Далѣе, мы совершенно не согласны съ авторомъ, что наша обязанность—*все печатать*, что намъ присылаютъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, урѣзваній. Эту «смѣлость» мы будемъ имѣть и никакъ не считаемъ достояніемъ Россіи всякую всячину, которую намъ посылаютъ. Мы не знаемъ редакціи въ мірѣ, которая бы безъ разбора согласилась печатать грамотныя и безграмотныя статьи, иногда полныя личностями, иногда—неосторожностями, которыя вздумаютъ ей посылать. «Колоколъ» въ такомъ случаѣ придется перевернуть и сдѣлать изъ него яму, въ которую безъ разбора будутъ сыпать хорошія вещи и соръ.

«Пророкомъ» мы себя не выдавали и не знаемъ, къ чему эта иронія изъ дружескаго стана; цензоромъ быть непріятно, но на редакціи лежитъ нравственная отвѣтственность, которую она принимаетъ.

Въ сомнительныхъ случаяхъ мы часто останавливались. Но почему же, желаетъ знать авторъ письма, одной вѣсти мы вѣримъ, а другой нѣтъ? Между прочимъ, укажемъ ему на одинъ изъ критеріумовъ: часть свѣдѣній прислана намъ при письмахъ отъ лицъ, совершенно знакомыхъ намъ и съ ихъ удостовѣреніемъ, напр., исторіи Сечинскаго и Кочубея; не ясно ли, что мы менѣе боимся печатать эту часть.

Мы готовы открыть въ «Колоколѣ» новую «Книгу обличеній» и печатать въ ней частныя дѣла, процессы, злоупотребленія и проч.

на томъ условіи, на которомъ это дѣлаетъ «Таймсъ»: пусть редакціи будетъ извѣстно имя посылающаго. Его никто никогда не узнаетъ, но, если новость обличится совершенно ложной или искаженной, то, по требованію обвиненнаго, мы напечатаемъ имя.

Надѣмся, что авторъ письма съ тѣмъ же добродушіемъ прочтетъ эти строки, съ какимъ мы прочли его письмо, и не откажетъ намъ въ сочувствіи во имя общаго дѣла нашего.

◆◆ 1. Это заявленіе относится къ напечатанному передъ нимъ письму изъ СПБ. отъ мая 1858 г.

Авторъ говоритъ, что въ изданіяхъ Герцена «начинаютъ раздаваться гимны предержавшимъ», спрашиваетъ: «что это такое?» и выражаетъ свое неудовольствіе такой перемѣнѣ тона «Колокола». «Скажите же, положя руку на сердце, основательно ли вы поступили, взявши на себя столько рѣшимости хвалить и сравнительно съ этимъ, дозволяя себѣ такъ же смѣло, какъ вы хвалите сильныхъ сего міра, смягчать, урѣзывать, помѣщая въ вашихъ изданіяхъ или даже вовсе не помѣщать, посылаемая вамъ изъ Россіи статьи о нашей всеобщей безконечной мерзости, отъ тѣхъ же сильныхъ земли русской? По какому праву берете на себя роль цензора вы, который такъ недавно проповѣдывалъ, что въ вашихъ изданіяхъ будетъ помѣщена всякая статья, лишь бы она не клонилась къ поддержанію существующаго порядка въ Россіи, объявляя при томъ торжественно, что роль цензора была вамъ всегда ненавистна?»

Развивъ эти мысли и указавъ, что никакимъ похваламъ не должно быть мѣста въ «Колоколѣ», авторъ такъ заканчиваетъ свое письмо: «Итакъ, разстаньтесь съ мыслью о возвращеніи. Продолжайте добро и благородно начатое для блага Россіи дѣло. Бейте нещадно всѣхъ этихъ государственныхъ фигляровъ, злодѣевъ, вампировъ, сосущихъ кровь и поѣдающихъ плоть народа русскаго. На казнь ихъ, на лобное мѣсто всѣхъ, одного за другимъ, наружу всѣ ихъ злодѣйства и подлости! Долой съ нихъ маску! Покажите эти пугала на посмѣшище и омерзѣнію народу. Это одно спасетъ Россію. Факты, факты и факты! Не бойтесь ихъ,—все въ «Колоколѣ». Еще разъ: не будьте цензоромъ; дайте мѣсто и право критикѣ, она оцѣнитъ по достоинству и вкравшуюся ложь тотчасъ отдѣлитъ отъ истины».

1117. Изъ Польши.

Наконецъ-то получили мы довольно длинное письмо о польскихъ дѣлахъ или, лучше, о русскомъ управленіи въ Польшѣ. Все

одно и то же. Хотятъ какихъ-то новыхъ порядковъ и употребляютъ старыхъ николаевскихъ слугъ; а что можетъ быть николаевскій слуга, служившій въ Польшѣ,—можно догадаться. Люди, тридцать лѣтъ занимавшіеся съ такимъ успѣхомъ *ухудшеніемъ* состоянія Польши, нынѣ употребляются на *улучшеніе* его. Чего же путнаго можно ждать?

Изъ «сильныхъ, но нечистыхъ» рукъ Паскевича, какъ выражается авторъ письма, управленіе перешло къ М. Горчакову, тяжелому, скучному формалисту, человѣку честному, но бездарному и выжившему изъ ума. Вѣчно занятый мелочами, Горчаковъ заваливаетъ себя пустыми бумагами и за множествомъ дѣлъ не можетъ добраться до дѣла, предоставляя собственно управленіе Муханову ¹⁾. Попечитель варшавскаго округа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдуетъ внутренними и духовными дѣлами. Учебныя заведенія, цензура, почты, театры, дороги,—все находится подъ его начальствомъ.

Александръ II имѣлъ намѣреніе возстановить варшавскій университетъ и вообще значительно улучшить организацію высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ. Мухановъ самымъ дѣятельнымъ образомъ противодѣйствовалъ исполненію этихъ проектовъ. Онъ представлялъ государю, во время его пріѣзда въ Варшаву, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ измѣнять программъ, введенныхъ во время пушаго николаевскаго террора, что, послѣ закрытія имъ кафедръ правовѣдѣнія въ 1846 и 1848 годахъ, молодые люди ведутъ себя хорошо, «не думаютъ о независимости и не дѣлаютъ заговоровъ».

Такимъ образомъ онъ настоялъ, чтобъ юридическое преподаваніе свести на начальные курсы, и когда гр. Скарбекъ ²⁾, директоръ юстиціи, замѣтилъ недостаточность такого ученія, Мухановъ пожаловался на него, и гр. Скарбекъ лишился мѣста.

Очень замѣчательнъ анекдотъ, рассказываемый авторомъ письма, какъ усердно Мухановъ исполняетъ волю государя. Извѣстно всѣмъ, какъ Николай, въ своемъ дикомъ преслѣдованіи науки, ограничилъ число вступающихъ въ учебныя заведенія; извѣстно тоже и то, что со вступленіемъ Александра-II позорныя стѣсненія эти тотчасъ пали. Въ Польшѣ, какъ и во всей Россіи, было предписано принимать учениковъ и студентовъ, не ограничивая ихъ числа. Мухановъ сообщилъ офиціально объ этомъ по своему вѣдомству, призвалъ келейно директоровъ учебныхъ заведеній и каждому сказалъ съ глазу на глазъ, что такія распоряженія дѣ-

¹⁾ Павелъ Александровичъ.

²⁾ Фридрихъ-Флоріанъ.

даются для Европы, а что они должны принимать по прежнему ограниченное число, отталкивая подъ разными вздорными предлогами излишнее число кандидатовъ.

Польскій языкъ велѣно ввести во всѣ школы для преподаванія, — Мухановъ не исполнилъ этого до сихъ поръ. Въ гимназіяхъ начальство старается преимущественно принимать дворянъ и пр. ¹⁾.

Мы помнимъ какой-то старинный портретъ императора Павла, подъ которымъ была надпись: «D'autres ont fait le mal, il a mal fait le bien» ²⁾, — поневолѣ приходитъ въ голову эта характеристика, думая объ Александрѣ II. Слыхали мы, что неспособные старики слѣпо привязываются къ молоденькимъ дѣвчонкамъ, но чтобъ чело-вѣкъ въ цвѣтѣ мужескихъ лѣтъ имѣлъ такое пристрастіе къ неспособнымъ старикамъ, никогда не слыхивали!

Ну, есть ли тѣнь здраваго смысла оставлять — и гдѣ же? въ Польшѣ — николаевскихъ опричниковъ, которыхъ имя связано со всѣми ужасами его правленія!?

1118. О, усердному, о, пастырю благоревностному!

Едва успѣли мы предать тисненію о подвигахъ высокопреосвященнаго Григорія-Газетоборца, Григорія, клянуща геологію, какъ получили драгоценный ревности его документъ, свидѣтельствующій о томъ, что и маія пятнадцатаго уже спасительное безуміе его было въ той же каникулярной ³⁾ степени. Касаясь всего перстомъ въры своя, онъ не побоялся и адской одежды Евы: высокопреосвященный владыко, разоблача *по картинкѣ* женщину, власы плетущую и драгія ткани носящую, совлекъ съ нея одежду соблазнительную, несмотря на то, что она лицемѣрно якобы отженяется знаменіемъ креста отъ похоти грѣховной.

Газетоборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнанія гонителю, моли бога о насъ! ¹

◆◆ 1. Дальше приведена очень курьезная официальная переписка. 15 мая 1858 г. петербургскій митрополитъ Григорій обратилъ вниманіе Спб. генераль-губернатора Игнатьева на картинку

¹⁾ Cause atténuante, — въ извиненіе Муханову мы должны сказать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ убилъ своего швейцара палкой. Вся Варшава знала это. Виновать ли же этотъ кандидатъ каторжной работы, не попавшій на нее, что есть правительство, которое ему поручаетъ «просвѣщеніе»? А. И. Г.

²⁾ Другіе поступали дурно, онъ дурно дѣлалъ добро.

³⁾ Canicularis — чрезвычайный.

модь, разосланную при № 19 «Сына Отечества». Тамъ была изображена женщина въ платьѣ, отдѣланномъ крестами изъ яентъ. Митрополитъ просилъ воспретить портнихамъ «устройство означенныхъ платьевъ и принять другія мѣры, чтобы платья эти не были въ употребленіи». Игнатъевъ отмѣтилъ, что ничего сдѣлать не можетъ, но успокоилъ, что кресты можно толковать, какъ знаки умноженія.

1119. А. Дюма.

Со стыдомъ, съ сожалѣніемъ читаемъ мы, какъ наша аристократія стелется у ногъ А. Дюма, какъ бѣгаетъ смотрѣть «великаго и курчаваго человѣка» сквозь рѣшетки сада, просится погулять въ паркъ къ Кушелеву-Безбородку ¹⁾). Нѣтъ, видно, образвацнымъ не станешь, какъ ни соединишь по нѣсколько аристократическихъ фамилій и какъ ни разорай по нѣсколько тысячъ душъ,—«Nation of flunkeys» ²⁾), говоритъ «Daily Telegraph», рассказывая объ этомъ. Наши аристократы, дѣйствительно, составляютъ дворню, и оттого у нихъ не много больше такта, какъ вообще въ переднихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ la fine fleur ³⁾ нашей знати праздновала въ Парижѣ свадьбу ⁴⁾). Рюриковскіе князья и князья вчерашняго дня, графы и сенаторы, литераторы, увѣнчанные любовью народной ⁵⁾), и чины, почтенные его ненавистью,—все русское населеніе, гуляющее въ Парижѣ, собралось на домашній русскій пиръ къ послу; одинъ иностранецъ и былъ пригласень, какъ почетное исключеніе,—Геккеренъ, убійца Пушкина!

Ну, найдите мнѣ пошехонцевъ, ирокезовъ, лилипутовъ, нѣмцевъ, которые бы имѣли меньше такта!

1120. [Отъ редакціи].

Слѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что Н. Трюбнеръ издаетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на французскомъ языкѣ:

«Mémoires de l'impératrice Catherine II»,
écrits par elle-même
(1744—1758).

¹⁾ Графъ Григорій Александровичъ, издатель «Рус. Слова».

²⁾ Лакейская нація.

³⁾ Цвѣтъ, сливки.

⁴⁾ Кн. Н. А. Орлова съ кн. Екатериной Николаевной Трубецкой.

⁵⁾ И. С. Тургеневъ.

Записки эти, давно извѣстныя въ Россіи по слухамъ и хранившіяся подъ спудомъ, печатаются въ первый разъ. Мы взяли мѣры, чтобъ онѣ тотчасъ были переведены на русскій языкъ ¹⁾.

Нужно ли говорить о важности, о необыкновенномъ интересѣ «Записокъ» той женщины, которая больше тридцати лѣтъ держала въ своей рукѣ судьбу Россіи и занимала собою весь міръ, отъ Фридриха II и энциклопедистовъ до крымскихъ хановъ и кочующихъ киргизовъ.

Въ «Запискахъ» описаны молодость ея, первые годы замужества,—тутъ въ зачаткахъ, въ распускающихся почкахъ можно изучить ту женщину, о которой Пушкинъ сказалъ:

Насильно Зубову мила,
Старушка милая жила
Пріятно, по наслышкѣ—блудно,
Писала прозу, флоты жгла,
Вольтеру лучшей другъ была,
И умерла, садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла...
Россія—бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!

1121. Письмо къ сыну.

21 сентября (1858).
Putney.

Твое письмо изъ Domo d'Ossola ²⁾ я получилъ. Прогулка ваша хороша,—почти завидно, сидя въ Путнеѣ; у насъ же совсѣмъ осень: холодъ и дождь мелкій. Я жду, чтобъ ты, наконецъ, пріѣхалъ на мѣсто, тогда переписка получитъ больше правильный ходъ и сдѣлается серьезнѣе.

¹⁾ Тѣ же «Записки» предлагаетъ намъ другой корреспондентъ, котораго замѣчательное письмо будетъ въ слѣдующемъ листѣ; мы благодаримъ его за добрую готовность. Объ убіеніи Павла I у насъ есть двѣ статьи,—одна, писанная современникомъ. Подробности мало разнятся отъ разсказа Тьера. Статью Воейкова «Революція 1801 марта 12» мы бы желали имѣть. А. И. Г.

²⁾ Въ Италіи, Піемонтъ.

Насчетъ расходовъ ты запиши en gros ¹⁾ и пришли мнѣ для того, чтобъ я могъ видѣть, сколько стоило тебѣ. Я считаю, что 3,000 фр. въ годъ за глаза довольно студенту. Далѣе, ты, я думаю, для тону такъ много пишешь о винѣ: ты вина никогда не любишь, съ чего же вдругъ понравилось?

23 сентября.

Получилъ твое письмо изъ Ниццы. Догадался ли ты съѣздить на почту? Я одно письмо писалъ тебѣ въ Ниццу. Итакъ, ты посѣтилъ нашу могилу... У насъ мало святынь и мало религіозныхъ традицій; великое воспоминаніе объ ней, такъ рано скончавшейся и въ такихъ страданіяхъ...

Въ моей жизни я встрѣтилъ двѣ истинно великія и изящныя личности: это наша покойница и Огаревъ. У нихъ надобно учиться благородной шири и той граціи, которая естественно, сама собой была присуща каждому дѣйствию.

Много, безконечно много отнято у тебя, а особенно у Таты, тѣмъ, что нѣтъ этого примѣра передъ вами и ея вліянія, полного любви и кротости.

Но передъ такими несчастіями человѣкъ остается нѣмъ и склоняетъ голову.

Прощай, другъ мой. У насъ все хорошо идетъ. Hubert—превосходный слуга. Намъ предлагаютъ домъ, въ которомъ жили Mario и Grisi,—вотъ судьба-то!—отъ Jenny Lind ²⁾; это въ Fulham'ѣ, возлѣ Parcel's green.

Жду твоего письма.

25 сент.

Пиши о полученіи cadaго письма.

1122. Письмо къ сыну.

29 сентября (1858).
Putney.

Сегодня утромъ получилъ я твое письмо изъ Женевы и мнѣ кажется, что ты вовсе не получилъ (т.-е. не справлялся) письма моего, посланнаго въ Ниццу, а, вѣроятно, мимо почты ходилъ часто. Напиши объ этомъ къ Роккѣ и письмо достань. А Роккѣ

¹⁾ Оптомъ.

²⁾ Знаменитая шведская пѣвица.

прибавь отъ меня, что я дружески его благодарю за попеченіе о могилѣ и очень желалъ бы ему послать что-нибудь посерьезнѣе. Не придумаешь ли ты умнаго подарка отъ 75 до 100 франк.? тогда предложи мнѣ.

Анненковъ, уѣхавшій, наконецъ, въ Россію, пишетъ тебѣ, чтобы ты непременно заѣхалъ въ Мюнхенъ на художественную выставку, которую чрезвычайно хвалить; я совѣтую тоже. Марія Касп. давно ожидаетъ тебя.

Получилъ ли ты «Колоколь» 23—24?

Пора узнать твою будущую и подробную программу занятій. Помни, что тебѣ въ особенности недостаетъ *классическаго* образованія, т.-е. того общаго очеловѣченія, которое именно и называется «*humaniora*». При специальныхъ занятіяхъ естественными науками тебѣ будетъ мудрено сдѣлать многое, но нѣсколько образовавъ себя чтеніемъ и посѣщеніемъ какого-нибудь курса философскаго можешь воспитать себя сколько-нибудь и въ эту сторону. Безъ нея страшно то, что легко можно впасть въ ремесленничество науки и за множествомъ фактовъ потерять общность дѣла.

Товарищи тебѣ помогутъ въ отыскиваніи источниковъ или средствъ по части философіи. Напиши, кто читаетъ въ Вюрцбургѣ и что читаетъ и чѣмъ руководствуется по части философіи.

Далѣе, не забывай, что самое колоссальное орудіе многосторонняго образованія—чтеніе. Такъ какъ ты до сихъ поръ не былъ большимъ начетчикомъ, то ты можешь ограничиться тѣми книгами, о которыхъ записку мы разъ составляли.

Не мѣшаетъ ознакомиться и съ древностью,—не только по школьнымъ книгамъ. Возьми Фоссовъ переводъ Гомера, Софокль также хорошо переведенъ.

Историческія сочиненія постоянно надобно читать. Шлецера «Исторія XVIII ст.» очень полезна. Ты продолжай *in extenso* Альтгаузовы уроки. Я здѣсь нашелъ огромное сочиненіе на нѣмецкомъ—Страль и Германа: «*Geschichte des russischen Staates*». Возьми-ка ее въ библіотекѣ и прочти, напр., съ Петра I. А *propos*, когда будешь у Мар. Каспар., возьми у нея присланную мнѣ «Исторію Петра».

Ты себѣ отмѣть эти книги на запискѣ и мало-по-малу читай ихъ. Дальнѣйшія замѣчанія я сообщу тебѣ, когда ты мнѣ напишешь подробно о твоихъ занятіяхъ.

У насъ все идетъ постарому. Русскихъ бездна бываетъ (я, кажется, писалъ тебѣ о палкѣ, присланной мнѣ?).

30 сентября.

Тата ведетъ себя мило; Ольга, хотя и шалить, но все же ничего дурного нѣтъ. Она на тебя сердится, что ты ей не приложишь никогда особой записочки,—возьми какой-нибудь листокъ съ цвѣткомъ или видомъ и напиши. Тата тебя все такъ же любитъ и надѣется теперь на твой зимній прїѣздъ. Если будетъ возможно, разумѣется, прїѣзжай, а то обрастешь нѣмецкимъ мясомъ.

Въ воскр. я ѣду съ Татой къ Саффи, т.-е. къ его сыну Оттимію Маркъ-Авреличу.

Наконецъ, Бокэ и Мюллеръ явились въ прошлое воскресенье. Мюллеръ взялъ ванну пива съ собой, а Бокэ оставилъ двѣ—самыхъ подробныхъ свѣдѣній о второй сестрѣ отца своего, которая жила не въ Камбреѣ, а не далеко, вблизи, примѣрно четыре километра... но, быть можетъ, и 4 съ $\frac{1}{2}$ ... а нельзя ручаться, что и не три съ $\frac{1}{4}$ ...—это все продолженіе.

Фогта, какъ всегда, расцѣлуй. Что онъ, потолстѣлъ еще?

1124. [Примѣчанія] ¹⁾.

Мы опускаемъ начало письма, слишкомъ лестное для насъ и нашей дѣятельности, но искренно и душевно благодаримъ писавшаго за его теплыя слова.

Мы недавно слышали, что въ Полтавской губерніи помѣщикъ, котораго фамиліи намъ не сказали (знаемъ только, что онъ—графъ и генералъ), заставляетъ 200 душъ крестьянъ переселиться на неудобную землю съ земли, которой они владѣли больше ста лѣтъ. Не сообщить ли кто намъ имя его сіятельства?

Текстъ этого циркуляра былъ помѣщенъ въ 20 л. «Колокола». Протвердить его еще разъ не мѣшаетъ ²⁾.

Душевно жалѣемъ, что помѣстили ихъ ³⁾, но съ удовольствіемъ печатаемъ слѣдующія строки письма.

¹⁾ Въ весьма обширномъ «Письмѣ къ редактору» сообщается масса событій изъ петербургской жизни и о злоупотребленіяхъ разнаго рода лицъ..

²⁾ Циркуляръ о цензурѣ статей объ освобожденіи крестьянъ.

³⁾ Не совсѣмъ благоприятныя свѣдѣнія о С. С. Ланскомъ.

1125. Письмо къ сыну.

7 октября (1858).
Putney.

Любезный другъ, письмо твое отъ 4 пришло; я очень радъ, что семейная жизнь Фогга такъ хорошо устроилась, а то я побаивался. Что за причина болѣзни М-те Тесье и какіе симптомы? Кланяйся имъ обоимъ отъ меня. Если надо отслужить 5 недѣль, то отчего же ихъ и не отслужить, хотя и досадно, если это тебѣ помѣшаетъ пріѣхать ¹⁾).

Изъ того, что лекціи начинаются 3 нояб., ты видишь, какъ я былъ правъ, говоря, что ты безъ нужды торопишься.

Есть ли «Колоколь» и другія русскія книги въ продажѣ въ Женевѣ? ты спроси у Lauffer'a, къ тому же у него было депо книгъ,—можно спросить отчетъ. Фогту я пришлю «Unterbrochene Erzählungen», Мейзенбургъ переводъ.

Ашерстъ ²⁾ пріѣхалъ, но я его еще не видалъ. Вчера былъ у насъ Саффи съ сыномъ. Отчего же ты не пишешь насчетъ подарка Роккѣ?

Домъ, кажется, за нами останется тотъ, въ которомъ жилъ Маріо; вотъ мѣсто его ³⁾). Садъ огромный; цѣна 350 въ годъ, т.-е. 20 фун. дороже.

Дошла ли до тебя рѣчь Алекс. II къ московскому дворянству? Онъ ихъ оборвалъ отлично за то, что они не хотятъ освободить, и рѣчь велѣлъ напечатать. Если не читалъ (я думаю, «Nord» у васъ есть), я посылаю сегодня; Огар. стих. пришлю потомъ.

Напиши подробности о Доманже.

1126. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 октября (1858). Понедѣльникъ.

Я долженъ бы былъ благодарить васъ, цѣловать руки за превосходный рассказъ, который уже отданъ въ печать, а вмѣсто этого я не хочу браниться съ вами. Я потерялъ или заложилъ куда-то ваше письмо съ новымъ адресомъ; ну что же трудно вамъ, М. Г., было еще разъ написать? Такъ я и «Кол.» 25 № послалъ на старую квартиру и теперь не знаю, какъ писать. Отвѣчайте.

¹⁾ А. А. Герценъ долженъ былъ отбыть воинскую повинность въ рядахъ швейцарскихъ войскъ.

²⁾ W. Ashurst, англичанинъ, адвокатъ кружка Маццини.

³⁾ Нарисованъ планъ.

1127. Письмо къ сыну.

13 октября (1858).
Putney.

Въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ меня удивилъ совѣтъ Келли-кера ¹⁾. Что за трусость такая? и какъ же можно жить въ городѣ, гдѣ человѣкъ, ничего не сдѣлавшій, можетъ бояться преслѣдованія? Это zu deutsch ²⁾. Скажи объ этомъ Фогту ³⁾. Я очень радъ, что ты имѣлъ случай познакомиться съ отцомъ Фогта; это—замѣчательный старикъ. Переводилъ ли ты Фог., что я писалъ объ его семьѣ въ «Полярной Звѣздѣ»? Послѣднія страницы будутъ трудны.

Наконецъ, Ашерстъ былъ, и я его еще увижу сегодня у Саффи. Онъ тебя очень любитъ и рассказывалъ, какъ засталъ тебя Фаустомъ. ¹

Насчетъ занятій, разумѣется, надобно слушать Фогта, но о философіи онъ говоритъ, все же, вздоръ. Если бы былъ самый плохой доцентъ, то, все же, онъ можетъ дать тебѣ порядочныя книги, а ужъ это твое дѣло—выработать научный Stand-Punkt ⁴⁾, его не замѣнять ни обиліе свѣдѣній, ни опыты.

Отчего ты не пишешь подробно, чѣмъ именно занимается Тесье? Ты ему отъ меня очень кланяйся. Читалъ ли онъ письмо къ франкф. сенату, а пуще всего брошюру «La France ou L'Angleterre?»—Мнѣ интересно знать, какъ ее тамъ приняли.

А rrrros, можешь достать и прочесть «Исторію француз. революціи» Зибеля (Siebel),—вышелъ новый томъ.

О палкѣ я, кажется, писалъ тебѣ. Во время войны подъ Балаклавой, офицеръ, защищаясь отъ англичанина и потерявъ шпагу, срѣзалъ толстый сукъ виноградный и отбилъ имъ; этотъ сукъ, или трость, онъ съ друзьями своими обдѣлалъ ее съ набалдашникомъ изъ рѣзного серебра и съ бирюзой и небольшимъ топазомъ вверху и прислали мнѣ въ подарокъ; что, разумѣется, меня очень обрадовало.

¹⁾ Альбертъ, нѣмецкій фізіологъ въ Цюрихѣ.

²⁾ Слишкомъ по-нѣмецки.

³⁾ А. А—чу говорили, что ему небезопасно жить въ Цюрихѣ, гдѣ былъ Г. Гервегъ.

⁴⁾ Точка зрѣнія.

Четвергъ.

Новаго прибавить нечего. Воскресенія возстановились, и Иванъ Батистычъ ¹⁾ опять отличается, и у Мюллера столько же жажды, какъ было.

Въ нояб. «Колоколъ» будетъ мое письмо къ императрицѣ, — какъ же тебѣ въ Вюрцбургъ посылать? Пробу я сдѣлаю... А письмо это произведетъ шумъ.

Засимъ прощай. Наташа прилагаетъ длинную грамотку.

Скажи Фогту, что какъ выйдутъ «Записки» Екатерины, такъ я ему и Тесье пришлю по экземп.

А знаютъ ли у васъ о слухѣ, будто бы Charles Edmond ²⁾ былъ съ Напол. въ Варшавѣ?

◆◆ 1. Саффи указываетъ, что Герценъ въ это время сотрудничалъ въ итальянской газетѣ «Pensiero ed Azione» вмѣстѣ съ Кошутомъ, Огаревымъ и другими («Воспоминанія», V, 57). До сихъ поръ мнѣ не удалось найти этого изданія. Выше, на стр. 340, очевидно, говорится о статьѣ въ этой газетѣ.

1128. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 октября (1858).
Putney.

Еще разъ пишу наудачу, не зная вашего новаго адреса. Дѣло въ томъ, что Чичеринъ проситъ прислать письмо ³⁾ къ нему въ *Парижъ* поскорѣе (неужели я къ вамъ не писалъ объ этомъ?); онъ въ Парижѣ остается до 10 ноября; его адресъ: Rue du Faubourg St.-Honoré, № 38. Пожалуйста, отправьте.

У насъ всѣ цвѣтутъ... всѣ кланяются. Ваша исторія уже напечатана. А что скажете на то, что Тат. Петр. ⁴⁾ не пустили за границу? Закрев. сообщилъ, что она — родственница Яковл., который — отецъ Герц. Вотъ мерзость-то! ⁵⁾

¹⁾ Бокэ.

²⁾ Хоецкий.

³⁾ Для московскихъ друзей.

⁴⁾ Пассекъ.

⁵⁾ Объ этомъ во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 333—336.

1129. О бородѣ А. А. Иванова.

Когда мы писали наши печальныя строки о кончинѣ Иванова («Колоколь», листъ 22), мы не знали еще одной гнусной подробности его приѣма въ Петербургѣ. Одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ нагрубилъ ему за то, что онъ носилъ бороду.

Ради имени Христова подайте намъ фамилію этого осла!

Теряемся, теряемся въ этомъ омутѣ глупости, преступлений грубости и поневолѣ повторимъ стихи, ходившіе по рукамъ въ Петербургѣ, тѣмъ больше, что не видимъ никакого конца этому народонаселенію сѣдыхъ идиотовъ.

Грустно матушкѣ Россіи,
Грустно юному царю:
Царь покойный гнутъ лишь выи
Дворню выучилъ свою.
Грустно!—думаю я часто
Про отечество отцовъ:
Незабвенный лѣтъ, вѣдь, *на сто*
Заготовилъ дураковъ.

1130. Письмо къ неизвѣстному.

16 октября 1858.
Putney, Laurel House.

Статья объ «удѣльныхъ имѣніяхъ» назначалась нами въ 5 книжку «Голосовъ изъ Россіи»; половина ея (т.-е. V книжки) напечатана, и къ 1 ноября она выйдетъ. Если авторъ, несмотря на то, желаетъ, чтобы мы передали статью Франку, мы ее немедленно пришлемъ.

Намъ казалось, что ее лучше помѣстить въ «Голоса»! но мы также готовы помѣстить въ «Колоколь», не ближе 15 ноября.

Мы просимъ объ отвѣтѣ черезъ Трюбнера ¹⁾.

¹⁾ Статья напечатана въ VI кн. «Голосовъ изъ Россіи», 1859 г.

1131. Письмо къ сыну.

21 октября (1858)
Putney.

Пишу тотчасъ отвѣтъ на твое письмо. Вопросъ ¹⁾ долженъ быть рѣшенъ Карломъ Фогтомъ; разъ поручивъ ему это дѣло, мнѣ кажется, было бы странно и неделикатно безъ него рѣшать. Бернъ имѣетъ ту выгоду, что ты будешь жить въ почтенномъ домѣ, въ свободномъ государствѣ и, наконецъ, въ Швейцаріи, гдѣ ты натурализованъ. Вюрцбургъ, можетъ, больше Берна представилъ бы уединенную школу, но главное, мой другъ, не въ географическомъ положеніи уни́верситета, а во внутреннемъ расположеніи и въ упорной работѣ. Учиться ты могъ бы и здѣсь, особенно въ Эдинбургѣ, но я самъ считалъ, что постановленіе на собственныя ноги, т.-е. освобожденіе отъ родительскаго дома, должно сдѣлать перемѣну и, наконецъ, дать тебѣ случай окончательно показать, *работникъ ты или трутень*. Поэтому я не имѣю ничего противъ Берна, но и не рѣшу ничего безъ Фогта женевскаго.

У Адольфа Фогта должны быть мои книги, картинки и собраніе (теперь очень рѣдкое) журналовъ 1848 года. Спроси у него, цѣло ли все это, и, если цѣло, напиши, что и что найдешь.

Тамъ есть экземп. 50 «V. and. Ufer»; десятокъ можешь раздарить.

Если ты останешься въ Бернѣ, я могу тебѣ прислать цѣлый ящикъ русскихъ книгъ черезъ Трюбнера.

Что касается до денегъ, я тутъ не долженъ самъ писать. Ты получаешь въ годъ 3,000 фр.,—разочти съ Адольфомъ или одинъ. На квартиру, столъ, мытье бѣлья ты можешь употребить до 1,500 фран.; довольно ли это, много ли, это зависитъ отъ цѣнъ. Фогту я пишу съ этой же почтой, кладу письмо въ тотъ же пакетъ.

Ты отгадалъ. Туманъ такъ силенъ, что я едва могу писать безъ свѣчи въ 11 часовъ.

Получилъ ли ты мои письма или нѣтъ? Прощай. Будь здоровъ.

¹⁾ О томъ, гдѣ начинать учиться А. А. Герцену.

1132. Письмо къ императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Государыня,

У насъ нѣтъ настоящаго, и поэтому неудивительно, что насъ больше всего занимаетъ будущее нашей родины. Первые всходы послѣ суровой и продолжительной зимы поблекли, едва давъ ростки... и мы стали бѣднѣе, чѣмъ были прежде, бѣднѣе всей ненавистью, которую утратили, всѣмъ негодованіемъ, которое смягчилось. Мы поддались весеннему вѣянію, раскрыли давно закалившіяся сердца чувствамъ, незнакомымъ съ дѣтства... но намъ не было суждено видѣть исполненіе ни этихъ мечтаній, ни другихъ... Народы и цари въ наше промежуточное время остаются при воззваніяхъ и афишахъ. Слѣдующему поколѣнію, *можетъ*, будетъ принадлежать дѣйствіе и драма.

Мы не завидуемъ. Наше дѣло близко къ концу... Скоро пройдемъ мы, истощенные, но не низложенные тридцатилѣтней борьбой. Пусть новое поколѣніе, идущее обновить насъ, найдетъ лучшее употребленіе своихъ силъ. И Вы, Государыня, можете этому способствовать на первомъ планѣ.

Но несчастью, очень многое въ судьбахъ самодержавныхъ монархій зависитъ отъ личности царя. Петръ I недаромъ жертвовалъ своей реформѣ династическимъ интересомъ и жизнью своего сына. «Je ne suis qu'un heureux hazard»¹⁾ Александра I перешло въ исторію. Вотъ въ этой-то азартной игрѣ Вы можете увеличить счастливые шансы въ пользу ближайшаго будущаго Россіи.

До сихъ поръ воспитаніе наслѣдника престола въ Вашихъ рукахъ, года черезъ два оно ускользнетъ изъ нихъ.

Подумайте объ этомъ... однѣ, когда шумъ дворовый уляжется, когда весь этотъ ненужный вихрь приемовъ, пустыхъ рѣчей, пустыхъ отвѣтовъ успокоится, когда *сядутъ* всѣ андреевскія и владимірскія звѣзды, и Вы—женщина и мать—останетесь однѣ съ Вашей совѣстью... Подумайте тогда о великой отвѣтственности, о великомъ долгѣ, лежащемъ на Васъ...

О Васъ говорятъ, что Вы умны, что современное вѣяніе идей недаромъ проходило сквозь двойныя рамы Зимняго дворца; о Васъ говорятъ, что Вы желаете освобожденія крестьянъ. Это очень много.

Вылюбите Россію,—это не можетъ быть иначе. Какъ же Вамъ не любить ту страну, которая, окруживъ Васъ всѣми благами, на-

¹⁾ Я—только счастливая случайность.

дѣла на Васъ императорскую мантию. И это не все: у Васъ съ народомъ образовалась другая связь. Корона, падшая на главу Вашу въ мрачную годину войны и внутренняго запусѣнія, представляла для народа исходъ къ новой жизни. Онъ съ дѣтской вѣрой встрѣтилъ новое царствованіе. Вы дѣлили вмѣстѣ съ государемъ тѣ взрывы народнаго восторга, которые въ Россіи не были слышны съ тѣхъ поръ, какъ Александръ I, усталый отъ торжества, возвращался въ 1815 г. изъ Парижа на пепелище Москвы. Какъ же вамъ не любить Россіи! Къ тому же въ этой странѣ пульсъ бьется сильно; въ самомъ ея неустройствѣ, въ ея неловкихъ движеніяхъ чувствуется молодая мощь, чувствуется, что въ этой колыбели, въ этихъ туго затянутыхъ свивальникахъ расправляетъ члены будущая исторія. Участвовать въ ростѣ и судьбахъ такого народа—огромное, великое дѣло.

Вамъ Ваше сердце матери давно указало, что Вы можете сдѣлать, чѣмъ Вы должны благодарить народъ. Вы сдѣлали опытъ спасти Вашего сына, будущаго царя, отъ худшаго воспитанія въ свѣтѣ,—отъ воспитанія великокняжескаго, т.е. солдатскаго, окруженнаго военной дисциплиной и нѣмецкимъ кліентизмомъ. Вся Россія радовалась, услышавъ, что люди высокаго, и притомъ *штатскаю*, образованія призваны Вами. Многие думали даже, что увидятъ Вашего сына на лавкахъ московскаго университета,—этого Севастополя науки и образованія, свято, самоотверженно поддерживавшаго свое знамя истины и мысли въ продолженіе тридцатилѣтняго гоненія. И увидятъ его тамъ безъ пикета генераль-адъютантовъ, безъ прикрытія тайной и явной полиціи, такъ, какъ видятъ въ аудиторіяхъ сына королевы Викторіи. И мы издали благословляли Васъ... Но это не могло нравиться *Черному кабинету*—чему же тутъ дивиться? Развѣ Вы прежде не знали этихъ людей, которые, какъ бревно, мѣшаютъ всякому прогрессу, гласности, открытымъ судамъ препятствуютъ освобожденію крестьянъ? Какъ же они могли равнодушно смотрѣть на то, что сынъ Вашъ получить человѣческое образованіе? Довольно того, что Лагарпъ чуть не испортилъ Александра I. Но Вы-то зачѣмъ такъ скоро измѣнили Ваше мнѣніе и такъ запнулись на первомъ шагу? Зачѣмъ же въ дѣлѣ такой важности Вы не только допустили, чтобъ закулисная интрига, подтасованная въ застѣнкѣ Третьяго отдѣленія, вытолкнула изъ учебной Вашего сына людей, на которыхъ Россія и Вы сами смотрѣли съ довѣріемъ, но допустили, чтобъ ихъ мѣсто занялъ какой-то бездарный нѣмецкій школяръ?

Вѣдь, не Гессенъ-Дармштадтскаго наслѣдника Вы ему ввѣряете... да и того было бы жаль. Что же знаетъ этотъ нѣмецъ о Россіи что онъ понимаетъ въ ней, что ему за дѣло до нея? Онъ по воль-

ному найму пошелъ бы точно также учить сына алжирскаго дея... Бьется ли его сердце отъ русской пѣсни и обливается ли оно кровью при слухѣ о рекрутскомъ наборѣ, о неистовствахъ помѣщичьихъ о чиновничьемъ грабежѣ?.. Стихъ Пушкина родной ли ему, и понятенъ ли ему быть нашего мужика?.. Чему научить этотъ *чужой* Вашего *русскаю* сына?.. Или Вы не знаете высокообрную ненависть нѣмцевъ ко всему русскому, ихъ отвращеніе къ намъ, которое они едва могутъ скрывать подъ личиной кліентизма и низкопоклонства-напоминающихъ рабовъ-грамматиковъ древняго міра?

Да, но нѣмецъ нѣмцу рознь. Конечно, но, вѣдь, Вы не Шиллера какаго-нибудь взяли или не Форстера, а Августа-Теодора *фонъ-Гримма*.

Посмотримъ, что это за *фонъ-Гриммъ*. Я развертываю его «Wanderungen nach Südosten» ¹⁾. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ посвященіи Константину Николаевичу: «Но эти прекрасныя воспоминанія помрачатся черно-печальной мыслью, что великій мужъ, подъ покровительствомъ и благословеніемъ котораго мы путешествовали, не существуетъ болѣе въ средѣ нашей, тотъ великій императоръ, котораго вы называете отцомъ, въ которомъ Россія находила свою гордость и славу и на котораго Европа, обуреваемая смутами, смотрѣла, какъ на незыблемую полярную звѣзду. Величіе его созданій и дѣлъ всего лучше измѣряются числомъ и усиленіемъ его противниковъ, которые, желая разрушить его творенія, только уничтожаютъ свою славу».

Государыня, будьте откровенны и скажите, неужели какой-нибудь нѣмецъ могъ *искренно, добросовѣстно* сказать такую пошлую такую неумѣренную лесть?.. Я увѣренъ, что Вы этого не думаете если же Вы не думаете, то какъ же Вы могли допустить этого сладкоглаголиваго льстеца до участія въ воспитаніи наслѣдника? Грубая похвала иногда можетъ нравиться, за нее даютъ табакерку, перстень, но какъ же награждать душою отрока... Бѣдный мальчикъ—Вашъ сынъ! Да будь онъ кто-нибудь другой, намъ дѣла не было бы до него; мы знаемъ, что большая часть аристократическихъ дѣтей у насъ воспитывается очень дурно. Но, вѣдь, съ его развитіемъ связаны судьбы Россіи, и вотъ оттого-то у насъ на душѣ тяжело, когда мы слышимъ, что къ нему приставленъ чело-вѣкъ, который могъ напечатать эти строки. Чтó, если сынъ Вашъ повѣритъ, что Николай былъ величайшимъ мужемъ XIX вѣка, да и захочетъ ему подражать?

Или, можетъ, сторону государственной мудрости и пониманія

¹⁾ Berlin, 1855. А. И. Г.

Руси вперить ему Зиновьевъ? Ну, а этотъ гдѣ сталъ педагогомъ и отчего онъ способнѣе пятидесяти... пятисотъ дивизионныхъ и всяческихъ генераловъ, командующихъ сиплымъ голосомъ и воспитывающихъ палкой солдатъ? Мы знаемъ за нимъ одну добродѣтель—нѣжную любовь къ брату, котораго онъ всѣми неправдами вывелъ изъ какихъ-то смотрителей смирительнаго дома въ попечители харьковскаго округа и отстоялъ его противъ правыхъ студентовъ. Но эти семейныя добродѣтели, цѣнимыя въ Аркадіи, равняются преступленіямъ въ государственныхъ сферахъ. Да, наконецъ, будь Зиновьевъ образованъ, какъ Закревскій,—ораторъ, какъ Панинъ,—чистъ, какъ Ростовцовъ, и—цѣломудрентъ, какъ Бутковъ,—развѣ нельзя было сыскать на мѣсто людей, оттертыхъ имъ и интригой Чернаго кабинета, русскихъ, образованныхъ, любящихъ отечество и *не носящихъ эполеты?*

Эполеты—великое дѣло; военный мундиръ, какъ ряса монаха, отрѣзываетъ человѣка отъ прочихъ людей: ни монахъ, ни военный не равные намъ, для того они и помѣчены. Они оба не полные люди, люди въ исключительномъ положеніи. У одного руки сложены, какъ у мертвеца, у другого—вѣчно подняты, какъ у дерущагося. Ни смерть, ни убійство не составляютъ лучшей минуты жизни.

Званіе русскаго царя не есть военный чинъ. Пора оставить дикую мысль завоеваній, кровавыхъ трофеевъ, городовъ, взятыхъ приступомъ, разоренныхъ деревень, потоптанныхъ жатвъ,—что за мечтанія Нимврода и Атиллы? Время этихъ бичей человѣчества, въ родѣ Карла XII и Наполеона, минуетъ. Все, что требуетъ Россія—основано на мирѣ, возможно при мирѣ; Россія жаждетъ внутреннихъ перемѣнъ, ей необходимо новое гражданское и экономическое развитіе, а войско и безъ войны мѣшаетъ тому и другому. Войско—разореніе, насиліе, притѣсненіе; его основаніе—безмолвная дисциплина; солдатъ потому и вреденъ гражданскому порядку, что не разсуждаетъ, съ него снята отвѣтственность, отличающая человѣка отъ животнаго.

Научите Вашего сына носить фракъ, перечислите его въ гражданскую службу,—Вы сдѣлаете ему великое благо. Займите его умъ чѣмъ-нибудь болѣе благороднымъ, нежели вѣчная игра въ солдаты; учебная наслѣдника престола не должна походить на кордегардію. Это—особенность прусскихъ принцевъ и другихъ мелко-нѣмецкихъ князьковъ. Королевскій домъ въ Англіи не хуже, кажется, другихъ, отчего же принцъ Уэльскій, вмѣсто того, чтобы учить какихъ-нибудь Horse-Guard, Royal-Blue ¹⁾ или Gold-Stick ²⁾, сидитъ за микроскопомъ и занимается зоологіей?

¹⁾ Названія полковъ.

²⁾ Полковникъ королевской гвардіи.

Съ какимъ глубокимъ огорченіемъ слышимъ мы рассказы, какъ къ наслѣднику посылаютъ кадетъ для игры и какъ они въ залахъ Зимняго дворца играютъ въ войну... въ черкесовъ и русскихъ... Какая пустота, какая бѣдность интересовъ, какое однообразіе... и при томъ какой нравственный вредъ! Неужели Вы никогда не подумали, что значить эта игра, что она представляетъ... зачѣмъ ружья, штыки, сабли, зачѣмъ эти биваки, для которыхъ камеръ-лакей зажигаетъ спиртовую лампу на полу, вмѣсто костра? Вся эта игра представляетъ *несчастіе* сраженій, т.-е. гуртовое убійство, торжество грубой силы... тутъ недостаетъ одного — крови по колѣна, стона раненыхъ, груды труповъ и дикихъ криковъ побѣдителей. Что же это за дѣтская игра, что за *дрессировка* въ безчеловѣчье или въ безсмысліе, когда это вырождается въ одно капральство?

Къ тому же все это окружено ложью, обманомъ, —кадетамъ подъ страхомъ наказаній приказываютъ хвалить начальниковъ и содержаніе, говорить, что у нихъ всегда такое тонкое бѣлье и пр... Полнѣйшее растлѣніе дѣтства! Вы этого не знаете, —очень можетъ быть; но согласитесь, что если мы въ Лондонѣ можемъ знать, то Вамъ черезъ улицу еще легче. Но въ этомъ-то и задача шайки стариковъ и интригановъ, окружающихъ Васъ обоихъ... Они — темная вода въ вашихъ глазахъ, они застытъ истину; спросите кого-нибудь изъ Гриммовъ, правда ли все это, —онъ навѣрное скажетъ, что нѣтъ... что кадеты благоденствуютъ, вознося къ небу молитвы за августѣйшій домъ и Іакова Ростовцова, и что у нихъ только одна печаль и есть: печаль о «Незабвенномъ» отцѣ отечества, величайшемъ монархѣ XIX столѣтія.

Не думайте, чтобъ увлеченные сентиментальностью, мы хотѣли сказать, что военная наука и военное ремесло бесполезны для наслѣдника. Нѣтъ! Печальная необходимость середь мира держать себя наготовѣ къ отпору обуславливаетъ необходимость военного устройства. Готовясь быть главою государства, наслѣдникъ долженъ знать и военную часть, но какъ *часть*; финансовые и гражданскіе вопросы, судебные и социальныя имѣютъ гораздо больше правъ на то, чтобъ онъ ихъ зналъ, и зналъ ихъ хорошо.

Не жалко ли видѣтъ великихъ князей, изучившихъ до мелочей форму каждаго полка, постигнувшихъ всѣ тайны метанья ружьемъ, командованія по-взводно и по-батальонно и не знающихъ ни гражданского дѣлопроизводства, ни предѣловъ разныхъ властей, ни хозяйственнаго состоянія разныхъ странъ Россіи, чуждыхъ русской литературѣ и тѣмъ современнымъ вопросамъ, которые колеблютъ міръ, потрясаютъ весь родъ людской? Спросите любого изъ нихъ, и вы увидите, правы ли мы. Да и зачѣмъ спрашивать, —

посмотрите, какъ бесплодна ихъ жизнь, какъ бесполезны ихъ скитанія по Россіи... Одинъ ѣдетъ смотрѣть конскіе заводы, другой — стѣны какой-нибудь цитадели, третій—выправку пятой дивизіи или пятнадцатой...

Страшно подумать, до чего дошла стертая пустота великокняжескихъ существованій у насъ... Возлѣ Васъ жилъ и умеръ человекъ, можетъ, отъ природы одаренный добрымъ сердцемъ, но котораго вся жизнь прошла въ какомъ-то ненужномъ недосугѣ, въ безцѣльной суетѣ... Чѣмъ Михаилъ Павловичъ отмѣтилъ свою біографію, прошедшую возлѣ самага трона?.. Развѣ своимъ фельдцеймейстерствомъ...

Михаилъ Павловичъ не зналъ Россіи, онъ и Петербурга не зналъ, онъ зналъ гвардейскій корпусъ, артиллерію, кадетъ... и умеръ. пріѣхавъ съ ученія и отдавъ императорскую честь Паскевичу... Онъ никогда не былъ употребленъ ни на что дѣльное. Попавши съ молодыхъ лѣтъ въ марсово колесо фронтовъ и ученій, ему не было времени одуматься: въ семь часовъ рапортъ, въ восемь—пріемъ, въ девять—парадъ, въ десять—ученіе со стрѣльбой, а тутъ чистота кадетскихъ корпусовъ, выправка ребятишекъ, а тамъ пятнадцать верстъ въ часть,—ямщики избиты, лошади надорваны; летитъ за двѣ тысячи верстъ,—что случилось?—осматривать вторую армію! Опять ученіе, опять маршируютъ солдаты тихимъ и скорымъ шагомъ, пыль столбомъ, скука, распеканье... Это ужасно!

Есть; дѣйствительно, что-то зловѣщее и тупое въ этой страсти къ солдатамъ, она невольно напоминаетъ несчастнаго голштинскаго принца, невзначай попавшаго, вмѣсто прусскихъ каптенармусовъ, въ русскіе императоры, который цѣлые дни игралъ въ деревянные солдаты и вѣшалъ по военному суду крысъ на стѣнахъ крѣпости изъ картонной бумаги...

Государыня, спасите Вашихъ дѣтей отъ этой будущности!

Я очень знаю, что мои слова, если они дойдутъ до Васъ, удивятъ Васъ своей дерзостью: рѣзкая рѣчь свободнаго человека какъ-то дико раздается въ залахъ Зимняго дворца. Но побѣдите Ваше негодованіе и вникните въ смыслъ моихъ печальныхъ словъ,—Вы, можетъ, въ нихъ найдете слѣды великой скорби, разѣдающей сердце, и больше чистаго желанія блага Россіи безъ всякихъ личныхъ видовъ, чѣмъ обиды и дерзости.

Вы стоите слишкомъ высоко, чтобъ обидѣться, я — слишкомъ независимо, чтобъ быть держимъ.

Въ старыя годы цари снимали съ себя иногда порфиру и, одѣваясь простыми смертными, ходили по рынкамъ и площадямъ, вслушиваясь въ говоръ народный и поучаясь житейской мудрости въ

толпѣ. Нынче это вывелось, да оно и не нужно: свободная рѣчь сама проникаетъ за кавалергардовъ. Не отталкивайте ее, подумайте объ ней, и, если Вамъ это пріятнѣе, забудьте, кто ее писалъ, хотя онъ искренно желаетъ Вамъ добра.

Искандеръ.

1 ноября 1858, Лондонъ. 1
Вольная Русская типографія.

◆◆ 1. Умѣренный Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ 19 ноября: «Письмо, я слышалъ, отличается хорошимъ тономъ и очень умно. Оно произвело сильное впечатлѣніе при дворѣ» (т. I, 535).

Очень освѣдомленный Э. А. Оомъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Однажды въ Царскомъ Селѣ А. Э. Гриммъ попросилъ меня зайти къ нему, чтобы прочесть съ нимъ статью Герцена въ «Колоколѣ». Экземпляръ этотъ былъ ему, Гримму, данъ для прочтенія императрицу Марію Александровну. Статья была ругательная. Герценъ бранилъ безпощадно самого Гримма и лицъ, его рекомендовавшихъ. Можно себѣ представить мое положеніе: нужно было перевести ему вслухъ эту брань. Хотя я всячески старался смягчать выраженія, но роль моя была, все-таки, незабавна. Съ одной стороны, жаль было старика, съ другой же,—я не могъ не согласиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ доводами Герцена. Гриммъ *fait jaune* (принужденно смѣялся)» («Рус. Архивъ» 1896, VIII, 569).

1133. Насъ упрекаютъ.

Насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимъ крупно.

Насъ упрекаютъ свирѣпо-красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

Насъ упрекаютъ славянофилы въ западномъ направленіи.

Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ, совсѣмъ напротивъ,—на жарь.

На сей разъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему упреку.

Онъ вызванъ двумя или тремя признаніями, что мы *ошиблись*, что мы были *увлечены*. Не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошибались и увлекались со всей Россіей: мы не отклоняемъ отвѣтственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть послѣдовательны, *единство*—необходимое условіе всякой пропаганды, съ насъ въ правѣ его требовать. Но, принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

Итти по одной линіи легко, когда имѣешь дѣло со спѣтымъ порядкомъ дѣлъ, съ послѣдовательнымъ образомъ дѣйствія,—что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно ли было быть послѣдовательнымъ во время прошлаго царствованія?

Но мы этого *единства* не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II: онъ то является освободителемъ крестьянъ, реформаторомъ, то грозитъ растоптать едва всходящіе ростки.

Какъ согласить рѣчь его къ московскому дворянству и генераль-губернаторство Закревскаго?

Какъ согласить облегченіе цензурныхъ путей и запрещеніе писать объ освобожденіи крестьянъ съ землею?

Какъ согласить амнистіи, желанія публичности съ проектомъ Рѣстовцова ¹⁾, съ силой Панина?

Фридрихъ II говорилъ, что онъ не боялся ни одного генерала такъ, какъ Салтыкова ²⁾, потому что никогда не могъ догадаться за минуту впередъ, какое движеніе онъ сдѣлаетъ: Салтыковъ всѣ ихъ дѣлалъ зря.

Шаткость въ правительствѣ отразилась въ нашихъ статьяхъ. Мы, слѣдуя за нимъ, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по переменному вѣтру, дующему съ Невы.

Конечно, тотъ, кто, останавливая надежду и страхъ, молча выждетъ результата, тотъ не ошибется. Надгробное слово исторіи гораздо больше предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, — люди, производящіе слѣдствія, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ

¹⁾ О раздѣленіи Россіи на генераль-губернаторства.

²⁾ Графъ Петръ Семеновичъ.

положительной наукѣ, люди обдуманые, точные доживаютъ до старости лѣтъ, не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ ни ореографическихъ, ни иныхъ ошибокъ; а люди, брошенные въ борьбу, исходятъ страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ, много разъ споткнувшись.

Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи, все отталкивающего, мы имѣемъ незыблемыя основы, страстныя сочувствія, проводившія насъ отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ; въ нихъ у насъ нѣтъ *леикомыслія*, нѣтъ *колебанія*, нѣтъ *уступковъ*. Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія безконечно различны; которое изберется... въ этомъ поэтической капризъ исторіи,—мѣшать ему неучтиво.

Освобожденіе крестьянъ съ землею — одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ ли это освобожденіе «сверху или снизу», — мы будемъ за него! Освободятъ ли крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклѣтыхъ враговъ освобожденія, — мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ ли крестьяне себя отъ комитетовъ, во-первыхъ; а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты, —мы первые поздравимъ ихъ братски и также отъ души. Прикажетъ ли, наконецъ, государь отобрать имѣнія у крамольной аристократіи, а ее выслать... ну, хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву, мы столько же отъ души скажемъ: «быть по сему».

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, — совѣмъ нѣтъ: наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобъ крестьяне были освобождены съ землею, то изъ-за средствъ спора мы не поднимаемъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя, такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать и сочувствуя каждому шагу, согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться; всегда будемъ очень рады, когда «ученые друзья наши», спокойно сидящіе въ сторожкахъ на берегу, прокричатъ намъ «правѣе или лѣвѣе» держаться; но мы желали бы, чтобъ и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью пловцовъ, нежели намъ плыть... и притомъ такъ далеко отъ берега.

Изъ-за стѣнъ доктрины, какъ изъ-за монастырскихъ стѣнъ, спологоря смотрѣтъ на тревоженіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекаютъ друиыхъ*.

1134. Сѣнущее православіе.

Англійскіе, бельгійскіе и нѣмецкіе журналы («Morning Advertiser», «Indépendance», «Allgemeine Zeitung» и др.) рассказываютъ, заимствуя изъ позенской газеты, страшную исторію новаго злодѣйства русской администраціи въ западныхъ краяхъ. Гродненской губ., Волковысского уѣзда, деревня Порозово перешла изъ униі къ греческой церкви въ то душеспасительное время, когда Николай съ благочестивымъ свирѣпствомъ *встѣкала* униатъ въ православіе. Попъ имъ достался какой-то мошенникъ, притѣснявшій ихъ и грабившій. Мужики, услышавъ, что новый государь поладилъ съ католическимъ духовенствомъ, перешли опять въ унию. Попъ донесъ. Генераль-губернаторъ Назимовъ отправилъ туда отрядъ солдатъ, шайку полиціи и своего адъютанта Попова. Вооруженная орава эта напала на деревню и безъ суда и слѣдствія *перепоролла всѣхъ*; говорятъ, что нѣсколько человѣкъ умерли подъ наказаніями.

Если это выдуманно или увеличено, пусть Назимовъ оправдывается, а до тѣхъ поръ мы будемъ считать это со всей Европой за истину. Впрочемъ, тутъ невѣроятнаго ничего нѣтъ, это все совершенно въ нравахъ аракчеево-бибиковской школы. Давно ли Сѣмашко свирѣпствовалъ тому же *стѣжущему* православію? Разумѣется, раскольники правы, презирая полицейскую церковь, благословляющую розгами и поддерживаемую разбойниками съ аксельбантами и сыщиками въ камилавкахъ.

Кстати, мы слышали на дняхъ, что не только рязанскіе, но и московскіе крестьяне молятся за убиеннаго Новосильцовымъ и его сообщниками старца въ Дѣдновѣ (см. «Колоколъ» № 26)¹⁾, причисляя его къ святымъ мученикамъ!... Несчастливая Русь!—сколько страдальческой крови пролито на пажитяхъ твоихъ! твои нивы—поля битвы, битвы свирѣпой, въ которой все злодѣйство съ одной стороны. Сколько устъ замкнулось на вѣки вѣковъ подъ позорной розгой твоихъ палачей-помѣщиковъ, воровъ-чиновниковъ и пьяной полиціи!

Забудь это, когда наступятъ дни твоего свѣтлаго воскресенія—прости дѣтямъ свирѣпныхъ враговъ твоихъ, просто потому, что месть, чтобъ быть достойной зла,—была бы слишкомъ велика!

¹⁾ Въ с. Дѣдновѣ, оставшемся безъ владѣльца послѣ смерти гр. Толстого, рязанскій губернаторъ Новосильцовъ звѣрски усмирять крестьянъ, добивавшихся перевода ихъ въ вольные хлѣбопашцы, который и слѣдовало сдѣлать, согласно завѣщанію.

1135. [О Ф. П. Фонтонѣ].

Говорятъ, что извѣстный дипломатъ нашъ Фонтонъ ¹⁾, осужденный докторами на самую тощую діету изъ всѣхъ діетъ, съ негодованіемъ отвергаетъ приписанное нами ему вліяніе на преслѣдованіе во Франкфуртѣ «Колокола», о чемъ мы въ свое время и утруждали правительствующій сенатъ того города всепокорнѣйшимъ нашимъ прошеніемъ. Мы съ искреннимъ удовольствіемъ услышали о негодованіи г. Фонтонна (само собою разумѣется, мы говорили не о лицѣ, а о русскомъ резидентѣ, и это такъ справедливо, что въ первой статьѣ назвали его Лабенскимъ). Мы были увѣрены, что всѣ дѣльные русскіе дипломаты (въ числѣ которыхъ считаемъ и г. Фонтонна) ясно понимаютъ, что ничего нѣтъ общаго между сношеніями Россіи съ другими державами и вертепомъ III Отдѣленія. Дѣлать жандармовъ изъ пословъ — изобрѣтеніе Николая. Поццо ди Борго, Паленъ и др. старались ему объяснить, что не всякій способенъ быть Дубельтомъ. Покойникъ этого не понималъ и съ тѣмъ изволилъ отбыть въ Петропавловскую крѣпость.

1136. Приглашеніе къ сотрудничеству.

Насъ увѣряютъ, что рѣчь государя къ московскимъ плантаторамъ не была напечатана въ русскихъ газетахъ. Государь подъ надзоромъ полиціи, подъ цензурой помѣщиковъ испытываетъ теперь на себѣ, каково жить въ странѣ безъ гласности.

Вѣрныя нашей программѣ, мы предлагаемъ Александру II всякій разъ, когда цензура не пропуститъ его рѣчи или что другое, присылать въ «Колоколъ». Запрещенную рѣчь егѳ мы помѣстимъ съ удовольствіемъ; мы только не принимаемъ то, что имѣетъ цѣлью поддерживать рабство и самоуправство въ Россіи,—все это можетъ безъ нашего содѣйствія печататься въ Россіи.

1137. [О духовенствѣ].

¿ Правда-ли, что православное духовенство, скопившее страшныя богатства по монастырямъ, обирающее свѣчами, масломъ и другими поборами народъ русскій, предлагаетъ христіанливо всѣ сии богатства на выкупъ крестьянъ съ землею?—*Нѣтъ, не правда!*

¹⁾ Феликсъ Петровичъ.

1138. Отъ часу нелегче—кража 80 верстъ!!

Англійскіе журналы съ гомерическимъ смѣхомъ разсказываютъ что при новомъ измѣреніи разстоянія между Москвою и Петербургомъ, сдѣланномъ извѣстнымъ астрономомъ Струве, оказывается, что казна заплатила за *восемьдесятъ* лишнихъ верстъ!

Что, почтенный Петръ Андреевичъ ¹⁾, астрономія-то подѣбла,—недаромъ вы съ Николаемъ Павловичемъ такъ ненавидѣли науку!

«Усердіе все превозмогаетъ» ²⁾ — даже *растягиваетъ пространство!*

Мы покорнѣйше просимъ г. Чевкина ³⁾ сообщать намъ о слѣдствіи, назначенномъ по этому дѣлу; неужели и тутъ виновны будутъ скрытые, какъ по дѣлу крымскихъ злоупотребленій, потому что замѣшаны полные генералы?.. должно быть, они самому государю даютъ взятки?.. Безнаказанность воровъ, поставленныхъ такъ высоко, что ихъ, какъ адмиралтейскій шпицъ, видно отовсюду, служить особеннымъ поощреніемъ маленькимъ воришкамъ.

1139. [„Колоколь“ государю].

Мы отправили прошлый листъ «Колокола» въ конвертъ на имя государя. Важность «Дѣдновскаго дѣла» побудила насъ къ этому. Надѣмся, что Долгоруковъ не скрылъ его. ¹⁾

◆ 1. Очень ловкая замѣтка: номеръ съ письмомъ къ императрицѣ, конечно, не могъ не быть показанъ государю, а изъ него онъ узналъ, такимъ образомъ, что въ предыдущемъ номерѣ было описаніе возмутительнаго дѣдновскаго дѣла.

1140. Письмо къ сыну.

10 ноября (1858).
Putney.

Ты знаешь мое мнѣніе обо всѣхъ студентскихъ комершахъ и ассоціаціяхъ: тутъ живого нѣтъ ничего, и просто бросаться въ

¹⁾ Гр. Клейнмихель, наблюдавшій за постройкой Николаевской ж. дор.

²⁾ Девизъ графскаго герба Клейнмихеля.

³⁾ Преемникъ Клейнмихеля по вѣдомству путей сообщенія.

нихъ, не думаю, чтобы было полезно. Лучше было бы подольше выбирать; твое положеніе, совершенно независимое, позволяло тебѣ стоять особо.

Далѣе, что значить *консервативное* общество? мѣщанское что ли? въ такомъ случаѣ ты можешь понять, что одно имя, которое ты носишь, не можетъ тебя допустить въ сообщество съ бернскими патриціями—врагами всего того, что я представляю. *Un tout cela* ¹⁾, я не могу сказать, чтобы это мнѣ принесло особое удовольствіе.

Совѣтую тебѣ печатать письма приличной печатью или облаткой, а не концомъ ножа,—это *negligé* только допускается въ перепискѣ съ дѣтьми или съ очень близкими товарищами. Книги я пришлю, когда ты мнѣ напишешь, какія ты требуешь; я тебѣ писалъ о русскихъ. Отвѣты твои всѣ неопредѣленны, объ этомъ я писалъ въ прошломъ письмѣ.

Я, напримѣръ, не имѣлъ отвѣта на вопросъ о книгахъ, посланныхъ мною въ Женеву къ Лауферу; да и еще на многое жду отвѣта, напр., о томъ, какъ финансовое твое положеніе у Фогта и пр.

Домъ мы окончательно наняли, если не сдѣлаютъ какихъ гадостей; садъ превосходный, комната для тебя будетъ.

Наконецъ, Грассъ отлилъ мой бюстъ 8 ноября, стало, онъ проработалъ больше двухъ съ половиной мѣсяцъ. Бюстъ очень удаченъ.

Засимъ прощай и будь здоровъ.

1141. [Гр. В. Н. Панинъ].

Посторонитесь, господа, посторонитесь! Его Сіятельство, Графъ Викторъ Никитичъ изволить итти... дайте дорогу министру!..... и мы всѣ статьи «Колокола» подвинули... Пожалуйте, Ваше Сіятельство, на первое мѣсто ²⁾.

1142. [І. Сѣмашко].

Мы получили на дняхъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ православнаго разбоя въ Гродненской губерніи, о которомъ мы писали въ прошломъ листѣ. Итакъ, эта ужасная исторія справедлива, и гнусный Сѣмашко *выстѣхъ* себѣ

¹⁾ Въ виду всего этого.

²⁾ Вслѣдъ за этимъ идетъ статья: «Несчастный опытъ домокрадства (эпизодъ изъ жизни графа В. Н. Панина)».

новый памятникъ на спинѣ беззащитныхъ жертвъ. Со стороны гражданскаго начальства истязаніемъ завѣдывалъ окружной Новицкій. Этотъ полицейскій апостоль сѣкъ людей до тѣхъ поръ, пока мучимый соглашался *принять причастіе отъ православнаго попа*. Одинъ 14-лѣтній мальчикъ послѣ двухсотъ розогъ отказался отъ такого общенія со Христомъ, его снова начали сѣчь, и тогда только, уступая страшной боли, онъ согласился. Православная церковь восторжествовала! «Все дѣло скрыто», прибавляетъ корреспондентъ. Но *все дѣло можно открыть* — прибавляемъ мы!

А каковъ попъ-разбойникъ, стоявшій съ потиромъ во время пытки! Сѣмашко, во Христѣ православный, митрополитъ Юсифъ, во Іудѣ предатель, палачъ, заслужившій европейскую извѣстность. мастерски выбираетъ и хиротонисаетъ по святому восточной церкви обряду своихъ заплечныхъ іереевъ. Позоръ! позоръ!

Въ какихъ отношеніяхъ съ Сѣмашкомъ состоятъ наши сладкоглаголивые іерархи, и есть ли между ними круговая порука, на это передаемъ нашимъ читателямъ одинъ интересный документъ. Когда Назимовъ ¹⁾ былъ назначенъ въ Литву, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ Филарета, митрополита московскаго ²⁾.

◆◆ 1. Интересенъ разсказъ служившаго подъ начальствомъ Назимова чиновника А. С. П., посвященный этой замѣткѣ «Колокола».

«Я,—сказалъ ему Назимовъ,—положилъ этотъ интересный документъ, какъ сообщеніе совершенно конфиденціальное, въ мое бюро и съ того времени не только никому не предъявлялъ его, но и не вынималъ ни разу изъ моего хранилища, такъ какъ въ памяти моей твердо сохранилось его содержаніе. Теперь легко вамъ будетъ представить мое изумленіе, когда въ доставленномъ мнѣ сегодня номерѣ «Колокола» я нашелъ то же самое письмо въ дословномъ спискѣ и съ разными комментаріями Герцена. Первою моею мыслью было предположеніе, что кто-нибудь похитилъ у меня это письмо и отправилъ въ редакцію «Колокола»; но, осмотрѣвши бюро, я нашелъ письмо на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ оно находилось въ день полученія мною этого документа изъ Москвы. Любопытно было бы узнать, какими путями и кто именно снабжаетъ Герцена матеріалами для его редакторской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что приобрѣтеніе подобнаго

¹⁾ Владиміръ Ивановичъ.

²⁾ Дальше идетъ письмо московскаго митрополита Филарета, въ которомъ онъ извѣщаетъ Назимова, что посылаетъ ему копію отношенія Юсифа Сѣмашка къ оберъ-прокурору св. синода Протасову отъ 10 января 1855 г., неизвѣстно, прочтенное ли уже большимъ Николаемъ I, о «неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія литовскаго края», и намекаетъ, что его должно представить Александру II, который можетъ узнать о немъ и не отъ Назимова... ¹

рода документовъ свидѣтельствуемъ, что корреспонденты его пользуются довѣріемъ начальства и занимаютъ вліятельныя должности въ высшихъ административныхъ сферахъ столицы». Сѣмашку дали понять, что письмо Филарета было послано Герцену самимъ Назимовымъ,—отношенія обоихъ сановниковъ очень охладѣли («Рус. Старина» 1885, V, 328—329; ср. Киприановичъ, «Жизнь І. Сѣмашки», 350, 360—361).

1143. Иванова борода и Гурьева лобъ.

Въ 26 листѣ «Колокола» мы спрашивали имя того образованнаго придворнаго, который осмѣлился нагрубить Иванову за то, что онъ не брилъ бороды. Мы получили въ отвѣтъ на нашу просьбу слѣдующее письмо.

«Наканунѣ освященія Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, Ивановъ представлялся в. к. Маріи Николаевнѣ. Она, между прочимъ, спросила его, будетъ ли онъ завтра въ соборѣ на овященіи храма. «Я не могу быть, в. в.,—отвѣчала художникъ: тамъ будутъ только особы первыхъ пяти классовъ». Она, какъ образованная и умная женщина, возразила: «Что за пустяки! вы—художникъ перваго класса, вамъ слѣдуетъ быть», и написала записку къ графу Дмитрію Александровичу Гурьеву, члену государственнаго совѣта, президенту всѣхъ возможныхъ веселыхъ и грустныхъ церемоній въ Петербургѣ, о дозволеніи Иванову присутствовать при овященіи храма.

«Ивановъ отъ в. княгини отправился прямо къ г. Гурьеву и передалъ записку. Графъ, прочтя ее и оглядѣвъ Иванова съ головы до ногъ, преважно спрашиваетъ: «Вы—нѣмецъ или французъ?»—«Вы можете судить, графъ, по фамиліи: я—русскій, Ивановъ». «А борода?»—говоритъ онъ грубо.—«Вы знаете, что въ церкви будетъ государь, вся царская фамилія,—вась съ бородой не пустятъ, обрейтесь». Ивановъ скромно замѣтилъ, что онъ имѣлъ честь представляться такъ государю императору и царской фамиліи и брить бороды не намѣренъ.—«Я поставленъ вашимъ рѣшеніемъ въ необходимость,—прибавилъ онъ,—явится снова къ ея высочеству и доложить, что я не могу исполнить ея приказанія».—«Ну, стойте, стойте,—сказалъ недовольный графъ, видя, что художникъ хотѣлъ удалиться,—вотъ вамъ билетъ».

И эти герои мыла, гребенки и бритвы, гонители сигаръ на улицахъ, фанатики форменныхъ пуговицъ и голыхъ подбородковъ все еще существуютъ на святой Руси? Говорятъ, что гдѣ заве-

дется въ грядахъ хрѣнъ, тамъ его не выведешь... Хрѣнъ, по крайности, съ говядиной можно ѣсть, ну, а что прикажете дѣлать съ эдакими Гурьевыми?—Нельзя ли выдумать, въ pendant къ оберъ-форъ-шнейдеру, чинъ генералъ-фельдшеръ-мейстера, а потомъ... ну, потомъ сдать ихъ въ сумасшедшій домъ...

1144. Préface.

Quelques heures après la mort de l'Impératrice Catherine, son fils, l'Empereur Paul, ordonna au comte Rostoptchine de mettre les scellés sur les papiers de l'Impératrice. Il était lui-même présent à la mise en ordre de ces papiers. On y trouva la célèbre lettre d'Alexis Orloff ¹⁾, par laquelle, d'un ton cynique et d'une main ivre, il annonçait à l'Impératrice l'assassinat de son mari, Pierre III,—et un manuscrit écrit entièrement de la main de Catherine; ce dernier était contenu dans une enveloppe cachetée, portant cette inscription: Ero Императорскому Высочеству, Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему (A Son Altesse Impériale, le Césaréwitch et grand duc Paul, mon fils bien aimé). Sous cette enveloppe se trouvait le manuscrit des «Mémoires» que nous publions.

Le cahier se termine brusquement vers la fin de 1759. On dit qu'il y avait des notes détachées qui auraient du servir de matériaux pour la continuation. Il y a des personnes qui disent que Paul les a jetées au feu: il n'y a pas de certitude à ce sujet. Paul tenait en grand secret le manuscrit de sa mère, et ne le confia jamais qu'à son ami d'enfance, le prince Alexandre Kourakine. Celui-ci en prit une copie. Une vingtaine d'années après la mort de Paul, Alexandre Tourguéneff et le prince Michel Worontzoff obtinrent des copies de l'exemplaire de Kourakine. L'Empereur Nicolas, ayant entendu parler de cela, donna ordre à la police secrète de s'emparer de toutes les copies. Il y en avait, entre autres, une écrite à Odessa par la main du célèbre poète, Pouchkine. Effectivement, les «Mémoires» de l'Impératrice Catherine II ne circulèrent plus.

L'Empereur Nicolas se fit apporter, par le comte D. Bloudoff, l'original, le lut, le cacheta avec le grand sceau de l'état, et ordonna de le garder aux archives impériales, parmi les documents les plus secrets.

¹⁾ Voir «Memoirs of the Princess Daschkoff», London, Trübner, 1858. A. H.

A ces détails, que j'extraits d'une notice qui m'a été communiquée, je dois ajouter que la première personne qui m'en parla, fut le précepteur de l'Empereur actuel, Constantin Arsénieff. Il me disait en 1840 qu'il avait obtenu la permission de lire beaucoup de documents secrets sur les événements qui suivirent la mort de Pierre I, jusqu'au règne d'Alexandre I. Parmi ces documents on l'autorisa à lire les «Mémoires» de Catherine II (Il enseignait alors l'histoire moderne de Russie au grand-duc, héritier présomptif).

Pendant la guerre de Crimée on transféra les archives à Moscou. Au mois de mars 1855, l'Empereur actuel se fit apporter le manuscrit pour le lire. Depuis ce temps une ou deux copies circulèrent derechef à Moscou et à Pétersbourg. C'est sur une de ces copies que nous publions les «Mémoires». Quant à l'authenticité, il n'y a pas le moindre doute. Au reste, il suffit de lire deux ou trois pages du texte pour en être convaincu.

Nous nous sommes abstenus de faire des corrections du style dans tous les cas, où nous n'avions pas la conviction que la copie portait une faute de transcription.

Passant aux «Mémoires» eux-mêmes, qu'avons nous à dire?

Les premières années de Catherine II,—de cette femme-empereur qui occupa plus d'un quart de siècle tous les esprits contemporains, depuis Voltaire et Frédéric II jusqu'au Khan de Crimée et aux chefs des Kirghiz—*ses jeunes années, racontées par elle-même!*. Qu'y a-t-il pour l'éditeur à ajouter à cela?

En lisant ces pages, on la voit venir, on la voit se former telle qu'elle a été plus tard. Enfant espiègle de quatorze ans, coiffée à la «Moïse», blonde, fôlatre, fiancée d'un petit idiot—le grand-duc—elle a déjà le mal du Palais d'Hiver, la soif de domination. Un jour étant «juchée» avec le grand-duc sur une fenêtre et plaisantant avec lui, elle voit le comte Lestocq, qui lui dit: «Faites vos paquets—vous repartirez pour l'Allemagne». Le jeune idiot ne semble pas très affecté de cette séparation possible. «Ce m'était aussi une affaire assez indifférente», dit la petite allemande, *«mais la couronne de Russie ne m'était pas»*, ajoute la grande-duchesse.

Voilà, en herbe, la Catherine de 1762!

Rêver à la couronne au reste était tout naturel,—dans cette atmosphère de la cour impériale,—non seulement pour la fiancée de l'héritier présomptif, mais pour tout le monde. Le palefrenier Biren, le chanteur Rasoumovsky, le prince Dolgoroukoff, le plébéen Menchikoff, l'oligarque Volynsky,—tout le monde voulait avoir un lambeau du manteau impérial. La couronne de Russie était—après Pierre I—une *res nullius*.

Pierre I, terroriste et réformateur avant tout, n'avait aucun respect pour la légitimité. Son absolutisme s'efforçait d'aller même au-delà de la tombe. Il se donna le droit de désigner son successeur et au lieu de le faire, il se borna à ordonner l'assassinat de son propre fils.

Après la mort de Pierre I, les grands de l'état s'assemblent pour aviser. Menchikoff arrête toute délibération, et proclame Impératrice son ancienne maîtresse, veuve d'un brave dragon suédois, tué sur le champ de bataille, et veuve de Pierre I, auquel Menchikoff l'avait cédée «par dévouement».

Le règne de Catherine I est court. Après elle, la couronne continue à passer d'une tête à l'autre, au hasard: de la ci-devant cabaretière livonienne à un gamin (Pierre II); de ce gamin, qui meurt de la petite vérole, à la duchesse de Courlande (Anne); de la duchesse de Courlande à une princesse de Mecklenbourg, mariée à un prince de Brunswick, qui règne au nom d'un enfant au berceau (Ivan); de l'enfant né *trop tard* pour régner, la couronne passe sur la tête d'une fille née *trop tôt*—Elisabeth. C'est elle qui représente la légitimité.

La tradition rompue, brisée, le peuple et l'état complètement séparés par la réforme de Pierre I, les coups d'état, les révolutions de palais étaient alors en permanence. Rien de stable. En ce mettant au lit les habitants de Pétersbourg ne savaient jamais sous le gouvernement de qui ils se réveilleront. Aussi s'intéressait on fort peu à ces changements, qui ne touchaient au fond que quelques intrigants allemands devenus ministres russes, quelques grands seigneurs blanchis dans le parjure et le crime, et le régiment de Préobrajensky, qui, à l'instar des Prétoriëns, disposait de la couronne. Pour les autres il n'y avait rien de changé. Et quand je dis «les autres», je ne parle que de la noblesse et des employés: car de l'immensité silencieuse du peuple—du peuple courbé, triste, ahuri, muet—personne ne s'inquiétait; le peuple restait hors la loi, acceptant passivement l'épreuve terrible qu'il plaisait au bon Dieu de lui envoyer, et ne se souciant guère, de son côté, des spectres qui montaient d'un pas chancelant les marches du trône, glissaient comme des ombres, et disparaissaient en Sibérie ou dans les casemates. Le peuple, dans tous les cas, était sûr d'être pillé: son état social était donc à l'abri de toute chance.

Période étrange! Le trône impérial—comme nous l'avons dit ailleurs ¹⁾ ressemblait au lit de Cléopâtre. Un tas d'oligarques, d'étrangers, de pandours, de mignons conduisait nuitamment un inconnu, un enfant, une allemande; l'élevaient au trône, l'adorat et

¹⁾ Du développement des idées révolut. en Russie, 2 Ed., Londres, 1853. A. H.

distribuait, en son nom, des coups de knout à ceux qui trouvaient à y redire. A peine l'élu avait il eu le temps de s'enivrer de toutes les jouissances d'un pouvoir exorbitant et absurde, et d'envoyer ses ennemis aux travaux forcés ou à la torture, que la vague suivante apportait déjà un autre prétendant, et entraînait l'élu d'hier, avec tout son entourage, dans l'abîme. Les ministres et les généraux du jour s'en allaient le lendemain, chargés de fer, en Sibérie.

Cette *bufera infernale* emportait les gens avec une si grande rapidité, qu'on n'avait pas le temps de s'habituer à leurs visages. Le maréchal Minich, qui avait renversé Biren, le rejoignit, prisonnier lui-même, et les chaînes aux pieds, sur un radeau arrêté sur le Volga. C'est dans la lutte de ces deux allemands, qui se disputaient l'empire russe comme si c'eût été une cruche de bière, que l'on peut retrouver le type véritable des coups d'état du bon vieux temps.

L'Impératrice Anne meurt laissant, comme nous venons de le dire, la couronne à un enfant de quelques mois, sous la régence de son amant Biren. Le duc de Courlande était tout puissant. Méprisant tout ce qui était russe, il voulait nous civiliser par la schlague. Dans l'espérance de s'affermir, il fit périr avec une cruauté froide des centaines d'hommes, en exila plus de vingt mille. Il était maître aussi dur qu'absolu. Cela ennuyait le maréchal Minich. Celui-ci était allemand aussi bien que Biren, mais de plus un très bon guerrier. Un beau jour la princesse de Brunswick, la mère du petit Empereur, se plaignait à Minich de l'arrogance de Biron. «Avez-vous déjà parlé de cela à quelqu'un?» demande le maréchal.—«A personne».—«Très bien, taisez-vous, et laissez moi faire». C'était le 7 septembre 1740.

Le 8, Minich dîne chez Biron. Après le dîner, il laisse sa famille chez le régent, et se retire pour un instant. Il va tout doucement chez la princesse de Brunswick, lui dit qu'elle doit se préparer pour la nuit, et rentre. On se met à souper. Minich raconte ses campagnes, les batailles qu'il a gagnées. «Avez-vous fait des expéditions nocturnes?» demande le comte de Loewenhaupt. «J'en ai fait à toutes les heures», reprend le maréchal, un peu contrarié. Le régent, qui ne se sentait pas bien et était couché sur un sofa, se redresse à ces paroles et devient pensif.

On se quitte en amis.

Arrivé à la maison, Minich ordonne à son aide-de-camp, Manstein, d'être prêt à deux heures. A deux heures il se met avec lui dans une voiture, et va droit au Palais d'Hiver. Là il fait réveiller la princesse. «Qu'avez-vous donc?» demande le brave allemand, Antoine Ulrich de Braunschweig-Wolfenbüttel, à sa femme.—«Une indisposition», répond la princesse.—Et Antoine Ulrich se rendort comme une taupe.

Pendant qu'il dort, la princesse s'habille, et le vieux guerrier parle aux soldats les plus janissaires du régiment de Préobrajensky. Il leur représente la position humiliante de la princesse, parle de sa reconnaissance future, et, tout en parlant, fait charger les fusils.

Laissant alors la princesse sous la garde d'une *quarantaine* de grenadiers, il va, avec *quatre vingts* soldats, arrêter le chef de l'état, le terrible duc de Courlande.

On traverse paisiblement les rues de Pétersbourg; on arrive au palais du régent; on y entre, et Minich envoie Manstein pour l'arrêter, mort ou vif, dans sa chambre à coucher. Les officiers de service, les sentinelles, les domestiques regardent faire. «S'il y en eut un seul officier ou soldat fidèle», dit Manstein, dans ses mémoires, «nous étions perdus». Mais il ne s'en trouva pas un seul. Biren, voyant les soldats, se sauve, en rampant, sous le lit. Manstein le fait retirer de là. Biren se débat. Ou lui donne quelques coups de crosse de fusil, et on le porte au corps de garde.

Le coup d'état était fait. Mais il va se passer une chose bien plus étrange encore.

Biren était détesté, cela pouvait expliquer sa chute. La régente, au contraire, bonne et douce créature—ne faisant de mal à personne, et faisant beaucoup l'amour avec l'ambassadeur Linar—était même un peu aimée, par haine pour Biren. Une année passe. Tout est tranquille. Mais la cour de France est mécontente d'une alliance austro-russe que la régente venait de faire avec Marie-Thérèse. Comment empêcher cette alliance?—Rien de plus facile: faire un coup d'état et chasser la régente. Ici pas même de maréchal vénéré par les soldats, pas même un homme d'état: il suffit d'un médecin intrigant, Lestocq, et d'un intrigant ambassadeur, La Chétardie, pour porter au trône Elisabeth, la fille de Pierre I.

Elisabeth, absorbée dans les plaisirs et dans de petites intrigues, pensait peu au renversement du gouvernement. On lui fait accroire que la régente a l'intention de l'enfermer dans un couvent.—Elle, Elisabeth, qui passe son temps dans les casernes de la garde et dans les orgies... plutôt se faire impératrice. C'est aussi ce que pense la Chétardie; et il fait plus que penser: il donne de l'or français pour soudoyer une poignée de soldats.

Le 25 Novembre 1741, la grande-duchesse arrive, revêtue d'une robe magnifique et la poitrine couverte d'une cuirasse brillante, au corps de garde du régiment de Préobrajensky. Elle expose aux soldats sa position malheureuse. Les soldats, gorgés de vin, lui crient: «Ordonne, mère, ordonne, et nous les égorgeons tous!». La charitable grande-duchesse recule d'horreur et ordonne *seulement* l'arrestation de la régente, de son mari et de leur fils—le bambino-empereur.

Et encore une fois même représentation. Antoine-Ulrich de Braunschweig est reveillé du plus profond sommeil; mais cette fois il ne peut se rendormir, car deux soldats l'enveloppent dans un drap de lit et le portent dans un cachot, d'où il ne sortira que pour aller mourir en exil.

Le coup d'état est fait.

Le nouveau règne va comme sur des roulettes. Il ne manque encore une fois à cette couronne étrange... qu'un héritier. L'Impératrice, qui ne veut pas du petit Ivan, va en chercher un dans le palais épiscopal du prince évêque de Lubeck. C'était le neveu de l'évêque et un petit fils de Pierre I, orphelin sans père ni mère, le futur de la petite Sophie Auguste Frédérique, princesse d'Anhalt-Zerbst-Bernbourg, qui perdit tant de titres sonores et illustres pour s'appeler tout brièvement—*Catherine II*.

Maintenant que l'on se figure, d'après ce que nous venons de dire, quel était le milieu dans lequel la fatalité jeta cette jeune fille douée, en même temps, et de beaucoup d'esprit, et d'un caractère pliant mais plein d'orgueil et de passion.

Sa position à Pétersbourg était horrible. D'un côté sa mère, allemande acariâtre, grognonne, avide, mesquine, pédante, lui donnant des soufflets et lui prenant ses robes neuves, pour se les approprier; de l'autre — l'Impératrice Elisabeth, virago, criarde, grossière, toujours entre deux vins, jalouse, envieuse, faisant surveiller chaque pas de la jeune princesse, rapporter chaque parole, prenant ombrage de tout, et cela, après lui avoir donné pour mari le benêt le plus ridicule de son époque.

Prisonnière dans le palais, elle n'ose rien faire sans autorisation. Si elle pleure la mort de son père, l'Impératrice lui envoie dire que c'est assez; «que son père n'était pas un roi pour le pleurer plus d'une semaine». Si elle montre de l'amitié pour quelqu'une des demoiselles d'honneur qu'on lui donne, elle peut être sûre qu'on la renverra. Si elle s'attache à un domestique fidèle, c'est encore plus sûr qu'on le chassera.

Les rapports avec le grand-duc sont monstrueux, dégradants. Il lui fait des confidences sur ses intrigues amoureuses. Ivrogne depuis l'âge de dix ans, il vient une fois, la nuit, aviné, entretenir sa femme des grâces et des charmes de la fille de Biren; et, comme Catherine fait semblant de dormir, il lui donne un coup de poing pour l'éveiller. Ce butor tient à côté de la chambre à coucher de sa femme une meute des chiens qui empestent l'air, et pend des rats dans la sienne, pour les punir selon les règles du code militaire.

Ce n'est pas tout. Après avoir offensé, molesté peu-à-peu tous les sentiments tendres de cette jeune femme, où commence à la

depraver systématiquement. L'Impératrice [prend pour un désordre qu'elle n'ait pas d'enfants. M-me Tchoglokoﬀ lui en parle, en insinuant qu'enfin il faut sacrifier ses scrupules lorsqu'il s'agit *du bien de l'état*, et finit par lui proposer de choisir entre Saltykoﬀ et Narychkine. La jeune femme joue la niaise, prend les deux—plus Poniatowsky et commence ainsi une carrière érotique, dans laquelle, pendant quarante ans, elle ne s'arrêtera plus.

Ce que cette publication a de grave, pour la maison impériale de Russie, c'est qu'elle démontre que non seulement cette maison n'appartient pas à la famille des Romanoff, mais pas même à la famille de Holstein-Gottorp. L'aveu de Catherine, sous ce rapport, est très explicite—le père de l'empereur Paul est Serge Saltykoﬀ.

La dictature impériale en Russie tâche en vain de se représenter comme traditionnelle et séculaire. Encore un mot avant de finir.

En lisant ces «Mémoires», on est tout étonné qu'une chose soit oubliée constamment, au point de ne paraître nulle part,—c'est la *Russie et le peuple*. Et c'est là le trait caractéristique de l'époque.

Le Palais d'Hiver, avec sa machine administrative et militaire, était un monde à part. Comme un navire flottant à la surface, il n'avait de vrai rapport avec les habitants de l'océan que celui de les manger. C'était *l'état pour l'état*. Organisé à l'allemande, il s'imposait au peuple en vainqueur. Dans cette caserne monstrueuse, dans cette chancellerie énorme, il y avait une raideur sèche comme dans un camp. Les uns donnaient, transmettaient des ordres, les autres obéissaient en silence.

Il n'y avait qu'un seul point où les passions humaines réapparaissaient frémissantes, orageuses, et ce point, c'était au Palais d'Hiver le foyer domestique, non de la nation,—mais de l'état. Derrière la triple ligne des sentinelles, dans ces salons lourdement ornés, fermentait une vie fiévreuse, avec ses intrigues et ses luttes, ses drames et ses tragédies. C'est là que les destins de la Russie s'ourdissaient dans les ténèbres de l'alcôve, au milieu des orgies, *au-delà* des dénonciateurs et de la police.

Quel intérêt pouvait donc prendre la jeune princesse allemande à ce *magnum ignotum*, à ce peuple sous-entendu, pauvre, demi-sauvage, qui se cachait dans ses villages, derrière la neige et les mauvais chemins, et n'apparaissait que comme un paria étranger dans les rues de Pétersbourg, avec sa barbe persécutée son habit prohibé—et toléré seulement par mépris.

Catherine n'entendit parler sérieusement du peuple russe que bien longtemps après, lorsque le cosaque Pougatchoff, à la tête d'une armée de paysans insurgés, menaçait Moscou.

Pougatchoff vaincu, le Palais d'Hiver oublia derechef le peuple. Et je ne sais quand on s'en serait souvenu, s'il n'avait remis lui-même son existence en mémoire à ses maîtres, en se levant en masse en 1812, rejetant d'un côté l'affranchissement du servage présenté au bout des baïonettes étrangères, et allant de l'autre mourir pour sauver une patrie qui ne lui donnait que l'esclavage, la dégradation, la misère—et l'oubli du Palais d'Hiver.

Ce fut le second *memento* du peuple russe. Espérons qu'au troisième on s'en souviendra un peu plus longtemps.

Londres,
15 Novembre 1858.

Переводъ.

Предисловіе.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти Екатерины II, сынъ ея императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину опечатать бумаги императрицы. Онъ лично присутствовалъ при приведеніи этихъ бумагъ въ порядокъ. Среди нихъ нашлось знаменитое письмо Алексѣя Орлова ¹⁾, гдѣ послѣдній въ циничномъ тонѣ, пьяною рукою извѣщалъ императрицу объ убійствѣ ея мужа Петра III. Тамъ же оказался и манускриптъ, цѣликомъ писанный рукою Екатерины. Рукопись хранилась въ запечатанномъ конвертѣ со слѣдующею надписью: «Его Императорскому Высочеству, Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему». Въ этомъ-то конвертѣ и хранилась рукопись «Записокъ», которыя мы теперь выпускаемъ въ свѣтъ.

Тетрадь къ концу 1759 года внезапно обрывается. Говорятъ, что существовали разрозненныя замѣтки, которыя должны были служить матеріаломъ для продолженія «Записокъ». По утверженію нѣкоторыхъ, онѣ были брошены Павломъ въ огонь; ничего достовѣрнаго по этому поводу неизвѣстно. Павелъ хранилъ рукопись матери въ большомъ секретѣ и довѣрилъ ее лишь своему другу дѣтства князю Александру Куракину. Послѣдній снялъ съ нея копию. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ смерти Павла, Александръ Тургеневъ и князь Михаилъ Воронцовъ раздобыли копии съ куракинскаго экземпляра. Заслышавъ толки объ этомъ, императоръ Николай отдалъ тайной полиціи приказъ захватить всѣ копии, между ко-

¹⁾ См. «Записки» княгини Дашковой. А. И. Г.

торыми была въ Одессѣ одна, писанная рукою знаменитаго поэта Пушкина. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ «Записки» императрицы Екатерины II перестали ходить по рукамъ.

Императоръ Николай велѣлъ доставить себѣ, черезъ графа Д. Блудова, оригиналъ рукописи, прочелъ его, запечаталъ большою государственною печатью и распорядился хранить его въ императорскихъ архивахъ среди самыхъ секретныхъ документовъ.

Къ этимъ подробностямъ, заимствованнымъ изъ присланной мнѣ замѣтки, я долженъ добавить слѣдующее. Первый, кто разсказалъ мнѣ объ этой рукописи, былъ наставникъ нынѣ царствующаго императора Константинъ Арсеньевъ. Въ 1840 году онъ передавалъ мнѣ, что имъ было получено разрѣшеніе прочесть рядъ секретныхъ документовъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ послѣ смерти Петра I, вплоть до царствованія Александра I. Между прочими документами ему разрѣшили ознакомиться и съ «Записками» Екатерины II (Арсеньевъ преподавалъ тогда великому князю наслѣднику новѣйшую исторію Россіи).

Во время Крымской войны архивы были перевезены въ Москву. Въ мартѣ 1855 года нынѣ царствующій императоръ распорядился принести ему для прочтенія подлинный экземпляръ «Записокъ». Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ и Петербургѣ стали ходить по рукамъ одна-двѣ копіи. По одной изъ нихъ мы и печатаемъ эти «Записки». Относительно ихъ подлинности нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Впрочемъ, достаточно прочесть двѣ-три страницы, чтобы вполне въ этомъ убѣдиться.

Мы воздерживались отъ исправленія слога во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ не было увѣренности, что ошибка вкралась по винѣ переписчика.

Что можно сказать о самихъ «Запискахъ»? Это—первые годы Екатерины II, женщины-императора, болѣе четверти вѣка занимавшей умы всѣхъ современниковъ, отъ Вольтера и Фридриха II до крымскаго хана и киргизскихъ князей; это—ея юные годы, разсказанные ею самою. Что же къ этому остается прибавить издателю?

При чтеніи этихъ страницъ такъ и *видишь, какъ вступаетъ въ жизнь*, какъ складывается тотъ человѣкъ, какимъ Екатерина была впоследствии. Живая четырнадцатилѣтняя дѣвочка, причесанная à la Moïse, бѣлокурая, шаловливая, помолвленная съ маленькимъ идиотомъ—великимъ княземъ, она уже страдаетъ тоскою по Зимнему дворцу,—жаждою власти. Однажды, когда она примостилась съ великимъ княземъ на подоконникъ и шутила съ нимъ, подошелъ графъ Лестокъ и сказалъ ей: «Укладывайте ваши вещи,—вы

поѣдете обратно въ Германію». Молодого идиота, казалось, не особенно огорчила возможность разлуки. «Для меня разлука съ нимъ также была совершенно безразлична»,—говоритъ маленькая нѣмка, —*но отнюдь не безразлична была для меня русская корона*»,—прибавляетъ великая княгиня.

Вотъ вамъ будущая Екатерина II 1762 года!

Впрочемъ, въ этой атмосферѣ императорскаго двора мечтать о коронѣ было вполне естественно не только для невѣсты предполагаемаго наслѣдника престола, но и вообще для кого угодно. Конюхъ Биронъ, пѣвчій Разумовскій, князь Долгоруковъ, плебей Меншиковъ, олигархъ Волынской, — всѣ они стремились урвать лоскутъ императорской мантии. Русская корона послѣ Петра I представляла изъ себя *res nullius*¹⁾.

Петръ Первый, этотъ террористъ и реформаторъ по преимуществу, не имѣлъ никакого уваженія къ законности. Его абсолютизмъ стремился вліять даже изъ-за могилы. Онъ присвоилъ себѣ право назначить своего преемника, но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это, ограничился приказомъ убить родного сына.

Послѣ смерти Петра вельможи собрались на совѣтъ. Меншиковъ сразу оборвалъ всѣ пренія, провозгласивъ императрицею свою прежнюю любовницу, вдову убитаго въ сраженіи храбраго шведскаго драгуна, а также вдову Петра I, которому Меншиковъ уступилъ ее «изъ преданности».

Царствованіе Екатерины I было кратковременно. Послѣ нея корона продолжаетъ переходить, по волѣ случая, съ одной головы на другую: отъ бывшей ливонской кабатчицы къ мальчишкѣ (Петру II), отъ Петра II, умершаго отъ оспы, къ герцогинѣ курляндской (Аннѣ), отъ герцогини курляндской къ принцессѣ мекленбургской, женѣ принца брауншвейгскаго, правившей отъ имени грудного ребенка (Ивана). Отъ этого ребенка, появившагося на свѣтъ *слишкомъ поздно*, чтобы царствовать, корона перешла къ дѣвушкѣ, родившейся *черезчуръ рано*,—къ Елизаветѣ. Это она явилась представительницей законнаго начала!

Традиціи были нарушены, прерваны; петровская реформа разединила народъ и государство; государственные перевороты, дворцовыя революціи не прекращались. Ничего не было прочнаго. Ложась спать, жители Петербурга никогда не знали, въ чье царствованіе они проснутся. Да этими перемѣнами жители и не особенно интересовались. Въ сущности, онѣ касались лишь немно-

¹⁾ Res nullius—res communis, то-есть вещь никому не принадлежащая, принадлежитъ всѣмъ.

гихъ нѣмецкихъ интригановъ, ставшихъ русскими министрами, немногихъ крупныхъ вельможъ, посѣдѣвшихъ въ вѣроломствѣ и преступленіяхъ, и Преображенскаго полка, который, подобно преторіанцамъ, являлся распорядителемъ короны. Для другихъ же ничто не мѣнялось. Говоря «другихъ», я имѣю въ виду лишь дворянство и чиновничество, ибо о безмолвной массѣ народа—народа придавленнаго, печальнаго, оглушеннаго, нѣмого, никто не беспокоился. Народъ оставался внѣ закона, пассивно принимая тѣ ужасныя испытанія, какія всеблаговому Господу угодно было ниспосылать ему. Съ своей стороны, онъ нисколько не интересовался призраками, которые не твердыми шагами взбирались по ступенямъ трона, скользили, словно тѣни, и исчезали въ Сибири, либо въ казематахъ. Народъ былъ увѣренъ, что его во всякомъ случаѣ будутъ грабить. Вѣдь, его социальное положеніе было внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было случайностей.

Странный періодъ! Императорскій тронъ—какъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ — походилъ на ложе Клеопатры. Кучка олигарховъ, чужеземцевъ, грубыхъ солдатъ, фаворитовъ тайно руководила какимъ-нибудь незнакомцемъ, ребенкомъ, нѣмкою, возводила ихъ на тронъ, воздавала имъ всякія почести и отъ ихъ имени была кнутомъ тѣхъ, кто выражалъ свое несогласіе съ совершившимся фактомъ. Но не успѣвалъ избранникъ упиться всѣми радостями чудовищной, нелѣпой власти и отправить своихъ враговъ на каторгу, либо предать пыткѣ,—какъ новая волна возносила уже другого претендента, увлекаая въ бездну вчерашняго счастливца со всѣми его приближенными. Сегодняшніе министры и генералы на завтра отправлялись въ Сибирь, закованные въ кандалы ¹⁾.

Этотъ адскій *вихрь* уносилъ людей съ такою стремительностью, что даже не было времени привыкнуть къ ихъ лицамъ. Фельдмаршалъ Минихъ, низвергшій Бирона, вскорѣ догналъ его, самъ уже въ качествѣ узника въ цѣпяхъ, на паромѣ, остановившемся на Волгѣ. Борьба этихъ двухъ нѣмцевъ, оспаривавшихъ другъ у друга русскую имперію, словно, кружку пива, можетъ считаться настоящимъ типомъ государственныхъ переворотовъ добраго стараго времени.

Императрица Анна скончалась, оставивъ, какъ мы уже сказали, престолъ ребенку, имѣвшему всего нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду. Регентомъ она назначила своего любовника Бирона. Герцогъ курляндскій былъ всемогущъ. Презирая все русское, онъ хотѣлъ

¹⁾ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», изд. 2, 1853 г. А. И. Г.

пріобщить насъ къ цивилизаціи при помощи батоговъ. Въ надеждѣ укрѣпить свое положеніе онъ съ холодною жестокостью губилъ сотни людей и отправилъ въ ссылку больше двадцати тысячъ человекъ. Биронъ былъ властитель столь же суровый, сколь и неограниченный. Это надоѣло фельдмаршалу Миниху. Послѣдній былъ такой же нѣмецъ, какъ и Биронъ, но вдобавокъ и очень хорошій воинъ. Въ одинъ прекрасный день мать маленькаго императора, принцесса брауншвейгская стала жаловаться Миниху на высокомеріе Бирона. «Вы уже говорили съ кѣмъ-нибудь объ этомъ?»—спросилъ Минихъ.—«Ни съ кѣмъ рѣшительно».—«Великолѣпно, такъ молчите и предоставьте дѣйствовать мнѣ». Это было 7 сентября 1740 года.

Восьмого числа Минихъ обѣдаетъ у Бирона. Послѣ обѣда онъ оставляетъ свою семью у регента, а самъ удаляется на нѣкоторое время. Онъ тайкомъ отправляется къ принцессѣ брауншвейгской, говоритъ ей, что она должна быть готова къ предстоящей ночи, и затѣмъ возвращается къ Бирону. Общество садится за ужинъ. Минихъ рассказываетъ про свои походы и выигранныя имъ сраженія. «Случалось ли вамъ дѣлать ночные походы?»—спросилъ графъ Левенгауптъ.—«Я ихъ совершалъ во всѣ часы дня и ночи»,—съ нѣкоторою досадою отвѣтилъ фельдмаршалъ. При этихъ словахъ регентъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ хорошо и лежавшій на кушеткѣ, приподнялся и задумался. Разстались всѣ по-дружески.

Пріѣхавъ домой, Минихъ приказалъ своему адъютанту Манштейну быть готовымъ къ двумъ часамъ ночи. Въ два часа они усѣлись въ экипажъ и поѣхали въ Зимній дворецъ. Тамъ Минихъ приказалъ разбудить принцессу. «Что съ вами?»—спросилъ жену честный нѣмецъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттель.—«Мнѣ слегка нездоровится»—отвѣтила принцесса, и послѣ того Антонъ-Ульрихъ снова заснулъ, какъ кротъ.

Пока онъ спитъ, принцесса одѣвается, а старый фельдмаршалъ держитъ рѣчь къ солдатамъ-янычарамъ Преображенскаго полка. Онъ рисуетъ имъ унижительное положеніе, въ какомъ находится принцесса, говоритъ объ ея будущей признательности и, во время бесѣды, велитъ зарядить ружья.

Оставивъ затѣмъ принцессу подъ охраною сорока grenадеровъ, Минихъ отправляется съ восьмьюдесятью солдатами арестовать главу государства, страшнаго герцога курляндскаго.

Отрядъ тихо проходитъ по улицамъ Петербурга. Вотъ уже дворецъ герцога. Войдя туда, Минихъ посылаетъ Манштейна взять Бирона въ его спальнѣ живымъ или мертвымъ. Дежурные офицеры, часовые, домашняя прислуга безучастно смотрѣли на все происхо-

дившее. «Если бы—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Манштейнъ— онъ имѣлъ хоть одного вѣрнаго солдата или офицера, мы погибли бы». Но именно ни одного такого человѣка не нашлось. Увидя солдатъ, Биронъ ползкомъ лѣзетъ подъ кровать. Манштейнъ приказываетъ вытащить его оттуда. Биронъ отбивается. Тогда ему наносятъ нѣсколько ударовъ ружейнымъ прикладомъ и относятъ въ кордегардію.

Государственный переворотъ совершился. Но скорѣ произошло нѣчто еще болѣе странное.

Бирона ненавидѣли. Это обстоятельство могло объяснить его паденіе. Наоборотъ, регентша, доброе и мягкое существо, не причинявшая никому зла, а посланника Линара усердно дарившая своею любовью, все же была нѣсколько любима, хотя бы изъ ненависти къ Бирону. Проходитъ годъ. Все спокойно. Но французскій дворъ недоволенъ австро-русскимъ союзомъ, который регентша только что заключила съ Маріей-Терезіей. Какъ же помѣшать этому союзу? Очень просто: надо устроить государственный переворотъ и прогнать регентшу. Въ данномъ случаѣ дѣло обошлось безъ глубоко почитаемаго солдатами фельдмаршала, даже безъ высшаго сановника,—достаточно было интригана-медика Лестока и интригана-посланника Ла-Шетарди, чтобы возвести на престолъ дочь Петра I Елизавету.

Елизавета, поглощенная удовольствіями и мелкими интригами, мало помышляла о ниспроверженіи правительства. Но ее увѣрили, что регентша намѣрена заточить ее въ монастырь, ее, Елизавету, проводившую время въ гвардейскихъ казармахъ и въ оргіяхъ... Нѣтъ, лучше самой стать императрицей. Того же мнѣнія и Ла Шетарди, но онъ не ограничивается мнѣніями, онъ раздастъ французское золото, чтобы подкупить горсть солдатъ...

Двадцать пятого ноября 1741 года великая княжна, въ великолѣпномъ платьѣ и въ блестящей кирасѣ, является въ кордегардію Преображенскаго полка. Она говоритъ солдатамъ о своемъ несчастномъ положеніи. Перепившіеся солдаты кричатъ въ отвѣтъ: «Прикажи, матушка, прикажи, и мы всѣхъ ихъ перерѣжемъ!» Добрая по натурѣ княжна содрогается отъ ужаса и велитъ *лишь арестовать* регентшу, ея мужа и ихъ сына, малютку-императора.

И вотъ еще разъ повторяется прежняя сцена. Антона-Ульриха Брауншвейгскаго снова будятъ отъ глубокаго сна, но на этотъ разъ ему уже не удастся опять заснуть. Два солдата завертываютъ его въ простыню и относятъ въ темницу, откуда ему суждено было выйти лишь для того, чтобы отправиться умереть въ ссылкѣ.

Совершился еще одинъ государственный переворотъ.

Новое царствованіе сразу потекло очень гладко. Но снова этой странной коронѣ недостаетъ лишь... наслѣдника. Императрица, не желающая признать таковымъ маленькаго Ивана, направляетъ свои поиски въ епископскій дворецъ князя-епископа любекскаго, гдѣ находится племянникъ епископа и внукъ Петра I, круглый сирота и суженый маленькой Софіи-Августы-Фредерики, принцессы Ангальтъ-Цербтсъ-Бернбургской, которая потеряла столько звучныхъ и славныхъ титуловъ, чтобы называться кратко—Екатерина II.

Теперь, послѣ всего сказаннаго, можно себѣ представить обстановку, въ которую судьба забросила эту молодую дѣвушку, надѣленную какъ большимъ умомъ, такъ и гибкимъ характеромъ, преисполненнымъ, однако, гордости и страсти.

Ея положеніе въ Петербургѣ было ужасно. Съ одной стороны, ея мать, сварливая нѣмка, ворчунья, жадная, скупая, мелочная и педантичная, награждавшая ее пощечинами и отбиравшая у нея новыя платья, чтобы присвоить ихъ себѣ; съ другой,—императрица Елизавета, грубая, крикливая бой-баба, постоянно подъ хмелькомъ, ревнивая, завистливая, приказывавшая слѣдить за каждымъ шагомъ молодой принцессы, доносить о каждомъ ея словѣ, ко всему относившая подозрительно,—и все это послѣ того, какъ она дала Екатеринѣ въ мужья самаго нелѣпаго олуха того времени.

Узница во дворцѣ, Екатерина не смѣетъ ничего дѣлать безъ разрѣшенія. Если она оплакиваетъ смерть своего отца, императрица посылаетъ ей сказать, чтобы она перестала, «ибо отецъ ея не былъ королемъ, чтобы его надо было оплакивать больше недѣли». Если принцесса начинаетъ выказывать дружескія чувства по отношенію къ какой-нибудь изъ приставленныхъ къ ней фрейлинъ, она можетъ быть увѣрена, что эту фрейлину уволить. Стоитъ ей связаться къ какому-нибудь вѣрному слугѣ, и она тѣмъ болѣе можетъ быть увѣрена, что послѣдняго выгонять вонъ.

Отношенія принцессы къ великому князю чудовищны, унизительны. Онъ посвящаетъ ее въ свои любовныя похождения. Пьяница съ десяти лѣтъ, онъ однажды ночью является къ своей женѣ; отъ него разить виномъ, и онъ пускается въ разглагольствованія относительно прелестей и чаръ дочери Бирона. Екатерина притворяется спящею; онъ ударяетъ ее кулакомъ, чтобы разбудить. Этотъ грубый дуракъ держитъ рядомъ со спальней жены свору собакъ, заражающихъ воздухъ зловоніемъ, а у себя въ комнатѣ вѣшаетъ крысъ, чтобы наказывать ихъ согласно правиламъ воинскаго артикула.

Это еще не все. Послѣ того, какъ нѣжныя чувства молодой женщины были грубо оскорблены, ее начали систематически развращать. Императрица усматривала непорядокъ въ томъ, что у

Екатерины нѣтъ дѣтей. Госпожа Чоглокова доводитъ объ этомъ до ея свѣдѣнія, намекаетъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается блага государства, слѣдуетъ жертвовать щепетильностью, и въ концѣ концовъ предлагаетъ ей на выборъ Салтыкова и Нарышкина. Молодая женщина разыгрываетъ изъ себя дурочку и беретъ ихъ обоихъ да еще Понятовскаго и такимъ образомъ начинаетъ ту эротическую карьеру, которую будетъ продолжать въ теченіе сорока лѣтъ.

Серьезное значеніе этихъ «Записокъ» для русскаго императорскаго дома заключается въ томъ, что онѣ доказываютъ, что домъ этотъ не только не принадлежитъ къ семейству Романовыхъ, но даже не ведетъ своего происхожденія отъ фамиліи... Гольштейнъ-Готторпской. Признаніе Екатерины на этотъ счетъ вполне ясно — отцомъ императора Павла былъ Сергѣй Салтыковъ.

Императорская диктатура въ Россіи напрасно старается изобразить себя, какъ нѣчто, опирающееся на вѣковую традицію. Прежде, чѣмъ кончить, скажемъ еще нѣсколько словъ.

При чтеніи этихъ «Записокъ» изумляетъ постоянное забвеніе одной вещи, словно, она не имѣла никакого значенія. Мы говоримъ о забвеніи *Россіи и народа*. Это — характерная черта той эпохи.

Зимній дворецъ съ своей административною и военною машиною представлялъ собою отдѣльный міръ. Подобно кораблю, плавающему на поверхности воды, онъ не имѣлъ съ обитателями океана никакихъ отношеній, кромѣ развѣ того, что поѣдалъ ихъ. Это было *государство для государства*. Устроенное на нѣмецкій ладъ, оно навязало себя народу, какъ завоеватель. Въ этой чудовищной казармѣ, въ этой необъятной канцеляріи царила сухая непреклонность, словно, въ военномъ станѣ. Одни отдавали и передавали приказанія, другіе молча повиновались. И былъ лишь одинъ пунктъ, гдѣ человѣческія страсти снова вспыхивали бурно и трепетно. Такимъ пунктомъ былъ въ Зимнемъ дворцѣ домашній очагъ, — не націи, но класса. За тройною цѣлью часовыхъ, въ грубо украшенныхъ салонахъ зарождалась лихорадочная жизнь, съ ея борьбой и интригами, съ ея драмами и трагедіями. Здѣсь-то и рѣшались судьбы Россіи, — въ сумеркахъ алькова, среди оргій, независимо отъ доносчиковъ и полиціи.

Какой же интересъ могла имѣть молодая нѣмецкая принцесса къ этому «великому неизвѣстному», къ этому народу, лишь подразумѣваемому, бѣдному, полу-дикому, скрывавшемуся въ своихъ деревняхъ за снѣгомъ и дурными дорогами, казавшемуся на улицахъ Петербурга какимъ-то страннымъ паріемъ, съ его преслѣдуемой бородой, съ запрещенною одеждою, которую лишь презрительно терпѣли?

Серьезные разговоры о народѣ Екатерина услышала лишь много времени спустя, когда казакъ Пугачевъ, во главѣ арміи возставшихъ крестьянъ, сталъ грозить Москвѣ.

Послѣ побѣды надъ Пугачевымъ Зимній дворецъ снова позабылъ о народѣ. И я не знаю, когда о немъ вспомнили бы, если бы онъ самъ не заявилъ своимъ господамъ о своемъ существованіи, поднявшись въ 1812, какъ одинъ человекъ. Отвергнувъ, съ одной стороны, освобожденіе отъ крѣпостного права, предложенное ему на кончикахъ чужеземныхъ штыковъ, онъ, съ другой—отправился умирать, чтобы спасти отечество, не дававшее ему ничего, кромѣ рабства, униженія, нищеты и забвенія со стороны Зимняго дворца.

Это было второе *memento* русскаго народа. Будемъ надѣяться, что при третьемъ о немъ станутъ помнить нѣсколько дольше.

Лондонъ,
15 ноября 1858 г. 1

◆◆ 1. 23 сентября 1858 г. нашъ повѣренный въ Дрезденѣ кн. Волконскій секретно телеграфировалъ министру иностр. дѣлъ: «Саксонскій агентъ въ Лондонѣ предлагаетъ купить издаваемыя Герценомъ весьма скандальныя (*très-scandaleux*) записки императрицы Екатерины II. Префектъ полиціи гарантируетъ успѣхъ. Цѣна 800 экю. Спѣшный отвѣтъ поможетъ успѣху».

Кн. Горчаковъ въ тотъ же день обратился къ кн. Долгорукову: «Вотъ, милый князь, секретная депеша, дополняющая замѣтку, врученную мною вамъ въ Варшавѣ. Какъ вы уже общали государю, вамъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ дать ходъ предложенію, намъ дѣлаемому». Шефъ жандармовъ помѣтилъ на запискѣ: «По личному совѣщанію моему съ кн. Горчаковымъ, кн. Волконскому, съ высоч. разрѣшенія, дано уже знать по телеграфу, чтобы онъ приказалъ купить предлагаемый экземпляръ записокъ императрицы Екатерины II и постарался, чтобы не осталось за границею другихъ экземпляровъ тѣхъ же записокъ. 24 сентября». Немедленно запросили директора им. Публичной бібліотеки бар. М. А. Корфа; 29 сентября онъ отвѣтилъ, что въ «бібліотекѣ, по отобранному отъ хранителя ея рукописей (находившагося въ ней съ 1844 года) отзвѣву, подтверждаемому также всѣми прежними и теперешними каталогами и описями, никакихъ мемуаровъ императрицы Екатерины II на французскомъ языкѣ не имѣется и никогда не находилось». Долгоруковъ написалъ на этой бумагѣ: «Эти записки предполагаетъ печатать Трюбнеръ въ Лондонѣ. Доложено Его Величеству 1 октября» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., 1 экс., дѣло № 239, ч. 10).

Къ сожалѣнію, это все, что мнѣ удалось достать изъ архива III Отдѣленія; исходъ дѣла извѣстенъ: «Записки» были изданы, но гдѣ рукопись-копія—неизвѣстно. Кто хотѣлъ продать ее—тоже осталось пока тайной. Относительно неожиданности появленія приложеннаго къ «Запискамъ» письма Петра III интересующіеся найдутъ рассказъ въ VII т. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», 300—308.

Кто доставилъ копію Герцену? Огарева не назвала имени этого лица, сказавъ о самомъ фактѣ лишь слѣдующее: «Въ это время (предшествовавшее въ рассказѣ было двумя годами позже —*М. Л.*) приѣхалъ къ А. И. одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшого роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, я могу открыть тайну, которую знаю одна: могу рассказать о причинѣ, которая привела его въ Лондонъ. Послѣ его перваго посѣщенія Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ приѣзду NN. Онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ—продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь,—это записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орѳографія, это—вѣрная копія». Когда записки императрицы были напечатаны, NN. былъ уже въ Германіи, и никто не зналъ объ его поѣздкѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести записки эти на русскій языкъ. Герценъ съ радостью выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяць переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню, кто перевелъ упомянутыя записки на нѣмецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что онѣ явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появленіемъ неслыханное впечатлѣніе во всей Европѣ» (стр. 137—138).

1145. Письмо къ сыну.

17 Novembre (1858).
Putney.

Сейчасъ отправляю съ Гюберомъ ¹⁾ въ Лондонъ твои книги. Все это здѣсь очень трудно дѣлается, и я не увѣренъ, дойдутъ ли онѣ, а потому микроскопъ оставляю до полученія отъ тебя отвѣта.

Фогтъ, кажется, пересталъ сердиться на тебя,—онъ писалъ ко мнѣ.

Для статистики о крестьянахъ у тебя есть матеріалы въ «Dévelop. des idées révol.», въ «Колоколѣ»; если же ты чего не знаешь, то прецизируй ²⁾ вопросъ, и тогда я напишу.

Впередъ ничего не могу сказать; мнѣ бы самому хотѣлось взглянуть на твое житье, но это—еще дѣло нерѣшенное. Присутствіе мое въ Лондонѣ нужно, а то эдакъ и колокольный звонъ установится. Если вакаціи продолжаются десять дней, ты можешь пріѣхать. Но главное теперь—не отдыхъ, а трудъ,—этого не теряй изъ вида. Не теряй времени на студентскіе пріемы, посвященія... Все это—etwas plump ³⁾ (да и не пуддингъ).

Что касается до Россіи, то твои сужденія сдѣланы поспѣшно. Рѣчь госуд. въ Москвѣ все же напечатана, и движеніе идетъ колоссальнымъ шагомъ впередъ; страны въ 60,000,000 не такъ легко двигаются, какъ женевскій кантонъ. «Indép. Belge» говоритъ, между прочимъ, что Ростовцовъ не назначенъ министромъ внутр. дѣлъ потому, что въ общественномъ мнѣніи его слишкомъ уронили русскія заграничныя публикаціи, т.-е. «Колоколъ».

Съ другой стороны, противъ насъ подымается война, и ты увидишь въ слѣдующемъ «Колоколѣ» обвинительный актъ противъ меня и клевету нѣмецкой работы. Я пришлю Фогту (Адол.), чтобъ напечатали въ Бернѣ отвѣтъ.

Книги посланы, слѣд., справься; придуть *въ 7 дней*, посланы 17-го.

Мы переѣзжаемъ на будущей недѣлѣ.

Третьяго дня жена Кинкеля, въ припадкѣ, случившемся отъ заневризма, бросилась въ окно, упала на дворъ и ушиблась до смерти. Завтра ее хоронять.

Тебѣ кланяется Васбантеръ ⁴⁾; онъ пріѣхалъ изъ Америки,

¹⁾ Слуга.

²⁾ Préciser—точно опредѣлить.

³⁾ Грубовато; игра словъ: plump—грубый, плумпъ—пуддингъ—національное англійское блюдо.

⁴⁾ Fasbinder.

завель типографію, сошелъ съ ума; Девиль его посадилъ въ сумасшедшій домъ; онъ взошелъ въ умъ и вчера былъ у насъ.

Засимъ прощай.

Какую бы бездѣлицу прислать Фогтовой матери?

А письма, все-таки, можешь писать менѣе разсѣянно и печатать не ногой, а рукой.

Наташа не успѣла писать.

1146. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 ноября (1858).

Putney,

притомъ въ послѣдній разъ.

Ваше письмо и свидѣтельство непростительной памяти въ порядкѣ получено, но отдастъ завтра. Теперь начинаю о разныхъ дѣлахъ,—дѣлъ и новостей бездна.

1-е. Въ томъ письмѣ, въ которомъ вы прислали Бабстову ¹⁾ статейку, говорится о посылкѣ намъ *свода* черезъ Nutt'a, книгопр-въ Лондонѣ. Мы уже гораздо прежде получили такую вѣсть, но свода до вчерашняго дня нѣтъ. Съ кѣмъ онъ посланъ, какъ, когда и пр.?

2-е. Въ слѣдующ. «Колоколъ» вы увидите статью Чичеръ: порадитесь этой холодной ненависти къ намъ, которая дышетъ изъ каждой строки ²⁾. «Атеней» издаетъ Коршъ ³⁾ съ нимъ, и Чич. говоритъ, что Коршъ съ нимъ во всемъ согласенъ. Неужели и онъ во враждебномъ стану? «Атеней» перешлетъ намъ Пѣтра ⁴⁾,—я получилъ очень хорошо и не дорого (всего, помнится, 7 шил.). Намъ недоставало одного въ Россіи—партіи образованныхъ враговъ... но не странна ли судьба, что она составляется учениками Грановскаго, друзьями Корша, Кр. ⁵⁾ et cetera?

3. А вотъ и еще получше. Плюгавый Колачекъ прислалъ мнѣ въ пакетѣ отрывокъ американскаго журнала, въ которомъ Гуровскій ⁶⁾ обвиняетъ меня, что я разбогатѣлъ продажей крестьянъ.

¹⁾ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ.

²⁾ См. № 1151.

³⁾ Евгеній Федоровичъ.

⁴⁾ Петръ Александровичъ Захарьинъ.

⁵⁾ Крюковъ.

⁶⁾ Графъ Адамъ, польскій публицистъ, панславистъ, возглавившій эту миссію на Россію.

и Колачекъ подписался, что онъ посылаетъ. Ну, этихъ мошенниковъ я проберу, какъ вы увидите, на дняхъ ¹⁾).

4. Третьяго дня жена Кинкеля выбросилась изъ третьяго этажа въ окно на каменный дворъ,—смерть была немедленная. По всему вѣроятю (она страдала гипертрофіей сердца), она въ тоскѣ удушья высунулась въ окно, потому что ничего этому не предшествовало. Вчера я былъ у нихъ въ домѣ... Круповъ думалъ, что всѣ люди сумасшедшіе; я думаю, земной шаръ вообще—сумасшедшая планета.

Впрочемъ, на закуску ищу новости получше. «Indép. Belge» говоритъ, что мы такъ уронили Ростовцова въ общ. мнѣніи, что онъ не будетъ министромъ.

Скульпторъ Грассъ сдѣлалъ мой бюстъ по заказу Трюбнера,—превосходный. Я велю для себя отлить два бронзовыхъ (маленькихъ), изъ нихъ одинъ пришло вамъ.

Дома all right. Нашъ новый адресъ будетъ такъ: Park House, Percy Cross, Fulham. ¹

Впрочемъ, на старый адресъ письма съ недѣлю будутъ доходить да и домъ будетъ считаться за мною съ 1 декабря, хотя я думаю переѣхать около 24.

Вы меня спрашивали, отчего я не собирировалъ Рейхеля назначеніе? Потому что мнѣ все кажется, что это мало для него и мало выгодно въ денежномъ отношеніи. Дѣти ничего. Ольга очень умна, но страшно шалить и совсѣмъ не учится. Наташа—благородное и горячее существо, но вяло учится, хорошо—только живописи.

Нат. Апол. въ понедѣл. ѣдетъ,—она еще хуже учится, не жели Ольга, и вовсе неумна. Прощайте, Рейхеля поцѣлуйте.

Тата будетъ отвѣчать завтра.

◆◆ 1. Новая квартира была недалеко отъ прежней, за путнейскимъ мостомъ. При домѣ были большой садъ и огородъ; квартира располагалась въ трехъ этажахъ (подробности въ «Воспоминаніяхъ» Огаревой, 144—145).

1147. Отъ издателя.

Читатели наши, можетъ, помнятъ нѣсколько пояснительныхъ словъ, сказанныхъ нами въ предисловіи къ *первой книжкѣ* «Голосовъ изъ Россіи». Мы просимъ не забывать, что въ отношеніи

¹⁾ См. №№ 1154 и 1155.

къ «Голосамъ» мы—типографы, готовые печатать все, исключая одно—писанное съ цѣлью упрочить современный порядокъ дѣлъ въ Россіи, потому что всѣ усилія наши только къ тому и устремлены, чтобъ его замѣнить свободными и народными учрежденіями. Что же касается до средствъ, мы отворяемъ двери на всѣ стороны, вызываемъ на всѣ споры, не отвѣчая, разумѣется, за мнѣнія, изложенныя не нами.

Даже тѣ мнѣнія, съ которыми мы вовсе не согласны, должны быть закрѣплены печатаніемъ, чтобъ остаться свидѣтельствомъ того, какія мысли волновали въ нашу переходную эпоху русскую душу.

Большой шагъ сдѣланъ отъ скромнаго желанія освобожденія крестьянъ, высказывавшагося *въ первой* книжкѣ «Голосовъ», дострогаго отвѣта вяземскаго мужичка князю Голицыну ¹⁾.

Въ первой книжкѣ все подкрашено розовой краской: Николай умеръ, миръ заключенъ, реформы обѣщаны. Во второй книжкѣ скептицизмъ примѣшивается къ увѣренности... Онъ возрастаетъ въ IV книжкѣ до озлобленнаго негодованія («Письмо къ редактору»). Авторъ письма винить уже не правительство, онъ идетъ далѣе и обрушиваетъ всю отвѣтственность на народъ. Не соглашаясь съ авторомъ, мы и не думали порицать этотъ гнѣвъ, мы сами знакомы съ нимъ. Это—та же любовь, только опрокинутая. Мы вполне понимаемъ страстную логику, по которой авторъ дошелъ до чаадаевского раздражительнаго отчаянія, и по которой *вяземскій крестьянинъ* долженъ былъ такъ отвѣчать балагуру князю, съ его наивными угрозами «бушкѣ барану» и съ его сіятельно-любезнымъ краснорѣчіемъ.

Между ними мы помѣстили спокойную дѣловую статью *объ удѣльныхъ крестьянахъ*; она, можетъ, была бы больше на мѣстѣ въ пятой книжкѣ съ глубоко-обдуманномъ и очень замѣчательнымъ проектомъ «*освобожденія крестьянъ*», но мы такъ поторопились передать его читателямъ, что только его и помѣстили ²⁾.

Что касается до статьи «Объ удѣльныхъ крестьянахъ», мы въ одномъ не можемъ согласиться съ авторомъ. Удѣльные крестьяне не идутъ въ сравненіе съ крѣпостными. Помѣщичьи крестьяне—печальный фактъ, но фактъ частнаго владѣнія, а удѣльные крестьяне—призракъ. Это—тѣ же государственные крестьяне съ инымъ на-

¹⁾ Въ VI кн. напечатано «Слово князю Сергѣю Павловичу Голицыну въ отвѣтъ на его «Печатную правду», вяземскаго мужичка Петра Артамонова».

²⁾ Кн. V—«Объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи» написана В. А. Панаевымъ. ¹

званіемъ. Они намъ напоминаютъ барыню, которая Кузьмѣ велѣла называться Василіемъ. Отдѣлить помѣщикамъ крестьянамъ не менѣ $\frac{1}{3}$ земли совершенно справедливо; но отдѣлить удѣльнымъ крестьянамъ $\frac{1}{3}$ земли значитъ отнять у нихъ остальную, которою они пользуются такъ же, какъ государственные крестьяне пользуются своей землею. Такой несправедливости для примѣра господамъ помѣщикамъ сдѣлать нельзя. Все, что можно сдѣлать—это уничтожить министерство удѣловъ и оставить одни государственныя имущества. Правительство уже тѣмъ много выиграетъ, что вездѣ будутъ окружные, получающіе 1,000 р. жалованья, вмѣсто удѣльныхъ управляющихъ, получающихъ 7,000 р. с. жалованья и 4,000 и болѣе отъ общественной запашки. Правительство жестоко ошибается, думая, что при большомъ жалованьи въ государствѣ, гдѣ нѣтъ ни суда, ни гласности, чиновники станутъ меньше красть; доказательство противнаго то, что удѣльные управляющіе такъ же грабятъ при 11,000 дохода, какъ окружные—при 1,000 р. жалованья. Крестьяне же выиграютъ уничтоженіемъ министерства удѣловъ то, что они не будутъ пахать на управляющаго, воспользуются землею Запашекъ, теперь для нихъ бесполезною, и избавятся отъ ежеминутнаго притѣснителя, который не оставляетъ въ покоѣ ни хозяйственной, ни семейной жизни крестьянина, т. е. отъ удѣльнаго управляющаго.

10 ноября 1858.

Путней.

◆◆ 1. Проектъ былъ написанъ В. А. Панаевымъ въ 1856 г. Пользуясь заграничною командировкою, онъ рѣшилъ обратиться къ Герцену для напечатанія своего труда. По пріѣздѣ въ Лондонъ Панаевъ письменно просилъ Герцена о содѣйствіи. Послѣдній предложилъ явиться къ нему съ рукописью.

«Когда я пріѣхалъ къ нему,—разсказываетъ Панаевъ,—онъ былъ въ кабинетѣ одинъ. Освѣдомившись о моемъ социальномъ положеніи и узнавъ, что я—авторъ статьи «Община», напечатанной недавно въ «Современникѣ», онъ сказалъ:

«—Я вполне раздѣляю всѣ взгляды, изложенные въ вашей статьѣ; очевидно, что вы пристально изучили русскій народный бытъ; теперь потрудитесь прочесть мнѣ что-нибудь изъ вашего проекта, чтобы я могъ судить объ его направленіи.

«Проектъ мой состоялъ изъ краткаго предисловія и былъ раздѣленъ на три главы, озаглавленные: «Цѣль», «Путь» и «Средства». Я прочелъ предисловіе и остановился; тогда Герценъ попросилъ прочесть первую главу. Я прочелъ и опять остановился.

«—Я прошу васъ прочесть и вторую главу—сказаль онъ.

«Я прочель и въ третій разъ остановился.

«—Нѣтъ, ужъ читайте до конца,—сказаль онъ.

«Все чтеніе рукописи заняло пять часовъ.

«Когда я кончилъ, Герценъ немедленно позвонилъ, и явился человѣкъ.

«—Julie, попросите Огарева прійти ко мнѣ теперь же,—сказаль Герценъ.

«Пришелъ Огаревъ.

«—Позволь,—говорилъ онъ, обращаясь къ Огареву,—познакомить тебя съ авторомъ «Общины», такъ намъ понравившейся, а теперь онъ привезъ намъ другой свой трудъ—проектъ освобожденія крестьянъ. Я выслушалъ его весь до конца. Вопросъ исчерпанъ вполне Панаевымъ, и намъ придется сложить перья по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Я просилъ бы тебя распорядиться, чтобы неотлагательно было приступлено къ набору, и такъ какъ проектъ весьма серьезень, то его надо напечатать отдѣльной книжкой, а не въ «Колоколѣ».

«...Въ это время Герценъ былъ, неоспоримо, огромная политическая величина, блестящій и выдающійся литературный талантъ, основатель русскаго книгопечатанія за границей, полный хозяинъ всѣхъ печатаемыхъ имъ изданій, человѣкъ съ большими средствами и вполне ни отъ чего, ни отъ кого независимый. Его вниманіемъ дорожили, въ немъ, можно сказать, заискивали; сотни лицъ изъ всѣхъ сферъ общества, и преимущественно изъ высшихъ, посѣщали его въ Лондонѣ, и онъ былъ поглощенъ трудами по своимъ изданіямъ.

«Сколькими, повидимому, атрибутами обладалъ Герценъ, чтобы разыгрывать роль политическаго и литературнаго генерала, чтобы кичиться своимъ положеніемъ, окружить себя стѣнами недоступности. Ничего подобнаго въ Герценѣ не проявлялось, онъ не терпѣлъ ничего не натурального, искусственнаго и ходульнаго.

«Такого горячаго, сердечнаго приѣма моему проекту я не ожидалъ. Тутъ высказалось самое добросовѣстное отношеніе къ сущности дѣла, отсутствіе предвзятыхъ мыслей и узкихъ доктринъ и отстраненіе личнаго самолюбія, такъ какъ мой проектъ далеко не подходилъ къ тѣмъ взглядамъ, которые излагались по крестьянскому вопросу въ «Колоколѣ» («Рус. Старина» 1902, V, 319—321).

1148. Письмо къ Ж. Мишле. ¹

24 Novembre 1858.

Park House, Percy Cross, Fulham.

Cher Monsieur, j'ai eu le grand plaisir de recevoir votre lettre, j'attends avec impatience le nouveau livre. Le sujet m'intéresse d'autant plus—que je voudrais voir la différence entre votre concept de *l'amour* et celui de Proudhon, dans son dernier ouvrage. Je vous avoue que je ne suis nullement l'admirateur de cette famille romaine—condamnée aux travaux forcés à perpétuité sans amour, sans indépendance, avec un pater familias à l'Empereur Nicolas.

Vous m'envoyez la théorie de l'amour, permettez moi de vous offrir l'amour mise en pratique, c'est à dire un volume des mémoires de Catherine II—que je viens de publier—c'est «la négative» de la photographie. Vous me demandez concernant notre imprimerie russe—nous publions maintenant un journal, deux revues et des ouvrages à part; les éditions (à 1,500 et 2,000); ils paraissent dans deux, trois mois. Notre journal («La Cloche») a une influence très grande en Russie. Les affaires vont lentement là-bas, mais elles marchent, et les paysans seront émancipés *avec la terre*. Notre Louis XVI (moins Turgot) est un homme faible—mais l'émancipation des paysans est son idée fixe.

Le mouvement littéraire en Russie est aussi très remarquable—la question de l'émancipation est traitée dans tous les journaux, et dans trois ou quatre d'un point de vue socialiste. En même temps une opposition tenace et louche de la part des seigneurs qui tâchent d'arracher la terre et qui voudraient serrer un peu l'écharpe, comme en 1801.

Tout cela est extrêmement intéressant. Mes prédictions s'accomplissent.

Ajoutez à cela le mouvement industriel, les chemins de fer et l'Amérique donnant la main à travers l'Océan Pacifique aux colons de l'Amour—et vous verrez que nous sommes entrés dans une nouvelle phase.

Bakounine s'est marié avec la fille d'un Polonais exilé, il demeure à Irkoutsc sous la surveillance de la police. L'Empereur voulait l'amnistier complètement—l'ambassadeur du roi de Saxe a *protesté!*

Lorsque j'ai reçu votre bonne lettre—j'étais à regarder quelques portraits russes—et l'idée m'est venue qu'étant un grand physionomiste—peut être cela ne vous sera pas désagréable de jeter un coup d'oeil sur 3 portraits—tous d'une ressemblance frappante.

Le 1—c'est *Tchaadaëff*, auteur d'un célèbre article sur la Russie que vous citez dans vos «Légendes»; c'est lui qui a été déclaré fou par Nicolas—regardez ce front magnifique—quelle dérision!

Le 2. c'est Ogareff—certainement le premier poète russe contemporain. C'est mon ami d'enfance.

Le 3. C'est moi même venant vous saluer en effigie.

Je les envoie par la poste et

Vous serre la main de tout mon coeur.

A. *Herzen*.

Je change de logement, voilà mon adresse: Park House, Percy Cross, Fulham.

Переводъ.

24 ноября.

Дорогой другъ, съ великимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо, жду съ нетерпѣніемъ новую книгу. Сюжетъ ея тѣмъ болѣе для меня интересенъ, что я хотѣлъ бы видѣть разницу между вашимъ представленіемъ о *любви* и Прудоновымъ, которое онъ изложилъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ. Долженъ признаться, что я совсѣмъ не поклонникъ пресловутой римской семьи, приговоренной къ безсрочной каторгѣ безъ любви, безъ независимости, съ «главою семейства» въ духѣ императора Николая.

Вы посылаете мнѣ теорію любви, позвольте же мнѣ предложить вамъ любовь на практикѣ, т.-е. томъ мемуаровъ Екатерины II, который я только что выпустилъ; это—«негативъ» по отношенію къ фотографіи. Вы спрашиваете меня относительно нашей русской типографіи.

Мы печатаемъ теперь: газету, два журнала и различныя сочиненія отдѣльными изданіями (по 1,500 и 2,000)—появляются каждые два, три мѣсяца. Наша газета («Колоколь») пользуется очень большимъ вліяніемъ въ Россіи. Дѣла тамъ подвигаются медленно, но на мѣстѣ не стоятъ, и крестьяне будутъ освобождены *съ землею*. Нашъ Людовикъ XVI (минусъ Тюрго) ¹⁾—человѣкъ слабохарактерный, но освобожденіе крестьянъ—его завѣтная мысль.

Весьма примѣчательно литературное движеніе въ Россіи; вопросъ объ освобожденіи разбирается во всѣхъ газетахъ, и въ трехъ

¹⁾ Экономистъ-физиократъ, министръ финансовъ, еще до Неккера старался осуществить освободительныя реформы во Франціи.

или четырехъ изъ нихъ—съ точки зрѣнія социалистической. Въ то же время—упорная и подозрительная оппозиція со стороны помѣщиковъ, которые стараются вырвать землю себѣ и были бы не прочь немножко затянуть шарфъ, какъ въ 1801 году.

Все это чрезвычайно интересно. Мои предсказанія сбываются.

Прибавьте къ этому оживленіе промышленности, желѣзныя дороги и Америку, протягивающую руку черезъ Тихій океанъ къ колонистамъ Амура,—и вы увидите, что мы вошли въ новую фазу.

Бакунинъ женился на дочери ссыльнаго поляка ¹⁾ и живеть въ Иркутскѣ подъ надзоромъ полиціи. Императоръ хотѣлъ дать ему полную амністію,—посланникъ саксонскаго короля *протестовалъ!*

Когда я получилъ ваше хорошее письмо, я занимался разсматриваніемъ нѣкоторыхъ русскихъ портретовъ, и мнѣ пришла мысль, что, какъ замѣчательному физиономисту, вамъ было бы пріятно взглянуть на 3 портрета, изъ которыхъ каждый отличается поразительнымъ сходствомъ съ оригиналомъ.

1-ый, это — Чадаевъ, авторъ знаменитой статьи о Россіи, котораго вы цитировали въ вашихъ «Легендахъ». Императоръ Николай объявилъ его сумасшедшимъ; какая это насмѣшка,—посмотрите только на его великолѣпный лобъ.

2-ой, это — Огаревъ, безъ сомнѣнія, первый изъ современныхъ русскихъ поэтовъ. Это — мой другъ съ дѣтства.

3-ій, это — я самъ, являющійся къ вамъ на поклонъ собственнымъ изображеніемъ.

Посылаю ихъ по почтѣ и
жму руку отъ всей души.

А. Герценъ.

Мнѣняю квартиру; вотъ мой новый адресъ: Park House, Percy Cross, Fulham. ²

◆◆ 1. 18 ноября 1858 г. Мишле писалъ Герцену изъ Парижа.

«Дорогой Герценъ, въ теченіе 18 мѣсяцевъ меня угнетали опасенія, внушаемая болѣзнью жены. Изъ-за этого мнѣ пришлось вести бродячую жизнь на берегу моря—въ Провансѣ, Нормандіи и Бретани; я забросилъ свои дѣла и своихъ друзей, но думалъ о нихъ,—повѣрьте мнѣ въ этомъ.

Посылаю вамъ черезъ корреспондента книгоиздателя Гашетта книгу, которая будетъ имѣть для васъ нѣкоторый интересъ—«Лю-

¹⁾ Антонина Ксаверіевна Квятковская.

«бовь». Вы оцѣните все ея значеніе при нынѣшнемъ состояніи нашихъ западныхъ нравовъ и нервномъ разслабленіи, — *полиамическомъ*, алкоголическомъ и наркотическомъ, которое мало-по-малу понижаетъ расу и уровень политическихъ и социальныхъ воззрѣній.

Одновременно я подвигаюсь впередъ въ огромной своей работѣ по исторіи Франціи. Въ мартѣ 1858 вы уже должны были получить «Фронду», а въ мартѣ 1859 получите половину «Людовика XIV».

Какъ идутъ ваши изданія? Если вѣрить тому, что говорятъ о чудесномъ подъемѣ въ Россіи за послѣдніе два года, — вамъ не миновать сдѣлаться монархомъ ея сердца и истиннымъ императоромъ ея умовъ. О, дорогой Герценъ, отчего я не могу лично поговорить съ вами обо всемъ этомъ, отчего не могу преломить хлѣба вмѣстѣ съ вами? Въ Парижѣ, надѣюсь, я пробуду всю зиму. Я нашелъ его мрачнымъ и темнымъ. Мнѣ нужно будетъ получить отъ васъ лучъ свѣта изъ страны свободы, — отблескъ отъ большихъ горизонтовъ Европы. Мы можемъ еще сказать вмѣстѣ съ Вольтеромъ: свѣтъ возвращается къ намъ съ Сѣвера.

Жму вамъ дружески руку и прошу вѣрить въ неизмѣнныя мои чувства.

Ж. Мишле.

Есть у меня въ Москвѣ другъ, г. Гильонъ, *главный секретарь желѣзныхъ дорогъ*, человекъ съ удивительно прекраснымъ сердцемъ. Я буду вамъ признателенъ, если найдете случай его рекомендовать» (съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; напечатано Monod).

2. 1 декабря Герценъ получилъ письмо Ж. Мишле отъ 28 ноября:

«Дорогой Герценъ, я не читалъ ничего болѣе интереснаго, чѣмъ ваши «Мемуары Екатерины», ничего, что позволило бы лучше осознать съ нѣкоторыхъ сторонъ глубочайшую основу ея натуры. Какъ вы сказали въ своемъ дивномъ предисловіи: одно только отсутствуетъ во всемъ этомъ, это — Россія.

«Династическій секретъ», — какъ, *во что бы то ни стало*, создать наслѣдника, былъ ужъ извѣстенъ — не помню, какой-то датской королевы, — но въ данномъ случаѣ, по признанію самой *пациентки*, дѣло было обработано гораздо лучше.

«Это прямо захватываетъ, а то, что она потомъ говоритъ, что первый мужчина былъ «такъ-себѣ», неважная штука, второй, — неважная штука, шутъ, 3-ий не больше стоилъ, этотъ — фатъ (Понятовскій!), — *пациентка* должна проникнуться страшнымъ презрѣніемъ къ мужчинамъ. Одно слово даетъ предвидѣть, что, безропотно по-

корившись такимъ дѣламъ, она также безропотно примирится со смертью Петра III.

«Это съ вашей стороны—настоящая заслуга и большое мужество. Династии помнятъ такія вещи больше, чѣмъ о какой-либо политической оппозиціи.

«Я могу вамъ сказать, что «Любовь» идетъ здѣсь хорошо. Первый заводъ въ 10.000 разоидется уже въ декабрѣ, и мы подготавливаемъ второе изданіе. Сожалѣю лишь о томъ, что книга настолько еще не полна и такъ еще слаба, но при нашихъ распущенныхъ и лицемѣрныхъ нравахъ нельзя высказать наиболѣе существенныя вещи.

«Очень радуюсь тому, что вы мнѣ сообщаете о великой социальной революціи въ Россіи. Привѣтливо жму вашу руку. Ж. Мишле.

«Я далъ издателю вашъ точный адресъ» (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена).

25 января 1859 Мишле писалъ изъ Парижа: «Мой дорогой Герценъ, посылаю вамъ по почтѣ статью, которая въ Парижѣ произвела большую сенсацію,—изъ «*Courrier de Dimanche*». Авторъ ея — г. Шапюи, талантливый молодой человѣкъ, которому я одолжилъ книгу ¹⁾). Тотчасъ же ко мнѣ явились сотрудники изъ «*Revue des Deux Mondes*» съ просьбою также дать имъ эту книгу, и я сдѣлалъ бы это, если бы не былъ такъ заваленъ работою, да, сверхъ того, и нездоровъ; наконецъ, я опасался повредить интересамъ г. Делава, который даетъ этому журналу статьи о русскихъ дѣлахъ.

Въ ближайшихъ своихъ книгахъ я найду естественный поводъ выразить болѣе прочнымъ образомъ сердечное уваженіе, которое высказалъ вамъ, и пожеланія, которыя дѣлаю по поводу возрожденія вашего великаго отечества.

Покажѣтъ я ознакомилъ Пельтана ²⁾ (изъ газ. «*La Presse*») съ «*Екатериною*»; онъ о ней поговоритъ и въ этой газетѣ и въ новомъ изданіи своей книги «*Монархи-философы*».

Тысяча благодарностей за ваши прекрасныя гравюры. Похожъ ли вашъ портретъ? не мѣняется ли борода общій видъ? Чаадаевскій—*изумительенъ!* Онъ повергаетъ въ глубокое раздумье о невѣдомомъ мірѣ!

¹⁾ «Записки» Екатерины II.

²⁾ Евгений, извѣстный французскій журналистъ и политическій дѣятель.

А вотъ и нашъ міръ скоро будетъ вовлеченъ въ изумительно большое движеніе. Намъ брѣвается ли и Россія отхватить себѣ часть Австріи? Галицію? Многіе это думаютъ.

Сердечно жму вамъ руку.

Ж. Мишле.

Я хорошенько побранилъ за «Любовь». Не сомнѣваюсь, что вы ее получили. Она идетъ хорошо. Напечатано 38.000, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ продано 26.000.

«*Courrier de Dimanche*» хотѣлъ бы очень имѣть два экземпляра «Екатерины», если это возможно: одинъ для Ганеско, редактора, другой—для Шассена ¹⁾, который составилъ статью.

Я сокрушенъ тѣмъ, что потерялъ вашу очаровательную статью о злосчастной публичной женщинѣ въ Лондонѣ и пр.» (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена).

1149. Письмо къ сыну.

25 нояб. (1858).

Park House, Percy Cross, Fulham.

Ну, вотъ мы и въ новомъ домѣ; домъ очень, кажется, хорошъ; всѣ эти дни была стужа, нынче полегче; у насъ, какъ слѣдуетъ, все разбросано. Наташѣ поручаю сдѣлать планъ и описаніе, Ольгѣ—разрисовать его.

Natalie показывала мнѣ твое письмо. Можетъ, лучше было бы писать прямо ко мнѣ; какое посредство можетъ быть между мной и тобой? ²⁾

Вы замѣняете для меня и семью, и домъ, и главное—вашу мамашу; я хотѣлъ бы видѣть въ васъ сколько-нибудь продолженіе ея и продолженіе нашей жизни. Я не много требую. Вы сами должны видѣть истинность того, что я хочу ³⁾.

Думаю, что Vivos voco лучше не вырѣзывать. Во-первыхъ, потому что медвѣдь не зоветъ vivos иначе, какъ для того, чтобъ закусить ими, и его зыкъ скорѣе отгоняетъ,—потомъ это слишкомъ важно. Мой девизъ нѣкогда былъ: *semper in motu* ³⁾, а сверху огонь.

Объ этомъ еще надобно подумать.

¹⁾ Шассенъ—одинъ изъ давнихъ переводчиковъ съ русскаго языка на французскій; поработалъ очень много въ этой области.

²⁾ Опускаю нѣсколько строкъ по семейнымъ соображеніямъ.

³⁾ Вѣчно въ движеніи.

1150. Америка и Сибирь.

«Когда окончится желѣзная дорога къ Тихому океану, и Россія, съ своей стороны, будетъ имѣть открытый берегъ на немъ, тогда русскіе и американцы могутъ, спокойно обращаясь спиной къ Европѣ, протянуть другъ другу руку черезъ него, и да будетъ самое имя океана (Pacifique ¹⁾) добрымъ знаменіемъ будущаго союза!

...«Нашъ вѣкъ—вѣкъ быстро совершающихся событій; новыя государства возникаютъ на берегахъ невѣдомыхъ морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся въ исполненіе: Россія и Америка далеко оставляютъ за собой другія государства въ выполненіи ихъ. Если управленіе русской колоніей на Амурѣ еще лѣтъ десять пойдетъ тѣмъ быстрымъ шагомъ къ развитію, какъ въ прошломъ году, то мы двинемся на полстолѣтія впередъ. Трактатъ, заключенный Муравьевымъ, со временемъ будетъ имѣть міровое значеніе».

Вотъ что говоритъ филадельфійскій «Daily Evening Bulletin» отъ 8 октября 1858 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Our western neighbor». «Трактату этому,—прибавляетъ авторъ статьи,—мы имѣемъ столько же причинъ радоваться, какъ жители Иркутска и всей Сибири».

Мы не избалованы сочувствіемъ другихъ народовъ, не избалованы также и ихъ *пониманіемъ*. Причинъ на это было много и на главномъ планѣ—вся петербургская политика съ 1825 г. Но Россія изъ этого періода выходитъ, отчего же одна Америка догадывается объ этомъ и первая привѣтствуетъ?

Оттого, что Россія съ Америкой встрѣчаются *по ту сторону*; оттого, что между ними цѣлый океанъ соленой воды, но нѣтъ цѣлага міра застарѣлыхъ предразсудковъ, остановившихся понятій, завистливаго мѣстничества и остановившейся цивилизаціи.

Скоро будетъ *десять* лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы высказали нашу мысль о взаимномъ отношеніи этихъ *будущихъ* въ подорожной современной исторіи ²⁾. Мы говорили, что у Россіи въ грядущемъ только и есть одинъ товарищъ, одинъ попутчикъ—Сѣверные Штаты, мы повторяли это много разъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ

¹⁾ Миролюбивый, также франц. названіе Тихаго океана.

²⁾ При тогдашнихъ конно-почтовыхъ передвиженіяхъ каждому ѣдущему предоставлялось положенное число лошадей и соотвѣтственное число мѣстъ; каждый, уплатившій полностью за максимальное положенное ему число лошадей, имѣлъ право взять съ собой бесплатно попутчика, который означался въ подорожной словами: «съ будущимъ».

тому назадъ ¹⁾ имѣли случай сказать: «Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе, и притомъ нѣмецкое, заставляетъ Россію мѣшаться во всѣ западныя дѣла. Въ предстоящей борьбѣ, къ которой невольнo влечется Европа, Россіи вовсе ненужно принимать дѣятельнаго участія. Намъ тутъ нѣтъ наслѣдства, и мы равно не связаны ни воспоминаніями, ни надеждами съ судьбами этого міра. Если Россія освободится отъ петербургской традиціи, у ней есть одинъ союзникъ—*Сѣверо-Американскіе Штаты*».

Умнѣйшіе люди нашего времени, люди смѣлаго прогресса, какъ Маццини, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слушали, слегка улыбаясь, наши сужденія; они въ нихъ видѣли несчастный патріотизмъ, утѣшающійся несбыточными мечтами, и не отнимали у насъ изъ состраданія этой «мыши колодника». Россія съ запертыми воротами, занесенными снѣгомъ, передъ которыми шагаль грозный часовой въ мѣдной каскѣ и ботфортахъ, пугала издали, оставаясь какимъ-то непонятнымъ, зловѣщимъ зданіемъ изъ-за едва вырѣзывающагося полуночнаго мрака.

До Крымской войны никто не подозрѣвалъ внутренней работы Россіи: за нѣмыми устами предполагали нѣмой умъ и нѣмое сердце, а между тѣмъ мысли, посѣянные 14 декабря, зрѣли, разѣдали грудь и подтачивали незамѣтно дубовыя ворота николаевского острога. Прежде, чѣмъ кончилась эта работа, стѣны его треснули: ихъ пробили ядра союзниковъ. Скрытое, спертое броженіе вырвалось наружу, неправильно забѣгая, отставая, отклоняясь, но со всею мощью сгнетенной силы.

Все, о чемъ мы свидѣтельствовали, поднимая рѣчь на свой страхъ въ непріязненномъ Западѣ, все, что мы предсказывали—отъ тайно бродящихъ силъ, отъ неминуемаго освобожденія крестьянъ съ землею до избирательнаго сродства съ Сѣверо-Американскими Штатами,—все совершается воочію.

Это хронологическое *право давности* намъ слишкомъ дорого, чтобъ мы его уступили, именно въ то время, какъ листъ исторіи перевертывается, и съ новой страницей забудутся работники, пришедшіе на трудъ, предваривши утро.

Впрочемъ, особеннаго дара пророчества ненадобно было имѣть, чтобъ догадаться; для этого только надобно было освободиться отъ домашнихъ предразсудковъ и отъ чужихъ, отъ свинцовой петербургской атмосферы и отъ забытыхъ понятій старой цивилизаціи. Для этого достаточно было независимо взглянуть на міръ. Чередъ былъ явнымъ образомъ за Америкой и Россіей. Обѣ страны

¹⁾ Въ предисловіи къ русскому переводу: «Франція или Англія?» А. И. Г. Цитата сдѣлана не точно и съ прибавками (ср. стр. 203).

преизбыточествуяютъ силами, пластицизмомъ, духомъ организаціи, настойчивостью, не знающей препятствія, объ бѣдны прошедшимъ, объ начинаютъ вполнѣ разрывомъ съ традиціей, объ расплываются на безконечныхъ долинахъ, отыскивая свои границы, объ съ разныхъ сторонъ доходятъ черезъ страшныя пространства, помѣчая вездѣ свой путь городами, селами, колоніями, до береговъ Тихаго океана, этого «Средиземнаго моря будущаго» (какъ мы разъ назвали его и потомъ съ радостью видѣли, что американскіе журналы много разъ повторяли это).

Противоположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей всѣ лица въ лицѣ самодержца, съ американскимъ самодержавіемъ каждаго лица огромна. И это не все; самая роковая антиномія, которой оканчивается исторія Запада, не является ли снова, какъ личная разсыпчатость Америки, съ одной стороны, и съ другой—какъ русскій общинный сплавъ?

Если вы обратите вниманіе на особенность американской мысли (она, собственно, не оригинальна, а та же мысль англо-саксонскаго племени и философіи XVIII столѣтія; одну вы видите въ Вашингтонѣ, другую—во Франклинѣ и Джефферсонѣ) и именно на ту особенность, которая заявила себя въ послѣднее время, то васъ поразятъ двѣ вещи: первое, что федеральная демократія съ самозаконностью каждаго мѣстечка, каждаго избирателя есть форма гражданскаго быта, совершенно соответствующая заатлантическому колонисту Соединеннаго королевства (мы нарочно такъ выражаемся, чтобъ напомнить ирландцевъ). Вторая вещь—это свѣжесть и простота, которую вноситъ въ схоластическій хламъ политическихъ вопросовъ американскій умъ ¹⁾. Точно изъ тунеля или изъ Позиліпова подземелья снова выходишь на утренній свѣтъ, на освѣжительный вѣтеръ, читая американскую брошюру или газеты,— послѣ прусско-королевской философіи права Шталя ²⁾, феодальныхъ требованій Герлаха ³⁾, споровъ о династіяхъ, о централизаціи и пр. Это простое, жизненное, здоровое отношеніе американскаго ума къ вопросамъ государственнымъ и экономическимъ совершенно соответствуетъ понятію демократической республики.

Можно ли по совѣсти сказать также, что всепоглощающая диктатура въ Россіи—окончательная форма гражданскаго устройства, вполнѣ соответствующая ея генію?

¹⁾ Для примѣра очень рекомендуемъ «The science of Society» Carey ⁴⁾, Philadelphia, 1858. А. И. Г.

²⁾ Фридрихъ-Юлій, германскій юристъ и политич. дѣятель.

³⁾ Эдуардъ-Людвигъ, германскій юристъ и госуд. дѣятель; вмѣстѣ со Шталемъ лидеры крайней правой въ Пруссіи.

⁴⁾ Генри Кери, американскій экономистъ.

Не есть ли эта диктатура только опека, оканчивающаяся съ совершеннолѣтіемъ?

Въ силу и прочность того абсолютизма, который достигъ своего высшаго предѣла при Николаѣ, которому вѣрила вся Европа и большая часть Россіи, *мы никогда не вѣрили*. Мы постоянно указывали, что такое судорожное самовластіе дошло уже до того предѣла *крученія*, послѣ котораго винтъ снова слабѣетъ, что въ этомъ затягиваніи поведѣевъ не было исторической необходимости, а одно чувство самосохраненія, что внутренняя мысль его была чисто отрицательная. Отпоръ можетъ устоять, удержаться на мѣстѣ, но онъ бесплоденъ, лишень всякой инициативы, всякой возможности итти впередъ. До *начала* Крымской войны ¹⁾ говорили мы, что императорская власть даже матеріально несостоятельна. Николай, сдѣлавъ всѣхъ солдатами и писарями, не имѣлъ ни арміи, ни канцелярскаго порядка. Онъ растлилъ гражданскую службу, превращая ее въ шпіонство или подчиняя ее ему, и убилъ армію шагистикой и фронтомъ. Могла ли же à la longue существовать такая нелѣпость?

Еудь мы какое-нибудь несчастное племя, безъ будущности,— кельты, финны,—если-бъ мы и пережили татарское иго, то, вѣроятно, сломились бы подъ игомъ императорскимъ, подъ игомъ крѣпостного состоянія, чиновничьяго растлѣнія и не вынесли бы напора непріятельскаго. Но событія обличаютъ зародышъ сильный и мощный. Не въ Петербургѣ,—тамъ умирала старая Россія, мало-вѣрная, потерявшая голову при первой неудачѣ. Нѣтъ, онъ двигался и заявилъ себя въ блиндажахъ Севастополя, на его стѣнахъ. Развѣ слабые народы дерутся такъ?—Николай умеръ, и наступило утро ожиданій и пробужденія. Вопросы эти вообще рѣшаются самими событіями, а не теоріями. Является кризисъ: одинъ больной умираетъ, другой обновляется имъ. Россія, уступившая въ неравномъ бою съ четырьмя союзниками, почувствовала себя вдвое здоровѣе, а Турціи тѣ же союзники такъ хорошо помогли, что она на ладонъ дышетъ.

Война застала русскій умъ за крѣпкой думой. Событія европейскія, несмотря на всѣ уродливыя мѣры съ 1825 года, сильно отражались на черномъ фонѣ русской жизни. Іюльская революція и паденіе Бурбоновъ во Франціи, девятимѣсячная борьба съ возставшей Польшей и двадцатилѣтняя казнь ея, напоминая своихъ мучениковъ, своихъ страдальцевъ; наконецъ, новое движеніе

¹⁾ Рѣчь, произнесенная мною 29 ноября 1853 года на польскомъ митингѣ въ *Harver room's. А. И. Г.*

соціальной и философской литературы во Франціи и Германіи, эти послѣдніе энергическіе звуки западнаго разумѣнія,—все это очень не даромъ проходило по той закраинѣ Россіи, которая была освѣщена.

Но какая же живая, самобытная мысль во всей этой подземной работѣ? Какое-то сумасшествіе овладѣваетъ людьми: вмѣсто того, чтобы прійти въ отчаяніе за себя, за Россію, русская мысль осмѣливается *сомнѣваться* въ Европѣ, ищетъ въ грубыхъ началахъ своей жизни элементы для будущаго, и когда, наконецъ, событія, слѣдовавшія за 1848 г., такъ ясно доказали, что европейскіе народы несостоятельны осуществить ту мысль экономическаго и государственнаго устройства, до котораго дошла наука,—русская мысль начала нравственно освобождаться отъ авторитета.

Замѣтимъ, что середь этого внутренняго развитія ударила Крымская война, которая доказала, въ свою очередь, всю несостоятельность Россіи бороться противъ Европы. Ничего не могло быть больше на мѣстѣ. Нравственное освобожденіе отъ Европы было началомъ освобожденія отъ петербургской традиціи, основанной на подчиненіи всего русскаго всему иностранному и на мысли превосходства русскаго войска надъ всѣми въ мірѣ, сокрушенной неудачной войной. Начать вѣрять въ свою нравственную самобытность и перестать вѣрять въ грубую силу и превосходство своего кулака,—въ самомъ дѣлѣ начало премудрости.

Пока мы только подражали Западу, мы не знали своей почвы подъ ногами. Такъ, еще теперъ найдутся помѣщики, съ завистью думающіе о каменистомъ грунтѣ Италіи, стоя на черноземѣ. Какъ только мы обратились къ своей почвѣ; такъ встрѣтились съ послѣднимъ вопросомъ всей западной жизни,—съ вопросомъ поземельнаго владѣнія, владѣнія общиннаго, общиннаго устройства.

Изъ сказаннаго никакъ не слѣдуетъ, чтобы намъ перестать учиться западной наукѣ или выдумывать свою; во-первыхъ, наука—по той мѣрѣ и наука, по которой она не принадлежитъ никакой странѣ, а, во-вторыхъ, учится человѣкъ, собственно, дѣлюю жизнь, но въ извѣстный возрастъ людямъ ненужны учителя, уроки. При выходѣ изъ школы человѣкъ вступаетъ въ дѣятельный обмѣнъ, въ рядъ дѣловыхъ отношеній; тутъ онъ прикладываетъ, повѣряетъ свои теоріи, заимствуетъ новыя и, дѣйствуя, расширяетъ кругъ своего вѣдѣнія. Выходя изъ подъ гувернерства Запада, мы вовсе не дальше отъ него становимся, а скорѣе ближе—всѣмъ разстояніемъ, которое дѣлитъ позирующій оригиналь отъ уничтоженнаго подражателя.

Дома у насъ бездна дѣла, не оберешься. Наука Запада столько же наша, сколько его. Но теперъ спрашивается: гдѣ у

насть *общее дѣло* съ Европой? Вѣчный вопросъ о «больной Турціи» или о «смердящей Австріи» или, хуже, борьба французской солдатчины съ англійскими учрежденіями,—и все опять война, война и кровь, налоги и голодъ...

О выборѣ тутъ не можетъ быть рѣчи, на Западѣ нѣтъ другого дѣла... «Да это у него пройдетъ, это—болѣзнь»,—ну, тогда и поговоримъ объ этомъ, а до сихъ поръ она не проходила. И въ то же время дѣло само набивается, стучится въ ворота,—дѣло *творческое, живое* и которое нисколько не мѣшаетъ намъ рубить свою новую избу и продолжать нашу коренную великую работу внутренняго пересозданія, починъ котораго начался съ освобожденіемъ крестьянъ.

Имя Муравьева ¹⁾, Путятина ²⁾ и ихъ сотоварищей внесено въ исторію, они вбили сваи для длиннаго моста... черезъ цѣлый океанъ. Во время мрачныхъ европейскихъ похоронъ, гдѣ каждый что-нибудь оплакивалъ, они съ одной стороны, американцы съ другой—сколачивали *колыбель!*

1151. Обвинительный актъ.

Я являюсь передъ нашими читателями съ *обвинительнымъ актомъ* въ рукѣ.

На этотъ разъ обвиняемый не Панинъ, не Закревскій, обвиняемый—*я самъ*.

Обвиненіе это, высказанное отъ имени «значительнаго числа мыслящихъ людей въ Россіи», для меня имѣетъ большую важность. Его послѣднее слово состоитъ въ томъ, что вся дѣятельность моя, т.-е. дѣло моей жизни, приноситъ *вредъ Россіи*.

Если-бъ я повѣрилъ этому, я нашель бы самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ-нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнью. Но я—не судья въ своемъ дѣлѣ: мало ли есть маньяковъ, увѣренныхъ, что они дѣлаютъ дѣло,—тутъ ни горячей любовью, ни чистотой желанья, ни всѣмъ существованіемъ ничего не докажешь. И потому я безъ комментариевъ передаю обвиненіе на судъ общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока оно не станетъ громко со стороны обвиненія, я упорно пойду тѣмъ путемъ, которымъ шель.

¹⁾ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.

²⁾ Ефимъ Васильевичъ, адмиралъ, съ которымъ на «Палладѣ» ходилъ въ Японію И. А. Гончаровъ.

До тѣхъ поръ, пока на одно такое письмо я буду получать десятки самыхъ пламенныхъ выраженій сочувствія, я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока число читателей будетъ возрастать, какъ оно теперь возрастаетъ, я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока Бутеневъ ¹⁾ въ Константинополѣ, Киселевъ ²⁾ въ Римѣ, не знаю, кто въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ,—будутъ выбиваться изъ силъ, метаться къ визирямъ и трехъ-бунжунымъ пашамъ, къ министерскимъ секретарямъ и кардинальскимъ послушникамъ, прося и вымаливая запрещенія «Колокола» и «Полярной Звѣзды», до тѣхъ поръ, пока «Аугсбургская Газета» и герлаховская «Kreuz-Zeitung» не перестанутъ оплакивать гибельное вліяніе «Колокола» на нервы петербургскихъ сановниковъ,—я буду упорствовать.

Я стою передъ вами въ моей «неисправимой закоснѣлости»,—такъ меня характеризовалъ въ 1835 г., когда я былъ подъ судомъ слѣдственной комиссіи, Голицынъ junior³⁾). Будьте строги, жестоки, несправедливы, но объ одномъ я прошу: будемте на англійскій манеръ говорить о дѣлѣ, не прибавляя личностей.

Я готовъ все печатать, что *качественно и количественно* возможно.

«Обвинительное письмо», печатаемое нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ «Колокола». Въ тѣхъ былъ дружескій упрекъ и тотъ дружескій гнѣвъ, въ негодованіи котораго звучала знакомо и привѣтливо родная струна.

Ничего подобнаго въ этомъ письмѣ.

Тѣ были писаны съ *нашей стороны*, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно *противной* точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія административнаго прогресса, губерментальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали,—что же удивительнаго, что мы не ея путями и шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обличителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабящихъ народъ, мы ихъ тасили на лобное мѣсто, мы ихъ дѣлали смѣшными, мы хотѣли быть не только мстью русскаго человѣка, но его ироніей,—не больше. Какіе мы Блудовы и Панины? мы—

¹⁾ Аполлинарій Петровичъ, русскій посланникъ.

²⁾ Николай Дмитріевичъ.

³⁾ «Тюрьма и ссылка». А. И. Г.

книгопечатальщики *«значительной части людей, страдающихъ въ Россіи».*

Но и тутъ я долженъ прибавить: мы совсѣмъ не находимся въ томъ исключительномъ положеніи, которое намъ часто даютъ, которое даетъ авторъ письма, и противъ котораго я протестую всѣми силами моими. Что, въ самомъ дѣлѣ, за монополія русскаго печатанія у насъ, точно мы взяли русскую рѣчь въ чужихъ краяхъ на откупъ?

Если мы, какъ говоритъ авторъ письма, — *«сила и власть въ Россіи»*, то причина этого вовсе не въ томъ, что у насъ у однихъ есть органъ.

Съ нашей легкой руки теперь можно печатать по-русски въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, въ самомъ Лондонѣ ¹⁾. И если по совѣсти нельзя рекомендовать, какъ русскій журналъ, для помѣщенія статей брюссельскій «Le Nord», то что же препятствуетъ помѣщать ихъ въ «Заграничномъ Сборникѣ» ²⁾?

Намъ принадлежитъ *честь почина и честь успѣха*, а вовсе не монополія. ¹

◆ 1. Читатели уже знаютъ о томъ, какъ Герценъ смотрѣлъ на пріѣхавшаго въ Лондонъ Б. Н. Чичерина. Добавлю указанія Н. А. Огаревой, по болѣзни не видѣвшей Чичерина и слышавшей о немъ отъ Герцена и Огарева. «Сначала Чичеринъ имъ очень понравился большимъ развитіемъ, познаніями, блестящимъ умомъ, но вскорѣ они разочаровались въ немъ и поняли, что очень расходятся съ нимъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ: онъ былъ бюрократъ и доктринеръ. Чичеринъ провелъ болѣе недѣли въ постоянныхъ спорахъ съ Огаревымъ и Герценомъ... Когда онъ уѣзжалъ изъ Лондона, Герценъ и Огаревъ старались разстаться съ нимъ беззлобно, Чичеринъ тоже, какъ будто, желалъ оставить ихъ подъ хорошимъ впечатлѣніемъ» («Воспоминанія», 142—143).

Самъ Герценъ рассказалъ о пріѣздѣ Чичерина еще въ главѣ «Былого и думъ» — «Н. Х. Кетчеръ».

Чичеринъ, по его собственнымъ словамъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду съѣздить въ Лондонъ и отъ имени прежнихъ московскихъ друзей постараться убѣдить Герцена вести свою журнальную полемику въ болѣе умѣренномъ тонѣ. «Скоро, однако, Чиче-

¹⁾ Сверхъ нашей типографіи, въ Лондонѣ, какъ, вѣроятно, наши читатели знаютъ, существуетъ типографія З. Свентославскаго. *А. М. Г.*

²⁾ «Русскій Заграничный Сборникъ» издавался тогда въ Парижѣ и Лейпцигѣ.

ринь убѣдился, что всякія пренія съ Герценомъ будутъ совершенно напрасны, ибо политическія знанія и государственный смыслъ замѣнялись у него страстностью, которая, при всей даровитости и благородствѣ его натуры, подрывала всякую плодотворную дѣятельность. Онъ хотѣлъ быть, по собственнымъ его словамъ, нѣчто въ родѣ Loustalot или Camille Desmoulins, тогда какъ положеніе Россіи требовало совершенно иного. Поэтому, когда Герценъ, провожая Чичерина на желѣзную дорогу, уговаривалъ его вести съ нимъ пренія въ «Колоколѣ», Чичеринъ уклонился отъ этого приглашенія» (Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XV, 246).

Уже изъ Парижа, 11 октября 1858 г., послѣ прочтенія рѣчей Александра II московскому и пр. дворянству, Чичеринъ писалъ Герцену: «Что скажете вы о рѣчахъ государя? Отлично. Вамъ придется опять принести покаяніе, а частыя покаянія очень вредны. Вы видите, что вопросъ преслѣдуется съ такою твердостью, какой даже нельзя было ожидать, а вы еще недавно провозглашали, что онъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Говорю вамъ отъ искренняго участія: не будьте нетерпѣливы и, сохраняя полную самостоятельность въ выраженіи мнѣній, умѣрьте тонъ, иногда слишкомъ запальчивый. Мнѣ кажется, что будетъ къ лучшему. Серьезный журналъ долженъ прежде всего стараться избѣжать упрека въ легкомысліи» («Вольное Слово» 1883, № 61).

Это письмо въ связи съ личными бесѣдами съ Чичеринымъ дало Герцену поводъ написать № 1133. •

11 ноября Чичеринъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Вы бросили перчатку, я долженъ ее поднять, высказать вамъ все напрямикъ. Вотъ вамъ статья, которую прошу васъ при первой возможности напечатать въ «Колоколѣ». Я подписалъ ее начальной буквой своей фамиліи и хотѣлъ даже выставить полное имя, но мнѣ отсвѣтовали: говорятъ, что въ нашемъ миломъ обществѣ всякій актъ рѣшимости будетъ перетолкованъ чортъ знаетъ, въ какую сторону. Пусть такъ! А мнѣ, признаюсь, хотѣлось заявить публично, что, по крайней мѣрѣ, часть русской литературы не сочувствуетъ вашему направленію. Насъ раздѣляетъ, какъ я сказалъ въ статьѣ, вещь, которая, можетъ быть, важнѣе всѣхъ прочихъ: политическій темпераментъ. Я объ этомъ догадывался съ самаго начала, а теперь совершенно въ этомъ убѣдился. Можетъ быть, напечатаніе этого письма будетъ вамъ не совсѣмъ пріятно, но что же дѣлать? *Noblesse oblige*. Я бы къ вамъ и не обратился, если-бъ у насъ былъ другой органъ. Вы поймете, что я долженъ былъ всею силою выступить противъ направленія, которое я во многихъ отношеніяхъ считаю вреднымъ. Притомъ же вы въ своей статейкѣ съ такимъ

презрѣніемъ отозвались объ насъ, грѣшныхъ, что вы, надѣюсь, въ свою очередь, не будете сердиться за рѣзкость моихъ выраженій. Могу васъ увѣрить, что лично мое уваженіе къ вамъ остается неприкосновеннымъ; мнѣ было бы очень больно, если бы политическая полемика повела къ личному неудовольствію. Поэтому я желалъ бы, кромѣ печатнаго отвѣта, который, вѣроятно, не замедлитъ, получить отъ васъ слова два письменно съ извѣщеніемъ, что статья до васъ дошла» («Вольное Слово» 1883, № 61).

Приложенная при этомъ письмѣ статья, подписанная буквою «Ч», и была та самая, передъ которою помѣщена настоящая статья Герцена.】

Приводя ее въ своей книжкѣ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», изданной въ Москвѣ К. Т. Солдатенковымъ въ 1862 г., въ разгаръ открытой, и при томъ организованной правительствомъ, «полемики» съ Герценомъ, Чичеринъ сократилъ свою статью и такъ высказался самъ о ея значеніи: «Это былъ первый протестъ русскаго человѣка противъ направленія этого изданія («Колокола»—*М. Л.*). Въ настоящее время оппозиціи противъ г-на Герцена открыто широкое поле въ русской журналистикѣ, и потому этотъ вопросъ имѣетъ интересъ современности. Я пользуюсь предоставленною литературѣ свободою не для того, чтобы, съ своей стороны, поднять голосъ противъ г-на Герцена, а для того, чтобы познакомить русскую публику съ тѣмъ, что было заявлено давнымъ давно въ самомъ журналѣ господина Герцена. Свободно мыслящіе люди никогда не могли сочувствовать направленію, которое компрометируетъ самое имя свободы. Въ настоящее время это стало яснѣе, нежели прежде. За мною остается только честь начинанія» (стр. 5—6).

Прежде чѣмъ воспроизвести полностью письмо-статью Чичерина, а затѣмъ здѣсь же и дальше дать цѣлый рядъ другихъ документовъ, касающихся все того же самага предмета, считаю нужнымъ сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Чичеринъ 1858 года долженъ разсматриваться, какъ только что слагавшійся, начинавшій кристаллизоваться изъ прежней безформности умѣренный либераль, отнынѣ не согласный не только съ народившимся радикализмомъ, но и съ либералами, какъ таковыми (напр., Кавелинъ, Тургеневъ). Разрывъ съ умѣреннымъ либерализмомъ для Герцена былъ первымъ результатомъ столкновенія созрѣвавшихъ общественныхъ теченій; разрывъ съ радикалами (Чернышевскій, Добролюбовъ) 1859 года—былъ вторымъ. Вся политическая дифференціация русскаго общества въ цѣломъ стала яснѣе позже. Положеніе Герцена среди зарождавшихся политическихъ партій станетъ читателю ясно потомъ; теперь важно фиксировать начало

почкованія, первые шаги на пути опредѣленія этого оригинальнаго и совершенно самостоятельнаго положенія.

«Обвинительный актъ» Чичерина, какъ назвалъ его письмо Терцень, и былъ именно такимъ началомъ. Вотъ онъ:

«Милостивый государь, въ послѣднемъ листѣ «Колокола» вы, съ свойственной вамъ энергіей, отвѣчали на упрекъ въ шаткости, въ легкомысліи, который слышится вами съ разныхъ сторонъ. Упрекъ этотъ, съ нѣкоторыми другими, повторяется, смѣю сказать, значительною частью мыслящихъ людей въ Россіи. Признаюсь, я также въ немъ виновенъ, и не отступаю отъ своего мнѣнія и послѣ вашего отвѣта; мнѣ кажется даже, что вы не совсѣмъ поняли, въ чемъ васъ именно упрекаютъ, или, можетъ быть, упрекъ дошелъ до васъ въ искаженномъ видѣ. Позвольте же мнѣ объяснить это нѣсколько подробнѣе. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ русскаго общества, о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе,—о различіи политическихъ темпераментовъ, что, можетъ быть, глубже всего раздѣляетъ людей. Потому надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить это письмо въ своемъ журналь. Обращаюсь къ вамъ, ибо другого свободнаго органа у насъ нѣтъ; иначе я съ вами спорить не могу.

Заранѣе предупреждаю васъ, что я приступаю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить имъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ. Въ Россіи, послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство; что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ошупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь, однако же, къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ, и готовое подчасъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны, народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лѣкарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго

писателя: правительство, ищущее опоры, народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дразгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое свое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленія, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ, вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; *вы—сила, вы—власть* въ русскомъ государствѣ.

Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

Мы слышимъ отъ васъ не слова разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманыхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы—человѣкъ, брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это—ваши собственныя слова. Но неужели этого требуется для политической дѣятельности? Я полагаю, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагаю, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что, впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и соиздающій.

И неужели вы думаете, что Россія въ настоящее время нуждается въ людяхъ съ пылкими страстями, которые отъ избытка чувствъ перегораютъ быстро и умираютъ на полдорогѣ? Вспомните еще разъ, въ какую эпоху мы живемъ. У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самыхъ глубокихъ его нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующие стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узлы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ въ

другой! Здѣсь также есть борьба, но борьба другого рода, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслью, неуклонно идущею по избранному пути. Въ такую пору нужно не раздувать пламя, не растревлять язвы, а успокаивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются силою страсти, кипѣніемъ гнѣва?

Впрочемъ, я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоценнымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной жизни. Пусть все это унесется въ роковой борьбѣ, пусть, вмѣсто уваженія къ праву и къ закону, водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ, во что бы ни стало, нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигнется — безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это — для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло на развязалось — вообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма или свирѣпымъ разгуломъ разъяренной толпы, — вы все подпишете, все благословите. Вы не только подпишете, — вы считаете даже неприличнымъ отвращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это — поэтической капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтической капризъ исторіи! Скажите, пожалуйста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событій?

Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства. Зрѣлое обсужденіе послѣднихъ, точное соображеніе обстоятельствъ, избраніе наилучшаго пути при извѣстномъ положеніи дѣлъ, — вотъ въ чемъ состоитъ его задача, и ею онъ отличается отъ мыслителя, изучающаго общій ходъ исторіи, и отъ художника, наблюдающаго движенія человѣческихъ страстей. То, что вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь — вы, я, третій, всѣ, кто приноситъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достояніе, успокаивать бунтующія страсти, отвращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете, — вы, которому ваше положеніе даетъ болѣе широкое и свободное поприще, нежели другимъ? Мы въ правѣ спросить это у васъ, и какой дадите вы отвѣтъ? Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніемъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на

другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво. Палка сверху и топоръ снизу—вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти! О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія! Спросите у самаго тупого и законсблага врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его: какое отъ нихъ лѣкарство? Палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу; мы къ нему не такъ привыкли, но, судя по письму, которое вы напечатали въ «Колоколѣ», и это средство начинаетъ приобрѣтать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастья своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями, и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія и эти воззванія.

И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно и смѣшно. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право, и тогда вы восклицали: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!». Дѣло пошло въ ходъ, собрались созданные правительствомъ комитеты, обсуждаются новыя мѣры. Казалось бы, прежде, нежели комитеты представятъ свои работы, прежде, нежели правительство сдѣлаетъ свое заключеніе, нельзя объ этомъ вопросѣ сказать ничего положительнаго. Вѣдь, вы, надѣюсь, не воображаете, что освобожденіе крестьянъ—дѣло такое же легкое, какъ написать статейку въ «Колоколѣ». Вѣковыя, запутанныя учрежденія, отношенія, обхватывающія жизнь до самой ея глубины, нельзя переверотить въ два-три мѣсяца. Тутъ замѣшаны люди, тутъ дѣйствуютъ страсти, тутъ заживо задѣты самые противоположные, и притомъ животрепещущіе, интересы. Нужно время, чтобы все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить; нужно терпѣніе, чтобы дать преобразованію мирный и законный исходъ. Но терпѣніе, умѣніе выжидать,—эта первая политическая добродѣтель зрѣлыхъ народовъ,—не въ нравахъ людей, которые привыкли истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Прежде, нежели что-либо успѣло совершиться, вы уже забили тревогу, вы отъ восторга перескочили къ отчаянію: все пропало,—правительство пошло назадъ; Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ; крестьяне, точите топоръ! Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Закрыты ли комитеты? Измѣнены ли существенныя условія преобразованія? Ничуть не бывало! Муравьевъ разослалъ

циркуляръ, который вовсе не относится къ вопросу; Ростовцовъ, говорятъ, приготовилъ плохой проектъ; нѣкоторые помѣщики продолжаютъ употреблять во зло свою власть, что неизбежно, пока ихъ власть не ограничена, и тому подобное. Вотъ что произвело такой внезапный переворотъ. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку? Въ послѣднемъ листѣ «Колокола» вы написали къ императрицѣ письмо, исполненное прекрасныхъ мыслей и чувствъ. Съ трепетомъ ожидаю появленія слѣдующаго листа. Боюсь, что она не оправдаетъ надеждъ, которыя вы на нее возложили.—Ваши надежды воспламеняются такъ легко и исчезаютъ такъ быстро!

Въ пылу страсти вы забываете не только время, людей, обстоятельства, вы забываете даже собственное свое положеніе. Слѣдовать за минутными увлеченіями общества, носиться по вѣтру, который измѣняется въ ту или другую сторону, можно еще, когда журналистъ живетъ среди этого общества. Но когда станокъ его на другомъ концѣ Европы, когда слово его едва доходитъ въ отечество, спустя два-три мѣсяца, къ чему ведетъ подобная тактика? Удары поневолю должны разражаться въ пустотѣ. Положимъ, на примѣръ, что статьи, въ которыхъ вы говорите, что все пропало, что Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, дошли въ Москву въ то время, когда государь говорилъ свою рѣчь дворянству. Какое впечатлѣніе произведутъ онѣ на читателей? Звонять въ набатъ, а поводъ къ трезвону не только давно забыть, но, оказывается, что это—просто пухъ, подхваченный легковѣриемъ. Какъ вы думаете: увлекаясь такимъ образомъ сами, въ состояніи ли вы увлекать другихъ?

Къ несчастью, даже эти промахи не остаются безъ печальныхъ послѣдствій. Умѣренностью, осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе правительства; въ настоящее время вы только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжественнаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предразсудкахъ, погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, — все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ! Грустно сказать, что первый свободный русскій журналъ служить самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы, который увлекаетесь и увлекаете другихъ, увлекли бы за собой русское общество, и Россія наполнилась бы людьми, которые кидаются въ крайность, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ

быстро и умирають на полдорогѣ. Представьте себѣ, что въ нѣдрахъ нашего отечества завелось бы нѣсколько «Колоколовъ», которые бы всѣ въ разные голоса стали звонить по вашему примѣру, которые бы наперевывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній. Что будетъ правительство дѣлать съ такимъ обществомъ? Къ чему можетъ повести разгаръ общественныхъ страстей, какъ не къ самому жестокому деспотизму? Каждая почти революція представляетъ этому примѣръ. И точно, если больной, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо выносить лѣчение, предается бѣшенымъ порывамъ, растрываетъ себѣ раны и хватается за ножъ, чтобы отрѣзать страдающій членъ, съ нимъ нечего больше дѣлать, какъ связать его по рукамъ и по ногамъ.

Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло приобрести мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ-либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его приучаете? Къ раздражительности, къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ. Своими желчными выходками, своими незнающими мѣры шутками и сарказмами, которые носятъ на себѣ заманчивыи покровъ независимости сужденій, вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу. Намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это—едва ли не первая наша потребность; но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ закаломъ политической мысли,—общественное мнѣніе, которое могло бы служить правительству и опорой въ благихъ начинаніяхъ, и благо-разумною задержкой при ложномъ направленіи. Вотъ чего у насъ недостаетъ, вотъ къ чему мы должны стремиться. Бранью же, Боже мой! и безъ того полнится русская земля. Всѣ бранять отъ малаго до великаго; во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества вездѣ слышишь одно и то же—критику безцѣльную, бесплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора. Потому не удивляйтесь, что васъ находятъ еще слишкомъ умѣреннымъ, не радуйтесь, что ваши шутки, насмѣшки встрѣчаютъ себѣ отзывъ и одобреніе. Эту пищу мы всегда готовы пользоваться: она дается и принимается такъ легко, и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ! Оно замѣняетъ все—государственную мудрость, образование, трудомъ добытую мысль, знаніе дѣла; на немъ основывались блистательныя карьеры, колоссальныя репутаціи; на немъ выѣзжали въ

министры, въ генералы, въ дипломаты. У насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти себѣ всеобщую дань благодарности и удивленія, какъ рѣшать всѣ государственные и философскіе вопросы остроумными выходками. Это избавляетъ читателя отъ работы, отъ умственного напряженія. Легко и пріятно получается готовый, и притомъ улаждающій, результатъ, который служитъ отвѣтомъ на всѣ возраженія. Неистощимый запасъ остротъ,—вотъ самое надежное ручательство за успѣхъ журнала. Приглашайте Александра II къ сотрудничеству, пойте акаѳисты Норову или Вяземскому, печатайте фарсы, сочиненные на Панина,—все это будетъ принято съ восторгомъ, все это будетъ переходить съ устъ въ уста. Только врядъ ли подобное направленіе встрѣтитъ сочувствіе просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Они смотрятъ на дѣло нѣсколько серьезнѣе. Имъ кажется, что привычка замѣнять дѣло эффектнымъ бездѣліемъ опасна для политическаго образованія народа, что общество, воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготящихъ надъ нимъ вопросовъ; наконецъ, имъ хотѣлось бы, чтобы свободное и русское слово отвѣчало на благородную потребность политической мысли, а не на бесплодную потребность брани и остроты.

Вотъ, милостивый государь, объясненіе тѣхъ упрековъ, въ которыхъ вы сочли нужнымъ оправдываться передъ публикою. Существенный смыслъ ихъ тотъ, что въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ. Если подобное требованіе есть доктрина; пусть это будетъ доктринерствомъ: объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится; вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истощайтесь! —таковъ вашъ темпераментъ, его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться.

Засимъ всякій охотно признаетъ за вами существенную заслугу — раскрытіе злоупотребленій. Передъ вашей уликой задумается лихоимецъ и притѣснитель въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. Правительственнаго контроля онъ не боится, онъ съ молоду привыкъ его обходить, но онъ не уйдетъ отъ контроля гласности, которая невидимо сторожитъ его въ лицѣ всѣхъ окружающихъ и обличитъ преступленіе на другомъ концѣ Европы, на островѣ, который хранитъ неприкосновеннымъ ея священное знамя. Съ этой стороны, повторяю, вы имѣете право на благодарность всѣхъ и каждого, каково бы ни было различіе политическихъ направленій»

Чтобы судить о впечатлѣніи, которое произвело это письмо въ соответствующей части русскаго общества, приведу запись въ дневникѣ умѣреннаго Никитенка: «Въ 29 № «Колокола» прочиталь письмо къ Герцену, приписываемое Чичерину, въ которомъ Герцена упрекають отъ имени всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи за рѣзкій тонъ и радикализмъ. Это, конечно, отчасти справедливо, и Герценъ вредитъ этимъ своему вліянію на общество и на правительство. Но возраженіе, ему сдѣланное, кажется, еще вреднѣе: оно какъ бы оправдываетъ крутыя мѣры и вызываетъ ихъ» (т. I, 543). Ничего вполнѣ сочувственнаго Чичерину именно тогда въ голосѣ современниковъ, а не потомъ, мнѣ не пришлось встрѣтить въ литературѣ, но это нисколько не доказываетъ, что Чичеринъ не былъ въ данный моментъ представителемъ опредѣленной группы: случайно всѣ писавшіе тогда по этому поводу (письма, записки, дневники) просто не вполнѣ раздѣляли его точку зрѣнія, но сторонники были и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—вскорѣ Чичеринъ представлялъ изъ себя уже оплотъ консерватизма. Не надо забывать, что московскіе друзья его,—бывшіе друзья Герцена,—Е. Θ. Коршъ, Кетчеръ и др. были съ нимъ солидарны.

Герценъ исполнилъ его желаніе и, не ограничившись статьей, послалъ Чичерину письмо. 30 ноября послѣдній отвѣчалъ:

«Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, вчера только я пріѣхалъ въ Ниццу и получилъ ваше письмо. Между нами вышло одно недоразумѣніе, которое я не могу не устранить. Я никогда не сомнѣвался, что Вы помѣстите статью. То, что я писалъ къ вамъ по этому поводу, относится не къ *Вамъ*, а ко *мнѣ*. *Мнѣ* непріятно было послать къ Вамъ статью, направленную *противъ* васъ, и поэтому только я охотно помѣстилъ бы ее въ другомъ журналѣ, если бы онъ существовалъ. Вы же, я увѣренъ, напечатаете все. Сожалѣю также о словѣ «пуфъ», которое васъ оскорбило. Опять же оно относится не къ Вамъ. Я хотѣлъ сказать, что сочиняются они въ Россіи, а до Васъ только доходятъ, а вы не имѣете возможности ихъ провѣрить. Другого я не разумѣлъ и не думалъ, чтобъ это можно было иначе понять. Если, паче чаянія, листъ 1 декабря опоздаетъ, прошу Васъ убѣдительно замѣнить это несчастное и неудачное слово выраженіемъ: «долетѣвшая до васъ сплетня, которую вы, разумѣется, не имѣли возможности провѣрить». Что же касается до тона всей статьи, то могу сказать вамъ только одно: перечтите хладнокровно свою собственную статейку и, положа руку на сердце, скажите: могъ ли я отвѣчать иначе? Я опять увѣренъ, что вы скажете: нѣтъ. Признаюсь, я даже нѣсколько былъ удивленъ. Васъ упрекали въ разговорахъ, о кото-

рыхъ читатели судить не могутъ. Какое же право имѣли вы называть насъ публично людьми, годными только для составленія описей и т. п.? Но я не стану объ этомъ говорить; всѣ уже поняли, что вина не на моей сторонѣ.

«Наконецъ, въ заключеніе, вы правы: мы—офицеры, стоящіе въ различныхъ арміяхъ. Только вотъ что здѣсь любопытно: знамя у обѣихъ армій одно—свобода, цѣль одна—освобожденіе крестьянъ съ землею, свобода совѣсти, свобода отъ цензуры, всеобщая гласность, независимость общественнаго мнѣнія, гарантіи личности и т. д. Стало быть, почва, на которой мы стоимъ, одна, а между тѣмъ мы глубоко раздѣлены и раздѣлены тактикой. Каждая армія считаетъ манеры другой вредными для общаго дѣла. Тутъ что-нибудь да не такъ, а въ чемъ дѣло—это окажется, вѣроятно, впоследствии. Можетъ быть, тутъ скрывается различіе между либерализмомъ и радикализмомъ, можетъ быть, и что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ это—явленіе грустное. При шаткости нашего правительства общественное мнѣніе, разумное, стойкое, единое, могло бы получить страшное вліяніе. А мы, къ несчастью, всѣ тянемъ врозь. На каждомъ шагу повторяется то, въ чемъ я давно убѣдился: у насъ общество не приготовлено къ дѣйствию. Во многихъ отношеніяхъ оно даже хуже правительства, а потому мы не въ правѣ слишкомъ сильно нападать на правительство. Надобно сначала вынуть бревно изъ собственного глаза, надобно приучиться дѣйствовать самимъ, а не требовать всего отъ другихъ.»

«Прощайте, крѣпко жму вамъ руку; вы поймете, надѣюсь, что я дѣлаю это отъ искренняго сердца, и не отнимете своей» («Вольное Слово» 1883, № 61).

Вскорѣ Чичеринъ написалъ своему пріятелю К. Д. Кавелину, объясняя свое выступленіе противъ Герцена. Отвѣтъ Кавелина очень интересенъ и важенъ, и потому я и его привожу полностью.

«Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Борисъ Николаевичъ. Я получилъ письмо ваше изъ Ниццы, отъ 8-го декабря, когда уже прочелъ ваше письмо къ Герцену, напечатанное въ 29 № «Колокола». И прежде и послѣ письма ко мнѣ, я ни на одну минуту не сомнѣвался въ чистотѣ и благородствѣ побужденій, внушавшихъ вамъ горькіе укоры Искандеру; но не могу не сознаться, что дѣйствіе ихъ на меня было тѣмъ тяжелѣе и горестнѣе, чѣмъ значительнѣе ваше имя въ литературѣ, и чѣмъ я тверже убѣжденъ въ вашей нравственной безупречности. Если бы письмо ваше къ Герцену было написано человѣкомъ мнѣ совершенно неизвѣстнымъ, я бы отвѣчалъ ему въ самомъ «Колоколѣ». Къ несчастью, письмо писали вы... и у меня отваливаются руки.

«Основная мысль вашего письма какъ нельзя вѣрнѣе. Послѣ первыхъ взрывовъ негодованія на порядокъ дѣлъ, какой у насъ есть, на лица, которыя стоятъ у насъ на первомъ планѣ, давнымъ давно слѣдовало серьезнѣе подумать о томъ, что предстоитъ дѣлать, чего ожидать, по какому направленію итти. Къ сожалѣнію, не только одна лондонская, но и наша русская литература съ этой стороны сильно смахиваетъ на фразу, мало питающа умъ.

«Если бы вы сказали только это, вы были бы совершенно правы; но рядомъ съ этимъ вы сказали много такого, чего сказать, конечно, не хотѣли.

«Не стану говорить о томъ, что вы не имѣли никакого права такъ жестоко, съ высоты величія говорить съ человѣкомъ, котораго, кромѣ большого имени и положительныхъ заслугъ, ограждаютъ отъ всякихъ оскорбленій великія несчастія и страданія. Съ этой стороны и защитники, и порицатели вашего письма равно не одобряютъ васъ. Изъ коротенькаго оправданія Герцена, напечатаннаго передъ вашимъ письмомъ, я вижу, что онъ не только обиженъ, но опечаленъ и сконфуженъ такимъ неожиданнымъ посланіемъ. По тону его отвѣта я вижу, что отъ вашего письма у него сердце перевернулось въ груди. Его убиваетъ мысль: неужели все мыслящее въ Россіи судить обо мнѣ такъ безсердечно? На васъ лежала обязанность, если вы разъ рѣшились укорять Герцена печатно, сдѣлать это со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ къ его личности и къ его злосчастной судьбѣ. Отсутствие и тѣни этого уваженія, холодная безпощадность вашихъ упрековъ, напоминающая бюрократическое *поставленіе на видъ* начальниковъ подчиненнымъ, производитъ тяжелое и грустное впечатлѣніе.

«Но если бы письмо ваше было только холодно и безучастно къ человѣку, оно было бы несправедливо только къ нему, но могло бы быть справедливо по существу дѣла. Къ сожалѣнію, нельзя сказать и этого. Увлечшись желаніемъ какъ можно ярче выразить свою мысль, съ которою, повторяю, всѣ согласны, вы прибѣгли къ аргументамъ ложнымъ, къ клеветамъ, — вы непростительно искажаете истину.

«Укажу на главное.

«Вы особенно упираете на ту фразу въ корреспонденціи «Колокола», гдѣ крестьяне приглашаются точить топоры. Фраза эта, дѣйствительно, нехороша. Но скажите, пожалуйста, какое право имѣли вы, выводя изъ этой фразы, что Герценъ желаетъ революціи въ Россіи, не привести множества другихъ фразъ изъ другихъ номеровъ «Колокола», въ которыхъ не только корреспонденты, но и самъ редакторъ положительно выражаютъ желаніе, чтобы пред-

стоящія реформы совершились у насъ мирно и спокойно, безъ крови и жертвъ? Если бы не вы такъ играли этой фразой, а кто-нибудь другой, я увидѣлъ бы въ этой игрѣ не ораторскій оборотъ рѣчи, а преднамѣренную клевету и недобросовѣстность.

«Вы говорите, что Герценъ равнодушенъ къ гражданскимъ реформамъ, что ему все равно, сдѣлается ли дѣло актомъ деспотизма или актомъ революціи. Вы фехтуете съ необыкновеннымъ искусствомъ противъ него его же собственными словами, чтобы доказать ему и убѣдить другихъ въ томъ, что реформа и революція— для него все равно. А такъ какъ Герценъ давно уже пользуется у насъ репутаціей краснаго революціонера, и притомъ вы въ своемъ письмѣ ловко указываете на воззваніе къ топорамъ, съ умолчаніемъ желаній мирной реформы, то и остается впечатлѣніе, что, собственно говоря, Герцену смертельно хочется революціи въ Россіи. Если вы хотѣли выразить эту мысль, то я могу поздравить васъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Справедливость, конечно, требовала упомянуть и о другомъ смыслѣ тѣхъ же словъ, которыми вы такъ искусно пользуетесь, чтобы доказать революціонныя цѣли редактора «Колокола». Вы, я, всѣ мы безъ исключенія убѣждены въ томъ, что если правительство не проведетъ реформы мѣрами административными, то она совершится путемъ революціи; Герценъ могъ хотѣть выразить именно эту мысль. Но какое дѣло до того, что именно онъ хотѣлъ выразить? Въ планѣ оратора лежало доказать, что Герценъ—революціонеръ и желаетъ произвести революцію въ Россіи, и потому, разумѣется, слѣдовало воспользоваться его словами въ этомъ смыслѣ. Истина и намѣреніе—дѣло второстепенное. Въ ораторскихъ состязаніяхъ кто станетъ о нихъ серьезно думать?»

«У васъ встрѣчается также фраза и о томъ, какъ было бы плохо, если бы въ нѣдрахъ нашего отечества завелось нѣсколько «Колоколовъ». Спасительное предостереженіе, особенно для Россіи, гдѣ лица высшаго управленія ежеминутно твердятъ государю, что наша литература раздуваетъ пламя, разжигаетъ страсти! Скажите, ради Бога, въ чью пользу дѣлаете вы такіе намеки? Не поживали это Панинымъ съ компаніей?»

«Итакъ, дѣло рѣшенное: Герценъ—революціонеръ, «Колоколъ» призываетъ къ революціи и даже призываетъ съ успѣхомъ. Вы говорите въ одномъ мѣстѣ вашего письма: «топоръ еще не въ такомъ ходу, мы къ нему не такъ привыкли, но, судя по письму, напечатанному въ «Колоколѣ», и это средство начинаетъ приобрѣтать у насъ популярность». Вотъ, что значитъ, Борисъ Николаевичъ, ораторское искусство! Захочешь опровергнуть противника,

а глядь—своихъ оклеветалъ. Вы сумѣли отыскать въ Россіи любителей топора, которыхъ мы не знаемъ и которыхъ до смерти хочется отыскать Тимашеву съ собратіями. Съ какимъ пренебреженіемъ, даже презрѣніемъ, трактуете вы наше горе и наши страданія! Съ изданія рескриптовъ 20-го ноября и 5-го декабря чего-чего, Боже великій, мы не натерпѣлись и не вынесли! Въ февралѣ мы видѣли, какъ главному комитету удалось обойти государя въ истолкованіи усадебъ; въ мартѣ реакція сказала еще рѣшительнѣе. Положимъ, что для васъ все равно, будетъ ли мужикъ освобожденъ съ землею или безъ земли, пройдетъ ли онъ черезъ чистилище срочно-обязанныхъ отношеній или не пройдетъ; для насъ же это далеко не все равно. Для насъ такое или другое рѣшеніе совпадаетъ съ спокойнымъ или революціоннымъ выходомъ изъ тепершняго нашего положенія. Теперь и правительству въ этомъ убѣдилось. Могли же и мы такъ думать, не заслуживая за это ни презрѣнія, ни насмѣшки! И мы глубоко страдали. Дѣло освобожденія крестьянъ, нашъ якорь спасенія, стало быстро двигаться назадъ. Въ маѣ меня прогнали отъ наследника, какъ чловѣка въ высшей стѣпени опаснаго, за то, что я осмѣлился прямо поставить вопросъ о выкупѣ земель въ «Современникѣ». Въ журналахъ запрещено говорить о выкупѣ; по тому же поводу князь Щербатовъ долженъ былъ оставить свое мѣсто. Всѣ эти событія навели общее уныніе на все, что есть либеральнаго и просвѣщеннаго въ Россіи. Но когда издана была главнымъ комитетомъ извѣстная вамъ программа въ руководство дворянству разныхъ губерній, когда огласилось намѣреніе правительства поставить всю Россію въ осадное положеніе посредствомъ уѣздныхъ начальниковъ и генераль-губернаторовъ, тогда объята были ужасомъ не одни либеральные и просвѣщенные люди, но и самые реакціонеры. Настроеніе умовъ въ то время напоминало 1849-й и послѣдующіе годы минувшаго царствованія. Что я не преувеличиваю, это могутъ засвидѣтельствовать вамъ люди всѣхъ мнѣній, и друзья и враги ваши. Всякій, кто былъ въ это время въ Россіи, кто испыталъ и видѣлъ тогдашнее настроеніе, не безъ глубокаго негодованія прочтетъ слѣдующія высококомѣрные и жестокія слова изъ письма вашего: «И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно и смѣшно. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право.. что же случилось въ этотъ промежутокъ?.. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку?» Не знаешь, что и подумать, читая эти слова, пересыпанныя разсужденіями о важности вопроса, о невозможности рѣшить его сразу. Правитель-

ство дѣйствуетъ мудро, строго и осторожно преслѣдуя зрѣло и дальновидно обдуманнй планъ освобожденія крестьянъ; все идетъ своимъ порядкомъ; ничего особеннаго не случилось; о циркулярѣ Муравьева, собственно, и говорить не стоитъ. А мы, въ легкомыслии и безуміи нашемъ, думали, что вопросъ о реформѣ и революціи виситъ на волоскѣ, что Муравьевъ, Ростовцовъ и другіе, интриговавшіе у государя подъ носомъ, пользовавшіеся въ то время огромнымъ его довѣріемъ, могутъ загубить все дѣло! Въ самомъ дѣлѣ, какіе мы жалкіе безумцы! Ничего мы болѣе и не заслуживаемъ, кромѣ презрѣнія за свое легкомысліе.

«Не забудьте, что письмо ваше имѣетъ политическое значеніе, что оно скрѣплено авторитетомъ вашего имени,—имени уважаемаго и очень извѣстнаго въ Россіи. Вы сами принадлежите къ либеральной партіи, находитесь въ связи или въ сношеніяхъ со всѣми литературными кружками и во всѣхъ подробностяхъ знаете ихъ стремленія, цѣли, надежды, высказываемая и не высказываемая въ печати. Свидѣтельство и отзывы такого человѣка въ глазахъ правительства чрезвычайно важны. Само оно мало понимаетъ смыслъ теперешняго литературнаго движенія; тайная полиція, какъ гончая собака, вынюхиваетъ только краснаго звѣря, но, какъ тридцатилѣтній опытъ доказаль, часто слишкомъ увлекается своею спеціальностью и потому—тоже судья не безпристрастный; наконецъ, реакція, враждебная всякому движенію, столь же подозрительна въ своихъ сужденіяхъ, какъ и тайная полиція. Какъ же узнать истину? Какая тайна скрывается въ этихъ людяхъ и въ ихъ мысляхъ? И воѣ, выстѣпаетъ одинъ изъ нихъ добровольно и раскрываетъ тайну. Признаться, то, что онъ гозоритъ, заключаетъ въ себѣ мало утѣшительнаго; давнишнія подозрѣнія и опасенія правительства, къ несчастью, оказываются справедливыми. Оно давно предполагало, что цѣль Герцена произвести революцію въ Россіи, что съ этою, собственно, цѣлью и издается «Колоколъ»; что въ обществѣ, при помощи «Колокола», революціонное направленіе растетъ и усиливается, и въ этомъ его поддерживаютъ наши литературные органы. Правительство давно уже догадывается, что на мудрые его виды и предначертанія относительно освобожденія крестьянъ нападаютъ съ одной стороны реакціонеры, а съ другой—революціонная партія, желающая воспользоваться этимъ государственнымъ вопросомъ, чтобы произвести насильственный переворотъ въ Россіи. И что же? Всѣ эти догадки оправдываются какъ нельзя болѣе! Изъ среды этой самой партіи отдѣляется одинъ изъ самыхъ блестящихъ ея представителей. Онъ и въ лицѣ его «значительная часть мыслящихъ людей въ Россіи», отъ имени кото-

рыхъ онъ говоритъ, сами ужаснулись этой партіи, съ которою они до сихъ поръ шли вмѣстѣ. Должно быть, дѣло зашло уже слишкомъ далеко, когда лучшіе чувствуютъ себя вынужденными отказаться отъ бывшихъ своихъ единомышленниковъ! Должно быть, положеніе становится критическимъ, когда изъ груди этихъ лучшихъ вырываются подобныя признанія объ тѣхъ, которые стояли съ ними въ одномъ лагерѣ.

«Не думайте, чтобы я преувеличивалъ. Въ высшихъ кружкахъ всѣ отъ письма вашего въ восторгѣ. «Либеральная партія рѣшилась покончить и разорвать съ партіею революціонной»,— вотъ стереотипная фраза, которою ваше письмо прिवѣтствуютъ во дворцахъ и высшихъ административныхъ сферахъ. Этого ли вы хотѣли, Борисъ Николаевичъ? Единственный упрекъ, который вамъ дѣлаютъ, есть тотъ, что вы не представили вашего прекраснаго и благороднаго письма, до его напечатанія, на одобреніе правительства: оно бы непременно одобрило—письмо такъ хорошо,—но испросить разрѣшеніе, все-таки, слѣдовало. Отзывъ этотъ идетъ отъ князя Долгорукова. И они правы. Письмомъ вашимъ вы оказали имъ существенную услугу. Такой помощи и поддержки они, конечно, не ожидали. Письмо ваше—неопровержимый документъ, на который они съ торжествомъ и гордостью могутъ ссылаться теперь при преслѣдованіи своихъ цѣлей.

«Я понимаю, что можно не соглашаться съ противникомъ, наговорить ему самыхъ жестокихъ вещей; я допускаю возможность, разорвавши съ партіею, которая идетъ слишкомъ далеко, высказать противъ нея обвиненіе, которое, собственно говоря, по бывшимъ близкимъ моимъ отношеніямъ къ ней, я не долженъ бы высказывать. Что дѣлать? Это—несчастье, это—трагическое положеніе. Тутъ сталкивается общественное благо съ моими личными обязанностями, и я могъ предпочесть первое послѣднимъ. Но я спрашиваю васъ: думаете ли вы серьезно, положи руку на сердце, что Герценъ преднамѣренно раздуваетъ революцію въ Россіи, и что въ Россіи есть революціонная партія? Если вы это думаете,—вы можете быть правы передъ своимъ убѣжденіемъ и своею совѣстью, что написали это письмо, но я съ вами не согласенъ и съ скорбью долженъ удалиться отъ васъ, потому что считаю такое убѣжденіе не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ. Если же вы этого не думали, какъ же рѣшились написать? Какъ же вы могли доставить всей этой безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшаго круга, радость оправдывать свои отупѣлыя и злонамѣренныя инсинуаціи авторитетомъ вашего благороднаго имени? Вѣдь, это значитъ продать свое право первородства—и за что же?»

За блюдо чечевицы. Насъ же, друзей вашихъ, вы поставили въ самое нелѣпное положеніе: передъ одними—опровергать взведенныя вами клеветы, а передъ другими—защищать чистоту и благородство вашихъ побужденій!

«Право, какое-то проклятіе лежитъ на нашей литературѣ и на самой нашей мысли. Или у человѣка страсть говорить, и онъ говоритъ—ничего; или онъ имѣетъ, что сказать, а станетъ говорить—выходитъ совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ сказать. Такому хаосу мыслей и словъ, видно, предстоятъ Маеусайловы лѣта.

«Я не желаю, чтобы это письмо было напечатано въ «Колоколѣ» или гдѣ бы то ни было, но, если въ вашихъ намѣреніяхъ не лежало высказать печатно все то, въ чемъ вы клевете на Герцена, на «Колоколъ», на русское общественное мнѣніе, на русское правительствѣ (считая его мудрымъ), на русскую литературу, то я прошу васъ сообщить это письмо въ Лондонъ, Герцену, для собственнаго только свѣдѣнія. Для пользы дѣла необходимо, чтобы онъ слышалъ разныя мнѣнія и могъ извлечь изъ нихъ то, чего ему необходимо придерживаться при дальнѣйшемъ изданіи «Колокола».

Съ *этимъ* письмомъ, которое Кавелинъ и самъ считалъ имѣющимъ общественное значеніе, онъ прислалъ Чичерину слѣдующее письмо, написанное рукою И. К. Бабста: «Милостивый Государь Константинъ Дмитріевичъ, позвольте выразить Вамъ наше полное сочувствіе къ Вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму г-на Чичерина, помѣщенному въ 29 № «Колокола». Затѣмъ шли подлинныя подписи: «И. Бабстъ, Николай Тютчевъ, А. Галаховъ, П. Анненковъ, Ив. Тургеневъ, И. Масловъ, А. Скребицкій».

Получивъ эти письма, Чичеринъ отправилъ ихъ Герцену съ своимъ письмомъ отъ 13/25 февраля 1859 г. изъ Ниццы, которое привожу здѣсь же, такъ какъ къ послѣдующимъ обстоятельствамъ, которыя будутъ изложены ниже, оно не имѣетъ отношенія: Чичеринъ, какъ будто, и не читалъ «Колокола» отъ 15 декабря 1858 г. и 1 января 1859 года...

«Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, посылаю Вамъ полученное мною письмо или, лучше сказать, строгій выговоръ за письмо мое въ «Колоколѣ». Вы найдете здѣсь имена людей, которые хотѣли выразить Вамъ свое участіе, которыхъ сочувствіемъ Вы, безъ сомнѣнія, дорожите. Жалѣю объ одномъ: что совѣсть запрещаетъ мнѣ подписаться подъ этотъ документъ. Если бы письмо, ненапечатанное въ «К.», было выраженіемъ только личнаго моего мнѣнія, то я охотно призналъ бы себя неправымъ и созналъ бы свою ошибку. Но я получилъ столько же, если не больше, отзы-

вовъ одобрительныхъ отъ людей, которыхъ я уважаю. Мнѣ пишутъ, что и въ Россіи происходятъ объ этомъ споры, и мнѣнія раздѣляются на двѣ стороны. Что же это значить? Отчасти, я думаю, что это—выраженіе двухъ направленій, и считаю полезнымъ все, что способствуетъ выясненію мысли. Но, съ другой стороны, у насъ мнѣнія еще до такой степени шатки, у насъ такое отсутствіе политической мысли, что разногласіе можетъ быть также произведеніемъ чисто случайныхъ впечатлѣній. Издали этого не разберешь; надобно быть на мѣстѣ, чтобы что-нибудь разсмотрѣть въ этой путаницѣ. Вообще, Россія—хаосъ, теперь болѣе, нежели когда-либо. Ваше дѣло взвѣсить различные отзывы и вывести изъ нихъ для себя руководственную нить. Я выставилъ Вамъ одну сторону,— правда, весьма недостаточно; можетъ быть, когда-нибудь придется высказать свое воззрѣніе полнѣе и отчетливѣе. Теперь у васъ передъ глазами другая сторона. Выбирайте, какъ знаете; въ этомъ одна ваша совѣсть можетъ дать вамъ благой свѣтъ. Желаю только, чтобы онъ послужилъ къ пользѣ Россіи. Жму крѣпко Вамъ руку. ....Прошу васъ также возвратить мнѣ письмо при будущемъ свиданіи. Это — историческій документъ, который я буду хранить, ибо онъ адресованъ ко мнѣ. Вамъ же, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно оставить у себя копію («Вольное Слово» 1883, № 61. Подлинники всѣхъ приведенныхъ писемъ Чичерина хранятся въ Румянц. музеѣ, по нимъ мною сдѣлана провѣрка текста, даннаго Драгомановымъ съ ошибками).

Письмо Кавелина было возвращено Чичерину и сохранилось въ его архивѣ, откуда и получено Барсуковымъ для опубликованія въ XV т. его работы. Коллективное письмо осталось у Герцена и теперь находится въ Румянц. музеѣ.

Казалось бы, все ясно, но въ литературѣ съ этими документами произошла такая путаница, распутать которую мнѣ удалось послѣ немалаго труда. Создалъ ее Драгомановъ, напечатавшій рядъ писемъ Кавелина, никогда Кавелинымъ не написанныхъ («Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену», 29—43), и это коллективное письмо, но уже въ качествѣ одобряющаго не приведенное мною полное большаго значенія письмо Кавелина къ Чичерину (Драгомановъ его и не видѣлъ), а ошибочно приписанное имъ самимъ письмо Кавелина къ Герцену, напечатанное въ «Колоколѣ» 1 января 1859 г. Главная часть этой путаницы будетъ вскрыта мною дальше.

1152. [„Колоколь“ въ Турціи].

„Аугсбургская Газета“ рассказываетъ, какъ Бутеневъ упрасивалъ великаго визиря запретить въ Турціи нашъ „Колоколь“ и другія русскія изданія. Великій визирь, какъ слѣдуетъ государственному человѣку, отвергнулъ дикую просьбу. Однако же, пора бы Горчакову сколько-нибудь лучше выбирать людей или построже смотрѣть за своими чиновниками внѣ границъ. Довольно, что Турція побѣдила при Николаѣ Россію въ отношеніи гуманности, не выдавъ Кошута, Бема и др.,—неужели она должна при Александрѣ II учить терпимости? Судьба Хрентовича ¹⁾ могла бы служить примѣромъ Бутеневу. ¹

◆◆ 1. Вскорѣ послѣ этого «Allgemeine Zeitung» помѣстила очень обширную корреспонденцію изъ Петербурга, въ которой, сказавъ о громадномъ вліяніи «Колокола», подвергла критикѣ мѣры русскаго правительства по борьбѣ съ Герценомъ, поѣздку въ Европу Тимашева,—находя ее совершенно бесполезной, указала на цѣлый рядъ проектовъ изданія за границею органа, который долженъ былъ бы опровергать сообщенія лондонскаго журнала, и рекомендовала правительству допустить полемику въ русской печати, находя эту мѣру единственно раціональной. «Было бы далеко не вредно, если бы громадному числу русскихъ здравомыслящихъ писателей разрѣшено было излагать суть герценовскихъ сочиненій, потому что, кромѣ заключающагося въ нихъ зернышка правды, остается еще достаточно ложнаго, противъ чего можно было бы вести успѣшную войну (№ отъ 29 ноября).

1153. [Къ „пропажѣ“ 80 верстъ].

Мы получили очень дѣльное письмо, въ которомъ опровергается возможность прибавки 80 верстъ на московской желѣзной дорогѣ. Мы взяли эту новость изъ «Times» и «Allgemeine Zeitung» и помѣстили ее потому, что привыкли слѣпо вѣрить, когда идетъ

¹⁾ Гр. Михаилъ Иринеевичъ, нашъ посланникъ въ Лондонѣ, перемѣщенный въ 1858 г. въ Спб. и покинувшій дипломатическую карьеру, благодаря ряду нетактичностей въ отношеніи великобританскаго правительства. Дочь его была замужемъ за сыномъ А. П. Бутенева.

рѣчь объ административныхъ кражахъ въ Россіи. Если-бъ кто-нибудь сказалъ, что петербургская или московская полиція отрѣзала хвостъ у кометы и потомъ продала его, и тутъ призадумался бы: «а что, какъ въ самомъ дѣлѣ?» Мы видѣли своими глазами, какъ въ Вятской губерніи пропадали строевые лѣса и мачтовья рощи, какъ въ казенной палатѣ было дѣло о «потерѣ нѣсколькихъ *оброчныхъ статей*», — каждая въ нѣсколько верстъ.

1154. [Графъ Гуровскій].

Графъ Гуровскій въ письмѣ къ редактору нью-іоркскаго журнала «Evening Post» говоритъ, между прочимъ, что я приобрѣлъ богатство *продажею крестьянъ* въ Россіи и, взявъ вырученныя деньги съ собою за границу, проповѣдую освобожденіе крестьянъ. На эту *нусную клевету* я отвѣчалъ письмомъ, посланнымъ мною въ американскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы. Наши русскіе читатели, быть можетъ, вспомнятъ, что въ 1 книжкѣ «Полярной Звѣзды», стр. 214, я объявилъ одному «анониму», что я никогда во всю мою жизнь ни продалъ, ни заложилъ ни одного крестьянина, ни одного крѣпостного человѣка, и что мое *костромское имѣніе находится подв секвестромъ*, вслѣдствіе чего я и не могу имъ распоряжаться. Прилагая при нынѣшнемъ листѣ «Колокола» мое объясненіе по этому дѣлу, я не счелъ нужнымъ переводить его. Сами противники мои въ Россіи знаютъ, что это—*клевета*.

1155. Calomnie.

J'ai reçu le 16 novembre dernier sous une enveloppe jetée à la poste à Vienne, un fragment de journal contenant une lettre adressée le 19 octobre par le comte Gourowsky à l'éditeur du «New-York Evening-Post». Au bas de ce fragment se trouve, écrite au crayon, la phrase suivante: *M'a été envoyé pour vous (Wurde mir für Sie zugesandt). A. Kolatchek, Gumpendorf, Hauptstrasse, 368*».

Dans ce fragment lui-même se trouve le passage que voici: «But these noisy philanthropists, such as Herzen and even Tourguéneff. Illustrate their character by *selling their serfs*, which they could have individually emancipated, and now they are abroad preaching emancipation—and living on the money *derived from the sale*». (Traduction:

«Mais ces bruyants philanthropies, tels que Herzen et même Tourguéneff ¹⁾, illustrent leur caractère en *vendant leurs serfs*, qu'ils auraient pu émanciper individuellement, et maintenant ils sont à l'étranger prêchant l'émancipation tout en vivant sur l'argent *tiré de la vente*»).

Je déclare formellement que tout ceci est une *calomnie*; que je n'ai *jamais* ni avant mon départ de la Russie, ni depuis, vendu une terre quelconque, habitée ou non habitée, un serf quelconque de quelque dénomination que ce soit.

Bien plus, non seulement je n'ai jamais vendu de propriété seigneuriale, mais je n'en ai jamais rien hypothéqué, rien transmis, rien cédé et je n'ai fait ni vente simulée, ni acte détourné quelconque, ayant pour but *la vente* d'un serf ou d'une terre habitée.

Cela n'est pas tout.

En 1846, après la mort de mon père, j'entrai en possession de deux maisons situées à Moscou, d'un capital déposé à la Banque Impériale, et d'une propriété foncière (c'est-à-dire de quelques villages) située dans le gouvernement de Kostroma. Non seulement cette propriété n'est pas vendue, aucun paysan n'a été aliéné de la commune, mais cette propriété n'est pas même hypothéquée. Ma propriété de Kostroma a été sequestrée, en 1849, par le gouvernement à cause de mon émigration et depuis cette époque elle est restée sous le séquestre. Je n'ai jamais reçu un *liard* de revenu.

En 1855 je publiai dans le premier volume de «l'Étoile Polaire» une lettre dans laquelle je disais que je serais fort heureux si le gouvernement voulut bien me permettre d'abdiquer en faveur de la commune tous mes droits sur la terre. Étant *hors la loi* par ma position, je n'avais pas le droit de l'exiger. Si Alexandre II, me prenant au mot, eut permis cela, je l'en aurais remercié comme d'un bienfait.

Je défie tous les agents russes, officieux, officiels, correspondants, diplomates, consuls, vice-consuls, jurisconsultes, proconsuls et autres de répondre à un seul mot de ce que j'avance, ou de produire un seul document d'où on puisse inférer quelque chose de contraire aux faits que j'affirme. Pourtant, tous les actes du genre de ceux auxquels il est fait allusion, sont notariés et les archives depuis 1833 (l'année de ma majorité) n'ont pas été brûlées.

M. Gourowsky, que je ne connais pas du tout, a été *peut-être* induit en erreur. Dans ce cas il sera content, sans doute, de voir ma

¹⁾ Celui auquel il est fait allusion ici, est N. Tourguéneff, homme d'état connue du règne d'Alexandre I, ami de Stein, et l'un des avocats les plus zélés de l'émancipation des paysans; il a été condamné (par contumace) aux travaux forcés, en 1826, et amnistié seulement en 1856. A. H.

justification. En tout cas il comprendra que je ne pouvais par rester sous le coup d'une pareille accusation.

Quant à M. Kolatchek, le transmetteur du fragment, j'ignore la raison qui a pu le décider à se charger d'une commission désagréable, mais je n'ai qu'à le remercier de m'avoir fourni l'occasion de faire justice de cette *calomnie*.

Alexandre Herren,

Éditeur de «L'Etoile Polaire» et de «La Cloche».

19 novembre 1858.

Londres, Park House, Percy Cross, Fulham.

Переводъ.

Клевета.

16 ноября я получилъ въ конвертѣ, опущенномъ въ почтовый ящикъ въ Вѣнѣ, вырѣзку изъ газеты, содержащую письмо графа Гуровскаго къ издателю «New-Work Evening Post» отъ 19 октября. Подъ этой вырѣзкой написана карандашомъ слѣдующая фраза: «*Мнѣ прислали для васъ. Колачекъ, Гумпендорфъ, Гауптенштрассе, 368*».

Въ этой вырѣзкѣ находится слѣдующее мѣсто: «Но эти крикливые филантропы, въ родѣ Герцена и даже Тургенева ¹⁾, обнаруживаютъ свою истинную сущность, *продавая своихъ рабовъ*, которыхъ они могли бы въ отдѣльности освободить, а теперь они проповѣдуютъ за границей освобожденіе, живя въ то же время на деньги, *вырученныя отъ продажи*».

Я рѣшительно утверждаю, что все это — клевета; что я никогда, ни до своего отъѣзда изъ Россіи, ни послѣ этого, никогда не продавалъ никакой земельной собственности, ни заселенной, ни пусто-поружней, никогда не продавалъ ни одного крѣпостного человѣка, подъ какимъ бы то ни было названіемъ.

Больше того,—я не только никогда не продавалъ никакого помѣстья, но никогда ничего и не закладывалъ, ничего не пере-

¹⁾ Тотъ, на кого здѣсь сдѣланъ намекъ, есть Н. Тургеневъ, извѣстный государственный дѣятель въ царствованіе Александра I, другъ Штейна и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ освобожденія крестьянъ. Онъ былъ приговоренъ заочно къ каторжнымъ работамъ въ 1826 г. и амни-стированъ только въ 1856 г. А. И. Г.

давалъ въ другія руки, ничего не уступалъ,—я никогда не производилъ никакой фиктивной продажи, ни какого бы то ни было отчуждающаго собственность акта, имѣя при этомъ цѣлью продать хотя одного крестьянина или хоть одинъ клочокъ заселенной земли.

Но это не все.

Въ 1846 году,—послѣ смерти моего отца,—я вступилъ во владѣніе двумя домами, которые находились въ Москвѣ, капиталомъ, который лежалъ на храненіи въ государственномъ банкѣ, и поземельной собственностью (то-есть нѣсколькими деревнями), находящеюся въ Костромской губерніи. Это имѣніе не только не было мною продано, ни одинъ крестьянинъ не былъ отчужденъ отъ своей общины, но оно также не было и заложено. Мое костромское имѣніе въ 1849 г., вслѣдствіе моей эмиграціи изъ Россіи, было секвестровано правительствомъ и съ того времени находится подъ секвестромъ. Съ него я ни разу не получилъ ни одного *ліарда* дохода.

Въ 1855 году я напечаталъ въ первомъ томѣ «Полярной Звѣзды» письмо, въ которомъ высказалъ, что былъ бы очень счастливъ, если бы русское правительство захотѣло позволить мнѣ отказаться отъ этого имѣнія, отъ всѣхъ моихъ правъ на эту землю въ пользу крестьянскаго міра. Находясь по своему положенію «внѣ закона», я, разумѣется, не имѣю права этого требовать. Если бы Александръ II захотѣлъ поймать меня на словѣ и позволилъ бы мнѣ выполнить мое обѣщаніе, то я поблагодарилъ бы его за это, какъ за одно изъ благодѣяній.

Предлагаю всѣмъ русскимъ агентамъ, официальнымъ и офиціознымъ, корреспондентамъ, дипломатамъ, консуламъ, проконсуламъ и проч. отвѣтить мнѣ хотя на одно слово изъ того, что я заявляю, и представить хоть одинъ документъ, изъ котораго бы можно было сдѣлать выводъ, противоположный тому, что я здѣсь утверждаю. Извѣстно, что всѣ акты такого рода, на которые намекаетъ пущенная клевета, должны совершаться нотаріальнымъ порядкомъ, а архивы съ 1833 года (годъ моего совершеннолѣтія) еще до сихъ поръ не были сожжены.

Возможно, что г. Гуровскій, котораго я совсѣмъ не знаю, былъ введенъ въ заблужденіе. Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, онъ будетъ радъ прочесть мое оправданіе. Во всякомъ случаѣ онъ пойметъ, что я не могъ оставаться подъ такого рода подозрѣніемъ.

Что же касается до г. Колачека, переславшаго мнѣ газетную вырѣзку, то причина, которая могла его заставить рѣшиться взять на себя такое непріятное порученіе, мнѣ неизвѣстна; лично же

мнѣ остается только поблагодарить его за то, что онъ доставилъ мнѣ случай оправдаться въ этой клеветѣ.

*Александръ Герценъ,
Издатель «Полярной Звѣзды» и «Колокола».*

19 ноября 1858 г. ¹

◆◆ 1. Повидимому, Герценъ не зналъ вполне, что изъ себя представлялъ его «обличитель». Послѣ дѣятельнаго участія въ возстаніи 1830—31 гг., и многихъ печатныхъ выступленій противъ Россіи, гр. Адамъ Гуровскій круто перемѣнилъ свою позицію, написалъ книгу «La vérité sur la Russie et sur la révolte des provinces polonaises» 1834 г. и получилъ разрѣшеніе Николая I вернуться въ Россію, которымъ и воспользовался. Потомъ онъ переѣхалъ въ Америку, продолжая свою панславистскую литературную дѣятельность. Въ Россіи онъ игралъ роль «пресмыкающагося»,—такъ характеризуетъ его Н. И. Пироговъ, познакомившійся съ Гуровскимъ въ Ревелѣ (1836—40 гг.), куда тотъ былъ присланъ шефомъ жандармовъ, подъ видомъ сыльнаго, для уловленія крамолы въ Прибалтійскомъ краѣ. Перемѣнѣ его образа мыслей не мало способствовали надежды на административную карьеру въ Россіи, которыя графъ питалъ, имѣя близкія связи при дворѣ: его сестра была замужемъ за оберъ-шталмейстеромъ бар. П. А. Фредериксомъ и близкой подругой принцессы прусской, впоследствии императрицы Александры Федоровны, жены Николая I (Пироговъ «Сочиненія», II, 619—620; «Рус. біограф. слов.», Ф.). Въ этомъ послѣднемъ указаніи мы и находимъ ключъ къ появленію замѣтки гр. Гуровскаго противъ Герцена: вѣроятно, сестра просила брата унижить въ общественномъ мнѣніи автора «Августѣйшихъ путешественниковъ»...

1156. Письмо къ сыну.

2 декабря (1856).

Park House, Percy Cross, Fulham.

На дняхъ твои именины; первый разъ ты ихъ проведешь безъ меня, безъ насъ. Я тороплюсь писать, чтобы письмо пришло вовремя. Трудность пересылокъ дѣлаетъ то, что мы всѣ, находящіеся по горло въ переѣздѣ, на этотъ разъ тебѣ ничего не посылаемъ, а я пришлю въ слѣдующемъ письмѣ на кристмасъ ¹⁾ 200 фр.

¹⁾ Christmas — Рождество.

Вчера я послалъ старику Фогту «Записки» Екатерины; когда я ихъ клалъ въ ящикъ, мнѣ показалось, что *la bande*¹⁾ надорвана, а потому извѣсти, получили ли вы?

Вчера же я послалъ и «Кол.» со статьей противъ меня и съ другой статьей — «Америка и Сибирь», которую ты можешь перевести.

Устрялова «Исторію» Мар. К. прислала прямо сюда; она, впрочемъ, плоха и очень длинна.

Для пониманія вопроса о крѣпостн. состояніи недостаточно нѣсколькихъ строкъ; я тебѣ пришлю 1-ю книжку «Голосовъ изъ Россіи»; въ ней ты найдешь матеріалы; потомъ—въ моей брошюрѣ «*Du dévelop. des idées rév.*» (см. отъ 24 стр. и въ концѣ). Я не совѣтую писать о предметѣ мало знакомомъ для тебя. Крѣпостное состояніе введено (т.-е. крестьяне прикрѣплены къ землѣ) при Годуновѣ, а ты спрашиваешь, какъ оно началось при Екатеринѣ II... Петръ I утвердилъ прикрѣпленіе *revuiziei*: кто гдѣ былъ приписанъ, тотъ тамъ и остался. Екатерина не ввела крѣпостн. состояніе, а раздавала въ частное владѣніе казенныя и монастырскія имѣнія.

Достань Гакстгаузена и отыщи у него главу о крѣпостн. людяхъ. Впрочемъ, я тебѣ еще пришлю статьи изъ русскихъ журналовъ, прежде же никакъ не принимайся писать.

У насъ были разныя домашнія гадости. Негръ оказался страшнѣйшимъ негодяемъ,—объ этой исторіи я напишу послѣ²⁾.

Всѣ тебя поздравляютъ: и Ольга, и Натали, и Огар.

Прощай, будь здоровъ.

Вмѣсто подарка прилагаю стихи Огар., тогда же переписанные (т.-е. въ Москвѣ) мамашей,—береги ихъ, и другіе, писанные Огар. мнѣ, такъ, какъ они были написаны имъ.

1. До Бориса Годунова—патріархальное отношеніе, основанное на обычаяхъ, безъ письменныхъ условій между помѣщикомъ и крестьянами, имѣвшими право переходить съ мѣста на мѣсто. Рабы тогда были холопы, военно-плѣнные и ихъ потомки, а не крестьяне.

2. Прикрѣпленіе къ землѣ при Борисѣ, ограниченіе перехода сначала Юрьевымъ днемъ, потомъ полное.

3. Отъ Бориса до Петра — увеличеніе помѣщичьей власти и возмущеніе крестьянъ,—Стенька Разинъ.

¹⁾ Бандероль. †

²⁾ Жоржъ, поваръ; кромѣ сказаннаго о немъ Герценомъ и въ другомъ мѣстѣ, см. стр. 139—142 «Воспоминаній» Огаревой.

4. Петръ ревизіей формально закрѣпилъ крестьянъ за помѣщиками.

5. Помѣщики безъ всякаго права стали продавать людей, брать во дворъ, заставляя работать всю недѣлю, но землю крестьянамъ все же давали.

6. Казаки и Малороссія отданы въ крѣпость Екатериной II,—возстаніе Пугачева.

7. Въ концѣ XVIII столѣт. указъ о томъ, чтобъ крестьяне работали 3 дня на помѣщ. и 3 на себя.

8. При Николаѣ—запрещеніе продавать въ разбивку, а только семьями; запрещеніе имѣть, т.-е. покупать, мужиковъ безъ земли.

1157. Письмо къ сыну.

4 декабря (1858).

Park House, Percy Cross, Fulham.

У Трюбнера случились два векселя, каждый въ 8 фунтовъ, а потому 8 фунтовъ одни—тебѣ на именнины, а другіе—въ счетъ будущаго жалованья.

Можетъ, они не тотчасъ заплатятъ; ты обо всемъ извѣсти. Тебѣ надобно деньги и письма послать въ Базель. Пора умѣть дѣлать дѣла аккуратно.

Въ новомъ ливрезонѣ «Konversations lexikon» есть статья о крѣпостномъ состояніи Будауса; я ее еще не читалъ, но, кажется, подробн. ¹⁾

1158. Письмо къ сыну.

12 декабря (1858).

Park House, Percy Cross, Fulham.

Нельзя сказать, чтобъ и ты особенно много писалъ: я не имѣю извѣщенія ни о векселяхъ, ни о «Запискахъ» Екатерины. Твоему приѣзду всѣ рады, и комната для тебя готова. Прилагаю записочку къ какому-то гарсону, желающему итти въ Лондонъ служить; поговори съ нимъ, разспроси, достань рекомендаціи; онъ говоритъ, его братъ маракуетъ по-англійски. Если онъ знаетъ по-англійски,

¹⁾ Не окончено.

если онъ покажется порядочнымъ, то скажи ему, что я могу сдѣлать опытъ и взять его,—жалов. 20 фун. въ годъ.

Губеръ, который, какъ слуга, очень хорошъ, подвергся той же заразѣ, какъ Франсуа, и женится, а прежній господинъ его даетъ ему землю въ Ирландіи,—вотъ я опять на мели.

Не забудь захватить съ собой Лермонтова да еще томикъ Leopardi, мамашинъ, переплетенный; также можешь отъ Адольфа взять что-нибудь изъ каррикатуръ, рѣдкихъ журналовъ и экзем. 5 «Vom andern Ufer». Микроскопъ я оставилъ до тебя и атласъ.

Сегодня 8 день, какъ было отъ тебя письмо. Надѣюсь, что нѣтъ другой причины, какъ *poco cugenza* ¹⁾,

а потому прощай.

Кто мнѣ посылаетъ изъ Женева журналъ «L'Universel»? Видѣлъ ли ты въ Бернѣ Конст. Никол. ²⁾?

1159. Appel à la pudeur ³⁾.

(Издателямъ русскихъ газетъ).

Духа же празднословія не даждь ми!

Всякій разъ, когда намъ приходится читать нѣсколько листовъ русскихъ газетъ, нами овладѣваетъ какая-то безконечная тоска, намъ становится стыдно, становится жаль и русскихъ читателей и русскій языкъ. Наконецъ, мы рѣшились сказать объ этомъ нѣсколько словъ во имя благопристойности, здраваго смысла и челоуѣческаго достоинства. Рѣчь идетъ объ особой, изысканной невоздержности въ подобострастныхъ выраженіяхъ, съ которой пишутъ у насъ новости, касающіяся до государя или царской фамиліи. Какъ встарь у насъ развился церковный языкъ, такъ въ прошломъ столѣтіи расцвѣлъ и при Николаѣ достигъ высокой степени совершенства *языкъ ливрейный*. Пора положить ему предѣлъ, пора отбросить это византійское низкопоклонство, смѣшанное съ монгольскимъ уничиженіемъ, приведенное въ систему и порядокъ нѣмецкимъ канцелярскимъ стилемъ.

¹⁾ Небрежность.

²⁾ Великій князь.

³⁾ Призывъ къ стыдливости.

Для чего это дѣлается? Государю не можетъ это нравиться, всѣ члены царской фамилии слишкомъ образованы, чтобъ требовать этой тяжелой, обязательной японской болтовни. Посмотрите на новья рѣчи государя,—онъ не говоритъ этимъ языкомъ; посмотрите на приказы Барятинскаго, и онъ не говоритъ имъ. Кому же это нравится? Нельзя же подличать безкорыстно, какъ соловей щелкаетъ въ лѣсу.

Теперь, уничтожая крѣпостное состояніе, мечтая объ освобожденіи Россіи отъ тѣлесныхъ наказаній, цензурныхъ преслѣдованій, теперь, думая о гласности въ судѣ, о законности, надобно приучаться къ мужественной рѣчи свободного человѣка и бросить языкъ, которымъ перестаютъ говорить въ переднихъ.

Фактъ очень замѣчательный, что языкъ русскій разомъ перешелъ отъ патріархально-дѣтскаго, не уравновѣшеннаго ни въ грубости, ни въ униженіи, къ сильному и простому языку, исполненному достоинства во всемъ *неофициально*, и палъ въ какое-то безграмотное пресмыканіе передъ предрезающими властями и притомъ не на патріархальный крестьянскій ладъ, а на подхалюзный, нѣмецко-подьяческій. Всѣ утонченно унижительные обороты, всѣ чиновничьи фіоритурѣ формальнаго чинопочитанія старшихъ, богопочитанія царской фамиліи рѣшительно противны духу русскаго языка. Русскія слова, употребляемая на эти подлости, такъ и напоминаютъ вчера обритаго и остриженнаго крестьянина, одѣтаго въ уродливую ливрею и не умѣющаго держать тарелку (къ великому увеселенію истыхъ офиціантовъ, забывающихъ, что *человѣческое* дѣло—ѣсть съ тарелки, а не подавать ее).

Долею издатели не виноваты, сообщая новости, составленныя впередъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ двора, но можно же, наконецъ, объяснить Адлербергу, *dass es ominös ist und sclavisch* ¹⁾ писать такимъ вычурно-принижающимся языкомъ, что истинное уваженіе никогда такъ не выражается, что вздору не надобно прибавлять важности, упомянуть объ немъ можно слегка, вскользь, а не то онъ сдѣлается скучный вздоръ и весь падетъ на голову пациента, о которомъ рассказываютъ. Напримѣръ:

«С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ, повергнувъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія поздравленія жителей С.-Петербурга, по случаю торжественнаго дня тезоименитства Государя Императора, получилъ сего 30-го Августа, въ половинѣ перваго часа пополудни, отъ Министра Императорскаго Двора, изъ Москвы, слѣдующую «телеграфную»

¹⁾ Что это гнусно и по-рабски.

дешу, которою спѣшить порадовать жителей С.-Петербурга, какъ выраженіемъ благосклоннаго къ нимъ вниманія Его Величества: „Государь Императоръ благодаритъ васъ и жителей Столицы за принесенное поздравленіе“ («Русск. Инв.»).

Или:

«Въ Высочайшемъ указѣ, 12-го Августа, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, изображено: «Рожденіе Любезнѣйшаго Племянника Нашего, Великаго Князя Константина Константиновича, повелѣваемъ праздновать въ 10-й день Августа, а тезоименитство въ 21-й день Мая».

(Тутъ поневолѣ приходитъ въ голову вопросъ: да развѣ онъ родился въ другой день, что надобно было высочайшее утвержденіе числа, утвержденнаго самимъ рожденіемъ?)

Послѣднее путешествіе государя и царской фамиліи дало случай развернуться ливрейному краснорѣчію дворцовыхъ хронографовъ съ такимъ напоромъ, съ такимъ яростнымъ усердіемъ, что всѣ плотины разума, приличій, грамматики были снесены «вѣрно-преданностью» (выраженіе «Сѣв. Пчелы»), и въ то время, какъ путешествіе государя было исполнено дѣйствительнаго интереса, они насъ потчевали самыми пустѣйшими подробностями обычныхъ церемоній, придавая имъ какую-то эпическую важность и какую-то тредьяковскую отдѣлку.

Возьмите случайно «Инвалидъ» или «Пчелу», вѣсти изъ Тулы или изъ Владиміра,—все одно:

Владиміръ—«Въ половинѣ пятаго часа у Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ большой обѣденный столъ, послѣ котораго Государь Императоръ удостоилъ Своимъ присутствіемъ бѣгъ рыси стыхъ лошадей, на Владимірскомъ бѣговомъ мѣстѣ».

Тула—«Въ двѣнадцатомъ часу Ихъ Императорскія Высочества, привѣтствуемые густыми толпами народа, изволили прибыть въ церковь оружейнаго завода для слушанія божественной литургіи и оттуда, по окончаніи богослуженія, изволили отправиться въ Успенскій Каѳедральный Соборъ. Здѣсь Ихъ Высочества были встрѣчены Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, съ старшимъ духовенствомъ г. Тулы, съ крестомъ и св. водою (не съ сигарой же было выйти). Послѣ краткаго молебствія и возгласенія многолѣтія Его Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Дому, Ихъ Высочества прикладывались къ мѣстнымъ св. иконамъ, а потомъ Его Преосвященство поднесъ Государю Великому Князю Св. Икону Спасителя, а Государынѣ Великой Княгинѣ просфору».

Троица — «Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною прибыли къ начатію литургіи въ началѣ девятаго часа утра и слушали оную и молебное пѣніе съ благоговѣніемъ, которое приводило въ умиленіе братію обители и всѣхъ предстоящихъ въ храмѣ. По молебномъ пѣніи Ихъ Величества и Ея Высочество прикладывались къ св. иконамъ и къ мощамъ преподобнаго Сергія, при чемъ поднесены иконы Государю Императору и Великой Княжнѣ. Шествіе Ихъ Величествъ во храмъ и изъ храма оглашаемо было радостными восклицаніями многочисленнаго народа».

Вологда—«За нѣсколько минутъ до представленія, Губернскій Предводитель Дворянства, Багряновъ, былъ *черезъ* Его Сіятельство (творительный падежъ, видно, хорошъ для обыкновенныхъ смертныхъ, а въ такихъ экстренныхъ случаяхъ куда онъ годится!) графа Адлерберга введенъ во внутренніе покои (кабинетъ) (а, вѣдь, нѣтъ того, чтобъ сказать просто: въ кабинетъ) Его Величества, гдѣ былъ встрѣченъ милостивыми словами Государя Императора: «Я исполнилъ свое обѣщаніе быть у васъ». На что Губернскій Предводитель отвѣчалъ: «Мы уже давно ожидали этого счастливаго времени»...

Ну, можно ли записывать эдакій вздоръ и эдакимъ слогомъ? Впрочемъ, что Тула, Вологда; вотъ что будетъ интересно,—государь въ Варшавѣ. Ему многое надо тамъ сдѣлать, чтобъ многое загладить. Что же онъ дѣлалъ въ Варшавѣ?

Варшава—«14/26 сентября. (Сообщено). 11/23 сент., Государь Императоръ, по приѣздѣ въ Варшаву, въ три часа пополудни, изволилъ прибыть въ Православный Святотроицкій Соборъ. Храмъ едва могъ вмѣстить собравшихся для вождѣннаго лицезрѣнія Благочестивѣйшаго Монарха. Преосвященный Арсеній, Архіепископъ Варшавскій и Новогеоргіевскій, съ высшимъ духовенствомъ ожидалъ съ крестомъ и св. водою вшествія Царя земнаго въ домъ Царя небеснаго. Когда Государь Императоръ ступилъ на прагъ церковный, Архіепископъ, осѣнивъ Его Величество св. крестомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой кратко, но сильно выразилъ чувство всеобщей благодарности за щедроты и попеченія Государя о благѣ Богомъ ввѣреннаго державному Его скипетру народа. Сердце Царево, *выну хранимое въ руцѣ Божіей*, съ умиленіемъ внимало словамъ служителя Божія: Приложившись къ св. кресту, по окропленіи св. водою, Государь Императоръ, предшествуемый духовенствомъ при соотвѣтственномъ церковномъ пѣніи двумя хорами: *Спаси, Господи, люди твоя...* вошелъ въ церковь. Здѣсь совершено краткое моленіе о здравіи Его Величества и всего Августѣйшаго Дома. Государь Императоръ, по произнесеніи много-

лѣтія, снова приложился къ кресту, коимъ былъ осѣняемъ отъ Архіепископа; причемъ Архіепископъ поднесъ Его Величеству снимокъ съ чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери, и съ крестомъ же сопровождалъ Государя къ самымъ дверямъ храма. Послѣ сего отслуженъ благодарственный молебенъ о благополучномъ прибытіи Помазанника Божія.

«14/26-го числа, въ одиннадцать часовъ утра Преосвященный Архіепископъ Арсеній представлялся Его Императорскому Величеству въ Бельведерскомъ Дворцѣ».

Пощадите, милые Несторы и Коммины Зимняго дворца! Какъ же вамъ не стыдно? Даже осмѣянное, опошленное «въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ» не забыто.

Можно ли повѣрить послѣ этихъ образцовъ, что иногда официальные журналы бываютъ умѣреннѣе *партикулярной* „Пчелы“ съ товарищами. «Пчела», порхая тамъ и тутъ, не ограничивается лицами, упоминаемыми на экрѣнѣ, но распространяетъ благодѣянія камердинерскаго обращенія на иностранныхъ принцевъ и принцессъ, курфюрстовъ и фюрстовъ. «Его высочество, говоритъ она, принцъ прусскій и принцесса *пожаловали* Іенскому Университету бюсты—Фихте, Шеллинга и Гегеля». Намъ дѣла нѣтъ до пошлости дѣлать двѣ сѣнальные подарки,—какъ будто принцъ самъ по себѣ, а принцесса сама по себѣ не могли подарить бюсты,—насъ занимаетъ слово *пожаловали*, которое такъ красиво становится между именемъ университета и именами трехъ философовъ, и тѣмъ больше, что оно мнѣ напоминаетъ родительскій домъ и нашего стараго лакея Бакаю.

Покойникъ училъ мальчишекъ «пчелиному» языку и, таская иногда за волосы, приговаривалъ: «А ты, мужикъ, знай: я тебѣ даю, а баринъ изволить тебѣ *жаловать*; ты ѣшь, а баринъ изволить *кушать*; ты спишь, щенокъ, а баринъ изволить *почивать*». Этотъ лексиконъ былъ у него вполнѣ выработанъ, и Бакай никогда не ошибался, когда надобно было сказать *рубашка* и когда *сорочка*

Но я полагаю, что и Бакай далѣе перевода словъ не шелъ и что, напримѣръ, такіе сложные періоды были ему не подъ силу, какъ всѣ эти: «изволили соблаговолить одобрительнымъ одобреніемъ» или что-нибудь въ родѣ: «Е. И. В. принцъ Петръ Ольденбургскій *изволил отбыть* послѣ *обѣденнаго стола*, слѣдуя по калужскому тракту». Неужели, въ самомъ дѣлѣ, учтивѣе сказать «послѣ обѣденнаго стола», «послѣ ужиннаго стола», нежели «послѣ обѣда», «послѣ ужина», или «отбылъ по калужскому тракту» благолѣпнѣе, нежели *потхалъ въ Калугу?*!

Иногда, кажется, у правительства просыпается сознание вкуса, накапливается злоба за все это вѣрно-преданное вранье, и оно вдругъ мститъ редактору тою же монетой, но съ какимъ-то особеннымъ, казеннымъ чеканомъ. Напримѣръ, оно пишетъ анонимное письмо слѣдующаго содержанія:

«М. Г. Петръ Семеновичъ,

«Посѣтивъ 15 юня сего года Больницу Всѣхъ Скорбящихъ, вы, при видѣ ея устройства, преисполнились благоговѣннѣ къ царственному состраданію безпримѣрнаго по энергіи въ Бозѣ почившаго Монарха Николая Павловича, и къ безпримѣрной, по любви къ человѣчеству, Государыни Матери Царей, Вѣнценосной Покровительницы отверженныхъ сиротъ и всѣхъ несчастливцевъ, безъ разбора причинъ злополучій каждаго, приснопамятной Императрицы Маріи Теодоровны.

«При такомъ одушевленіи выраженный вами благонамѣренный вызовъ—начертать Историческое Сказаніе о семъ благотворномъ учрежденіи, вы привели нынѣ въ дѣйство, издавъ Историческій Очеркъ о Больницѣ, посвященный вами памяти Августѣйшихъ Основателей ея и Благодѣтелей. Въ немъ, съ историческою точностью, съ теплымъ сочувствіемъ къ цѣли установленія, къ заботамъ предстателей, справедливо оцѣнены заслуги и подвиги цѣленія и призора несчастливцевъ, постигнутыхъ омраченіемъ ума.

«Въ семъ уваженіи, Статсъ-Секретарь по дѣламъ Управленія Учрежденій Императрицы Маріи, Членъ Государственного Совѣта, Андрей Логиновичъ Гофманъ, благоволилъ поднести Историческій Очеркъ вашъ Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ, и по его предстательству благоугодно было Его Императорскому Величеству удостоить трудъ вашъ Монаршимъ благоволеніемъ во Всемилостивѣйшемъ пожалованіи вамъ препровождаемаго при семъ драгоцѣннаго перстня, брилліантами украшеннаго».

(*Русскій Инвалидъ*).

Ужъ не Андрея ли Логгиновича *постигнуло* такое краснорѣчіе? За нимъ не угоняется и самъ Теодоръ-Амедей Гофманъ, писавшій «Кота Мурра».

Мы очень серьезно обращаемъ вниманіе русскихъ журналистовъ на необходимость воздержаться отъ этихъ цвѣтовъ подобострастія. Въ порядочномъ обществѣ выводится низкопоклонный кліентизмъ, поднявшійся въ залы и гостиныя изъ канцелярскихъ болотъ и крѣпостныхъ подземелій. Гдѣ теперь «бакаевская» манера въ словахъ, движеніяхъ, улыбкѣ, въ образѣ садиться на стулъ и вставать со стула, въ образѣ держать шляпу въ рукахъ и спину

на ногахъ, въ кашлѣ и смѣхѣ выражать безпредѣльное подобострастіе, свою ничтожность, теряющуюся, «какъ капля, въ море опущенна», въ благодѣтельныхъ лучахъ его превосходительства? И не только мимика низкопоклонства исчезла, но и самыя слова: «благодѣтель», «отецъ и начальникъ», «покровитель» не употребляются больше.

Ссылаться въ этомъ на нѣмцевъ нечего,—отъ нихъ-то мы и заразились вполонину приносящимся сквернословіемъ. Нѣмцы—вообще люди безъ такта. Ни Гете, ни Гегель не умѣли себя держать съ достоинствомъ. Старикъ Арендтъ, рассказывающій, какъ мѣщански Гете обращался съ аристократами, которыхъ ему представлялъ Штейнъ, самъ называетъ Штейна то «милостивымъ господиномъ своимъ», то просто «мой господинъ».

Но, вѣдь, мы не нѣмцы.

Указавши на эту наружную, декорационную грязь нашихъ газетъ, мы когда-нибудь перейдемъ къ ихъ нравственной сторонѣ. Она наводитъ не меньше грусти. Едва, едва позволили людямъ говорить, заявлять свое мнѣніе,—у насъ явилось *нордовское* направленіе; одна газета дошла до того, что помѣстила *leading article* ¹⁾ въ пользу торговли черными подъ прикрытіемъ французскаго флага. Поверхностная брань Англии, ея учрежденій встрѣчается на каждомъ шагу рядомъ съ удивленіемъ передъ казарменной централизаціей деспотическихъ государствъ.

Не лучше ли предоставить одной управѣ благочинія находить образованность въ «порядкѣ» и защищать его не литераторами, а безграмотными квартальными?

1160. [П. А. Мухановъ].

Мы получили изъ Познани интересный очеркъ карьеры Муханова. Что это за смѣсь «возсоединеннаго» Сѣмашка съ Пеликаномъ ²⁾, Новосильцовымъ, Трубецкимъ, Муравьевымъ ³⁾ въ этомъ ядовитомъ паукѣ подъ именемъ Муханова!.. Улучшенія ограничиваются орлами на гербахъ и гербами на орлахъ. *Pas de rêveries! Pas de rêveries!*

¹⁾ Передовая статья.

²⁾ Венцеславъ Венцеславовичъ, мрачный гонитель, дѣятель въ Вильнѣ въ 1826—1830 гг.

³⁾ Михаилъ Николаевичъ.

1161. [Къ «Обвинительному акту»].

Неизвѣстный корреспондентъ прислалъ намъ изъ Германіи отвѣтъ г. Ч. на «Обвинительный актъ» его противъ насъ. Мы были прежде увѣрены, что строгій судья нашъ, если и найдетъ себѣ симпатію въ станѣ нашихъ противниковъ, то въ той средѣ, которую мы считаемъ нашей, ее не найдетъ, а, все-таки, намъ было дорого прочитать слова дружеской защиты. Жаль намъ, что авторъ отвѣта тоже требуетъ, чтобъ мы напечатали его письмо. Если noblesse oblige ¹⁾ печатать противъ себя, то decorum oblige ²⁾ не печатать статей за себя. Если-бъ у насъ и оставалось что-нибудь непріятнаго не отъ статьи г. Ч., а отъ ея *строгаго* тона, все это сторицей вознаграждено нѣсколькими полученными письмами и больше всего—отвѣтомъ анонимнаго друга. Вотъ письмо, при которомъ прислана статья. ¹

◆◆ 1. Дальше шло слѣдующее анонимное письмо:

«Милостивый Государь!» Въ 29 листѣ «Колокола» напечатанъ «Обвинительный актъ» отъ лица «значительной части мыслящихъ людей въ Россіи». Многіе, считая себя мыслящими, точными и обдуманнми людьми, нашли оскорбительнымъ для нихъ принять на себя участіе въ «Обвинительномъ актѣ», а потому поручили мнѣ написать протестъ, который при семъ прилагается и который мы требуемъ напечатать въ «Колоколѣ».

«Можетъ быть, для васъ покажется нѣсколько щекотливымъ печатать такой протестъ, въ которомъ излагаются взгляды на характеръ вашей дѣятельности. Но позвольте вамъ сказать: во-первыхъ, изложеніе этихъ взглядовъ требовалось сущностью дѣла; во-вторыхъ, вопросъ касается не столько васъ, сколько насъ, а главнѣе всего—принципа. «Обвинительный актъ» предастъ посмѣянію то, что бьется въ груди. Это посмѣяніе высказано русскимъ и, какъ говоритъ авторъ, отъ лица русскихъ мыслящихъ людей. Послѣ этого мы не можемъ и не должны молчать, а вы не можете и не имѣете права отказать намъ высказать во всеуслышаніе наше слово, на которое, мы увѣрены, отзовутся всѣ теплыя сердца, которыми не бѣдна русская земля. Печатаая «Обвинительный актъ», вы печатали его не на одного себя, вы печатали его также на насъ и на самый принципъ, а потому вы обязаны напечатать и нашъ протестъ.

¹⁾ Честь обязываетъ.

²⁾ Приличіе требуетъ.

«Вмѣстѣ съ этимъ посылаю вамъ первое письмо къ автору статьи *«Реформа сверху или реформа снизу»*. Это письмо есть тоже выраженіе мнѣнія многихъ, хотя и не вполнѣ всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ печати протеста. Съ перваго взгляда содержаніе этого письма можетъ показаться для многихъ не согласнымъ съ вашими убѣжденіями, и потому это обстоятельство можетъ остановить васъ печатать его. Но мнѣ кажется, что вы давно уже высказывали совершенно подобныя взгляды, которые служатъ только подтвержденіемъ убѣжденій, высказанныхъ въ письмѣ къ автору статьи *«Реформа сверху или реформа снизу»*. Вспомните вашъ справедливый судъ надъ временнымъ правительствомъ и надъ національнымъ собраніемъ 1848 года во Франціи; вспомните также то, что во всѣхъ вашихъ сужденіяхъ вы ясно выражаете, что желаете не формъ, а сущности. Во всякомъ случаѣ содержаніе самой моей статьи покажетъ вамъ, что вопросы, тронутые ею, требуютъ диспута, и диспута свободнаго, не стѣсняемаго цензурой. Вашею жизнью и дѣятельностью вы доказали вашу любовь къ Россіи; а потому если бы даже сущность мнѣній, высказываемыхъ въ этой статьѣ, и не согласовалась вполнѣ съ вашими убѣжденіями, то изъ любви къ Россіи вы должны допустить въ нашемъ журналѣ свободный диспутъ».

Драгомановъ напечаталъ это письмо, какъ «первое письмо К. Д. Кавелина» (стр. 30—31); на самомъ же дѣлѣ оно принадлежитъ В. А. Панаеву, что безспорно устанавливается собственнымъ его рассказомъ. Панаевъ былъ въ Брюсселѣ. «Въ то время въ № 29 *«Колокола»* появился *«Обвинительный актъ»* на Герцена, подписанный буквою Ч., вызванный отзывомъ Герцена о доктринахъ, напечатанномъ въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ *«Колокола»*, а именно въ № 27. *Обвинительный актъ* былъ написанъ очень умно, во многомъ былъ справедливъ, но былъ написанъ тономъ издѣвательства надъ дѣятельностью Герцена. Находя, что авторъ *«Обвинительнаго акта»* не понималъ роли и значенія изданій Герцена, я написалъ возраженіе и послалъ его для печати въ Лондонъ» (*«Русская Старина»* 1902, V, 322). Затѣмъ, опуская рассказъ Панаева о второмъ его пріѣздѣ въ Лондонъ и времяпрепровожденіи въ домѣ Герцена, который приведу въ другомъ мѣстѣ, находимъ у него слѣдующія строки: «Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, я возбудилъ съ Герценомъ разговоръ по поводу моей статьи, посланной ему изъ Брюсселя: *«Отвѣтъ на статью, напечатанную въ № 28, 30—31 «Колокола» „Реформа сверху или реформа снизу“*. (тамъ же, 326). Такимъ образомъ ясно, что письмо и статья (которую Герценъ не находилъ удобнымъ печатать, но вскорѣ напечаталъ, по поводу статьи Чичерина написаны вовсе не Кавелинымъ.

1162. [Къ „Bureau de la presse“].

«Allgemeine Zeitung» возвращается опять въ своемъ № отъ 12 декабря къ необходимости, чтобъ цензура позволила отвѣчать въ русскихъ журналахъ на статьи «Колокола». Это—одно изъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ. Въ случаѣ ошибки, мы всегда готовы покаяться, несмотря на то, что насъ въ этомъ упрекаютъ. Нѣмецкая газета говоритъ съ тѣмъ вмѣстѣ о какомъ-то политическомъ бюро, которое будетъ ex officio сообщать не только новости, но и давать направление журналамъ, и этотъ домашній «Колоколь» будутъ издавать также двое—*Долоруковъ* и *Тимашевъ*. Они хорошо учатся, если такъ скоро переходятъ изъ *слушателей* въ *репетиторы*.

Въ той же статьѣ «Allgemeine Zeitung» увѣряетъ, что «Колоколь» и наши публикации далеко не производятъ такого дѣйствія въ Европѣ, какъ въ Россіи.... Это—совершенная правда. Мы вообще замѣтили, что русскихъ книгъ въ Англии гораздо меньше читаютъ, нежели въ Россіи. ¹

◆◆ 1. Вотъ переводъ статьи въ «Allgemeine Zeitung» отъ 13 декабря: «Въ ближайшемъ будущемъ, какъ кажется, мы будемъ свидѣтелями основанія курьезнаго учрежденія и именно по прускому образцу, чего-то въ родѣ «бюро прессы» (Pressbureau). Цѣлью этого учрежденія будетъ устраненіе нежелательныхъ вліяній и всякаго рода «неудобствъ», которыя, съ окончаніемъ послѣдней войны и наступившимъ вслѣдъ за тѣмъ развитіемъ ежедневной прессы, стали особенно сильно замѣтны. Прежде всего намѣреваются дѣйствовать противъ написанной на русскомъ языкѣ и таинственными путями распространяемой въ Россіи эмигрантской литературы, ибо эта послѣдняя становится невыгодной многимъ почтеннымъ особамъ. Но именно для этой цѣли «бюро прессы» окажется совершенно не отвѣчающимъ своему назначенію, и, собственно, до тѣхъ поръ, пока цензура не разрѣшаетъ упоминать имя Герцена или названіе какого-нибудь изъ его сочиненій. Что же касается вліянія исключительно на границу, то это совершенно лишнее. Изъ собственнаго опыта мнѣ извѣстно, что тамъ къ герценовскимъ сочиненіямъ относятся вполне равнодушно. *Гдѣ печать дѣйствительно свободна, тамъ у публики развивается пониманіе, руководитъ ли пишущимъ злой умыселъ или революціонное стремленіе.* Нѣкоторые единомыслящіе читаютъ ихъ, масса же отворачивается. У насъ въ Россіи не составляло бы большого

труда опровергнуть извѣстную и даже большую часть тѣхъ обвиненій, которыя мы находимъ въ сочиненіяхъ Герцена. Остальныя обвиненія, конечно, совершенно вѣрны, если они написаны даже съ извѣстнымъ намѣреніемъ и въ ядовитой формѣ. Но одинаково, будутъ ли они правдивы или нѣтъ, о нихъ не разрѣшаютъ упоминать, и такимъ образомъ зло увеличивается.

Вліяніе Герцена въ Россіи вѣ росло. Разумѣется, надо было придумывать способы борьбы съ нимъ. Въ этомъ отношеніи избрѣтательность агентовъ и сторонниковъ правительства не пошла дальше нѣсколькихъ очень непрактичныхъ проектовъ, изъ которыхъ я остановлюсь на трехъ, какъ наиболѣе любопытныхъ.

Въ маѣ 1858 г. министръ внутр. дѣлъ гр. Ланской получилъ по городской почтѣ слѣдующую анонимную записку:

«Отчего для мужчинъ интересно то, что женщины закрываютъ платьемъ? Оттого именно, что это закрыто. То же происходитъ нынѣ съ искандеровскими изданіями ¹⁾. Они часто слабы, часто нелѣпы; но ихъ стараются читать, запрещенія ради. Прочитавъ, дѣльные люди говорятъ: «вздоръ». Но дѣльные составляютъ половину; другая же половина, лишенная помощи здравой критики, прочитавъ, или вѣруетъ, или сомнѣвается. Таковое положеніе, хотя для здороваго организма Россіи и не опасно, но вредно, ослабляя въ народѣ чувство законности; а нѣгъ ничего вреднѣе и опаснѣе, какъ привычка къ противозаконью! Чѣмъ зло пресѣчь? Запрещеніе не подѣйствуетъ; ибо, если таможи не могутъ воспрепятствовать провозу большихъ массъ контрабанды, то тѣмъ паче не удержатъ миниатюрныхъ пачковъ съ книгами. Остается спасительницею наука, которая предлагаетъ два средства.

«Первое разумное средство: дать голосъ выше упомянутымъ дѣльнымъ людямъ. Для этого надо позволить перепечатывать въ здѣшнихъ журналахъ искандеровскія статьи съ малыми лишь исключеніями, съ замѣною собственныхъ именъ первыми буквами и *съ обязанностью закончить перепечатку критическимъ разборомъ*. Въ результатѣ несомнѣнно получится: 1., уменьшеніе запроса на оригинальныя изданія, ибо они будутъ общеизвѣстны изъ позволенныхъ журналовъ; 2., паденіе искандеровскаго авторитета, ибо онъ никакъ не выдержитъ ученой критики; 3., возвращеніе на путь истины большинства искандеровцевъ, вѣра которыхъ стаетъ отъ свѣта науки; 4, ослабленіе интереса къ искандеризму, чрезъ снятие съ него ореола запрещенія, которое нынѣ производитъ

¹⁾ Искандеръ дѣйствуетъ тою силою, которую даетъ ему наше правительство. *Анонимъ.*

искандеризмъ въ мученики правды и науки, между тѣмъ, какъ послѣднею онъ не владѣеть, а вмѣсто первой части дѣйствуетъ, хотя и благонамѣренное, но младенческое самообольщеніе.

«Въ искандеризмѣ благонамѣренны: глубокое сознаніе истины, правды, добра; отвращеніе отъ лжи и зла; горячая любовь къ ближнимъ, къ родинѣ, къ человѣчеству; вообще духъ евангелія. Нелѣпыми же можно назвать тѣ не научныя средства, помощью которыхъ искандеризмъ полагаетъ достигнуть своей благой цѣли, т.-е. общественнаго счастья. Эти-то средства, съ дозволеніемъ искандеризма, неустоятъ противъ критики и науки; все же благое освѣтитъ русскую литературу новымъ, спасительнымъ блескомъ.

«Второе разумное средство: расширить преподаваніе политической экономіи. Экономисты *pur sang* стоятъ за порядокъ, законъ и умѣренный прогрессъ; сознають непродуктивность запрещеній и стесненій; защищаютъ власть и собственность. Они дѣйствуютъ добро-вольно и по убѣжденію; слѣдовательно, они суть гранитные сподвижники порядка. Конечно, надо немножко соглашать законы и управленіе съ участіемъ экономизма; но это легко.

Върующій въ науку».

Государь приказалъ направить это письмо въ III Отдѣленіе и министру народнаго просвѣщенія. Дальнѣйшая судьба проектъ мнѣ неизвѣстна (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1 эксп., 1834 г., дѣло № 239, ч. 10).

Второй проектъ принадлежитъ нашему берлинскому посланнику бар. Андрею Ѳедоровичу Будбергу. Чтобы видѣть его возникновеніе, приведу выдержки изъ переписки дѣятелей нашей тогдашней дипломатіи.

24 сентября (10 октября) 1858 г. Балабинъ сообщалъ гр. П. Д. Киселеву: «Вамъ извѣстно, конечно, что здѣсь (Спб.) весьма озабочены чрезвычайно быстрымъ ростомъ русскихъ заграничныхъ изданій. Какъ помочь бѣдѣ? Будбергъ предлагаетъ: 1) учредить бюро прессы въ Петербургѣ, по примѣру Парижа и Вѣны, 2) основать за границей русскій журналъ для борьбы съ Герценомъ и К°. Его просили привезти въ Варшаву этотъ проектъ разработаннымъ. Нашъ министръ сообщилъ мнѣ объ этомъ конфиденціально. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ ничего легче, какъ осуществить первый изъ этихъ пунктовъ, и что ходъ дѣла долженъ быть слѣдующій: отмѣна предварительной цензуры, изданіе закона о печати и учрежденіе распорядительнаго цензурнаго бюро, которое будетъ наблюдать за исполненіемъ закона. Относительно второго пункта я замѣтилъ, что это только подольетъ въ огонь масла.

Онъ возразилъ, что объ отмѣнѣ цензуры не можетъ быть и рѣчи. Въ такомъ случаѣ я рѣшительно не понимаю, въ чемъ будетъ состоять роль распорядительнаго бюро. Однако, мысль эта понравилась императору и уже приступлено къ собиранію свѣдѣній. Всѣ жалуются на недостатки управленія, и никто не можетъ указать что-нибудь рациональное».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 7 (19) октября Балабинъ добавилъ: «Кн. Горчаковъ высказалъ, что для того, чтобы руководить и давать указанія, необходимо предварительно самому получить указанія и что ему неизвѣстны руководящія начала нашихъ министерствъ. Вслѣдствіе этого министрамъ было предписано изложить каждому отдѣльно направленіе, коего они намѣрены держаться, и представить это на разсмотрѣніе въ совѣтъ. Эти господа чрезвычайно взволновались и очутились въ большемъ затрудненіи. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Что же касается бюро прессы, то изъ него ничего не выйдетъ по той причинѣ, что здѣсь не желаютъ ни полемики, ни отмѣны предварительной цензуры, ни офиціознаго правительственнаго органа». 27 октября (8 ноября) Балабинъ увѣдомилъ Киселева, что основаніе «органа за границую для борьбы съ Герценомъ и К^о» признано неудобно исполнимымъ («Рус. Старина» 1902, XI, 378, 380, 384).

«Bureau de la presse» или офиціально «Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія» былъ, все-таки, учрежденъ 24 января 1859 г. въ составъ: гр. А. В. Адлерберга, Н. А. Муханова и А. Е. Тимашева, которыхъ остроумный Ф. И. Тютчевъ окрестилъ ходячимъ словомъ «тремужіе»; оно и сохранялось за нимъ, пока въ комитетъ не былъ назначенъ еще и А. В. Никитенко. Интересующіеся дѣятельностью этого цензурнаго учрежденія найдутъ матеріалъ въ моей книгѣ «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст.», Спб., 1904 г.

Третій проектъ принадлежитъ бывшему генераль-квартирмейстеру Крымской арміи при кн. Меншиковѣ, а тогда помощнику начальника 14 пѣх. дивизіи генералу Н. Б. Герсванову.

Въ концѣ ноября 1858 г. Тимашевъ получилъ отъ него любопытное письмо, слѣдующаго содержанія: «Генераль, тѣ немногія минуты, которыя я имѣлъ честь провести вмѣстѣ съ вами во время войны, позволили мнѣ оцѣнить одного изъ людей нашего отечества, наиболѣе просвѣщенныхъ и съ наилучшими намѣреніями. Исключительно въ силу этого позволяю себѣ сообщить нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ мною во время путешествія,—между прочимъ, не отъ перваго,—за границую. Болѣе всего меня поразило, что наша молодежь не только читаетъ произведенія г. Герцена, но изучаетъ ихъ, заучиваетъ на-

изустъ и относится къ нимъ, чуть-ли не какъ къ Евангелію. Въ цѣломъ эти произведенія—не что иное, какъ собраніе пасквилей, въ которыхъ лично оклеветаны самые выдающіеся люди, и, въ то же время, эти писанія въ высшей степени революціонны. Такъ, напримѣръ, въ № 25 «Колокола» (стр. 205) сказано: „На себя только надѣйтесь, на крѣпость рукъ своихъ: заострите топоры да за дѣло—отмѣняйте крѣпостное право, по словамъ царя, снизу! За дѣло, ребята!!“.

«Въ другомъ № говорится: „Государь, берегитесь, вспомните участь вашего дѣда“.

«Вліяніе Герцена, повидимому, растетъ, по крайней мѣрѣ, появилось уже второе изданіе его сочиненій, и,—что еще болѣе серьезно,—онъ нашелъ сотрудниковъ; слѣдовательно, онъ становится силою, и силою самою вредною. Правительство, какъ говорятъ, приказало задерживать листки въ таможнякъ; но къ чему же то служить, если ихъ знаютъ наизустъ? Чтобы заставить его замолчать, нужно или подкупить его,—но это, вѣроятно, невозможно,—или позволить ему, какъ Н. Тургеневу, вернуться въ Россію, даровавъ ему полную амністію.

«Когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, я былъ командированъ во Владимірскую губернію для занятій статистикою, я естественно долженъ былъ обратиться къ редактору мѣстнаго официальнаго органа печати («Губернскихъ Вѣдомостей»), который самъ писалъ замѣтки по статистикѣ; это былъ Герценъ, съ которымъ я года черезъ два или три снова встрѣтился въ Петербургѣ. Тогда незамѣтно было въ немъ честолюбіе; онъ занимался философіею и исторіею и, казалось, былъ далекъ отъ революціонныхъ мыслей. Не знаю, когда и какимъ образомъ онъ бросился въ ряды недовольныхъ; кажется, онъ подвергся преслѣдованіямъ и съ отчаянія эмигрировалъ. Насколько я его зналъ, предполагаю, что онъ, въ глубинѣ души, чувствуетъ себя слишкомъ русскимъ человѣкомъ, чтобы не прислушаться къ предложенію амністіи.

«Если вы, генераль, раздѣляете это мнѣніе, я могъ бы взять на себя переговоры по этому шекотливому дѣлу; мой адресъ въ такомъ случаѣ—въ Екатеринославъ, гдѣ я проведу нѣсколько мѣсяцевъ, если же нѣтъ—позволю себѣ надѣяться, что вы моему письму не дадите никакого дальнѣйшаго хода».

4 декабря письмо это было доложено кн. Долгорукову, послѣ чего Тимашевъ написалъ на немъ: «по неудобству предлагаемаго способа, оставить безъ послѣдствій» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1 эксп., 1834 г. дѣло, № 239, ч. 10).

Для свѣдѣнія изслѣдователей той эпохи добавлю, что это—тотъ самый Герсевановъ, который въ 1860 г. выпустилъ анонимно

въ Берлинѣ книгу «О социализмѣ редакціонныхъ комиссій» (См. также статью Н. Лернера въ «Рус. Старинѣ» 1905, I).

1163. [Къ польскому вопросу].

Мы съ большимъ вниманіемъ, съ благодарностью и уваженіемъ прочли статью, напечатанную въ польскомъ обзорѣни «Przegląd Rzeczy Polskich», выходящемъ ежемѣсячно въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: *Aleksander Hercen i Wolna rossyjska drukarnia w Londynie*. На эту замѣчательную статью мы будемъ отвѣчать въ слѣдующемъ листѣ «Колокола». ¹

◆◆ 1. Указанная статья напечатана въ № польскаго журнала отъ 10 ноября. Анонимный авторъ этой большой статьи, выпущенной одновременно отдѣльными оттисками, введшими нѣкоторыхъ въ заблужденіе, якобы это была самостоятельная брошюра, подробно и обстоятельно ознакомилъ польское общество съ личностью, дѣятельностью и программой Герцена, сдѣлавъ обширныя цитаты изъ его сочиненій. Подробности см. въ № 1166.

1164. Письмо къ М. Н. Рейхель.

19 decemb. (1858).

Park House, Percy Cross, Fulham.

Такъ это такъ, не говоря худого слова, да и сына анонима!.. ¹⁾ Ахъ, барышня, барышня!

Warum haben Sie mir denn nichts geschrieben voraus? doch gratuliere ich mit dem Anonymen-Sohn.

Pauken und Trompeten! ²⁾

Бокэ	}	поздравляютъ,
Чернецкій		
Огаревъ	}	желаютъ
и		
Огарева		
Тата	}	много счастья.
Ольга		

А. Герценъ.

¹⁾ У Рейхелей родился сынъ Эрнстъ, въ 1913 г. былъ juge cantonal (oberrichter) въ Бернѣ.

²⁾ Почему же вы ничего не писали мнѣ раньше? все же поздравляю васъ съ сыномъ-анонимомъ. Литавры и трубы!

1165. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 декабря (1858).
Park House, Percy Cross, Fulham.

Ну, какъ же вы съ маленькимъ наслѣдничкомъ пробавляетесь? Все ли по-добру, все ли по-здорову? Книги, благомилостиво посланныя, получилъ: «Атеней» и пр.

Занятая, какъ вы были, вы не могли мнѣ написать вашего мнѣнія о чич. обвинительномъ актѣ. Хорошъ молодецъ! Въ слѣд. «Колоколѣ» вы увидите отвѣтъ, присланный анонимомъ, страшный. Да, сверхъ того, я получилъ писемъ пять, исполненныхъ негодованіемъ противъ Ч. Очень хотѣлось бы мнѣ знать мнѣніе Кор. ¹⁾ и Кав. ²⁾. Вы, я думаю, видите, что, вѣдь, это—не пустой вопросъ самолюбія, а вопросъ о томъ, идемъ мы по одной дорогѣ или совершенно распадаемся?

Не наступили ли вы глазами въ Гол. ³⁾ книгу «Записки», гдѣ онъ превзошелъ себя въ низости, сознательной клеветѣ и прочихъ свойствахъ, которыми отличался? ¹

Вы знаете, что съ 24 декаб. Алекс. Алекс. ⁴⁾ изволить гостить у насъ? Отрастилъ себѣ какую-то, цвѣта слегка поджареннаго картофеля, бороду, играетъ на пивѣ, поетъ нѣмецкія пѣсни... Штудентъ да и только.

Остальное хорошо. Тату пошлю на выставку откормленныхъ фазановъ; даже маленькая Лиза точно сплошь изъ сливочнаго масла. Одна Ольга поддерживаетъ маленькій ростъ и худенькую морду. Марихенъ, бывшая у насъ на «крысмаѣ», тоже мало поржѣла и не выросла. Она такая рѣзвая, не посидитъ на мѣстѣ: съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, мѣняетъ, кажется, двадцать седьмое.

◆◆ 1. Въ «Запискахъ» Головина, между прочимъ, сказано: «У Гервега я вижу Герцена и прошу у него 200 фр. взаймы. Онъ вышелъ въ комнату, гдѣ были гости, чтобы дать мнѣ при свидѣтеляхъ... «Когда пріѣхалъ Гервегъ, онъ предпочелъ его мнѣ, и я поѣхалъ въ Брюссель». Въ письмѣ министру народнаго просвѣщенія отъ 16 августа 1858 г., по поводу неистовствъ цензуры, Го-

¹⁾ Е. О. Коршъ.

²⁾ К. Д. Кавелинъ

³⁾ И. Г. Головинъ.

⁴⁾ Сынъ Герцена.

ловинъ писалъ: «И что хотите вы достигнуть запрещеніемъ? Если-бъ сочиненія Герцена были позволены, то объ нихъ бы не заботились, ибо литературнаго достоинства въ нихъ мало, но такъ какъ они запрещены, то ихъ и пожираютъ съ жадностью». Въ выпущенной осенью 1858 г. «Молодой Россіи» Головинъ отвелъ особую главу: «„Ле Норъ“ и „Колоколь“». «„Ле Норъ“ занимается серьезными вопросами промышленности и политики, въ которыхъ онъ иногда достигаетъ не малаго достоинства; „Колоколь“ ругаетъ болѣе, нежели совѣтуетъ, или, какъ говорятъ иные, кусается, какъ бѣшеная собака. „Ле Норъ“ миритъ Россію съ Европой, „Колоколь“ ссоритъ русскихъ съ русскими и называетъ русскихъ «a nation of flunkeys¹⁾»... «Первый показываетъ удивительную тактику въ своемъ журналѣ, другой продолжаетъ изливать желчь, набранную имъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ». «Ну что же Герценъ?—спросилъ я П—ва.—Пустой! Быта нашего не знаетъ, не вѣруетъ, а хочетъ, чтобъ православные его слушались... Въ Путнеѣ у него выходѣ, обѣды, съ которыхъ намъ переносятъ горячими его ругательства противъ насъ. Нашъ отвѣтъ на нихъ одинъ и тотъ же: онъ не изобрѣлъ пороку, но его боится».

Почти одновременно въ Лейпцигѣ вышла другая книга Головина—«La Russie depuis Alexandre le bien intentionné», гдѣ говорится, что если правда, что «Колоколь» имѣетъ губительное вліяніе на молодежь, то, стало быть, надо облегчить положеніе изданій, которыя хотѣли бы призвать ее къ благоразумію.

---

¹⁾ Лакейская нація.

1859

1166. Россія и Польша.

Отвѣтъ автору статьи о русской типографіи въ Лондонѣ ¹⁾.

Письмо первое.

Милостивый Государы!

Я прочиталъ вашу статью обо мнѣ и о Вольной русской типографіи въ Лондонѣ со вниманіемъ, съ благодарностью. Въ васъ бьется славянское, родное сердце, оттого и рѣчь моя такъ понятна вамъ, оттого и мнѣ такъ хочется вамъ отвѣчать.

Само собою разумѣется, что я обратилъ особенное вниманіе на тѣ мѣста, въ которыхъ вы выражаете ваше несогласіе или недоумѣніе. Замѣчанія и самыя обвиненія противниковъ и враговъ можно иной разъ перешагнуть, но замѣчанія, дѣлаемая друзьями, должны влечь за собой объясненіе или сознаніе въ ихъ правдѣ.

Я радъ, что ваша статья даетъ мнѣ поводъ коснуться главныхъ основъ моихъ убѣжденій и дать отчетъ, почему я поступаю такъ, а не иначе, съ увѣренностью, что поступаю совершенно сообразно съ ними. Я былъ до того занятъ частными русскими вопросами, что всѣ общія мѣста, *profession de foi*, отступили на второй планъ.

Ваши замѣчанія напомнили мнѣ, что это умалчиваніе или подразумѣваніе можетъ быть иначе истолковано и дурно понято.

Я не говорилъ объ общихъ теоріяхъ просто потому, что не считалъ этого своевременнымъ. Общія мѣста, планы, теоріи, утопіи должны предшествовать работѣ исполненія, общественной перестройкѣ Идеи, воплощаясь, скрываются, какъ зерно въ землѣ, въ своихъ приложеніяхъ, существуютъ, какъ развитіе, какъ жизнь въ

¹⁾ «Aleksander Hercen i Wolna rossyjska drukarnia w Londynie», Paris, 1858. А. И. Г. 1

организмъ, какъ законы природы, обнаруживающіеся только въ самихъ явленіяхъ.

Къ тому же злоупотребленіе громкихъ словъ, шедшихъ рядомъ съ черезчуръ скромными дѣлами, утомившее въ послѣднее время и самихъ французовъ, противно русскому характеру, чрезвычайно реальному и мало привыкшему къ риторикѣ.

Русскихъ, дѣйствительно, поражаетъ бесплодное, театральное-натянутое повтореніе возгласовъ и битыхъ мѣстъ въ революціонной литературѣ, въ рѣчахъ и статьяхъ, на сходкахъ изгнанниковъ и въ ихъ журналахъ. Но оно поражаетъ не однихъ русскихъ. Вы сѣтуете сами на то, что изданія польскихъ изгнанниковъ мало расходятся въ сравненіи съ «Колоколомъ»; не слѣдуетъ ли искать одну изъ причинъ въ томъ, что ихъ публикаціи больше занимаютъ *общими*, нежели *настоящими*, вопросами своего края.

Въ Джерси выходилъ французскій демократическій журналъ ¹⁾, редакторъ его ²⁾ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, а между тѣмъ, несмотря на пожертвованія, журналъ не могъ итти при всемъ благородствѣ своего направленія, при всей чистотѣ своихъ намѣреній. Разобшенный съ живой почвой, безъ истинныхъ корреспонденцій, онъ былъ сведенъ на вѣчное повтореніе въ прозѣ того, что уже высказалъ В. Гюго въ стихахъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ реакціи, начавшейся съ іюньскихъ дней, наступилъ переломъ. Люди увидѣли, что *общія мѣста и частныя событія* совершенно расходятся и что словами ихъ не примиришь. Громкія фразы и громовыя слова съ каждымъ днемъ теряютъ больше и больше своего значенія. Они не дѣйствуютъ на насъ, такъ, какъ не дѣйствуютъ вѣчно повторяемая слова молитвъ; революціонная риторика испытываетъ участь литургической.

Бывало, я это очень помню, при одномъ словѣ *республика* билось сердце, а теперь, послѣ 1849, 50, 51 гг., слово это возбуждаетъ столько же надежды, сколько сомнѣній. Развѣ мы не видали, что республика съ правительственной инициативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ инициативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская *демократія*, т.-е. равенство въ рабствѣ,—самая близкая форма къ самовластью?

Мы съ какимъ-то сыновнимъ уваженіемъ боялись до сихъ поръ признаться въ этихъ горькихъ истинахъ, скрывали ихъ отъ

¹⁾ «L'Homme».

²⁾ Ш. Рибероль.

себя изъ понятнаго чувства благочестія. Но и оно не должно заслонять истину, мѣшать откровенному, добросовѣстному разбору. Я смѣло скажу, переиначивая извѣстную латинскую пословицу: «Я—другъ республики, я—другъ демократіи, но гораздо больше—другъ *свободы, независимости и развитія*».

Если мнѣ возразятъ: да можетъ ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи?—я отвѣчу, что и *съ ними* онѣ не могутъ быть, если народъ *не доросъ* до нихъ.

Всякая церковь оканчивается выходомъ изъ нея, и всякая монархія идетъ къ республикѣ и къ высшему соціальному устройству, т.-е. къ разумному и свободному экономическому быту, если она не идетъ къ разрушенію и смерти. Тамъ, гдѣ республика и демократія сообразны развитію народному, тамъ, гдѣ онѣ не только *слово*, а и *дѣло*, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Швейцаріи, тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, наибольшая личная независимость и наибольшая свобода. Совѣмъ иные результаты показываютъ намъ страны, которымъ эти формы общественныя слишкомъ широки или несоотвѣтственны ихъ развитію. Возьмите въ примѣръ народъ невѣжественный, солдатскій внизу, вверху растлѣнный и преданный одному стяжанію,—республика у него превратится черезъ четыре мѣсяца въ Кавеньяка, а черезъ девять—въ Наполеона. Всеобщая подача голосовъ сдѣлала изъ Франціи смиренный домъ.

Слѣдуетъ ли изъ сказаннаго, что я предпочитаю представительную монархію республикѣ и электоральную таксу всеобщей подачѣ голосовъ? Нисколько.

Я констатирую фактъ и больше ничего. Видя его, я не могу сказать по совѣсти: «Такъ какъ всеобщая подача голосовъ гораздо справедливѣе ценза, стало быть, Франція слѣдующій разъ, т.-е. пройдя еще новой эпохой рабства и растлѣнія, сдѣлаетъ лучше свои выборы всеобщей подачей голосовъ, чѣмъ ограниченной». Я не вѣрю этому, такъ, какъ не вѣрю, чтобъ турки, оставаясь магометанами, съ фаталистическимъ ученіемъ Алкорана, много выиграли провозглашеніемъ республики османлиской и гяурской.

Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи,—это заставляетъ насъ не втѣснять вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли.

Людямъ дальняго идеала, пророкамъ разума и прорицателямъ будущаго мало дѣла до прикладныхъ затрудненій; они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество стремится, его законы, общую формулу его движенія, предоставляя грядущимъ поколѣніямъ посылно осуществлять ихъ въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся выгодъ и партій.

Одного изъ этихъ людей, мѣсяца полтора тому назадъ, опустила въ шотландскую землю скромная кучка друзей, и я очень благодаренъ судьбѣ, что успѣлъ еще застать его въ живыхъ и познать почтенную и много трудившуюся руку Роберта Оуэна. Оуэнъ былъ правъ, и Англія пойметъ его, но, конечно, не въ XIX столѣтіи. Такіе люди, возстановители правъ разума въ капризной и фантастической сказкѣ исторіи, велики и необходимы, и всѣ эти предтечи новаго міра, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, займутъ огромное мѣсто въ сознательномъ развитіи человѣчества, въ самопознаніи общественнаго быта, но имъ почти нѣтъ прямого участія въ текущихъ дѣлахъ, это—доля насъ, будничныхъ работниковъ.

Чѣмъ тяжелѣе и мертвѣе настоящее, тѣмъ сильнѣе стремленіе отрѣшиться отъ него и подняться на алгебраическую высоту теоріи. Германія въ своей гражданской ничтожности шла дальше всѣхъ странъ въ философіи права и, сама не имѣя исторіи, являлась, какъ пробужденная совѣсть другихъ народовъ. Таково было для двухъ поколѣній Россіи царствование Николая.

Государственная фура, управляемая имъ, заѣхала по ступицу въ снѣгъ, обледенѣвшія колеса перестали вертѣться; сколько онъ ни билъ своихъ клячъ, фура не шла. Онъ думалъ, что поможетъ дѣлу терроромъ. Писать было запрещено, путешествовать—запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская, въ эту темную годину, страшно развилась, и если вы сравните тайное вѣяніе ея, ея безстрашную логику, не блѣднѣющую ни передъ какимъ послѣдствіемъ, съ юнымъ, благороднымъ и чисто французскимъ направлениемъ литературы за двадцать пять лѣтъ, вы увидите это ясно.

Отголосокъ новаго направленія вы могли замѣтить и въ моихъ книгахъ. Я ссылаюсь на нихъ только потому, что въ нихъ проще высказано то, что у насъ печаталось намеками и полусловами.

Но вотъ фура съ нѣсколькими обитыми сторонами снова двинулась, явнымъ образомъ наступило другое время, потянуло инымъ воздухомъ. Задача человѣка, желающаго участвовать въ новомъ движеніи, становится другая: она становится *спеціальнѣе*. Мало знать станцію, къ которой ѣдемъ, надо опредѣлить, *которую* версту по пути къ ней мы продѣлываемъ, и какіе рытвины и мосты именно на этой верстѣ.

Наше положеніе измѣнилось, иные вопросы насъ занимаютъ и занимаютъ исключительно. Въмѣсто «предисловія», «программы» и «эпиграфовъ». мы вошли въ *текстъ*... «Есть время камни собирать, говорить Соломонъ, и есть время камни метати». А, вѣдь, для

того, кто хочетъ воевать пращей, это не два дѣла, а два *момента одною и тою же дѣла*.

Я *убѣжденъ*, что съ Крымской войны Россія входитъ въ новую эпоху развитія, что, разставаясь съ трудными путями своего жестокаго воспитанія, она *вступаетъ теперь въ широкое русло совершеннолѣтней жизни*.

Я знаю, что я разнюсь со многими и съ вами самими, во внутренней оцѣнкѣ русскаго народа. Всѣ тѣ, которые не умѣютъ отдѣлить русскаго правительства отъ русскаго народа, ничего не понимаютъ. Всѣ тѣ, которые хотятъ Русь мѣрить на ярды и метры, не знаютъ ея. Нормы, сложившіяся въ нашей головѣ отъ изученія западной цивилизаціи, не обнимаютъ собой, не улавливаютъ отклоненій и особенностей русскаго народнаго быта, а опредѣляютъ его только отрицательно. Обманчивое сходство правительственныхъ формъ съ западными окончательно мѣшаетъ пониманію. За царскимъ заборомъ, за петербургскими декораціями народа было не видать и не слышать, а слышался барабанъ и офиціальныи говоръ, видѣлись штuki и писаря. Были люди, которые стали догадываться, что за знакомыми формами проглядываетъ какое-то незнакомое содержаніе; стали догадываться, что формы набиты насильственно, какъ колодки, но они не стали изучать характера бѣднаго колодника, а отвернулись отъ него, сказавши: «Коли терпитъ, видно, лучшаго не стоитъ!»

Чтобъ понять русскій народъ, не будучи русскимъ (и притомъ русскимъ, не запуганнымъ съ малыхъ лѣтъ своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада), надобно быть или социалистомъ въ Европѣ, или гражданиномъ Сѣверной Америки. Можетъ, вамъ это покажется странно, другимъ—смѣшно, но оно такъ!

Условія, свойства русской жизни, русскаго быта—иная, оригинальная, *своя*. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто не хочетъ; особенность же его ставится ему въ преступленіе на томъ основаніи, на которомъ французъ не можетъ простить англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а англичанинъ—французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостью и остается при одномъ негодованіи.

Все то, что ставится такъ дорого другимъ народамъ, Россіи не было зачтено ни во что или, хуже, послужило ей же въ обвиненіе: ни то, что она уцѣлѣла подъ татарскимъ игомъ, ни то, что втихомолку выросла и сложилась въ огромное государство, отбившееся отъ всѣхъ сосѣдей и сохранившее свою самостоятельность; ни ея 1612, ни ея 1812 годъ. О пожарѣ Москвы говорятъ

только потому, что слишком много иноплеменниковъ видѣли зарево. Избавила ли Россія Европу отъ грубаго солдатскаго гнета или замѣнила его другимъ,—объ этомъ можетъ быть вопросъ; но что Россія спасла Германію отъ французскаго ига, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса. Разверните Штейна, Арндта и другихъ современниковъ, и посмотрите, какъ, въ черную годину для Германіи, лучшіе люди ея глядѣли на Александра I и на Россію. Что же вышло изъ этого? Полнѣйшая ненависть не къ русскому правительству—кто его не ненавидѣлъ—не къ русскому вмѣшательству, а къ русскому народу, ко всякому нашему успѣху, ко всякому нашему человѣческому порыву. Такъ и узнаешь въ современныхъ публицистахъ Германіи измѣщанившихся братій ливонскихъ рыцарей, не пропускавшихъ въ XVI столѣтіи докторовъ въ Россію. Не странно ли все это?

Вотъ вамъ еще примѣръ: Англія, ломающаяся отъ тучности и избытка силъ, выступаетъ за берега, переплываетъ за океаны и создаетъ новые міры. Ей удивляются, и она заслуживаетъ это удивленіе. Но такъ ли смотрятъ на подвиги колонизаціи Сибири, на ея почти безкровное завоеваніе? Горсть казаковъ и нѣсколько сотъ бездомныхъ мужиковъ перешли на свой страхъ океаны льда и снѣга, и вездѣ, гдѣ осѣдали усталыя кучки въ мерзлыхъ степяхъ, забытыхъ природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это отъ Перми до Тихаго океана... И такія колоссальныя событія едва помѣчены исторіей или помѣчены для того, чтобы поразить воображеніе дантовскимъ образомъ ледяного острога въ нѣсколько тысячъ верстъ...

Наконецъ, является новый оселокъ. Европа, послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на грудахъ труповъ, по колѣна въ крови перегъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ—поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губитъ пахаря, капиталъ—работника, и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій припѣвъ: «свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу!».

Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣками уцѣлѣвшіе разные виды коммунистическаго владѣнія землею—отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками до полной собственности. Правда ли, нѣтъ ли, но согласитесь, что при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса нельзя не изъ

слѣдовать такого важнаго факта. Изученіе его можетъ же дать столько же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты фаланги и икарійцевъ?

Что же, вы думаете, обратились ли люди на эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтвердили? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили, такъ, какъ до сихъ поръ они хохочутъ тому, что я сказалъ во время войны: что Украина была казацкая республика, въ основаніи которой лежали демократическія и соціальныя начала, что Запорожская Сѣчь представляла удивительное явленіе плебеевъ-витязей, рыцарей-мужиковъ¹⁾. Вы, какъ полякъ, слишкомъ хорошо знаете свою исторію, чтобъ я счелъ нужнымъ настаивать на всей наглости невѣжества, которое не только не знаетъ, но и смѣется.

Поверхностная привычка смотрѣть исключительно на жизнь государственную и политическую, не обращая никакого вниманія на жизнь народную, на экономическій бытъ, разумѣется, вела къ однимъ ошибочнымъ сужденіямъ о Россіи, потому что въ Россіи политической жизнью жило одно правительство. Въ самой Польшѣ народную русскую жизнь такъ же мало знаютъ, какъ во всей Европѣ. Я скажу безъ преувеличенія, что изъ вашихъ соотчичей понимаютъ и знаютъ внутренній бытъ Руси только тѣ, которые были сосланы въ Сибирь или въ дальнія сѣверо-восточныя губерніи. Все это удивительно! Неужели вамъ не приходило въ голову, глядя на великороссійскаго крестьянина, на его умный, развязный видъ, на его мужественныя красивыя черты, на его крѣпкое сложеніе, что въ немъ таится какая-нибудь *иная сила*, чѣмъ одно долготерпѣніе и безотвѣтная выносливость? Неужели вамъ не приходило на мысль, читая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, что, кромѣ официальной, правительственной Россіи, есть другая, что кромѣ Муравьева, который *въшааетъ*, есть Муравьевы, которыхъ *въшаютъ*? Подумайте, если-бъ не было *иной силы и иной Руси*, кромѣ правительственной, неужели, въ самомъ дѣлѣ, достаточно бы было нѣсколько неудачъ въ Крыму и смерти Николая, чтобъ цѣлое огромное царство обнять той дѣятельностью, тѣмъ *кипѣніемъ впередъ*, которое совершается передъ нашими глазами? Да, сѣверный Левиаѳанъ прошелъ черезъ доки, покачулся, справился и плыветъ; доказывать этого я не стану, такъ, какъ не стану и пророчить,—можетъ, онъ завтра сядетъ на

¹⁾ Kosak et liberté sont des expressions synonyme; l'antique liberté russe (въ Украинѣ) fut étouffée (XVII siècle) par l'aggression du despotisme dynastique.—J. Lelewel «Hist. de la Pologne», t. 2, p. 284 °). А. И. Г.

²⁾ Казакъ и свобода—синонимы; старая малороссійская свобода была тамъ задушена поступательнымъ движеніемъ династическаго деспотизма.—Іоакимъ Лелевель. «Исторія Польши», т. 2, стр. 284.

мель,—это зависитъ отъ лощмановъ. Допустивъ это, чрезвычайно важно узнать, какимъ вопросомъ начинается это новое плаванье, какими воротами входитъ корабль въ море, что на его флагъ: конституція, республика, парламентъ, муниципальная свобода, война съ Австріей, завоеваніе Турціи?—Нѣтъ, у него на знамени *освобожденіе крестьянъ съ землею*, т.-е. опять социальный вопросъ передъ политическимъ.

Увидавъ это, мы бросили все и прилѣпились къ этому жизненному вопросу для Россіи. И вотъ вамъ причина нашего успѣха. *Тотъ* только Колоколъ и слушаютъ люди, который зоветъ ихъ *туда, куда имъ идти надобно*.

Представьте себѣ, что середь распрей и споровъ въ самомъ дворянствѣ, середь зачатой борьбы двухъ бойцовъ, до того времени гладившихъ другъ друга по головкѣ и въ первый разъ поглядѣвшихъ съ ненавистью другъ на друга,—представьте, что середь этой борьбы, совершающейся передъ необозримымъ количествомъ народа, мрачно ждущаго, кто кого сломить, но который нисколько не намѣренъ уступить ни вершка земли, нашъ «Колоколъ» сталъ бы звонить всемірной республикѣ и солидарности народовъ?

Какъ вы думаете, эти люди, дерущіеся не на животь, а на смерть, которые теперь съ любовью или ненавистью читаютъ наши слова, стали бы читать наши диѳирамбы и разглагольствованія? Ихъ отвѣтъ можно предвидѣть: «Что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и въ газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину,—ну, гдѣ же намъ читать ваши декламации!» —

«Колоколу» пришлось бы прикусить свой желѣзный языкъ.

Вы видите, что нашъ маккіавеллизмъ, наша политика очень проста: мы говоримъ о тѣхъ *вопросахъ*, которые *теперь выдвинуты жизнью*, и безъ разрѣшенія которыхъ Левіаѳанъ сядетъ на мель.

Не отвлекаясь нисколько отъ дѣла, мы предоставили другую часть журнала обличеніямъ, особенно лицъ, поставленныхъ выше закона въ Россіи. Трудно себѣ представить, какой сильный отголосокъ находятъ эти обличенія и какой ужасъ наводятъ не только на обличенныхъ, но и на тѣхъ, которые еще не обличены строками «Колокола». До сихъ поръ эти дѣйствительныя тайныя газели прыгали по вершинамъ правительственныхъ Альпъ, съ презрѣніемъ посматривая внизъ на облака, изъ которыхъ сыпались уголовныя и литературныя громы на становыхъ и секретарей, оставляя ихъ въ покоѣ, и вдругъ ихъ дѣла напечатаны русскими буквами съ

именемъ, и этотъ ужасъ, эта безнравственность ходить изъ рукъ въ руки, можетъ попасть въ тайную канцелярію, быть прочтена въ передней...

Вотъ почему для насъ исторія о томъ, какъ Панинъ, министръ юстиціи, хотѣлъ отжилить чужой домъ, важнѣе теоріи о «непосредственномъ правительствѣ», занимавшей, лѣтъ пять тому назадъ, западныхъ публицистовъ.

Остается одно слово прежде, чѣмъ я перейду ко второму вопросу нашей статьи.

Вы, мнѣ кажется, съ нѣкоторымъ упрекомъ говорите, что я нахожусь въ другомъ отношеніи къ Александру II, чѣмъ былъ къ Николаю. Вы думаете, что я перемѣнился; нѣтъ, не я перемѣнился, а Николай, именно тѣмъ, что умеръ. Какъ же я могу относиться къ Александру II, который никого не казнилъ, никого не ссылалъ въ каторжную работу за мнѣнія, не бралъ Варшавы, не мстилъ Польшѣ десятки лѣтъ, не губилъ русскіе университеты и русскую литературу, такъ, какъ относился къ Николаю? Такой упорной неподвижности вы не можете предположить въ живомъ чловѣкѣ, у котораго мозгъ не пораженъ мономаніей.

И это не все. Александръ II, и никто иной, поднялъ крикъ «освобожденія крестьянъ», и я еще разъ повторяю: если онъ ничего не сдѣлаеть, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнуть изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнценосцами-реформаторами.

Откровенно ли онъ хочетъ освобожденія? Я не знаю, и еще больше,—мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Это интересно, какъ психическій студіумъ его личности,—не больше. Рѣчи Александра II, особенно рѣчь къ московскому дворянству, показываютъ, что онъ понимаетъ неотлагаемую необходимость этой мѣры, и если Александръ *нехотя* освободитъ крестьянъ, такъ, какъ Николай всю жизнь *хотѣлъ* (какъ нынче стали увѣрять) ихъ освободить и не освободилъ, то я предпочитаю такую неоткровенность. Понимать необходимость реформы и не противиться ей, это—все, что можно требовать отъ правительства; остальное мы должны сами сдѣлать, если хотимъ, чтобъ было *хорошо сдѣлано*.

Но Александръ II по своему чину долженъ быть отлученъ нами... Неужели это не такъ же смѣшно, какъ считать, по легитимистскимъ и іезуитскимъ учебникамъ революцію 1789 за мятежъ, Робеспьера—за разбойника съ большой дороги, якобинцевъ—за шайку воровъ?

Я знаю, что съ *религіей демократіи* не совмѣстно говорить что-нибудь о вѣнценосцахъ, кромѣ зла; признаюсь вамъ, что мнѣ.

религія демократіи такъ же не по сердцу, какъ религія пана Фіалковскаго ¹⁾ и какъ религія «возсоединеннаго» Сѣмашка. Демократическое православіе такъ же не даетъ воли уму и жметъ его, какъ кіево-печерское. Тотъ, кто истину—какая бы она ни была—не ставитъ выше всего, тотъ, кто не въ ней и не въ своей совѣсти ищетъ норму поведенія, *тотъ не свободный человекъ*.

Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте обратиться къ польскому вопросу. ²

Письмо второе ³⁾.

Милостивый Государь!

«Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная побѣда соединили Польшу съ Россіей.

«По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей, и, какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу. Гдѣ она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своимъ естественнымъ врагамъ и дѣлилась съ ними добычей.

«Изъ-за Польши приняла Россія первый черный грѣхъ на душу. Раздѣлъ ея останется на ея совѣсти...

...«Сквозь мрачный ходъ событій, сквозь дымящуюся кровь, черезъ висѣлицы, черезъ головы царя и палачей просвѣчиваетъ иной день. Изъ-за *насильственную* единства виднѣтся *единство свободное*, изъ-за единства, поглощающаго Польшу Россіей,—единство, основанное на признаніи равенства и самобытности обѣихъ. Скованные поневолѣ колодники, всматриваясь болѣе и болѣе, узнали другъ въ другѣ братьевъ; та же кровь сказалась, и семейная вражда изсыкаеть».

¹⁾ Антонъ, варшавскій архіепископъ.

²⁾ Переходя къ польскому вопросу, я замѣчу мимоходомъ, что я разрываю всякую солидарность съ мнѣніемъ, выписаннымъ вами изъ «Русскихъ Голосовъ». Вы сами замѣтили, что я никогда не бралъ на себя нравственной отвѣтственности за «Голоса». Въ нихъ были статьи превосходныя, какъ «Проектъ освобожденія» въ V книжкѣ, и статьи, съ которыми у насъ общее—одно желаніе добра Россіи, при совершенной противоположности воззрѣній. Въ «Русскихъ Голосахъ» напечатана доля той письменной литературы, о которой вы говорите; часть ихъ составлена изъ статей, ходившихъ изъ рукъ въ руки при Николаѣ и тотчасъ послѣ его смерти. Эти отголоски окрѣпавшаго общественнаго мнѣнія имѣютъ свою историческую важность, и ихъ слѣдовало закрѣпить печатью; всѣ они писаны въ умѣренно-либеральномъ духѣ, нѣкоторые съ большимъ знаніемъ дѣла, напримѣръ, статья о «кражахъ полковыми начальниками». Вы видѣли, можетъ быть, какъ въ первой книжкѣ меня отдѣлалъ какой-то господинъ за радикализмъ, социализмъ и другіе грѣхи. А. И. Г.

Вотъ, что мы говорили въ 1853 году.

И потомъ въ 1854: «Чего хочетъ Польша? Польша хочетъ быть свободнымъ государствомъ, она готова быть *соединенной* съ Русью, но съ Русью тоже свободной. Для того, чтобы соединиться съ Русью, ей необходима *полная воля*. Поглощеніе Польши царской Россіей—нелѣпость, насиліе...» И мы, требуя отъ русскихъ солдатъ присяги не поднимать оружія противъ Польши, говорили имъ: «Присягу эту требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе, и, если васъ ждетъ гибель за это, она свята, вы падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью запечатлѣтся неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи, какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ славянъ въ *единое и раздѣльное Земское Дѣло*».

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ два разныхъ времени, передъ войной и въ ея разгарѣ, ясно высказано наше мнѣніе о польскомъ вопросѣ,—оно осталось неизмѣнно; во имя его я старался сблизить пропаганды обѣихъ странъ, во имя его подаль намъ дружескую руку Станиславъ Ворцель.

Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ *неотвѣтлемое, полное* право на государственное существованіе. *независимое* отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это—другой вопросъ. Нѣтъ, *мы этою не желаемъ* и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плогинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменные федерализаціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно бытъ вольнымъ даромъ; Россія *не имѣетъ права* на Польшу, она должна *заслужить* то, что взяла насильно; она должна *загадить* то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ ней, но не предоставитъ ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ основныхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.

Но если ясно, что мы признаемъ это право, то, можетъ, надо пояснить, почему мы не желаемъ полного расторженія двухъ народовъ.

Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука въ руку итти одной дорогой къ новой свободной, соціальной жизни.

Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія. У Австріи и Ломбардіи совершенно разные дороги: гибель Австріи — единственное условіе жизни народовъ, скованныхъ ею воедино.

Австрія—не народъ, Австрія—полицейская мѣра, сводная администрація, она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ; безъ частей ея нѣтъ, это—величайшій историческій призракъ, который когда-либо существовалъ. Тутъ все—ложь. Римская имперія—въ Германіи; Германская имперія—состоящая преимущественно изъ славянъ, итальянцевъ, мадьяръ; избирательное правительство, переходящее по наслѣдству; связь нѣсколькихъ народностей, основанная на перекрестномъ отвращеніи ихъ другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго: отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо-Валахію—и такъ хорошо; отнимите Галицію и прибавьте Сербію—и это не дурно, *die Staats-Kanzlei* ¹⁾ пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее *отмѣняютъ*, тогда только люди настоящимъ образомъ удивятся, какъ могла существовать такая нелѣпость, сшитая изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями Имперія, необходимая для равновѣсія *никогда*, чтобъ перетягивать папу,—*теперь*, чтобъ папу не перетянули. Оплоть Европы противъ исламизма, спасающій Турцію отъ Россіи. Мнимая представительница германскаго единства, ненавидимая всей Германіей и защищающая Рейнъ «на По и на Адижѣ» славянской и венгерской кровью противъ Италіи. Это—какой-то сонъ большого горячкой!

Совсѣмъ напротивъ, Россія,—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ «ветхія денни» съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣлянными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славою, идутъ на отдыхъ, а Россія только что вступаетъ на плацъ, на народное мѣсто исторіи. Самое имя Россіи,—оно начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

Россія, кромѣ окраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Оттого-то, гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ итти на помощь Москвѣ такъ, какъ шелъ въ 1612 и 1812 годахъ.

Но что онъ считаетъ своей границей? Васъ, кажется, этотъ вопросъ очень занимаетъ. Дѣйствительно, я объ немъ никогда не

¹⁾ Государственная машина.

говорилъ, но совѣмъ не изъ боязни русскихъ *patriотовъ*. Я ихъ не больше боюсь, какъ *patriотовъ* вообще, а патриотовъ вообще боюсь потому, что ихъ свекорыстный эгоизмъ за цѣлое племя всегда готовъ на неправое стяжаніе, и ихъ любовь къ своимъ слишкомъ сбивается на ненависть ко всѣмъ другимъ. Развитой челоѣкъ можетъ любить по сердцу, по уму, по привычкѣ свою родину, служить ей, умереть за нее, но *patriотомъ* не можетъ быть. Христіанство XVIII вѣковъ тому назадъ стало полоть эту языческую добродѣтель и ничего не сдѣлало, потому что обращало людей къ другой родинѣ, совѣмъ не существующей, т.-е. существующей на небѣ. Ее выполетъ социализмъ снятіемъ *земныхъ* границъ. Отъ этого люди еще далеки, если и мы съ вами хлопочемъ еще объ ихъ обозначеніи.

Что касается до главнаго вопроса, — до самобытности Польши, — онъ рѣшенъ самимъ языкомъ: ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: «въ Польшу, изъ Польши». Но гдѣ черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, но не изъ патриотизма, а изъ того, что у насъ недостаетъ *самаю главною* элемента для рѣшенія вопроса.

Что мы возьмемъ за его основаніе? Присоединеніе Червонной Руси къ Польшѣ или присоединеніе Украины къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; — между ними цѣлый вѣкъ борьбы Рѣчи Посполитой съ казаками. Въ продолженіе ея два стремленія, два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Руси: шляхетство, паны тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, казаки, напротивъ, въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюбви къ Польшѣ отдался царю. Москва или, лучше, Петербургъ обманули Украину и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ объ ней? — Давность владѣнія ничего не доказываетъ, утраченное владѣніе — еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе — фактъ, а не право.

Естественныхъ границъ нѣтъ: ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать иныхъ основаній — въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ польскому, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей, — тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унию, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей,

тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе, и онъ пойдетъ съ ней.

Но скажите, что же мы за наслѣдники Вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли куда принадлежитъ, *не спросяъ людей, на ней живущихъ?* Да, вѣдь, такъ парижскіе дипломаты недавно совѣщались о томъ, что слѣдуетъ желать и чего не слѣдуетъ желать румынамъ въ Молдо-Валахія.

Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, помнящая всѣ притѣсненія москалей и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ, съ одной стороны, и не забывая—съ другой, каково ей было и за Рѣчью Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни *польской*, ни *русской*? По моему, вопросъ разрѣшается очень просто. Украину слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ, людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна *принадлежать* та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди,—люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито.. Что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ.

Развяжемте имъ руки, развяжемте имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папезъ—къ вамъ или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ.

Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не *принадлежитъ*, ни Женева—Берну, ни Бернъ—Женевѣ. Въ 1851 году католическая реакція въ фрибургскомъ кантонѣ вывела изъ терпѣнія протестантскій Муртенъ. Жители Муртена хотѣли отложиться отъ кантона, дѣло не состоялось, но никому и въ голову не пришло говорить о томъ, принадлежитъ ли Муртенъ кантону или нѣтъ, измѣняетъ ли Муртенъ или нѣтъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой находится между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ. Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фронту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ. Съ другой стороны, полное расторженіе народнаго единства на

самобытные суставы сдѣлаеть изъ нихъ Германію, — четвертованная, она лежитъ въ своемъ расчлененіи, не имѣя возможности ни встать, ни двинуться.

Желаніе развинтить круто скрученные возжи казарменнаго деспотизма, нисколько не совпадаетъ съ желаніемъ полнаго отчужденія своихъ судебъ отъ судебъ Россіи. Для того, чтобъ сказать, *можно ли итти* съ Россіей или нѣтъ, *надобно* посмотрѣть, что выйдетъ изъ общаго движенія, въ которое Россія ринута...

Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не видите, какъ подтаиваетъ снѣжная вершина, давящая насъ? Николай замѣтилъ, что жизнь отлетѣла отъ его самодержавія, что у него нѣтъ дѣла, а только казни... Онъ выдумалъ войну, его побили... два градуса меньше.— Онъ умеръ—десять градусовъ,—а дѣла живого, а жизненной задачи все нѣтъ. Въ минуту какого-то вдохновенія, а, можетъ, и отчаянія, Александръ II нашель дѣло, роковое, необходимое и дѣло живое: *освобожденіе крестьянъ*. Тяжелыя ворота, скрипя на ржавыхъ петляхъ, отворились въ новую эпоху; тутъ старыя квартальные и хожалые, Орловы и Закревскіе, лакеи и шпіоны, Панины и Муравьевы, по старой памяти, стоятъ на дорогѣ, толкають назадъ, не пускають итти, придають себѣ видъ силы. Если они помѣшаютъ, это ужъ наша вина! Вотъ поэтому-то я снова возвращаюсь къ тому, что всѣ наши усилія должны быть сосредоточены на одномъ вопросѣ, собраны около одного знамени, *Nos signo vinces!* ¹⁾

Выборъ вопроса не нами сдѣланъ, но мы лучшаго не могли бы сдѣлать. И вотъ—опять причина, почему мы оставили все на свѣтѣ и прилѣпились къ одному вопросу — *объ освобожденіи крестьянъ съ землею*. Судить насъ, стало быть, не слѣдуетъ за выборъ вопроса, а—за образъ обсуживанія его, сообразенъ ли онъ съ основами нашихъ обсужденій или нѣтъ?

Если Россія, освободивши крестьянъ съ землею, дѣйствительно, взойдетъ въ ту новую фазу жизни, о которой мы говорили, я не думаю, чтобъ Украина захотѣла отдѣлиться отъ нея. Она тогда не будетъ имѣть тѣхъ причинъ, которыя заставляли ее въ половинѣ XVII столѣтія бросаться къ татарамъ, къ Москвѣ отъ дворянско-католическаго ига Рѣчи Посполитой, а при Петрѣ I отдаться шведамъ.

Если же Россія, запнувшись на первомъ шагѣ, останется подъ розгой помѣщика, подъ палкой полиціи, безъ суда, безъ правъ, управляемая ординарцами и писарями, если все это движеніе окажется слабымъ, и мы безропотно воротимся къ николаевскому

¹⁾ «Этимъ знакомъ побѣдишь!»—слова, которыя Константинъ Великій видѣлъ на небѣ надъ огненнымъ крестомъ.

времени, тогда не только Польшѣ, не только Украинѣ не слѣдуетъ оставаться съ Россіей, но слѣдуетъ имъ соединиться, идти на Москву и разгромить все это исполинское зданіе рабства.

Вотъ вамъ весь нашъ взглядъ, и что бы ни сказали русскіе патріоты или ваши, мы его не измѣнимъ и ему не измѣнимъ, потому что мы убѣждены въ его истинѣ и сердцемъ, и умомъ.

Мѣняется у насъ не fond ¹⁾, а темы.

Вы съ симпатіей говорите о небольшой статьѣ моей, писанной въ 1854 году, о которой я упомянулъ въ началѣ письма. Она была вызвана обстоятельствами. Тогда думали, что Польша во время Крымской войны отложится, и мы говорили русскимъ солдатамъ, стоявшимъ въ Польшѣ: «Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи — солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами... Вамъ придется краснѣть вашей храбрости... Знаемъ мы, что вы не по своей волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ». Изъ этихъ словъ вы видите ясно наше мнѣніе; изъ ихъ повторенія—то, что оно нисколько не измѣнилось. Но когда вы мнѣ говорите, чтобъ я перечиталъ въ «Колоколѣ» это воззваніе къ солдатамъ, то я васъ не понимаю. Развѣ кто-нибудь говорить о возстаніи въ Польшѣ, о приготовленіи русскихъ войскъ? Зачѣмъ же я стану уговаривать людей не поднимать оружія, когда оружіе и безъ того стоитъ въ сошкахъ?

Нѣтъ, если мы будемъ обращаться теперь къ солдатамъ, мы къ нимъ обратимся не съ этой рѣчью. Мы имъ теперь не о Польшѣ будемъ говорить: мы скажемъ имъ о томъ, чтобъ они подумали о смертномъ грѣхѣ усмирять крестьянъ; о томъ, что солдатъ, который штыкомъ или пулей убьетъ крестьянина,—отцеубійца, что онъ своимъ оружіемъ, помогая помѣщику, сквернитъ свою сестру; что онъ своей помощью кладетъ родную мать подъ розги, и что, если онъ подумаетъ, то увидитъ, что безъ его слѣпого повиновенія крѣпостное состояніе рухнетъ, увлекая съ собой все, препятствующее освобожденію.

Вотъ что мы будемъ говорить солдату. И если мы не говорили еще это, то потому, что вопросъ, кажется, разрѣшится безъ участія штыковъ и картечи. Довольно страдалъ русскій крестьянинъ, довольно орошалъ онъ землю потомъ и слезами, на что же еще его кровь!

Я вамъ передалъ добросовѣстно нашу мысль и откровенно рассказалъ *экономію* нашихъ дѣйствій. Вы мнѣ повѣрите, въ этомъ мнѣ служитъ порукой ваша статья; но есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь: они не-

¹⁾ Сущность, основаніе.

навидятъ, не разсуждая. Возьмите (чтобъ не говорить о своихъ) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ *космополитизмомъ*, и взгляните въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Если-бъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ, чтобъ Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, я понялъ бы это. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ. По счастью, на этотъ разъ они имѣютъ дѣло не съ разсѣяннымъ и бѣднымъ племенемъ, а съ частью свѣта.

Между прочимъ, эта круговая порука славянскаго міра, которую поняли враги ненавистью, обязываетъ насъ подумать о ней. Однѣ ли, въ самомъ дѣлѣ, судьбы всего славянскаго міра въ будущемъ или нѣтъ?

Вы уже видѣли, что мы разрѣшаемъ этотъ вопросъ *федерализаціей*.

Если Польша хочетъ иного рѣшенія, да будетъ на то воля ея. Но, разрывая семью, пусть она короче узнаетъ Русь не служащую, не мундирную, а Русь, пашущую землю, притѣсненную мундиромъ, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться, — тогда она оставитъ насъ безъ международной ненависти и безъ горькихъ словъ. Оскорбленіе народа, съ которымъ она такъ долго боролась, и который имѣлъ такое тяжелое и продолжительное вліяніе на ея судьбы, отброситъ на нее самое темную тѣнь.

Въ 1853 году, 29 ноября, входя на трибуну польскаго митинга въ Лондонѣ, я сказалъ: «Я представился моимъ польскимъ друзьямъ не какъ отрѣшенное лицо отъ своего отечества, не какъ лицо, желающее, чтобъ забыли его происхожденіе, — совсѣмъ напротивъ, я прямо говорилъ о своей любви къ Россіи и о моей вѣрѣ въ ея будущность. И они меня такъ и приняли—*случайнымъ представителемъ* будущей Россіи, той Россіи, которая ненавидитъ преступленія своего правительства и хочетъ смыть съ себя кровь польскихъ мучениковъ!»¹⁾

Этими словами, которыя были покрыты рукоплесканіями вашихъ соотечественниковъ, позвольте мнѣ заключить мое письмо.

12 января 1859. ³

◆◆ 1. Сдѣлавъ маленькое историческое вступленіе о силѣ русскаго деспотизма и набросавъ вкратцѣ біографію Герцена, анонимный авторъ говоритъ о большомъ распространеніи изданій

¹⁾ Вольная цитата стр. 395 т. VII.

Вольной русской типографіи въ Лондонѣ, указывая, что «Колосколь» печатается въ 1500 экз. Герценъ глубоко любитъ родину: знаетъ ея недостатки, но, видя молодую силу народа, онъ возлагаетъ большія надежды на ея будущее. Понятія Герцена о Россіи въ отношеніи къ революціи нельзя не признать правильными. На пути своихъ практическихъ взглядовъ на будущее Россіи онъ работаетъ хорошо и удачно, обличаетъ массу злоупотребленій чиновничества и тѣмъ очищаетъ атмосферу беззавравія и произвола. Но отношеніе Герцена къ императору съ начала нынѣшняго года насъ поражаетъ. Статьи его полны похвалъ и восторга по адресу царя. Мы въ принципѣ ничего не имѣли бы противъ такого отношенія вообще, признаемъ кое-какія мѣры царя положительными и разумными, но между признаніемъ единичныхъ актовъ власти и общимъ предъ ней поклоненіемъ — большая разница. Для чего это все? Въ основѣ Николай I не отличается отъ Александра II, и, если послѣдній что сдѣлалъ, то долженъ былъ это сдѣлать для сохранения своего значенія и роли. Послѣ войны нельзя было оставить Россію на положеніи военной диктатуры. То, что дѣлается для себя или своей семьи, не заслуживаетъ похвалы, тѣмъ болѣе поклоненія. Русское слово осталось попрежнему рабомъ, какъ и крѣпостные, которыхъ еще далеко не освободили. Мы догадываемся, что похвалы есть политической ходъ; Герценъ говоритъ, что идетъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ, до тѣхъ поръ, пока освобождаетъ. Эта политика нужна Герцену для борьбы съ вліяніемъ дворянства и властью чиновничества. Если это — политика, то пусть ее оцѣнятъ соотечественники Герцена; мы же думаемъ, что во всякомъ случаѣ она противорѣчитъ принципамъ демократизма. О литературныхъ способностяхъ нашего пропагандиста мы имѣемъ очень высокое понятіе. Стилъ его, несмотря на маленькіе дефекты, очень ясный, полонъ интересныхъ подробностей, разсужденія логичны, сравненія мѣткі. Онъ обращается къ сердцу, говоритъ убѣдительно, иногда жестко, но главное его оружіе — остроуміе и смѣхъ. Это конечно, нисколько не мѣшаетъ серьезности его очень интересныхъ сочиненій, наоборотъ. Они побуждаютъ русскихъ къ размышленію и наблюденію надъ ходомъ политической мысли. Одинъ русскій говорилъ нашему пріятелю въ Лондонѣ: «Въ Россіи двѣ власти — Александръ Николаевичъ и Александръ Ивановичъ Герценъ». Каждый полякъ, имѣющій возможность распространить между русскими сочиненія и изданія Герцена, долженъ это сдѣлать, потому что этимъ исполнитъ часть своей обязанности — просвѣтить Россію.

Не можетъ быть, все-таки, сомнѣнія, что дѣло Герцена и дѣло демократической Польши — одно. Герценъ — другъ поляковъ, высоко-

цѣнить ихъ дружбу и съ восторгомъ вспоминаетъ всякое ихъ содѣйствіе своему дѣлу. Его статьи и воззванія, помѣщенные въ «Demokrata Polski», не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Хотѣлось бы видѣть ихъ снова въ «Колоколѣ». Но все это не даетъ намъ еще ничего въ смыслѣ отысканія нашей независимости. Между тѣмъ, русскій, который работалъ бы для независимости Польши, былъ бы идеаломъ нравственности и воплощеніемъ справедливости и тѣмъ самымъ заслужилъ бы упрекъ своихъ соотечественниковъ. Получается коллизія между патриотизмомъ и справедливостью. Мы, однако, хотѣли бы напомнить русскимъ либераламъ, что такіе русскіе уже были, это—декабристы, украшающіе обложку «Полярной Звѣзды». То, что кажется территоріальнымъ уменьшеніемъ Россіи, было бы ея счастьемъ.

2. По выходѣ № 32-33 «Колокола», не дождавшись второй статьи, «Demokrata Polski» вышелъ съ рѣзкой статьей: «Kolokol». Вотъ ея содержаніе:

Долго мы не могли объяснить себѣ, почему «Колоколъ» игнорировалъ «Demokrata Polski». Теперь мы знаемъ, что онъ считаетъ насъ врагами, и потому не отвѣчаетъ намъ,—таковъ его взглядъ на то, кому слѣдуетъ отвѣчать и кому нѣтъ. Намъ это не важно. Мы къ нему не имѣемъ никакой неприязни, наоборотъ, насъ очень радуетъ эта первая явная и искренняя исповѣдь русской совѣсти. Это—не голосъ отдѣльныхъ людей, это—признаніе всей мыслящей Россіи. «Колоколъ» попалъ въ главную жилу и показываетъ намъ пульсъ русскаго сердца. Для русскихъ теперь только и есть Царь и «Колоколъ», «Колоколъ» и Царь. То, чѣмъ во Франкфуртѣ былъ парламентъ 1848 года, то теперь—лондонскій «Колоколъ». Перенесенный въ Москву, онъ не былъ бы тѣмъ, что есть, даже если бы не подвергался цензурѣ. Это и вполнѣ естественно. И хотя намъ слѣдовало бы платить ему тѣмъ же игнорированіемъ, но мы не можемъ этого сдѣлать. Упоминали мы о немъ часто, вызывали его,—напрасно, онъ не изволилъ обратить на насъ свое благосклонное вниманіе и въ этомъ отношеніи уподобился всей русской прессѣ. Идя изъ Россіи на полныхъ парусахъ, «Колоколъ», однако, находится подъ вліяніемъ невскихъ вѣтровъ и выражаетъ думы, которыя не высказываются дома. Для русскаго либерализма довольно, что умеръ Николай I и царствуетъ Александръ II. Но что намъ до того, что царь никого не сослалъ въ каторжную работу, когда онъ запретилъ даже думать о Польшѣ... Снисходительность къ Александру II насъ удивляетъ: мы не ожидали ея отъ «Колокола». Освобожденіе Польши—это всосано съ молокомъ матери каждымъ полякомъ; мы пролили крови больше, чѣмъ всѣ русскіе журналы,

не исключая «Колокола», пролили чернилъ. Освобожденіе крестьянъ. это—военная хитрость. «Колоколу» это надо бы понять. Прежде насъ связывала память о Ворцелѣ и о томъ, что наша типографія была матерью Вольной русской типографіи. Статья въ № отъ 1 января должна считаться его политическимъ credo, и мы теперь можемъ выйти изъ прежняго фальшиваго положенія. Наши пути теперь разны: мы не можемъ писать писемъ ни царю, ни императрицѣ о лучшемъ воспитаніи наслѣдника.

Въ слѣдующемъ номерѣ (14 февраля) другъ газеты поддержаль ея рѣшимость заявить принципиальное несогласіе съ «Колоколомъ». Этой враждѣ не надо радоваться, потому что отъ Герцена мы могли ждать другого: его прежнія сочиненія давали намъ на это право, особенно въ связи съ дружескими отношеніями съ нѣкоторыми поляками. Неужели все это дѣлается для вида? все это—слова безъ содержания? Пестель понималъ нашу свободу иначе: онъ зналъ, что для славянъ и Европы нѣтъ свободы безъ свободной и независимой Польши, и за это умеръ. Герценъ знаетъ это на словахъ. Кто насъ не хочетъ понять, тому мы не должны были бы говорить: «*За нашу и вашу свободу*».

Къ этому мнѣнію «Demokrata Polski» вполне присоединяется Вацлавъ Сѣрошевскій: «Редакція въ приличныхъ, очень почтительныхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ даетъ, надо признать, вполне основательныя возраженія на статью въ «Колоколѣ». Необходимо прибавить, что «Польскій Демократъ» не выражаетъ въ этой статьѣ своей полной солидарности съ «Обзоромъ» («Przegląd Rzeczy Polskich») въ оцѣнкѣ дѣятельности Герцена, но самъ по себѣ даетъ возраженія на обвиненія Герцена по существу» («Современный Міръ» 1912, VI, 191).

«Когда Герценъ печаталъ въ «Колоколѣ» свои письма къ полякамъ и отстаивалъ противъ нихъ Кіевъ и другія русскія области, то *мнѣ самому*, — говоритъ Н. Костомаровъ, — поляки говорили, что онъ подкупленъ русскимъ правительствомъ и находится въ тайной перепискѣ съ императрицею!» («Русскій Архивъ» 1906. XII, 541).

Въ № 13 «Wiadomości Polskie» 1859 г. сказано: «Недавно «Колоколу» пришлось высказаться по поводу Польши. Двѣ его статьи, вызванныя польской брошюрой, могутъ дать понятіе о крайней передовой русской мысли и вмѣстѣ показать ея отношеніе къ собственнымъ и общимъ современнымъ вопросамъ, занимающимъ первенствующее положеніе въ русской литературѣ. ...Не знаемъ, многіе ли славянофилы и западники сумѣли бы такъ ясно сформулировать свои положенія. Ключомъ къ выходу

изъ затруднительнаго положенія является соціалистическая жизнь, которая все отрываетъ отъ реальности и настоящее покоряетъ будущему. Вопросъ о границахъ переносится къ вещамъ просто смѣшнымъ, національность же Герценъ считаетъ вещь незначительною и даже лишнею. Соціализмъ докажетъ то, чего не доказало христіанство. Герценъ отвергаетъ исторію и пользуется ея результатами, когда ему нужно то для доказательства своей мысли. Багажъ каждаго народа, оставленный ему исторіей, вовсе не такъ плохъ и печально тяжелъ, какъ говоритъ Герценъ. Съ нимъ надо считаться. Въ прошломъ Россіи есть всякія страницы, есть и очень блестящія, но не 1612 и 1812 годы, которые такъ высоко оцѣнилъ Герценъ. Онъ поступаетъ очень ловко. А когда ему встрѣчается противорѣчіе, онъ не печатаетъ его изъ-за тона, какъ самъ заявилъ. Съ вопросомъ религіознымъ нельзя обращаться такъ легко, какъ это дѣлаетъ Герценъ. Если кто глубже всмотрится въ жизнь, тотъ увидитъ, что вопросъ религіозный находится въ самомъ основаніи. Не отвѣтивъ на него, нельзя отвѣтить ни на что. Русскіе западники думаютъ иначе; они должны были бы остановиться на вѣрованіяхъ народа и тогда увидѣли бы, что онъ постольку славянину, поскольку въ немъ развито религіозное чувство. Народъ не разъ шелъ на смерть за вѣру и царя, но можно сомнѣваться, пойдеть ли онъ за социализмъ и политическую экономію».

3. Обширный анализъ статей Герцена по польскому вопросу сдѣланъ былъ М. П. Драгомановымъ, но, какъ касающійся не только этой, а и многихъ другихъ, онъ будетъ представленъ мною дальше.

21 августа 1859 г. Кавелинъ писалъ Герцену: «Скажу тебѣ, Герценъ, между прочимъ, въ одобреніе (если ты въ немъ нуждаешься) и въ утѣшеніе слѣдующее: письма твои о Польшѣ произвели огромный эффектъ между поляками. Они были отъ нихъ въ восторгъ и хотѣли, было, перевести на польскій языкъ цѣликомъ (многіе журналы помѣстили изъ нихъ выписки), но остановились передъ тѣмъ, что это, дескать, слишкомъ хорошо писано для русскаго, это его слишкомъ хорошо выставить передъ поляками» («Письма», 13). Очевидно, Кавелинъ говоритъ о полякахъ, иначе понимавшихъ нужды своей родины, чѣмъ «*Democrata Polski*», потому что къ августу 1859 г. мнѣніе послѣдняго о «Колоколѣ» не измѣнилось.

Какое впечатлѣніе произвели письма въ средѣ украинофиловъ, лучше всего можно видѣть по статьѣ Н. И. Костомарова, помѣщенной анонимно въ № 61 «Колокола». Привожу ее полностью, какъ матеріалъ, мало доступный широкому обществу.

Письмо къ издателю «Колокола».

Милостивый Государь,

Въ 34 листѣ «Колокола» вы проявили относительно Украйны такой взглядъ, который мыслящая часть южнорусскаго народа издавна хранитъ, какъ драгоценную святыню сердца. Примите же отъ насъ сердечную благодарность. Къ числу многихъ истинъ, которыя вы первый высказали печатно на русскомъ языкѣ, принадлежитъ и то, что вы сказали о нашемъ отечествѣ. Позвольте же во всеуслышаніе передать вамъ наши задушевные убѣжденія.

Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать насъ отдѣльнымъ народомъ, не признавать въ насъ отдѣльныхъ элементовъ для самобытной жизни, выработанныхъ прошедшимъ, сомнѣваться въ существованіи у насъ своенароднаго языка и въ возможности его литературнаго развитія и, вообще, ставить наши особенности въ рядъ провинціальныхъ отгѣнковъ—то русской, то польской національностей. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ оттого, что, къ чести нашей, южнорусской, общественной церкви, отъ нея отщеплялось все, носившее на себѣ отпечатокъ барства и привилегіи, да и сама эта церковь предавала его анаѣмѣ. *Дворянъ-малороссіянъ* нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаниемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде не было у насъ дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили изъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность *малороссійская*, какъ ее привыкли называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ, и Разумовскихъ. Можно ли называть народомъ *мужичье*? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волини и Подоли Польшѣ не можетъ возникнуть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великороссы, или наслушавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, ве-

ликодушно жертвуютъ полякамъ эти края, или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ, составляетъ спорный пунктъ между свободолюбщими обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ, — онѣ принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ.

Украина, или Южная Русь, имѣетъ свою многозначительную и поучительную исторію. Не станемъ углубляться въ сумерки удѣльнаго періода, когда Южная Русь, соединенная съ сѣвѣрною посредствомъ федеративной связи княжескаго рода, скоро послѣ освобожденія отъ татаръ, при посредствѣ литовскаго князя Гедимина (1320 г.), воротилась къ своему отдѣльному бытію: этотъ періодъ могъ бы сдѣлаться для насъ занимательнымъ предметомъ изученія; къ сожалѣнію, мы въ него можемъ смотрѣть только сквозь монастырскія очки лѣтописцевъ. Со времени казачества наступаетъ новая жизнь для нашего края. Казачество, котораго славянское значеніе вами прекрасно сознано, было разсадникомъ свободы и противодѣйствіемъ двоякому деспотизму: съ одной стороны — *внѣшнему*, полудикому, восточно-мусульманскому деспотизму, съ другою — *внутреннему*, аристократическому, тонкому, цивилизованному, развѣвшемуся у поляковъ, подъ вліяніемъ старыхъ римскихъ и папскихъ понятій, до уродливости. Съ конца XVI вѣка идетъ рядъ возстаній противъ польскаго дворянства.

Такъ какъ Рѣчь Посполитую безпокоили набѣги хищническихъ ордъ, то она не могла обойтись безъ вооруженной силы на турецко-татарскихъ границахъ, а потому нуждалась въ казакахъ и должна была предоставить имъ совмѣстныя, по понятіямъ вѣка, съ званіемъ воина права свободнаго человѣка, но признавала казацкое достоинство только за ограниченнымъ числомъ записанныхъ въ реестръ, а остальной народъ удерживала въ порабощеніи у королевскихъ старостъ и владѣльцевъ. Народъ, напротивъ, хотѣлъ весь пользоваться правами свободныхъ людей; всѣ хотѣли быть казаками, да и самые реестровые желали своимъ званіемъ подѣлиться со всѣми. Народъ не желалъ имѣть надъ собою господъ; народъ хотѣлъ самоуправленія, самосуда, равноправнаго отпращиванія общественныхъ повинностей и свободнаго избранія образа жизни для каждаго. По понятіямъ народа, въ Украинѣ предоставлялось жить всякому, и едва ли въ XVII вѣкѣ гдѣ-нибудь такъ уважались человѣческія права безотносительно къ вѣрѣ, породѣ, народности, убѣжденіямъ. Когда поляки упрекали казаковъ за то, что у нихъ на-

ходили притонъ разнаго рода авантюристы, самозванцы, политическіе изгнанники, еретики,—они отвѣчали, что у нихъ отъ вѣки-вѣковъ такъ заведено, чтобъ каждому былъ вольный приходъ и отходъ; у нихъ не спрашивали, откуда кто пришелъ и куда отправляется. Сами казаки, рыцари вѣры, неутомимые враги всего неправославнаго *на войнѣ, у себя дома* принимали съ радушіемъ и кѣтолика, и аріанина, и мусульманина. И теперь у южнорусса гораздо меньше религіозности, чѣмъ у великорусса, хотя несравненно больше внутренняго благочестія.

Украинскій народъ, несмотря на внѣшнее сходство во многихъ чертахъ своего быта съ поляками, представлялъ имъ по своимъ *понятіямъ* въ XVII вѣкѣ совершенную противоположность. Тогда какъ поляки подъ наплывомъ идей, выработанныхъ благовобіемъ къ римской республикѣ, и вообще подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, толкуя о свободѣ, представляли ее себѣ не иначе, какъ достояніемъ «*ludzi szlachetnego stanu*»¹⁾, которые попирали всю массу *servogum*, хлоповъ, людей *подлаю* сословія,—украинцы, напротивъ, ненавидѣли всякое превозношеніе и привилегіи; домогаясь отъ поляковъ *правъ* и *вольности*, они хотѣли и требовали ихъ не для горсти, а для всего своего народа. Вотъ отчего поляки охотно предоставляли права свободнаго человѣка пяти-шести тысячамъ казаковъ, а эти пять-шесть тысячъ, вмѣсто того, чтобы быть довольными своимъ исключительнымъ положеніемъ, принимали въ свои ряды вдвое болѣе и подымали оружіе не за себя, а за тѣхъ, кому не давались права, какими они сами пользовались. Это единство въ стремленіяхъ народа и составляло его силу, что очень хорошо сознавалъ самъ народъ, выражаясь такъ въ своей исторической думѣ:

«Тимъ-то і сталась славна страшенна казацька сила,
«Що у насъ, панове-молодці, була воля і дума єдина».

Правда, ядъ польскаго аристократизма успѣлъ пройти и въ казацкое званіе и породилъ въ немъ много *недоляшковъ*, которые, по выраженію другой пѣсни:

«Для паньства великого,
«Для лакомства (жадности) нисчастного»

измѣняли своенароднымъ убѣжденіямъ, но этотъ ядъ не силенъ былъ заразить всю массу казачества: въ эпоху Хмельницкаго реестровые казаки, на которыхъ паны надѣялись до того, что посылали ихъ сражаться противъ единоземцевъ, перебили своихъ старшинъ-недоляшковъ и пристали къ Богдану, шедшему тогда еще подъ знаменемъ всенародной свободы.

¹⁾ Представителей благороднаго сословія.

Къ сожалѣнію, люди, руководившіе народными движеніями и стоявшіе выше массы по образованію, вмѣстѣ съ этимъ образованіемъ принимали и тѣ важныя предрасудки, которые были такъ противны украинцамъ. Свобода, представляемая массой не ясно, но въ обширномъ смѣслѣ, въ ихъ головахъ, подъ вліяніемъ тогдашняго образованія, укладывалась въ польскія формы правъ привилегированнаго сословія, хотя и въ видѣ смягченномъ своенародными понятіями. Самъ Богданъ Хмельницкій, побѣдившій короля Яна-Казимира подъ Зборовомъ, съ помощью цѣлаго народа, заключилъ, однакожь, договоръ, по которому только 40 тысячъ человекъ получали казацкія права, а остальной народъ снова возвращался въ подданство. Къ чести и къ несчастію нашего народа, онъ воспротивился этому энергически; черезъ годъ Хмельницкій долженъ былъ откровенно потребовать у поляковъ совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права; разумѣется, слѣдствіемъ такого страннаго, по тогдашнимъ польскимъ понятіямъ, требованія была война, и эта война кончилась несчастно для казаковъ. Съ тѣхъ поръ счастье то помогало, то измѣняло Хмельницкому, пока онъ не отдался подъ покровительство московскому царю на основаніи переяславскаго договора (1654 г.).

Блестящіе успѣхи казаковъ и москвитянъ заставили поляковъ предложить, въ случаѣ смерти тогдашняго короля, корону Алексѣю Михайловичу. Польщенный этою сдѣлкой, московскій дворъ позволилъ себѣ относительно Украины первую вопіющую несправедливость: вмѣсто того, чтобъ оградить страну, которая добровольно къ нему обратилась подъ условіемъ защиты отъ враговъ, царь глухо высказалъ намѣреніе отдать ее Польшѣ по приобрѣтеніи короны... Хмельницкій умеръ отъ тоски.

Тогда, чтобъ доставить своей родинѣ надлежащее мѣсто въ предстоящемъ государственномъ переворотѣ, украинцы заключили въ 1658—1659 г. Гадячскій договоръ, по которому Украина, подъ именемъ *Великаго княжества Русскаго*, какъ независимая республика, сохраняя отдѣльность и самобытность внутренняго управленія, судопроизводства, религіознаго, гражданскаго, финансоваго и военнаго устройства, соединялась съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую; такимъ образомъ возникалъ союзъ славянскихъ государствъ: Польши, Великаго княжества Литовско-Русскаго, Великаго княжества Русскаго и—если совершится соединеніе съ Московіею—то и московскаго царства. То была первая попытка славянскаго союза, о которомъ мы, какъ и вы, думаемъ теперь. Нельзя не обратить при этомъ вниманія, что составители Гадячскаго договора имѣли въ виду просвѣщеніе народа и свободное слово: положено

было завести въ Украинѣ два университета, школы и типографіи, и предоставлялось вольное книгопечатаніе даже и по предметамъ, касающимся вѣры.

Но самый важный, жизненный вопросъ былъ разрѣшенъ этимъ договоромъ неудовлетворительно. Какъ бы желая согласить старыя предразсудки о необходимости привилегированнаго сословія съ народнымъ требованіемъ равноправности, составители думали достигнуть этого легкимъ доступомъ къ дворянскому достоинству.

По договору, русскій гетманъ имѣлъ право представлять къ нобилитаціи въ каждый сеймъ по сто человекъ казаковъ изъ каждаго полка. Правда, это вело къ тому, что цѣлый народъ могъ такимъ образомъ одворяниться; но масса народа не могла сознать и принять такой тонкой мѣры: масса не терпѣла инстинктивно вообще дворянское достоинство. Договоръ этотъ, опережавшій въ послѣднемъ отношеніи польскую конституцію 3 мая 1791 года, былъ нарушенъ тотчасъ же и поляками, и русскими. Поляки, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, приняли его, но, призывая—по формѣ сеймовой присяги—на свое отечество гнѣвъ божій въ случаѣ его нарушенія; въ то же время, подъ вліяніемъ іезуитской логики, многіе изъ нихъ высказывали явно надежду обмануть казаковъ; духовенство соблазняло тѣмъ, что съ нимъ должны засѣдать православные духовные сановники; дворянство оскорблялось раздачею своего званія тѣмъ, кого оно привыкло называть *хлопами*.

Съ другой стороны, народъ, лишь только узналъ объ этомъ, понялъ дѣло такъ, что хотѣть образовать въ Украинѣ шляхту, которая въ его воображеніи представлялась въ ненавистномъ польскомъ образѣ. Составители договора, въ числѣ которыхъ отличался Немиричъ, русскій панъ, убѣжавшій къ казакамъ изъ Польши по причинѣ религіозныхъ своихъ убѣжденій, были перебиты. Справедливо замѣтилъ на сеймѣ одинъ полякъ: «Когда давать дворянство, то давайте его цѣлому народу русскому, который дорожить своимъ равенствомъ, но кто захочетъ бросать драгоценную святыню предковъ на приманку грубой черни? И кому вы даете дворянство? Тѣмъ, которые смѣются надъ нашими грамотами и гербами?».. Долго и упорно народъ боролся за внѣшнюю независимость и внутреннюю равноправность. Но Польша и Московія, видя, что ни той, ни другой нельзя отдѣльно справиться съ упрямымъ народомъ, рѣшили разрвать Украину на двѣ половины: лѣвый берегъ Днѣпра остался за Московіею, а правый, исключая Кіева, Триполья, Стаекъ и Василькова, за Польшею. Это сатанинское дѣло раздѣленія народа совершено первый разъ по Андрусовскому договору 1667 г., а потомъ утверждено черезъ восемнадцать лѣтъ московскимъ

міромъ. Украинцы все это время отчаянно боролись за свою независимость и, принужденные сражаться разомъ противъ москалей и поляковъ, въ то же время не переставали простирать братскую руку къ тѣмъ и другимъ, пытаясь какъ-нибудь сохранить цѣлость своего отечества. Все было напрасно. Не помогла и отчаянная выходка Дорошенка, призвавшаго на помощь Турцію. Жители Подоли и Кіевщины, не желая служить польскимъ панамъ, почти всѣ вышли изъ своего края и поселились въ степяхъ, занимаемыхъ теперь Харьковскою, частью Воронежскою и Курскою губерніями; другіе пристали къ донскимъ казакамъ. Бѣдные, не знали, что черезъ сто лѣтъ потомки ихъ и здѣсь не уйдутъ отъ панской неволи! Плодоносныя поля прежняго ихъ отечества обезлюдѣлись мало-помалу, ихъ захватили поляки, а народъ, размножившійся въ теченіе XVII столѣтія, опять попалъ въ такія же отношенія, какъ въ XVII. Вспомнилось былое: вспыхнула *коливщина*, послѣдняя судорожная попытка возвратить себѣ свободу, попытка уже разодранной Украины. Напрасно! Скоро и Украина, и ненавистная для нея Польша, съ ея панами и шляхтою, попали подъ власть всероссійскихъ государей.

Лѣво-бережная Украина, сохраняя казацкое устройство, издыхала въ московскихъ цѣпяхъ. Чадолюбивая мать отечества, Екатерина II, уничтожила казацкіе порядки и, чтобъ успокоить и привязать къ себѣ чиновниковъ, уже и прежде значительно деморализованныхъ московскимъ вліяніемъ, ввела въ Малороссію крѣпостное право и поработила вольный народъ, съ такимъ упорствомъ освободившійся нѣкогда отъ этого права въ его польской одеждѣ. Въ 1772 г. она изволила закрѣпить народъ и въ слободской Украинѣ, потомковъ тѣхъ, которые, какъ выше сказано, бѣжали туда изъ Подоли и Кіевщины отъ крѣпостного права польскаго.

Съ тѣхъ поръ Украина молчала. Ея народность предана была презрѣнію. Имя *хохолъ*, которое москали давали казакамъ отъ ихъ *оселедцевъ*, сдѣлалось синонимомъ дурака. Поэтической языкъ Украины сталъ предметомъ пренебреженія и насмѣшекъ. Нерѣдко сами малороссіяне краснѣли, когда выговоръ ихъ обличалъ южное происхожденіе. Украинская исторія или была заброшена, или представлялась въ искаженномъ видѣ, сообразно благимъ цѣлямъ и видамъ правительства.

Пробужденіе славянскихъ народностей быстро отразилось въ Украинѣ и подняло изъ летаргическаго сна народную мысль и чувство. Явилось стремленіе возродить умирающую подъ кнутомъ московскимъ и штыкомъ санктпетербургскимъ народность и воссоздать саомытную литературу.

Но идея *панславизма* принялась въ Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась или въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда-нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вожделѣнную судьбу Украины и Польши. Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ, и единственно этимъ, путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно поправанный образъ. Молодые люди харьковскаго и кіевскаго университетовъ быстро стали проникаться этими идеями. Могло ли это ускользнуть отъ бдительныхъ преслѣдователей всякихъ идей при императорѣ Николаѣ?

Въ 1847 г. въ Кіевѣ, по доносу студента, жандармскаго сына Петрова, взято было подъ арестъ нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ кругу малороссійскихъ писателей, и въ числѣ ихъ народный поэтъ Тарасъ Шевченко, котораго превосходныя стихотворенія знаютъ не только почти всѣ читающіе малороссы, но и многие великороссіяне и славяне. Всѣхъ захваченныхъ притащили въ III Отдѣленіе, гдѣ и засадили. Изъ ихъ бумагъ и писемъ оказывалось, что всѣ они проникнуты идеею соединенія славянъ и любовью ко всѣмъ славянскимъ народонаселеніямъ вообще и украинскому въ особенности, омерзеніемъ къ крѣпостному праву и къ религіознымъ и національнымъ ненавистямъ, и соболѣзнованіемъ о невѣжествѣ народа. Вмѣстѣ съ этимъ нѣкоторые письмененно выражали мысль, что было бы очень полезно, если бы существовало ученое общество съ цѣлью сближать умственную дѣятельность славянскихъ народовъ и распространять въ народѣ просвѣщеніе. Что съ мыслью объ этомъ обществѣ не соединялось намѣреніе основать, такъ называемое, *тайное* общество, доказываетъ ясно то, что въ бумагахъ обвиняемыхъ лицъ найдено было порицаніе правила: «цѣль оправдываетъ средства». Какъ при этихъ данныхъ возможно было обвинить въ политическомъ преступленіи, когда общество существовало въ предположеніи, а не на дѣлѣ, и мысль о федеративномъ союзѣ славянъ представлялась только какъ идеалъ въ отдаленномъ будущемъ? Можно ли было за это обвинить и карать, да еще какъ и такъ долго?! Но что невозможно для простыхъ людей, для Дубельта было возможно. Онъ тотчасъ увидѣлъ, что тутъ есть готовый матеріалъ, чтобъ представить дѣло такъ, будто бы открыто

существующее тайное политическое общество, и окрестилъ сочиненное имъ общество именемъ Украинно-Славянскаго!.. Николай Павловичъ, человекъ формы, давалъ больше значенія противнымъ ему идеямъ, когда онѣ были облечены въ формальность, поэтому уничтожить общество въ его глазахъ представлялось великой заслугой; слѣдовательно, Дубельтъ могъ надѣяться высочайшей награды и благоволенія.

Подъ нравственную пытку заключенія въ крѣпости принудили обвиняемыхъ наклепать на себя, что дѣйствительно было общество; съ своей стороны, III Отдѣленіе дозволило имъ представить вымышленное общество въ елико возможно извинительномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ они написали, что ихъ общество касалось западныхъ славянъ, а не почіющихъ подъ кроткою десницею все-россійскаго монарха, который одинъ можетъ освободить ихъ изъ узъ мѣмецкихъ и турецкихъ. Какъ ни нелѣпъ былъ вымыселъ, какъ ни противорѣчилъ всему, что находилось въ бумагахъ арестованныхъ лицъ, однако, дѣло слажено. Свѣже-испеченные государственные преступники, хотя и получили наказаніе, но растворенное отеческимъ милосердіемъ. Нѣкоторыхъ, главнѣйшихъ, засадили въ крѣпость—кого на годъ, кого на три года, а потомъ послали на службу въ великороссійскія губерніи; но и тѣхъ и другихъ отдали подъ строжайшій надзоръ полиціи.

Поэта Шевченка послали рядовымъ въ Оренбургъ, а потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе; Николай I строжайше приказалъ, чтобъ ему не позволяли ни писать, ни рисовать (онъ былъ и живописецъ). Шевченко пробылъ болѣе десяти лѣтъ въ такой нравственной пыткѣ, въ ужасной странѣ: на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на солончакахъ, гдѣ даже трава не растетъ, постоянно подъ надзоромъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ чего-нибудь не написалъ или не нарисовалъ. Какъ обращались съ другими, можно судить изъ слѣдующаго: одного изъ политическихъ преступниковъ, бывшаго кіевскаго профессора Костомарова, сослали въ Саратовъ. Тамъ случилось необыкновенное убійство: нашли двухъ мальчиковъ, замученныхъ и брошенныхъ на ледъ Волги. Подозрѣніе падало на евреевъ. Приѣхавшій изъ Петербурга слѣдователь потребовалъ черезъ губернатора къ себѣ Костомарова и поручилъ ему написать записку о томъ, представляетъ ли исторія данныя для того, чтобы допускать возможность существованія между евреями какой-нибудь кровожадной секты. Костомаровъ, занявшись этимъ предметомъ нѣсколько мѣсяцевъ, представилъ слѣдователю записку, гдѣ, по своему убѣжденію, высказалъ, что существованіе такой секты возможно. Между тѣмъ, губернатору

Кожевникову хотѣлось, чтобы бы было напротивъ. Онъ призвалъ Костомарова и, несмотря на то, что самъ поручилъ ему исполнить требованіе слѣдователя, грозилъ *засадить ея въ острогъ*, пользуясь своимъ правомъ надъ сосланнымъ политическимъ преступникомъ и придираясь къ тому, что Костомаровъ въ своей запискѣ находилъ кровавую сторону въ самыхъ библейскихъ сказаніяхъ и пользовался при составленіи этой записки запрещенными книгами. А этотъ губернаторъ, какъ говорятъ, былъ либералъ! Когда, скоро послѣ того, вмѣсто его, прислали не либерала, но воплощенную ничтожность и слѣдователя, благодаря запискѣ Костомарова (представленной въ министерство и выданной слѣдователемъ за свою), назначили въ Саратовъ вице-губернаторомъ, новоприбывшій съ губернскими властями полицмейстеръ въ назначенный день пожелалъ видѣть всѣхъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи въ Саратовѣ, призвалъ Костомарова вмѣстѣ съ польскимъ книгопродавцомъ Завадскимъ и нѣсколькими другими поляками, поставилъ ихъ въ рядъ съ людьми дурного поведенія, отданными подъ надзоръ полиціи по дѣлу объ убійствѣ мальчиковъ, и началъ читать имъ отеческое нравоученіе чтобъ они вели трезвую жизнь и не шатались по кабакамъ и зазорнымъ домамъ.

Этихъ чертъ достаточно, чтобъ показать, что значила при Николаѣ отдача подъ надзоръ полиціи политическаго преступника. Но къ чести русскаго общества надобно сказать, что вездѣ, куда ни ссылалъ императоръ нашихъ земляковъ, ихъ опала служила дипломомъ на участіе, уваженіе и довѣріе; опальные, съ своей стороны, честнымъ поведеніемъ на службѣ и въ частной жизни доказали, всѣ безъ исключенія, твердость своихъ нравственныхъ убѣжденій. Въ довершеніе безстыдства, съ какимъ производился розыскъ о кievскомъ дѣлѣ, надобно присовокупить, что Петровъ, въ награду за доносъ, былъ оставленъ на службѣ въ III Отдѣленіи съ деньгами и чиномъ XII класса, на который онъ, какъ студентъ II курса, не имѣлъ ни малѣйшаго права. Петровъ, однакожъ, измѣнилъ *за деньги* свѣимъ покровителямъ, продавъ какія-то бумаги III Отдѣленія, за что также былъ куда-то сослать.

Послѣ кievскаго дѣла запрещены были всѣ сочиненія обвиненныхъ, и цензура и шпіонство начали ужасно свирѣпствовать противъ Малороссіи; не только малороссійскія книги подвергались недозволенію являться въ свѣтъ,—преслѣдовались даже ученныя статьи о Малороссіи на великорусскомъ языкѣ; самыя названія: Украина, Малороссія, Гетманщина считались предосудительными.

Благотворное вліяніе весны (хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ), царствованіе Александра II, пробу-

дило и Малороссію. На украинскомъ языкѣ появилось вдругъ нѣсколько прекрасныхъ сочиненій. Освобожденіе крестьянъ оживляетъ насъ надеждами за бѣднѣйшій угнетенный народъ нашъ, у котораго было отнято все, чего онъ домогался во всю свою жизнь съ такою настойчивостью и самопожертвованіемъ. Благодаримъ императора Александра II и просимъ только, чтобы народъ освободился не по одному имени, но чтобы пользовался передъ закономъ одинаковыми правами съ дворянствомъ: иной свободы Украина, упорная въ старыхъ своихъ убѣжденіяхъ, не понимаетъ.

Мы желали бы, сверхъ того, чтобы правительство не только не препятствовало намъ, украинцамъ, развивать свой языкъ, но оказало бы этому дѣлу содѣйствіе и сдѣлало теперь же распоряженіе, чтобы въ школахъ, которыя,—какъ оно уже само объявило,—будутъ заведены для нашего народа, предметы преподавались на родномъ языкѣ, ему понятномъ, а не на официально-великороссійскомъ, иначе народъ украинскій будетъ заучивать лишь слова, не развивая своихъ понятій. Болѣе мы не станемъ требовать и желать, собственно для себя, ничего, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей, желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальною Россією. Напротивъ, мы бы желали, чтобы всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, *въ него же втроемъ и его же чаемъ*, Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной, мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобы наши потомки увидѣли то, что едва ли какому-нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предрасудковъ!

Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ.

Какъ смотрятъ малороссы теперь на статью Герцена, свидѣтельствуемъ «Украинская Жизнь».

«Можно поражаться той прозорливости, съ какой Герценъ сразу угадалъ истинное положеніе Украины въ этомъ вопросѣ. Прозорливость Герцена тѣмъ болѣе удивляетъ, что онъ, повиди-

тому, писалъ о русско-польскомъ вопросѣ, лишь наскоро подготовившись, и во всякомъ случаѣ не располагалъ никакими точными свѣдѣніями объ Украинѣ». Прочитывая все сказанное Герценомъ объ Украинѣ, включительно до Женева и Берна, журналъ продолжаетъ: «Поистинѣ, это были вдохновенныя слова! Никогда еще до тѣхъ поръ великороссъ не говорилъ такъ объ Украинѣ, никогда онъ въ такой мѣрѣ не соглашался признать украинца равноправнымъ себѣ, никогда онъ еще не выражалъ такую полную готовность предоставить украинскому народу рѣшать свою судьбу такъ же свободно, какъ и всѣмъ другимъ народамъ» (статья А. Хатченко, 1912, IV).

1167. [Примѣчаніе].

Мысль, что найдутся люди, которые подумаютъ, что отвѣтъ сдѣланъ или вызванъ самой редакціей, дѣйствительно, останавливала насъ. Но, безъ сомнѣнія, нашъ защитникъ имѣлъ то же право на нашу печатную гласность, какъ нашъ обвинитель, и мы печатаемъ его отвѣтъ.

Мы получили еще *четыре* письма, въ которыхъ рѣзко нападаютъ на статью г. Ч. Въ двухъ—насъ упрекаютъ, зачѣмъ мы помѣстили ее. Если-бъ публикованіе «обвинительнаго акта» только и принесло, что эти горячіе, полные любви и симпатіи протесты, то я, конечно, не сталъ бы раскаиваться въ томъ, что напечаталъ. Привыкните же, наконецъ, къ свободѣ не только мнѣній, но и громкаго высказыванія ихъ. ¹

◆◆ 1. Это примѣчаніе было сдѣлано къ слѣдующему «Письму къ издателю „Колокола“»:

«М. Г., въ 30 листѣ «Колокола» вы напечатали мое письмо къ вамъ съ предисловіемъ, въ которомъ вы говорите, что «*deco-гит oblige*» васъ не печатать нашего протеста противъ «обвинительнаго акта» г. Ч. По вольте мнѣ вамъ замѣтить, что, если вы прочтете еще разъ нашъ протестъ, то вы увидите, что основной смыслъ его—не защита васъ, но защита принципа, что большинство читателей и увидитъ ясно. Сужденія о характерѣ вашей дѣятельности, какъ я уже вамъ сказалъ въ первомъ письмѣ, были неизбѣжны; а потому позвольте вамъ повторить еще разъ, что вы не имѣете права не напечатать нашего протеста, въ которомъ трогаются нѣкоторые вопросы, не касающіеся васъ. Примите и проч. *Русскій*».

Это—второе письмо В. А. Панаева оставшееся анонимнымъ и для Герцена; оно названо Драгомановымъ (стр. 31) «вторымъ письмомъ К. Дм. Кавелина».

За этимъ письмомъ шла статья «Автору „обвинительнаго акта“ г. Ч.», которую я приведу полностью, какъ интересный историко-литературный документъ, разумѣется, безъ ошибокъ, допущенныхъ Драгомановымъ.

«Милостивый Государь, вы явились съ обвинительнымъ актомъ отъ лица многихъ мыслящихъ людей, какъ вы говорите. Я же являюсь съ протестомъ тоже отъ лица многихъ и тоже отъ не мыслящихъ людей.

«Я не буду входить въ разбирательство справедливости или несправедливости вашихъ обвинительныхъ пунктовъ. Допустимъ, что я согласенъ съ ними. Я хочу обсудить вашъ поступокъ; изъ обсуждения его само собою выкажется, кто правъ и кто виноватъ.

«Позвольте спросить, что побудило васъ написать письмо? Искреннее, теплое желаніе добра, пользы?... Нѣтъ, м. г., въ такомъ случаѣ вы поступили бы не такъ; вы не требовали бы печати, вы писали бы не на тотъ ладъ, не тѣмъ тономъ. Требуя печати, значитъ, вы писали для «эффектнаго бездѣлья» (выраженіе г. Ч.), вы руководились не увлеченіемъ теплаго сердца,—содержаніемъ письма и собственнымъ сознаніемъ вы доказали, что вы не способны къ этому. Вы написали, увлеченные обидчивымъ самолюбіемъ. Изъ вашего письма, развѣ, только одичъ слѣпой не увидитъ, что васъ задѣлъ заживо отзывъ «Колокола» о доктринерахъ. Почему же вы прежде не вступали въ подробныя объясненія?... видно, камешекъ попалъ въ огородъ.

«Люди, отъ лица которыхъ я пишу, считаютъ себя, такъ же, какъ вы считаете себя, людьми мыслящими и глубоко обдуман-ными; считаютъ даже, что они обдуманнѣе васъ; они имѣютъ право сдѣлать такое предположеніе, ибо изъ суда надъ вашимъ письмомъ вы сами увидите свою непослѣдовательность и, слѣдовательно, необдуманность. Эти люди полагаютъ, что они проникнуты зрѣлою, твердою, продуманною сердцемъ и разумомъ мыслью,—мыслью, вытекающею изъ всего существа человѣка; эти люди черпаютъ свои мысли изъ одного общаго источника, они выводятъ все изъ одного общаго начала; а потому они не могутъ спотыкаться, но могутъ постоянно ошибаться; отъ своей мысли эти люди не откажутся до гробовой доски, ибо убѣждены, что она—истина, истина непреложная, непогрѣшимая, непобѣдимая. Доктри-неры ли эти люди по наружности или нѣтъ? Какъ, кажется, было не обидѣться этимъ людямъ?... А нѣтъ, не обидѣлись. И знаете,

почему?... Потому что въ ихъ груди тепло, потому что они поняли, поняли сердцемъ и головой, поняли всѣмъ человѣческимъ существомъ, что сердце необходимо для мысли и для разработки ея; поняли, что дѣятель и мыслитель безъ сердца—гробъ.

«Несмотря на то, эти люди сдерживаютъ порывы сердца, сдерживаютъ увлеченіе, но не потому, что считаютъ увлеченіе преступленіемъ, не потому, что не оправдываютъ его, не потому, что издѣваются и гаерничаютъ надъ нимъ... нѣтъ; они не увлекаются, потому что считаютъ, до поры до времени, неизбѣжнымъ имѣть то же вооруженіе, какъ и вы, чтобъ навѣрное разить васъ,— васъ, холодныхъ доктринеровъ, васъ—воспитанниковъ фальшивой науки, васъ, которые царствуютъ и мертвятъ все, васъ, которыхъ надо спихнуть.

«Сосредоточиваясь въ себѣ, эти люди вырабатываютъ мысль до совершенной зрѣлости, вырабатываютъ ее такъ, чтобъ для васъ незамѣтно было въ ихъ мысли участіе сердца,—вѣдь, отсутствіе участія сердца въ мысли есть для васъ первый признакъ ея здравости. Мысль этихъ людей, при томъ же наружномъ вооруженіи, какъ и ваша, кроетъ въ себѣ теплоту, душу, сердце; ихъ мысль—полнота, жизнь, свѣжесть, зрѣлость; ваша—вооружена, но бездушна и скоро дастъ.

«Итакъ, только одна необходимость имѣть противъ васъ однородное оружіе заставляеть этихъ людей сосредоточиваться, но и сосредоточиваніе въ себѣ стоитъ дорого: это есть самоуничтоженіе, это есть самоѣдство, это—вериги. Одно только сознаніе страшной опасности, которая грозитъ нашей Россіи отъ вашего направленія, можетъ побуждать этихъ людей къ такому самопожертвованію.

«Теперь вы должны понять, почему эти люди, одни изъ самыхъ точнѣйшихъ людей, не обидѣлись; вы должны понять теперь, почему увлеченіе «Колокола» сродно ихъ душѣ. Они видятъ увлеченіе такъ же, какъ и вы, но они не только не издѣваются надъ нимъ, не только оправдываютъ его, но признаютъ законность и необходимость его. Они видятъ ошибки «Колокола», но въ то же время видятъ въ немъ сердечный жаръ, горячую любовь добра и истины; они любятъ его, какъ любить его вся Россія. Если бы вы не видѣли этого кругомъ васъ, вы не обратились бы къ нему съ тѣми требованіями, съ какими вы обратились въ вашемъ письмѣ.

«Кто больше увлекался, какъ не *Бьлинскій*?... Что же — думаете ли вы отвергнуть его значеніе и ту огромную пользу, которую принесъ этотъ человѣкъ, полный страсти, увлеченія и энергіи? А, вѣдь, безъ увлеченія онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ... Жаль, что его нѣтъ въ настоящую эпоху,—то-то бы гремѣлъ громъ надъ вами...

«Вы полагаете, что люди увлеченія, люди сердца бесполезны, что вы одни только дѣлаете дѣло,—ошибаетесь! Призваніе этихъ людей—шевелить, будить, одушевлять и оживлять все; призваніе же людей безъ теплаго сердца, не отвергая нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ,—по преимуществу призваніе отрицательное: своимъ неполнымъ, ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, взглядомъ, возмущающимъ душу, они призваны разевать энергію мысли тѣхъ, которые рано или поздно должны быть призваны къ дѣятельности положительной.

«Вы съ презрительной, самодовольной усмѣшкой смотрите на движеніе сердца; вы гордитесь тѣмъ, что прониклись холодными принципами науки. Садитесь, пожалуйста, рядомъ съ вашими родными братьями, благородными представителями Франціи 1848 года, которые вызвали сами рѣзню, а потомъ нещадно казнили безвинныхъ. Будьте покойны: «Колоколь» не будетъ причиной пролитія хотя единой капли крови. Это вы! вы! единственно вы можете быть причиной!

«Если-бъ «Колоколь» зналъ, какая темная туча показывается на горизонтѣ отъ вашего направленія, если-бъ онъ могъ непосредственно видѣть ее, если-бъ обвиняемый вами могъ повѣрить тому, что то, что онъ заклеилъ на Западѣ, имѣетъ претензію водвориться въ Россіи, то тогда «Колоколь», мы увѣрены, тотчасъ бы почувялъ настоящаго сильнаго врага и сталъ бы разить васъ, васъ тончайшихъ и, что всего хуже, бессознательныхъ враговъ прогресса, имѣющихъ, между тѣмъ, всю благовиднѣйшую наружность людей здраваго, положительнаго и правильнаго прогресса; онъ разилъ бы ваше направленіе съ тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое составляетъ его свойство, его жизнь, его силу.

«Что, если бы обвиняемый вами, по вашему желанію, потерялъ увлеченіе? что, если бы онъ задушилъ горячее, широкое сердце, которое чуется русскому человѣку? вѣдь, онъ не могъ бы дарить больше тѣхъ страницъ, которыя онъ дарилъ и дарить иногда и которыя удовлетворяютъ и согрѣвають человѣка. Кстати, беру примѣръ, приведенный вами: письмо къ государынѣ. Вѣдь, для того, чтобъ написать такое письмо, надо то, что вы силитесь убить: надо сердце, надо увлеченіе. А кто можетъ сказать, что это письмо не будетъ имѣть значенія для будущаго Россіи? вѣдь, это письмо такъ тепло, что разогрѣло даже васъ, издѣвающагося надъ сердцемъ и его жизнью.

«Виновать ли «Колоколь», что онъ дѣлаетъ ошибки, что онъ стрѣляетъ иногда холостыми зарядами, что онъ напечатаетъ иногда корреспонденцію изъ Россіи, написанную подъ вліяніемъ отчаянія,

имѣющаго, однако, всегда основаніе въ видимомъ фактѣ, но степень важности и значенія котораго «Колоколъ» физически не имѣетъ возможности взвѣсить, а потому, принимая во вниманіе видимый характеръ факта, не имѣетъ никакой причины не напечатать. Виноватъ не онъ, а мы, всѣ, которые не даютъ ему вѣрнаго изображенія. Вѣдь, «Колоколъ», отвѣчая на упреки, просилъ, чтобы ему покрикивали: «правѣе или лѣвѣе». Какъ же вы отвѣчали на это?.. Вы написали обвинительный актъ, актъ, который съ отвлеченной точки зрѣнія имѣетъ долю истины, и какимъ тономъ написали вы? Затѣмъ вы требовали печати. Судъ цѣлой Россіи разразится надъ вами за требованіе печати вашего письма... Жалѣю васъ!

«Вы сами говорите, что «Колоколъ» есть *«сила и власть въ юсударствѣ»*, вы сами говорите, какое значеніе онъ можетъ имѣть; какъ же вы послѣ этого начинаете глумиться и требовать печати? Я не только имѣю право усомниться въ вашей любви къ истиннымъ пользамъ Россіи, но положительно убѣждаюсь вашимъ поступкомъ, т.-е. тономъ письма и требованіемъ его печати, что въ васъ нѣтъ и искры добраго желанія.

«Оцѣняя значеніе «Колокола» и искренно желая добра Россіи, вы бы должны были указать «Колоколу» всѣ его ошибки, указать вѣрныя черты нашего положенія, указать самымъ убѣдительнымъ образомъ и затѣмъ не требовать печати письма. А въ вашемъ поступкѣ есть ли послѣдовательность, есть ли обдуманность, которой вы колете глаза?—Ссылаемся на судъ всѣхъ. Если вы не могли обдумать такого несложнаго вопроса, чего же можно ожидать отъ вашей обдуманности? Если бы яашъ умъ приводился въ движеніе сердцемъ, такъ вы поступили бы такъ, какъ я вамъ сказалъ, и поступили бы послѣдовательно и обдуманно. Видите ли, что безъ участія сердца нельзя обдумать вѣрно даже маленькаго дѣла, а о громадныхъ человѣческихъ вопросахъ и говорить нечего.

«Не ясно ли видно теперь, что вы явились съ вашимъ письмомъ не для благого совѣта; не ясно ли, что вы поступили необдуманно, слѣдовательно, въ необдуманности не имѣли права упрекать; не ясно ли, что вы, просто на просто задѣтые заживо отзывомъ о доктринахъ, вздумали *эффектно побездѣльничать*.

«Вы чрезвычайно справедливо замѣчаете въ вашемъ письмѣ о страсти общества къ остроумію и о преклоненіи передъ нимъ. Зачѣмъ же большая часть вашего письма вертится на *сторани* и т. д.? Вы доказали, что въ васъ не можетъ загорѣться теплое чувство, оттого вы и подхватили эти слова. Но дѣло не въ томъ,—вы нападаете на склонность къ остроумію, а сами десять разъ въ ко-

ротенькомъ письмѣ пускаетесь на остроты. Гдѣ же послѣдовательность? Гдѣ же обдуманность?

«Вы говорите обвиняемому, что онъ—преступникъ передъ исполненіемъ своей великой задачи. А вы исполнили вашу задачу, безъ исполненія которой неисполнима задача «Колокола»? Сообщали ли вы «Колоколу» вѣрныя данныя о состояніи Россіи? Вѣдь, изъ газетъ—изъ нашихъ ли, изъ иностранныхъ ли—не много узнаешь вѣрнаго о Россіи. Ошибки и промахи «Колокола» лежатъ на насъ, а не на немъ. Вы болѣете о томъ, что ошибки и увлеченія подрываютъ значеніе «Колокола», а ваше письмо съ требованіемъ печати, позвольте васъ спросить: съ намѣреніемъ поддерживать его значеніе что ли, написано? Ваше письмо, безъ приличнаго суда отъ многихъ, чуждыхъ совершенно редакціи «Колокола», могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, но мы убѣждены, что общественное мнѣніе произнесетъ надъ нимъ достойный приговоръ.

«Скажите, пожалуйста, какъ отозвались въ васъ эти слова обвиняемаго: *«Если-бъ я повѣрилъ этому (т.-е., что дѣло его жизни приноситъ вредъ Россіи), я нашелъ бы самопожертвованіе передать свое дѣло дружимъ рукамъ и скрыться идѣ-нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнью»*. Вѣдь, это не фраза, вѣдь, цѣлой жизнью обвиняемый доказалъ, что это не фраза. Допустимъ, что онъ ошибается въ своей дѣятельности, но отвѣчайте, съ какимъ намѣреніемъ онъ пожертвовалъ всѣмъ близкимъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ подвергъ себя остракизму?—для того, чтобы вредить Россіи, что ли? Какъ же вы поддерживаете это самоотверженіе? Пусть обвиняемый не сдѣлалъ ничего больше, какъ открылъ контроль общественнаго мнѣнія и гласность преступлений,—этого мало съ васъ? Вѣдь, тошно читать вашу благодарность объ этомъ. Развѣ вы можете отвергнуть, что этотъ контроль предупредилъ тысячи и тысячи преступлений, тысячи и тысячи горькихъ жертвъ? Русскій человекъ и въ испорченномъ видѣ не теряетъ окончательно совѣсти—для него выставка выше всякаго наказанія. Что, кажется, было умнѣе открыть эдакой контроль давно. Однако, одинъ умъ, безъ сердца, не придумалъ этого. Вѣдь, надо было увлеченіе, чтобъ поступить такъ, какъ поступилъ обвиняемый вами; вѣдь, это сердце руководило его умъ. Видите ли опять, что безъ увлеченія нельзя дѣлать ни умныхъ, ни добрыхъ дѣлъ. По какому праву вы рѣшились обвинять публично другого, что онъ мало дѣлаетъ пользы людямъ? Чтобъ обвинять въ этомъ, надо самому сдѣлать больше или, по крайней мѣрѣ, столько же. Скажите по совѣсти, неужели вы думаете, что принесли больше пользы, чѣмъ обвиняемый вами? Какъ бы ни былъ вашъ трудъ почетенъ и уважителенъ, какая бы

ни была ваша дѣятельность, ученая или административная,—вы приносите пользу, но вы не можете еще въ сію минуту сказать, что вы принесли хотя одну сотую долю той пользы, какую принесъ Россіи обвиняемый вами. Итакъ, вы не имѣли права являться съ обвинительнымъ актомъ и провозглашать, что обвиняемый ничего больше не дѣлаетъ, какъ только увлекается. Увлечение подвинуло его на самоотверженіе, увлечение положило основу той пользы, которую онъ приноситъ, увлечение намъ дорого, увлечение намъ нужно, увлечение и самопожертвованіе заповѣдалъ намъ Христосъ своею жизнью и смертию.

«Поступокъ вашъ разобранъ; обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ вашемъ письмѣ.

«Вы говорите, напримѣръ, что если бы въ нѣдрахъ нашего отечества завелось нѣсколько «Колоколовъ», то это повело бы къ гибельному разгару общественныхъ страстей. Далѣе вы говорите, что «въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ либо». Читая эти строки, невольно вспоминаешь прописи, и какъ-то мутитъ подъ ложкой,—такъ эта тирада прѣсна и возмущаетъ душу, когда подумаешь, что она писана претендентомъ на мыслителя, кажется, изъ новаго поколѣнія. Неужели же вы серьезно думаете, что можно разжигать словомъ общественныя страсти и вообще дѣлать общественныя движенія да еще гдѣ? въ Россіи, полной здраваго смысла—въ томъ случаѣ, когда эти движенія не соотвѣтствуютъ потребности общества, и когда они не должны бы были совершиться сами собою, въ силу обстоятельствъ?.. Если вы такъ думаете, то вы, позвольте вамъ сказать,—не мыслитель. Вѣдь, ваше предположеніе противно закону природы и опровергается маленькими примѣрами: Англіей и Соединенными Штатами. Если вы такого убѣжденія, напрасно вы работаете для Россіи, вы—худое сѣмя, вамъ лучше поступить на службу во Франціи.

«Читая мое письмо, вы, конечно, подумаете, что надо защищать цензуру. Но позвольте вамъ сказать, что вашъ поступокъ и тонъ вашего письма должны оправдать и не такое письмо, какое я вамъ пишу. Если бы поступокъ, подобный вашему поступку, сдѣлалъ человѣкъ необразованный, неразвитый, не выдающій себя за передового, мыслящаго человѣка Россіи, тогда я бы и не подумалъ черкнуть перомъ. Но подобный поступокъ, совершенный такимъ человѣкомъ, какимъ вы выдаете себя, мутитъ кровь.

«Упомянувъ о вопросѣ освобожденія крестьянъ, вы говорите, что эта реформа не можетъ совершиться вдругъ, и нѣсколько разъ

повторяете о *противоборствующихъ стремленіяхъ, о враждебныхъ и животрепещущихъ интересахъ, о вѣковыхъ узлахъ, о вѣковыхъ запутанныхъ учрежденіяхъ и т. п.*; вы говорите, что нужно *терпѣніе, осторожность*, что надо все *изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить*. Экой наборъ ничего неговорящихъ словъ! Что вы сказали этими фразами? Нѣтъ, коли вы явились добровольно обвинителемъ въ необдуманности, такъ подавайте намъ не пустословіе, а вашу обдуманную мысль. Давайте ее сюда, гдѣ она? иначе вы должны молчать. Но въ томъ-то и дѣло, что у васъ ея нѣтъ; въ противномъ случаѣ вы бы не говорили общими мѣстами, и при томъ ничего не опредѣляющими.

«Читая ваши взгляды на вопросъ реформы, мнѣ представилось, что они имѣютъ сходство со взглядами слесаря, передъ которымъ навалили груду невозможныхъ частей машины и говорятъ ему: собери машину и пусти въ ходъ. Слесарь, можетъ быть, и отличный мастеръ, отлично умѣетъ ковать, пилить, точить нѣкоторыя части машины, но онъ, все-таки, слесарь, а не механикъ. Разумѣется, этому слесарю надо время, надо терпѣніе, надо осторожность, надо все изслѣдовать и обдумать, какая часть машины куда слѣдуетъ, надо сто, тысячу разъ перебрать каждую часть и попытать разныя комбинаціи. И будетъ слесарь изслѣдовать и собирать машину нѣсколько лѣтъ, и, все-таки, соберетъ ее ошупью, все-таки, машина будетъ скрипѣть. А придетъ механикъ и соберетъ ее въ часъ, и пойдетъ машина работать такъ, что любо смотрѣть.

«Вопросъ реформы поднять и поднять въ такомъ видѣ, что некогда дожидаться, когда слесаря изслѣдуютъ и перепробуютъ всѣ части,—надо призвать механиковъ, и тогда машина быстро соберется и не будетъ скрипѣть, и удовлетворитъ всѣхъ и вся.

«Дѣло не въ томъ, чтобы въ сію же минуту физически возможно было порѣшить выполненіе реформы, но надо немедля же опредѣлить вопросъ такъ, чтобы помѣщикъ и крестьянинъ знали: *что каждый изъ нихъ будетъ и когда именно будетъ*. И это «когда» не должно быть длинно,—много, много два-три года. Тогда все будетъ покойно. А теперь кто что знаетъ? Вы все обдумываете да изслѣдуете, а, все-таки, не знаете до сихъ поръ, какъ опредѣлить отношенія. Обдумывайте, изслѣдуйте, но помните, что отъ вашего обдумыванія и изслѣдованія, оставляющаго поднятый вопросъ въ неопредѣленности, тысячи и тысячи должны неизбѣжно выстрадать пытки плетей и палокъ и потянуться, позвякивая цѣпами, въ Сибирь; и эти тысячи и тысячи будутъ цвѣть русскаго народа.

«Вдругъ, именно вдругъ, должна быть совершена реформа. Этого требуютъ обстоятельства, а главнымъ образомъ, такая реформа—самая разумная, самая правильная.

«Вы не знаете, какъ приступить къ подобной реформѣ; вы видите неисчислимыя запутанности; оттого вы и возлагаете надежды на комитеты. Комитеты не могутъ ни рѣшить, ни даже подвинуть вопроса ни на шагъ. Они не тѣмъ занимаются. Определеніе положенія крестьянъ должно быть общее, единое, отвѣчающее потребности всего русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно быть такого рода, чтобъ удовлетворяло всѣмъ условіямъ каждой наималѣйшей деревеньки, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ. Вотъ задача. Мы—отъ лица которыхъ я пишу—мы имѣемъ рѣшеніе этой задачи. Мы могли рѣшить эту задачу потому, что у насъ есть одно общее начало, одинъ ключъ, который открываетъ всѣ двери и безъ котораго, чуть только вопросъ незнакомъ и сложенъ, всегда приходится путаться и обдумывать, и изслѣдовать его всю жизнь, не двигаясь впередъ. Мы могли рѣшить, потому что, подчиняя нашу дѣятельность вліянію сердца,—нашъ трудъ надръ вопросомъ реформы начинается съ тѣхъ поръ, какъ мы помнимъ себя, а не съ тѣхъ поръ, какъ разбудилъ васъ голосъ царя. Мы могли, наконецъ, рѣшить этотъ вопросъ потому, что знаемъ свой народъ, знаемъ Россію не изъ книгъ, а въ дѣйствительности, отъ сѣвера до юга, отъ запада до востока.

«Въ одномъ мѣстѣ вашего письма вы говорите, что *«народъ съ ужасомъ увидалъ свое растлѣніе...»* Какъ?.. такъ народъ русскій находится въ растлѣніи? Хорошо же вы понимаете русскій народъ! Боже мой, что за страшная слѣпота! Да, позвольте, я васъ сейчасъ уличу. Вѣдь, растлѣніе можетъ быть только при дряхлости общества—такъ ли? Какъ же вы дальше пустили тираду объ *«юнонѣ обществѣ»*? Какъ согласить эти взгляды? Видите ли, какая непослѣдовательность и необдуманность. Вы не могли согласить вашихъ сужденій въ маленькомъ письмѣ, значить, ваши взгляды путаются; немудрено послѣ этого, что вопросъ о реформѣ представляется вамъ путаницей, которую, конечно, вы вѣкъ не распутаете.

«Растлѣнное общество не можетъ сознать своего растлѣнія, иначе это не растлѣніе. Въ растлѣнномъ обществѣ растлѣніе могутъ сознать только умы исключительные; растлѣнное общество самодовольно и такъ въ самодовольствіи и гибнетъ. Вы, какъ человѣкъ, видимо, образованный, конечно, знаете исторію хорошо; но, видно, знать ее не значить еще понимать настоящей смыслъ историческихъ явленій; въ противномъ случаѣ вы не допустили бы такихъ несовмѣстныхъ взглядовъ объ народѣ, какіе вы выразили. Русскій народъ не растлѣнъ и не боленъ; на немъ есть царапины, а въ прошедшемъ сдѣланныя, и сдѣланныя людьми со взглядами, по-

дѣльными вашимъ взглядамъ, царапины вашими же лѣкарствами лѣченныя и не залѣченныя,—позвольте теперь полѣчить намъ. -

«Въ вашемъ обвинительномъ актѣ вы ясно высказали такую мысль: что, если бы я, на примѣръ, былъ редакторомъ журнала, который бы находился въ томъ независимомъ положеніи, какъ «Колоколь»; то-то бы я надѣлалъ дѣла! Нечего сказать, много бы «Колоколь» надѣлалъ дѣла, если бы такъ же, какъ вы, смотрѣлъ на народъ русскій, какъ на растлѣнный.

«Досадуя на нѣкоторыя ошибки «Колокола», въ которыхъ виноваты мы сами, русскіе, мы возложимъ полную надежду, что онъ, не взирая на ваше письмо, будетъ продолжать оживать и грѣть душу и звонить сердечно. А мы, мы будемъ попрежнему сосредоточиваться, чтобъ вооружать новыя начала оружіемъ, подобнымъ вашему оружію, затѣмъ, чтобъ явиться и побѣдить ваше царство, и побѣдить не въ одной Россіи, но и тамъ, гдѣ оно беретъ свое начало.

«Намъ болыю тратитъ время на вооруженіе нашего начала вашимъ оружіемъ, намъ тяжело это дѣлать тогда, когда эти начала должны уже примѣняться къ дѣлу. Мы знаемъ, что гораздо лучше и скорѣе можно достигнуть рѣшенія общественныхъ вопросовъ, обращаясь къ сердцу и къ разуму, двигающемуся сердцемъ; но, повторяю, что мы вынуждены говорить одному уму, да еще уму, который, будучи не одушевленъ сердцемъ, и тупъ, и непонятливъ; вынуждены потому, что прежде всего надо побѣдить васъ.

«Вы смѣтаете, что въ общественныхъ, государственныхъ, экономическихъ и вообще всѣхъ народныхъ вопросахъ можетъ играть роль сердце... Смѣйтесь! смѣйтесь! и въ смѣхѣ не успѣете опомниться, какъ ваши начала разобьются въ дребезги объ новыя начала.

«Знайте, что всѣ настоящія путаницы, всѣ законы, весь старый хламъ,—все рухнетъ, и всѣ общественные вопросы разумъ построитъ на сердцѣ, на одномъ началѣ: «Люби ближняго, какъ самого себя!» До тѣхъ поръ все будетъ путаться, до тѣхъ поръ нѣтъ исходу, до тѣхъ поръ мерзость запусѣнія. И эту задачу призванъ рѣшить народъ русскій, и вы, вы стали на пути.—Прочь, посторонитесь или идите съ народомъ, а не то погибнете съ позоромъ.

«Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло. Вы будете призваны спасти міръ и осуществить истинное царство Христово. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ чловѣка,—

не вѣрьте имъ, какъ бы онѣ, повидимому, ни удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко, для того, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобъ предать ихъ проклятію; изучайте для того, чтобъ разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что царство Христово еще нигдѣ не было на землѣ, что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу. Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ, только на русской крестьянской сходкѣ, только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышется свободно. Умрите, если будетъ нужно,—умрите, какъ мученики,—умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму,—умрите за сохраненіе *равнаю права каждому крестьянина на землю, умрите за общинное начало!*

Это письмо Драгомановъ, какъ уже я сказалъ, категорически приписалъ Кавелину, присоединивъ къ нему и еще два другихъ. Съ его легкой руки, такъ они и трактовались, какъ выражающія убѣжденія виднаго ученаго и публициста изъ партіи либераловъ. Въ 1901 г. Н. П. Барсуковъ подвергъ это сомнѣнію, на которое имѣлъ безусловное право, въ видѣ напечатаннаго уже выше письма Кавелина къ Чичерину, изъ котораго ясно видно, что первый не считалъ возможнымъ отвѣчать своему пріятелю печатно, видно также и то, что коллективное одобреніе относится не къ только что напечатанному письму Панаева, а все къ тому же рукописному документу Кавелина. Но, отвергнувъ авторство Кавелина, Барсуковъ самъ впалъ въ еще болѣе грубую ошибку: со словъ Чичерина, онъ приписалъ письмо Чернышевскому, сказавъ: «перу послѣдняго, *лозгъмъ въроятіямъ*, принадлежитъ проектъ подъ заглавіемъ «Автору „обвинительнаго акта“ г. Ч.» (т. XV, 259); мало того, Барсуковъ говоритъ: «теперь возникаетъ вопросъ, что побудило Драгоманова въ своемъ изданіи замѣнить одно письмо другимъ? Рука Кавелина была ему извѣстна, и если онъ напечаталъ писанную тою же рукою приписку (ошибка Барсукова — *М. Л.*), подписанную Бабстомъ, Тургеневымъ, Анненковымъ и пр., то, очевидно, и самое письмо было у него въ рукахъ. Трудно объяснить подобную ошибку» (стр. 269—270). Ничего нѣтъ легче: Драгомановъ въ 1883 г. не могъ видѣть въ архивѣ Герцена письма, возвращеннаго послѣднимъ еще при своей жизни Чичерину, у котораго зато его видѣлъ въ 1900 г. Барсуковъ. Драгомановъ совсѣмъ ничего не зналъ о настоящемъ письмѣ Кавелина, видѣлъ коллективное письмо, а все остальное создалъ догадкой, направленной по ложному пути, не замѣтивъ даже разницы въ почеркѣ писемъ Панаева (писанныхъ, вѣроятно, не его собственной рукою) и Кавелина (другихъ

его писемъ, которыхъ у Герцена было не мало). Чичеринъ и Барсуковъ, давая пространное описаніе всего этого идейнаго столкновенія съ Герценомъ, не могли возстановить истину, для которой всѣ данныя были налицо только въ 1902 году.

Но этого можно было требовать отъ проф. И. И. Иванова, выпустившаго свою книгу о Тургеневѣ въ 1912 г., между тѣмъ, онъ внесъ въ дѣло еще большую путаницу, обнаруживъ большое невѣжество въ незнакомствѣ съ литературой того времени (стр. его книги 580—582).

1168. [Примѣчанія].

Мы не имѣли мѣста для перваго письма г. Спартанскаго и предпочли начать вторымъ. Послѣ предшествующей статьи справедливость требовала напечатать защиту г. Ч.¹

Нѣтъ, я никогда этого не восклицалъ и ничего подобнаго этому канибальскому доктринаризму нигдѣ не выражено въ моихъ сочиненіяхъ.²

◆◆ 1. А. Спартанскій—псевдонимъ пока неизвѣстнаго лица; его «Письмо въ защиту г. Ч.*», къ которому Герценомъ и сдѣланы настоящія примѣчанія, непосредственно слѣдовало за письмомъ Панаева. Содержаніе письма довольно безцвѣтно.

2. Это примѣчаніе сдѣлано къ слѣдующему мѣсту письма: «...Вы потеряли довѣріе къ человѣческой исторіи; всякій, кто не смотритъ на Россію или на гражданское ея устройство сквозь призму упорнаго отрицанія всего существующаго, по вашему мнѣнію,—партизанъ деспотизма, кнута и взятокъ; *percat patria*¹)—восклицаете вы...»

1169. Еще разъ корнелевское „qu'il mourût!“²)

Новороссійскій Строгановъ, сильный лаконическими словами, говорятъ, прославилъ себя вновь послѣ своего спартанскаго: «Одесса шумитъ,—я сдѣлаю изъ нея Саратовъ!».

¹) Да погибнетъ отечество.

²) Пусть онъ умретъ!

Изъ Бессарабіи пришла къ графу Строганову депутація колонистовъ съ жалобою на страшныя притѣсненія земской полиціи.

Всѣ ихъ справедливые рассказы о противозаконныхъ дѣйствіяхъ полиціи наслѣдникъ римскихъ доблестей и пермскихъ рудниковъ выслушалъ, не проронивъ ни одного слова; всѣ просьбы ихъ о защитѣ не вызвали ни единого слова,—графъ молчалъ.

Тщетно ожидая отвѣта, колонисты вышли изъ себя, и одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

«Что же, ваше сіятельство! Скажите, что намъ дѣлать? Они, пожалуй, и вѣшать насъ начнутъ! Что же намъ тогда дѣлать, наконецъ?»

«*Висеть!*»—отвѣчалъ Строгановъ и прослѣдовалъ во внутренніе апартаменты.

1170. [Гр. Кочубей].

«Times» говоритъ, будто бы дѣло о графѣ Кочубей, хотѣвшемъ убить Зальцмана, было переслѣдовано. Г-жа Зальцманъ обязана намъ этимъ переслѣдованіемъ: мы явили забытое дѣло о ея мужѣ на свѣтъ. Желательно было бы знать, чѣмъ оно кончится. Въ «Таймсѣ» написанъ какой-то вздоръ о наказаніи мертвыхъ, а о Кочубей ни полслова.

1171. [Гр Панинъ].

Мы получили превосходную біографію графа В. Н. Панина. Ее мы напечатать особю; житіе такого замѣчательнаго и длиннаго лица не должно пропасть для исторіи! ¹⁾

1172. Опять объясненіе.

Мы получили письмо, въ которомъ сильно нападаютъ на насъ за нѣкоторыя выраженія, употребленныя въ «Письмѣ къ редактору» въ 25 листѣ «Колокола». Наши корреспонденты въ правѣ дѣлать замѣчанія, мы должны выслушивать ихъ, но пусть же они будутъ такъ добры и выслушиваютъ насъ.

Во-первыхъ, съ чего взяли, что выписанная фраза «о топорѣ» писана мною? Я думаю, есть значительная разница между помѣщеніемъ корреспонденціи и собственной статьей. Знаемъ мы старую манеру издателей писать къ себѣ, но увѣряемъ честнымъ словомъ, что мы ни къ какимъ подобнымъ шалостямъ никогда не

¹⁾ Эта біографія составляетъ VII кн. «Голосовъ изъ Россіи».

прибѣгаемъ. Если корреспондентъ нашъ взглянетъ на подстрочное замѣчаніе при «Письмѣ къ редактору», онъ убѣдится, что не я его писалъ, или что я—Барнумъ II.

Во-вторыхъ, я согласенъ, что нѣкоторыя выраженія въ упомянутомъ письмѣ слишкомъ рѣзки и страстны; мнѣ тутъ трудно говорить: я недавно подучилъ (какъ читатели наши знаютъ) такой безстрастный выговоръ и такое родительское поученіе за то же самое, что считаю себя плохимъ судьей. Скажу только, что источникъ негодованія у автора такъ благороденъ и понятенъ, что я сочувствую ему.

Мы слишкомъ легко пугаемся свободнаго *слова*, мы не привыкли къ нему. Посмотрите, что печатаютъ объ Англіи, о ея правительствѣ въ Ирландіи или еще ближе въ—«Reynold's Newspaper», прочтите рѣчи Брайта, когда онъ говоритъ о пѣрахъ. Фамусовъ давно заткнулъ бы уши и закричалъ бы: «Подъ судъ! подъ судъ!», а Англія молчитъ и слушаетъ.

Свобода книгопечатанія,—какія бы мелкія неудобства она ни имѣла,—величайшая хартія. Правительство, находящееся подъ надзоромъ гласности и не имѣющее средства подавить ее, больше озирается, чѣмъ чловѣкъ, находящійся подъ надзоромъ полиціи.

Но для того, чтобы свобода *слова* была дѣломъ искреннимъ и возможнымъ, надобно, чтобы ее поддерживала свобода *слуха*, и если вамъ слѣдуетъ поучиться у англичанъ, какъ говорить безъ цензуры, то наши читатели не разсердятся на насъ, если мы имъ посоветуемъ у нихъ же поучиться наукѣ *свободно слушать* ¹⁾.

1173. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 января 1859.

Park House, Fulham.

Я и не поздравлялъ еще Ваше Превосходительство съ наступившимъ новымъ годомъ. Наступилъ онъ тихо; мы были одни, и

¹⁾ Что мнѣ сказать о другомъ письмѣ, полученномъ мною, и въ которомъ меня, совсѣмъ напротивъ, осыпаютъ упреками за умѣренность, сентиментальность, уступки, суетное самолюбіе? Уважая сколько-нибудь чловѣка, нельзя писать къ нему въ такихъ выраженіяхъ; если же эти господа не уважаютъ меня,—зачѣмъ они пишутъ? Обо мнѣ печатались уже разныя мерзости, но никто не требовалъ, чтобы я ихъ самъ печаталъ. Если же вся цѣль была месть за то, что я отказывался печатать все безъ разбора, и если писавшіе хотѣли принести мнѣ неприятную минуту,—они успѣли. Мнѣ было больно (пусть они меня еще разъ обвиняютъ въ сентиментальности) читать такія строки изъ нашего стана; совѣсть моя говоритъ, что я ихъ не заслужилъ. А. И. Г.

за печальными разговорами, пробило 12 ч. Всѣ ли будемъ цѣлы на будущей перекличкѣ?—Chi lo sa ¹⁾).

Сегодня ѣдетъ Саша; съ нимъ я посылаю Анониму ²⁾ англійскую рубашку, точно такую, какую нѣкогда носила Лизавета Миколавна ³⁾; онъ вамъ изъ Берна ее перебросить.

Всѣ ваши присылки получены. Отрывки изъ Голиц. будутъ. Что касается до aviso Мар. Фед.,—аще не вложу перста, не рѣшу дѣла. Я начинаю разглядывать между нами и «Атенеями» ⁴⁾ постоянно больше и больше раздвигающуюся пропасть и потому жду безъ сужденій новаго господина ⁵⁾).

Вы еще мнѣ не писали ничего о Чичер. обвинительномъ актѣ. Завтра пошлю вамъ отвѣтъ какого-то неизвѣстнаго господина въ «Колоколѣ» ⁶⁾).

Среда.

Вчера отправилъ Сашу,—ночь была очень туманна, но тиха.

Здѣсь что-то не на шутку начали говорить о войнѣ, т.-е. между Франціей и Австріей... Опять рѣки крови, опять шумъ, трескъ, «Громъ побѣды, раздавайся»... Бѣдные—бѣднѣе, богатые—богаче... Куда какъ умно все устроено...

Прощайте.

Анониму ⁷⁾ отъ псевдонима Исканд. поклонъ.

1174. [Кн. Л. Радзивилль].

Мы получили письмо, въ которомъ насъ просятъ дать гласность слѣдующему курьезному факту, въ которомъ не знаемъ, чему больше удивляться: самодержавному понятію о семейныхъ добродѣтеляхъ, о патриотическихъ обязанностяхъ или о правѣ собственности, этой «незыблемой» опорѣ власти, которой она такъ хвастаетъ.

Извѣстный князь Л. Радзивилль, женатый на княжнѣ Урусовой и ѣздившій въ Турцію послѣ венгерской войны съ патриотическимъ порученіемъ склонить султана на выдачу польскихъ изгнанниковъ Николаю (вѣроятно, въ подражаніе тому, какъ Николай отдалъ на убой венгерскихъ военно-

¹⁾ Кто знаетъ.

²⁾ Для Эрнста Рейхеля.

³⁾ Лиза Герценъ-Огарева.

⁴⁾ Т.-е. Е. Коршемъ и его единомышленниками.

⁵⁾ ?

⁶⁾ Еще доказательство, что отвѣтъ Панаева былъ вполнѣ анонименъ.

⁷⁾ Эрнсту Рейхелю.

лѣнныхъ австрійцамъ), владѣть, какъ намъ рассказываетъ письмо, своими литовскими землями на преоригинальномъ основаніи.

Помѣстья Радзивилловъ въ Литвѣ были обременены долгами, заложены, перезаложены въ продолженіе двухъ вѣковъ. Земли эти, фактически передшія въ третью, четвертую руки, были, въ добрую минуту Николая, *возвращены* Радзивиллу. Предлогомъ къ тому исполнители царскаго коммунизма взяли небольшую часть маіората, находившагося во владѣніи кредиторовъ. Это было въ 1834 году. Помѣщикомъ, давнымъ давно поселившимся и спокойно владѣвшихъ, прогнали съ ихъ дворянами и скотомъ, обѣщая имъ на прощаніе четвертую часть дохода обратить въ уплату долговъ. Въ продолженіе 24 лѣтъ кредиторы не получили ни копѣйки, т.-е. половина ихъ съ семьями пошла по міру. Зато Радзивиллъ продалъ часть имѣнія — кому вы думаете? — одному изъ великихъ князей.

Кому жаловаться, у кого просить суда? До государя просьба не дойдетъ.

Горчаковъ ¹⁾ изъ ума выжилъ.

Мухановъ ²⁾ выжилъ изъ сердца.

1175. Письмо къ сыну.

22 января (1859).

Park House, Fulham.

Любезный Саша, я хочу сегодня тебѣ поручить дѣло очень важное. Такъ какъ въ немъ торопиться не нужно, то и исполни его съ величайшей обдуманностью. Natalie, кажется, рѣшилась нынче лѣтомъ съѣздить въ Россію и, можетъ, надолго. Да если-бъ она и не поѣхала, Лиза у нея отнимаетъ слишкомъ много времени, чтобы можно было постоянно смотрѣть за Татой и Ольгой. Я желаю, чтобы ты началъ переговоры съ madame Vogt, пожалуй, и съ Адольфомъ, не знаетъ ли она въ виду гувернантку, которая бы удовлетворяла моимъ требованіямъ, и къ которой я буду писать тогда рядъ писемъ, чтобы по отвѣтамъ извѣдать ее.

Опытная, пожилая женщина была бы лучше, непременно съ нѣкоторымъ свѣтскимъ образованіемъ и безъ пѣтизма. Нѣтъ покойной, — все равно; въ Женевѣ я встрѣчалъ очень образованныхъ дочерей пасторовъ. Женева и Лозанна, вообще, кантонъ Во, обилень образованными женщинами. Разумѣется, французско-швейцарское образованіе лучше нѣмецкаго. Но что же я требую? Во-первыхъ, совершенно правильное знаніе языка, умѣнье держаться въ обществѣ и твердый, но *спокойный* характеръ; взбалмошность въ воспитаніи не идетъ. Знаетъ музыку — sehr gut, не знаетъ — и то

¹⁾ Намѣстникъ Ц. Польскаго.

²⁾ Павелъ Александровичъ.

идеть, поеть—хорошо, не поеть—недурно. За учителями дѣло не станеть; я требую надзоръ общій, я требую помогать намъ, и тутъ въ особенности меня занимаетъ Ольга.

Пиши ко мнѣ объ этомъ на особомъ листѣ или на особой половинкѣ,—Наташа ничего не знаетъ. Если-бъ ты что-нибудь нашель,—послѣ переписки я пріѣхалъ бы, можетъ, самъ и привезъ бы ее сюда. Не можетъ ли Карлъ Фогтъ помочь? Но только президентскій голосъ я даю Фогтовой матери; вотъ ей лучшее доказательство моего уваженія.

Ты не очень расписался съ отъѣзда. Получилъ ли деньги отъ Ротшильда и вторые 200 отъ Трюб.? Трюб. умоляетъ, чтобъ я тебѣ не иначе посылалъ, какъ черезъ его корресп., иначе онъ съ нихъ не умѣетъ слупить.

Затѣмъ все у насъ идетъ хорошо. Жюль ¹⁾ всякій день становится глупѣе и краснорѣчивѣе, Бокэ хочетъ отучить Шарика отъ комнаты, разсказывая ему о камбренскихъ собакахъ, о ихъ чистотѣ, т.-е. опрятности, или, лучше сказать, отсутствіи грязи.

Какъ идутъ штудіи? Пиши больше и кланяйся всѣмъ,

твой отецъ и другъ.

1176. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 января (1859).
Park House, Fulham.

Здоровы ли вы? И что дѣлаете? Что мелкота? Я давно собирався писать къ вамъ, да, знаете, какъ это дѣлается. Morgen, morgen, nur nicht heute ²⁾... Ваше письмо о Чич. статьѣ снова показываетъ, какъ вы хорошо и симпатично сочувствуете намъ. Я желаю знать, какъ вамъ понравился отвѣтъ одного господина, а потомъ интересно знать, что вамъ написала М. Фед... Мнѣ это важно, ибо статья Чич.—пробный камень: кто съ нимъ, тотъ, разумѣется, врагъ всего, что намъ дорого.

1 фев.

Знаете ли вы, что Мельгуновъ просто съ голоду мретъ въ Гомбургѣ? Ужъ не завести ли гдѣ-нибудь русскую библіотеку? И жаль его и дѣлать нечего. Онъ, какъ саранча, пожралъ вокругъ

¹⁾ Поваръ Герцена.

²⁾ Завтра, завтра,—не сегодня...

себя все, у всѣхъ знакомыхъ забралъ до-нельзя и теперь просить *работы!* Не ѣшь страсбургскіе пироги съ розгами, а будь съ Павловымъ врагами,—такъ оно и лучше бѣ.

Прощайте. Сегодня же посылаю «Колоколъ». Тамъ замѣтте, Бога милости ради, о Гречѣ на концѣ ¹⁾).

А Евдокія Глинка пишетъ мнѣ письмо въ 23 страницы, говорить, что пора въ религію да и только,—такъ, говорить, Богу при-спичило. Читали ли вы повѣсть «Послѣ обѣда въ гостяхъ» Кохановской ²⁾—очень милая вещь—въ «Моск. Наблюдателѣ»? ³⁾

Что Саша, прислалъ вамъ дѣтское платьице, которое я послалъ Эрнсту, oder hat er diesen Ernst für einen Spass genommen? ⁴⁾

1177. Генералы-отъ-цензуры и Викторъ Гюго на батарѣ Сальванди.

Генераль-адъютантъ Ржевускій ⁵⁾ (имя зловѣщее въ польской исторіи) и генераль-редакторъ «Сѣверной Пчелы» Н. И. Гречъ начинаютъ плачь двухъ Рогнѣдъ на гробѣ николаевской цензуры. Соотечественникъ Костюшка и вѣрный слуга Николая не могъ удержать своего патріотическаго негодованія, видя, что страданія русскаго солдата, этого мученика, обкрадываемаго генералами, комиссаріатомъ, полковникомъ, ротнымъ командиромъ, вахмистромъ, фельдфебелемъ, битаго всѣми штабъ- и оберъ-офицерами,—выходятъ на бѣлый свѣтъ изъ-за стѣнъ казармы и возбуждаютъ участие къ этимъ невиннымъ, осужденнымъ почти на пожизненную каторжную работу.

Ржевускій возсталъ противъ этой болтовни: онъ думаетъ, что это касается до гонора, разрушаетъ уваженіе къ священному сану генераловъ... Такъ повѣствуетъ намъ «Аугсбургская Газета». Ужъ эти ренегаты: Муравьевы, которые вѣшаютъ, Ростовцовы, которые имѣютъ энтузіазмъ и вѣсъ, Ржевускіе, которые хотятъ заглушить усердіемъ къ царю крикъ голода изнуреннаго солдата и прикрыть винограднымъ листомъ вѣрнопопданическаго гонора избитую спину его! Въ самомъ дѣлѣ, Голицынъ въ «Печатной правдѣ» дѣльно

¹⁾ См. № 1177.

²⁾ Псевдонимъ Надежды Степановны Соханской.

³⁾ Ошибка—«Русскомъ Вѣстникѣ».

⁴⁾ Или онъ принялъ это серьезное дѣло за шутку? По-нѣмецки игра словъ: Ernst—имя и серьезное дѣло.

⁵⁾ Графъ Адамъ Адамовичъ.

замѣтилъ, что въ этой звѣриной пещерѣ «не сдобровать бушкѣ-барану».

Отчего же всѣ военные, которыхъ мы видали, прекраснѣйшіе, исполненные силы и энергіи молодые люди, проросшіе на свѣтъ, несмотря на то, что они служили лѣстницей, по которой всходилъ Іаковъ, несмотря на кадетскую стрижку мыслей подъ гребенку,— всѣ они совсѣмъ не обижаются, что воровъ называютъ ворами,— они сами говорятъ съ омерзѣніемъ объ этихъ злоупотребленіяхъ? Они даже не обидѣлись бы, если-бъ, напр., Лидерса отдали, вмѣсто очищенія минеральной водой, очищенію судомъ и промыли бы ему не только желудокъ, но и совѣсть. Они не обидѣлись бы, если-бъ надъ пятымъ союзникомъ, ограбившимъ не только Керчь, а всю армію въ Крыму,—Затлеромъ, велѣли произвести въ самомъ дѣлѣ судъ, вмѣсто маневровъ, представляющихъ судъ.

Отчего же это нашъ ясновельможный Ржевускій такъ раскоhdился за гоноръ... и съ чего Гречъ, выросшій на голландской сажѣ, имѣеть такую же ржевускую ненависть къ свободному слову? Мы думаемъ, это—врожденное отвращеніе. Намъ недавно попалась «Сѣверная Пчела» отъ 27 октября прошлаго года; тамъ Гречъ помѣстилъ свою задушевную *profession de foi*, приправивши ее разными доноscами, наspiговавши намеками. Въ статьѣ этой онъ разсказываетъ, какъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ «на непріятельской батарее» защищалъ русскую цензуру и оплакивалъ вредъ свободной рѣчи. Причемъ Гречъ сказалъ «напрямки», что «только тотъ литераторъ достоинъ уваженія, который возвышаетъ достоинство человѣка». Вы видите, что если Гречъ пойдетъ рѣзать правду, его не остановишь, и онъ напрямки, стоя на батарее, скажетъ, что дважды два—четыре.

Опасности большой не было; эта легкая батарея, на которой нашъ артиллеристъ защищалъ николаевскую цензуру, была просто *batterie de cuisine* 1) Сальванди 2).

Одинъ изъ присутствовавшихъ, прислушивавшійся къ разговору, сказалъ Гречу: «Я совершенно съ вами согласенъ». Этотъ неизвѣстный господинъ оказался ужасно извѣстнымъ поэтомъ и раторборцемъ свободы книгопечатанія—В. Гюго, *ni plus, ni moins* 3); вслѣдствіе такого согласія, «мы съ нимъ познакомились и, могу сказать, подружились».

Съ чѣмъ же былъ согласенъ Гюго? Вѣдь, не съ пошлой же мыслью, что нравственность лучше безнравственности; онъ былъ

1) Кухонная посуда.

2) Нарцисъ-Ашиль, франц. министръ народ. просвѣщенія.

3) Ни больше, ни меньше.

согласенъ, стало, съ пользой цензуры à la russe и на этомъ подружился съ Н. И. Гречемъ.

Каковъ у насъ Николай Ивановичъ! Уѣздныя барышни, проливавшія столько слезъ надъ его грамматикой, которую онѣ принимали за «Черную женщину» ¹⁾, помирились съ Гречемъ. Ah, que c'est intéressant, ma Nastinka; M'sieur Gretch est un ami de V. Hugo... Mais c'est charmant! Ахъ, какъ я бы хотѣла видѣть В. Гюго,—у него такой большой лобъ! Maman, il faut nécessairement podpisatsa à la Ptchéla ²⁾.

Не торопитесь, барышня. Если Николай Ивановичъ имѣеть летучія воспоминанія о словахъ В. Гюго, то мы имѣемъ остающіяся письма того же В. Гюго, который обѣдалъ на батарее у Сальванди и подружился съ Гречемъ, сойдясь въ сочувствіи къ русской цензурѣ,—лучше ужъ подпишитесь на «Колоколь».

Прикажете образчикъ? Вотъ вамъ и образчикъ:

Говиль-юузъ, Островъ Гернсей.

17 января 1859 г.

...«Кто прочелъ хоть одну страницу моихъ сочиненій, тотъ не осмѣлится сказать, чтобъ я когда-нибудь становился за цензуру. Всегда, даже во время моей роялистской юности, я былъ безграничнымъ противникомъ цензуры, въ какой бы формѣ она ни являлась. А потому нашъ другъ Герценъ имѣеть полное право сказать, что все это—неправда. Помнится, я этого Греча раза два видѣлъ у себя, и, если не ошибаюсь, его привозилъ маркизь де-Кюстинъ ³⁾.

[В. Гюго.]

Н. Полевой (и да не возмутить это воспоминаніе греческой дружбы Ксенофонта ⁴⁾ съ Булгаринимъ) давно замѣтилъ, что Фаддей Венедиктовичъ, рассказывая геройскія событія своей юности, очень ловко подбираетъ понятыхъ и свидѣтелей.

«Покойный императоръ Наполеонъ, напр., подѣзжая ко мнѣ съ покойными маршалами Неемъ и Даву, остановилъ свою бѣлую лошадь, (которая, вѣроятно, тоже почилла отъ земного галопы)»... Ну, что бы Гречу сослаться на покойнаго Казимира Перье или Людовика-Филиппа,—и концы бы въ воду... ¹

¹⁾ Романъ Греча.

²⁾ «Ахъ, Настенька, какъ это интересно! Мосье Гречъ—другъ В. Гюго... Вѣдь, это очаровательно... Мама, необходимо нужно подписаться на „Пчелу“».

³⁾ Хорошо, что Николай-то Богу душу отдалъ, а то, въ самомъ дѣлѣ, «провѣдалъ бы Гречъ». А. И. Г.

⁴⁾ Полевой.

◆ 1. Въ № 236 «Сѣв. Пчелы» (27 октября 1858 г.), въ очередномъ фельетонѣ Греча «Пчелка» повѣствуется о ничтожности современной литературы, отрицательномъ ея направленіи и духѣ, и затѣмъ излагается споръ автора о пользѣ цензуры. «Я выдержалъ, слишкомъ за двадцать лѣтъ передъ симъ, споръ о нашей цензурѣ—на непріятельской батарее. Это случилось въ 1837 году, въ Парижѣ, въ салонѣ франц. министра просвѣщенія, покойнаго графа Сальванди»... «Сальванди пригласилъ меня къ обѣду. Я нашелъ у него Вильмена, котораго зналъ съ 1817 г., Альфонса Карра, Лебрена (автора «Маріи Стюартъ»), Капо-Фельида, Сентъ-Бѣва, Филарета Шаля, Гренъе-де-Кассаньяка и мн. др. Въ ожиданіи обѣда бесѣдовали въ гостиной, и вскорѣ завязался у насъ разговоръ о словесности. Сентъ-Бѣвъ спрашивалъ меня объ успѣхахъ русскаго языка и литературы и замѣтилъ, между прочимъ, что цензура, вѣроятно, стѣсняетъ движенія и порывы молодыхъ умовъ. «Цензура,—возразилъ я,—имѣетъ у насъ, въ Россіи, дѣйствіе благодѣтельное: она дала нашей литературѣ, всѣмъ нашимъ произведеніямъ характеръ благородства, приличія, скромности, могу сказать, цѣломудрія. Отъ этого, можетъ быть, страждетъ естественность и близкое подражаніе натурѣ, но выигрываютъ нравственность, честь и достоинство словесности» и т. д. Далѣе разговоръ зашелъ «о цѣли словесности, о благородномъ призваніи писателей и литераторовъ». Гречъ высказалъ слѣдующій взглядъ: «литература, которая не распространяетъ здравыхъ понятій, благородныхъ правилъ, не старается искоренить пороковъ и не уважаетъ чести и добродѣтели, не есть литература, и что только тотъ писатель достоинъ уваженія, который возвышаетъ собою и своими твореніями достоинство человѣка и гражданина. «Я совершенно съ вами согласенъ», сказалъ на это человѣкъ, прислушивавшійся къ нашему разговору. Я поклонился ему за доброе его мнѣніе. Г. Сентъ-Бѣвъ сказалъ мнѣ: «Это одобреніе должно быть вамъ тѣмъ пріятнѣе, что вы слышите его изъ устъ г. Виктора Гюго»... «Мы съ нимъ разговорились, познакомились и, могу сказать, подружились».

Перейдя въ заключеніе къ современной литературѣ, къ ея писателямъ и т. п., Гречъ заявилъ, что онъ, какъ и редація «Сѣв. Пчелы», будутъ слѣдовать девизу: «Могучему пороку—брань, безсильному—презрѣніе».

1178. Письмо къ сыну.

4 февраля 1859.
Park House, Fulham.

Ты не очень торопись и ничего положительнаго не говори этой дамѣ; рѣшиться на вещь такой важности нельзя сразу, а потому не обнадеживай, а говори только, какъ о дальнемъ предположеніи. Изъ твоихъ подробностей я не могу ничего заключить; я тебѣ писалъ, что я ищу, между прочимъ, свѣтское образованіе, неуродливый французскій языкъ. Въ Швейцаріи и то и другое находится легко, но не въ чисто-нѣмецкихъ кантонахъ.

А между тѣмъ, у насъ случилась пренеприятная исторія. Надсмотрщикъ Parcel deliv. сообщилъ мнѣ, что отъ насъ изъ дому посылаютъ одинъ и тотъ же ящикъ, почему имъ пришло въ голову, что это—краденое. Ящикъ остановили и... вотъ ужъ, вѣрно, не отгадаешь... Грина мало-по-малу крада бѣлье, ложки, ножи, стаканы, дѣтскія платья и посылала на квартиру къ сестрѣ.

7, понедѣльникъ.

Зато итальянецъ Tassinari — превосходный человекъ, и съ нимъ мы, вѣроятно, долго проживемъ ¹⁾).

Когда будешь писать о дамѣ, влагай особую записочку только о ней, а то Наташа всякій разъ проситъ читать твое письмо.

Мар. Касп. (напомнившая, что 31 янв. было *12 лѣтъ*, что мы выѣхали изъ Россіи) пишетъ о твоёмъ письмѣ и его краткости.

Ты продолжаешь письма и къ намъ писать à la hâte ²⁾). Я до сихъ поръ не знаю, получилъ ли ты деньги отъ Ротшильда.

1179. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

8 Februar (1859).
Park House, Fulham.

Kommen Sie um 7 zum Thee, denn v. 4 bis 7 werde ich nicht zu Hause sein, d. h. Mittwoch. Donnerstag von 3 bis 6 stehe ich auch

¹⁾ Поваръ, революціонеръ, рекомендованный Маццини, очень привязался къ Герцену и его семьѣ.

²⁾ Второпяхъ.

zu Ihrem Dienste. Oder wenn es besser für Sie ist, kommen Sie morgen um 2.—ad libitum.

Also die «Polen aus der Polackei» haben Ihnen gefallen. Ich habe aus Warschau einen enormen Brief bekommen gegen mich—aber sehr chevaleresque.

Die geschichte mit Trina ist wirklich grässlich—so einfach niederträchtig, so naïv-abscheulich... ich hätte nie das geglaubt.

Ganz der Ihrige

A. Herzen.

Aber der neue Italiener bei uns ist vortrefflich am Ende. Am Ende.

Переводъ.

8 февраля.

Приходите въ 7 часовъ къ чаю, потому что отъ 4 до 7 меня дома не будетъ, т.-е. въ среду. Въ четвергъ отъ 3 до 6 я тоже къ вашимъ услугамъ. Или, если это лучше для васъ, приходите завтра въ 2—какъ хотите.

Итакъ, «Polen aus der Polackei» ¹⁾ понравились вамъ? Я получилъ изъ Варшавы огромное письмо, направленное противъ меня, но очень рыцарское.

Исторія съ Триною, дѣйствительно, ужасна: столь элементарно-подла, столь наивно-отвратительна... Я бы никогда не повѣрилъ этому.

Весь вашъ *A. Герценъ.*

А новый итальянецъ у насъ превосходный. Наконецъ-то! Наконецъ-то!

¹⁾ «Поляки изъ Польши» или, точнѣе, «изъ Полякіи». См. шуточное стихотвореніе Гейне «Zwei Ritter»—Два рыцаря (Historien, I B.):

Crapülinski und Waschlapski,
Polen aus der Polackei,
Fochten für die Freiheit, gegen
Moskowiter—Tyrannel,

то-есть: Крапюлинскій и Вашляпскій, поляки изъ Полякіи, сражались за свободу противъ тиранніи московитовъ.

1180. Письмо къ сыну.

11 февраля 1859.
Park House, Fulham.

Любезный Саша, я совсѣмъ недоволенъ твоими подробностями объ этой дамѣ; ты пишешь твои письма въ припадкѣ разсѣянности; одно письмо иной разъ можно такъ написать, но пять-шесть— это вздоръ.

Разсѣянность сама по себѣ показываетъ вялость и недостатокъ сосредоточенія. Всего больше разсѣяны люди праздные и неумѣющіе себя водить на уздечкѣ.

Что же ты сообщилъ мнѣ такого объ этой дамѣ, что и прибавлять нечего? Ни на одинъ вопросъ нѣтъ отвѣта.

Я спрашивалъ, знаетъ ли она французскій языкъ и какъ? была ли она прежде на мѣстѣ? при какихъ дѣтяхъ?—свѣтскія манеры—одна изъ главныхъ вещей; что она знаетъ? и пр. и пр. Хозяйствомъ ей заниматься не надо, если не имѣетъ особой страсти къ нему.

Есть такія подробности, которыя впередъ спросить мудрено, а на мѣстѣ узнать легко. Какіе antecedentes ея жизни, были ли у нея дѣти, гдѣ они? Наконецъ, я желаю знать о ея нравѣ.

Прошу тебя написать со всѣми подробностями. Да вмѣстѣ съ тѣмъ извѣсти меня, получилъ ли 1,000 фр., посланныхъ черезъ Ротшильда.

Пиши объ этомъ дѣлѣ на особомъ листкѣ. Ты слишкомъ мало пишешь къ Наташѣ, къ Ольгѣ — слѣдуетъ тоже. Мнѣ напоминать это не слѣдовало бы тоже.

Вчера изгнали Трину, опозоренную и повинившуюся во всѣхъ кражахъ.

Отвѣчай сейчасъ.

1181. [Предисловіе].

«Записки» княгини Дашковой особенно важны теперь, послѣ напечатанія «Записокъ» императрицы Екатерины II; «Записки» императрицы вдругъ прерваны на полуфразѣ въ началѣ 1759,—такъ невольно и ждешь продолженія... особенно разсказа о 1762 годѣ.

Первая часть «Записокъ» княгини Дашковой служить естественнымъ продолженіемъ и комментариемъ «Записокъ» Екатерины II. Событія продолжаютъ съ тѣмъ же освѣщеніемъ у Дашковой. Екатерина растетъ и преобразуется подъ перомъ ея почитательницы.

Что касается до самой Дашковой и ея «Записокъ», мнѣніе мое о нихъ такъ недавно было сказано въ III книжкѣ «Полярной Звѣзды», что я прошу позволеніе его повторить ¹⁾.

1182. Отвѣтъ русской дамѣ.

Милостивая государыня!

Вы мнѣ писали съ доброй цѣлью; я этому вѣрю, я это вижу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ вашего письма. Напрасно вы извиняетесь въ концѣ его и избавляете меня отъ отвѣта, думая, что я не буду и не могу отвѣчать искренно. Совсѣмъ напротивъ, я самъ хочу вамъ отвѣчать, и притомъ очень откровенно. Я вообще не скрывать, а тутъ и нѣтъ причины.

Въ вашемъ письмѣ, признаюсь вамъ, въ самомъ началѣ два замѣчанія странно подѣйствовали на меня, потому ли, что оба нисколько не заслужены мною, или потому, что оба касаются до предметовъ очень дорогихъ мнѣ.

Вы говорите, что я *все* браню въ Россіи. Полно, все ли? Вы, мнѣ кажется, думаете, что я имѣю какой-то зубъ на Россію, что я полонъ нелюбви ко всему русскому. Увѣрять въ противномъ я не стану, а скажу только, что вся моя жизнь, всѣ мои слова, все, что я дѣлалъ и дѣлаю,—лучшее возраженіе на ваше замѣчаніе. Вы были предубѣждены, читая «Полярную Звѣзду».

А потому, что вы были предубѣждены, вы увидали какой-то холодный, чуть не саркастическій смыслъ въ строкахъ, писанныхъ трепетной рукой,—въ строкахъ, писанныхъ съ бьющимся сердцемъ, гдѣ я говорилъ: «о тяжелыхъ вѣнцахъ, которыми вѣнчали ямщиковъ, и дьячкѣ, подававшемъ дрожащей рукой ковшъ единенія». Я васъ не понимаю; сдѣлайте одолженіе, перечитайте это мѣсто ²⁾.

Мнѣ хотѣлось въ самомъ началѣ покончить эти личные вопросы. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ главному предмету вашего письма.

Цѣль его—обращеніе меня въ христіанскую религію.

¹⁾ Дальше идетъ № 921.

²⁾ «Полярная Звѣзда», III кн., стр. 134—135 ("). А. И. Г.

³⁾ Гл. XXIII «Былого и думъ».

Вы видите во мнѣ что-то «неспокойное», какую-то разорванность, подозреваете какую-то тайну, чуть ли не угрызеніе совѣсти, и хотите меня спасти или, лучше, не самого меня, а мою душу. Вы предполагаете, что я хочу успокоиться во что бы ни стало, и, жалѣя меня, вы подаете мнѣ потиръ съ опиумомъ.

Но вы ошибаетесь въ моемъ духовномъ настроеніи. Тайнъ у меня нѣтъ. Въ прошедшемъ меня посѣтили страшныя несчастія, но угрызеній совѣсти они не оставили. Отъ этого не легче; есть случаи, въ которыхъ угрызенія совѣсти примиряютъ съ несчастіями, вводя какой-то мстительный разумъ въ противное безсмысліе, въ хаотическую нелѣпость случайностей.

Но при всемъ этомъ гдѣ же вы видѣли во всемъ писанномъ мною эту усталую потребность *одного* покоя, въ которомъ терзающіе меня диссонансы разрѣшились бы не *въ самомъ дѣлѣ*, а въ моемъ слухѣ?..

Я не ищу страданій и не бѣгу отъ нихъ.

Но представьте, что вы были бы правы, какъ измученный, обезсиленный, усталый, я жаждалъ бы успокоенія и вѣры... Неужели вы думаете, что стоитъ захотѣть, и повѣришь?

Я уже не разъ повторялъ отвѣтъ Байрона дамѣ, которая ему писала въ Грецію письмо въ томъ же родѣ, какъ вы написали ко мнѣ въ Лондонъ. Байронъ оцѣнилъ ея участіе и, отвѣчая ей съ грустной кротостью, спросилъ ее: «Съ чего же начать, чтобы *повѣрить*, когда не вѣришь? какъ это сдѣлать?». Вѣдь, это, въ самомъ дѣлѣ,—задача невозможная!

Вѣра—страсть, но и любовь къ истинѣ — страсть; вѣра требуетъ жертвъ, и любовь къ истинѣ требуетъ жертвъ, и притомъ вѣра беретъ взаймы съ лихвою, а любовь къ истинѣ—безъ всякаго вознагражденія, такъ она самонадѣянна и сильна. На которую изъ двухъ дорогъ попадетъ человѣкъ, выборъ почти не зависитъ отъ него.

Вы знаете, что внутренняя жизнь наша опредѣляется вовсе не по обдуманной программѣ; въ раннемъ отрочествѣ, иногда въ ребячествѣ инстинктъ, окружающая среда безъ преднамѣренія, безъ полного сознанія, безъ участія воли съ той и другой стороны даютъ направленіе. Когда молодой человѣкъ впервые пріостанавливается въ раздумьи и начинаетъ разборъ себя, — его мысли уже подтасованы, движеніе по извѣстному направленію уже дано. Остальное зависитъ отъ силы логики, отъ силы характера, отъ послѣдовательности. Большею частью умственная жизнь у людей такъ поверхностна, и ихъ интересы въ ней такъ несерьезны, что изъ нихъ равно можно сдѣлать мистиковъ и материалистовъ и даже то и другое вмѣстѣ; у однихъ будетъ немного мистицизма

въ ихъ матеріализмѣ, а у другихъ—небольшая толика матеріализма въ ихъ мистицизмѣ. Но если для человѣка мысль и сознаніе не шутка, если истина, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ для него существенную потребность, если онъ далъ въ своей груди мѣсто ея труду, если онъ развилъ въ себѣ тоску, боль по ней, — тогда ему будетъ трудно отказаться отъ самобытнаго разума, отъ независимаго анализа въ пользу какого бы то ни было авторитета; мысль его будетъ въ тиши подтачивать на вѣру взятое, взвѣшивать слова и класть пальцы во всѣ раны, хотя отъ этого и сдѣлается во сто разъ больнѣе.

Многіе (и вы въ томъ числѣ) думаютъ, что это гордость мѣшаетъ вѣрить. Но отчего гордость не мѣшаетъ учиться? Что можетъ быть смиреннѣе работы мыслителя, наблюдающаго природу? Онъ исчезаетъ, какъ личность, и дѣлается однимъ страдательнымъ сосудомъ для обличенія, для приведенія къ сознанію какого-нибудь закона. Онъ знаетъ, какъ онъ далекъ отъ полнаго вѣдѣнія, и говоритъ это. Сознаніе о томъ, чего мы не знаемъ,—своего рода начало премудрости.

До сихъ поръ религіозное воззрѣніе безнаказанно злоупотребляло словами, не отдавая себѣ отчета,—по привычкѣ, традиціи или монополіи, которой религія пользуется.

Передъ высокомѣрнымъ униженіемъ вѣрующаго не только гордость труженика науки ничего не значитъ, но гордость царей и полководцевъ теряется и исчезаетъ. Да и какъ же ему не гордиться,—онъ знаетъ безусловную, несомнѣнную истину о Богѣ и о мірѣ; онъ знаетъ не только этотъ, но и *тотъ* свѣтъ... онъ смирененъ, даже застѣнчивъ отъ избытка богатства, отъ увѣренности.

Посмотрите, какъ безпощадно строго вы у меня отнимаете право рѣчи, которое мнѣ дала природа, какъ гордо и рѣзко вы меня спрашиваете: кто мнѣ поручилъ проповѣдывать? гдѣ мое помазаніе? То, что я самъ себѣ это поручилъ, въ вашихъ глазахъ ничего не значитъ,—что такое я? Помазаніе любви, помазаніе труда,—все это не спасаетъ меня, я—самозванецъ и долженъ замолчать. Съ другой стороны, какое спокойствіе, какая увѣренность въ васъ самихъ! Въ вашемъ помазаніи *вы не сомнѣваетесь*, вы увѣрены, что Богъ вамъ поручилъ меня спасти; вамъ легко, потому что вы дѣйствуете съ нимъ заодно. Не думайте, что я хочу этими строками сдѣлать вамъ личный упрекъ,—нисколько. Это странное сочетаніе неестественной гордости съ неестественнымъ смиреніемъ принадлежитъ вообще христіанскому воззрѣнію. Оттого-то и папа римскій, «царь царей», всегда называетъ себя *рабою рабовъ*.

Вы говорите, что «я могъ бы многое сдѣлать для Россіи, если-бъ любилъ ее *безкорыстно*». Какая же корысть у меня? Видѣть развитие Россіи, участвовать въ немъ, какъ одинъ изъ сотенъ тысячъ, видѣть «я освобожденіе, освобожденіе крестьянъ, — неужели это корысть? Неужели вы, не шутя, говорите, что я «живу для одной славы»? Помилуйте, вѣдь, я—не шестнадцатилѣтній студентъ, не Карлъ Моръ, не маркизь Поза. Въ нашъ вѣкъ волокитство за славою вообще миновало, и милый Камилль Демуленъ съ милыми жирондистами и грознымъ Дантономъ, говорившими о славѣ на ступеняхъ эшафота, были послѣдніе люди, которые не смѣшно о ней говорили.

Въ нашъ вѣкъ люди скорѣе живутъ для власти, для денегъ, чѣмъ для славы.

Если-бъ я только хотѣлъ шуму, неужели вы думаете, что я бы не нашель дѣла въ Англии, во Франціи, въ Америкѣ, наконецъ, въ Швейцаріи, которая такъ дружески усыновила меня? Или, можетъ, я ищу власти въ Россіи? Нечего сказать, хорошъ путь выбралъ я въ первыя страницы адресъ-календаря! Не денегъ ли?.. Этого ужъ никто не думаетъ.

Такъ *извъ чего же* я хлопочу?

Религіозному воззрѣнію любовь къ истинѣ, къ дѣлу, потребность обнаруженія себя, потребность борьбы съ ложью и неправдой, словомъ, дѣятельность *безкорыстная* непонятна. Религіозный чловѣкъ свѣчки грошевой даромъ Богу не поставитъ,—это ему все векселя на будущую болѣзнь, на будущій урожай, наконецъ, на будущую жизнь. Я не смѣю находить *безкорыстной* молитву, потому что мнѣ придется, чтобы спасти ее отъ своекорыстія, признаться, что то, чего она проситъ,—не въ самомъ дѣлѣ или невозможно, а вы за это разсердитесь на меня.

Вы говорите мнѣ: «Напрасно вы заботитесь о Россіи: она могучая, здоровая, *сама справится*». Что такое *сама*? Да развѣ вы, я, всѣ проснушіеся, всѣ говорящіе, всѣ недовольные, западники, славянофилы... не принадлежать къ этой самости, не составляютъ ея свободной личности? Развѣ она не нами развивается, развѣ мы не ею развиты? Не съ неба же свалились мои мысли, мое направленіе. Я «забочусь о Россіи», потому что *не могу* не заботиться объ ней, потому что утромъ, просыпаясь, и ночью, засыпая, невольно думается о Россіи, потому что каждая вѣсть оттуда заставляетъ биться сердце двойнымъ негодованіемъ или двойной радостью. Что же удивительнаго, что я «забочусь о Россіи»? Вѣдь, можетъ, и я, какъ Россія, «самъ справлюсь», а вы заботитесь, однако, о спасеніи моей души, и я въ этомъ нахожу очень чловѣческое чувство и душевно васъ благодарю.

Перехожу къ послѣднему. Вы говорите, что я браню все на Западѣ, царей и народы, браню все въ Россіи—безъ различія *сана и лѣтъ*, и спрашиваете, да гдѣ же мой рецептъ на спасеніе людское?.. Вы говорите, что я только сѣю раздражительное неудовольствіе и сомнѣніе, что я только развиваю жажду, не поднося питья.

Что касается до «сана и лѣтъ», это мы отложимъ въ сторону: лѣта только тогда достойны уваженія, когда они служатъ доказательствомъ не только крѣпости мышцъ и пищеваренія, но и чело-вѣчески прожитой жизни; и кто же не склоняется передъ старцемъ Гумбольдтомъ, кто не склонялся передъ старцемъ Оуэнномъ? Бывали и на Руси старцы, которыхъ всѣ уважали, какъ Н. С. Мордвиновъ; у насъ и теперь есть наши *старцы* Сибири, наши *старцы* каторжной работы, и мы передъ ними стоимъ съ непокрытой головой. Но уважать эти сѣдые пивки, сосущія русскую кровь, этихъ николаевскихъ писцовъ, ординарцевъ, оттого, что они живутъ до аридовыхъ лѣтъ, оттого что ихъ и смерть не беретъ, и они, пользуясь этимъ, сдѣлались какими-то мозолями, мѣшающими ступить Россіи шагъ впередъ? Нѣтъ, они не заслуживаютъ даже снисхожденія.

Если взять таблицу о рангахъ и прочность желудка за мѣру уваженія, гдѣ же мы поставимъ границы ему? Эдакъ мы дойдемъ черезъ пять лѣтъ до уваженія Дубельта, а черезъ пятнадцать—до Іакова-Энтузіаста ¹⁾. Тутъ, вы меня извините, я не только не могу вамъ уступить главныхъ въ родѣ Панина, но даже ихъ подмастерій въ родѣ Закревскаго. Да вотъ скажите, кстати, сами, что же, вы уважаете его за его санъ и за его безъ малаго сто лѣтъ?..

Итакъ, вы говорите, что я *только* вношу сомнѣніе въ сердца молодого поколѣнія и пробуждаю въ немъ жажду. Это *только*—само по себѣ кое-что. Человѣкъ сомнѣвающейся будетъ безпокоенъ, станетъ искать выхода изъ сомнѣнія; человѣкъ, у котораго жажда возбуждена, пойдетъ отыскивать утоленіе ея. Послѣ нравственной косности прошлаго тридцатилѣтія, послѣ старческаго маразма, внесеннаго въ самую юность искаженнымъ воспитаніемъ, всякое возбужденіе къ жизни, всякій голось, бросающій вопросъ, разрушающій разсѣянное равнодушіе, останавливающій молодого человѣка между университетскимъ дипломомъ и дипломомъ начинъ титулярнаго совѣтника, между кадетскимъ корпусомъ и полкомъ и зовущій на раздумье—спасительный голось.

Тѣхъ рѣшеній, о которыхъ вы говорите, я не могу дать: я ихъ не имѣю, я самъ ихъ ищу, я—не учитель, я—попутчикъ. Мнѣ

¹⁾ I. И. Ростовцовъ.

вмѣстѣ доискиваемся, оттого, можетъ быть, у насъ есть сочувствіе. Я не берусь имъ говорить, *что нужно*, но, кажется, довольно вѣрно указываю, *чего не нужно*.

Вы хотите отъ меня доктрины. Вы правы. Доктрина, дѣйствительно, стоитъ между церковью и свободнымъ мышленіемъ, въ родѣ растриженного монаха, не привыкнущаго еще къ свѣтскому платью. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мнѣ, конечно, нѣтъ у доктринеровъ, какъ вообще нѣтъ у религіозныхъ людей. Доктрина—религія, изъ которой Богъ выѣхалъ, а церковная утварь осталась; отъ этого она вамъ знакома,—въ ней еще ладаномъ пахнетъ. Церковь замѣняется государствомъ, монастырь—присутственнымъ мѣстомъ, чины небесныя—служебными чинами, поглоченіе лица въ Богъ—поглоченіемъ его въ государствѣ; священники стали квартальными, и централизацией исправляется должность Іеговы. Народъ попрежнему остается паствой, пастухи-бюрократы знаютъ, куда пасутъ его, псы вѣрные отъ кавалеріи и инфантеріи имъ помогаютъ, чтобы глупое стадо не заразилось,—такой доктрины, опредѣленной, ограниченной, умѣренной и воздержной у меня такъ же нѣтъ, какъ вѣры.

Но-если я не имѣю доктрины, не пишу заповѣдей гдѣ-нибудь на горѣ, ни приказовъ гдѣ-нибудь въ канцеляріи,—неужели же я не могу кричать о рабствѣ и передней всякій разъ, какъ увижу галунъ, на какой бы ливреѣ онъ ни былъ, съ пчелами или орлами, на академической мантии или на генераль-адъютантскомъ мундирѣ? Неужели я не могу проповѣдывать освобожденіе мысли и совѣсти отъ всего хлама, не проведеннаго сквозь очистительный огонь сознанія; звать на борьбу со всѣми остающимися узами на независимости мышленія, со всѣмъ, ограничивающимъ самозаконность личности, этой высшей, дѣйствительной цѣли церкви и государства? Неужели я не имѣю права покачать діалектическими мышцами всѣ эти почтенные идолы, пугающіе слабыхъ, во имя логической свободы, во имя безпрепятственнаго мышленія, разбирающаго все, посягающаго на все?.. Или неужели вы не дадите права русскому сдѣлать гласнымъ біеніе сердца, слезы, надежды и сомнѣнія... во всемъ, касающемся до русскаго народа въ современныхъ вопросахъ нашихъ, который можетъ меня упрекнуть во всемъ, кромѣ недостатка сочувствія и любви? *ѣ*

И къ тому же, зачѣмъ меня лишать права рѣчи? Если мои слова безъ мистическаго вѣрованія, безъ школьной доктрины будутъ пусты, будутъ нелѣпы, ихъ прочтутъ, забудутъ и, наконецъ, совсѣмъ не будутъ читать. Зачѣмъ же отнимать у человѣка такое естественное право, какъ участіе рѣчью въ современномъ

дѣлѣ своей родины? Довольно въ Россіи всякихъ цензуръ, всякихъ стѣсненій, всякихъ монополій,—научитесь выносить свободу!

Въ заключеніе моего письма я попрошу васъ не сомнѣваться ни на одну минуту, что, несмотря на различіе нашихъ воззрѣній, я вполне цѣню и теплоту душевную, съ которой вы писали, и ваше доброе, человѣческое желаніе свести миръ въ мою душу, и потому искренно и откровенно благодарю васъ. ¹

◆◆ 1. А. Шубертъ высказала предположеніе, что «русская дама», адресовавшая Герцену письмо-увѣщаніе, была Авдотьей Петровной Глинкою («Ежегодникъ импер. театровъ», 1912, I, СIII). Письмомъ Герцена (№ 1176) и № 1183 это вполне подтверждается. Урожденная Голенищева-Кутузова, она вышла замужъ Ѳедора Николаевича Глинку и вскорѣ вступила на путь мистицизма, которому принесла замѣтную дань и въ тогдашней литературѣ.

Въ виду позднѣйшаго расхожденія Герцена съ А. А. Серно-Соловьевичемъ, интересно указать сказанное имъ въ письмѣ къ своему другу И. И. Шамшину: «Въ послѣднемъ номерѣ отличный отвѣтъ на письмо русской дамы» (мои «Очерки освободительнаго движенія», 262).

1183. Письмо къ Н. А. Мельгунову.

22 февраля (1859).
Park House, Fulham.

Евреевъ ¹⁾ получилъ. Вотъ вторая присылка; при этомъ я тебѣ замѣчу, что посылаю понемногу для того, что, если пропадетъ, то малая часть.

Лунинъ ²⁾—одинъ изъ тончайшихъ умовъ и деликатнѣйшихъ, а потому рекомендую тебѣ обратить страшное вниманіе на слогъ ³⁾.

Прочти анекд. объ немъ въ «Колоколѣ» (надѣюсь, ты получилъ послѣд. № съ письмомъ къ божіей Глинкѣ).

Засимъ прощай.

Огар. кланяется.

¹⁾ Статья «О положеніи евреевъ въ Россіи», въ «Колоколѣ» отъ 1 марта, переведена на русскій языкъ.

²⁾ Михаилъ Сергѣевичъ, декабристъ.

³⁾ Адресатъ письма, очевидно, былъ переводчикомъ съ французскаго и «Взгляда на тайное общество въ Россіи (1816—1826)» въ V кн. «Поляр. Звѣзды».

1184. Письмо къ сыну.

28 февраля (1859).
Park House, Fulham.

Я очень радъ, любезный Саша, что тебѣ пришлось по вкусу мое письмо къ русской дамѣ. Думаю, что и еще новое письмо къ поляку изъ Варшавы ¹⁾ также понравится. А Булевскій ²⁾ съ компаніей меня ругаютъ наповаль въ своемъ «Demokrata Polski»,—я имъ и отвѣчать не буду.

Ну что же, у васъ вѣрятъ нынче войнѣ или нѣтъ? Я думаю, что война будетъ, если не весною, то на будущій годъ, и все это для потѣхи Наполеона ³⁾.

Мы здѣсь издаемъ новый сборникъ подъ заглавіемъ «Историческій сборникъ Вольной русской типографіи», который я подарилъ Чернецкому и Тхоржевскому ⁴⁾.

Огаревъ спрашиваетъ, когда ты ему пришьлешь подробный отчетъ о твоихъ занятіяхъ?

Насчетъ дамы, о которой ты писалъ, я не могу составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Ты меня такъ благодарилъ за то, что я тебѣ поручилъ это дѣло, но что же ты сообщилъ? чему можетъ она учить? какое ея занятіе? была ли она съ взрослыми дѣтьми? Ты только замѣтилъ, что она дурно знаетъ по-французски, но, вѣдь, дурно знать по-фр. не мѣшаетъ дурно знать и скверно произносить по-нѣмецки. Я, напр., здѣсь видѣлъ двухъ или трехъ англичанокъ и знаю отъ цѣны (50 и 40 ливр. въ годъ) до ихъ религій, ученья, направленія и пр. Дѣло не къ спѣху, но оно такъ важно, что ты могъ бы серьезнѣе имъ заняться.

Затѣмъ прощай, обнимаю тебя.

1185. Отвѣтъ на письмо изъ Польши.

Милостивый Государь,

Изложивъ такъ недавно мое мнѣніе о польскомъ вопросѣ, я не думалъ, что мнѣ снова придется, и такъ скоро, приняться за перо, чтобъ говорить о томъ же дѣлѣ.

¹⁾ № 1185.

²⁾ Зять Л. Зенковича.

³⁾ 29 апрѣля австрійскія войска перешли границу Италіи и этимъ начали итальянскую войну 1859 года.

⁴⁾ Имъ былъ предоставленъ доходъ съ изданія.

Правда, я получилъ съ тѣхъ поръ нѣсколько писемъ и одну польскую статью, очень лестную для меня, подъ заглавіемъ «Słowo Prawdy», но какъ ни она, ни всякіе вызовы на полемику не могли ничего прибавить къ ясности вопроса, то я и рѣшился не печатать ни писемъ, ни статьи и не начинать полемики.

Какія бы разномыслія у насъ ни являлись съ разными оттѣнками польской эмиграціи,—отъ социалистовъ, съ которыми мы всего ближе, до олигарховъ партіи князя Чарторижскаго ¹⁾, съ которыми мы всего дальше,—мы слишкомъ уважаемъ ихъ вѣру, ихъ твердость, ихъ несокрушимое постоянство въ несчастіи и слишкомъ сознаемъ все зло, сдѣланное Польшѣ русскими руками, чтобы быть ихъ противниками; скорѣе мы вынесемъ несправедливость къ намъ, чѣмъ будемъ поднимать усобицу. Вотъ почему мы и рѣшились во всѣхъ случаяхъ, когда личное несогласіе, не имѣющее *общаю интереса*, будетъ приводимо къ рѣчи, пользоваться тѣмъ правомъ, котораго у насъ не отнималъ самъ Николай: *правомъ молчанія*.

Но только-что я принялъ это рѣшеніе, пришло ваше письмо.

Уже то самое, что оно *пришло изъ Польши*, придаетъ ему большую важность. Сверхъ того, въ немъ видна такая обдуманность, такая завершенная, замкнутая мысль, такое энергическое убѣжденіе, что я счелъ долгомъ своимъ сказать, почему я его не помѣщаю въ «Колоколѣ».

Не помѣщаю я его за его *тонъ*. Не за его тонъ со мною,—совсѣмъ напротивъ, вы слишкомъ высоко поставили мои труды, мнѣ остается васъ много и много благодарить за всѣ ваши отзывы. Но не обо мнѣ рѣчь: о себѣ я помѣщалъ самыя заносчивыя письма. Нѣтъ, я не печатаю вашего письма за тонъ, съ которымъ вы говорите о *Россіи и русскихъ*.

Отрицайте все, что я утверждаю, отрицайте *новую силу*, входящую Россіей въ исторію, разрушайте одну за другой наши надежды.. что хотите,—это будетъ мнѣніе, мы объ этомъ будемъ спорить; говорите о страшной гангренѣ рабства и воровства, о грабежѣ, превращенномъ въ администрацію, о подломъ униженіи, принимаемомъ за обязательную нравственность, о китаизмѣ чиновничества, о богопочитаніи царя,—я сейчасъ все это помѣщу, хотя и трудно вамъ больше сказать объ этомъ, чѣмъ мы говоримъ. Но я не могу по совѣсти допустить гуртовыхъ обвиненій, падающихъ на цѣлый народъ, ничего не доказывающихъ, кромѣ раздраженія.

¹⁾ Адамъ, извѣстный польскій политическій дѣятель.

Въ заключеніи моего второго письма о Россіи и Польшѣ (34 листъ «Колокола») я сказалъ: «Если Польша хочетъ иного рѣшенія, да будетъ на то воля ея. Но разрывая семью, пусть она короче узнаетъ Русь, Русь не служащую, не мундирную, а Русь, пашущую землю, притѣсненную мундиромъ, Русь мыслящую и едва начинающую высказываться. Тогда она оставитъ насъ безъ горькихъ словъ. Оскорбленіе народа, съ которымъ она такъ долго боролась и который имѣлъ такое тяжелое и продолжительное вліяніе на ея судьбы, отброситъ на нее самое темную тѣнь».

Я, дѣйствительно, не понимаю, какая цѣль въ томъ, чтобы растревлять едва закрывшіяся раны, поддерживать озлобленіе, повторять упреки, смотрѣть назадъ, когда надобно ринуться впередъ, и это въ то время, когда *ни одинъ порядочный русскій* и не думаетъ оправдывать всѣхъ ужасовъ прошедшаго.

Вотъ что вы говорите въ началѣ письма: «Мы прежде всего благодаримъ васъ отъ души за благородную и откровенную рѣчь, съ которою вы обратились къ полякамъ. Она звучитъ въ ушахъ нашихъ звуками такими новыми, ея смыслъ такъ рѣзко противоположенъ *заповѣдямъ петербургскихъ нашихъ Моисеевъ*, что мы невольно увлекаемся ею и гордое молчаніе политическаго колодника замѣняемъ на откровенное сознаніе всего, что у насъ лежитъ на сердцѣ. Мы были *удивлены, сознаюсъ вамъ откровенно*, когда дверь темницы нашей отворилась, и передъ нами предсталъ *русскій*, вовсе не похожій на знакомя лица Новосильцовыхъ, Мухановыхъ и Бибиковыхъ ¹⁾».

Вы удивились оттого, что вы не знаете ни Россіи, ни современнаго движенія умовъ въ ней, ни русской литературы. А можно ли судить страну, не имѣющую политической трибуны, не зная ея письменности, т.-е. не выслушавъ ее? Если-бъ вы были знакомы съ внутренней русской жизнью, то васъ бы нисколько не удивило, что я не похожъ на Бибикова; вы увидѣли бы, что съ начала нынѣшняго вѣка одна кучка людей за другой постоянно выходила изъ забитаго фронта, очень хорошо зная, чему подвергалась, и говорила: «Умиращіе проклинуютъ тебя» ²⁾ чудовищному самовластью, и всѣ они, шедшіе на висѣлицу, на каторгу, на поселеніе, въ казематы, нисколько не походили ни на Муравьева, ни на Новосильцова, ни на Рожнецкаго ³⁾, ни на Абрамовича. Вы слышали о декабристахъ, а знакома ли вамъ дѣятельность такихъ людей, какъ Бѣлинскій, какъ Грановскій, образовавшихъ цѣлыя поколѣнія

¹⁾ Дмитрій Гавриловичъ, кievскій генераль-губернаторъ.

²⁾ «Тебя привѣтствуютъ обреченные», говорили гладиаторы римскому императору, проходя мимо его ложи.

³⁾ Габріель, директоръ оперы и балета въ Варшавѣ.

молодыхъ людей? Знакомъ ли вамъ объемъ, въ которомъ обсуживается вопросъ поземельнаго владѣнія въ русскихъ обозрѣніяхъ и журналахъ? Я сомнѣваюсь.

Вы выходите совсѣмъ вооруженный, но ваше рыцарское забраломѣшаетъ вамъ разглядѣть противника. Снимите средневѣковые доспѣхи, тогда вамъ будетъ легче понять насъ всего менѣе средневѣковыхъ.

Въ нашемъ смиренномъ домѣ, гдѣ намъ не позволяли ни двигаться, ни говорить, мы, скуки ради, перебирали на свой страхъ дѣла, давно порѣшенные въ Европѣ и сданныя въ архивъ, и нашли, что большей частью они или вовсе не рѣшены, или рѣшены пристрастно... Отъ этого мы спрашиваемъ, доискиваемся тамъ, гдѣ западное воззрѣніе справляется и отвѣчаетъ.

Мы спрашиваемъ, напримѣръ, можетъ ли человекъ отвѣчать за свои поступки, сдѣланные въ другой возрастъ? А вы не сомнѣваетесь народъ цѣлый отдавать подъ уголовный судъ за рядъ событий, совершенныхъ прежними поколѣніями. Какъ будто, исторія развивалась такъ обдуманно, преднамѣренно и сознательно, какъ ходы шахматнаго игрока.

Неужели вы еще вѣрите, что есть народы доблестные и народы преступные, народы самоотверженные и преданные и народы алчные и своекорыстные? Эта точка зрѣнія Израиля и Франціи не можетъ вынести никакой критики. На этомъ основаніи три поколѣнія бранили «коварный Альбіонъ» и хвалили «великодушныхъ галловъ». Какіе же, въ самомъ дѣлѣ, между народами Каины и Авели? Разные народы, какъ разныя животныя породы, различаются свойствами, а потомъ развитіемъ, столкновениями. Всѣ народы—страшные эгоисты, всѣ лили рѣками кровь свою, чужую, всѣ были пиратами и флибустьерами, а когда награбили довольно, расширились до-нельзя, тогда цѣломудренно заговорили о законномъ владѣніи: «нитки чужой намъ не надо».

Пора смотрѣть на исторію съ ея естественной, фізіологической точки зрѣнія, безъ всякой примѣси религіозныхъ и цивическихъ символовъ вѣры и катехизисовъ.

Въ этомъ *неуваженіи* къ общимъ предразсудкамъ, вамъ, можетъ быть, откроется одна изъ сторонъ русской мысли и русскаго духа. Онъ большею частью лѣнивъ, спитъ себѣ на растяжку, но когда просыпается, его трудно убаюкать авторитетами. Не принося съ собою никакихъ унаслѣдованныхъ догматовъ, безъ связи съ своимъ былымъ, книжно соединенный съ чужими преданіями, онъ свободно, безбоязненно шупаетъ, осматриваетъ и качаетъ головой тамъ, гдѣ не вѣрится. Отъ этого онъ не благоговѣетъ безъ разбора и не презираетъ по наслѣдству.

Вотъ вамъ недавній примѣръ. Вся московская и петербургская литература, безъ различія партій, протянула дружескую руку евреямъ и возстала противъ плоской выходки какого-то журналиста ¹⁾. Того католическаго чувства ненависти къ евреямъ, которое, если не осталось въ законодательствѣ, то осталось въ нравахъ именно въ Польшѣ, въ Россіи—нѣтъ. Гоненіе евреевъ было дѣломъ правительства. Общество не говорило, потому что оно ничего не говорило,—рука квартальнаго лежала на его губахъ. Какъ только онъ приподнялъ одинъ палецъ, оно и высказалось.

Дѣло въ томъ, что у насъ, собственно, нѣтъ *завѣтныхъ* основъ, нѣтъ прочно вкопанныхъ въ разумѣніе межевыхъ камней, означающихъ предѣлы. Мы не сложились, мы *еще ищемъ своихъ началъ*. Это даетъ намъ совершенно иную роль относительно всѣхъ вопросовъ, особенно, если вы вспомните, что *fiasco* всѣхъ революцій въ Европѣ произошло не отъ внѣшнихъ неудачъ, а отъ вдругъ поразившаго сознанія тощности, бѣдности тѣхъ началъ, которыхъ хватило на борьбу съ католицизмомъ и феодализмомъ, но на которыхъ строить новаго нельзя; если вы вспомните, что движеніе затѣмъ пріостановилось, что западный человѣкъ ищетъ *новыхъ основаній* своего быта.

Откуда бы ни шли два путника за кладомъ, какой бы цвѣтистой дорогой ни шелъ одинъ, какой бы песчаной ни шелъ другой, но встрѣтившись, разстояніе для обоихъ одно, и кто скорѣе придетъ—зависитъ отъ крѣпости ногъ и отъ тяжести ноши.

Вы, какъ вообще европейскіе народы, несете очень много. Вы горды вашей исторіей и совершенно правы: вамъ нельзя себя уронить, вы имѣете сзади, какъ графъ въ «Панѣ Тадеушѣ», вмѣстѣ съ замкомъ блестящія воспоминанія и завѣщанную месть, и то и другое выступало все рельефнѣе, поэтичнѣе, мрачнѣе на сѣромъ, прозаическомъ фонѣ николаевскаго деспотизма. Вы связаны съ прошедшимъ, вамъ надобно поддержать имя, вашу исторію, вашу семейную хронику; въ ней, на манеръ Тита Ливія, все ярко и свѣтло, вездѣ дѣйствуютъ одни герои добродѣтели, «каждый дворянинъ можетъ быть королемъ, и каждый холопъ можетъ быть дворяниномъ», въ ней гнетъ шляхетскій не тяготитъ, и іезуитъ не сводитъ проклятія на цѣлыя деревни, населенныя христіанами восточнаго толка. А отчего это благочестіе къ вашимъ предкамъ? Оттого, что вы принадлежите слишкомъ хорошей фамиліи, чтобъ дурно говорить о ней.

¹⁾ В. Р. Зотовъ, въ 1858 г., въ издаваемой имъ «Иллюстраціи» помѣстилъ юдофобскую статью, вызвавшую коллективный протестъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей.

А мы? Мы выросли, когда мать съ отцомъ были въ разводѣ. Мы видѣли, какъ отецъ, пьяный солдатъ, позорилъ и билъ мать, бѣдную крестьянку, безмолвно рыдавшую. Мы ненавидѣли отца, но сызмала забытые, боялись его, какъ огня. Мы, можетъ, любили бы мать, но насъ приучили не уважать ее. Насъ воспитывали въ томъ родѣ, какъ племянникъ Рамо у Дидро воспитывалъ своего сына; намъ съ утра до ночи все окружающее твердило одну нравственную заповѣдь: «сила—все, успѣхъ—все». Въ этой школѣ развились Меншиковы, Долгоруковы, Орловы, Потемкины, Зубовы, готовые сажать на престолъ и ссаживать съ престола, готовые душиць царей, избивать въ неволѣ заключенныхъ царевичей, красть княженъ Таракановыхъ ¹⁾.

Школа наша была не лучше родительскаго дома. У васъ Николай запретилъ преподавать на польскомъ языкѣ, и вы стали имъ гордиться. Насъ увѣрили, что стыдно говорить по-русски не мужику; насъ увѣрили, что пошлое варварство бритья бороды значить образование; что носить чужое платье вмѣсто своего—хорошій тонъ. И вотъ мы давай говорить по-французски, одѣваться по-нѣмецки и съ такимъ неистовымъ усердіемъ бриться, что борода и ея бритые взошли въ коренныя основы государственнаго быта, въ уголовное законодательство, въ общественную нравственность.

На все на это были, конечно, причины,—не мѣсто останавливаться на этомъ. Это былъ трудный и уродливый ростъ.

Россія, какъ бываетъ съ медленными и упрямыми дѣтьми-крѣпышами, то подь розгой, то безъ надзора, то лежа на печи, то на босую ногу въ снѣгу,—все росла и крѣпла, колеблясь между полнѣйшимъ рабствомъ и самымъ необузданнымъ своеволіемъ, между царемъ и казачествомъ. Казачеству, вы знаете, шляхетская свобода Рѣчи Посполитой была такъ же ненавистна, какъ иго царя московскаго. Что за дикое, неслыханное явленіе какой-нибудь Стенька Разинъ. Это какое-то безумное метаніе барса, какіе-то опыты мощи не сознательной, но страшной, удалъ, дерзость, зло-

¹⁾ Когда Пестель, во время сношеній съ Крыжановскимъ, требовалъ смерти цесаревича, поляки сначала просто отвергли предложеніе его и потомъ приняли глухо и уклончиво. Во время коронаціи Николая въ Варшавѣ, знаменитая школа подхорунжихъ предлагала либеральнымъ вожатаямъ, когда Николай пойдетъ мимо ихъ въ церемоніи, дать залпъ по немъ. Все шарахнулось отъ этого предложенія, и Лафайеть-Нѣмцевичъ сказалъ, что Польша никогда не обагряла рукъ своихъ въ крови своихъ королей. Наконецъ, рыцарскій духъ Польши отпустилъ въ 1830 году цесаревича, вопреки всякаго здраваго смысла. Изъ моихъ словъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ я одобрялъ Орловыхъ и Зубовыхъ,—я констатирую только разницу воспитаній и возрѣній. А. И. Г.

дѣйство, отвага. Прибавьте Стенькѣ Разину опредѣленную цѣль, дайте ему, вмѣсто казацкой голи, армію и посадите его на престоль,—вотъ вамъ Петръ I.

Разрывъ, сдѣланный Петромъ I въ нашей исторіи, лишилъ насъ народныхъ преданій; у насъ нѣтъ умиленныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній, идущихъ изъ рода въ родъ; наши воспоминанія не идутъ дальше господскаго дома, гдѣ сѣкутъ, казармы, гдѣ бьютъ палками, канцеляріи, гдѣ опредѣляютъ удары кнутомъ, Зимняго дворца, передъ которымъ вѣшаютъ и хоронятъ живыхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Привитая намъ западная традиція, несмотря на свое огромное вліяніе, не могла сдѣлаться для насъ тѣмъ кровнымъ, обязательнымъ, своимъ, какъ она выработалась на Западѣ и въ высшихъ слояхъ Польши.

Вотъ почему я сказалъ, что у насъ ноши меньше,—мы бѣдны.

Мишле, пораженный этимъ явленіемъ, подумалъ, что у русскихъ нѣтъ нравственнаго чутья. «Не чутья у насъ недостаетъ,—замѣтилъ я ему,—а нравственности, соотвѣтствующей *нашему чутью*. Намъ нечего хранить, нечего поддерживать, намъ дорога легка въ будущемъ, что мы не были республикой, какъ Греція, не были законодателями, какъ римляне, не были крестоносцами».

Мы не возвращаемся къ старымъ маюратамъ славы, а толчемся въ новую жизнь, принося съ собою не воспоминанія, а дерзкую самоувѣренность, горячую надежду и притязаніе на все.

Но, вѣдь, эти права, можете вы сказать, принадлежатъ вамъ столько же, сколько и готтотамъ. Безъ сомнѣнія, только подождите того времени, когда готтоты составятъ огромную имперію, будутъ давить вліяніемъ своимъ Америку и Африку и главное—будутъ имѣть ту *дерзкую самоувѣренность*, тѣ горячія надежды и вѣрованія, которыя мы имѣемъ.

Тутъ нѣтъ ни юридическихъ правъ, ни теоретическихъ построений: Россія—не теорія, Россія—фактъ; его надобно признать для того, чтобъ разбирать и понять. Мы можемъ разсуждать, слѣдовало или не слѣдовало быть Монъ-Блану въ Савойѣ, но это будетъ лишнее: Монъ-Бланъ—фактъ, котораго не сотрешь разсужденіемъ.

Европа въ Россіи не нуждалась... Да, вѣдь, она и въ Америкѣ не нуждалась. Двѣ страны эти *нарождались* по сторонамъ ея, какъ два огромныхъ флигеля.

Смыслъ и значеніе Америки и Россіи только теперь начинается проясняться, особенно съ 1848 года. До того времени аристокра-

тическая Европа не вводила въ свои общіе счеты ни Америки, ни Россіи; заключенная въ бѣличьемъ колесѣ полу-схоластическихъ, полу-религіозныхъ, полу-феодальныхъ вопросовъ, Европа спорила о принципахъ, о вѣчныхъ началахъ, не уступая ни юты,—пока Америка росла на волѣ, мы росли въ колодахъ.

Споры ихъ мы могли усвоить, но они не наши, мы на нихъ смотримъ съ тѣмъ уваженіемъ и съ тѣмъ интересомъ, съ которымъ вы слушали бы дискусію Кальвина о *servo et libero arbitrio* ¹⁾, или такъ, какъ я въ самомъ дѣлѣ разъ въ жизни слушалъ преніе *opus operatum* и *opus operans* ²⁾.

Все это интересно, но, выслушавши, все же пойдешь къ своимъ *дѣламъ*.

Къ какимъ дѣламъ?

А хоть бы къ *освобожденію крестьянъ съ землею*. Разница нашихъ воззрѣній на этотъ вопросъ очень рѣзко опредѣлилась. Я думаю, что онъ для насъ важнѣе того, отдѣлится ли Финляндія или Грузія отъ Россіи или нѣтъ, скоро ли замѣнится толстый и глупый сводъ Николая тонкимъ и узкимъ сводомъ Наполеона. А вы только снисходительно говорите объ немъ: «безспорно, это шагъ впередъ, но шагъ *исключительно экономической*». *Excusez du peu* ³⁾. Какъ будто, экономической вопросъ не есть главнѣйшій, не есть существеннѣйшій, единый спасающій! До сихъ поръ люди все толковали о фасадахъ, о гербахъ, о заборахъ и сѣняхъ, о границахъ и церемоніалахъ. Тѣ, которые сказали міру: «ты печешься о многомъ, едино же на потребу *экономическое устройство*», тѣ первые поняли, что полипникъ готовъ, что пора жить и полно обстраиваться. Свести кровавые религіозные вопросы на человѣческіе и кровавые политическіе вопросы на экономическіе,—въ этомъ вся задача современности.

Вы на экономической вопросъ смотрите, я увѣренъ, какъ на подчиненный, матеріальный и нѣсколько грубый. Отъ этого освѣщеніе всѣхъ вопросовъ выходитъ у насъ разное.

Я очень понимаю революціонный романтизмъ, идеально-восторженное воззрѣніе на судьбы народовъ, это—воззрѣніе Маццини, Ворцеля, которыхъ вы помянули въ вашемъ письмѣ; въ немъ бездна поэзіи, напоминающей намъ нашу юность.

Крутъ переходъ отъ него на американскіе верфи и доки, на наши мірскія сходки, спорящія объ условіяхъ освобожденія съ зе-

¹⁾ О рабскомъ и свободномъ сужденіи.

²⁾ О произведеніи сотворенномъ и о произведеніи творящемъ.

³⁾ Прошу прощенія! Какъ бы не такъ!

млею... отъ величавой, монастырской обители—на рынокъ, отъ ораторіи—къ торговому крику съ пѣснями, кукольными комедіями, трескомъ колесъ.

Вамъ жаль той жизни, вы бережете ваши своды, ваши оживы, чернѣющіе отъ времени; мы съ киркой въ рукѣ и замаранные известью, хотимъ строить, порядкомъ не зная еще что.

Эта разница будетъ насъ преслѣдовать во всемъ. Въ заключеніе приведу два примѣра.

Я сказалъ, что вопросъ о границахъ весьма равнодушенъ для меня, и прибавилъ, что, впрочемъ, есть фізіологическій признакъ: *православіе*, языкъ и крестьянскій бытъ. Вы, мнѣ кажется, поняли это такъ, что я даю какое-то преимущество православію надъ католицизмомъ. Упрекая меня, вы говорите, что вы «не папскій миссіонеръ, а я не Филаретъ, чтобъ толковать о религіи». Изъ этого просто заключаю, что вы еще не свободны отъ религіи. Я не считаю ни католицизмъ «высшей степенью развитія», ни православіе; для меня эти вопросы сами по себѣ не существуютъ, такъ, какъ для меня не существуетъ вопроса, дѣйствительно ли богъ Аписъ былъ богъ и быкъ. Но, вѣдь, тѣмъ не менѣе *православіе* составляетъ отличительный признакъ, такъ, какъ ислаимзмъ или буддизмъ. И въ настоящемъ вопросѣ признакъ этотъ получаетъ особнную важность. Католицизмъ представляетъ религію именно отживающаго міра, міра *воспоминаній*, а православіе ничего не представляетъ: оно сдѣлалось исключительной религіей и начало гоненія только при Николаѣ. Ну, а вы сами знаете, что у этого Пинети ¹⁾ все въ рукахъ превращалось въ кнутъ.

Вы говорите, что все «русско-польское дворянство по Днѣпръ католическое». Да, вѣдь, я не вѣрю, чтобъ дворянство выражало народность того края. Вы говорите, что это—самая *образованная часть*, и прибавляете, что если-бъ не Екатерина II, они давно сдѣлали бы изъ народа католиковъ или униатовъ. Какая же польза была бы отъ этого? Неужели Богемія, орудіями пытки вновь соединенная съ папизмомъ, даетъ завидный примѣръ? Какими средствами дворяне обращали прежде, это мы знаемъ изъ украинскихъ лѣтописей и изъ исторіи Лелевеля; какъ бы они обращали въ XVIII столѣтіи, этого я и понять не могу. Или они дѣлали бы это съ вѣрой—и тогда они были бы отсталые фанатики, или безъ вѣры—тогда изъ чего же беспокоиться?

Далѣе, вы говорите, что если развязать вамъ, Украинѣ, раскольникамъ узы и снять кандалы, всѣ уйдутъ безъ оглядки во-свои,

¹⁾ Извѣстный итальянскій фокусникъ.

и царскій острогъ опустѣть. «Сзывайте насъ послѣ — не созовете, да и не зачѣмъ».

Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ было бы хорошо распасться, чтобъ насильственный узелъ развязался, чтобъ намъ можно было, наконецъ, свободно говорить и обсуживать вопросы, и говорить откровенно, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Теперь полной откровенности мѣшаетъ съ вашей стороны справедливая вражда, съ нашей — неловкое положеніе стоять со стороны силы, которой своеволіе мы такъ же хотимъ сокрушить, какъ и вы, но которою вы, все-таки, будете намъ попрекать, пока выйдете изъ-подъ ея опеки.

«Россія никогда не освободитъ своихъ неправо захваченныхъ частей», говорите вы.

Да, вѣдь, это должны сдѣлать *мы и сами освобождающіяся части*. Неужели вы можете себѣ представить какое бы то ни было правительство, которое вдругъ скажетъ своимъ народамъ: «Распадемтесь! Я вами неправо владѣю, ступайте на всѣ четыре стороны и не поминайте лихомъ!»? Вопросъ совсѣмъ не въ томъ, какъ присоединены части государства, а въ томъ, сохранили онѣ самобытность или нѣтъ.

Всѣ государства въ мірѣ составились очень незаконно и очень насильственно, такъ что, если передать дѣла приращенія Франціи и Англіи на разборъ гражданской палатѣ, то мы сведемъ ихъ на какую-нибудь галльскую деревушку и на англо-саксонскую рыбачью слободу.

Въ Лондонѣ, во время Крымской войны, продавали карту Россіи, въ которой ярко были обозначены всѣ поземельныя приращенія ея со временъ татарскаго ига. Ядро Россіи, или настоящая *благодѣтельная* Русь, было обозначено около Москвы верстъ на сто, остальное все взято силой. «Помилуйте, — говорилъ я одному здѣшнему публицисту, — какого вы маху дали: и Москва также захвачена силой; настоящая Россія, это — часть Новгородскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ...»

Если мы будемъ раздроблять государства на основаніи незаконнаго роста ихъ, одинъ только и останется въ своихъ границахъ Косьма-безсребренникъ, ничего не стяжавшій, — это республика Санъ-Марино.

Іонійскіе острова имѣютъ право отойти отъ Англіи, а Джерси или Гернсей нѣтъ, оттого, что іонійцы хотятъ присоединиться къ Греціи, а тѣ два острова рады, что не принадлежатъ галльской Портѣ.

Я искренно, отъ всей души желаю не разрывъ славянскаго міра, а его свободную федерализацію. Можетъ, вы правы въ вопросѣ времени, и если для того, чтобъ перейти его и лучше понять

другъ друга, Польша, многострадательная, но вѣрующая, *хочетъ и можетъ* стать независимо,—*пусть станетъ*. Ея независимость сблизить насъ. Мы тогда будемъ говорить другъ съ другомъ, какъ братья, забывая былыя раны и бѣдствія и глядя *впередъ*, чтобъ узнать, одна ли дорога намъ въ будущемъ или нѣтъ!

10 февраля 1859.

1186. [Отъ редакціи] ¹⁾.

Намъ остается прибавить къ переводу этой печальной записки, доставленной намъ, чувство истиннаго удивленія къ Муханову ²⁾: вотъ цѣльная натура... съ такой всесторонностью онъ далеко уйдетъ... и это при Александрѣ II! Охъ, *слѣпота* — большой порокъ ³⁾.

1187. [Вел. кн. Константинъ Николаевичъ].

Разсказываютъ о странномъ великокняжескомъ смотрѣ въ Тулонѣ парохода «Колхида», принадлежащаго черноморской компаніи, гдѣ, будто бы, капитанъ и капитанъ-лейтенантъ получили крутые выговоры за какія-то выпушки, а экипажъ—за штаны и пояса. Обществу парохода обѣщано «накленъ носъ»... Стыдима, краснѣемъ, а ужь особенно, когда приходится слушать это отъ англичанъ и французовъ!

1188. Письмо къ сыну.

8 марта 1859.

Park House, Fulham.

Начинаю письмо съ самой интересной новости. Статья, противъ меня писанная Чич., до того возмутила въ Россіи читателей нашего круга, что значительные литераторы написали протестъ, протестъ этотъ подписали нѣсколько человекъ и послали его къ Чич. съ тѣмъ, чтобъ, послѣ прочтенія, онъ прислалъ ко мнѣ, что онъ и сдѣлалъ. Печатать, разумѣется, этого нельзя, потому что компрометируешь (и говорить съ русскими объ этомъ надобно съ осторожностью) тѣхъ, кто подписались. Но самъ по себѣ это—поступокъ до того энергической и рѣзкой, что, помимо

¹⁾ Заключение къ статьѣ «О положеніи евреевъ въ Россіи».

²⁾ Павелъ Александровичъ.

³⁾ Парафраза грибоѣдовскаго: «Охъ, глухота—большой порокъ!»

личнаго удовольствія, онъ насъ очень обрадовалъ. Кто осмѣлился бы думать въ 1854 году?—тогда мы считали прїездъ Пик. ¹⁾ за героизмъ,—не только, что Трюбнеръ будетъ продавать въ годъ на 50,000 фр. рус. книгъ, но что въ Россіи, гдѣ имя мое не произносилось, осмѣлятся сдѣлать протестъ и подписуть.

Зато и мы съ Огаревымъ работаемъ изъ всѣхъ кишочкъ.

«Полярная Звѣзда» выйдетъ 1 мая и будетъ изящнѣйшая. А читалъ ли ты мое письмо къ поляку? Въ слѣдующ. «Колоколѣ» будетъ превосходная статья Огар. о *крѣпостномъ состояніи* ²⁾. Если бы ты сумѣлъ, во-первыхъ, хорошенько проштудировать ее, а, во-вторыхъ, мѣстами перевести, то вотъ тебѣ и статья для объясненія. Потомъ совѣтую тебѣ обратить вниманіе на ужасную исторію о помѣщикѣ и о крѣпостной дѣвочкѣ ³⁾.

Вчера я былъ въ парламентѣ съ Гаррисономъ (у котораго я беру снова англ. уроки и писать выучился сколько-нибудь, а говорить никогда не выучусь), видалъ Пальмерстона (который все время спалъ), Дизраэли и, наконецъ, лорда Станли ⁴⁾ (министръ колоній), которому нѣтъ тридцати лѣтъ... *badate bene* ⁵⁾.

Дома у насъ все обстоитъ благополучно. Tassinari оправдалъ мою надежду: онъ очень хорошій человекъ. На дняхъ у него умерла его дочь (10-ти мѣсяцевъ), сразу,—у нея рѣзались зубы, сдѣлались вечеромъ судороги и въ ночь умерла.

Вотъ тебѣ комиссіи къ твоимъ профессорамъ. Русскіе студенты просятъ, чтобъ я назначилъ въ «Колоколѣ» нѣсколько очень хорошихъ и очень радикальныхъ сочиненій по части естественныхъ наукъ, разумѣется, новыхъ. Это сдѣлай къ слѣдующему письму.

Ты думаешь, что ты довольно писалъ о дамѣ, а я изъ всего писаннаго ничего не могъ заключить, кромѣ того, что *т-me Vogt* ее любитъ, и что она вдова. Я здѣсь видѣлъ одну англичанку удивительно способную; можетъ, я приглашу ее, какъ *daily governess* ⁶⁾. Тата и даже Ольга вели бы себя очень хорошо, если-бъ не вѣчныя ихъ ссоры. Отчего ты никогда не догадаешься написать двѣ-три строки Огар. или Natalie?

Прощай.

¹⁾ Пикулинъ.

²⁾ Въ № 38.

³⁾ № 1191.

⁴⁾ Эдвардъ-Генри, родился въ 1826 г.

⁵⁾ Мотайте на усъ.

⁶⁾ Приходящую гувернантку.

1189. Письмо къ сыну.

11 марта (1859).
Park House, Fulham.

Если ваша экскурсія полезна и не будетъ шалостью, то я, само собою разумѣется, позволяю; для этого надобно бы знать мнѣніе Фогта. Жаль, если не успѣешь побывать у Маши ¹⁾, потому что она тебя ждетъ (напиши ей тотчасъ и не наскоро).

Я только не понимаю вашего календаря. Ты писалъ про *апрѣль*, а *восьмое марта* ²⁾ черезъ десять дней; у насъ и отъ нынѣшняго дня черезъ *двадцать* все будетъ мартъ. Я особенно потому обращаю на это вниманіе, что не вижу, когда же у васъ настоящій bulk ³⁾ корпусъ ученія,—недѣли двѣ до Рождества, недѣли двѣ до Св. недѣли, недѣли двѣ до вакаціи... Систематическое ученіе трудно дѣлать урывками. Ты ни разу не присылалъ мнѣ дѣльнаго обзора преподаванія у васъ. Понимаешь, чтобъ былъ виденъ объемъ преподаванія и нѣсколько *деталей*.

Зоологіи для путешествія мало; я обращаю особенное вниманіе твое на минералогію вмѣстѣ съ геологіей,—это чрезвычайно нужно. Поэтому, я думаю, что путешествіе было бы полезнѣе черезъ годъ, но, если у васъ рѣшено, отправляйся.

Въ Ниццѣ не забудь сдѣлать подарокъ Роккѣ, никакъ не меньше, какъ въ 80... до 100 франковъ отъ моего имени: сукна на фракъ и панталоны или на пальто, часы или что знаешь; деньги я тотчасъ пришлю.

Русскихъ въ Ниццѣ бездна,—не суйся къ нимъ и не очень избѣгай. Можетъ, тамъ Киндяковъ ⁴⁾,—кланяйся ему. Если встрѣтишь Чичерина, не говори ничего о его статьѣ, но будь вѣжливъ и холоденъ.

Непремѣнно намыль голову Висконти, что онъ мало продаетъ, дорого и мало выписываетъ; Трюбнеръ боится ему посылать. Скажи ему, что теперъ вновь напечатаны:

«Записки» Екат. по-русски,
«Записки» Дашк. по-русс.,
печатаются:
«Историческій сборникъ»
и V «Полярн. Звѣзда».

¹⁾ М. К. Рейхель.

²⁾ Старога стиля.

³⁾ Толпа, масса, съѣздъ.

⁴⁾ Николай, товарищъ по университету и процессу 1834 года.

Она будетъ у него къ 1 мая, пусть же онъ требуетъ экз. 100, но главное—«Колоколь».

Ты можешь много узнать тамъ и мнѣ сообщить объ нашихъ аристократахъ.

Если ты встрѣтишь офицера Томашевского ¹⁾, кажется, онъ—очень хорошей человѣкъ.

Теперь совсѣмъ иное порученіе. Нат. бьется все съ няньками: всѣ; послѣ Трины, преподлыя, пьяныя, сварливыя или неловкія. Не знаетъ ли т-те Фогтъ добрую, честную швейцарку, которая бы ходила уже за груднымъ ребенкомъ? О цѣнѣ нельзя впередъ сказать, но сто фр. на дорогу обѣщать можно.

Развѣдай и напиши.

Прощай.

1190. Запись въ альбомъ Л. П. Шелгуновой.

Я не умѣю писать въ альбомы. Простите меня: вмѣсто нѣсколькихъ страницъ, легкихъ и веселыхъ, я вклеилъ вамъ цѣлую страницу, печальную и длинную, изъ моей тетради «Былое и думы». Страницу эту мнѣ только-что принесли изъ типографіи. Къ тому же въ ней говорится о Лондонѣ,—вспомните иной разъ, что въ этомъ туманѣ и поднесъ бродить русскій, душевно уважающій васъ.

Искандеръ.

15 марта 1859.

Park House, Fulham.

1191. Постельная барщина, продолжается.

Съ содроганіемъ и отвращеніемъ передаемъ отрывокъ изъ письма, полученнаго нами на дняхъ. Пусть изслѣдуютъ это дѣло,—мы почти желаемъ, чтобъ доказали, что оно не справедливо ²⁾.

Само собою разумѣется, что мы не получали прежде. Это было бы преступленіе не обличить такое сцѣпленіе разврата, мошенническаго покровительства и супружеской нѣжности.

¹⁾ ?

²⁾ Дальше помѣщенъ ужасный рассказъ о томъ, какъ орловскій помѣщикъ Гутцейтъ насилывалъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, и все сходило съ рукъ. Сообщали «Колоколу», но такъ и не было напечатано.

Листъ этотъ снова отправляемъ въ пакетъ государю и министру внутреннихъ дѣлъ; слѣдовало бы послать министру юстиціи, но мѣсто это упразднено Панинымъ.

А тутъ совѣтують имѣть холодную кровь, спокойное дыханіе амфібій, серафимское терпѣніе Симеона-столпника и кротко ждать, чѣмъ разродятся плантаторскіе комитеты въ то время, какъ нашихъ сестеръ и дочерей розгами будутъ подгонять подъ господъ... «Это ужъ, кажется, что-то неприлично?» Да вы взгляните на вашу аркадскую жизнь, на ваши пастушечьи нравы, взгляните на сосѣдей и убѣдитесь, что о васъ нельзя говорить прилично. Всѣ вы виноваты, аристократы розогъ, Донъ Жуаны дѣвичьей, благородное дворянство расейское, зачѣмъ вы якшаетесь съ этими людьми кроваваго разврата! Мы не забыли, какъ по подобному дѣлу въ Симбирской губерніи нѣсколько человекъ хотѣли изгнать изъ зала дворянскаго собранія помѣщика Путилова, уличеннаго въ изнасилованіи несовершеннолѣтней дѣвочки, но не осужденнаго никакимъ судомъ, и только 13 голосовъ оказались въ пользу изгнанія, *всѣ* остальные были за преступника.

1192. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 марта (1859).
Park House, Fulham.

Очень благодаренъ за пересланное письмо и жду съ большимъ нетерпѣніемъ второго. Будетъ ли второе въ «Кол.», не знаю.

Мнѣ на дняхъ самъ Ч. ¹⁾ переслалъ, по просьбѣ нашихъ близкихъ знакомыхъ, рѣзкій, энергическій протестъ противъ его обвинит. акта, подписанный десяткомъ намъ дорогихъ именъ, и притомъ въ Россіи. Это—вещь благородная, но опасная; если это то же письмо, я его не напечатаю. Да и, вообще, эту полемику пора окончить. Меня раздосадовали не возраженія, а наглый тонъ, и потому съ самимъ Ч. мы не сойдемся, но длить брань не хочется. Мы другимъ возьмемъ: прочтите-ка въ новомъ листѣ статью Ог. объ освобожденіи и вы увидите, чѣмъ мы побѣдимъ этихъ господъ.

Какъ вамъ по вкусу мое второе письмо въ отвѣтъ полякамъ? Я его считаю удачнымъ. При всемъ образованіи какъ международныя ненависти еще злы и узки! А проpros, получили ли вы VII книжку «Голосовъ» (біографію Панина)?

¹⁾ Чичеринъ.

17 марта.

Получилъ ваше второе письмо; лучше, кажется, не печатать письма, — Богъ съ ними. На дняхъ къ вамъ прїѣдетъ Михайловъ, извѣстный литераторъ ¹⁾, — примите его хорошо.

Ну, а каковъ Коршъ!? — согласенъ съ Ч.! Да, я это чужь.

Прощайте.

◆◆ 1. Михайловъ, если вѣрить разсказу Н. В. Рейнгардта, долженъ былъ посовѣтовать Герцену отъ имени Чернышевскаго «не трогать молодежь» («Рус. Старина» 1905, II, 470). Какъ это понимать — не объяснено. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ прїѣхалъ въ Лондонъ, туда прибыли Н. В. и Л. П. Шелгуновы. Н. А. Огарева не сообщаетъ объ ихъ посѣщеніяхъ Герцена ничего сколько-нибудь интереснаго. Сама Шелгунова говоритъ: «Въ Лондонъ мы прїѣхали спеціально на поклонъ къ Герцену. Познакомиться съ нимъ трудности никакой не представлялось, потому что М. былъ уже съ нимъ знакомъ, и Герценъ, услыжавъ, что русская дама хочетъ быть у него, самъ прїѣхалъ ко мнѣ и просилъ къ себѣ обѣдать. Наши сборы походили на сборъ мусульманъ къ могилѣ пророка. За столъ мы сѣли съ особеннымъ благоговѣніемъ. Герценъ, несмотря на свою полноту и красноватое лицо, былъ необыкновенно красивъ умомъ и энергіей, свѣтившимися въ его взглядѣ. Говорилъ онъ прелестно, его можно было заслушаться» («Изъ далекаго прошлаго», 90).

1193. Письмо къ сыну.

24 марта 1859.

Park House, Fulham.

Ты пишешь, что сегодня выѣзжаешь изъ Берна. Добрый путь, и опять поклонись Ниццѣ и могилѣ. Печатаю теперь страшныя воспоминанія о Колѣ, мнѣ вся Ницца передъ глазами... и эта гора Эстрель и кладбище ²⁾... Когда можно будетъ поставить памятникъ? Безъ себя я никогда не сдѣлаю. Пришли цвѣтовъ съ мо-

¹⁾ Михаилъ Иларіоновичъ, неправильно называемый въ литературѣ «Ларіоновичемъ», какъ, впрочемъ, онъ и самъ себя называлъ.

²⁾ Гл. «Осеано пох» «Былого и думъ» въ V кн. «Полярн. Звѣзды».

гилы,—всѣмъ: и Огар., и Natalie. (Писемъ твоихъ къ нимъ, кстати, я не видалъ; видно, не дошли... или не были писаны).

Въ Бернъ къ твоему возвращенію я пришлю тебѣ *десять* первыхъ листовъ «Полярн. Звѣзды». Отрывки, тамъ помѣщенные; особенно «Осеано пох» и «Лондонскіе туманы», прочти, когда ты не будешь нисколько разсѣянъ: надъ этими страницами я провель мѣсяцы, на нихъ слѣды слезъ... мнѣ было почти жаль ихъ печатать.

Не забудь подарка Роккѣ и обо всемъ напиши подробно. Устройте, что можно, съ нимъ на могилѣ; какъ можно больше двѣтовъ; не забудь и сторожа.

У насъ Огаревъ и Ольга были въ лихорадкѣ,—вѣроятно, Фулямъ посырѣе; теперь прошло; у Наташи голова очень часто болитъ. Лизѣ прививали оспу, и она не принялась. А ргорос, Девиль сдѣлалъ славную операцію ребенку года и десяти мѣсяцевъ: разрѣзалъ въ крупѣ трахею, и ребенокъ остался живъ.

Наташа готовить *тайно* сюрпризы къ моему рожденію, и все идетъ недурно.

Прощай. Жду рапорта съ дороги.

У Таты—Talandier,
У Talandier—дочь,
У дочери—два года 24 марта,
24 марта—сегодня,
У сегодня—вечеръ,
и дѣти ѣдутъ къ Таландье.

1194. Письмо къ М. Н. Рейхель.

27 марта (1859).
Park House, Fulham.

Я вамъ послалъ 24 марта десять первыхъ листовъ «Полярн. Звѣзды»; почему я поторопился вамъ ихъ послать, вы увидите изъ той главы моихъ записокъ, надъ которой поставлено «Осеано пох». Я пишу вамъ для того, чтобъ вы просто требовали листы съ почты, если не получили; пошлите Рейхеля да и только. Я нарочно надписалъ: Imposted at 1. Oct. the 24 of March at Walham Green's (Fulham) Post Office, слѣд., такъ и требуйте.

Тутъ и, сверхъ нашей трагедіи, придется вамъ почитать. Отрывокъ изъ письма противъ Ч. будетъ, но всего не хочу помѣщать, надоѣло ¹⁾. Я не понялъ, что Вѣнскій ²⁾ пишетъ (вотъ сти-

¹⁾ Въ № 39 «Колокола».

²⁾ П. Л. Пикулинъ.

листъ-то: десять разъ, я и Ог., мы читали и не поняли): что Коршъ и К—ръ¹⁾ за Чич. письмо или противъ. Можете посплетничать,—намъ это очень нужно знать. А что статья Огар. и мой дѣтскій романъ «Постельная барщина»?

Саша васъ опять надулъ: они ушли въ Ниццу—гербаризировать и пр. Лѣтомъ онъ непременно явится къ вамъ. Да вотъ вопросъ: будетъ война или нѣтъ? а то я бы и самъ сдѣлалъ изъ «Колокола» бубенчикъ да и поѣхалъ бы, хоть въ Швейцарію, а то засидѣлись.

Ну что у васъ? У насъ дѣти хлопчуть о моемъ рожденіи. У Ольги была лихорадка и у Огарева, но прошла. Впро чемъ, все благополучно.

Кланяюсь и цѣлую вашихъ.

Прощайте.

1195. Еще и еще письма противъ „Обвинительнаго акта“, помѣщенного въ 29 листѣ „Колокола“.

Довольно, друзья мои, довольно! The matter dropped²⁾, какъ говорятъ англичане, и я никогда не стоялъ сильнѣе и самобытнѣе на своей почвѣ, какъ получивъ снова инвестиру вашу. Вѣдь, я былъ увѣренъ въ вашемъ сочувствіи, но я хотѣлъ въ немъ убѣдиться. По *сверкѣ*, которой вѣяло изъ письма строгаго критика моего, я догадывался, что вы будете не съ нимъ. Неужели, думалъ я, проснувшись послѣ тридцатилѣтняго рабства, мы опять уже успѣли такъ остыть, такъ сдѣлаться воздержными, какъ умная и, съ своей стороны, дѣльная строки неумытнаго судіи? неужели волосы, подстриженные подъ гребенку, лишь только имъ позволили расти, посѣдѣли? неужели, наконецъ, я такъ мало зналъ русской умъ, русское сердце?

Вы подтвердили мое мнѣніе со всѣхъ сторонъ больше, чѣмъ я могъ надѣяться. Не будемте же длить эту полемику; я горячо, сильно благодарю за вашу очистку моего формуляра, но позвольте мнѣ отказать отъ помѣщенія статей противъ «Обвинительнаго акта».

Въ послѣднихъ письмахъ, сверхъ діатрибъ противъ ученаго критика моего, множество чрезвычайно интересныхъ вещей о Россіи,—ихъ мы помѣщаемъ съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ.

¹⁾ Н. Х. Кетчеръ.

²⁾ Инцидентъ исчерпанъ.

1196. Post-scriptum.

Сейчасъ мы прочли превосходную статью объ этомъ дѣлѣ въ № 86 «Норда» ¹⁾. Спѣшимъ передать имя негодя редактора: его зовутъ Лесневскій (Lesnowski).

1197. „Графъ В. Н. Панинъ“.

«O Altitudo!» ²⁾

Житіе и дѣянія великаго сановника николаевскихъ временъ и его вѣрнаго оруженосца М. Топильскаго никогда не были описаны съ такой глубиной и подробностью. Биографія эта такъ полна, что заставляетъ искренно жалѣть только объ одномъ: что въ ней не описаны *похороны* его сіятельства.

1198. Письмо къ Ж. Мишле.

1 avril 1859.

Park House, Percy Cross, Fulham.

Cher Monsieur Michelet, c'est pour un /de mes amis et pour un /de vos compatriotes—que j'ai l'intention de vous importuner aujourd'hui. Un homme très distingué, *Alfred Talandier*—réfugié à Londres depuis 7 ans, a l'espérance d'avoir une très bonne place d'instituteur de français—auteur de diverses brochures, avocat et précepteur depuis longtemps, il n'y a pas de doute sur son savoir. Mais en Angleterre il faut emporter les places par les grands noms. Le vôtre serait bien utile. Oserai-je vous prier d'écrire quelques lignes en faveur de M. Talandier, c'est un ami de Pierre Leroux, et V. Hugo le connaît beaucoup. Il est sans moyens, et la place à l'École Militaire de Sandhorst lui donnerait 150 liv. avec logement, charbon...

Pouver vous nous aider... si toutefois ma prière est en général faisable, en écrivant une recommandation en forme d'une lettre à un /des Directeurs, ou comme vous le préférerez.

¹⁾ Редакторъ «Варшавской Газеты» систематически клеветалъ на евреевъ, а, получивъ ихъ коллективный протестъ, передалъ его властямъ для слѣдствія.

²⁾ Заглавіе VII кн. «Голосовъ изъ Россіи».

Les Anglais commencent à avoir plus de confiance dans les réfugiés. On parle de la nomination d'Esquiros comme inspecteur des écoles.

Dans tous les cas pardonnez moi de ce que j'ai de suite pensé à vous—lorsqu'il fallait aider un ami, et je ne me suis pas abstenu de vous le communiquer.

Je vous serre la main avec respect.

A. Herzen.

Переводъ.

1 апрѣля.

Дорогой г. Мишле, я имѣю намѣреніе обезпокоить васъ сегодня для одного изъ моихъ друзей, вашего соотечественника. *Альфредъ Таландье*, живущій уже 7 лѣтъ въ изгнаніи въ Лондонѣ,—джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ—авторъ разныхъ брошюръ, адвокатъ и давно уже учительствуетъ,—въ его познаніяхъ не можетъ быть сомнѣній, и теперь онъ питаетъ надежду получить очень хорошее мѣсто преподавателя французскаго языка. Но въ Англіи мѣста получаютъ при посредствѣ извѣстныхъ именъ. Ваше имя было бы чрезвычайно полезно. Осмѣлюсь ли попросить васъ написать нѣсколько строкъ въ пользу г. Таландье? Онъ—другъ Пьера Леру, и Викторъ Гюго хорошо его знаетъ. Онъ сейчасъ безъ средствъ, а мѣсто въ Сандгортской военной школѣ дало бы ему 150 фунтовъ при готовой квартирѣ, отопленіи...

Не можете ли намъ помочь, если вообще моя просьба удовлетворима, рекомендаціею въ видѣ письма на имя одного изъ директоровъ? Или въ другой формѣ, какъ сами пожелаете.

Англичане начинаютъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ изгнанникамъ. Поговариваютъ о назначеніи Эскироса ¹⁾ инспекторомъ школъ.

Во всякомъ случаѣ простите меня, что я прежде всего подумалъ о васъ, когда надо было помочь другу, и не воздержался отъ сообщенія вамъ этого.

Почтительно жму вашу руку.

A. Герценов.

¹⁾ Генри-Альфонсъ, франц. литераторъ и политич. дѣятель, эмигрировалъ въ 1851 г.

1199. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 марта
6 апрѣля 1859.
Park House, Fulham.

— Что ты, братецъ?
— На поклонъ пришель-сь, поздравить.
— Что случилось?
— Съ праздникомъ-сь.
— Съ какимъ?
— Съ днемъ моего рожденія.
— Спасибо, братецъ. Ну, какъ поживаешь?
— Сорокъ семь лѣтовъ—и l'étoffe ¹⁾ не испортился, cuire russe ²⁾ очень прочень. Дубленъ на водкѣ, паромъ, въ вольномъ англійскомъ духу.

(Тутъ предполагается, что вы даете мнѣ полтинникъ на водку, и я отправляюсь со словами):

— Это не затѣмъ-сь, не извольте беспокоиться, и очень благодаренъ за неоставленіе.

7 ап. Письма вашего я ждалъ навѣрное. Спасибо вамъ. Дѣти дѣлали всякую всячину. Тата играла съ Таландые небольшую французскую пьесу, и очень хорошо, затѣмъ увертюру изъ «Эгмонта», затѣмъ въ палаткѣ хоръ цыганъ и затѣмъ хоръ бутылокъ и solo жженки. Подробности опишутъ сами. Чужихъ было мало,—погода лѣтняя. Ну, а вы дипломатическую ноту изъ Москвы, съ позволенія сказать, не раскусили. Марья Федоровна, жалѣя обѣ стороны, скрыла подъ розовыми листочками шипики. К—ша ³⁾ и доктринерской брати.

Подтвержденіе вѣнской ⁴⁾ новости не могло быть флагрантнѣе ⁵⁾... Ну, Богъ съ ними. Зато, надобно правду сказать, я и не ждалъ той симпатіи, которой заваленъ. Всякую недѣлю приходятъ письма; вся молодежь за меня. Раздѣленіе это съ прародительскихъ временъ идетъ: якобинцы и жиронда, дерзость наша канцелярски-шляхетная. Взгляните въ слѣдующихъ листахъ «Полярн. Звѣзды»,—я ихъ зацѣпилъ въ разборѣ Ст. Мил. ⁶⁾

¹⁾ Матерія.

²⁾ Русская кожа.

³⁾ Е. Ф. Коршъ.

⁴⁾ Пикулинское письмо.

⁵⁾ Блистательнѣе (flagrant).

⁶⁾ Статья о Д. Ст. Миллѣ въ «Быломъ и думамъ».

Получили ли «Кол.» отъ 1 апрѣля?
 Посылаю сегодня или завтра «Панина» ¹⁾ и листы.
 Засимъ прощайте.

А. Г.

А rporos, по части финансовъ; во-1-хъ, вздоръ вы сдѣлали, что продали пиемонтскія деньги; это въ Германіи страшаятъ нарочно изъ австролюбія. Ну, какъ же, Пиемонтъ провалится или что? Можетъ, капиталъ падеть, а проценты все же останутся. Я полагаю, теперь самые вѣрные русскіе новые займы, но 71 за 100 и по 4 процента. Купите скорѣе.

Рейхелю поклонъ. А вы ему переведите-ка исторію Бокэ на похоронахъ, рассказанную въ концѣ «записокъ» ²⁾. Это, вѣдь,—перль.

Дѣти еще такъ сбиты съ головы, что не заарканите писать. Такъ какъ чередъ теперъ за вами, то и начинаю также поздравлять и васъ.

Къ Луизѣ отвѣтъ Наташа пишетъ.

1200. [Предисловіе].

Вольная русская типографія въ Лондонѣ будетъ время отъ времени издавать небольшими книжками «Историческій сборникъ» разныхъ документовъ и статей, актовъ и писемъ, *невозможныхъ* для печатанія въ Россіи, несмотря на: улучшение цензуры понятими отъ каждаго министерства, цензурными комитетами общественнаго спасенія, рядомъ нелѣпыхъ циркуляровъ отсталыхъ министровъ, тупыхъ ректоровъ и николаевскихъ воспоминаній.

«Сборникъ» нашъ будетъ ограничиваться прошлымъ вѣкомъ и нынѣшнимъ, предоставляя до-петровскую Русь ея истиннымъ собственникамъ—славянофиламъ и ихъ ученымъ соперникамъ. Къ тому же въ воспоминаніяхъ о Руси кievской и московской коса самого цензора Елагина не нашла бы ни травинки.

Въ *первой книжкѣ* читатели найдутъ документы, принадлежащіе къ четыремъ послѣднимъ царствованіямъ. Изъ времени Павла I помѣщенъ единственный интересный эпизодъ его царствования—рассказъ о его смерти, написанный современникомъ.

Екатерининская эпоха въ этой книжкѣ является, заступивши одной ногой въ гробъ; письмо императрицы къ Салтыкову важно

¹⁾ VII кн. «Голосовъ изъ Россіи».

²⁾ Гл. III ч. VI «Былого и думъ.»

потому, что бросаетъ свѣтъ на семейную жизнь императорской фамилии. Екатерина съ отвращеніемъ пишетъ о *безчестномъ* и развратномъ поведеніи Константина Павловича. «Шведы,—говоритъ она,—безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія не могли видѣть, что онъ дѣлалъ». Длинная, чопорная и скучная предика Маріи Теодоровны тому же Донъ-Жуану Зимняго дворца подтверждаетъ мнѣніе Екатерины.

Александровская и николаевская эпоха, совсѣмъ напротивъ, отражаются въ *первой* книжкѣ «Сборника» во всей своей противоположности, и притомъ чрезвычайно характеристично.

Александръ былъ мечтатель и скептикъ, онъ желалъ много добраго, но не имѣлъ ни силъ, ни людей. Людямъ онъ не вѣрилъ. Смолоду окруженный перезрѣлой и растлѣнной екатерининской сералью, управлявшей государствомъ постоянно въ соприкосновеніи съ людьми, «которыхъ онъ не хотѣлъ бы имѣть лакеями», какъ онъ писалъ къ графу Кочубею,—откуда ему было взять эту вѣру?

Штейнгель ¹⁾ рассказываетъ въ своемъ письмѣ, какъ Энгельгардтъ, однажды, видя восхищеніе Александра войскомъ, замѣтилъ ему, что теперь «пора бы приняться за устройство гражданской части». Государь взялъ его за руку и, *пожавъ* крѣпко, со слезами на глазахъ сказалъ: «Я это очень чувствую, но ты видишь, *къмъ* я возьмусь».

Утормившись отъ пораженій, уставши отъ побѣдъ и чувствуя, «что не къмъ взять», Александръ поступилъ такъ, какъ вообще у насъ поступаютъ непрактическіе помѣщики: побился, побился съ крестьянами да и свалилъ бремя на управляющаго; сѣки, молъ, да собирай оброкъ, а я буду Штиллингову «Побѣдную трубу» читать. По несчастію, судьба подвернула нашему помѣщику желчнаго гатчинскаго каптенармуса. Аракчеевъ продолжалъ павловскую традицію и предупредилъ Николая, какъ его предтеча. Онъ доказалъ старую истину, что добрыя желанія царей, если они не переводятъ ихъ въ добрые *законы*, ничего не значатъ. Но при всемъ этомъ Александръ былъ только *отрицательно* дурень. Его сердцу, его пониманію вѣрили; мощный потокъ середины екатерининскаго царствованія еще влекъ событія и людей въ своемъ направленіи, раскаты грома французской революціи, недавно прервавшіе барскій сонъ, еще бродили въ умахъ. Отвѣтомъ на эту возбужденность мысли и на внутренне-доброе желаніе Александра являются нѣсколько человѣкъ и, между прочимъ, величавый старецъ, мужъ рѣдкой правоты и высокой честности. Голосъ этого римскаго сена-

¹⁾ См. письмо Штейнгеля къ Николаю, справитьсѣ стр. III. А. И. Г.

тора, такъ странно попавшагося въ сенатъ на Исаакіевской площади, раздается во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, то обращаясь къ царю. То къ его совѣтникамъ, то къ жалкому сенату. Мужественная рѣчь Мордвинова, его тяжелые, взятые съ латинскаго обороты поражаютъ сходствомъ съ государственными мудрецами древняго міра, и въ то же время такъ и чувствуешь, что его намъ недостаетъ именно теперь. Когда онъ говоритъ: «Минута, въ которую осмѣливаюсь призывать В. И. В. обратить все вниманіе на пользу Вашего народа, коего Вы отецъ, есть, можетъ быть, послѣдняя для предупрежденія ужаснаго, но неизбѣжнаго бѣдствія, грозящаго отечеству какъ въ лицѣ повелителя его, такъ равно и послѣдному подданному. Уже не время, Государь, предпочитать непредвѣдніе, скрывающее отъ насъ представляющіяся несчастія, той мудрости, которая ищетъ ихъ предупредить, не время закрывать завѣсою будущее и быть довольнымъ тѣмъ, что на минуту останавливаемъ совершеніе нашей судьбы; обратите взоры Ваши на то, что происходитъ во внутренности Вашихъ владѣній, въ столицахъ Вашихъ, даже около собственной Вашей особы, горестными опытами удостовѣритесь, что одна измѣна можетъ скрывать бездну, зіяющую предъ Вами, и что только соединенныя усилія мудрости и осторожности, любви къ отечеству и усердія могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество, заговоры и вообще развращеніе нравовъ ее повергли».

Или:

«При вступленіи В. И. В. на престолъ, блистательная будущность представлялась въ глазахъ націи; торжественное обѣщаніе управлять по духу и сердцу августѣйшей Вашей бабки обратили на Васъ всѣхъ взоры, исполненные надеждами, и содѣлали Васъ предметомъ всеобщей любви.

«И кто могъ безъ восторга взирать на юнаго монарха, врага роскоши и суетнаго тщеславія, начинающаго тѣмъ, что отдалъ себя перваго подъ караулъ священныхъ законовъ, возобновляющаго и умножающаго древнія преимущества сената, подтверждающаго права дворянства, окружающаго себя вышними, которые пріобрѣли общее уваженіе, идущаго надежными шагами и съ такими опорами по пути, который ведетъ къ истинному величію! Уничтоженіе тайной экспедиціи, намѣреніе преобразовать гражданское уложеніе, безпристрастіе въ выборѣ правителей губерній, подтвержденіе терпимости въ вѣрѣ, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость во всемъ томъ, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерамъ, раздача призовъ защитникамъ отечества, построеніе городовъ, портовъ и каналовъ, улуч-

шеніе всѣхъ челоѣколюбивыхъ заведеній, одобреніе наукъ, торговли, промысловъ, искусствъ, великодушный покровъ всѣмъ утѣсненнымъ, прибѣгающимъ къ Вашему правосудію. Вотъ, Государь, права Ваши, коими Вы снискали любовь подданныхъ въ первые годы Вашего царствованія...» И послѣ этихъ словъ онъ заключаетъ: «Государь, вотъ ужасное изображеніе критическаго нашего положенія: государство достигло почти доверху возможнаго несчастья, но средства къ исправленію всего еще въ Вашихъ рукахъ—сблизьтесь съ Вашимъ народомъ!»¹⁾

Александръ умеръ. На Исаакіевской площади стояло каре, охраняя зарождающуюся будущность Россіи. Все, носящее эполеты, было на площади съ той или другой стороны; одинъ желтый, исхудалый старичишка, трепещущій отъ ужаса и замаранный свѣжей кровью засѣченныхъ Клейнмихелемъ и Жеребцовымъ, прятался, потерянный въ залѣ государственнаго совѣта; этотъ подлый трусъ былъ Аракчеевъ. «На него жаль²⁾ было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слово», говоритъ статсъ-секретарь Марченко. «Увидавъ меня, Аракчеевъ спросилъ: что, батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти? Я ему сказала, что честолюбивыхъ увеличиваетъ и пр. Аракчеевъ *съ ужасомъ* отошелъ отъ меня, услыхавъ въ первый разъ о ранѣ, нанесенной Милорадовичу, о которой зналъ весь городъ».

Наконецъ, Николай Павловичъ, по словамъ Корфа, побѣдителемъ взошелъ на лѣстницу дворца, и императрица встрѣтила его за *новаю челоѣткою*. Онъ сѣлъ прочно на свой тронъ и еще прочнѣе посадилъ въ казематы своихъ враговъ.

Изъ этихъ-то казематовъ одинъ изъ колодниковъ пишетъ ему письмо. *Письмо барона Штейнгеля* очень замѣчательно, какъ анахронизмъ. Штейнгель вообразилъ, что такого челоѣвка, какъ Николай, можно *урезонить*, можно навести на уступки, на доброту сердца, хоть на пониманіе. Письмо это, подписанное 12 января 1826 года, явнымъ образомъ принадлежитъ *александровской* эпохѣ и оттого такъ не идетъ по адресу.

Государственная литература николаевская сложилась не скоро; для растлѣнія мысли, языка цѣлаго поколѣнія потребно было много времени, много ссылокъ, много Клейнмихелей. Точный исходъ этой литературы можно считать съ рѣчи самого Николая, произнесенной

¹⁾ Въ мнѣніяхъ Мордвинова и въ письмѣ Штейнгеля много описокъ. Мы сильно просимъ, чтобъ особы, имѣющія доброе намѣреніе посылать намъ списки, были бы вполне добры и свѣряли бы ихъ. Мы были въ необходимости *исключить* нѣсколько мѣстъ, совершенно лишенныхъ смысла. А. И. Г.

²⁾ Стр. 70, 71. А. И. Г.

въ Варшавѣ: это, въ своемъ родѣ,—оконченное произведение. Начать съ того, что людямъ, которые не могутъ отвѣчать, сказать, что они *лгутъ*, и кончить тѣмъ, что пригрозить уничтоженіемъ цѣлаго города, если они начнутъ говорить,—это *chef-d'œuvre*, напоминающій другіе возрасты человѣчества: Батя, Чингисъ-Хана, китайскія прокламаціи во время послѣдняго возстанія. Оригинальнаго, особенно принадлежащаго Николаю тутъ одно: на востокѣ и югѣ, во времена библейскихъ войнъ и народныхъ переселеній, тигриное краснорѣчіе это употреблялось вождями, упоенными побѣдой, полководцами, привыкшими лить кровь рѣками и подвергать свою жизнь мечу: у нихъ чувства грубѣютъ, въ ихъ дикомъ изступленіи отзывается перенесенная опасность, раны, трудъ... А Николай былъ по преимуществу *штатскій военный*. Послѣ *защиты* Зимняго дворца, о которой онъ написалъ самъ въ своемъ формулярѣ, нигдѣ не умѣлъ командовать ни одной дивизіей. Въ турецкую кампанію Дибичъ не хотѣлъ принять начальства, а Витгенштейнъ не хотѣлъ его продолжать, потому что Николай и Михаилъ Павловичъ были налицо и, не имѣя никакого понятія о войнѣ, мѣшали. Итакъ, у Николая кровавое краснорѣчіе это не было искаженной натурой, дурной привычкой кондотьера, а врожденное свойство дурного сердца, его истинная натура.

Ну, и посмотрите въ нашемъ «Сборникѣ» на отраженіе, на подражателя, на *шаржу*.

Холопъ его Бибиковъ прощается рѣчью съ кievскимъ дворянствомъ; это—Цицеронъ николаевской эпохи, каждое слово—палка, сосновая, сухая, сучковатая палка! Нахальство, кровь въ глазахъ, желчь въ крови, безопасная злоба, дерзость безъ границъ, раболѣпіе безъ стыда,—все, что мы ненавидимъ въ офицерѣ и писарѣ, возведенное въ генераль-адъютантскую степень,—какъ же было не сдѣлать министромъ этого заплечнаго генераль-губернатора?

Людей пробы такой развѣ теперь только остается Муравьевъ, задиравшій à la Vigen холодной водой мужиковъ вмѣстѣ съ недоимкой ¹⁾.

Бибиковъ публично сказалъ студентамъ въ кievскомъ университетѣ: «У меня держите ухо остро, дѣлайте, что хотите—пейте, гуляйте, ходите въ публичные дома,—мнѣ дѣла нѣтъ. Но если вы осмѣлитесь хулить правительство да заниматься политическими бреднями, прошу не пенять».

Волнами грязь, густая, вонючая... Николай нашель свою клоаку.

Жандармскій полковникъ не вынесъ этого,—написалъ въ Петербургъ. Отъ Орлова запросъ, по высочайшему повелѣнію—

¹⁾ Намекъ на устройство «ледяного дома».

правда ли? (Точно, въ «Колоколъ»). Правда, отвѣчаетъ клоака и объясняетъ свое нравственно-правительственное употребленіе публичныхъ домовъ съ педагогической цѣлью. Николай прочелъ и написалъ: «Совершенно согласенъ». Всякое слово ослабитъ это высочайшее сочувствіе. Исторія этого не забудетъ; Марія Бредау можетъ внести эту резолюцію въ свой альбомъ «вольнаго обращенія».

Между письмомъ Штейнгеля, довѣрчивымъ и добрымъ, и бранью николаевскаго дворецкаго мы помѣстили кроткій, духовный плодъ изъ вертограда, насажденнаго благочестивѣйшей десницей православнаго императора Николая Павловича: смиренный доносъ *возсоединеннаго*, но не успокоившагося Іосифа, архіепископа виленскаго, просящаго о повсехномъ гоненіи коронныхъ чиновниковъ, косно пребывающихъ въ лживомъ живоначальной истины—по западному лже-толку пониманіи... Сѣмашко—извѣстный злодѣй, удивляться нечего.

Но что даетъ особенный рельефъ дѣлу, это то, что московскій митрополитъ Филаретъ, вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, испугавшись страшной мысли, что какимъ-нибудь злочудомъ западныя лже-церкви императоръ Александръ II не знаетъ этого доноса, *еще разъ его донесъ!*

Вотъ что значило тридцать лѣтъ святительства при Николаѣ. Въ царствованіе Александра I Филаретъ писалъ кудрявья, масонско-мистическія проповѣди, былъ какимъ-то якобинцемъ въ богословіи, такъ что его катехизисъ былъ запрещенъ синодомъ, а черезъ тридцать лѣтъ николаевскаго царствованія онъ восхотѣлъ суетно совмѣстить бѣлый клобукъ съ жандармскимъ аксельбантомъ и сталъ писать уже не толкованіе на *книгу бытія*, которую никакъ не растолкуешь, а доносы подъ диктантъ *возсоединеннаго* Сѣмашка. Какъ будто, Филаретъ у себя на Патріаршихъ Прудахъ или въ Виѳаніи и не зналъ, какъ благокротко возсоединяли уніатъ *земскими вайяли и заушеніями!*

Я думаю, право, и Варрава, и разбойникъ съ *левой* стороны лучше этихъ пастуховъ какъ неотставашаго, такъ и возсоединеннаго стада.

Чтобъ не оставить читателей подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ попа-ренегата, губернатора-палача, митрополита, донашивающаго чужіе доносы, чтобъ разсѣять сырой и удушливый воздухъ изъ петропавловскаго склепа, гдѣ схороненъ Николай, мы помѣстили въ концѣ статью «*Объ отношеніяхъ Россіи и Австріи*»¹⁾.

¹⁾ Больно намъ было въ этой статьѣ видѣть высокоумѣрный отзывъ о 14 декабря. Это бесполезно и показываетъ отсутствіе того декорума, который понимается d'emblée²⁾ теплымъ сердцемъ. А. И. Г.

²⁾ Сразу.

Она принадлежатъ къ той рукописной литературѣ, которая такъ внезапно явилась во время Крымской войны и при восшествіи Александра II на тронъ. Пустьъ эта статья заключить *первую книжку* сборника надгробнымъ порицаніемъ узкой политики Николая и упованіемъ, полнымъ надежды на другое время, на которое мы и *сами все еще уповаемъ!*

29 марта 1859.

Лондонъ. Вольная Русская Типографія.

1201. Письмо къ сыну.

10 апрѣля (1859).

Я былъ очень... ¹⁾ послать письмо къ 7 апрѣля ²⁾ и хорошо сдѣлалъ, что прислалъ цвѣты,—ихъ только такъ мало, что дѣлать нельзя было.

Рожденіе прошло порядочно. Наташа тебѣ напишетъ цѣлую диссертацию и хронику. Она играла порядочно, гораздо лучше, чѣмъ въ Путнеѣ.

Я отъ К. Фогта получилъ письмо; онъ пишетъ о деньгахъ, которыя хотѣлъ мнѣ послать. Я просилъ его послать ихъ въ Бернъ и оставить у отца,—это въ счетъ твоего оклада; возьми изъ нихъ 25 фр., заплаченные, по моей просьбѣ, и 100 за подарокъ Роккѣ. Не забудь, сверхъ того, сторожу на кладбищѣ дать что-нибудь. Письмо Фогта весело: онъ ждетъ войны.

... ³⁾ Висконти—и при... ³⁾ Трюбнеръ говоритъ, что онъ ему не платитъ 80 фунт. за русскія книги; что, разумѣется, онъ послѣ того ему посылать не будетъ. Мы будемъ принуждены искать въ Туринѣ или въ Ниццѣ другого книгопродавца и публиковать о причинѣ.

Въ Россіи «Колоколъ» перепечатаваютъ съ выпусками и до государя нашъ не допускаютъ. Каковы пѣфифики ⁴⁾! ¹⁾

Насчетъ твоего путешествія я одного не могъ понять: потому, что одному студенту надобно было паспортъ въ Невшателъ, *застъ* потеряли три дня лекцій. Мнѣ кажется, что можно было однимъ слушать спокойно лекціи, а тому, кому надобно ходить къ невшательскому квартальному, ходить къ нему. Съѣхаться вы вездѣ могли.

¹⁾ Оторвано и поэтому нѣсколькихъ словъ не достаетъ.

²⁾ Описка—6, день рожденія Герцена.

³⁾ Вырвано.

⁴⁾ Отъ нѣмецкаго pfiffikus—хитрецъ.

Помни мое вѣчное правило: наука, серьезная наука пуще всего и прежде всего, и за всѣми практическими, прикладными занятіями, наблюденіями и опытами помни, что чтеніе, и одно чтеніе, можетъ образовать мысль и форму. Практическая часть можетъ сдѣлать специалиста (и нужно быть специалистомъ), чтеніе и наука дѣлаютъ человѣка полного.

Кто изъ русскихъ въ Ниццѣ? А здѣсь было послѣднее время довольно.

Прощай, другъ мой, и возвращайся скорѣе къ дѣлу. Почему ты не пишешь, когда выѣжаешь?

◆◆ 1. Несмотря на всѣ мои поиски въ архивахъ чего-нибудь, могущаго пролить свѣтъ на это сообщеніе, повторенное Герценомъ и въ «Колоколѣ», ровно ничего отыскать не удалось. Не удалось также установить, сколько номеровъ «Колокола» было передѣлано для государя. Поэтому приходится ограничиться лишь неточнымъ параллельнымъ указаніемъ въ «Историческихъ очеркахъ Россіи»: «Когда генераль-адъютанты Ростовцовъ и Адлербергъ рѣшили въ одномъ номерѣ перепечатать тѣ страницы, на которыхъ шла рѣчь о нихъ, и подсунуть государю не оригиналь, а эту поддѣлку, то слава «Колокола» достигла зенита. Сами великіе князья, открывшіе подлогъ, первые смѣялись надъ превосходительными поддѣльвателями» (т. III, 255). Сообщеніе это неточно потому, что такого *одного* номера, гдѣ бы сообщалось что-нибудь *серьезно* неприятное одновременно о двухъ названныхъ лицахъ, не было. Поэтому надо предполагать, что или перепечатано было, по крайней мѣрѣ, два номера, въ разное время, или что въ этомъ участвовали другія лица.

1202. По дѣлу о харьковскихъ злоупотребленіяхъ Зиновьева и потворствѣ Ковалевскаго.

Мы получили подробную и прекрасно составленную записку о прошлогодней харьковской исторіи; мы ее напечатаетъ въ «Русскихъ Голосахъ». Поведеніе студентовъ было удивительно—не только благородно, но исполнено такта; имена пострадавшихъ не должны быть забыты. Насъ при чтеніи этого разсказа одинъ вопросъ постоянно занималъ: что же при всемъ этомъ дѣлали молодые профессора? Мы ихъ нигдѣ не находимъ совѣтниками, защитниками студентовъ; отчего они не пошли къ Зиновьеву, отчего не писали министру, отчего позволили синдикъ отказать въ ревизіи кондукитныхъ отѣтокъ, сдѣланныхъ помощникомъ инспектора?

Странно! И благородная молодежь эта, оставленная одна лицомъ къ лицу съ ябедой, съ полицейскими уловками, съ Лужинымъ и со всѣми властями, кажется, и не замѣтила этого,—честь ей и слава!

А что за комическое лицо ректоръ Фойгтъ¹⁾, оканчивавшій каждую рѣчь своимъ «sorienti sat», и инспекторъ Стороженко, такъ горячо принимающій къ сердцу образованіе Украины и говорящій: «Господа, вѣдь, я не Ламартинъ!».

Что касается до Зиновьева, онъ и этого не имѣетъ: онъ просто пошелъ.

1203. [П. В. Казакевичъ].

Мы получили письмо, въ которомъ жалуются на слишкомъ самовластные распоряженія сибирскаго Муравьева²⁾, на распечатываніе въ Иркутскѣ писемъ, на уничтоженіе писемъ неприятнаго содержания для высшаго начальства, на угнетеніе племень, отданныхъ въ управленіе Россійско-Американской компаніи, которая ихъ грабитъ, надуваетъ и держитъ ихъ въ постоянной кабалѣ.

Письмо это оканчивается кассіевскимъ воззваніемъ къ губернатору: писаннымъ съ любовью: «Проснитесь, Казакевичъ³⁾, проснитесь и бросьте жизнь недостойную васъ. Займитесь добросовѣстно дѣломъ,—вы можете сдѣлать много пользы, добра и пр. Это говоритъ уважающій и сожалѣющій васъ».

Не зная дѣлъ этихъ, мы не помѣщаемъ и письма; наши строки пусть будутъ вызовомъ на болѣе подробныя свѣдѣнія.

Сибирскаго Муравьева нельзя судить, какъ какаго-нибудь Закревскаго или Панина: онъ многое сдѣлалъ и при такихъ трудныхъ дѣлахъ, можетъ, многое сдѣлано круто,—и потому ждемъ фактовъ.

1204. I. Лелевель и казематы.

Г. Огрызко⁴⁾ помѣстилъ въ своемъ журналѣ «Слово» письмо знаменитаго I. Лелевеля и нѣсколько теплыхъ, благородныхъ словъ объ немъ. Этотъ поступокъ навлекъ на г. Огрызко дву-горчаковский гнѣвъ⁵⁾: Огрызко схватили, журналъ запретили. Тимашевъ ходилъ съ озабоченнымъ лицомъ, Долгоруковъ говорилъ: «Вотъ видите»... Бутковъ⁶⁾ отнесъ это къ освобожденію крестьянъ,

¹⁾ Карль Карловичъ.

²⁾ Николай Николаевичъ.

³⁾ Петръ Васильевичъ, военный губернаторъ Приморской области.

⁴⁾ Юсафатъ (Ogruzko), издатель польской газеты «Słowo» въ Спб., польскій политическій дѣятель.

⁵⁾ Кн. А. М. Горчаковъ—министръ иностр. дѣлъ; кн. М. Д. Горчаковъ—намѣстникъ Царства Польскаго.

⁶⁾ Владиміръ Петровичъ, госуд. секретарь.

Панинъ—къ желѣзнымъ дорогамъ. Попечитель петербургскаго округа ¹⁾ предлагалъ себя жертвой искупленія, но государь—по пословицѣ: Горчаковъ хорошо, а два Горчаковыхъ лучше,—все-таки, велѣлъ г. Огрызко посадить въ единственную крѣпость, построенную исключительно противъ русскихъ, т.-е. въ Петропавловскую.

Когда же наше самодержавіе пойметъ, что талантъ тоже—*помазаніе*, и что гоненіе самаго имени людей, чисто и свято трудившихся до преклонныхъ лѣтъ, признанныхъ всѣмъ свѣтомъ, какъ І. Лелевель, бьетъ рикошетнымъ ударомъ назадъ? ¹

◆◆ 1. «Въ моемъ распоряженіи находится большая библиографическая рѣдкость,—последній номеръ «Słowo», и дѣло объ открытіи и закрытіи этой газеты. Въ виду неизслѣдованности исторіи этого послѣдняго, считаю полезнымъ привести здѣсь историческую справку, очень ярко иллюстрирующую положеніе печати въ 1859 году, въ разгаръ наибольшей ея «свободы».

Изданіе «Słow'a» было задумано Огрызкой еще въ 1857 г. Петербургскій цензурный комитетъ не имѣлъ ничего противъ просимаго имъ разрѣшенія, считая требовавшееся въ то время «частное удостовѣреніе», представленное Огрызкой за подписью тайнаго сов. Рощинскаго, О. Пржецлавскаго, д. ст. сов. Плавскаго, д. ст. сов. Ивановскаго и д. ст. сов. Рашелли, достаточной гарантіей политической благонамѣренности издателя. III Отдѣленіе также не встрѣчало препятствій. Министръ статсъ-секретарь Ц. Польскаго тоже не возражалъ, но далъ свое заключеніе въ очень осторожной формѣ. Министръ иностр. дѣлъ кн. Горчаковъ писалъ министру народнаго просвѣщенія 17 ноября 1857 г.: «Я не могу признать пользы въ этомъ нововведеніи. Число поляковъ въ нашей столицѣ не велико, и тѣ, которые въ оной находятся, по большей части, зная иностранные языки, могутъ читать французскія или нѣмецкія газеты. Впрочемъ, вопросъ о пользѣ и нуждѣ до меня не относится. Оба цензора мин. ин. дѣлъ не знаютъ польскаго языка; нуженъ, слѣдовательно, третій, особый, а на это нѣтъ средствъ. Вообще, политическія обозрѣнія требуютъ свѣдѣній, которыхъ наши журналисты не имѣютъ, и въ этомъ случаѣ благонамѣренность не можетъ замѣнить познаній. Неоднократно въ нашихъ русскихъ газетахъ, а именно, въ «Сѣв. Пчелѣ» и «Инвалидѣ» я находилъ обсужденія политическихъ событій, несомнѣстныя съ видами правительства. Я не люблю стѣснять русскаго ума въ

¹⁾ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

раціональномъ направленіи, но до тѣхъ поръ, пока иностранныя правительства будутъ принимать разсужденія цензурованныхъ нашихъ журналовъ за мысль правительственную, мы не должны подавать безъ необходимости повода къ разсужденіямъ, проистекающимъ отъ такого предположенія и которыми наполняются иностранныя газеты».

Въ виду этого отзыва Огрызко долженъ былъ пойти на обѣщаніе вести иностранный отдѣлъ въ газетѣ такъ, чтобы цензора министерства иностр. дѣлъ не были затруднены, послѣ чего получено было согласіе Горчакова на изданіе его газеты. Въ маѣ 1858 г. одобреніе комитетомъ министровъ представленія министра народнаго просвѣщенія было высочайше утверждено.

Газета началась съ 1859 г. 23 февраля намѣстникъ Ц. Польскаго М. Д. Горчаковъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что, по докладу его государю выписки изъ фельетона № 15 «Słow'a», повелѣно: 1) изданіе газеты воспретить, Огрызко и цензора посадить въ Петропавловскую крѣпость на мѣсяць, 2) министру народнаго просвѣщенія войти съ докладомъ о томъ, какъ разыскать съ г. Чайковскаго, и 3) воспретить продажу № 15 газеты.

Фельетонъ состоялъ изъ письма Лелевеля къ Огрызку, выдержекъ изъ письма его же къ Антону Чайковскому и изъ редакціоннаго замѣчанія.

Имя Лелевеля считалось совершенно недопустимымъ въ печати, потому что онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ возстанія 1830 года и однимъ изъ первыхъ подписалъ актъ отрѣшенія Николая I отъ польскаго престола.

Вотъ малограмотный переводъ первой и третьей частей, представленный государю:

«Почтенный землякъ! Милое письмо ваше давно уже получено мною. Въ немъ вы излагаете то же, что уже высказали во время проѣзда черезъ Брюссель и что я хорошо помню и сохраню въ своемъ сердцѣ. Итакъ, «Слово» ваше издается. Помогай Богъ. Литературное или ученое раздѣленіе «Слова» согласуется, какъ я слышу, съ мыслью серьезныхъ читателей. Хотите, чтобы и я принялъ въ этомъ участіе, несмотря на невозможность. Вѣдь, я словесно объяснялъ. Пишу объ этомъ нѣсколько словъ къ г. Чайковскому. Соединенный мыслью и сердцемъ съ вашею колоніею, поручаю себя взаимной памяти, свидѣтельствуя чувствительные поклоны. Вашъ искренній *Лелевель*».

«Честь, какой удостоилось «Слово», получивъ, посредствомъ Антона Чайковскаго, отъ Іоахима Лелевеля, въ самомъ началѣ нашихъ трудовъ, вышеприведенныя строки, считаемъ самымъ щед-

рымъ даромъ, въ которомъ мы, не положивъ доселѣ заслугъ, съ благоговѣніемъ видимъ для себя урокъ, сколь достойнымъ трудомъ должны быть наполняемы наши столбцы, въ коихъ помѣстилось такое имя! Вотъ уже вырастаетъ третье поколѣніе, отливаемое свѣтомъ и жаромъ его чрезвычайныхъ познаній и любовью къ отечественной исторіи. Сколько изъ нихъ воспользовалось ученіемъ патріарха нашей исторіи, пусть теперь вспомнятъ при чтеніи его словъ, прося вмѣстѣ съ нами благословенія на дальнѣйшій путь жизни и труда.

Горчаковъ больше ничего государю не представилъ, оставивъ самое письмо Лелевеля къ Чайковскому въ сторонѣ. Инкриминировалось, такимъ образомъ, только самое упоминаніе съ уваженіемъ имени Лелевеля.

Въ тотъ же день шефъ жандармовъ сообщилъ министру нар. просвѣщенія, что государь приказалъ пріостановиться исполненіемъ своей воли объ Огрызкѣ и цензорѣ Обертѣ, въ виду полученія разъясненія обстоятельствъ дѣла въ письмѣ И. Д. Делянова къ кн. В. А. Долгорукову.

Въ 11 ч. ночи того же дня, 23 февраля, съ Огрызка была взята подписка о пріостановленіи распространенія номера отъ 21 февраля.

Деляновъ писалъ главноуправляющему III Отдѣленіемъ:

«М. Г., князь Василій Андреевичъ! Узнавъ, что состоялось Высочайшее Е. И. В. повелѣніе заключить редактора польскаго журнала «Слово» Огрызко и цензора Оберта въ крѣпость за статью, помѣщенную въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этого журнала, считаю долгомъ объяснить Вашему Сіятельству, что г. Обертъ прежде напечатанія этой статьи показывалъ ее мнѣ, и я, имѣя въ виду, что въ ней говорится о Лелевелѣ вовсе не какъ о политическомъ въ свое время дѣятелѣ, а единственно, какъ о писателѣ, извѣстномъ въ ученomъ мѣрѣ своими историческими, географическими и этнографическими изысканіями, что у насъ не запрещено писать объ эмигрантахъ по отношенію ихъ къ наукѣ, и что даже Его Величеству благоугодно было дозволить изданіе сочиненій эмигранта Мицкевича, я, съ своей стороны, не призналъ эту статью подлежащею запрещенію.

«Изъ вышеизложеннаго В. С. изволите усмотрѣть, что если въ настоящемъ случаѣ есть какая-либо вина, то послѣдствія оной должны падать на меня».

Цензоръ Обертъ донесъ, что «въ № 3 «Теки» Виленской напечатано письмо Лелевеля. Въ немъ онъ отказывается отъ всякаго соотрудничества и участія въ литературномъ дѣлѣ, по совер-

шенно разслабленнымъ силамъ и потерѣ зрѣнія. И вотъ, намекая на эти доводы, ученый историкъ выразился въ нынѣшнемъ письмѣ: «несмотря на невозможность». Имѣя въ виду это письмо, напечатанное въ прошломъ году съ одобренія цензуры въ Вильнѣ, цензоръ въ Спб. полагалъ возможнымъ разрѣшить печатаніе письма того же лица въ 1859 году».

На слѣдующій день Долгоруковъ сообщилъ Е. П. Ковалевскому: «Государь Императоръ изволилъ найти оправданіе т. сов. Делянова совершенно неосновательнымъ, и ему угодно, дабы при представленіи дѣла о газетѣ «Слово» Вы доложили Е. В. и о Чайковскомъ». Съ своей стороны, шефъ жандармовъ «полагалъ бы полезнымъ», чтобы министръ нар. просвѣщенія своей властью пріостановилъ выходъ «Слова», и чтобы докладъ былъ готовъ немедленно, потому что засѣданіе Совѣта или 25 или 26 февраля. Общій тонъ письма—совершенное предписаніе, а не сношеніе съ равнымъ.

Огрызку приказано было дать объясненіе. Вотъ оно:

«Въ сборникѣ «Тека» («TeKa Wileńska»), издаваемомъ въ Вильнѣ, за № 3 1858 г. (мартъ) помѣщено было также письмо Лелевеля. Издатель Киркоръ. Объ позволеніи ему издавать газету настаиваетъ попечитель и генераль-губернаторъ. Объявлено мнѣ, что припискою моею къ извлеченіямъ изъ писемъ Іоахима Лелевеля и къ замѣчаніямъ его на ученое сочиненіе Гельцеля, помѣщеннымъ въ № 15. издаваемой мною польской газеты «Слово», недовольны. Прилагая при семъ буквальный переводъ этой приписки и того извлеченія изъ письма, которымъ, будто бы, также недовольны, имѣю честь объяснить, что эта приписка сдѣлана мною единственно съ тою цѣлью, чтобы выразить за присылку нѣсколькихъ словъ въ издаваемый мною журналъ искреннюю признательность знаменитому историку, котораго заслуги признаны не только Европою, но и здѣшнею академіею наукъ и который въ теченіе всей послѣдней четверти столѣтія посвятилъ себя исключительно наукѣ (исторіи и археологіи), не принимая ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ политическихъ. Сдѣлать подобнаго рода приписку, какъ выраженіе признательности человѣку, оказавшему всеобщую заслугу на поприщѣ науки и стоящему уже одною ногою въ гробу, по моему убѣжденію, обязанъ сдѣлать всякій журналъ, въ который бы онъ прислалъ свою статью».

26 февраля министръ народ. просвѣщенія представилъ Совѣту министровъ докладъ, въ которомъ полагалъ, что Обертъ не заслуживаетъ взысканія, Деляновъ «поступилъ весьма неосторожно и опрометчиво», но «смѣло можно ручаться за чистоту направленія

и преданность В. Величеству попечителя Делянова»,—поэтому Ковалевскій считалъ себя въ правѣ ходатайствовать за него. Огрызко и профессоръ польскихъ законовъ петерб. университета Антонъ Чайковскій виновны: первый въ томъ, что «рѣшилъ писать и просить сотрудничества въ своей газетѣ челоуѣка, хотя и заслужившаго славу ученаго, но опозорившаго себя преступными своими дѣйствіями противъ Россіи и остающагося внѣ отечества, въ кругу польскихъ эмигрантовъ»; второй—въ томъ, что «состоялъ въ сношеніи съ Лелевелемъ». «Проступки эти по существу своему относятся болѣе къ полицейской власти и выходятъ изъ предѣловъ министра нар. просвѣщенія, а потому я и не почитаю себя въ правѣ дѣлать объ нихъ рѣшительное заключеніе». Министръ, однако, добавилъ, что Чайковскій не замѣченъ ни въ чемъ въ теченіе своего 15-лѣтняго профессорства.

Александръ II положилъ резолюцію: «Слово» воспретить издавать, Огрызко—на мѣсяць въ Петропавловскую крѣпость, Делянову сдѣлать строгое замѣчаніе, а Чайковскому—выговоръ.

27 февраля всѣ оставшіеся экземпляры № 15 „Słowo» были представлены въ цензурный комитетъ; кромѣ тѣхъ, которые оказались запечатанными въ квартирѣ Огрызка, арестованнаго въ ночь на 26 февраля, т. е. до второй резолюціи государя.

4 марта всѣмъ попечителямъ было предписано о недопущеніи въ печать ни писемъ Лелевеля и подобныхъ ему лицъ, ни какихъ-либо ихъ сочиненій.

13 марта Огрызко былъ освобожденъ. 3 апрѣля Деляновъ донесъ Ковалевскому, что Огрызко доставилъ въ цензурный комитетъ 442 экз. № 15; хранятся еще 2 для Публичной библіотеки, 1 для Академіи наукъ и 1 для Гельсингфорскаго университета. Министръ предписалъ: 1 экз. оставить при дѣлѣ, 1—въ министерствѣ, 2—въ Публичной библіотекѣ, остальные сжечь. Это и было исполнено.

3 апрѣля Огрызко представилъ въ петербургскій цензурный комитетъ первые три тома «Volumina legum», изданной въ 10 томахъ, отчасти на латинскомъ, отчасти на польскомъ языкахъ; орденомъ варшавскихъ піаристовъ, и просилъ разрѣшенія перепечатать ихъ. Одновременно редакторъ «Słowo» представилъ два объявленія: о прекращеніи газеты и о выходѣ названнаго изданія польскаго права. Ковалевскій запросилъ о послѣднемъ министра статсъ-секретаря Ц. Польскаго и Главноуправляющаго II Отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Первый сослался на авторитетъ второго, а второй, Блудовъ, нашелъ «Volumina legum» очень полезнымъ изданіемъ, такъ какъ по рѣдкости оно стоило тогда до 300 р. сер. 2 мая

главное управленіе цензуры постановило: изданіе «*Volumina legitum*» разрѣшить, а объявленіе о прекращеніи газеты запретить.

Уже въ апрѣлѣ 1860 г. Огрызко просилъ добавить собраніе польскихъ законовъ литовскимъ статутомъ и другими историческими актами до прекращенія польскаго королевства. Запрошенный Блудовъ политично молчалъ... два года. Смѣнившій его бар. М. А. Корфъ отвѣтилъ въ мартѣ 1862 г., что «воспрещеніе изданій сихъ трудно было бы оправдать чѣмъ-либо уважительнымъ предъ судомъ ученаго міра» (Архивъ министерства народн. просвѣщенія, дѣла №№ 151544 и 152171).

Въ дополненіе ко всему этому небезынтересно свидѣтельство служившаго тогда при намѣстникѣ Ц. Польскаго генерала Докудовскаго. Огрызко «достигъ вниманія государыни Маріи Александровны и особенно вел. кн. Елены Павловны». Когда онъ былъ арестованъ, М. Д. Горчаковъ, бывшій въ то время въ Спб., узналъ, что онъ недоволенъ исходомъ всего дѣла, «перепугался, испросилъ у нихъ аудіенціи и успѣлъ оправдаться и претворить гнѣвъ въ милость, сказавъ, что, если бы и сынъ его былъ редакторомъ и напечаталъ подобную статью, то и для него онъ подалъ бы такое же мнѣніе, т.-е. посадить его въ крѣпость. По словамъ князя, благочестивѣйшая кроткая царица приняла благодушно приведенныя имъ причины и выслушала ихъ спокойно, но трудно было совладать съ Елеңою Павловною и дѣлаемыми ею возраженіями» («Труды Рязанской ученой арх. комиссіи» 1898, т. XIII, вып. 3, 299).

О роли Кавелина въ основаніи «*Słowo*», а Тургенева—въ освобожденіи Огрызка изъ крѣпости извѣстно по литературѣ.

1205. Новая мерзость въ Польшѣ.

«*Allgemeine Zeitung*» отъ 26-го марта рассказываетъ, что въ Варшавѣ 18 марта запретили частнымъ людямъ отслужить въ церкви панихиду по Мицкевичѣ, Красинскомъ и Словацкомъ. *Pas de rêveries! Pas de rêveries!* А если замечаетесь,—тутъ на лицо отупѣвшій Горчаковъ, опираясь на палку изъ николаевскаго огорода—на Муханова.

Конгрессы, видите! Италію освобождаемъ, Австрія—такая отсталая страна,—деспотизмъ, невыносимо... Охъ, вы мои... ¹⁾ господа,

¹⁾ Марашка во все какое-то слово; любопытно, что это—единственный случай, когда въ уже отпечатанномъ листѣ «Колокола» Герценъ рѣшилъ пойти на поправку. Нѣкоторое количество экземпляровъ вышло безъ марашки, съ переборкой строки.

петербургское либеральное правительство, посмотрите въ зеркало...—все тотъ же кварталный... только Дубельтъ называется Тимашевымъ.

1206. Письмо къ Ж. Мишле.

16 Avril 1859.

Park House, Percy Cross, Fulham.

Cher Monsieur, je ne sais comment vous remercier pour la bonté que vous avez eue d'écrire la lettre pour Talandier,—soyez sûr que c'est un homme qui le mérite profondément, et permettez moi de vous serrer la main de tout mon coeur.

Nos affaires vont bien—la propagande russe de Londres va toujours crescendo et nous sommes une force qui inquiète le gouvernement—mais qu'il n'ose plus nier. On a chassé des préfets et on a fait juger une douzaine d'employés sur nos articles.

En général la grande affaire de l'émancipation des paysans avec la terre—ne s'arrête pas. L'opposition de la noblesse est très grande, et c'est un suicide complet—car l'émancipation se fera quand même et la noblesse haïe par le peuple et brisée par le gouvernement perdra toute signification politique.

Bakounine s'est marié (il m'a écrit quelques lignes)—il demeure librement dans une grande ville de la Sibérie. On a voulu l'amnistier complètement—mais le gouvernement de Saxe a fait une présentation ou protestation, et on a eu la faiblesse de céder. Sa femme est la fille d'un polonais exilé.

Voilà nos nouvelles. Maintenant tout le monde ne parle que de la guerre. Je suis convaincu que pour la Russie cette guerre est un grand malheur. Pour l'accouchement il faut la tranquillité—la guerre fera oublier le travail à l'intérieur. Je vous remercie encore une fois et vous salue fraternellement.

A. Herzen.

Переводъ.

16 апрѣля.

Дорогой г. Мишле, не знаю, какъ и благодарить васъ за доброту, съ которою вы написали письмо для Талантье,—будьте увѣрены, что это—человѣкъ, который глубоко заслуживаетъ ее, и позвольте пожать вамъ руку отъ всего сердца.

Наши дѣла идутъ хорошо: русская пропаганда изъ Лондона идетъ, все усиливаясь, и мы представляемъ собою силу, которая беспокоитъ правительство, но которую оно уже не смѣетъ отрицать. Послѣ нашихъ статей уже выгнали нѣсколькихъ губернаторовъ и отдали подъ судъ съ дюжину чиновниковъ.

Вообще, великое дѣло освобожденія крестьянъ вмѣстѣ съ землею не останавливаетъ своего хода. Оппозиція дворянства очень велика, и это равносильно полному самоубійству, потому что освобожденіе будетъ, во что бы то ни стало, и дворянство, ненавидимое народомъ и сокрушенное правительствомъ, потеряетъ всякое политическое значеніе.

Бакунинъ женился (онъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ)—и живетъ на свободѣ въ одномъ изъ большихъ городовъ Сибири. Хотѣли дать ему полную амнистію, но саксонское правительство сдѣлало представленіе или предъявило протестъ, и имѣли слабость уступить ему. Жена его—дочь ссыльнаго поляка.

Вотъ наши новости. Теперь всѣ только и толкуютъ, что о войнѣ. Я убѣжденъ, что для Россіи эта война—большое несчастье. Для родовъ необходимо спокойствіе—война заставитъ забыть внутреннюю работу. Еще разъ благодарю васъ и братски привѣтствую.

А. Герценъ.

1207. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 апрѣля 1859.
Park House, Fulham.

Тата получила отъ Луизы ¹⁾ письмо, въ которомъ она зоветъ ее крестить. Мнѣ невозможно на это согласиться. Мы слишкомъ разошлись съ христіанствомъ, чтобъ дурачиться, но къ тому же Тата потеряла ея письмо. Это предосадно, а отвѣтъ надобенъ. Отшлите ей прилагаемую записочку и доставьте ея адресъ: я по нему хочу ей послать 5 фун. на зубокъ.

Вторая глупость: вчера я послалъ вамъ двойной № «Кол.» 40—41 и все прописали, какъ слѣдуетъ, а № дома забылъ написать; нельзя ли справиться; если не получили, а то я, пожалуй, пришлю и другой экзем.

«Исторической сборникъ» съ портретомъ Павла готовъ чезрезъ недѣлю.

¹⁾ Суццерь.

Знаете ли вы, что Ив. Тургеневъ писалъ къ государю о заключеніи Огрызка въ Петропавловскую крѣпость, и его государь, по письму Т., велѣлъ выпустить?

Если деньги вы не помѣстили, берите русскій заемъ—разумѣется, вѣренъ.

Прощайте. Я и Тата распростужены.

Обнимаю вашихъ.

1208. Письмо къ сыну.

27 апрѣля 1859.

Park House, Fulham.

Любезный другъ, я очень радъ, что съ тобою ничего не случилось, и очень радъ, что ты вполнину виноватъ, надѣлавши намъ ужаснѣйшихъ безпокойствъ... Хотя не могу сказать, чтобы я оправдывалъ небрежность въ такихъ дѣлахъ.

Когда ты ѣхалъ, я поставилъ тебѣ закономъ писать не меньше *одною раза* въ недѣлю. Это останаётся неизмѣнно.

Я начинаю думать, что одно изъ моихъ писемъ совсѣмъ не дошло до тебя. Я, послѣ Берна, писалъ одно письмо въ Ниццу, до рожденья, одно—послѣ и третье—съ вопросомъ, отчего ты не пишешь (о чемъ я даже писалъ къ К. Фогту)... Ну, и довольно объ этомъ.

Вѣроятно, въ Генуѣ и вообще по дорогѣ все на военную ногу? Интересно было бы взглянуть.

Не хочу задерживать письмо и потому посылаю.

«Полярную Звѣзду» не стоитъ посылать въ листахъ—она выйдетъ къ 3 числу мая.

Прощай.

1208 bis. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

29 April (1859).

Park House, Fulham.

Et toi, Brutus?..

Sie auch fangen an, zu fürchten, Sie auch haben nicht den Mut der letzten Konsequenz. Lassen Sie doch alle Politikanten—alle die Menschen der alten Welt—und nehmen Sie einen höhern Punkt; das wahrhaftig Tragische der Ereignisse—fordert einen andern Massstab.

Wie kann so ein Gedanke in Kopf kommen, dass man Deutschland erobern will. Einen Artikel werde ich schreiben — aber der wird Sie nicht beruhigen. Glauben Sie, dass ich—jetzt ein Jota ändern werde?.. Oder glauben Sie, dass ich als Maz.—mich zum Heiligen und Widerspenstigen machen werde und damit der Bewegung schade. Ich bin sehr weit davon. Nie habe ich zum Kriege einen Rat gegeben—aber auch mit keinem Wort. Der Krieg ist da. Kein Mensch denkt an Deutschland. Oesterreich muss untergehen—Frankreich muss in einem Befreiungskrieg Freiheit wieder lernen oder ganz fallen in's Krasse des Despotismus. Dieser Krieg gegen Oestreich wird höchst populär in Russland—und Sie glauben, d. ich den lebendigen Einfluss, den wir haben—vermindern werde—indem ich zur Beruhigung der Mecklenburger—gegen eine Tatsache schreiben werde?

Ich bin bereit, mit Ihnen über alle diese Sachen zu diskurieren—meine Linie ist tracirt — sie kann manchmal abweichen, aber nur auf die Seite *der Lebenden*—nicht der Toten und Alten.

D. Journal haben wir noch nicht gefunden, es scheint, d. ich diese Nummer jemandem gegeben habe—ich werde sie finden.

Wie konnten Sie eine Minute denken, d. Lermontoff freiwillig im Caucasus diene.—Es ist eine Sünde beinahe, dass Sie so wenig das russische Leben kennen. Lermontoff war erstens nach'm Caucasus in die Armee geschickt im 1837 für seine Verse über Puschkin's Tod, er kam zurück 1840 und wurde gleich nachher wieder als Offizier verschickt in die Caucasische Armee—*weil* er ein Kartell geschickt hat dem Grafen Barante, dem Sohn des französischen Gesandten.

Haben Sie von mir die Geschichte der russischen Litter. von Milukoff—die ist ziemlich gut—daraus konnten Sie auch manches nehmen.

Adieu.

Переводъ.

И ты, Брутъ?..

Вы также начинаете бояться, также не имѣете мужества быть послѣдовательной до конца. Бросьте же всѣхъ политиканствующихъ, всѣхъ людей стараго вѣка и попробуйте занять болѣе возвышенную точку зрѣнія, ибо, по истинѣ, трагическое событій требуетъ иного масштаба.

Какъ можетъ прійти въ голову мысль, будто существуетъ намѣреніе завоевать Германію! Статью-то я напишу, но она васъ не успокоитъ. Неужели вы думаете, что я измѣню своимъ убѣжденіямъ хоть на іоту? Или вы полагаете, что я, подобно Мац.,

превращусь въ святого и упорствующаго и нанесу, такимъ образомъ, вредъ движенію? Я весьма далекъ отъ этого. Я никогда не подавалъ совѣта, клонящагося къ войнѣ, ну, такъ-таки ни единымъ словомъ. Война наступила. Никто не думаетъ о Германіи. Австрія должна погибнуть, Франція должна въ освободительной войнѣ вновь познать свободу или же окончательно стать жертвою грубаго деспотизма. Настоящая война противъ Австріи будетъ въ высшей степени популярна въ Россіи, и вы допускаете, что я буду писать, для успокоенія Мекленбурговъ, противъ дѣйствительности и тѣмъ преуменьшу наше вліяніе!

Я готовъ бесѣдовать съ вами обо всѣхъ этихъ дѣлахъ,—линія моего поведенія ясна, она можетъ иногда уклоняться, но только въ сторону *живыхъ*, а не—покойниковъ и стариковъ.

Журналъ мы еще не разыскали; сдается, я кому-то отдалъ этотъ номеръ, но я найду его.

Какъ могли вы хоть одну минуту думать, что Лермонтовъ добровольно служилъ на Кавказѣ! Право, грѣхъ, что вы такъ мало знакомы съ русской жизнью. Лермонтовъ первоначально былъ сосланъ на Кавказъ, въ армію, въ 1837 г., за свои стихи на смерть Пушкина; отсюда онъ вернулся въ 1840 и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ былъ снова сосланъ въ Кавказскую армію, уже въ качествѣ офицера, за вызовъ, который онъ послалъ графу Баранту, сыну французскаго посланника.

Развѣ я не далъ вамъ исторіи русской литературы Милюкова? Она довольно хороша, изъ нея вы могли бы также кое-что извлечь.
Прощайте.

1209. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

2 Mai 1859.

Madame Ogareff bittet Sie um Erlaubniss, morgen, um halb 1, zu Ihnen zu kommen, um ein Rendez-vous mit einer Bonne zu haben. Die wird zu Ihnen kommen v. M-me Althaus. Sollte es anders sein—so wird sie Ihnen schreiben.

Tchorzewskj wird bei den jungen Menschen die № der Revue suchen.

Переводъ.

2 мая.

Госпожа Огарева проситъ вашего позволенія быть у васъ завтра въ половинѣ перваго, чтобы имѣть свиданіе съ горничной.

Та придетъ къ вамъ отъ г-жи Альтгаузъ. Если почему-либо устроится иначе, она вамъ напишетъ.

Тхоржевскій поищетъ у молодыхъ людей № журнала.

1210. Письмо къ сыну.

2 мая 1859.

Park House, Fulham.

Любезный другъ, сегодня семь лѣтъ послѣ кончины Natalie. Половина хорошаго въ твоей жизни и больше еще въ жизни Таты и Ольги погребено съ ней. Ничего не можетъ замѣнить въ отроцескія лѣта нѣжную любовь матери, и при томъ какой матери! Вотъ я доживаю пятый десятокъ, но, вѣришь ли ты, что такой великой женщины я не видалъ. У нея умъ и сердце, изящество формъ и душевное благородство были неразрывны. А эта безпредѣльная любовь къ вамъ... Да, это былъ высшій идеалъ женщины!

Я хотѣлъ подождать, но рѣшился послать для сегодняшняго дня листы «Полярной Звѣзды»; прочти сперва 16 нояб. ¹⁾ и «Лондонскіе туманы».

Здѣсь все говоритъ о войнѣ и, главное, о русскомъ союзѣ. Савичъ ²⁾ и Мюллеръ со стороны Австріи сражаются съ Бокэ и Девилемъ. Что-то у васъ дѣлается? Напиши подробнѣе, но и объ занятіяхъ твоихъ и о путешествіи. Ты могъ въ Генуѣ видѣть войска въ грансиновыхъ панталонахъ ³⁾, отчего же ты съ такимъ лаконизмомъ пишешь?

К. Фогтъ пишетъ, что послалъ моихъ денегъ къ отцу 1,400 фр. Возьми изъ нихъ истраченныя для Рокка и отдай 25 фр., потомъ можешь брать у него по частямъ; это—въ твое жалованье.

Прощай. Обнимаю тебя. Всѣ здоровы. Огар. и Natalie кланяются. ¹

◆◆ 1. 8 мая у Герцена былъ Ф. Боденшtedтъ, нѣмецкій поэтъ и переводчикъ русскихъ писателей. Вотъ что онъ писалъ своей женѣ на слѣдующій день: «Герценъ живетъ приблизительно въ въ полутора нѣмецкихъ миляхъ отъ меня. Ѣхать приходится черезъ самыя оживленныя части города; послѣ часовой ѣзды попадаешь въ мѣстность, носящую преимущественно сельскій характеръ,

¹⁾ «Осепано Нох».

²⁾ Иванъ Ивановичъ.

³⁾ Грансинъ—красящее вещество шоколаднаго цвѣта.

гдѣ маленькіе дома и садики перемежаются красивыми парками и виллами (безъ исключенія каменными). Въ одной изъ красивѣйшихъ виллъ живетъ Герценъ; домъ расположенъ среди прелестнаго, освѣннаго величественными купами деревьевъ парка, почему и носить названіе Park House. За все это жилище, съ полной богатой обстановкой, съ паркомъ и пр., Герценъ платитъ 300 ф. ст. въ годъ... Герценъ изъясилъ большую радость видѣть меня, и я долженъ признаться, что и мнѣ было весьма интересно познакомиться съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень замѣчательнымъ человѣкомъ, столь же остроумнымъ въ устной бесѣдѣ, какъ въ своихъ писаніяхъ. Это неистощимое остроуміе—опасная вещь для политика; ему въ значительной мѣрѣ и надо приписать политическую сбивчивость (Konfusion) Герцена; удачной остротѣ онъ готовъ пожертвовать всей всемірной исторіей. Онъ хочетъ преобразовать міръ и не умѣетъ держать въ порядкѣ собственный домъ, въ которомъ царитъ изрядный кавардакъ. Многочисленная прислуга безнаказанно тиранизируетъ и обманываетъ его, такъ что въ Лондонѣ разсказываютъ объ этомъ чудовищная исторія. При этомъ онъ, несмотря на ѣдкую остроту своего ума,—само благодущіе, гостеприименъ, какъ русскіе въ старину (у него всегда открытый столъ), и любезнѣйшій человѣкъ въ обхожденіи. Что касается его наружности, то не знаю, съ кѣмъ бы изъ нашихъ знакомыхъ сравнить его, чтобы дать тебѣ представленіе о немъ. Онъ широкоплечій, плотный, значительная голова съ могучимъ лбомъ, острыми глазами и энергичнымъ выраженіемъ лица. Волосы на головѣ и бородѣ были черными, но теперь уже съ сильной просѣдью, хотя ему всего сорокъ шесть лѣтъ» (Westermanns Illustr. Deutsche Monatshefte, 1894, Bd. 75, 123; переводъ г. Гершензона, заимствую изъ I кн. «Голоса Минувшаго» 1913).

Не умѣвшій совмѣстить въ одномъ человѣкѣ желаніе реформировать міровую жизнь съ неспособностью устроить внѣшній порядокъ въ собственной квартирѣ, Боденштедтъ, самъ, конечно, не могъ замѣтить «изряднаго кавардака» въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ домѣ Герцена, а довѣрился кому-нибудь изъ общихъ лондонскихъ знакомыхъ. Свѣдѣнія эти не точны; по разсказамъ бывавшихъ тамъ чаще, домъ Герцена въ Лондонѣ не отличался англійской методичностью прислуги, но и не выдѣлялся иеъ другихъ безпорядкомъ; во всякомъ случаѣ укладъ жизни въ этомъ отношеніи лежалъ не на Герценѣ, а на Огаревой. Герценъ далеко не былъ настолько пассивенъ, чтобы дать прислугѣ возможность не только тиранизировать себя, но и сколько-нибудь замѣтно эксплуатировать.

1211. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 мая (1859).
Park House, Fulham.

Что же вы, въ Вѣнѣ или дома? Какъ можно теперь ѣздить въ Вѣну, этого я не понимаю. Вотъ какъ задумали туда ѣхать, такъ у васъ и пошли вѣнскія мысли. Ну что же вы испугались, что я помянулъ Р. ¹⁾, говоря о 1847 годѣ? На иностранномъ языкѣ этого долго не будетъ, и тамъ выпустимъ. До сихъ поръ къ Огар. корреспонденція идетъ, какъ по маслу, а потому и не бойтесь.

Ну вотъ, дожили мы съ вами опять до 1812 года... заварилась каша; какъ-то ее расхлебаютъ. Полагаю, что вы половину новостей и не знаете. А ужъ эти поганые нѣмецкіе патріоты,—даже Мюллеръ-Стр. туда же, хорохорится. И вы не припадаете ли на австрійскую ножку? Боже васъ оборони! теперь все дѣло въ томъ, чтобъ уничтожить Австрію, а тамъ послѣ разберемъ, кто другъ и кто врагъ.

Сегодня семь лѣтъ, какъ мы съ вами были на похоронахъ... а ужъ сколько событій совершилось. О, жизнь, жизнь...

Прощайте.

«Колоколь» опоздалъ, зато будетъ въ два листа съ половиной, но выйдетъ не раньше *субботы*.

1212. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

6 May (1859). 10 Uhr Morg.
Park House, Fulham.

Liebe Malvida, wollen Sie russische Kinder und russische Kindererzeugerinnen sehen, so kommen Sie heute um 3 (Freitag). Mad. Og. hat Ihnen geschrieben mit einem Busetr ²⁾ (das ist das englische von Omnibus Konduktor); da ich aber an nichts glaube, nur an die Post, so schreibe ich noch.

¹⁾ Въ «Быломъ и думамъ». Р.—Рейхель.

²⁾ Bus—сокращеніе слова omnibus; вторая часть слова—не встрѣчаемое въ англ. языкѣ сочетаніе буквъ (см. переводъ письма).

Sie werden nicht nur die Kinder sehen, sondern 43 Liv. bekommen.
Trübner hat sich für Östreich deklariert—jetzt kann man erst sagen:
Östreich ist noch nicht verloren.

A. H.

Переводъ.

6 мая, 10 ч. утра.

Милая Мальвида, если вы хотите видѣть русскихъ дѣтей и русскихъ родительницъ, то приходите сегодня, около 3 (пятница). Г-жа Ог. написала вамъ съ «бусэтромъ» (это англійское названіе кондуктора омнибуса ¹⁾), но, такъ какъ я не вѣрю ни во что, кромѣ почты, то пишу еще.

Вы не только увидите дѣтей, но и получите 43 фунта.

Трюбнеръ объявилъ себя сторонникомъ Австріи; вотъ теперь можно сказать, что Австрія еще не погибла.

A. G.

1213. Письмо къ сыну.

11 мая 1859.

Park House, Fulham.

Любезный другъ, мало ты пишешь и очень разсѣянно. Зачѣмъ же писать между дѣломъ или когда нѣкогда? А неужели въ десять дней тебѣ нѣтъ времени поговорить дѣльно съ нами?

Войны я не желалъ, но война *есть*, и Австрія можетъ отъ нея погибнуть, и черезъ то не только Италія освободится, но— Венгрія и славяне. Я становлюсь со стороны войны. Въ будущемъ листѣ «Колок.», 1 іюня, будетъ длинная статья объ этомъ; если хочешь, переведи ее на франц. или нѣмец. и напечатай или покажи своимъ товарищамъ. Что Россія тайно помогаетъ Напол., въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, да и бѣды нѣтъ: Австрія, боясь Россіи, будетъ постоянно держать 200,000 войскъ въ Трансильваніи и Галиціи, что ее очень ослабитъ. Намъ надобно проповѣдывать славянскую конфедерацию, независимую отъ русскаго правительства, но соединенную съ нимъ, какъ союзница; въ эту конфедерацию, вѣроятно, взойдутъ и венгры (Клапка, Телеки и др. ужъ поѣхали), и молдовахи, и турецкая Сербія.

Отъ Мордини и Козенца я получилъ письмо. Здѣшніе итальянцы сильно оставляютъ Осипа Иванова. ²⁾ ¹⁾

¹⁾ Обычное названіе было: omnibus-driver или, сокращенно, bus-driver.

²⁾ Маццини.

Въ Москвѣ отставленъ Закревскій, и на его мѣсто поступилъ Строгановъ, бывший попечитель.

Здѣсь былъ астрономъ Гиршъ, очень ученый малый; онъ заводитъ обсерваторію въ Невшателѣ и часто бываетъ въ Бернѣ; я просилъ его отыскать тебя.

Отъ Висконти получилъ твою расписку въ 8 liv. 2 sh.

Форту, если имѣешь случай, сообщи, что я сильно муссировалъ его прекрасную брошюру: въ Нью-Йоркѣ уже напечатаны отрывки, а здѣсь Пульскій хочетъ помѣстить въ «Daily News».

Затѣмъ прощай. Пиши больше. Ты, все-таки, никогда не пишешь Огаревымъ да, наконецъ, и Татѣ мало. Бойся разсѣянности, какъ огня.

◆◆ 1. Около этого времени Маццини обратился къ Герцену со слѣдующимъ письмомъ: «Любезный другъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбой съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, преодолѣть которое мнѣ повелѣваетъ безусловный долгъ. По причинамъ, которыя было бы бесполезно излагать здѣсь въ подробностяхъ, такъ какъ мое обращеніе къ вамъ является личнымъ, но ключъ къ нему должно дать вамъ положеніе вещей въ Италіи: я нуждаюсь въ деньгахъ. Нѣсколько англичанъ, собирающихъ ихъ для меня, предполагали обратиться къ вамъ,—я предпочитаю написать вамъ непосредственно. Не хотите ли вы оказать *мнѣ*, какую можете, денежную поддержку на дѣло свободы? Это разъ навсегда. Я никогда больше не стану васъ утруждать. Я колебался, но потомъ сказалъ себѣ, что если бы обратились ко мнѣ за тѣмъ же для Россіи, я далъ бы вамъ, что смогъ,—и я взялся за перо. Я бы не взялъ его, если бы вы все еще теряли на вашихъ русскихъ изданіяхъ. Но я знаю отъ васъ, что расходы покрываются, и что Трюбнеръ зарабатываетъ. Скажите мнѣ слово и считайте меня своимъ другомъ» (Напечатано г. Гершензономъ въ V кн. «Былого» 1907 г.; исправлено по подлиннику, находящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

1214. [Отвѣтъ корреспондентамъ. Гр. А. Г. Строгановъ. „Bureau de la presse“].

На этотъ разъ мы очень богаты корреспонденціями изъ разныхъ концовъ Россіи; объемъ нашего листа не позволяетъ намъ передать ихъ цѣликомъ, и мы ограничиваемся выписками и приложеніемъ двухъ важныхъ документовъ.

Къ этому листу мы прилагаемъ текстъ проекта освобожденія крестьянъ, сдѣланный Ростовцовымъ, съ нашими замѣчаніями; къ слѣдующему—приложимъ продолженіе засѣданій московскаго комитета: документъ этотъ очень важенъ. Пусть русскій народъ и потомство знаютъ, каково большинство дворянства «первопрестольной столицы», и многимъ ли оно опередило дворянство «императорской резиденціи».

Одно изъ вновь полученныхъ писемъ снова направлено противъ *обвинительнаго акта*, помѣщеннаго въ 29 листѣ; письмо это въ высшей степени благородно. Но мы уже сказали, что не будемъ длить эту полемику въ «Колоколѣ». Если авторъ непремѣнно желаетъ, мы помѣстимъ его письмо въ VIII книжкѣ «Голосовъ».

Переходя къ другому письму, адресованному отъ имени нѣсколькихъ особъ, мы откровенно сознаемся, благодаря за всѣ дружескія вещи, высказанныя намъ писавшими, что мы не раздѣляемъ ихъ мнѣнія насчетъ гласности. Отдавая намъ на копье все гражданское и военное управленіе, письмо требуетъ совершеннаго молчанія о *духовенствѣ* и упрекаетъ насъ, что мы говорили о пошлыхъ и несвоевременныхъ вмѣшательствахъ петербургскаго митрополита въ женскія шали и популярныя лекціи геологіи.

Какія искаженные понятія оставила въ умахъ долгая стѣснительная цензура и совершенная непривычка къ вольной рѣчи!

Позвольте узнать, на какомъ основаніи мы, осмѣливающіеся порицать безсмысленныя и разорительныя поѣздки великокняжескія, мы, осмѣливающіеся обличать подленькіе циркуляры Ковалевскаго, бездѣльничество варшавскаго Муханова, держимордство Закревскаго,—будемъ смиренно молчать, когда выжившій изъ ума монахъ выползетъ изъ сырой кельи своей для того, чтобъ мѣшать наукѣ, чтобъ стѣснять нашу маленькую волю?

Мы только тѣмъ оправданы передъ всѣми и передъ своей совѣстью, мы только тѣмъ и сильны, что, сдѣлавшись обличителями за нѣмую родину, мы никогда ни въ чемъ не дѣлали различія между министрами и квартальными, между Панинымъ и Маріей Бредау, и что для насъ Адлерберги, Сечинскіе, Орловы такъ же равны, какъ Филареты, Макридіи, Акрупириі, московскіе, коломенскіе, эчміадзинскіе и не знаю какіе святители.

Странное понятіе о свободѣ книгопечатанія! Ухо русское было желѣзомъ завѣшено,—ему больно слышать свободную рѣчь! Что дѣлать—пусть воспитается къ ней!

Къ тому же нападка на насъ за то, что мы часто говоримъ о духовенствѣ, совершенно несправедлива,—для этого стоитъ перелистовать «Колоколъ». Не говорили мы часто о духовенствѣ

потому, что не до него теперь дѣло,—другое давитъ намъ грудь и бросаетъ кровь въ голову. Но могли ли мы остаться безмолвными зрителями, когда это молчавшее, забитое духовенство, кропившее святой водой учрежденіе крѣпостного рабства, военныя поселенія, всякія казни, благословлявшее два вѣка съ половиною насильственные браки, безмолвно хоронившее засѣченныхъ дворовыхъ людей, не нашедшее и теперь ни одного сильнаго слова въ пользу освобожденія крестьянъ,—вдругъ заговорило противъ маленькихъ газетъ, противъ популяризаціи науки?

Пусть живые мертвецы держатся сообразно своему *чину* и молчатъ, тогда и мы будемъ молчать. Пусть, наконецъ, они пишутъ свои богословскіе каламбуры, переставляя смыслъ и слова какого-нибудь текста,—мы не будемъ ихъ читать. Но всякій разъ, когда архипастырскій жезлъ ударитъ по живому мясу нашей начинающей свободы, какъ полицейская палка,—мы закричимъ!

— Въ письмѣ изъ Новороссійскаго края много подробностей о графѣ Строгановѣ. Онъ очень развился съ тѣхъ поръ, какъ былъ министромъ; мы никакъ не ожидали, чтобъ у него была такая прогрессивная натура въ грубомъ обращеніи (которое у насъ часто принимаютъ за аристократизмъ, забывая, что аристократы — люди хорошо воспитанные) и въ ультра-николаевскомъ направленіи.

— Далѣе, мы получили патріархальный разсказъ, какъ князь Юрій ¹⁾ Голицынъ освобождалъ крестьянъ *отъ земли* въ Тамбовской губерніи, и рядомъ съ нимъ фешенебельный анекдотъ изъ высшей жизни—о вѣкселѣ Адлерберга и одной французенкѣ, посаженной подъ арестъ Тимашевымъ.

— Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ исторій въ чисто россійскомъ вкусѣ; напр., исторія о томъ, какъ генераль-лейтенантъ Фроловъ обругалъ купцовъ въ Ярославлѣ, пришедшихъ его звать на балъ; похождения ополченскаго офицера Карцева, кончившіяся потерей собственности за несогласіе *присвоить* себѣ деньги ратниковъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ княземъ Урусовымъ; дѣло это, какъ видно изъ письма, было на виду у Сухозанета, Ланского и Долгорукова. Карцевъ писалъ къ самому государю... но письма до него не доходятъ. Говорятъ, будто, и «Колоколь» не доходитъ больше, а что для него *перепечатаваютъ* въ Петербургѣ съ должнымъ очищеніемъ.

Всѣ эти исторіи мы будемъ передавать мало-по-малу и про-

¹⁾ Николаевичъ.

симъ нашихъ корреспондентовъ извинить насъ, если мы нѣсколько сократимъ ихъ рассказы ¹⁾).

— Табелъ о рангахъ прежде всего! Начинаемъ нашу хронику съ министровъ, генераль-адъютантовъ, жандармовъ... и, во-первыхъ, съ революціонно-цензурнаго триумвирата: Адлерберга-сына, Тимашева-свояка и Муханова-оберъ-форъ-шнейдера ²⁾...

«J'avois vu»—говоритъ въ извѣстномъ фарсѣ старый наполеоновскій гренадеръ—«j'avois vu l'entrevue des trois empereurs, dont le roi de Prusse faisait partie» ³⁾... Я думаю, эту-то роль и играетъ оберъ-форъ-шнейдеръ въ комитетѣ цензурнаго спасенія.

Случаи эти были въ исторіи. Между консуломъ Бонапартомъ и консуломъ Сіэйесомъ былъ, по словамъ m-me Сталь, «какъ лайка между брильянтами», консулъ Лебрень.

Вотъ что три консула цензуры говорятъ въ своемъ первомъalebescитѣ.

Выписка изъ циркуляра Комитета по дѣламъ книгопечатанія.
«По случаю обнаружившагося неодобрительнаго направленія въ политическихъ отдѣлахъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ повременныхъ изданій, государь императоръ въ 24 день минувшаго февраля высочайше повелѣтъ соизволилъ:

«1) Текущія политическія *извѣстія*, какъ въ ежедневныхъ газетахъ, такъ и въ недѣльныхъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ Москвѣ, заимствовать исключительно изъ газетъ петербургскихъ, которыхъ политическіе отдѣлы разрѣшаются къ печати цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ. 2) Политическія *обозрѣнія* и *статьи* въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, хотя и должны быть составлены по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, рассмотрѣнныхъ цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, но какъ въ подобныхъ статьяхъ и обзорѣніяхъ можетъ проявляться собственный взглядъ автора, иногда противный политикѣ нашего правительства, то для устраненія всякихъ неумѣстныхъ сужденій и намековъ, разсматривать эти обзорѣнія и статьи въ полномъ засѣданіи московскаго цензурнаго комитета и съ разрѣшенія его позволять печатаніе оныхъ; въ случаѣ же какого-либо недоумѣ-

¹⁾ Корреспонденту, предлагающему намъ статьи и документы для «Историческаго сборника», спѣшимъ отвѣчать, что, само собою разумѣется, мы имъ рады и просимъ прислать. Изъ названныхъ имъ одна статья Воейкова у насъ есть да другая напечатана уже въ одномъ изъ «Русскихъ сборниковъ». А. И. Г.

²⁾ Прежнее придворное званіе.

³⁾ Я видѣлъ свиданіе трехъ императоровъ, съ которыми игралъ король прусскій.

нія или сомнѣнія комитета, представлять эти статьи и обозрѣнія г. министру народнаго просвѣщенія, для передачи ихъ, если то признается нужнымъ, на окончательное разсмотрѣніе министра иностранныхъ дѣлъ».

Не выходя изъ храма Минервы-воздержительницы и изъ экзерциръ-гауза просвѣщенія, мы отъ *дуэта*, въ которомъ оберъ-форъ-шнейдеръ поетъ *третій* голосъ, переходимъ къ слабо-грудому солисту Ковалевскому. Вотъ что поетъ дворецкій Минервы по слѣдамъ Строганова—великаго вотчима, по *стопамъ* Норова—великаго талмудиста ¹⁾.

Довольно просвѣтились мы,—оберъ-форъ-шнейдеръ можетъ начать разрѣзывать сову Минервы,—насъ сердце влечетъ къ Марсу ²⁾.

Ну, теперь позвольте отдохнуть... и сходить въ баню... Фу... а тутъ толкують о Темзѣ... Вотъ *дренажъ*-то гдѣ употребить... пока есть такой грязеотводъ, какъ неотвѣтственное *быть по сему*. ¹

◆◆ 1. Какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы партіи крѣпостниковъ, за спиною «Bureau de la presse», за сохраненіе своихъ феодальныхъ и прочихъ привилегій, приведу до сихъ поръ неизвѣстную исторію московскаго «Журнала Землевладѣльцевъ», издававшася Алексѣемъ Дмитріевичемъ Желтухинымъ, членомъ редакціонныхъ комиссій, а впослѣдствіи помощникомъ статсъ-секретаря госуд. совѣта.

4 февраля 1859 г. Желтухинъ писалъ В. А. Муханову, брату вдохновителя «Bureau»:

«Милостивый Государь Владиміръ Алексѣевичъ, полагая, что братецъ Вашъ обремененъ дѣлами, я рѣшилъ съ Вами поговорить о своихъ дѣлишкахъ, прося у Васъ напередъ извиненія въ дѣлаемомъ Вамъ безпокойствѣ и полагаясь на доброе расположеніе Ваше, знаки котораго я неоднократно видѣлъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Вы были свидѣтелемъ всѣхъ моихъ докладовъ Николаю Алексѣевичу. Припомните, можетъ быть и то, что, уѣзжая изъ Петербурга, я просилъ его объ одномъ: разрѣшить мнѣ, какъ я долженъ вести свои редакторскія дѣла — къ прекращенію или къ продолженію журнала? Съ свойственною ему любезностію братецъ Вашъ сказалъ мнѣ: «ужъ, конечно, не къ прекращенію!» и обѣщалъ въ скоромъ времени дать мнѣ рѣшительный

¹⁾ Дальше идетъ извѣстный очень длинный циркуляръ отъ 14 іюня 1858 г. о предосудительности «Одесскаго Вѣстника».

²⁾ Дальше слѣдуетъ опять длинное письмо корреспондента о грубости генерала Фролова съ ярославскими купцами, приглашавшими его на торжественный обѣдъ въ честь губернатѣра А. П. Бутурлина.

отвѣтъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ самага *юрячаю* для подписки на журналы времени терпѣливо ждалъ я вѣсти изъ Петербурга, продолжалъ вести переписку со своими корреспондентами внутри Россіи и въ Парижѣ, откуда обѣщали мнѣ подробныя описанія съ рисунками большихъ, малыхъ и среднихъ фермъ, различныхъ улучшенныхъ хозяйственныхъ производствъ, обзорѣнія европейскихкихъ хозяйствъ, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, обзорѣнія журналовъ и подлинныя политипажи изъ лучшихъ французскихъ изданій, и требуютъ назначенія сроковъ *и денегъ*. Деньги нужны и для уплаты русскимъ сотрудникамъ, несмотря на то, что у меня болѣе 300 статей лежитъ въ портфель — и я не о томъ хлопочу, чтобы не платить, а о томъ, что, заплативъ и прекративъ изданіе, останусь съ грудю ненапечатанныхъ статей, которыя будутъ грустно упрекать меня за растраченныя безъ пользы деньги. Сверхъ того, какъ журналистъ, обязанъ я подписываться на всѣ журналы, за которые могу платить своимъ изданіемъ, а прекративъ его — чистыми деньгами. Никакихъ экономій не могу сдѣлать по конторѣ, потому что на два-три мѣсяца никто изъ порядочныхъ людей ко мнѣ нейдетъ.

«Наконецъ, несмотря на то, что я не объявлялъ подписки, каждый день получаю объявленія: подписываются на 1859 годъ. Чтобы не платить за обратную пересылку и за комиссію книгопродавцамъ, гораздо бы ужъ лучше объявить, что подписка *не принимается*. Но этого-то объявленія я и не могу сдѣлать, имѣя въ виду слова Николая Алексѣевича. Поэтому, убѣдительно прошу Васъ, добрѣйшій Владиміръ Алексѣевичъ, взять на себя трудъ узнать отъ брата Вашего: въ какомъ положеніи мое дѣло, и откровенно сказать мнѣ: *да* или *нѣтъ*!

«Видитъ Богъ, что я не ишу ни своей славы, ни выгоды. Изданіе положительно вредно и для моего кармана и для здоровья и, можетъ быть, для моего добраго имени, но я надѣялся и не теряю надежды (очень можетъ быть, что заблуждаюсь) принести пользу отечеству, и эта только мысль препятствуетъ мнѣ поступать такъ, какъ бы слѣдовало по здравому обсужденію моихъ собственныхъ интересовъ. Чтобы показать Вамъ, что планъ мой былъ не совсѣмъ дуренъ, что я не совсѣмъ ошибочно рассчитывалъ на пріобрѣтеніе сочувствія дворянства, для того, чтобы потомъ могли на него имѣть вліяніе убѣжденія содѣйствовать всѣми силами правительству въ духѣ широкаго пониманія не всѣхъ интересовъ и выгодъ крестьянъ, въ духѣ великихъ государственныхъ основъ религіи, нравственности и порядка, — посылаю Вамъ письмо ко мнѣ зарайскихъ дворянъ и мой имъ отвѣтъ. — Если бы

я былъ шарлатанъ, стоило бы только напечатать это письмо... Но я началъ свое дѣло съ молитвой и до сихъ поръ дѣйствую въ полной преданности волѣ Божіей и въ упованіи, что «безъ Его воли ни одинъ волосъ съ головы не спадетъ», и что мы всѣ, сколько насъ ни есть, — только орудія Его мудраго и благого Промысла!

«Есть и такіе господа, которые хотятъ взять отъ меня журналъ и обѣщаютъ вознаградить меня за убытки нынѣшняго года, лишь бы я оставилъ его подъ *своимъ* именемъ. Но у меня только и есть это неотъемлемое состояніе, и, разумѣется, я берегу его пуще всего и одному только человѣку въ Россіи могу поступиться своею независимостью... Но обо всемъ этомъ мы уже довольно говорили въ Петербургѣ».

Письмо къ Желтухину 39 зарайскихъ дворянъ:

«Милостивый Государъ Алексѣй Дмитріевичъ, со времени обнародованія мѣръ къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ на новыхъ основаніяхъ, развитіе коихъ высокимъ довѣріемъ Монарха поручено дворянству, для cadaго, кто слѣдитъ за событіями въ отечествѣ, и преимущественно для помѣщиковъ, какъ прямыхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ, очевидна была надобность въ такомъ періодическомъ изданіи, которое, будучи исключительно посвящено разработкѣ возникшаго вопроса, открыло бы свои страницы живому размѣну мыслей между учеными и практиками, съ тѣмъ, чтобы совокупными умственными силами удовлетворительно рѣшить великую задачу. Въ осуществленіе этого появились спеціальныя временныя изданія и, кромѣ того, почти всѣ другіе журналы приняли болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ разъясненіи дѣла. Хотя многое изъ напечатаннаго уже по этой части заслуживаетъ благодарности со стороны помѣщиковъ, установивъ мнѣнія въ отношеніи различныхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ возложеннаго на нихъ труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, прочли мы не мало язвительныхъ выходокъ противъ помѣщичьей власти, колкихъ замѣчаній собственно о помѣщикахъ и грубыхъ натяжекъ къ пользамъ одного сословія въ ущербъ другого; словомъ, прочли много такихъ лжемудрствованій, которыя не могли не волновать духа заинтересованнаго читателя.

«Вотъ въ этомъ-то случаѣ заслуга Вашего прекраснаго журнала въ глазахъ нашихъ неоцѣнима. Обогащая публику дѣльными статьями вообще, онъ, какъ неизмѣнный защитникъ правды, неослабно преслѣдуетъ всякую подобную напраслину и выставляетъ дѣло въ истинномъ его видѣ, безпристрастно, въ томъ сознаніи, что только одинъ этотъ путь можетъ существенно вести къ бла-

готворному разрѣшенію современнаго вопроса. Проникнутые чувствомъ признательности къ просвѣщеннымъ и полезнымъ трудамъ Вашимъ и почтенныхъ Вашихъ сотрудниковъ, мы съ искреннимъ убѣжденіемъ высказали Вамъ то, что готовъ сказать каждый изъ многочисленныхъ (?) подписчиковъ и безчисленныхъ (!) читателей Вашего достойнаго журнала.

«Примите, Милостивый Государь, эти строки, какъ слабое выраженіе живѣйшаго нашего сочувствія къ Вашему благонамѣренному изданію, и какъ знакъ особеннаго нашего къ Вамъ уваженія и преданности, съ коими имѣемъ честь быть, Милостивый Государь, готовые къ услугамъ: Федоръ Повалишинъ, Александръ Кузьминъ, Іаковъ Басовъ, Петръ Селивановъ, Василій Кузьминъ, Николай Окуньковъ, Викторъ (неразборчиво), Никита Селивановъ, Александръ Басовъ, Иванъ Крюковъ, Иванъ (неразборчиво), Павелъ Палибенъ, Дмитрій Гололобовъ, Александръ Злобинъ, Василій Повалишинъ, Князь Алексѣй Волконскій, Михаилъ Крюковъ, Александръ Титовъ, Александръ Крюковъ, Дмитрій Логвеновъ, Матвѣй Чуфаровскій, Александръ Гололобовъ, Иванъ Межениновъ, Павелъ Логвеновъ, Иванъ Повалишинъ, Михаилъ Лихонинъ, Александръ Филипповъ, Александръ Ваксмуть, Николай Дурасовъ, Николай Буковскій, Князь Левъ Крапоткинъ, Поручикъ (неразборчиво), Павелъ (неразборчиво), Алексѣй Кирхнеръ, Николай Матягъ, Николай Лихаревъ, Иванъ Злобинъ, Сергѣй Ржевскій, Князь Николай Щетининъ».

Отвѣтъ Желтухина, не оставляющій сомнѣній въ обслуживаніи имъ только дворянскихъ интересовъ:

«Лестное выраженіе сочувствія, которымъ Вы почли меня въ письмѣ отъ... декабря, подписанномъ Вами, Милостивый Государь, въ числѣ 39 гг. дворянъ Зарайскаго уѣзда, тронуло меня до глубины души. Оно доказало мнѣ, что я не даромъ трудился на журнальномъ поприщѣ, на которое вышелъ единственно потому, что никто другой не хотѣлъ взяться за осуществленіе моей мысли о необходимости такого органа, цѣль и пользу котораго Вы такъ прекрасно поняли и оцѣнили. Оно вознаградило меня за всѣ труды и убытки. Да, и убытки, значительность которыхъ по моему состоянію ведетъ меня къ необходимости отказаться отъ продолженія моего изданія—почти въ то самое время, когда мнѣ, въ благодарность за Ваше сочувствіе, слѣдовало бы, и съ такою поддержкою легко было бы, трудиться: не имѣя полной матеріальной къ тому возможности и въ то же время сознавая вмѣстѣ съ Вами, что дворянству нуженъ органъ справедливый и безпристрастный, я не нахожу другого средства къ продолженію изданія «Журнала

Землевладѣльцевъ», какъ передать его въ распоряженіе самого дворянства. Невозможное для частнаго человѣка легко и возможно для цѣлаго сословія... Остается только придумать: какъ это сдѣлать? И за этимъ-то совѣтомъ я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, какъ къ одному изъ первыхъ, гласно одобвившихъ мое предпріятіе.

«Если бы дворянство захотѣло поддержать изданіе «Журнала Землевладѣльцевъ», то, разумѣется, отъ него зависило бы и избраніе редактора и издателя. Я, съ своей стороны, былъ и буду готовъ только трудиться на пользу общую, но, по моимъ собственнымъ дѣламъ, для меня было бы гораздо легче и удобнѣе работать въ качествѣ рядоваго сотрудника».

Завѣдывавшему дѣлопроизводствомъ «Vigueau» Никитенку было поручено составить по этому вопросу «записку», которую и внести на разсмотрѣніе «Vigueau». Вотъ она:

«Не встрѣчая въ спискѣ журналовъ, объявленныхъ къ выходу въ 1859 году, «Журнала Землевладѣльцевъ», можно предполагать, что изданіе это прекратится по слѣдующимъ причинамъ. Издатель «Журнала Землевладѣльцевъ», будучи вполнѣ преданъ дѣлу освобожденія и на опытѣ, въ собственномъ своемъ имѣніи, изучивъ практическія стороны улучшения быта крестьянъ, одною изъ главныхъ цѣлей поставилъ себѣ: всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ убѣдить въ благости намѣреній правительства и склонить къ дружному, дѣятельному содѣйствію. Для достиженія этой цѣли онъ почиталъ необходимымъ дать свободу высказываться всѣмъ и самая противоположная мнѣнія сопоставлять такъ, чтобы одно поправлялось другимъ и чтобы въ результатѣ, само собой, очевидно высказывалось преимущество желаній правительства. Онъ долженъ былъ сообщать какъ можно болѣе свѣдѣній, печатать всѣ, какія только можно мнѣнія и не жалѣть денегъ на изданіе. Онъ долженъ былъ окружить себя даровитыми помощниками, а только усиленнымъ вознагражденіемъ можно было привлечь ихъ къ журналу, потому что, именно вслѣдствіе своего безпристрастія «Журналъ Землевладѣльцевъ» отсталымъ показался *черезчуръ либеральнымъ*, радикаламъ — *плантаторскимъ* и самымъ снисходительнымъ — *безцвѣтнымъ*.

«Кромѣ собственнаго усердія, издателю необходимы были большія матеріальныя средства и нравственная поддержка. Онъ сдѣлалъ, что могъ: въ первое полугодіе издалъ такое число листовъ, какое обѣщалъ въ годъ, и по числу подписчиковъ (около 1400) предвидитъ отъ 10-ти до 15000 рублей серебромъ убытка. Рисковать убыткомъ и на будущій годъ человѣку умѣреннаго со-

стоянія и обязанному устроить участь пятерыхъ дѣтей невозможно. Необходимость журнала умѣреннаго, религіознаго и, такъ сказать, *полуофициальнаго*, неоспорима; поэтому желательно, чтобы «Журналъ Землевладѣльцевъ» продолжался на тѣхъ же основаніяхъ и съ тѣмъ же направленіемъ, какія имѣлъ доселѣ.

«Чтобы дать издателю возможность продолжать дѣло полезное, безъ совершеннаго разстройства, ему необходимо было бы денежное пособіе, которое приблизительно можно бы опредѣлить отъ 7 до 8 т. р. въ годъ, съ тѣмъ, однако, что если дѣло пойдетъ хорошо, то самъ издатель отъ этого пособія откажется».

Между тѣмъ, братья Мухановы «работали»... 14 февраля «Bureau de la presse» представило государю слѣдующій докладъ:

«Со времени обнародованія высочайшей воли объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ на новыхъ основаніяхъ, многіе изъ нашихъ журналовъ приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе. Всѣ они предлагали матеріалы для соображеній, разъясняли разные вопросы, и каждый изъ нихъ принесъ болѣе или менѣе пользы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторые изъ нихъ были не чужды оскорбительныхъ выходокъ противъ помѣщичьей власти, колкихъ замѣчаній насчетъ самихъ дворянъ и несправедливыхъ натяжекъ въ пользу одного сословія къ ущербу другого. Въ этомъ отношеніи *всѣхъ безукоризненнѣе* былъ «Журналъ Землевладѣльцевъ», издаваемый въ Москвѣ помѣщикомъ Желтухинымъ. На опытѣ, въ собственномъ имѣніи изучивъ практическія стороны крестьянскаго быта и вполне понимая важность наступающаго преобразованія, онъ старался всѣхъ, заинтересованныхъ этимъ предметомъ, убѣдить въ благости намѣреній правительства и склонить ихъ къ дружному, дѣятельному содѣйствію. Наполняя журналъ свой статьями, ведущими прямо къ разрѣшенію предстоящихъ вопросовъ, онъ въ то же время *неослабно преслѣдовалъ всякую напраслину на дворянъ* и выставлялъ дѣло въ истинномъ видѣ, безпристрастно, въ томъ сознаніи, что только одинъ этотъ путь можетъ вести къ достиженію цѣли, указанной правительствомъ.

«Русское дворянство съ благодарностію замѣчало такое направленіе журнала, и 39-ть помѣщиковъ Зарайскаго уѣзда прислали къ Желтухину, за общимъ подписомъ, письмо, въ которомъ выразили живѣйшее сочувствіе къ его изданію. Но тѣмъ не менѣе журналъ этотъ, по самой умѣренности и *приличію во сужденіяхъ*, не могъ быть столько заманчивымъ для большинства, чтобы привлечь достаточное число подписчиковъ. Желтухинъ дѣлалъ, что могъ, тратилъ собственный капиталъ и, хотя довелъ журналъ до конца перваго года его существованія, но далѣе видитъ себя въ не-

возможности продолжать свое изданіе безъ вспоможенія со стороны правительства.

«Если «Журналь Землевладѣльцевъ», по духу и направленію своему, доселѣ самъ собою *былъ столько благодѣтельной содержанія*, то можно ожидать, что при поддержкѣ онъ сдѣлается такимъ журналомъ, *какой желалось бы видѣть издаваемымъ отъ правительства*. По сему, для доставленія Желтухину средствъ продолжать столь полезное изданіе, было бы можно назначить ему изъ суммъ Комитета по дѣлу книгопечатанія до *восьми тыс. руб. сер.* въ годъ, съ тѣмъ, что если число подписчиковъ умножится, то съ слѣдующаго года уменьшать эту сумму, а когда журналъ будетъ въ состояніи поддерживать себя собственными средствами, въ то время и вовсе прекратить вспоможеніе».

Резолюція царя ясна: «разрѣшаю».

Гр. Адлербергъ понималъ, конечно, что такое «вспомоществованіе» не должно быть оглашено, а потому секретно просилъ министра финансовъ «приказать сдѣлать распоряженіе о доставленіи къ нему изъ государственнаго казначейства восьми тысячъ рублей серебромъ *на известное ею императорскому величеству употребленіе*».

Въ декабрѣ 1859 г. Желтухинъ обратился къ Н. А. Муханову съ просьбой о помощи, такъ какъ, не издавъ слѣдующихъ очередныхъ 24 книжекъ къ апрѣлю, не могъ получить отпущенные 8000 руб. «Между тѣмъ, непредвидѣнныя неудачи и убытки по изданію и двухлѣтнее пренебреженіе собственными своими дѣлами поставили меня въ такое стѣснительное положеніе, что я не только не въ состояніи посвятить себя столь многотрудному и дорого стоящему дѣлу, каково изданіе *благодѣтельной* журнала, въ особенности исключительно посвященнаго крестьянскому дѣлу, но рѣшительно не знаю, какъ мнѣ спастись отъ разоренія. Для ликвидаціи дѣлъ и уплаты долговъ по изданію я долженъ заплатить болѣе 3000 руб.; для того, чтобы остановить продажу имѣній, изъ коихъ одно заложено собственно для веденія журнала и скоро должно подвергнуться описи, а другое, въ теченіе 17 лѣтъ приготовлявшееся мною къ освобожденію, уже описывается, я долженъ внести въ кредитныя установленія болѣе 5000 р. сер. Не имѣя и не надѣясь въ скоромъ времени приобрѣсти необходимыхъ для сохраненія моего состоянія 8000 р. сер., все мое упованіе я дерзаю возложить на милосердіе государя императора».

22 января 1860 г. «Vigueau» снова просило о поддержкѣ, представивъ царю новый докладъ:

«Помѣщикъ Желтухинъ въ 1858 году предпринялъ, для благонамѣреннаго разъясненія вопроса объ устройствѣ крестьянскаго

быта, издавать журналъ подъ названіемъ «Журналъ Землевладельцевъ». Но такъ какъ предпріятіе это требовало значительныхъ издержекъ, для которыхъ у него собственныхъ средствъ не доставало, то въ прошедшемъ году онъ обратился съ просьбою своею въ Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія объ исходатайствованіи ему отъ всемилостивѣйшихъ щедротъ вашего императорскаго величества денежнаго на сіе дѣло пособія.

«Комитетъ, имѣя въ виду услугу, какую могло оказать важному дѣлу устройства крестьянскаго быта хорошо составленное, *въ духъ правительства*, періодическое изданіе, и основываясь на извѣстной добросовѣстности Желтухина и опытности его въ дѣлахъ, касающихся состоянія помѣщиковъ и крестьянъ, *полагалъ весьма полезнымъ* поддержать его предпріятіе и въ февралѣ мѣсяцѣ 1859 года имѣлъ счастье всеподданнѣйше ходатайствовать у вашего императорскаго величества о назначеніи ему въ пособіе по восьмидесяти тысячъ рублей въ годъ до того времени, пока журналъ придетъ въ возможность существовать собственными средствами, на что въ 14-й день того же февраля послѣдовало высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе.

«Вслѣдствіе сего 8000 руб. тогда же были отпущены изъ министерства финансовъ Комитету, но выданы Желтухину не были, потому что онъ самъ полагалъ воспользоваться сими деньгами не прежде, какъ по выпускѣ въ свѣтъ нѣсколькихъ книжекъ своего журнала. Между тѣмъ, дѣла Желтухина пришли въ такое разстройство, что онъ и обѣщанныхъ по апрѣль мѣсяцъ 1859 года 24-хъ книжекъ журнала не могъ выдать. Находя нынѣ единственнымъ способомъ къ поправленію своего положенія, тягость коего усилена жертвами, принесенными имъ для начатаго имъ изданія, означенныя восемь тысячъ рублей, онъ проситъ Комитетъ объ исходатайствованіи ему выдачи сихъ денегъ, несмотря на то, что журналъ его остановился, и надежду на исполненіе сей просьбы основываетъ единственно на милосердіи вашего императорскаго величества.

«Такъ какъ деньги сіи уже назначены были къ выдачѣ Желтухину, то Комитетъ, принимая въ уваженіе тягостныя обстоятельства его и хотя не довершенные, но *благодѣтельные труды* его, осмѣливается просьбу его повергнуть на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества воззрѣніе. Онъ осмѣливается полагать, что означенныя деньги могли бы быть ему выданы въ видѣ пособія, хотя заимообразно».

Царь, конечно, согласился.

25 февраля Желтухинъ расписался въ полученіи «всемилоствѣйше пожалованныхъ» 8000 рублей (изъ архива А. В. Никитенка).

1215. [Митрополитъ Григорій].

Разъ въ жизни представлялся мнѣ случай благословити Григорія, митрополита петербургскаго, и тутъ злые люди помѣшали. Его высокопреосвященство предложило синоду предать меня анаѣмѣ за то, что я не считаю ересью геологію и скоромными—маленькія газеты, продаваемыя на улицахъ. Само собой разумѣется, что, слѣдуя евангельскому правилу, я тотчасъ бы по телеграфу послалъ *клянущему благословіе*. Намъ пишутъ, что тульскій архіерей помѣшалъ Григорію возвести меня въ чинъ Дмитрія Самозванца, Стеньки Разина, Мазепы, Емельяна Пугачева и... и кого вы думаете?—и дяденьки нашего *magnanimous Ally* ¹⁾. Во время войны 12-го года, духовенство, видя, какъ народъ, купечество и дворяне жертвуютъ за независимость отечества деньгами, людьми, собой, захотѣло показать, что и оно, любя отечество небесное, которое моль не точитъ, любить и земное, которое точитъ Наполеонъ, и дѣйствительно, принесло на жертву больше, чѣмъ кровь и деньги—здравый смыслъ, и предало Наполеона проклятію. Но какъ-то императору Александру I показалось непослѣдовательно называться *Благословеннымъ* и *проклинать* другихъ,—онъ послѣ войны и замаялъ дѣло. По несчастью, кое у кого остались копии съ синодскаго воззванія. Если «цыганъ для компаніи позволилъ себя повѣситься», какъ говоритъ пословица, то для эдакой компаніи можно позволить себя предать григоріанскому проклятію.

1216. [Англійская книга].

«Russia by a recent traveller» ²⁾, London, 1859. Мы такъ привыкли читать о Россіи или нелѣпости, или дикую брань, что умный, свѣтлый взглядъ названной нами книги и статьи: «Russia and the West of Europe», вскорѣ потомъ помѣщенной въ новомъ обзорѣни («Universal Review», vol. I), удивили насъ. Отчего именно въ Англии начинаютъ иначе смотрѣть на Россію? За что она смѣнила уркхартскій ³⁾ гнѣвъ на гакстгаузеновскую милость?..

¹⁾ Великодушнаго союзника, т.-е. Александра I.

²⁾ Заглавіе не полное, дальше слѣдуетъ: «a series of letters» («Россія въ описаніи путешественника недавняго времени; серия писемъ»). Авторъ неизвѣстенъ.

³⁾ Объ Уркхартѣ см. № 686.

Дѣло не въ сочувствіи къ Россіи, а вотъ въ чемъ. Между англичанами есть люди, уважающіе *объективную* истину,—люди, умѣющіе смотрѣть и, что всего важнѣе, умѣющіе *слушать*. Другіе ищутъ глазами и ушами только подтвержденія своихъ прежде придуманныхъ теорій, они *себя* видятъ и *себя* слушаютъ. Такъ дѣлаютъ даже тѣ, которые хвалятъ Россію или страшатъ ея изъ какихъ-нибудь видовъ. Французы почти никогда не ставили ни въ грошъ объективной истины. Нѣмцы, бывало, любили ее, даже и не въ однихъ трансцендентальныхъ предметахъ, но подавленное положеніе ихъ и страхъ зашибли ихъ пониманіе. Имъ все мерещится Семилѣтняя война, французы на Майнѣ, русскіе въ Берлинѣ, и они бранятъ Россію, чтобъ отвести душу, чтобъ не такъ страшно было. Изъ этой грубой и тупой литературы придется исключить нѣсколько книгъ: «Коста-Рику» Вагнера и Ю. Фребеля «Америку и Европу». Но замѣтите, что они оба не *красные* нѣмцы, а пороченные Америкой. Это такъ вѣрно, что Фребелю за его книгу уже досталось отъ свирѣпыхъ тевтоновъ, наслѣдниковъ Яна, Арендта, Менцеля и другихъ французоѣдовъ, напоминающихъ блаженные времена Вѣнскаго конгресса, Меттерниховыхъ *нотъ* и Гейнцовыхъ *варіацій*.

Часть разсказовъ *недавно путешественника* можно было бы перевести; въ нелихорадочный день нашей перемежающейся цензуры ихъ пропустить.

Нельзя, чтобъ въ книгѣ путешественника, пробывшаго очень короткое время въ Россіи, не было ошибокъ; онъ совершенно выкуплены общимъ взглядомъ и широкимъ горизонтомъ. Хотя и въ этой книгѣ виденъ предѣлъ, рубежъ, за который западный умъ никогда не ходитъ: отношеніе русскаго крестьянина къ общинѣ и черезъ нее къ землѣ не оцѣнено авторомъ. Въ чемъ же онъ находитъ соціальныя элементы наши?

1217. [Гр. А. Г. Строгановъ].

Спрашивается, на какомъ законномъ основаніи проконсулъ Строгановъ выселяетъ изъ Одессы людей, которые ему не нравятся лицомъ, цвѣтомъ волосъ или не знаю чѣмъ? Зачѣмъ, напримѣръ, онъ выслалъ, и притомъ очень грубо, г. Галецкаго? или онъ думаетъ, что *porto-franco* значитъ, что *свободно* можно выбрасывать за *дверь*. Да и, вѣдь, *porto-franco* уничтожено?

Но великій *свековъ* ¹⁾ ни на чемъ не останавливается. Онъ велѣлъ со-

¹⁾ Родственникъ его гр. Григорій Александровичъ Строгановъ былъ женатъ на вел. кн. Маріи Николаевнѣ.

братъ по пяти рублей штрафу съ *православныхъ*, бывшихъ въ оперѣ въ среду на первой недѣлѣ поста. Пусть Григорій петербургскій и Іосифъ виленьскій успокоятся: *еще церковь не сгинела*.—Строгановъ за Коржчу, книгу!

1218. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 мая (1859).

Park House, Fulham.

Вотъ послѣднія телеграфическія извѣстія изъ Паркгауза:

«Говорятъ, что ѣдутъ въ четвергъ или пятницу. Будетъ остановка въ Брюсселѣ. До 25 мы не переѣдемъ въ новый домъ; слѣдовательно, разъ, если нужно, можете написать сюда.

Наташу въ вашу Швейцарію и не возите,—у насъ своя Швейцарія есть въ морѣ.

А я васъ попрошу особенно серьезно галлереей заняться, и главное—пригласить очень и очень хорошаго учителя живописи. Рейхеля умоляю: нагайкой ее къ клавикорду.

Вообще, я ей очень доволенъ. Но нашъ образъ жизни до того страненъ, что многое отозвалось. По буднямъ почти никого не бываетъ, по воскресеньямъ—толпа, и все другихъ лицъ.

Les uns qui tournent, les autres qui détournent ¹⁾.

Вчера—изъ Дувра, завтра—въ Дувръ; нѣсколько молодыхъ людей добрыхъ, но непривычныхъ; отсутствіе женщинъ; къ этому добавьте, что съ рожденія Лизы Нат. Ал. почти постоянно хворала и совершенно поглощена ею. Наташа сильно скучала *et pour cause* ²⁾: иначе жить намъ нельзя, а ей—должно.

Она слишкомъ молода, чтобъ понять, что наша жизнь—своего рода подвигъ; одно то, что въ Лондонѣ живешь—самоотверженіе. А потому вы ее отогрѣйте. Только вотъ что: у ней есть нѣкоторые велеитеты ³⁾ (чисто англійскіе) къ аристократизму и роскоши, не питайте этого и не спускайте. Объ учителяхъ и о прочемъ вы просто напишите мнѣ цѣну. ¹

Прощайте.

Знаете ли вы, что въ комитетѣ минист. былъ вопросъ, какъ прекратить лондонскія изданія? Мур. сказалъ: «подкупить большой суммой», но *даже* Панинъ вступился и сказалъ, что такихъ людей не подкупаютъ, и предложилъ *дать мѣсто!*

¹⁾ Одни уходятъ, другіе приходятъ.

²⁾ И не безъ основанія.

³⁾ *Velléité*—желаніе, стремленіе.

◆◆ 1. Это письмо ясно показываетъ, какъ самъ Герценъ смотрѣлъ на свою жизнь, по мѣрѣ сближенія съ Огаревой... Онъ понялъ, что не только сыну, но и 15-лѣтней дочери лучше не жить дома. Это угнетало его, онъ силится внести болѣе нормальный строй, хотя бы во вѣшнюю жизнь, но не могъ... Уѣхала его дочь позднѣе.

1219. Письмо къ сыну.

19 мая (1859).

Огарева посольство вызываетъ въ Россію; онъ, само собою разумѣется, не поѣдетъ и написалъ превосходное письмо. ¹ Статья моя *оъв войнѣ* уже набрана. Фогта въ Марксовомъ журналѣ «Volk» ¹⁾ обругали страшно: говорятъ, что онъ—агентъ Бонапарта. ²

Мы здоровы. Жду отъ тебя письма.

Пыпинъ и Утинъ ²⁾ кланяются. ³

Получилъ ли «Сборникъ» и читалъ ли «Звѣзду»?

Прощай.

◆◆ 1. 2 апрѣля 1859 г. кн. Долгоруковъ, доложилъ Александру II, что Огаревъ гласно выдаетъ себя за сотрудника Герцена, и получилъ повелѣніе поступить въ этомъ дѣлѣ, какъ было поступлено съ Головинымъ, Бакунинымъ и Герценомъ. 14 апрѣля 1859 г. Долгоруковъ просилъ товарища министра иностр. дѣлъ приказать объявить Огареву резолюцію государя и взять съ него письменный на это отзывъ. 22 іюня III Отдѣленіемъ полученъ былъ отзывъ, доставленный посланникомъ въ Лондонѣ бар. Брунновымъ, и сообщеніе, что жена Огарева, Наталія Алексѣевна, получила паспортъ на проѣздъ въ Спб. съ малолѣтнею дочерью Елизаветою. Огаревъ никакого отзыва, собственно, не написалъ, а лишь выдалъ расписку въ полученіи пакета отъ Бруннова и затѣмъ прислалъ запечатанный пакетъ на имя государя; когда же ему заявили въ посольствѣ, что не могутъ принять запечатаннаго письма, то онъ вернулъ его распечатаннымъ. Брунновъ отвѣтилъ Огареву, что ему необходимъ его отзывъ, но что онъ не можетъ входить въ немъ въ объясненія, не касающіяся дѣла, а что такое письмо представлено государю не будетъ, и потому возвратилъ его.

16 іюля Долгоруковъ сообщилъ товарищу министра иностр. дѣлъ, что, прочитавъ въ № 44 «Колокола» рассказъ Огарева о сношеніяхъ съ бар. Брунновымъ, государь приказалъ потребовать

¹⁾ «Volksstaat».

²⁾ Борисъ Исааковичъ.

отъ Огарева положительно выраженный отвѣтъ, намѣренъ ли онъ вернуться въ Россію немедленно.

10 сентября товарищъ министра иностр. дѣлъ послалъ Долгорукову бумагу лондонскаго генеральнаго консула Кремера и письмо Огарева. Кремеръ писалъ Бруннову 18 августа, что, пригласивъ Огарева въ свою канцелярію, онъ прочиталъ ему бумагу, на что въ отвѣтъ Огаревъ тогда же написалъ записку, которую онъ и прилагаетъ. Она гласила: «Къ письму моему къ Государю Императору, напечатанному въ «Колоколъ», я ничего прибавить не могу. 29 августа 1859 года, *Николай Огаревъ*. Лондонъ».

24 октября 1859 г. послѣдовалъ всеподданнѣйшій докладъ шефа жандармовъ, на который 25-го числа положена резолюція: «дать дѣлу законный ходъ».

Генеральный консулъ въ Лондонѣ Гротъ вызывалъ Огарева явиться для выслушанія высочайшаго повелѣнія, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ 27 ноября: «M-r Ogareff a l'honneur de présenter ses excuses à M-r Grote, pour avoir tardé de lui répondre, ayant été absent de Londres. Revenu de son voyage, il regrette beaucoup de ne pouvoir obtempérer au desir de M-r Grote, vu qu'ayant répondu aux questions qui lui ont été adressées, M-r Ogareff ne peut prétendre à des nouvelles communications de la part du consulat. Mais si le consulat a besoin de lui en faire, M-r Ogareff est toujours prêt à les recevoir».

(Г. Огаревъ имѣетъ честь представить свои извиненія г. Гроту въ томъ, что, за отсутствіемъ его изъ Лондона, промедлилъ отвѣтомъ. Вернувшись изъ поѣздки, онъ весьма сожалѣетъ, что не можетъ удовлетворить желаніе г. Грота, въ виду того, что, отвѣтивъ на вопросы, ему предложенные, г. Огаревъ не можетъ рассчитывать на новыя сообщенія со стороны консульства; но, если послѣднее имѣетъ ему что-либо сообщить, г. Огаревъ всегда готовъ выслушать).

Тогда 5 декабря Гротъ сообщилъ Огареву по-французски, что государь императоръ повелѣлъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ. Документы о вызовѣ Огарева въ Россію и о наложеніи запрещенія на его имѣніе въ Инсарскомъ у. Пензенской губ. напечатаны во II кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г.

(Любопытно, что въ № 8 «Спб. Вѣдомостей» 1860 г. было помѣщено объявленіе объ изданіи стихотвореній Огарева, но безъ имени автора).

21 мая 1860 г. жандармскій майоръ Лаксъ сообщилъ изъ Пензы кн. Долгорукову, что пензенская уголовная палата приговорила Огарева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія.

Въ 1859 г. Н. А. Огарева не воспользовалась полученнымъ ею паспортомъ, а въ ноябрѣ 1860 г. просила министра внутр. дѣлъ исходатайствовать ей дозволеніе прибыть въ Россію для свиданія съ больнымъ отцомъ. Шефъ жандармовъ сообщилъ министру, что государь не разрѣшилъ.

Въ январѣ 1861 г. министръ юстиціи увѣдомилъ шефа жандармовъ, что прав. сенатъ опредѣлилъ: лишивъ Огарева всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть его вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, о чемъ и объявить ему черезъ рус. посольство въ Лондонѣ. Госуд. совѣтъ съ этимъ согласился, и мнѣніе его удостоено утвержденія 27 декабря 1860 г.

• Затѣмъ послѣдовала интересная переписка между III Отдѣленіемъ, министромъ юстиціи и товарищемъ министра иностр. дѣлъ о томъ, объявить ли Огареву о рѣшеніи сената; рѣшено было не объявлять. 10 августа 1862 г. министръ юстиціи писалъ кн. Долгорукову: «Такъ какъ Огаревъ неоднократно употреблялъ во зло дѣлаемая ему объявленія; печатая ихъ съ неумѣстными разсужденіями въ «Колоколѣ», то д. ст. сов. бар. Брунновъ полагалъ бояѣ соотвѣтственнымъ достоинству нашего правительства не входить болѣе въ сношеніе съ Огаревымъ, а ограничиться напечатаніемъ требуемаго начальникомъ Пензенской губ. объявленія въ официальныхъ вѣдомостяхъ. Вслѣдствіе сего въ министерствѣ юстиціи былъ возбужденъ вопросъ, можно ли допустить опубликованіе въ вѣдомостяхъ судебныхъ приговоровъ о лицахъ, приговоренныхъ къ изгнанію изъ предѣловъ государства, какъ способъ объявленія ихъ осужденнымъ. По отношенію къ частному дѣлу объ Огаревѣ вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ министерствомъ отрицательно, на основаніяхъ, которыя Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ выписки, но какъ вопросъ общій, могущій повлечь за собою нѣкоторое измѣненіе въ существенной части уголовного судопроизводства, а потому подлежащій строгому обсужденію, онъ и по настоящее время находится въ разсмотрѣніи министерства».

12 сентября 1862 г. кн. Долгоруковъ отвѣтилъ, что въ отношеніи къ Огареву слѣдуетъ весь приговоръ опубликовать въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» и сообщить черезъ посланника (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи 1849 г., 1 эксп., № 67, ч. 4).

2. Когда общественное мнѣніе Европы было почти исключительно сосредоточено на итальянской войнѣ, натуралистъ Карлъ Фогтъ выпустилъ брошюру «Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's», очень быстро привлекшую на свою сторону симпатіи однихъ и положительно ругань другихъ. Такъ какъ брошюра

теперь и на Западѣ рѣдка, а Герценъ не рѣдко упоминаетъ о ней, то считаю нужнымъ привести выводы Фогта.

«Австрія—опаснѣйшій врагъ Германіи; будущность второй можетъ проясниться только при раздробленіи первой. Европа только тогда приобрететъ необходимое спокойствіе, когда уничтожатся противоестественныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распредѣленіемъ національностей по государствамъ. Принципъ національности составляетъ теперь требованіе европейскаго мира. Пришло время, когда Германія можетъ приобрести себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разсудительно, и при этомъ условіи можетъ приобрести политическую самостоятельность въ Европѣ. Каковъ бы ни былъ исходъ войны между Австріей и Франціей, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутренняго развитія и политической будущности Германіи. Пусть соединятся нѣмцы, тогда имъ нечего и некого бояться, а пока они связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами и итальянцами, до тѣхъ поръ всегда будутъ побѣждаемы».

3. Пыпинъ былъ у Герцена и въ 1858 г. и оба раза одновременно съ Б. И. Утинымъ и Д. И. Каченовскимъ. Въ одно время съ ними въ 1859 г. былъ и казанскій профессоръ Н. Н. Буличъ.

«Герценъ произвелъ на меня—пишетъ Пыпинъ—очень пріятное и чисто русское впечатлѣніе. Это былъ гостепріимный, добродушный, какъ будто, балованный русскій баринъ; не очень высокаго роста, очень полный, но живой человѣкъ, очень разговорчивый, съ мягко льющеюся рѣчью, блестящею остроуміемъ... Не могу, конечно, припомнить разговоровъ, но ясно запечатлѣлось въ моей памяти общее воспоминаніе этой бесѣды, легко переходившей отъ серьезныхъ предметовъ къ шуткѣ, обыкновенно живой и остроумной, между прочимъ, на разныхъ языкахъ. Герценъ зазвалъ насъ къ обѣду и ему, видимо, пріятно было, что онъ можетъ угостить насъ самой настоящей русской кашей изъ съѣстныхъ припасовъ, которые отъ времени до времени привозилъ къ нему въ подарокъ русскій капитанъ корабля изъ его почитателей» («Вѣстн. Европы» 1905, III, 42—43).

1220. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 мая (1859).

Park House, Fulham.

Простите, что не тотчасъ отвѣчалъ; дѣло въ томъ, что «о раскольникахъ», что вы мнѣ прислали, у меня лежитъ съ годъ, а потому я думалъ, что и остальные въ томъ же родѣ.

Пришлите циркуляры: о пьянствѣ,
попечителю о Пушк. ¹

и, если интересно, дѣло *Оряза* (вы знаете, что его спасъ И. Тургеневъ изъ тюрьмы? онъ писалъ къ государю,—каковъ!?).

Насчетъ крестьянскаго вопроса Ростовцова вы посмотрите въ послѣднемъ «Колоколѣ», 42—43; должно быть, это—то же. Получили ли вы его и «Историческій сборникъ» съ упоительнымъ портр. Павла I?

Новость у насъ вотъ: Огар. требуютъ, по высочайшему повел. въ Петербургъ; онъ, разумѣется, не ѣдетъ. Сатина не пустили. ²

Жду съ нетерпѣніемъ, когда вы получите 44 «Колоколъ» тамъ моя исповѣдь *о войнѣ* (я за войну и противъ Австріи) и головомойка «Современнику» ¹).

Прощайте. Дѣти цвѣтутъ. Погода у насъ вотъ какая съ начала апрѣля: дождь, туманъ и мгла.

Будьте здоровы, цѣлуйте вашихъ. Можетъ, къ вамъ заѣдетъ Каченовскій; онъ добръ, но глупъ. ³

Прощайте.

◆◆ 1. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о дѣлѣ 1858 г., но и тогда никакого циркуляра о Пушкинѣ не было; книгопродавецъ-издатель Исаковъ, желавшій издать сочиненія Пушкина, обратился въ петербургскій цензурный комитетъ; послѣдній не рѣшился самъ войти въ разсмотрѣніе вопроса по существу и запросилъ Главное управление цензуры. Этотъ высшій цензурный органъ 19 февраля 1858 г. отвѣтилъ комитету, что «собрание сочиненій А. С. Пушкина въ 7 томахъ, изданное Анненковымъ, можетъ быть разрѣшено самимъ комитетомъ къ новому изданію, въ такомъ видѣ, въ какомъ сочиненія сіи допущены были къ напечатанію по опредѣленіямъ управленія, сообщеннымъ комитету въ 1854—57 годахъ» (Архивъ мин. нар. просв., дѣло 1858 г., карт. 157, № 47 (151716)).

¹, № 1223.

2. 10 марта 1859 г. Сатинъ просилъ III Отдѣленіе отпустить его на 3 мѣсяца за границу, чтобы отвезти больную жену. 23 марта Тимашевъ написалъ на справкѣ: «Высоч. разрѣшено г. Сатина, если онъ представитъ свидѣтельство о болѣзни своей жены, во вниманіе къ сему обстоятельству, уволить, для сопровожденія ея, на три мѣсяца за границу, кромѣ Англіи. Паспортъ онъ изъявилъ желаніе получить въ Москвѣ. Сообщить объ этомъ министру внутр. дѣлъ для надлежащаго сношенія съ московскимъ ген.-губернаторомъ, присовокупивъ, что затѣмъ общее распоряженіе, сдѣланное о невыдачѣ заграничныхъ паспортовъ Сатину, въ другихъ губерніяхъ должно оставаться въ своей силѣ. Кромѣ того, въ III Отдѣленіи взять отъ Сатина подписку, что, если онъ отправится за границу (въ чемъ, по его словамъ, онъ самъ еще не увѣренъ), то онъ общается во время пребыванія въ чужихъ краяхъ не имѣтъ ни личныхъ, ни письменныхъ сношеній съ Герценомъ и Огаревымъ. Проектъ подписки представить мнѣ завтра, въ 9^{1/2} час. утра».

Сатину былъ представленъ слѣдующій текстъ подписки: «Я, нижеподписавшійся, даю сію подписку въ томъ, что, въ случаѣ отъѣзда моего за границу, обязуюсь во все время пребыванія моего въ чужихъ краяхъ не имѣтъ никакихъ, ни личныхъ, ни письменныхъ сношеній съ изгнанниками Герценомъ и зятемъ моимъ Николаемъ Огаревымъ, подвергая себя за нарушеніе этой подписки полной отвѣтственности». Сатинъ, однако, отказался подписать ее, заявивъ, что ему безусловно необходимо свиданіе съ Огаревымъ для разговора по имѣнію жены. Одновременно, 29 марта 1859 г. Сатинъ писалъ кн. Долгорукову, что если даже онъ самъ не начнетъ сношеній съ Огаревымъ, то какъ ему быть гарантированнымъ отъ того, что ихъ не начнетъ Огаревъ? Вѣдь, нужно быть не человѣкомъ, чтобы оттолкнуть его. «Я охотно дамъ подписку въ томъ, что не буду имѣтъ никакихъ политическихъ и литературныхъ сношеній съ Герценомъ и Огаревымъ, что не повезу ни къ нимъ, ни отъ нихъ никакихъ статей и свѣдѣній, и даю Вашему Сіятельству честное слово, и найду за себя въ этомъ достойныхъ поручителей, что со всею строгостью исполню мое обѣщанье». Въ заключеніе Сатинъ просилъ не брать такой подписки. Кн. Долгоруковъ не призналъ возможнымъ удовлетворить его просьбу.

16 мая 1859 г. на почтовомъ пароходѣ «Владиміръ» отправились въ Штетинъ Ольга Сатина и ея отецъ Александръ, но изволновавшаяся, было, полиція успокоилась, узнавъ, что это—однофамильцы Н. М. Сатина.

18 марта 1860 г. московскій генераль-губерн. П. А. Тучковъ просилъ кн. Долгорукова отпустить Сатина за границу, на что получилъ отвѣтъ, что Сатина никто не держитъ, но надо выдать требовавшуюся въ 1859 г. подписку. 30 апрѣля Тучковъ сообщилъ III Отдѣленію, что сего числа Сатину выданъ заграничный паспортъ въ Германію, Францію и Бельгію на 4 мѣсяца, медицинское свидѣтельство о женѣ имъ представлено, подписка дана (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1849 г., 1 эксп., дѣло № 67, ч. 5).

3. Къ этой рѣшительной характеристикѣ необходимо отнестись очень осторожно: по всѣмъ отзывамъ, Каченовскій былъ безспорно умнымъ человѣкомъ. По всей вѣроятности, какъ ученый, онъ не такъ, какъ Герценъ, понималъ послѣдствія итальянской войны въ области своей специальности—международнаго права, и этимъ разсердилъ Герцена, можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ онъ сѣлъ писать къ Рейхель. По словамъ Ковалевскаго, «сближеніе съ Герценомъ не заставило его отказаться отъ увѣренности въ призваніи международнаго права положить конецъ войнамаъ и насиліямаъ, обезпечить человѣчеству вѣчное спокойствіе и миръ. Тщетно Герценъ вышучивалъ его, приглашая броситься между воюющими и убѣдить австрійцевъ въ необходимости очистить Италію отъ своихъ войскъ: мефистофельскій смѣхъ только раздражалъ его, не подкашивая ни мало счастливаго научнаго оптимизма» («Памяти Д. И. Каченовскаго», 1905, 28—29).

1221. Письмо къ сыну.

27 мая (1859).

Park House, Fulham.

Любезный другъ, получилъ твое краткое письмо и твою краткую программу; въ ней не понялъ я, однако, почему же предпочитается фармацевтическая химія химіи вообще? Сверхъ того, думаешь ли ты, что можно серьезно итти впередъ безъ знанія физики?

Пожалуй, можно изъ физики сдѣлать заключеніе, но если ты ее хочешь объѣхать, какъ гору, то она съ другой стороны тебѣ броситъ большую тѣнь. Мой совѣтъ—общее образованіе по части естествовѣдѣнія, самое пространное, предпослать медицинѣ. Въ Парижъ можно будетъ ѣхать для усовершенствованія, но это тогда, когда я буду убѣжденъ, что ты *мною работаешь*.

Въ Парижѣ не то, что въ Бернѣ: или надобно съ головою опуститься въ дѣльную жизнь или попасть въ болото празднаго фланерства.

Статья о войнѣ еще не вышла,—ты знаешь, что «Кол.» выходитъ къ 15 и 1. Ну, а «Колоколь» 15 мая ты имѣешь? Я по-гожу посылать, пока получу отъ тебя отвѣтъ на мой вопросъ объ «Истор. сборникѣ».

Изъ Фогтовой брошюры мы помѣстили въ «Daily News» цѣлую главу. Постарайся прочесть Кошута рѣчь въ Манчестерѣ. Вотъ самый вѣрный взглядъ, да онъ же и Фогтовъ и мой: надобно пользоваться этой войной для разрушенія Австріи, не дѣлаясь бонапартистомъ.

Не знаешь ли ты, кто мнѣ посылаетъ «Schweizer Handels Courier»?

Прощай, будь здоровъ.

У насъ все very well ¹⁾.

1221 bis. Письмо къ неизвѣстному.

(1859).

Monsieur, j'ai l'honneur de vous envoyer l'échantillon de la correspondance lithographiée de M. Schlesinger pour M. Kraeffsky—je prie Mons. Glamer de vouloir bien répondre s'il faut l'expédier. Moi je conseille fortement à M. Kr. de la prendre,

Votre dévoué

A. Herzen.

M. M. Vorther & Lovel.

Переводъ.

Милостивый Государь, имѣю честь послать вамъ для г. Краевского образецъ литографированной корреспонденціи г. Шлезингера. Прошу г. Гламера отвѣтить мнѣ, стоитъ ли ее посылать. Я, со своей стороны, настоятельно совѣтую г. Кр. взять ее.

Преданный вамъ

A. Герценъ.

¹⁾ Очень хорошо.

Бібліографическій коментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Герценъ, жена = Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг.—Жен. изд.; «Собрание сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г.—Спб. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ=Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколъ» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; сборникъ «Колоколъ», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ=Тих.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ=Пушк. д.).

❧❧❧. Напечатано во 2 л. «Кол.» (1 августа 1857); подпись «И—ръ»; въ сборникѣ, «За пять лѣтъ», ч. I, Лондонъ, 1860, у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; по-французски—въ № 2 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Кол.».

❧❧❧. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

❧❧❧. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

❧❧❧. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

❧❧❧. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

❧❧❧. Напечатано въ IV кн. «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, августъ 1857 и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 1-му изданію.

❧❧❧. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

❧❧❧. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

❧❧❧. Напечатано въ 3 л. «Кол.» (1 сентября 1857), у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

❧❧❧. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

963. Напечатано неполно и неточно во II т. «Mémoires» M. Meysenbug. стр. 191—192; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

964. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

965. Тоже.

966. Напечатано въ 4 л. «Кол.» (1 октября 1857), у Тих., въ книжкѣ «14-ое декабря 1825 и императоръ Николай», Лондонъ, 1858, въ сборникѣ «За пять лѣтъ», Лондонъ, 1860; подпись «Искандерь»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Кол.» съ исправлениями, введенными въ книжку 1858 года. Мнѣ пришлось встрѣтить экземпляръ послѣдней съ обложкой безъ указанія года, города и типографіи и съ подзаголовкомъ «По поводу книги барона Корфа», и при томъ только съ первыми 126 страницами. Такихъ экземпляровъ было сдѣлано около 25 для скорѣйшей отправки книжки друзьямъ въ Россіи съ А. А. Тучковымъ, которому она была переслана черезъ Рейхель.

967. Напечатано въ 4 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна по стилю и аналогичному указанію на ту же книгу въ № 990.

968. Напечатано въ 4 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

969. Напечатано въ 4 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается содержаніемъ: за новостями такой литературы слѣдилъ Герценъ; подлинникъ не найденъ.

970. Напечатано въ 4 л. «Кол.»; подпись «А. Герценъ»; подлинникъ не найденъ. По-французски, подъ заглавіемъ «Avis» напечатано въ «L'Homme» 2 ноября 1857 г.

971. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

972. Тоже.

973. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

974. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

975. Тоже.

976. Напечатано въ «Democrata Polski» 5 ноября 1857 г.; подлинникъ не найденъ.

977. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

978. Тоже.

979. Тоже.

980. Напечатано въ 5 л. «Кол.» (1 ноября 1857) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

981. Тоже.

982. Тоже.

983. Напечатано въ 5 л. «Кол.».

984. Напечатано въ 5 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

985. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

986. Тоже.

987. Тоже.

988. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

989. Напечатано въ 6 л. «Кол.» (1 декабря 1857, вышедшемъ позже).

990. Напечатано въ 6 л. «Кол.» и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

991. Напечатано въ 6 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

992. Тоже.

993. Напечатано въ 6 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

994. Напечатано въ 6 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна по содержанию и прямой связи съ № 990; подлинникъ не найденъ.

995. Напечатано въ 6 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна, потому что Гюго могъ писать только Герцену, а не Огареву.

996. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

997. Тоже.

998. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Четвергъ приходился на 17 и 24 декабря. Едва ли въ день самой смерти Энгельсона жена его уже могла рѣшить свой отъѣздъ въ Россію; поэтому надо предполагать, что письмо писалось въ слѣдующій четвергъ.

999. Напечатано въ книжкѣ «Die Fischer. Ein Roman von D. Gregorowitsch, Hamburg, 1859»; подлинникъ не найденъ.

1000. См. № 732.

1001. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1002. Напечатано въ 7 л. «Кол.» (1 января 1858), какъ введеніе къ очень подробному разсказу о томъ, какъ въ 1853 г. кн. Л. В. Кочубей стрѣлялъ въ своего бывшаго управляющаго И. Зальцмана и, чтобы не фигурировать на судѣ, продѣлалъ цѣлый рядъ подлоговъ и пр. Весь этотъ разсказъ полученъ черезъ Тургенева, просившаго напечатать его возможно скорѣе. По совѣту И. С., Герценъ высказалъ ярче свое мнѣніе объ Александрѣ II. Подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ. Повторено у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.

1003. Напечатано въ книгѣ «14 декабря 1825 и императоръ Николай»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1004. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1005. Тоже.

1006. Тоже.

1007. Тоже.

1008. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Британскомъ музеѣ; надпись сдѣлана на брошюрѣ «The Russian People and thier Socialism».

1009. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1010. См. № 462.

1011. Напечатано въ 8 л. «Кол.» (1 февраля 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1012. Напечатано въ 8 л. «Кол.», у Тих. и неисправно въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1013. Напечатано въ 8 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна изъ текста; подлинникъ не найденъ.

1014. Напечатано въ 8 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по № 1071; подлинникъ не найденъ.

1015. Напечатано въ 8 л. «Кол.».

1015 bis. Напечатано неисправно въ VIII кн. «Минув. Годовъ» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Кружкѣ имени Герцена.

1016. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1017. Тоже.

1018. Тоже.

1019. Напечатано въ 9 л. «Кол.» (15 февраля 1858), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.: подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1020. Напечатано въ 9 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

Защищая Герцена отъ нападокъ нѣмецкой прессы, особенно «Allgemeine Zeitung», Фолькгаузенъ говоритъ: «развѣ разумный человѣкъ можетъ отрицать, что Герценъ правъ, называя петербургскихъ нѣмцевъ самими послушными лакеями петербургскаго деспотизма?» («Das Jahrhundert» 1858, № 22).

1021. Напечатано въ 9 л. «Кол.» и у Тих., въ «Das offizielle Dresdener Journal» 1 марта 1858 г. и отдѣльными листками по-нѣмецки и по-французски. Получивъ письмо, саксонскій министръ внутр. дѣлъ фонъ-Бейстъ самъ передалъ его въ свой официальный журналъ, чего, впрочемъ, не могъ не сдѣлать просто изъ приличія, потому что листки были очень широко распространены. И. А. Шляпкинъ напечаталъ нѣмецкій текстъ, какъ «неизвѣстный», въ № 6 «Рус Библюфила» 1914 г. съ массою ошибокъ.

1022. Напечатано брошюрой по-французски: «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie», Londres, 1858, за подписью «Iskander»; по-нѣмецки: «Die russische Verschwörung und der Aufstand vom 14 dec. 1825», Hamburg, 1858; по-итальянски въ «L'Italia del Popolo» 1858 г., №№ 51, 52, отъ 20--21 февраля. Въ переводахъ на русскій языкъ издано Гуго Штейницемъ въ Берлинѣ 1903 г., фирмой Павленкова—въ Спб. въ 1906 г. и изд-вомъ «Исторія», Москва, 1907 г. Подлинникъ не найденъ; французскаго изданія 1858 года къ моменту печатанія тоже не было подъ руками, и потому поневолѣ приведенъ переводъ А. Тверитинова, сдѣланный для фирмы

Павленкова. Приложение во французскомъ изданіи было озаглавлено: «Le premier pas vers l'émancipation des paysans serfs en Russie» и Тверитиновымъ переведено не было, а потому заимствуется переводъ Н. Жуковской для издательства «Исторія». Ответственность за оба перевода остается на указанныхъ переводчикахъ.

1023. Напечатано въ IV кн. «П. З.» на 1858 г.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1024. Напечатано въ IV кн. «П. З.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ. Написано къ «Отрывкамъ изъ книги» (И. С. Аксакова) «Самыя достоверныя записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебныя сцены, изложенныя отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, бывшимъ секретаремъ правительствующаго сената, бывшимъ товарищемъ председателя уголовной палаты, бывшимъ оберъ-секретаремъ прав. сената, бывшимъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ».

1025. Напечатано въ IV кн. «П. З.» и неисправно въ IV т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1026. Напечатано въ IV кн. «П. З.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1027. Напечатано въ 10 л. «Кол.» (1 марта 1858); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1028. Напечатано въ 10 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1029. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1030. Тоже.

1031. Тоже.

1032. Тоже.

1033. Тоже.

1034. Тоже.

1035. Тоже.

1036. Напечатано въ 12 л. «Кол.» (1 апрѣля 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1037. Тоже.

1038. Тоже.

1039. Тоже.

1040. Напечатано въ 12 л. «Кол.».

1041. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1042. Напечатано въ апрѣлѣ отдѣльной брошюрой по-французски: «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 janvier». Par Iscander (A. Herzen), Londres, 1858; въ сентябрѣ—по-русски, въ переводѣ, сдѣланномъ съ вѣдома автора и съ его предисловіемъ; по-нѣмецки: «Frankreich oder England? Russische Variationen über das Thema des Attentats vom 14 Jan., Hamburg, 1858»,—переводъ сдѣланъ М. Мейзенбургъ; и по-англійски: «France or England?», London, 1858. Русскій текстъ самого сочиненія неточно передаетъ всѣ оттѣнки французскаго, попадаютъ

и явные ошибки и недосмотры; вѣрнѣ всего, Герценъ самъ не имѣлъ времени присмотрѣть за изданіемъ; поэтому я счелъ нужнымъ ввести самыя существенныя поправки по французскому тексту, который, несомнѣнно, долженъ быть признанъ основнымъ и наиболѣе цѣннымъ.

Анонимный нѣмецкій рецензентъ (вѣроятно, Фолькгаузенъ) въ «Das Jahrhundert» (1858 г. № 21) вполне одобрилъ брошюру, найдя ее и вполне своевременной.

1043. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1044. Тоже.

1045. Напечатано въ 13 л. «Кол.» (15 апрѣля 1858); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ. Примѣчаніе сдѣлано къ анонимной статьѣ «Освобожденіе крестьянъ».

1046. Напечатано въ 13 л. «Кол.».

1046 bis. Напечатано во 2-мъ изданіи «Тюрьмы и ссылки», Лондонъ, 1858 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1047. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1048. Тоже.

1049. Тоже.

1050. Напечатано въ 14 л. «Кол.» (1 мая 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1051. Напечатано въ 14 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1052. Напечатано въ 14 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ; принадлежность устанавливается содержаніемъ: такими вопросами Огаревъ не занимался, ими вѣдалъ Герценъ.

1053. Напечатано въ 14 л. «Кол.».

1054. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Написано на поляхъ экземпляра 14 л. «Колокола».

1055. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1056. Напечатано въ XIV кн. «Старины и Новизны», Спб., 1911 г.; подлинникъ не найденъ.

1057. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1058. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1059. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1060. Напечатано въ 15 л. «Колокола» (15 мая 1858), у Тих. и съ купюрою въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1061. Напечатано въ 15 л. «Кол.», у Тих. и неисправно въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1062. Напечатано въ 15 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ; принадлежность устанавливается въ связи съ № 1070 и по содержанію.

1063. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1064. Тоже.

1065. Напечатано неисправно въ книгѣ В. Богучарскаго «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», стр. 275; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Софійской національной библиотекѣ; надпись сдѣлана на «Прерванныхъ разказахъ». У Богучарскаго прибавлены два слова: «Любену Каравелову», которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ и быть не могло, потому что въ это время молодой Каравеловъ въ Лондонѣ не былъ. Очевидно, ему подарило книгу то лицо, для котораго и была сдѣлана надпись. Эта мелочь очень характерна для работъ Богучарскаго вообще: во всѣхъ его изданіяхъ никогда нельзя полагаться на точность какого бы то ни было документа, какъ въ библиографическихъ работахъ С. А. Венгерова—на точность указываемыхъ имъ источниковъ.

1066. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1067. Тоже.

1068. Напечатано въ XIV кн. «Старины и Новизны»; подлинникъ не найденъ.

1069. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Написано на поляхъ экземпляра 16 л. «Колокола».

1070. Напечатано въ 16 л. «Колокола» (1 іюня 1858); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1071. Напечатано въ 16 л. «Кол.» и съ купюрою въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1072. Напечатано въ 16 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1073. Напечатано въ 16 л. «Кол.».

1074. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1075. Тоже.

1076. Напечатано въ 17 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ; принадлежность устанавливается по тому, что статья, видимо, написана въ Лондонѣ, а стиль и авторское «я» даютъ основаніе приписать ее Герцену: Огаревъ чикогда не «ячился» анонимно, считая это неделикатнымъ по отношенію къ Герцену, какъ издателю-редактору, что имъ и выяснено въ одномъ изъ писемъ къ Кельсіеву, хранящемся въ АСГ.

1077. Напечатано въ 17 л. «Кол.» (15 іюня 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1078. Напечатано въ 17 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1079. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Написано на поляхъ экземпляра 17 л. «Кол.».

1080. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1081. Тоже.

1082. Напечатано въ 18 л. «Кол.» (1 іюля 1858); въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ. Съ этого номера надъ русскимъ названіемъ журнала печатался его англійскій переводъ—«The Bell», и дата означалась то же и по-англійски.

1083. Напечатано въ 18 л. «Кол.».

1084. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1085. То же.

1086. Напечатано въ книгѣ «Князь М. Щербатовъ и А. Радищевъ», Лондонъ, 1858 г., передъ сочиненіемъ кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1087. Напечатано тамъ же, гдѣ и № 1086, передъ сочиненіемъ Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (данномъ съ дурного списка съ подновленіемъ слога и многочисленными искаженіями); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1088. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1089. То же.

1090. Напечатано въ 20 л. «Кол.» (1 августа 1858); подлинникъ не найденъ. Принадлежность Герцену несомнѣнна, какъ по тому, что онъ воспользовался указаніемъ, сдѣланнымъ ему Самаринымъ, такъ и изъ № 1084

Съ этого листа подъ англійскимъ названіемъ журнала печаталось «Registered at the General Post-office for transmission beyond the United Kingdom»—т.-е. «зарегистровано въ Главномъ почтамтѣ для передачи за предѣлы Соединеннаго Королевства», а на второмъ изданіи первыхъ листовъ то же было напечатано уже вездѣ.

1091. Напечатано въ 20 л. «Кол.»; вторая половина свѣрена съ неполнымъ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1092. Напечатано въ 20 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ. По всей вѣроятности, написано со словъ Д. И. Каченовскаго.

1093. Напечатано въ 20 л. «Кол.».

1094. Напечатано въ 20 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ. Принадлежность Герцену несомнѣнна при наличности № 1096.

1095. Напечатано въ 20 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ. Замѣтка эта врядъ ли могла быть написана кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ фактическаго руководителя журнала; совпаденіе съ письмомъ Самарина, которымъ Герценъ воспользовался дважды въ одномъ номерѣ, еще больше убѣждаетъ въ этомъ.

1096. Напечатано отдѣльнымъ листомъ, посланнымъ сенаторамъ и потомъ прилагавшимся при 20 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

1097. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1098. Напечатано въ 21 л. «Кол.» (15 августа 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1099. Напечатано въ 21 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1100. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1101. Тоже.

1102. Тоже.

1103. Напечатано въ 22 л. «Кол.» (1 сентября 1858), у Тих. и съ купурами въ VI т. Спб. изд.: подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1104. Напечатано въ 22 л. «Кол.» и у Тих.: подлинникъ не найденъ.

1105. Тоже.

1106. Напечатано въ 22 л. «Кол.» и у Тих.: подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1107. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1108. Тоже.

1109. Тоже.

1110. Тоже.

1111. Тоже.

1112. Тоже.

1113. Тоже.

1114. Тоже.

1115. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.» (15 сентября 1858, вышелъ позже) и у Тих.; подъ первымъ предостереженіемъ подпись «Искандеръ», но ясно (см. № 1113), что и второе писано Герценомъ. Подлинники не найдены.

1116. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.» и у Тих.: подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1117. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.», у Тих. и въ книжкѣ: А. Герценъ, «Статьи о Польшѣ», Спб. 1912, выпущенной въ свѣтъ по опредѣленію Спб. судебной палаты отъ 31 октября 1911 года (дальше будетъ указываться просто: «Статьи о Польшѣ»).

1118. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна: этимъ языкомъ уже до того Герценъ писалъ дважды; подлинникъ не найденъ.

1119. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1120. Напечатано въ 23—24 л. «Кол.»; принадлежность ясна, потому что Герценъ-то именно и принималъ горячее участіе въ изданіи «Записокъ» Екатерины II; подлинникъ не найденъ.

1121. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1122. Тоже.

1123. Напечатано въ 25 л. «Кол.» (1 окт. 1858); подпись «Ред.»; принадлежность устанавливается по № 1172; подлинникъ не найденъ. Примѣчаніе сдѣлано къ очень пространному анонимному «Письму къ редактору», авторъ котораго сообщаетъ массу фактовъ изъ скрытыхъ шаговъ нашего

правительства и мѣстами горячо заявляетъ свою ненависть къ лицамъ, ведущимъ неискреннюю и нечестную политику. Ему же принадлежитъ фраза, которая тогда обратила на себя общее вниманіе: «Слышите ли, бѣдняки, нелѣпы ваши надежды на меня,—говоритъ вамъ царь. На кого же надѣяться теперь? На помѣщиковъ? Никакъ,—они за одно съ царемъ, и царь явно держитъ ихъ сторону. На себя только надѣйтесь, на крѣпость рукъ своихъ: заострите топоры—да за дѣло: отмѣняйте крѣпостное право, по словамъ царя, снизу! За дѣло, ребята, будетъ ждать да мыкать горе: давно уже ждете, а чего дождались?..».

При общемъ тогда недостаточномъ пониманіи разницы между статьями Герцена и Огарева и присылаемыми со стороны,—между мнѣніемъ самого журнала и такими, которымъ онъ только давалъ мѣсто, эти фразы были поняты большинствомъ, какъ призывъ самого «Колокола».

1125. Напечатано нигдѣ не было: свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1126. Тоже.

1127. Тоже.

1128. Тоже.

1129. Напечатано въ 26 л. «Кол.» (15 окт. 1858) и неполно въ VI т. Спб. изд.; принадлежность Герцену несомнѣнна изъ первыхъ словъ; подлинникъ не найденъ.

1130. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у А. А. Фомина.

1131. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1132. Напечатано въ 27 л. «Кол.» (1 ноября 1858), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. 1 и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1133. Напечатано въ 27 л. «Кол.», у Тих. и съ купюрой въ VI т. Спб. изданія; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1134. Напечатано въ 27 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1135. Напечатано въ 27 л. «Кол.»: принадлежность ясна изъ №№ 1094 и 1095; подлинникъ не найденъ.

1136. Напечатано въ 27 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1137. Тоже.

1138. Напечатано въ 27 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается въ связи съ № 1153 и по тому, что извлеченіями изъ иностранныхъ газетъ вообще всегда занимался самъ Герценъ; подлинникъ не найденъ.

1139. Напечатано въ 27 л. «Кол.».

1140. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1141. Напечатано въ 28 л. «Кол.» (15 ноября 1858) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1142. Напечатано въ 28 л. «Кол.».

1143. Напечатано въ 28 л. «Кол.» и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; принадлежность несомнѣнна не только по стилю и по содержанию, но и

потому, что сынъ Герцена самъ включилъ статью въ Спб. изданіе; подлинникъ не найденъ.

1144. Напечатано въ книгѣ «Mémoires de l'Impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen», Londres, 1859, во 2-мъ ея изданіи—1859 г., по-нѣмецки въ «Memoiren der Kaiserin Katharina II, von ihr selbst geschrieben. Nebst einer Vorrede von A. Herzen», Hannover, 1859 и во 2-мъ ея изданіи 1863 г.; по-шведски въ «Kejsarinnan Catharina II-s Memoirer, skrifna af henne själf, jämte ett företäl af A. Herzen, I—II», Upsala, 1859 и по-датски въ «Memoirer skrevne af hende selv. Udgivne af Alex. Herzen». Kjöbenhavn. 1859. Въ русскомъ изданіи «Записокъ императрицы Екатерины II. Изданіе Искандера. Переводъ съ французскаго», Лондонъ, 1859, предисловіе не появилось.

1145. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1146. Тоже.

1147. Напечатано въ VI кн. «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, 1858 г.; подпись «Искандеръ. Н. Огаревъ»; подлинникъ не найденъ.

1148. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1149. Тоже.

1150. Напечатано въ 29 л. «Кол.» (1 декабря 1858), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изданія; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1151. Напечатано въ 29 л. «Кол.», у Тих. и съ купюрою въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1152. Напечатано въ 29 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1153. Напечатано въ 29 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна, благодаря указанію на Вятскую губернію; подлинникъ не найденъ.

1154. Напечатано въ 29 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1155. Напечатано отдѣльнымъ листкомъ, приложеннымъ къ 29 л. «Кол.», съ одной стороны по-французски, съ другой—по-англійски: «A libel». Переводъ по-русски напечатанъ мною въ X кн. «Міра Божьяго» 1906 г. По-итальянски помѣщено въ № 8 «Pensiero ed Azione» 1858 г.

1156. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1157. Тоже.

1158. Тоже.

1159. Напечатано въ 30—31 л. «Кол.» (15 декабря 1858) и у Тих. подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1160. Напечатано въ 30—31 л. «Кол.».

1161. Напечатано въ 30—31 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна, такъ какъ кому же было и вести все дѣло съ «обвинительнымъ актомъ», какъ не Герцену; подлинникъ не найденъ.

1162. Напечатано въ 30—31 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна по стилю и остроумію; кромѣ того, какъ уже говорилось, чтеніе иностранныхъ газетъ для статей общаго характера вель Герценъ; такую общую замѣтку онъ и написалъ; подлинникъ не найденъ.

1163. Напечатано въ 30—31 л. «Кол.»; принадлежность ясна по связи съ № 1166; подлинникъ не найденъ.

1164. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1165. Тоже.

1166. Напечатано въ 32—33 и 34 лл. «Кол.» (1 и 15 января 1859), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, по-французски—въ №№ 3—5 «La Cloche», у Тих., съ купюрами въ VI т. Спб. изд. и полностью въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1167. Напечатано въ 32—33 л. «Кол.» и на стр. 31 «Писемъ» подъ ред. Драгоманова; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1168. Напечатано въ 32—33 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1169. Напечатано въ 32—33 л. «Кол.».

1170. Тоже.

1171. Тоже.

1172. Напечатано въ 32—33 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1173. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1174. Напечатано въ 34 л. «Кол.» (15 янв. 1859).

1175. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1176. Тоже.

1177. Напечатано въ 35 л. «Кол.» (1 февраля 1859) и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1178. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1179. Тоже.

1180. Тоже.

1181. Напечатано въ изданіи «Записки кн. Е. Р. Дашковой», Лондонъ, 1859 г.; подлинникъ не найденъ. Переводъ «Записокъ» съ англійскаго сдѣланъ Г. Е. Благосвѣтловымъ, жившимъ тогда въ Лондонѣ. Въ продажу изданіе вышло къ 15 февраля 1859 г.

1182. Напечатано въ 36 л. «Кол.» (15 февраля 1859), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1183. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1184. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1185. Напечатано въ 37 л. «Кол. (1 марта 1859), у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1186. Напечатано въ 37 л. «Кол.».

1187. Тоже.

1188. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1189. Тоже.

1190. Тоже.

1191. Напечатано въ 38 л. «Кол.» (15 марта 1859); принадлежность устанавливается по № 1194; подлинникъ не найденъ.

1192. Напечатано въ «Литературномъ архивѣ», изд. П. А. Картавова, Спб. 1902; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Л. И. Жевержеева; тамъ же наклеена стр. 44 рукописи изъ главы «Былого и думъ», напечатанной въ V кн. «П. З.».

1193. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1194. Тоже.

1195. Напечатано въ 39 л. «Кол.» (1 апрѣля 1859); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1196. Напечатано въ 39 л. «Кол.».

1197. Тоже.

1198. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1199. Тоже.

1200. Напечатано въ «Историческомъ сборникѣ Вольной русской типографіи въ Лондонѣ», кн. первая, Лондонъ, 1859; при книжкѣ былъ приложенъ портретъ Павла I, опубликованный въ Лондонѣ въ 1799 году; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1201. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1202. Напечатано въ 40—41 л. «Кол.» (15 апрѣля 1859).

1203. Тоже.

1204. Напечатано въ 40—41 л. «Кол.», у Тих. и въ «Статьяхъ о Польшѣ»; подлинникъ не найденъ.

1205. Тоже.

1206. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1207. Тоже.

1208. Тоже.

1208 bis. Тоже.

1209. Тоже.

1210. Тоже.

1211. Тоже.

1212. Тоже.

1213. Тоже.

1212. Напечатано въ 42—43 л. «Кол.» (15 мая 1859); принадлежность выясняется по самому содержанію, которое показываетъ, что авторъ писалъ и №№ 1167, 1172, 1182 и 1195; подлинникъ не найденъ.

1215. Напечатано въ 42—43 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1216. Напечатано въ 42—43 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

1217. Напечатано въ 42—43 л. «Кол.».

1218. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1219. Тоже.

1220. Тоже.

1221. Тоже.

1221 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійской Публичной библиотекѣ.

Дополненія.

Къ №. 959. Еще до поѣздки своей въ Лондонъ И. Аксаковъ характеризовалъ Герцена, какъ живой голосъ современности, своему единомышленнику А. И. Кошелеву, правда, бывшему уже тогда представителемъ праваго крыла славянофильства, лѣвое крыло котораго знаменовалось Аксаковымъ. Очень любопытны отзывы Кошелева о Герценѣ; сближеніе съ нимъ «своихъ» онъ готовъ былъ допустить, но исключительно для извлеченія партійныхъ выгодъ. Напр., 22 іюня 1857 г. Кошелевъ писалъ Аксакову:

«Нѣкоторыя слова въ вашемъ письмѣ показались мнѣ странными и неудобопонятными. Вы говорите о томъ, что попы у насъ все мертвятъ и что необходимо стать имъ во всемъ наперекоръ; вмѣстѣ съ тѣмъ вы говорите о живомъ голосѣ Герцена и о томъ, какъ необходимо затронуть все живое. Странны мнѣ показались эти ваши слова. Теперь читаю я Герцена и ни въ чемъ не нахожу ни настоящаго смысла, ни истинной жизни. Онъ кривляется, оретъ, ругаетъ, выстанавливаетъ пышныя фразы и пр. Развѣ это жизнь? Попы наши отчасти мертвятъ жизнь, но Герценъ и комп. хлопочутъ объ оживленіи мертветчины, а трупъ все остается трупомъ. Во всемъ Герценъ я не нашелъ ни одной страницы живой и вмѣстѣ съ тѣмъ истинной. Нѣтъ, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, въ рѣчахъ Филарета несравненно болѣе жизни, чѣмъ въ произведеніяхъ»

Герцена. Судорожныя движенія суть ли обманчивыя явленія жизни? Это разногласіе между нами крайне важно, и я шибко боюсь, чтобъ при изданіи журнала оно не было поводомъ къ спорамъ и неудовольствіямъ. Я горжусь тѣмъ, что наша «Бесѣда» пользуется особеннымъ благорасположеніемъ духовенства, радуюсь тому, что мы этимъ путемъ можемъ дѣйствовать на него и черезъ него на массу народа. Нѣтъ, дрож. Иванъ Сергѣевичъ, путь Герцена, его средства, слова и пр. никогда не будутъ одобрены мною. По моему, онъ обязанъ успѣхомъ лишь обстоятельству, что онъ имѣетъ единственную вольную русскую типографію, что онъ пишетъ дерзко, живо, общественно, но настоящаго успѣха онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть, ибо у него нѣтъ фундамента. Если только у насъ цензура сдѣлается нѣсколько посвободнѣе, то Герцена дѣятельность сдѣлается соверш. ничтожною. Ругательства его противъ насъ (въ 3-й «Полярн. Звѣздѣ») гадки, глупы и показываютъ, что онъ даже не сумѣлъ воспользоваться выгодностью своего положенія. Онъ становится сообщникомъ «Русскаго Вѣстника» и досказываетъ то, что цензура не позволяетъ тому говорить. Нѣтъ, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, я не заклятый врагъ Запада и Петра, не квасной патриотъ, не славянофиль 40 годовъ, но убѣжденъ, что истина на нашей сторонѣ, что мы должны дѣйствовать своими способами и отнюдь не прельщаться призраками жизни, которые привлекаютъ толпу къ нашимъ противникамъ» («Голосъ Минув.» 1918, VII—IX, 175—176).

30 іюня: «Очень желаю, чтобъ намъ удалось какъ-нибудь увидѣться. Очень желаю, чтобъ намъ пришлось побесѣдовать до вашего отъѣзда въ Англію, ибо тамъ свиданіе съ Герценомъ *должно быть искусно произведено*. Въ III-й «Полярной Звѣздѣ» онъ насъ разругалъ и глупо и гнусно. Презрѣніемъ ему отвѣчать не должно, но необходимо ему растолковать, что онъ лишаетъ себя великихъ льготъ своего положенія—быть внѣ партіи, и что онъ добровольно выбрасываетъ наше содѣйствіе»... (тамъ же, 177).

24 августа, т.-е. послѣ свиданія Аксакова съ Герценомъ и разговоровъ ихъ о статьѣ Н. Крылова, подавшей поводъ написать № 961: «Никакъ не ожидалъ чтобъ статья Крылова могла возбудить ваше негодованіе. Подъ царемъ разумѣется не Петръ, не Яковъ и не Николай, а власть верховная общества. У Крылова мастерски царская власть выведена и обществомъ ограничена. Мы опасались ножницъ цензуры, а вовсе не укоровъ со стороны вашей и прочихъ. Статья эта съ начала и до конца *одобрена* мною, Хомяковымъ и Самаринымъ, которымъ Крыловъ читалъ и которые предложили ему разныя перемѣны, имъ всѣ принятыя. Слѣд., еще новое доказательство, что мы въ одномъ журналѣ рука объ руку итти

не можемъ. Статья Крылова вполне выражаетъ русское воззрѣніе на царскую власть и, если не принять этого воззрѣнія, то мы на всѣхъ парусахъ пойдемъ въ европейскій революціонизмъ, отъ чего Боже насъ упаси. Жалѣю, что Крыловъ занялъ все ваше письмо, и что вы мало говорили о Герценѣ и Евг. И. Поповѣ. Особенно интересны были бы для меня подробности о первомъ» (тамъ же, 178).

Эти письма очень знаменательны для характеристики только что начавшагося партійнаго почкованія.

Къ № 961. Задѣтый за живое, И. П. Липранди отправилъ Герцену по почтѣ весьма интересное письмо, которое и воспроизвожу полностью.

«Въ III номерѣ «Полярной Звѣзды» помѣщена статья: «Разборъ манифеста 26 августа 1856 г.», доставленная Вамъ изъ Парижа, за подписью—*iii—s—*; вслѣдъ затѣмъ статья эта была отпечатана Вами особою брошюрою. Помимо всего того, что можно было бы сказать объ этомъ разборѣ, я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ только о томъ, что касается лично до меня.

«На стр. 18-й отдѣльной брошюры этого разбора авторъ, находя, что не прощены также и пострадавшіе въ дѣлѣ Петрашевскаго, не заключаемъ въ себѣ, будто-бы, ничего преступнаго, ¹⁾— что помянутое дѣло было выкопано, поставлено на ходули и увеличено до невѣроятной степени министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ въ пику графу Орлову, чтобы показать императору Николаю, что тайная его полиція ничего не видитъ и не знаетъ,— затѣмъ восклицаетъ: «какой благородный поступокъ со стороны Перовскаго и его клеветы Липранди—нѣкогда члена тайнаго общества 1825 г. и впослѣдствіи шпіона!»

«Прочитавъ такой отзывъ обо мнѣ, я первоначально мысленно рѣшился отвѣчать на такую его выходку молчаніемъ, какъ несостоящую никакого возраженія, но потомъ, принявъ въ соображеніе, что у меня есть дѣти, которымъ могла бы когда-нибудь попасться приведенная брошюра, и, будучи не оговорена, она раздражила и опечалила бы ихъ своею клеветою, затронувшею память объ отцѣ; вотъ основаніе, почему я рѣшился сказать нѣсколько словъ.

«Имѣя поводъ полагать, скрывающійся подъ буквами—*iii—s—* весьма близокъ къ Вамъ, и во всякомъ случаѣ, Вы, какъ цензоръ

¹⁾ Въ спичѣ, изрыгнутомъ Вами, какъ сами говорите, составленномъ изъ работниковъ и изъ изгнанниковъ, Вы, однакоже (стр. 29 «Народный сходъ 27 февраля 1855 г.»), иначе думали объ обществѣ Петрашевскаго: тутъ Вы даете ему настоящій смыслъ безъ ходулей. *И. Л.*

и редакторъ разсматриваемой статьи, неразрывно связали себя съ ея авторомъ, я буду обращаться прямо къ Вамъ.

«Согласитесь съ тѣмъ, что мнѣ также было бы легко придать издателю этой брошюры, въ которой почтили меня званіемъ клеветрета, шпіона и члена тайнаго общества, соотвѣтственные ему эпитеты сумасброда, перебѣжчика, клеветника, лжеумствователя и т. п., но я считаю это ниже себя уже по одному общественному положенію моему, Вашего корреспондента и Васъ самихъ, почему и приступаю прямо къ выписаннымъ выше семи строкамъ изъ брошюры; въ нихъ нѣтъ ни слова истины.

«Во-1-хъ, виновность Петрашевскаго и его сообщниковъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по моему личному убѣжденію, почерпнутому изъ точнаго знанія его дѣла, такъ и потому, что признаніе оной есть уже государственный актъ—результатъ осторожнаго и тщательнаго разсмотрѣнія дѣйствій двухъ комиссій и суда, въ которыхъ находились люди добросовѣстные и истинно просвѣщенные. Не принадлежа къ числу тѣхъ, которые осуждаютъ свободу мысли, я, однакожъ, убѣжденъ, что даже благонамѣренная въ сущности цѣль (хотя бы и ошибочная по послѣдствіямъ), коль скоро она ищетъ себѣ исхода незаконнымъ путемъ съ самоотверженіемъ истиннаго патріота, но *тайными дорогами*, сопровождаемая возбужденіемъ волненій, недовольства чрезъ преувеличеніе существующихъ недостатковъ; наконецъ, соединяясь съ проектомъ насильственнаго переворота, весьма рѣдко обходящагося безъ пролитія крови,—въ государственномъ смыслѣ есть уже преступленіе, требующее со стороны правительства рѣшительныхъ мѣръ къ предупрежденію страшнаго зла. Не нужно еще забывать того времени, когда разыгралось дѣло Петрашевскаго, и каждый благомыслящій долженъ бы былъ благоговѣть предъ правительствомъ, избавившимъ наше отечество отъ гибельнаго хаоса, въ который была тогда поставлена вся Европа своими революціями. Несомнѣнно, Вы желали бы Вашей отчизнѣ привитія всѣхъ сумасбродныхъ, клубныхъ и банкетныхъ идей 1848 и 1849 годовъ, чтобы потомъ удѣлить часть смѣха въ Вашихъ «Письмахъ изъ Франціи и Италіи» и на долю Россіи. Все, что насильственно, —неестественно, слѣдовательно, дурно, а благое, полезное, обусловленное опытомъ, придетъ своимъ чередомъ и безъ Вашей бессмысленной навязчивости съ идеями, такъ нелѣпо развитыми въ статьѣ Вашей: «Что такое государство?», оставившей за собою даже химеры самого Прудона. Конечно, каждый честный благодушный человѣкъ пожалѣетъ о Петрашевскомъ и его товарищахъ, какъ жертвахъ ложно избраннаго направленія ошибочной логики, но кто же можетъ навязывать взглядъ частнаго

человѣка правительству, заботящемуся объ общемъ благѣ? Впрочемъ, самое сѣтованіе Вашего корреспондента о непростеніи манифестомъ сообщниковъ Петрашевскаго было преждевременное.

«Во-2-хъ, мысль, что дѣло Петрашевскаго выкопано и развито *въ пику* графу (нынѣ князю) Орлову, съ цѣлью показать ничтожность тайной его полиціи, есть совершенно несправедливая и ни на чемъ неоснованная. Кто хорошо знаетъ дѣло, а не говоритъ наобумъ, тотъ написалъ бы: а) что наблюденіе, а потомъ разслѣдованіе означеннаго дѣла происходило *съ начала до конца по взаимному совѣщанію* графа Орлова и бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, какъ лицъ, стоявшихъ по званіямъ своимъ на стражѣ спокойствія государства, изъ коихъ одинъ, какъ шефъ корпуса жандармовъ, а другой, какъ генераль-полицмейстеръ государства; в) что оба эти сановника нашли полезнымъ поручить веденіе этого дѣла чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ простымъ полицейскимъ порядкомъ, вслѣдствіе требованія самаго существа дѣла, при развитіи же котораго принялъ участіе вмѣстѣ со мною значительный чиновникъ и вѣдомства графа Орлова; с) что наши дѣйствія единодушно направлялись помянутыми сановниками, и имъ обоимъ я представлялъ постоянно свои донесенія, слѣдовательно, выраженія *«въ пику»* и *пр.* явно противорѣчатъ фактамъ.

«Что же касается до того, что дѣло было, будто бы, преувеличено до невѣроятной степени, то на это странное замѣчаніе я и не возражаю; скажу только, что существованіе въ обществѣ Петрашевскаго тайныхъ замысловъ и происковъ ко введенію новыхъ идей новаго порядка управленія, конечно, нельзя отрицать, а при этомъ сознаніи въ преувеличеніи размѣровъ дѣла не предстояло уже надобности, и, дѣйствительно, оно никогда не было представлено въ видѣ сформированнаго полнаго заговора, что можно видѣть изъ сентенціи Верховнаго Суда, обнародованной во всѣхъ газетахъ о виновности каждаго изъ сообщниковъ.

«При томъ память о покойномъ графѣ Перовскомъ такъ чиста и незапятнана, въ русскомъ народѣ до того сильно убѣжденіе въ его высокомъ благородномъ служеніи на пользу государственную, что недостойныя слова автора брошюры объ этомъ мужѣ такъ же неприятно отзываются въ ухахъ читателей ея, какъ неприятно услышать всякому шипѣніе змѣи, лишенной, впрочемъ, возможности уязвить жаломъ.

«Въ-3-хъ, названіе шпіона, клеветы не могутъ относиться къ чиновнику, точно и добросовѣстно исполняющему предписанія своего непосредственнаго начальства. Дѣло другое — Вы, получивъ подобное порученіе, разрѣшили бы сами себя и отъ присяги и отъ обязанности честнаго подчиненнаго! Въ силу Вашихъ правилъ должно

было бы отклониться отъ такого порученія или скрыть сущность дѣла, но я дѣйствовалъ не по Вашему убѣжденію, ибо въ моихъ глазахъ, какъ и въ виду правительства, общество Петрашевскаго было преступно, слѣдовательно, стараясь раскрыть, по порученію моего начальника, генераль-полицмейстера государства, дѣйствовавшего вмѣстѣ съ шефомъ жандармовъ, всѣ пружины замысловъ того общества, я исполнилъ тѣмъ долгъ каждаго вѣрноподданнаго и обязанности моей службы по министерству полиціи, предотвращая народное бѣдствіе. Каждый имѣетъ свой взглядъ на вещи, и кто дѣйствуетъ въ подобномъ представившемся мнѣ случаѣ по убѣжденію, тотъ далекъ отъ названія шпіона. Еще при этомъ нахожу нужнымъ прибавить, что изъ осужденныхъ по дѣлу Петрошевскаго я ни съ кѣмъ не былъ лично знакомъ ¹⁾, а съ понятіемъ о шпіонствѣ тѣсно связана идея объ измѣнѣ, выдачѣ своихъ. Вотъ, если хорошенько разобрать Вашу настоящую роль, то не подходитъ ли она весьма близко къ шпіонству въ обширномъ смыслѣ этого слова?

«Повѣрьте себя и убѣдитесь, что Вы чуть ли не европейскій шпіонъ въ компаніи съ русскими шпіонами, ложно и преступно выдающій иностранцамъ мать свою—Россію!

«Въ 4-хъ, членомъ тайнаго общества, обнаружившагося въ 1825 году, я никогда не былъ. При этомъ случаѣ я не могу не замѣтить, что восклицаніе, помѣщенное въ брошюрѣ: «какой благородный поступокъ!» можно отнести безусловно къ Вамъ самимъ, по прочтеніи изданной Вами книги: «Du développement des idées révolutionnaires en Russie».

«Вы позволили себѣ въ этой брошюрѣ назвать печатно поименно всѣхъ тѣхъ, кои, по дошедшимъ до Васъ свѣдѣніямъ, будто бы, подвизались на преступномъ поприщѣ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ еще живы, находятся въ своемъ отечествѣ на службѣ, что для нихъ могъ бы бытъ вреденъ Вашъ *доносъ*. Вы только помнили въ то время, когда писали его, что «я, дескать, за моремъ, меня не дсстанутъ!». Предоставляю Вамъ самимъ назвать истиннымъ словомъ Вашъ поступокъ, но то правительство, которое Вы имѣете обыкновеніе называть варварскимъ и т. п., оно презрѣло Ваши доносы и, вопреки милому желанію Вашему, не дало даже замѣтить поименованнымъ Вами лицамъ, что читало Вашъ измѣннической документъ, не давая ни малѣйшей вѣры, по точному

¹⁾ Только недѣли за двѣ или за три не болѣе, предъ арестованіемъ общества, одинъ изъ его членовъ познакомился со мною, потому что я искалъ учителя для дѣтей. *И. Л.*

смыслу столь порицаемых Вами русских законовъ, лицамъ лишеннымъ правъ состоянія.

«Обращаюсь теперь къ созданному самовольно праву Вашему рассказывать изъ-за моря всякую ложь безнаказанно, словомъ, къ той роли проповѣдника и преобразователя, которую Вы приняли на себя, облекшись въ тогу какъ бы народнаго героя и великаго реформатора, апостола истины. Но изъ 70-милл. народонаселенія Россіи Васъ лично знаетъ сотня-другая знакомыхъ Вашихъ, пожалуй, еще сотня-другая слышала про Васъ, и на вопросъ ея: кто Вы такой? непременно отвѣтитъ: «какой-то перебѣжчикъ, нарушитель присяги вѣрноподданничества, пишущій за границу всевозможно скверное про свое отечество, на потѣху иностранцамъ и для собственнаго существованія!». Славное поприще! И какое право есть за Вами заставить слушать себя народъ?

«Имя ли Ваше громко и извѣстно? Заслуги ли Ваши велики и славны? Знатность ли происхожденія (неважность котораго Вы сами изложили въ одной изъ книжекъ «Полярной Звѣзды») или другія особая качества съ заслуженнымъ вліяніемъ на массы народныя уполномочили Васъ на народную проповѣдь? Наконецъ, могли Вы соблазнить какую-нибудь праздную толпу къ выслушанію Васъ, увлекши торжественною программю Вашихъ рѣчей, но въ одномъ мѣстѣ изъ Вашихъ сочиненій, описывая свою біографію, Вы сами сознаетесь, что напитались сначала вольтеріанизмомъ, а потомъ сенъ-симонизмомъ, печатно отвергая основу всѣхъ вѣрованій, врожденныхъ даже и дикимъ народамъ, допуская въ своемъ изданіи проклятіе религіозныхъ обрядовъ въ стѣнахъ самой церкви, среди литургіи, называя Спасителя мѣра на крестѣ демагогомъ, едва не Коссидьеромъ, и признавая бытіе Бога гипотезой!.. Съ началами такихъ-то ученій и воззрѣній Вы вздумали говорить русскому народу, считая его своимъ роднымъ! Въ своихъ сочиненіяхъ Вы часто упоминаете о Маццини, Кошутѣ, Ледрю-Ролленѣ, Коссидьерѣ, Викторѣ Гюго, Прудонѣ, намекаете о связяхъ или сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, печатаете ихъ письма, какъ бы гордясь этимъ. Пожалуй, чего добраго, Вы возмнили быть достойнымъ стать въ уровень съ этими лицами! Нѣтъ, Вы не достигли даже и этой жалкой извѣстности. Первые два изъ приведенныхъ лицъ подвергались личнымъ опасностямъ за благородное, хотя, можетъ быть, и ошибочное стремленіе свое къ возстановленію независимости и народности въ своей отчизнѣ, угрожаемой, по ихъ мнѣнію, паденіемъ; остальные же крикуны и утописты за всѣмъ тѣмъ имѣютъ огромныя массы приверженцевъ, но кто же за Вами?.. Нѣсколько стихоплетовъ и журналистовъ, ищущихъ

этимъ средствомъ, среди молодежи, зараженной безмысленными проектами, набить себѣ карманъ,—и только!

«Не могу я также допустить и того, чтобы Вы сдѣлались счастливѣе, чѣмъ прежде. Вы бросили свою родину, своихъ друзей, родныхъ, вывели способы существованія—и все это для наслажденія злословить! Могли ли найти въ предпочтенныхъ Вами отечеству странахъ услажденіе, замѣну всѣхъ добровольныхъ потерь своихъ, полный покой сердца и ума? Полагаю, что тамъ, гдѣ Вы теперь находитесь, Вы не утолили своей внутренней жажды, но еще болѣе раздражили ее; чего бѣжали въ своемъ самообманываніи или заблужденіи изъ своей родины, то увидѣли на дѣлѣ на чужбинѣ. Вы нашли тамъ еще то, чего, конечно, не только что между дикими варварами, но и у самыхъ хищныхъ животныхъ не могли бы встрѣтить. Прочитайте донесеніе доктора Лестби о ужасахъ, господствующихъ среди самаго Лондона, а это отчетъ только за тринадцать недѣль, окончившихся 28 марта сего года. О разбояхъ на улицѣ, кражахъ и т. п. умалчиваю. Изъ этого-то вертепа Вы усиливаетесь омрачать Россію выдумками, ничѣмъ не подкрѣпленными, да и самое изложеніе это далеко не приблизительно къ тому, что совершается ежеминутно предъ Вашими окнами.

«Нѣтъ, милостивый государь мой, не такими путями достигается великое званіе истиннаго гражданина! Если бы все то, что иногда проявляется въ Вашихъ разсужденіяхъ какъ бы дѣльнымъ и благонамѣреннымъ, Вы осуществили бы это на законномъ служеніи отечеству собственнымъ примѣромъ, трудами, о, тогда каждый съ уваженіемъ произносилъ бы Ваше имя, а теперь изъ-за угла швыряете Вы камнемъ или просто напоминаете собою басню великаго Крылова: «Ай, да Моська!». Положивъ даже, что Вы далеко зашли, не можете сойти съ несчастной своей дороги, то и въ такомъ случаѣ, если бы Ваши заморскія замѣчанія, указанія были проникнуты христіанскою любовью, согрѣты неподдѣльнымъ патриотизмомъ, а не пропитаны желчью, злорадованіемъ при вѣсти о какой-нибудь бѣдѣ или ошибкѣ въ Россіи, и то только по Вашему лишь умозрѣнію,—тогда, все-таки, можно бы было узнать въ Васъ русскаго. Вѣдь, у насъ и безъ Васъ явился цѣлый рядъ писателей, любящихъ посмѣяться надъ дѣйствительно смѣшнымъ, выставить наружу все грязное, но подъ этой насмѣшливой, карающей зло маской можно видѣть истинное желаніе добра отечеству, и потому-то правительство не преслѣдуетъ такихъ поборниковъ общественной нравственности. Но Вы не выдержали характера: вмѣсто осужденія принципа, бросились пятнать лица, забывая, что этимъ Вы ничего не дѣлаете полезнаго отечеству, которому, по словамъ Вашимъ,

Вы, будто бы, хотите приносить пользу! Впрочемъ, я не наставникъ Вашъ,—вольному воля, а спасенному рай; первымъ Вы мечтаете быть, а послѣдняго не достигнете, отвергая возможность его. Что я не сержусь на Васъ за изданіе клеветы обо мнѣ, это доказываетъ то, что я отношусь къ Вамъ письмомъ; что Вы не унизили меня, это ясно изъ того, что Ваша клевета не можетъ быть никому опасна, и если Вы находите полезнымъ употреблять мое имя ради пресловутаго своего служенія отечеству, то продолжайте.

«Однакоже, я увлекся, хотя цѣль моя была вовсе не та, чтобы заводить ни къ чему не ведущую полемику (я вѣрю, что Вы можете отписаться), а только напомнить Вамъ исключительное Ваше положеніе, требующее имѣть корреспондентовъ болѣе вѣрныхъ, которые сами, скрываясь подъ анонимами, не ставили бы Васъ въ необходимость рано или поздно стать лицомъ къ лицу съ тѣми, въ коихъ рѣшаются направлять свое отвратительное жало! Надѣюсь, что письмо это найдетъ мѣсто въ Вашей «Полярной Звѣздѣ»; въ одномъ изъ ея нумеровъ Вы обѣщаете печатать все, что будетъ къ Вамъ адресовано, хотя бы несогласное съ Вашимъ убѣжденіемъ.

«Примите увѣреніе въ желаніи поправленія разстроеннаго Вашего нравственнаго здоровья и въ томъ уваженіи, которое Вы мнѣ внушаете.

С-Петербурѣгъ, 17 іюня 1857 г.

«P. S. Подписавъ это письмо въ іюнѣ мѣсяцѣ, я все оставался еще въ раздумьѣ: стоитъ ли посылать Вамъ его? Но это промедленіе окончательно убѣдило меня въ истинѣ моего заключенія и совершенно жалкой роли, Вами разыгрываемой, ибо такія вещи, какія Вы, по дошедшимъ до меня слухамъ, помѣщаете въ какихъ-то *юлосахъ* или *колоколахъ*, не могли выйти изъ головы, обладающей здравымъ разсудкомъ... Говорятъ, что Вы, придавъ себѣ всемогущій авторитетъ, постоянно требуете у кого-то объясненія: почему такое-то лицо, Вамъ не нравящееся, терпимо на службѣ? отчего не назначаютъ новыхъ министровъ? не принимаютъ мѣръ или не издають законовъ, согласныхъ съ личными Вашими видами? Одинъ у Васъ—дуракъ, другой—взяточникъ, словомъ, изъ русскихъ только и хороша одна Ваша личность да нѣсколько Вами избранныхъ. Право, Ваши *юлоса* походятъ на лай взбѣсившейся собаки или выгнаннаго изъ овчарни волка, а *колокола*—на бубенчики, печально бречащія, отбившихся отъ стада животныхъ и блуждающихъ въ лѣсахъ.

«Моя особа Васъ что-то сильно занимаетъ: то Вы заставляете меня бывать еженедѣльно у произведеннаго лично Вами изъ сенаторовъ въ члены государственнаго совѣта Мусина-Пушкина, для составленія *оппозиціи* противъ правительства, тогда какъ я ни разу въ жизни и не видалъ г. Мусина-Пушкина, равно какъ не знаю, кто такіе Елагинъ и Давыдовъ. А выраженіе *оппозиція*—просто нелѣпость; выходитъ по Вашему, что я—одно изъ первыхъ лицъ въ государствѣ по вліянію и могуществу. Видно, что Вы совсѣмъ не знаете Россіи, а только бредите о ней въ болѣзненномъ безпокойномъ снѣ. То опять Вы навязываете мнѣ проекты тайной полиціи собственнаго Вашего изобрѣтенія. Вообще, видно, что этотъ предметъ, то-есть тайная полиція, Васъ или, лучше сказать, Вашихъ достойныхъ корреспондентовъ очень интересуетъ въ подтвержденіе извѣстной поговорки: «На ворѣ шапка горитъ». Вѣроятно, Вы еще помните, что въ Россіи каждое вѣдомство дѣйствуетъ на основаніи своихъ учреждений, а моя настоящая служба (уже не по министерству внутреннихъ дѣлъ), исключая всякое участіе въ такъ называемой «la haute police», судя по выраженіямъ Вашимъ, вовсе Вамъ неизвѣстна. Еще Вы приписываете мнѣ счастливую карьеру со времени дѣла Петрашевскаго, вовсе не вѣдая 50-лѣтней моей службы, о которой, по нелѣпости Вашего выраженія, странно было бы отдавать Вамъ отчетъ письменно; лично объяснить Вамъ оную—другое дѣло. Этотъ промахъ съ Вашей стороны признается и всѣми Вашими сподвижниками. Итакъ, что слово Ваше, то бессмысленная и злобная ложь, личность.

«Вамъ очень хочется всѣхъ Вашихъ друзей à la Mazzini съ *товарищи* помѣстить въ управленіе Россіею. Нечего сказать, славное было бы правленіе,—но до этого блаженнаго времени Вы ограничились ролью извѣстнаго героя въ твореніи Сервантеса, съ тѣмъ только прогрессомъ, что онъ воевалъ съ мельницами, а Вы?

«Надѣюсь, что и этотъ P. S. Вы помѣстите вмѣстѣ съ письмомъ въ одномъ изъ Вашихъ образцовыхъ твореній.

С.-Петербургъ, ноября 1857.

И. Липранди».

Копія этого письма была дана на прочтеніе кому-то изъ правительства, кто написалъ въ началѣ на поляхъ: «по молвѣ, обзоръ («Разборъ» — М. Л.) писанъ А. А. Тучковымъ» (архивъ мин. вн. дѣлъ, бумаги Липранди, № 47).

КЪ № 1008. Въ копіяхъ, снятыхъ съ бумагъ гр. М. А. Корфа Н. К. Шильдеромъ и хранящихся въ Россійской Публичной библіотекѣ, находятся очень интересные документы.

Прежде всего—письмо Корфа, повидимому, къ кн. В. А. Долгорукову отъ 8 ноября 1857 года, послѣ получения въ Петербургѣ № 4 «Колокола» съ сочиненіемъ Герцена № 966:

«„Колоколъ“ въ рукахъ у государя, и друзья мои, конечно, не упустятъ этого добраго случая мнѣ услужить. Надо же чѣмъ-нибудь имъ противодѣйствовать—и вотъ я написалъ мой plaidoyer ¹⁾, который предаю на вашъ судъ, любезный князь. Помогите мнѣ здѣсь, какъ всегда. Очень чувствую, что бумага моя никуда не годится, потому что я никогда не упражнялся въ литературной полемикѣ, и у меня недостаетъ на такіе отпоры ни остроты, ни нужной дозы насмѣшливости. Очень чувствую, далѣе, что здѣсь нужны три условія: 1) *conserver ma dignité vis-à-vis d'un pareil être*, 2) *le couvrir de ridicule* и 3) *tout en le faisant au moyen de quelques traits incisifs, ne pas montrer de rancune personnelle* ²⁾; но какъ соединить эти условія—*that's the question* ³⁾. Ваше перо и ваша дружба мнѣ помогутъ. Вы, вѣроятно, бросите мою бумагу подъ столъ и напишете совсѣмъ новую. Одно, чего не надо упускать изъ виду: это бумага, собственно, для государя, а отнюдь не для публики. Вслѣдъ за моей бумагой вы найдете выписку изъ самой статьи Герцена; но дай Богъ вамъ ее прочесть: для выигрыша времени я написалъ ее съ большими сокращеніями».

Затѣмъ—письмо, полученное Корфомъ въ январѣ 1858 г.:

«Милостивый Государь, Вольная русская типографія въ Лондонѣ подъ управленіемъ Герцена въ будущемъ мѣсяцѣ начнетъ печатать разборъ вашей книги о восшествіи на престолъ покойнаго государя императора. Не знаю, останется ли какое-нибудь черное слово въ русскомъ языкѣ, которое не подпадетъ подъ станокъ при этомъ сочиненіи, а надо замѣтить, что книга эта чуть ли не лучшая изъ всего написаннаго Герценомъ—одинъ въ ней недостатокъ, это черезчуръ чрезмѣрное употребленіе брани противъ коронованнаго покойника; послѣ него первое мѣсто занимаете вы, какъ сочинитель; вотъ почему я обращаюсь именно черезъ васъ къ правительству со слѣдующимъ предложеніемъ:

«По сношеніямъ моимъ съ Герценомъ я имѣю возможность легко уничтожить его типографію, сплавивъ всѣ до одной литеры въ одну общую массу; послѣ этого онъ не будетъ имѣть ни воз-

¹⁾ Защитительная рѣчь.

²⁾ Сохранить свое достоинство въ сношеніяхъ съ подобнымъ человекомъ, сдѣлать его смѣшнымъ и достичь этой цѣли при помощи нѣсколькихъ ѣдкихъ штриховъ, не вызывая при этомъ личнаго озлобленія.

³⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ.

возможности, ни охоты закупать подобную провизию въ Россіи и во второй разъ провозить ее въ Англию, а въ Берлинъ ¹⁾, какъ вы знаете, ни «Колоколъ», ни «Полярная Звѣзда», ни разборъ книги вашей, вѣроятно, печататься не будутъ.

«Если правительство согласится выдать мнѣ 800 фунтовъ стерлинговъ вскорѣ послѣ уничтоженія типографіи и вышлетъ мнѣ 100 фунтовъ на издержки, т.-е. на уплату наличными двумъ людямъ, которые управляютъ станкомъ, то я по полученіи отъ правительства слова, денегъ и письма, исполню мною предлагаемое въ двухнедѣльный срокъ.

«Пишите мнѣ, если правительство найдетъ нужнымъ, не черезъ посольство, а прямо по адресу, который я прилагаю, и если можно, то скорѣе,—это дастъ возможность остановить «Полярную Звѣзду», которая теперь печатается. Вашъ покорный слуга *Альбертъ*. Адресъ мой: M-r Kent, 14, Queen Street, Plymouth, for Mr. Chernitzky. 9 января 1858 г. Портсмутъ».

Рукою Корфа на копіи письма (въ Публичной библиотекѣ копія съ копіи) написано: «Письмо это было оставлено мною безъ всякаго вниманія и только передано (въ подлинникѣ) шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову съ предложеніемъ переслать его самому Герцену; но, по докладу князя, государь велѣлъ письмо бросить».

Вопросъ о личности автора письма пока не можетъ быть рѣшенъ. Можно только утверждать, что оно не принадлежитъ Чернецкому: послѣдній написалъ бы свою фамилію правильно L. Czerniecki—основаніе чисто формальное; онъ былъ тогда искренно преданъ Герцену и такъ же искренно ненавидѣлъ русское правительство—основаніе психологическое.

Имя его даже являлось излишнимъ, разъ адресатъ былъ названъ—M-r Kent. Очевидно, это сдѣлано было для приданія письму большаго вѣса, такъ какъ прикосновенность Чернецкаго къ Вольной русской типографіи была извѣстна въ Россіи по неоднократнымъ на нее указаніямъ въ «Колоколѣ» и на обложкахъ другихъ изданій. Имя Альберта не носилъ тогда ни одинъ изъ прикосновенныхъ къ Герцену. Интересна еще одна подробность: вопреки утверженію корреспондента Корфа, книга о немъ—«14 декабря 1825 г. и императоръ Николай» 9 января была уже вся отпечатана и почти сброшюрована, а «Полярная Звѣзда» вовсе тогда не печаталась. Это или обнаруживаетъ малую освѣдомленность «Альберта» въ дѣлахъ типографіи, или должно наводить на мысль, что человекъ

¹⁾ Въ Европѣ только въ Берлинѣ есть русская типографія. А.

просто шантажировалъ русское правительство, надѣясь до отправки первыхъ экземпляровъ изъ Лондона урвать 1000 руб., а въ случаѣ неудачи—свалить все на Чернецкаго.

Тамъ же находится самовосхваленіе Корфа, составленное имъ какъ бы въ отвѣтъ Герцену, но незаконченное и снабженное такой помѣткой автора: «оставшееся, разумѣется, только въ рукописи и даже никому мною не показанное».

Когда въ Россіи прочли и книгу и статьи Герцена, Корфъ получилъ отъ Александра II слѣдующую записку, тоже скопированную Шильдеромъ:

«На бранныя слова Герцена совѣтую вамъ *плевать*, онъ большаго не заслуживаетъ. Вамъ же всѣ благородные люди останутся вѣчно благодарны за сохраненіе для потомства одной изъ самыхъ примѣчательныхъ страницъ нашей исторіи. О личной моей благодарности я не говорю—она вамъ давно извѣстна».

Опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
125	3 сн.	№ 1022	Гл. XXXII «Былого и думъ».
207	5 сн.	Аветриі	Австриі
303	18 св.	Ірквартъ	Іркхартъ

Цена 12 рублей

25

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка, 55, кв. 10; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 24), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.